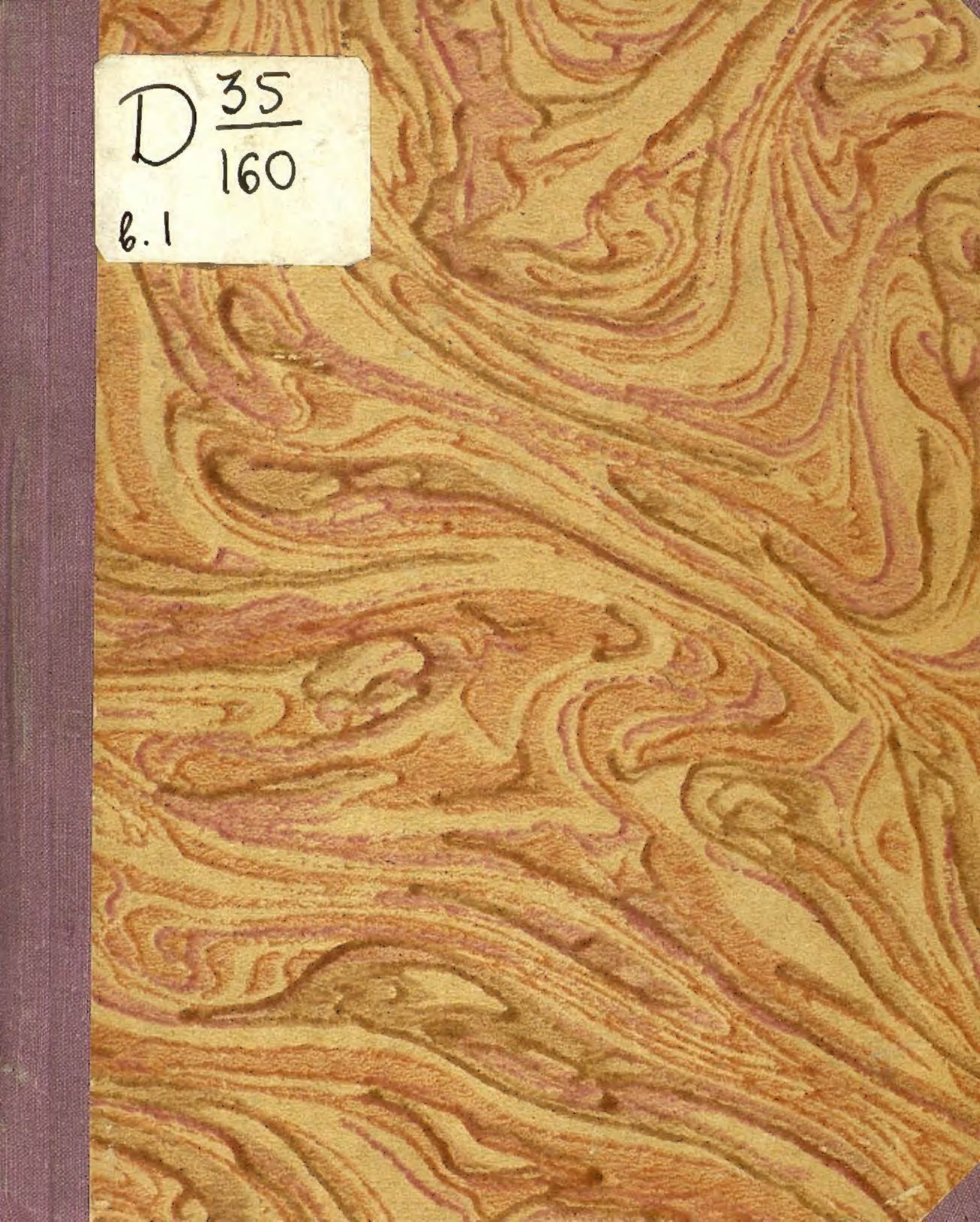

D 35/160
b. 1

ВРЕМЯ ЕКАТЕРИНЫ ВТОРОЙ.

СПЕЦІАЛЬНЫЙ КУРСЪ,

СОСТАВЛЕННЫЙ ПО ЛЕКЦІЯМЪ

В. С. ИКОННИКОВА,

ОРДИНАРНАГО ПРОФЕССОРА УНИВЕРСИТЕТА СВ. ВЛАДИМІРА.

ВЫПУСКЪ I.

КІЕВЪ.

Литографія Г. Розенталя, Бибик. бульв. д. проф. Горецкаго.

1881.

Оглавленіе.

В. Иконниковъ

Замѣченныя ошибки.

Стран:	— строка:	Написано.	Слѣдуетъ читать.
4.	— 10	считавшая	считала
"	— 10	но имѣвшая	но, имѣя
27	— 9	и	о.
38	— 3	голштей	голштейнъ
50	— 6	Фридриха	Россіи
"	— 7	Россіи	Фридриха
55	— 9	рано	она
62	— 20	цѣль	цѣлью
79	— 5	записки	записка
104	— 25	стороны	системы
134	— 4	сенатъ	синодъ
169	— 2	регенствъ	регентствъ
"	23	очеркомъ	почеркомъ
205	28	„они	что „они
214	14	княжнъ	княгинь
216	5	княжной	княгиней
228	17	и	а.
231	8	(Дашкову)	(Дашковой онъ писалъ въ Москву.
232	18-19	приняли	принимаютъ.
259	13-14	Генбриковой	Гендриковой
262	6	потомъ	а потомъ.

Введеніе. Очеркъ царствованія Петра III.

Лекція I.

<u>Кончина Елизаветы.</u> Елизавета Петровна скончалась 25-го декабря 1761 г. Еще наканунѣ, находясь въ полномъ сознаніи, она увѣщевала племянника любить подданныхъ и стараться пріобрѣсть ихъ расположеніе; умоляла его жить согласно съ женою и любить сына. Великій князь, какъ говорятъ современники (Кейтъ, англ. посланникъ въ своей депешѣ, La cour de Russie 178), обѣщалъ выполнить наставленія тетки. Въ манифестѣ, объявлявшемъ о восшествіи на престолъ Петра III, высказывалось намѣреніе слѣдовать „щедротамъ и милосердію тетки, Елизаветы Петровны, и мудрости дѣда, Петра Великаго" (П. С. Зак. XV, № 11,390). Но въ манифестѣ ни слова не упоминалось о новой императрицѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ, ни даже о сынѣ императора Павлѣ. Манифестъ былъ составленъ А. И. Глѣбовымъ, а не Волковымъ (см. письмо Волкова къ графу Гр. Гр. Орлову отъ 10 іюля 1762 г.),[1] какъ утверждаетъ Штелинъ, воспитатель Петра III.[2] Есть извѣстіе, что когда Петръ III объявлялъ гвардіи, то слышались даже слова: „слава Богу, наконецъ-то у насъ, послѣ столькихъ женщинъ, управлявшихъ Россіей, императоръ мужчина." (Рус. Старина 1871, т. III, переписка Петра III съ Фридрихомъ II).

---

1. Письма Волкова напечатаны въ Рус. Стар. 1874, т. XI, 471—489. Онъ же говоритъ, что Петръ III выразилъ даже неудовольствіе за то, что онъ, въ своемъ описаніи кончины Елизаветы и восшествія на престолъ Петра III (напеч. въ прибавл. къ Спб. Вѣдом. 1761 г.), назвалъ Екатерину государствующею императрицею. Ibid. 480.

2. Записки Штелина изданы въ Чтен. Моск. Общ. Ист. 1866, кн. IV и сборникѣ По-

духовные витіи (какъ напр. Дмитрій Сѣченовъ, архіеп. новгородскій), воспользовавшись совпаденіемъ Рождества Христова съ восшествіемъ на престолъ Петра III, дѣлали свои, не совсѣмъ приличныя сближенія; хотя, немного спустя, когда затронутъ былъ вопросъ объ имущественныхъ правахъ духовенства, они дѣйствовали уже иначе.

Личность и воспитаніе Петра III. При восшествіи на престолъ Петру III оканчивался 34 годъ. Воспитанный на военную ногу, въ веселой компаніи лицъ, окружавшихъ его, въ Голштиніи, онъ сжился съ этимъ кружкомъ, подражалъ ему въ кутежахъ и предавался игрѣ въ солдаты (militaire marotte, по выраженію Штелина). При этомъ онъ отличался слабостью физическою; но былъ добросердеченъ и легко поддавался вліянію. Въ дѣтствѣ ему представлялась шведская корона; и потому его обучали шведскому языку и укрѣпляли въ немъ лютеранскія понятія. Вышло иначе: ему досталась Россія, но онъ не могъ забыть ни голштинскихъ интересовъ, ни своихъ видовъ на шведскій престолъ, которымъ онъ часто попрекалъ свое новое отечество, стоявшее, по его мнѣнію мнѣнію, ниже Швеціи по образованію. Елизавета Петровна постаралась дать ему соотвѣтственное воспитаніе; но перемѣна религіи постоянна возмущала Петра III, онъ, можно сказать, остался такимъ же лютераниномъ, любилъ читать лютеранскіе молитвенники; къ наукамъ онъ не чувствовалъ охоты и занимался весьма плохо. Непостоянный и нетерпѣливый по характеру, онъ не могъ долго усидѣть на мѣстѣ. Ему приходилось передавать чтеніе урывками, болѣе въ видѣ бесѣдъ и курьезныхъ разсказовъ, напр. о физическихъ явленіяхъ, или играя, какъ наприм. математику, посредствомъ моделей и т.п. способовъ, занимательныхъ для дѣтей 6–7 лѣтъ, между тѣмъ какъ ученику бы-

---

година „Утро" 1868 года

лѣ уже 14-16 годъ. Объ этомъ подробно разсказываетъ Штелинъ въ своихъ запискахъ.[1] Впрочемъ профессоръ аллегоріи, Штелинъ и самъ былъ склоненъ къ подобнаго рода пріемамъ. Любимымъ занятіемъ наслѣдника престола были военныя экзерциціи. Женитьба его[2] не только не содѣйствовала перемѣнѣ его характера къ лучшему, но, напротивъ, произвела тотъ разладъ, который послужилъ въ концѣ концевъ причиною гибели для болѣе слабаго. Самая перспектива будущей власти казалась Петру необходимой лишь для того, чтобы унизить и наказать супругу за прошлое свое униженіе, а Голштиніи, съ помощью Фридриха II доставить торжество надъ Даніей за отнятый ею Шлезвигъ. Европа была полна въ то время разсказами о героическихъ дѣяніяхъ Фридриха II. Семилѣтняя война только подняла его авторитетъ, а голштинцы, наѣзжавшіе въ Петербургъ, съ восторгомъ разсказывали о подвигахъ короля прусскаго. Петръ рѣшительно сталъ высказываться въ пользу послѣдняго, какъ бы наперекоръ, въ то время, когда русскіе, принимавшіе дѣятельное участіе въ этой войнѣ, должны были преодолѣвать значительныя препятствія или готовить новыя силы для борьбы съ врагомъ. Даже въ конференціи, обсуждавшей вопросъ о войнѣ, Петръ III не скрывалъ своихъ симпатій и отказывался подписывать протоколъ конференціи противъ Фридриха. (Зап. Штелина; а по другимъ иностраннымъ извѣстіямъ, онъ сообщилъ будто бы Фридриху и о на-

---

1.- Подробная біографія Штелина въ Ист. Акад Наукъ, Пекарскаго I, 538-567.

2.- На принцессѣ ангальтъ-цербстъ-бернбургской - Софіи-Августѣ-Фридерикѣ, названной по мѵропомазаніи Екатериною Алексѣевною. Бумаги, касающіяся ея родителей и пріѣзда въ Россію см. въ "XVIII вѣкѣ", издан. Бартеневымъ, т. I.

мѣреніяхъ русскаго правительства (Раумеръ, II, 406, Германнъ, V, 131). Пользуясь такимъ настроеніемъ наслѣдника, Бестужевъ Рюминъ задумалъ устранить Петра отъ престола, съ тѣмъ, чтобы передать послѣдній его сыну, подъ опекою матери. Но это не удалось и Бестужевъ былъ сосланъ[1]. Екатерина въ одной изъ своихъ записокъ разсказываетъ (Рус. Арх. 1863) что Шуваловъ передъ кончиною Елизаветы думалъ о томъ же, но потомъ измѣнилъ свой планъ и перешелъ на сторону Петра III. О первомъ ихъ замыслѣ есть намекъ и въ письмѣ И. И. Шувалова къ гр. Г. Г. Орлову (Рус. Арх. 1867, стр. 90). Елизавета, хотя и считавшая Петра неспособнымъ къ правленію (Рус. Арх. 1863, 383), но имѣвшая обыкновеніе откладывать важные вопросы на долгое размышленіе, не могла свыкнуться съ мыслью объ устраненіи Петра отъ престола и, говорятъ (Германнъ V, 243), даже не совѣтывала ему возвращать изъ ссылки Бестужева, какъ главнаго заводчика послѣднихъ интригъ.

Личный характеръ Петра III проявился съ первыхъ же дней его царствованія и онъ оставался вѣренъ себѣ до конца. Это была страстная, порывистая натура, иногда доходившая до забвенія всего, даже государственныхъ интересовъ и обладавшая въ значительной степени добротою и великодушіемъ.

Первыя распоряженія Петра. Первымъ дѣломъ его было сослужить службу „своему господину", какъ онъ называлъ Фридриха II,[2] и потому въ

1.— Подробно это дѣло разсмотрѣно М. И. Семевскимъ въ его статьѣ: „Противники Фридриха Великаго", главы 3–6, въ Воен. Сборникѣ 1862 г. и у Соловьева Ист. Россіи, т. XXIV, гл. III.

О ссорѣ Бестужевымъ Петра съ Елисав. Петр., говорятъ современники Рус. Стар. 1878, т. XXIII, 192.

2.— Дальновидный Фридрихъ II зналъ какая роль готовится Петру и потому

ту же ночь онъ разослалъ курьеровъ во всѣ мѣста, гдѣ находились русскія войска — о прекращеніи военныхъ дѣйствій противъ него. Д. В. Волковъ составилъ предписаніе генераламъ о заключеніи перемирія, если пруссаки будутъ просить о томъ, а Чернышеву велѣно было отдѣлиться отъ австрійскихъ войскъ. На другой день, утромъ, Петръ самъ сообщилъ объ этомъ, подъ секретомъ, англійскому послу Кейту (179—180). Съ извѣщеніемъ о смерти Елисаветы къ принцу ангальтцербстскому былъ отправленъ любимецъ Петра, Андрей Васильевичъ Гудовичъ, малороссъ по происхожденію, нѣмецъ по образованію. Гудовичъ успѣлъ завернуть и къ Фридриху II, чтобы заявить о преданности ему Петра III, который, отпустивъ изъ Россіи болѣе важныхъ прусскихъ плѣнныхъ, просилъ короля прислать въ Петербургъ своего представителя, притомъ непремѣнно военнаго. Фридрихъ отправилъ своего адъютанта, умнаго и чрезвычайно ловкаго полковника фонъ-Гольца. Вскорѣ между императоромъ и королемъ завязалась самая радушная переписка.[1] Чтобы еще болѣе выказать свое расположеніе къ Фридриху, Петръ распорядился, чтобы русскіе (въ Помераніи) передали свои магазины пруссакамъ, а Чернышевъ перешелъ съ своимъ корпусомъ изъ Силезіи на Вислу; прусскимъ плѣннымъ императоръ оказалъ пособіе и велѣлъ отпустить ихъ изъ Россіи. Впрочемъ и Фридрихъ еще прежде распорядился освободить русскихъ плѣнныхъ (Herrm. Gesch. des Russ. Staats, и Семевскій: Шесть мѣсяцевъ изъ русской исторіи, въ Отеч. Зап. 1867 г.).

<u>Общая амнистія.</u> Въ то же время императоръ старался привлечь къ себѣ расположеніе [illegible] милости. Онъ распорядился вернуть изъ Си-

---

заблаговременно льстилъ его самолюбію своими похвалами, говоритъ Линаръ (Германнъ, V, 116).

1. — Она напеч. въ Р. Старинѣ, 1871, III, стр. 283—309. Письма Фридриха и Петра писаны по франц., а въ составленіи послѣднихъ несомнѣнно принималъ участіе Волковъ.

тра многихъ пострадавшихъ въ предшествовавшее царствованіе, а число ихъ было весьма велико, такъ какъ извѣстно, что Елисавета отмѣнила смертную казнь, вслѣдствіе чего другія, замѣнявшія ее наказанія, были усилены. По иностраннымъ (часто впрочемъ невѣрнымъ) извѣстіямъ, число наказанныхъ кнутомъ, заклейменныхъ, потерявшихъ ноздри, сосланныхъ въ каторгу съ 1741-61 г. простиралось до 80,000 чел. Изъ нихъ около 20,000 было возвращено при Петрѣ III. За одно корчемство было сослано при Елисаветѣ, по словамъ Щербатова, до 15,000 чел. (О поврежд. нравовъ, стр. 64), возвращенныхъ однако по указу Елисаветы; а изъ одной записки Екатерины II, найденной Соловьевымъ въ госуд. архивѣ, видно, что на смертномъ одрѣ Елисаветою было освобождено 17,000; но при коронаціи Екатерины II оставалось въ ссылкѣ еще 8,000. (Соловьевъ, XXV, примѣч. 5). Въ числѣ возвращенныхъ Петромъ III были: Минихъ съ сыномъ, Лестокъ, Менгденъ, Лиліенфельдъ, Наталія Лопухина. Впрочемъ только Миниху позволено было вернуться въ Петербургъ.

Въ то же время велѣно было прекратить слѣдствія надъ губернаторами: Салтыковымъ и Пушкинымъ, надъ пензенскимъ воеводою Жуковымъ и др. Въ началѣ марта разрѣшено было явиться изъ Ярославля въ Петербургъ и Бирону съ семействомъ. Минихъ скоро занялъ видное мѣсто при императорѣ; вмѣсто конфискованнаго дома ему былъ купленъ другой. Еще въ первый день царствованія канцлеръ Воронцовъ, въ докладѣ напомнилъ императору о возвращеніи Лестока, но онъ забылъ сдѣлать тоже о бывшемъ соперникѣ своемъ, Бестужевѣ-Рюминѣ, а самъ императоръ не съумѣлъ возвыситься въ этомъ случаѣ до забвенія личныхъ обидъ. Говорятъ онъ заявилъ Воронцову, Волкову и Глѣбову, что подозрѣваетъ Б.-Рюмина въ замыслахъ съ его женою и припомнилъ завѣщаніе Елис. Петр. (Соловьевъ, т. XXV), совѣтывавшей ему быть осторожнымъ съ павшимъ канцлеромъ. Впрочемъ здѣсь могло и-

имѣть мѣсто и вліяніе Волкова, какъ одного изъ виновниковъ паденія Бестужева (см. въ статьѣ Семевскаго: Противники Фридриха II).

<u>Ежедневныя занятія Петра III.</u> Отличаясь веселымъ нравомъ, Петръ III на первыхъ порахъ измѣнилъ физіономію двора, повергнутаго въ апатію за послѣдніе годы царствованія Елисаветы Петровны. Петръ вставалъ рано, въ прусскомъ мундирѣ являлся къ ежедневному разводу, а прусскій орденъ служилъ постояннымъ его украшеніемъ. Одѣваясь, онъ балагурилъ съ своими генералами и адъютантами, пилъ кофе и курилъ трубку, выслушивалъ новости, даже отъ придворной прислуги и быстро приступалъ къ исполненію, если разсказъ вызывалъ какое нибудь распоряженіе. Въ 8 ч. утра онъ принималъ уже съ докладами тайнаго секретаря Волкова, генералъ-прокурора сената А. И. Глѣбова, президентовъ коллегій и др. лицъ. Въ первое время этихъ докладовъ было много, такъ какъ новый государь принималъ самое дѣятельное участіе въ управленіи. Конференція, сосредоточивавшая въ себѣ управленіе внутренними и внѣшними дѣлами при Елисаветѣ, была вскорѣ упразднена (28 янв. 1762 г.), а дѣла ея были переданы коллегіямъ и сенату. Иногда въ кабинетѣ государя появлялась и Екатерина. Въ 11 часовъ онъ отправлялся на площадь для военнаго парада. Военные приняли прусскую обмундировку и правила прусской военной службы. Старые генералы, какъ Минихъ, Никита Юрьевичъ Трубецкой, угодливый служака 7-ми царствованій, гр. Кириллъ Разумовскій, никогда не владѣвшій шпагою, должны были присутствовать и принимать участіе въ военныхъ экзерциціяхъ. Затѣмъ слѣдовало посѣщеніе сената, синода, коллегій, фабрикъ и т. п. учрежденій. Петръ III обратилъ вниманіе на синодъ, предоставленный самому себѣ въ царствованіе Елисаветы, принялъ подъ свое покровительство фабрику гобелиновъ, основанную Петромъ В.; обратилъ вниманіе на монетное дѣло. Обѣды императора были всегда многолюдны и шумны; онъ самъ говорилъ много и громко, такъ что голосъ его, по

словамъ Волкова, слышался за нѣсколько комнатъ. Здѣсь-то зачастую проговаривался онъ о своихъ реформахъ, которыя не всегда нравились окружающимъ. Екатерина рѣдко присутствовала въ этомъ обществѣ; но за то въ немъ часто стала появляться, возведенная въ статсъ-дамы, племянница канцлера Воронцова, Елисавета Романовна Воронцова[1].

Близкій кружокъ Петра III. Обыкновенно интимный кружокъ Петра III состоялъ изъ слѣдующихъ лицъ: принца голштейнъ-готторпскаго Георга Людвига, принца голштейнъ-бекскаго Петра-Августа-Фридриха, оберъ-гофъ-маршала Александра Александровича Нарышкина, оберъ-шталмейстера Л. Ал. Нарышкина, генералъ-адъютантовъ государя: Алексѣя Петровича Мельгунова, Андрея Васильевича Гудовича, барона Унгернъ-Штернберга; кромѣ того, Ив. Ив. Шувалова, кн. Барятинскаго, Мих. Мих. Измайлова, гетмана гр. К. Г. Разумовскаго, кн. Н. Ю. Трубецкаго, сенатора гр. Р. Л. Воронцова, генералъ-полицмейстера Н. А. Корфа и др., а также нѣкоторыхъ изъ придворныхъ дамъ. Нерѣдко за столомъ появлялись и возвращенные изъ ссылки. Пуншъ, табачный дымъ, билліардъ, карты, шахматы и любимая игра государя въ кегли занимали остальное время дня. Тѣ же лица приглашались и къ вечернему столу или принимали государя у себя.

По вступленіи на престолъ Петръ III немедленно выписалъ свою родню. Принца Георга онъ сдѣлалъ русскимъ фельдмаршаломъ и желалъ отдать ему Курляндскій престолъ. Даже сыновьямъ его императоръ оказывалъ больше предпочтенія, чѣмъ своему собственному сыну. Дядя императора не отличался способностями, какъ и принцъ-бекскій, Петръ-Августъ-Фридрихъ, также русскій фельдмаршалъ и губернаторъ Петербурга. „Но до-

---

1.– О пожалованіи ей оберъ-гофмейстеринѣ Е. Р. Воронцовой значительныхъ имѣній изъ деревенъ импер. Елис. Петр. см. указъ въ Рус. Стар. 1877, XIX, 558.– Императоръ собственноручно возложилъ на нее Екатерининскую ленту, Рус. Арх. 1878, II, 288.—

вольно, замѣчаетъ польскій министръ Брюль, быть въ какомъ либо свойствѣ съ голицынскою фамиліей, чтобы прослыть способнымъ и къ государственной, и къ военной дѣятельности". (Чт. V, 237).

Болѣе заслуживаютъ вниманія другія лица въ кружкѣ Петра III. Здѣсь прежде всего слѣдуетъ упомянуть о Дмитріи Васильевичѣ Волковѣ. Онъ былъ хорошо образованъ, владѣлъ иностранными языками и бойкимъ перомъ. Онъ образовался въ званіи домашняго секретаря Бестужева-Рюмина, который нерѣдко возлагалъ на него серьезныя порученія. Проигравшись въ карты, Волковъ было скрылся, но получилъ прощеніе и, при участіи Шуваловыхъ, занялъ мѣсто секретаря въ конференціи, соотвѣтствовавшее званію государственнаго секретаря. Враги Бестужева не ошиблись въ этомъ выборѣ. Волковъ явился потомъ опытнымъ дѣлопроизводителемъ по обвиненію самого канцлера. По словамъ же Гельбига онъ обнаружилъ замыслы Бестужева-Рюмина о лишеніи Петра III престола[1]. Быть можетъ это обстоятельство и послужило причиною возвышенія Волкова при Петрѣ. Въ упомянутомъ нами письмѣ къ Г.Г. Орлову, Волковъ, передавая свою біографію, заявляетъ (что подтверждается и камеръ-фурьерскимъ журналомъ), что онъ уклонялся отъ придворныхъ пировъ императора; но затѣмъ, когда дѣло шло о составленіи указовъ, то Волковъ былъ первымъ совѣтникомъ и правою рукою императора. 30 янв. 1762 г. онъ былъ пожалованъ въ тайные секретари послѣдняго; затѣмъ „за особое усердіе" возведенъ въ члены иностранной коллегіи, съ прибавкою къ содержанію, а съ учрежденіемъ въ маѣ 1762 г. императорскаго совѣта сталъ и его членомъ; на его имя присылались пу-

---

1.- Бестужевъ говоритъ: „Волковъ почти мной изъ младенчества воспитанъ и въ люди произведенъ, а наконецъ, при моемъ несчастіи, первымъ злодѣемъ мнѣ сдѣлался". Питомники Фридриха II, Семевскаго, 146.

за рапорты и реляціи, а по словамъ Бюшинга, онъ дѣйствительно управлялъ умами всѣхъ членовъ и дѣлалъ, что хотѣлъ. Нѣсколько мѣсяцевъ спустя онъ старался совсѣмъ измѣнить взглядъ новаго правительства (послѣ переворота Екатерины II) на свою предшествовавшую дѣятельность: отказывался онъ прежнихъ своихъ дѣйствій и выставлялъ только одни бездѣйствія, перенесенныя имъ лишь потому, что онъ не хотѣлъ будто-бы исполнять возложенныхъ на него порученій[1]. Волковъ не отличался безусловною честностью, но былъ умѣреннѣе другихъ. Въ иностранныхъ извѣстіяхъ есть указаніе на его участіе вмѣстѣ съ Мельгуновымъ въ дѣлѣ откупщиковъ (Чтен. V, 261-262), за что послѣдній подвергся наказанію[2]. Въ это время и ранѣе И. И. Шуваловъ считалъ необходимымъ обращаться за покровительствомъ къ Волкову (Рус. Бесѣда 1861, II, 228-232).

Александръ Ивановичъ Глѣбовъ, другой замѣтный дѣятель, возвысился еще въ царствованіе Елисаветы, благодаря П. И. Шувалову, и, чтобы упрочить свое положеніе, женился на родственницѣ императрицы Чоглоковой, хотя послѣдняя находилась въ исходѣ чахотки и вскорѣ умерла. Немедленно по вступленіи на престолъ Петръ III уволилъ отъ званія генералъ-прокурора честнаго кн. Шаховскаго и его мѣсто занялъ Глѣбовъ, который является теперь постоян-

---

1.- Онъ говоритъ, что его подозрѣвали въ сношеніяхъ съ австр. посломъ Мерси и составленіи хвалебной реляціи о взятіи Кольберга, онъ заявляетъ, что онъ оспаривалъ мирныя условія съ Пруссіею и содѣйствовалъ заключенію ихъ въ пользу Россіи. Принцъ Георгъ, будучи пьянъ, публично сказалъ ему во дворцѣ, что онъ составилъ проектъ выгнать изъ Россіи всѣхъ нѣмцевъ. Рус. Стар. XI, 480-482.

2. Екатерина II въ своихъ замѣчаніяхъ на книгу аббата Денины, говоритъ, что оберъ-гофмейстеръ Нарышкинъ, Мельгуновъ и Волковъ потерпѣли-

нымъ участникамъ въ управленіи этого государя. Брюль слѣдующимъ образомъ отзывается о немъ: „Глѣбовъ, человѣкъ съ головою, плыветъ обыкновенно по теченію и умѣетъ быть пріятнымъ; такъ какъ онъ пользуется большимъ значеніемъ и по самому положенію своему въ сенатѣ и имѣетъ большой вѣсъ, то во всѣхъ внутреннихъ дѣлахъ этотъ человѣкъ является всемогущимъ." Брюль называетъ его главнымъ дѣятелемъ по внутреннимъ дѣламъ и соперникомъ Волкова. Брюль, присланный польскимъ королемъ по случаю восшествія на престолъ Петра III, былъ дурно принятъ послѣднимъ. (Донес. Брюля напечатаны Германомъ въ V.). Глѣбовъ дѣйствительно былъ человѣкъ искательный, честолюбивый и корыстолюбивый. Волковъ его терпѣть не могъ.[1]

Нечестныя дѣла Глѣбова были хорошо извѣстны многимъ. Московскій купецъ Еврейновъ, чтобы получить привилегію на исключительную продажу за границу льняного сѣмени, заплатилъ Глѣбову 18,000 р. Онъ позволялъ себѣ захваты башкирскихъ земель; онъ покрывалъ дѣйствія извѣстнаго слѣдователя въ Сибири Крылова, дѣло котораго разрѣшилось только въ царствованіе Екатерины II, когда на Глѣбова послѣдовала масса жалобъ (Рус. Арх. 1863, 400 и 1865, 343, Чтен. моск. общ. ист. 1858. и сборникъ рус. ист. общ. VI). Онъ не разбиралъ средствъ для своихъ честолюбивыхъ цѣлей, какъ указываетъ Щербатовъ въ своемъ сочиненіи: о поврежденіи нравовъ въ Россіи (стр. 77).

позорное наказаніе въ Ораніенбаумѣ, во время пребыванія тамъ дипломатическаго корпуса, причемъ Кейтъ выразилъ свое негодованіе графинѣ Брюсъ. Рус. Арх. 1878, II, 288.

1) Глѣбовъ, писалъ онъ, неоднократно ко мнѣ присылалъ искать моей дружбы; но я всегда отвѣчалъ, что дружба возстановляется временемъ. А обиду сдѣлалъ я ему только ту, что жаловался на него императору въ томъ, что онъ, Глѣбовъ, завидствуя указу о коммерціи, сдѣлалъ плутовскую передачу: за подряженный хлѣбъ на армію и чрезъ подрядчиковъ умышленно утаилъ, кои деньги бралъ, а обо всемъ томъ увѣдомилъ меня подробно Н.И. Костюринъ. Дѣло здѣсь объ указѣ 28 марта 1762. составл. Волковымъ.

Къ той же группѣ близкихъ людей къ Петру III принадлежалъ и третій любимецъ Петра Алексѣй Петровичъ Мельгуновъ. Онъ выдвинулся въ царствованіе Елисаветы по дружбѣ съ И. И. Шуваловымъ. Воспитанникъ 1го кадетскаго корпуса, откуда вышли многіе государственные дѣятели XVIII в., онъ былъ любитель книгъ и искусствъ, а въ корпусѣ образовался на нѣмецкомъ языкѣ и литературѣ. Съ 1756 г. онъ былъ директоромъ корпуса, шефомъ котораго въ 1759 г. назначенъ былъ великій князь Петръ. Это и послужило къ ихъ сближенію. При Петрѣ III Мельгуновъ является постояннымъ его спутникомъ, получаетъ за нимъ подъ Петербургомъ и 1000 душъ крестьянъ. Брейль указываетъ на сотрудничество его съ Волковымъ и на симпатію обоихъ къ прусскому королю; но отзывы Волкова объ этомъ мы уже знаемъ. Дѣйствительно Мельгуновъ принимаетъ участіе въ веденіи иностранныхъ дѣлъ и военныхъ реформахъ императора. Въ ряду другихъ Мельгуновъ выдавался своимъ образованіемъ.

Въ числѣ близкихъ людей до конца царствованія Петра III оставался Николай Андреевичъ Корфъ, выполнявшій важныя порученія при Елисаветѣ: онъ привезъ Петра изъ Киля; отвозилъ въ ссылку брауншвейгскую фамилію; былъ Кенигсбергскимъ генералъ-губернаторомъ во время 7-лѣтней войны. Любезный и пріятный въ придворномъ кругу, онъ былъ горячъ и нерѣдко грубъ въ отношеніи къ подчиненнымъ, по словамъ Болотова. Какъ человѣкъ образованный, онъ покровительствовалъ русскимъ студентамъ, учившимся за границею. Однако важный постъ его при Петрѣ III (онъ былъ генералъ-полицмейстеромъ столицы) не спасъ положенія въ минуту опасности. Корфъ былъ слишкомъ придворный человѣкъ и много посвящалъ времени личнымъ отношеніямъ, чтобы хорошо знать тайны заговора, совершающагося за его спиною; а чтобы обезопасить себя на случай бѣды, онъ нерѣдко посѣщалъ и апартаменты Екатерины.

Группѣ Петра принадлежала семья Нарышкиныхъ.

Старшій изъ нихъ Алексѣй Александровичъ былъ оберъ-гофмаршаломъ, а младшій, Левъ-шталмейстеромъ. Послѣдній своимъ веселымъ нравомъ вполнѣ подходилъ къ избранной компаніи. Беспощадный въ своихъ приговорахъ и суровый моралистъ, историкъ Щербатовъ говоритъ о немъ, какъ о любимцѣ Петра, человѣкѣ умномъ, но умъ котораго не направлялся къ дѣлу, трусливомъ, жадномъ къ почестямъ и корысти и по обращенію своему и шутливому тону болье годномъ быть придворнымъ шутомъ, чѣмъ вельможею.

Но постояннымъ спутникомъ и собесѣдникомъ Петра III былъ голштинскій камергеръ и полковникъ Андрей Васильевичъ Гудовичъ, выше другихъ стоявшій въ нравственномъ отношеніи. Еще при Елисаветѣ Петръ Ѳед. не разъ хлопоталъ по его дѣламъ; въ новый 1762 годъ онъ пожаловалъ его въ генералъ-адъютанты. Преклоненіе Гудовича передъ Фридрихомъ II и знаніе нѣмецкаго языка вполнѣ сблизило его съ императоромъ. „Гудовичъ, говоритъ Болотовъ, былъ первымъ любимцемъ императора и столь близкимъ къ нему человѣкомъ, что почти не отходилъ отъ него ни пяди". Почти такимъ же расположеніемъ пользовался и баронъ Унгеръ-Штернбергъ, сблизившійся съ Петромъ Ѳед. по службѣ въ кадетскомъ корпусѣ.

Изъ другихъ лицъ, видныя мѣста при Петрѣ III занимали: фонъ-Брокдорфъ, генералъ-лейтенантъ голштинской службы, имѣвшій вліяніе на Петра до вшествія его на престолъ; генералъ-фельдцейхмейстеръ Вильбуа; гр. Юрій Юрьевичъ Броунъ, генералъ-губернаторъ Лифляндской губерніи, отличавшійся прямотою характера; генералъ-аншефъ гр. Петръ Борисовичъ Шереметьевъ, сынъ фельдмаршала при Петрѣ В., знаменитый своимъ богатствомъ; гр. Александръ Сергѣевичъ Строгановъ, женатый на дочери канцлера Воронцова. Петръ вызвалъ и приблизилъ къ себѣ также гр. П. А. Румянцова, отличившагося въ послѣднее время взятіемъ Кольберга, за его почитаніе таланта Фридриха II. Постъ вице-канцлера былъ предоставленъ кн. Александру Михайловичу Голицыну, бывшему до сихъ

поръ посломъ въ Англіи. Фамилія Воронцовыхъ пользовалась особою [illegible] склонностью императора по близкимъ отношеніямъ его къ Е. Р. Воронцовой. Но канцлеръ, при всемъ томъ, не пользовался прежнимъ значеніемъ въ иностранной политикѣ; Воронцовъ, который одинъ изъ иностранныхъ пословъ (Неч... I, 264), не рѣшился оставить свой постъ въ виду [illegible] разстройства своихъ домашнихъ дѣлъ отъ расточительности причудливой жены его (урожд. Скавронской) и потому держать себя совершенно самостоятельно, что имѣетъ [illegible] за собою хотя наружные знаки вниманія. Его мнѣнія не только не спрашивали въ дѣлахъ самой первой важности, и онъ узнавалъ о нихъ только уже тогда, когда имъ надо было придавать окончательную форму. Императоръ называлъ его „[illegible]", вышибалъ глубокіе поклоны и въ то же время осмѣивалъ его, когда тотъ подавалъ какое-либо мнѣніе или дѣлалъ возраженія. Его упрекали въ слабости, лѣности, тупости и постоянной зависимости отъ другихъ". Такъ держалъ себя Елизаветинскій канцлеръ; впрочемъ, въ критическій моментъ [illegible] отношеній, возникшихъ при Петрѣ III, онъ рѣшился, хотя слабо, обнаружить долю самостоятельности, но объ этомъ впереди.

Другой любимецъ Елизаветы — <u>И. И. Шуваловъ</u> успѣлъ устроиться [illegible] другихъ. Во время преслѣдованія опасность для вел. князя со стороны Бестужева-Рюмина, Шуваловы воспользовались теперь новыми милостями. Гр. Александръ и Петръ Ивановичи были возведены въ генералъ-фельдмаршалы. Впрочемъ послѣдній вскорѣ умеръ, а первый успѣлъ получить еще 2000 крестьянъ. Ив. Ив. получилъ начальство надъ обоими корпусами — морскимъ и сухопутнымъ. Онъ старался сблизиться съ новыми фаворитами, Мельгуновымъ и Волковымъ, заискивалъ и подлаживался къ послѣднему и старался усвоить нравы новаго двора.

Духъ наградъ распространился и на гвардейскихъ офицеровъ. Ихъ производили [illegible], что нѣкоторые успѣвали пріобрѣсть въ теченіе одной недѣли по нѣсколько чиновъ. Такая же щедрость расточалась и на граж-

ские чины. Даже камердинеръ императора, голштинскій камергеръ Александръ Брессанъ, имѣвшій впрочемъ порядочное образованіе, удостоился званія русскаго дворянина и болѣе 1000 душъ крестьянъ, а потомъ подъ его завѣдываніе были отданы всѣ фабрики. Такова была физіономія новаго двора, управлявшаго судьбою Россіи.

Внутреннія распоряженія Петра III. Относительно внутреннихъ распоряженій Петръ III озаботился уменьшеніемъ цѣны на соль и высказалъ желаніе ввести вольную торговлю солью (см. у Мерси д'Аржанто донесенія. Сборн. рус. ист. общ. т. XVIII); велѣлъ углубить и исправить кронштадскую гавань и окончить рогервикскую, соединить каналомъ р. Волховъ и Ильмень съ Невою. Императоръ самъ разсмотрѣлъ планы и одобрилъ ихъ, приказавъ, чтобы работы производились вольными людьми. Сенату поручено было озаботиться улучшеніемъ петербургскихъ построекъ, т. е. замѣною по возможности деревянныхъ зданій каменными. Сенату вмѣстѣ съ Синодомъ предложено было имѣть совѣщанія о монастырскихъ крестьянахъ. Въ тоже время Петръ высказалъ намѣреніе даровать вольности дворянамъ, а именно право служить имъ или не служить, гдѣ и сколько пожелаютъ; лишь бы являлись въ военное время на службу, какъ это было въ Курляндіи, откуда такимъ образомъ былъ заимствованъ примѣръ дворянскихъ вольностей. Говорятъ, Глѣбовъ поспѣшилъ по этому поводу прислужиться, предложивъ сенату воздвигнуть отъ имени дворянства золотую статую императора. Но государь, по извѣстію нѣмецкой біографіи Петра III (Biographie Peter's des Dritten, Tübingen, 1808, II, 16), отвѣчалъ: „сенатъ можетъ сдѣлать лучшее употребленіе изъ золота, а я своимъ царствованіемъ надѣюсь воздвигнуть себѣ лучшій памятникъ въ сердцахъ моихъ подданныхъ".

Манифестъ о вольности дворянства. Только спустя мѣсяцъ, именно 18 февр., грамота о вольности дворянства была обнародована (полн. собр. зак. XV, № 11,444). Въ ней заявляется, что со времени Петра.

Вел. необходимо было понуждать дворянство къ службѣ, безъ чего послѣдняя была бы въ постоянномъ убыткѣ; но теперь такой надобности нѣтъ. Дворянинъ сталъ цѣнить уже и службу, и образованіе, поэтому ему предоставляется полное право служить или не служить, жить въ Россіи или за границею, лишь бы онъ являлся по первому требованію (подъ страхомъ секвестра имѣній). Отставки запрещались въ военное время и за 3 мѣсяца до кампаніи. Но при этомъ дворянству напоминалась необходимость заботиться объ образованіи дѣтей, въ противномъ случаѣ чиновные лишались права пріѣзда ко двору и въ торжественныя собранія, и только для свѣдѣнія дворяне обязаны были, по минованіи 12-лѣтняго возраста сыновей, объявлять объ ихъ обученіи. Дворянамъ, у которыхъ было не болѣе 1000 душъ крестьянъ, предоставлялось опредѣлить сыновей прямо въ шляхетскій корпусъ. Актъ этотъ узаконялся навсегда, какъ основаніе самодержавнаго начала.

Мысль о вольностяхъ дворянства была не нова въ русской исторіи. Во время борьбы съ верховниками дворянство также касалось общихъ своихъ правъ и требовало льготъ. Въ послѣдующее время мы видимъ рядъ попытокъ создать права дворянства. Историкъ Татищевъ, И.И. Шуваловъ, Воронцовы и др. мечтаютъ о нихъ. Въ проектѣ И.И. Шувалова 1750 г. заявлялась необходимость ограничить конфискацію имѣній только благопріобрѣтенныхъ имуществъ, а не родовыхъ; изъять дворянъ отъ безчестной политической казни (кнута и плетей); ограничить службу дворянъ 26ю годами, считая съ 20 лѣтняго возраста (Бумаги И.И. Шувалова. Рус. Арх. 1867, 84-85). Воронцовы, Мельгуновъ, Волковъ были склонны къ этой мысли, а, по словамъ Штелина (стр. 98), Петръ III, еще при жизни Елисаветы, весьма часто говорилъ о томъ, что было приведено теперь въ исполненіе. По словамъ же Щербатова чаще всего напоминалъ Петру объ этомъ гр. Р. Л. Воронцовъ. Зная отношенія этой фамиліи и особенно Елисаветы Романовны Воронцовой къ Петру, легко понять почему отецъ ея такъ хотѣлъ расположить къ себѣ дворянство. Затѣмъ, въ нашей литературѣ существ-

вуетъ два мнѣнія, высказанныя по вопросу объ авторѣ этого манифеста и обстоятельствахъ его вызвавшихъ. Причиною разногласія въ данномъ случаѣ послужилъ разсказъ, передаваемый кн. Щербатовымъ со словъ Волкова (въ соч. „О поврежденіи нравовъ въ Россіи"). По этому разсказу, императоръ, желая скрыть отъ фаворитки, графини Воронцовой, свои ночныя забавы, сказалъ въ ея присутствіи, что онъ намѣренъ заняться съ Волковымъ важнымъ государственнымъ дѣломъ. Но императоръ пошелъ веселиться, приказавъ Волкову, чтобы онъ къ утру написалъ какой нибудь указъ, причемъ Волковъ былъ запертъ въ комнату съ датскою собакою. Здѣсь онъ вспомнилъ, что императоръ весьма часто говорилъ Р. Л. Воронцову о вольности дворянской и онъ написалъ манифестъ, который былъ утвержденъ на другой день императоромъ. Семевскій въ статьѣ своей „Шесть мѣсяцевъ изъ русской исторіи" (въ Отеч. Зап. т. CLXXIII) отвергаетъ вѣроятность этого разсказа, такъ какъ Щербатовъ записалъ его уже в [illegible] царствованіе Екатерины II, когда Волковъ старался очернить своего благодѣтеля Петра III и (въ письмѣ къ Г. Г. Орлову) отвергалъ главное свое участіе въ дѣлахъ Петра, причемъ ничего не упоминаетъ о составленіи акта о вольностяхъ дворянства. Штелинъ составителемъ этого манифеста прямо называетъ Глѣбова. Наконецъ въ Спб. Вѣд. того времени нѣтъ указа о вольностяхъ дворянства, а только заявляется, что таковой вышелъ изъ сенатской типографіи; акты же, составленные Волковымъ, обыкновенно печатались тамъ (о коммерціи и др.); вѣроятно потому, что между редакціей Петерб. Вѣдом. (издававшихся Акад. наукъ) и Волковымъ существовала какая либо связь. Но это предположеніе весьма шатко. Показанія Штелина не всегда отличаются достовѣрностью; онъ же приписываетъ напр. манифестъ о тайной канцеляріи Глѣбову, между тѣмъ какъ Волковъ прямо говоритъ, что указъ этотъ писанъ имъ самимъ. Что же касается до того, что въ письмѣ своемъ къ Орлову Волковъ не упоминаетъ объ этомъ актѣ, то это можно объяснить иными соображеніями: самый актъ написанъ довольно плохо; дворяне не получили

болѣе важныхъ правъ, о которыхъ писалъ Шуваловъ, а Волковъ желалъ потомъ скрыть болѣе близкое отношеніе свое къ Петру III. Притомъ, въ извѣстномъ письмѣ, Волковъ говоритъ только о трехъ главныхъ своихъ трудахъ: о монастырскихъ вотчинахъ, о тайной канцеляріи и указѣ о коммерціи (Рус. Стар. 1874, т. XI), не упоминая о менѣе важныхъ[1]. Таково мнѣніе Соловьева (Ист. Рос. т. XXV, гл. I).

Возраженіе противъ разсказа Щербатова вызвано желаніемъ оправдать дѣйствія Петра и придать большую самостоятельность его постановленію о дворянствѣ; но послѣдняя здѣсь не причемъ, такъ какъ мысль о вольности дворянства возникла задолго до случая, передаваемаго Щербатовымъ. Есть еще анекдотъ, что Петръ III проигралъ права дворянства Корфу на билліардѣ; но онъ не заслуживаетъ даже опроверженія (см. Мемуары Долгорукова I, 414-415), такъ какъ идетъ изъ весьма сомнительнаго источника.

Какъ ни были незначительны вновь объявленныя права дворянства, но они встрѣчены были дворянствомъ съ восторгомъ. Рѣчамъ и одамъ не было конца, особенно въ Москвѣ. „Не могу изобразить, какое неописанное удовольствіе произвела сія бумажка въ сердцахъ всѣхъ дворянъ" чистосердечно признается Болотовъ; всѣ благодарили государя и благословляли ту минуту, когда указъ этотъ былъ имъ подписанъ. И было чему радоваться, такъ какъ дворяне слишкомъ были связаны службой, которую начинали съ самыхъ юныхъ лѣтъ и до старости или покуда не сдѣлаются калѣками. Я самъ себя почти не помнилъ отъ удовольствія, заключаетъ Болотовъ, и не вѣрилъ своимъ глазамъ при чтеніи онаго указа. Другіе сравнивали Петра съ царемъ Давидомъ, а свободу, дарованную дворянамъ, называли небы-

---

1. — Въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ: „трудился я еще о флотѣ и объ учрежденіи такого государственнаго банка, которымъ бы хожденіе мѣдныхъ денегъ облегчить, (а при) и до того довести можно было, чтобъ сія рѣка не поѣла всего нашего золота и серебра". Ib id. 485.

валой отъ начала Россіи, прибавляя, что если бы дворянство поставило не только золотую, но даже бриліантовую статую императора, то все таки она не сравнялась бы въ безсмертной славѣ съ тѣмъ чувствомъ, какое пребудетъ въ сердцахъ русскихъ дворянъ долѣе и крѣпче всѣхъ статуй (ст. у Семевскаго, 771-776). Изъ этихъ признаній видно, что большинство дворянства мало думало о болѣе широкихъ правахъ, извлеченныхъ изъ знакомства нѣкоторыхъ представителей его съ западно-европейскими теоріями. Освобожденіе отъ службы давало ту льготу, которой дворянство было лишено со времени Петра В., обратившаго государственную службу въ обязательную повинность; это освобожденіе давало дворянству тотъ досугъ, которымъ русское дворянство, жившее еще патріархальною жизнью, дорожило болѣе всякихъ другихъ правъ, съ которыми соединялись и новыя обязанности.

Лекція 2

Уничтоженіе тайныхъ дѣлъ канцеляріи. Волковъ называетъ три главныхъ дѣла, совершенныхъ имъ въ царствованіе Петра III: отмѣну тайной канцеляріи, вопросъ о коммерціи и постановленіе о монастырскихъ имуществахъ (Рус. Стар. 1874, т. XI). На первомъ планѣ по времени стоитъ манифестъ объ уничтоженіи тайной розыскныхъ дѣлъ канцеляріи, обнародованный 21 февр. 1762 г. Естественно онъ долженъ стоять въ связи съ помилованіями, которыя были объявлены пострадавшимъ въ прошлое царствованіе. Но есть и болѣе интимные мотивы его. При Елисаветѣ Петровнѣ пострадалъ одинъ изъ камердинеровъ императора, нѣкто Румбергъ, сосланный въ Оренбургъ[1]. Теперь онъ былъ возвращенъ. Ште-

1.– Изъ современнаго дѣла видно, что онъ обвинялся въ томъ, что старался поселить въ великомъ князѣ ненависть къ русскимъ и даже подговаривалъ его скры-

-линъ говоритъ, что, вернувшись ко двору, онъ разсказывалъ „чудеса про тайную канцелярію. Тотъ же Штелинъ сообщаетъ, что Петръ III, будучи еще вел. княземъ, заявлялъ о намѣреніи своемъ уничтожить ее.

При чтеніи манифеста, 7 февраля, императоръ самъ присутствовалъ въ сенатѣ. Въ этомъ актѣ говорится, что Петръ Вел. учредилъ тайную канцелярію вслѣдствіе тогдашнихъ обстоятельствъ и дурныхъ народныхъ нравовъ. Съ того времени потребность въ подобномъ учрежденіи становилась все меньше, но такъ какъ сила его все таки сохранялась, то „злымъ, подлымъ и бездѣльнымъ людямъ" подавался поводъ къ злостнымъ доносамъ и оклеветанію начальниковъ и недруговъ[1]. Поэтому „слѣдуя нашему человѣколюбію и милосердію и прилагая крайнее стараніе не только невинныхъ людей отъ напрасныхъ арестовъ, а иногда и самыхъ истязаній защитить, но паче и самимъ злонравнымъ пресѣчь пути къ произведенію въ дѣйство ихъ ненависти, мщенія и клеветы, а подавать способъ къ ихъ исправленію, мы объявили что отнынѣ тайная канцелярія быть не имѣетъ, а дѣла, если бы иногда такія случились, смотря по важности, разсмотрѣны и рѣшены будутъ въ сенатѣ". Тайная канцелярія объявлялась уничтоженной навсегда, дѣла изъ нея велѣно было „передать въ сенатъ, но за печатью, къ вѣчному забвенію въ архивъ положить". Ненавистное выраженіе „слово и дѣло" было также уничтожено. Далѣе опредѣлялось, что отъ лицъ, обвиненныхъ въ преступленіяхъ, доносы не должны быть вовсе принимаемы; на лицъ, объявляющихъ „слово и дѣло" не по первымъ двумъ пунктамъ (умыселъ на жизнь или честь государя и бунтъ и-

---

-тъся въ Швецію. Ист. Акад. Наукъ, Пекарскаго, I, 545. Ср. Memoires de Catherine II Londres 1859, 35.... Петръ III назначилъ полковнику Румбергу пожизненную пенсію въ 1000 р., а Екатерина II велѣла выдавать ее изъ своихъ вотчинныхъ доходовъ. Сборн. рус. ист. общ. VII; 1. — О „тайной канцеляріи" при Елисаветѣ Петровнѣ (1741-6) см. статью, составленную по подлиннымъ матеріаламъ, въ Рус. Стар. 1875, т. XII. 523—539.

ли измѣна, направлѣнные противъ государя и государства.) не обращать вовсе вниманія, по поводу же этихъ послѣднихъ увѣщевать – не кричать напрасно, а въ случаѣ упорства съ ихъ стороны, продержать ихъ безъ пищи 2 дня и, если и тогда останутся они при своемъ словѣ, то давать ходъ дѣлу, но въ общихъ мѣстахъ[1], притомъ, пока въ высшихъ учрежденіяхъ не состоится постановленіе о виновности обвиняемыхъ, не считать этихъ послѣднихъ подозрительными и не брать ихъ подъ арестъ. Наконецъ самое донесеніе допускалось письменное, съ подтвержденіемъ свидѣтелей, а не словесное; само собою понятно, что этими ограниченіями въ значительной степени ограждалась личность гражданина, на которую въ то время вовсе не обращали вниманія. Сенату поручалось снабдить всѣ судебныя мѣста а въ особенности отдаленныя, чтобы допросы, какъ свидѣтелей, такъ и доносителей, производились „сколь возможно безъ пытки". Предлагалось даже склонять доносителей къ признанію своихъ показаній несправедливыми и ложными. Пытка допускалась лишь въ послѣдней крайности, но ей подвергали прежде всего доносителей, если послѣдніе, послѣ рѣшенія въ высшемъ учрежденіи о производствѣ дѣла, продолжали утверждать справедливость своихъ показаній, а между тѣмъ свидѣтелей не было; ложнымъ доносчикамъ грозили строгія наказанія; лицамъ, присужденнымъ уже къ наказанію и начинавшимъ обвинять другихъ, не велѣно было вѣрить. Манифестъ высказывалъ надежду, что въ подобныхъ „мерзкихъ поступкахъ", какъ доносы, онъ не надѣется найти виновныхъ среди дворянъ и даже купечества, но развѣ въ числѣ „подлыхъ людей". Эти постановленія распространялись на всѣ мѣста, кромѣ постоянной или временной резиденціи государя, который здѣсь бралъ

1.– Въ Полн. Собр. Зак. есть акты, указывающіе, что доносы дѣйствительно тогда преслѣдовались, т. XV, № 11,497, 11,539.. Сыщикамъ, обязаннымъ разыскивать воровъ и разбойниковъ, запрещено было касаться дѣлъ, не относящихся къ ихъ обязанности (Пол.

на себя лично рѣшеніе дѣлъ по доносамъ, „дабы показать примѣръ, какъ точно и надлежитъ кротостью изслѣдованія, а не кровопролитіемъ, столь несовмѣстнымъ нашему человѣколюбію, прямую истину раздѣлять отъ клеветы и смотрѣть не найдутся-ли способы самимъ милосердіемъ злонравныхъ привести къ раскаянію и показать имъ путь къ исправленію". Въ такихъ случаяхъ донесенія велѣно было подавать Льву Нарышкину, Мельгунову и Волкову. Наконецъ императоръ обращается къ сенату съ заявленіемъ, что если послѣдній изыщетъ дѣйствительныя средства противъ доносовъ, то такая услуга государству примется какъ „самая наибольшая, намъ самимъ показанная услуга, а наше удовольствіе тогда совершенно будетъ, когда наши подданные всѣ и каждый, истребляя злобу, зависть и несогласіе, такъ поживутъ, какъ каждаго честь и долгъ требуютъ, и какъ мы того усердно желаемъ и вѣрно надѣемся." (П.С.З. XV, №11,445).

Манифестъ объ уничтоженіи тайной канцеляріи былъ принятъ также съ восторгомъ. „Уничтожение тайной канцеляріи, иначе называемой государственной инквизиціи, писалъ въ Англію Кейтъ, одно изъ счастливѣйшихъ дѣяній, какое только возможно было сдѣлать для этой націи. Этотъ ужасный трибуналъ былъ самый дурной во всѣхъ отношеніяхъ и въ нѣкоторомъ родѣ даже хуже испанской инквизиціи." (142)

Говорятъ, однако, что когда вскорѣ послѣ этого усилились грабежи и убійства въ столицѣ, а около Петербурга открыта была цѣлая шайка разбойниковъ, то государь выразился „пора опять приняться за висѣлицу. Это злоупотребленіе милостью длилось слишкомъ долго и сдѣлало многихъ несчастными: Дѣдъ мой зналъ это лучше и, чтобы искоренить зло въ Россіи, должно устроить уголовные суды по его образцу". Такъ говоритъ, по крайней мѣрѣ Штелинъ (102). Впрочемъ мы не имѣемъ фактовъ, подтверждающихъ этотъ разсказъ. Многія же мысли, изложенныя въ законѣ объ уничто-

---

на помѣщиковъ, управителей, сотскихъ и т. п. (№11,573).

женія тайной канцеляріи, на столько были новы въ то время, что должны обратить на себя вниманіе какъ историка, такъ и филантропа.

Вопросъ о монастырскихъ имуществахъ. Въ томъ же засѣданіи сената, когда состоялось опредѣленіе объ уничтоженіи тайной канцеляріи, Петръ III занимался, вмѣстѣ съ сенаторами, разсмотрѣніемъ дѣла о монастырскихъ и архіерейскихъ имѣніяхъ, результатомъ чего былъ новый актъ, обнародованный 16 февраля.

Еще при Елисаветѣ Петровнѣ была учреждена по дѣлу о церковныхъ имуществахъ особая коммиссія, а 4 янв 1762 г. ей были переданы слѣдственныя дѣла по злоупотребленіямъ, касавшимся монастырскихъ имуществъ. При рѣшеніи этого вопроса новое правительство имѣло въ виду постановленія Петра В. и нѣкоторыя попытки, сдѣланныя уже въ предшествовавшее царствованіе. Такъ въ концѣ царствованія Елисаветы (30 сент. 1757) было положено, чтобы монастырскія имущества управлялись не монастырскими слугами, но отставными штабъ и оберъ-офицерами, чтобы деревни переложены были въ помѣщичій окладъ, чтобы доходы, собираемые на монастыри, расходовались только по штату, а всякие лишніе расходы представлялись на разрѣшеніе верховной власти. При этомъ было постановлено взыскать всю сумму за прежнее время на отставныхъ и этотъ сборъ производить впредь; наконецъ на тѣ же монастырскіе доходы предполагалось учредить инвалидные дома. Но въ дѣйствительности эти постановленія въ исполненіе приведены не были. Петръ III, обративъ вниманіе на этотъ вопросъ, чтобы не тратить понапрасну времени на разсужденія о дѣлѣ давно и справедливо рѣшенномъ, именнымъ указомъ, составленнымъ Волковымъ, повелѣлъ, чтобы узаконенія Елисаветы объ управленіи монастырскихъ и архіерейскихъ вотчинъ, какъ можно скорѣе, по точному и прямому его содержанію, безъ всякаго изъятія, на самомъ дѣлѣ въ дѣйствительность произвести и непремѣнно навсегда исполнить". Это узаконеніе велѣно было обнародовать вмѣстѣ съ указомъ Петра В. о монастыряхъ -

ни въ монастыри безъ особаго на то каждый разъ высочайшаго указа" (XV, II, 441). Но спустя 2 недѣли синодъ получилъ новый указъ о запрещеніи строить частныя домашнія церкви, мотивированный тѣмъ, что множество домашнихъ церквей, построенныхъ въ Петербургѣ, лишаетъ благолѣпія общія церкви и соборы (П. С. Зак. № 11,460). Потомъ эти распоряженія Петра III были поставлены ему въ вину, какъ будто-бы онъ помышлялъ о совершенномъ разореніи церквей и нѣкоторыя уже уничтожилъ; между тѣмъ бк. тѣ лица, которыя, по болѣзни, не въ состояніи были посѣщать храмы, нуждались въ домашнихъ церквахъ. Но извѣстно, что вскорѣ по вступленіи своемъ на престолъ, Екатерина также отобрала церковныя имущества, а постановленія о домашнихъ церквахъ изданы были еще Петромъ Вел. (1).

Монастырскими дѣлами занялся самъ Волковъ, „тѣмъ охотнѣе, какъ онъ пишетъ, что оно казалось мнѣ справедливое и радъ я былъ случаю воздать должное памяти покойной государыни. Но по несчастію перепорчена въ сенатѣ вся сія исторія". Какъ эта исторія была перепорчена осталось неизвѣстнымъ; можно сдѣлать только нѣкоторыя догадки. Сначала было положено сенату имѣть совѣщаніе съ синодомъ и, какъ видно изъ предъидущаго изложенія, были допущены нѣкоторыя смягченія въ духѣ Елисаветы Петровны; Затѣмъ дѣло было поведено гораздо рѣшительнѣе. На основаніи указа 21 марта 1762 г. всѣ церковныя имущества были поручены коллегіи экономіи, состоявшей въ вѣдѣніи сената[2]. Она была учреждена въ Москвѣ, а въ Петербургѣ находилась ея контора. Вмѣсто служекъ управителями имѣній были назначены штабъ и оберъ-офицеры; крестьяне освобождались отъ ду-

---

1.— Въ какомъ безобразномъ видѣ содержались домовыя церкви, иногда даже у знатныхъ лицъ, видно изъ протокола Московской духовной консисторіи 6 мая 1762 г., о закрытіи такой церкви въ домѣ Н. Н. Салтыкова. - Чтен. Моск. общ. ист. 1871, IV, 37-40.

2— Президентомъ ея былъ назначенъ князь Вас. Оболенскій.

ховной подати и, вмѣсто 7 гривенъ, обязаны были платить еще въ казну 1 р., наравнѣ съ крестьянами дворцовыми и казенными; но земли, которыя они обрабатывали на монастыри и архіереевъ, отдавались въ ихъ собственность. Оброчными статьями должна была распоряжаться коллегія экономіи, выдѣляя что слѣдовало духовенству. Въ распредѣленіи церковныхъ суммъ велѣно было руководствоваться постановленіями Петра В.; но для духовныхъ властей положены были значительные штаты: архіереи новгородскій, петербургскій и московскій получали по 5000 р., остальные 23 архіерея по 3000 р.; на содержаніе 26 семинарій назначено было 78,000 р. Архіереямъ, засѣдавшимъ въ синодѣ добавлялось по 2000 р. Монастыри были раздѣлены на 3 класса, причемъ содержаніе ихъ настоятелямъ, сравнительно съ положеніемъ Петра В., было увеличено (они получали теперь отъ 150 до 500 р.). Монахамъ было положено жалованье. Дѣла между крестьянами и духовенствомъ велѣно было прекратить, а остатки отъ суммъ, по прежнему, назначать на отставныхъ, на богадѣльни и инвалидовъ.[1] Когда же обнаружились злоупотребленія по приведенію въ исполненіе этого указа, а въ псковской епархіи открыты были поборы съ крестьянъ, то Петръ III распорядился повторить запрещеніе всякихъ поборовъ и велѣлъ возвратить ихъ тѣмъ же крестьянамъ (П. С. Зак. XV, № 11,493). Штелинъ утверждаетъ, что государь принималъ весьма близкое участіе въ проектѣ о церковныхъ имуществахъ, разсматривалъ его въ своемъ кабинетѣ и дѣлалъ замѣчанія.

Въ духовенствѣ эти распоряженія вызвали неудовольствія, такъ какъ оно окончательно подчинялось, въ своихъ матеріальныхъ нуждахъ, государству, причемъ и другія, дальнѣйшія распоряженія, также не были въ его пользу, какъ напр.

---

1 — Въ 1762 г. на пропитаніи у монастырей находилось 1,358 чел. офицеровъ и солдатъ, причемъ расходовалось на нихъ 12,464 р. и 3,333 четвер. хлѣба.

13 апр. 1762 г. послѣдовало распоряженіе о взятіи со всѣхъ заводовъ синод., архіер. и монастырскихъ вотчинъ лошадей въ кирасирскіе и драгунскіе полки № 11,502.

подчиненіе дѣтей духовнаго званія рекрутскому набору, что впрочемъ постоянно практиковалось и въ прежнее царствованіе.
Въ законѣ о монастырскихъ крестьянахъ можно видѣть до извѣстной степени ихъ освобожденіе и вообще этотъ актъ отличался такимъ характеромъ, что могъ даже вызвать справедливый восторгъ у тогдашняго представителя иностранной публицистики, Вольтера. Но въ такой же степени это важное постановленіе должно было послужить обвиненіемъ противъ его виновника и, быть можетъ, потому самъ Волковъ счелъ нужнымъ свалить всю вину въ этомъ дѣлѣ на сенатъ („но по несчастію въ сенатѣ перепорчена вся сія исторія").
<u>Распоряженія относительно крестьянъ.</u> Милости Петра III дворянству не ограничились однимъ объявленіемъ вольностей. Вполнѣ естественно, что всякое расширеніе правъ дворянства, живущаго крѣпостнымъ трудомъ, должно было вредно отразиться на судьбѣ крестьянъ. 26 января 1762 г. ему предоставлено было право переводить „для лучшихъ выгодъ" крестьянъ изъ одного уѣзда въ другой. Собственно это было только облегченіе права, которымъ дворянство пользовалось и прежде съ нѣкоторыми ограниченіями. Такъ оно могло переводить крестьянъ съ одного мѣста на другое, но съ разрѣшенія каждый разъ камеръ-коллегіи и съ обязательствомъ исправнаго платежа податей за переведенныхъ. Теперь, по предложенію генералъ-прокурора А. И. Глѣбова, о переводѣ крестьянъ сообщалось только офицерамъ, завѣдывавшимъ сборомъ податей (П. С. З. XV). Права помѣщиковъ получили и другое весьма существенное подтвержденіе: такъ были повторены прежнія постановленія, чтобы крестьянъ дворцовыхъ, синодскихъ, архіерейскихъ, монастырскихъ и помѣщичьихъ не записывали въ купечество безъ увольнительныхъ писемъ отъ властей и помѣщиковъ. Во избѣжаніе недоимокъ и для облегченія крестьянъ былъ установленъ новый способъ сбора повинностей (П. С. Зак. XV, № 11,429). Прежде существовало два срока для взиманія подушной подати съ крестьянъ. Къ концу этихъ сроковъ, если подать не была внесена, посылались команды для захвата незаплатившихъ и представленія ихъ

въ воеводскія канцеляріи, гдѣ они часто тратили понапрасну время. Чтобы устранить это неудобство, сборъ подушныхъ былъ возложенъ на помѣщиковъ, управляющихъ, приказщиковъ, старостъ и выборныхъ, на счетъ которыхъ, въ случаѣ недоимокъ, посылались команды для экзекуціи, причемъ за послабленіе крестьянамъ приказщиковъ и другихъ повѣренныхъ велѣно было бить „нещадно батогами". Но это постановленіе имѣло обоюдоострый характеръ: оно передавало крестьянъ въ совершенную зависимость и произвольное распоряженіе владѣльцевъ и ихъ прикащиковъ.

Волненія крестьянъ. Грамотою о вольности дворянства прежняя связь между землевладѣльцемъ и службою уничтожалась и крестьяне переходили въ личное владѣніе своихъ господъ. Крестьяне, однако, ждали совсѣмъ иного, они полагали, что за вольностью дворянъ послѣдуетъ ихъ освобожденіе. До извѣстной степени этому мнѣнію способствовало распоряженіе 29 Марта 1762 г. которымъ узаконялось: не дозволять покупку къ фабрикамъ и заводамъ деревень съ землями и безъ земель, а довольствоваться вольнонаемными людьми за договорную плату (П. С. З. XV № 11,490). Пронеслись слухи о предстоящемъ освобожденіи крестьянъ, а затѣмъ стали проявляться и волненія между крестьянами. Крестьяне, приписанные къ заводамъ гр. И. Гр. Чернышева и Демидовыхъ, жаловались на своихъ управителей за побои и смертоубійства (слѣдствіе по этому дѣлу было поручено генералу Кокошкину и полковнику Лопатину). Между тѣмъ волненія распространились на помѣщичьихъ крестьянъ. Они происходили въ Тверскомъ и Кашинскомъ уѣздахъ, въ имѣніяхъ Евгр. Татищева, сына историка, и поручика гвардіи Хлопова: крестьяне разграбили домъ, житницы, казну, выгнали прикащиковъ, а помѣщикамъ объявили, чтобы они не ѣздили къ нимъ. Въ манифестѣ 19 іюня 1762 г. (П. С. Зак. XV, № 11,574) указывается на посторонніе внушенія, возбуждавшія крестьянъ и вмѣстѣ съ тѣмъ заявляется крестьянамъ, что правительство намѣрено охранять права каждаго сословія, а крестьянъ держать въ должномъ повиновеніи, причемъ повинившимся объявлялось прощеніе, а сопротивляющимся строгое наказаніе. Для усмиренія

крестьянъ былъ назначенъ генералъ-майоръ Виттенъ. Ему даны были широкія полномочія. При вступленіи своемъ на престолъ, Екатерина II на первыхъ же порахъ заявила, что она намѣрена вполнѣ поддерживать существующія отношенія. Поэтому крестьянское движеніе приняло широкіе размѣры. Получены были свѣдѣнія о волненіяхъ крестьянъ (въ бѣлевскомъ, галицкомъ, каширскомъ, тульскомъ, епифаньевскомъ, волоколамскомъ уѣздахъ), принадлежавшихъ помѣщикамъ Зыбину, княг. Долгоруковой, Балкъ-Полеву, Аффросимову, Дмитріеву-Мамонову. Чтобы судить о степени этого движенія достаточно указать на цифры. У Татищева возстало 760 чел., у Хлопова -800, Зыбина-340, Долгоруковой -2,000, Балкъ-Полева -950, Аффросимова -650, Дмитріева-Мамонова -400. Вооруженные дубинами, крестьяне являлись въ дома помѣщиковъ и выгоняли ихъ изъ селъ; нѣкоторые жаловались сенату на обремененіе налогами, на переводъ ихъ въ другія мѣста и т.п.; но сенатъ приговорилъ ихъ бить нещадно плетьми. Дѣйствія крестьянъ въ имѣніяхъ Татищева и Хлопова были такъ успѣшны, что военная команда была переранена и выгнана; тогда былъ посланъ отрядъ въ 400 чел. съ 4 пушками. Крестьяне Воскресенской волости, Вяземскаго уѣзда, состоявшей изъ 1000 чел., кн. Долгорукова, пограбили прикащика и просили сенатъ приписать ихъ къ дворцовымъ волостямъ. Въ Москвѣ обнаружилось волненіе между фабричными крестьянами, на суконной мануфактурѣ Струговщикова (Соловьевъ XXV).

Взысканія съ помѣщиковъ за крестьянъ. Изъ этихъ фактовъ выяснилось, что положеніе помѣщичьихъ крестьянъ, сравнительно съ монастырскими, даже съ фабричными, а по ихъ собственному заявленію и съ дворцовыми, было самое тягостное. Отсюда вытекала неизбѣжность постоянныхъ волненій среди помѣщичьихъ крестьянъ. Впрочемъ и злоупотребленія со стороны помѣщиковъ властью при Петрѣ III преслѣдовались иногда также строго. Такъ вдова генералъ-экипажмейстера Конст. Зотова, за тяжкія истязанія крестьянъ, была пострижена въ монастырь, а значительная часть

ея имѣнія продана съ публичнаго торга и деньги розданы пострадавшимъ отъ нея дворовымъ людямъ (П.С.З. XV, № 11,436). Воронежскій помѣщикъ, отставной поручикъ В. Нестеровъ, избилъ въ пьяномъ видѣ своего крѣпостнаго человѣка, жегъ его огнемъ и бросилъ связаннаго ночью подъ полъ, гдѣ онъ и умеръ. Нестеровъ съ женою зарылъ его трупъ тайкомъ на гумнѣ. Дѣло объ этомъ происшествіи тянулось 9 лѣтъ. Юстицъ-коллегія приговорила Нестерова сослать въ Сибирь; но не имѣя въ виду точныхъ указовъ о томъ, что дѣлать съ тѣми помѣщиками, отъ побоевъ которыхъ крестьяне помрутъ, она представила это дѣло на усмотрѣніе сената. Сенатъ постановилъ: сослать Нестерова за убійство и тиранское мученіе человѣка въ Нерчинскъ, а имѣніе его какъ движимое, такъ и недвижимое отдать родственникамъ (П.С.Зак. XV, 11,450). Имѣнія, принадлежащія безумнымъ велѣно было передавать ихъ родственникамъ, а для такихъ больныхъ завести особые дома (№ 11,509).

Но отдѣльные случаи безъ сомнѣнія мало могли помочь общему бѣдствію, которому предстояли еще значительные успѣхи впереди. Помѣщики цѣлыми толпами ссылали крестьянъ въ Сибирь, а послѣдніе, будучи часто лишены самаго необходимаго на пути, мерзли отъ голода и стужи, такъ что правительство принуждено было принять на счетъ казны даже ихъ продовольствіе и обязать помѣщиковъ высылать крестьянъ по крайней мѣрѣ съ необходимою одеждою.

Облегченія крестьянскихъ работъ и другія льготы. Нельзя однако не указать нѣкоторыхъ постановленій, клонившихся въ пользу крестьянъ. Такъ 28 февр. велѣно было всѣ работы по расчисткѣ волховскихъ пороговъ совершать не по наряду, какъ бывало обыкновенно, что такъ тяжело ложилось на сосѣднихъ крестьянъ, а вольными людьми. При этомъ плату за работы велѣно было производить безъ всякой задержки, чтобы привлечь охотниковъ. Правительство въ этомъ актѣ прямо выражало мысль, что работа вольнымъ трудомъ будетъ исправнѣе и скорѣе сдѣлана, а крестьяне

избѣгнуть отъ обыкновенныхъ въ такихъ случаяхъ разореній.[1] Мы видѣли, что подобное же распоряженіе было сдѣлано лично въ сенатѣ государемъ, при утвержденіи проекта канала отъ Волхова до Рыбинской слободы, а равно и въ отношеніи фабрикантовъ, которымъ воспрещалось даже покупать земли къ фабрикамъ и заводамъ, чтобы всѣ работы на фабрикахъ производились наемными людьми[2]; отмѣнены были заведенныя полиціей записи крестьянъ, пріѣзжавшихъ въ столицы съ различными продуктами. Но существеннымъ облегченіемъ для народа было пониженіе цѣны на соль на $\frac{1}{5}$ (съ 50 на 35 к. за пудъ), какъ это было предположено еще раньше, при ревизіи 1761 г.[3] На эту мѣру обратили вниманіе даже иностранные посланники въ Россіи — Мерси д'Аржанто и Кейтъ. Послѣдній писалъ: „эта мѣра значительно уменьшитъ доходъ его величества; но государь ничего не могъ сдѣлать важнѣе настоящаго указа для благосостоянія этихъ бѣдныхъ людей" (181-182 сравни Мерси 245). Впрочемъ Германъ замѣчаетъ, что увеличеніе, вмѣстѣ съ тѣмъ, подушной подати (на 6 к.) мало могло облегчить крестьянъ. Но онъ ошибается въ данномъ случаѣ, такъ какъ послѣднее постановленіе было тогда же оставлено. Выгода для казны въ пониженіи цѣны на соль была значительная, какъ потому что она становилась доступнѣе массѣ населенія, такъ и потому, что взносъ денегъ за соль производился немедленно. Народъ былъ о-

---

1) Такимъ же способомъ производилось исправленіе дороги между С. Петербургомъ и Москвою. № 11, 520.

2.) Повторено было постановленіе 1761 г. о прекращеніи ссылки колодниковъ на Колыванскіе заводы и о поселеніи ихъ, вмѣсто того, на дистанціяхъ отъ Тобольска до Иркутска и отъ Иркутска до Керчинска (№ 11, 414).

3.) До означенной цѣны (50 к.) соль была повышена въ 1756 г, по случаю войны. Вопросъ о соли игралъ важную роль и въ другихъ европ. государствахъ. См. Ист. финансов. учрежденій Россіи гр. Д. Толстаго, 176-182.

До какихъ чрезмѣрныхъ предѣловъ доходилъ налогъ на соль во Франціи до ре-

ченъ доволенъ этимъ распоряженіемъ (Мерси 245-246)".

Постановленія о раскольникахъ. Не менѣе важнымъ актомъ облегченія для народа было весьма популярное постановленіе Петра III о раскольникахъ. Положеніе ихъ при Елисаветѣ Петровнѣ, строгой ревнительницѣ религіозныхъ обрядовъ, должно было ухудшится. Цѣлыя сотни и тысячи трудолюбиваго населенія, лишенное покровительства закона до Елисаветы и особенно при ней, бѣжали за границу, унося съ собою значительныя матеріальныя средства. Петръ III, воспитывавшійся до 14 лѣтъ въ протестантизмѣ, былъ болѣе индиферентенъ въ различіи религіозныхъ мнѣній, а потому не могъ сочувствовать такому порядку вещей. Въ объявленіи сенату, сдѣланномъ Глѣбовымъ, указывалось на то, что внутри имперіи спокойно живутъ магометане и идолопоклонники, между тѣмъ какъ этимъ не пользуются раскольники, зараженные „однимъ застарѣлымъ суевѣріемъ и упрямствомъ", которые слѣдуетъ устранять не принужденіемъ и огорченіемъ, а увѣщаніями; потому что такое обращеніе заставляетъ ихъ бѣжать за границу и проживать тамъ въ большемъ числѣ. Теперь раскольникамъ было дозволено возвратится въ Россію и хотя имъ предоставлялось селиться только въ Сибири (необходимая уступка), но съ правомъ свободнаго богослуженія и обрядовъ (№ 11,420, 29 янв. 1762 г.) Одновременно же съ тѣмъ было поручено губернаторамъ разослать во всѣ мѣста, гдѣ откроются самосожигатели, достойныхъ людей, которые должны были всячески убѣждать ихъ „отложить столь богомерзкое намѣреніе" и заявить имъ, что слѣдствія о раскольникахъ уже прекращены, которыя, какъ гласитъ сенатскій указъ, и дѣйствительно повелѣвалось прекратить, а содержавшихся подъ карауломъ отпустить тотъ часъ же въ дома и вновь никого не забирать (№ 11,434). Почувствовавъ себя свободными, раскольники стали обращаться

волюціи. См. у Тэна, происхожденіе общественн. строя современ. Франціи, 467-473

1.) Преступленія, касающіяся продажи соли (подмѣсь песку, обвѣшаніе) наказывались весьма строго. Полн. Собр. Зак. XV, № 11,565, 11,569.

къ правительству съ жалобами на притѣсненія ихъ духовными правленіями „изъ взятокъ". До какой степени вредны были для населенія вынужденныя переселенія раскольниковъ можно видѣть изъ слѣдующаго факта. Нижегородскіе раскольники заявляли, что въ 1716 г. по переписи считалось ихъ до 40000 человѣкъ (муж. и жен. половъ), но, вслѣдствіе притѣсненій, многие изъ нихъ разошлись, такъ что въ 1762 г. оставалось уже не болѣе 5000 душъ. Они просили освободить ихъ отъ платежа податей воеводскимъ канцеляріямъ, которыя притѣсняли ихъ; обязывались исправно нести повинности и даже заявляли желаніе записаться за верхъ-исетскимъ заводомъ гр. Р. Л. Воронцова, надѣясь на защиту сильнаго человѣка. По ихъ словамъ, такой способъ отношенія правительства къ расколу привлечетъ обратно и остальныхъ раскольниковъ, выселившихся отсюда. Сенатъ подчинилъ ихъ особенному попечителю и разрѣшилъ уплачивать подати помимо воеводскихъ канцелярій въ раскольническую контору (П. С. З. № 11,435). Наконецъ особымъ манифестомъ императоръ приглашалъ возвратиться на прежнія мѣста русскихъ подданныхъ (бѣглыхъ крестьянъ и раскольниковъ), ушедшихъ въ Польшу, Литву и Курляндію, до 1 янв. 1763 г. (№ 11,456).

Распоряженія, касающіяся внутренней и внѣшней торговли. Всѣ эти распоряженія вызвали рядъ новыхъ восхваленій въ честь императора. Между тѣмъ были изданы весьма важныя распоряженія, касавшіяся внутренней и внѣшней торговли. Еще въ царствованіе Елисаветы, для обсужденія важнѣйшихъ вопросовъ по этой части, была учреждена при сенатѣ коммиссія о коммерціи. При Петрѣ III она была присоединена къ коммерцъ-коллегіи. Впрочемъ ни та, ни другая ничего не издали за все время своего существованія. Новый проектъ былъ составленъ извѣстнымъ Волковымъ. Хотя въ предшествовавшее царствованіе были уничтожены внутреннія таможни, такъ пагубно отражавшіяся на торговлѣ, но въ то же время появилась масса монополій, тяготѣвшихъ надъ страною, благодаря крупнымъ пожалованіямъ (Шуваловымъ и др.). Такъ, хотя вывозъ хлѣба и былъ запрещенъ, но въ 1757 г. гр. М. Л. Воронцовъ и Глѣбовъ выпросили себѣ привилегію на право вывоза въ теченіе 7 лѣтъ до 600,000 четвертей всякаго хлѣба изъ портовъ

архангельскаго, рижскаго, ревельскаго, а въ 1758 г. сверхъ того имъ разрѣшено было вывезти 4,000 ластовъ ржи. При этомъ необходимо припомнить также рыбныя и другія промысловыя монополіи П. И. Шувалова[1]. Въ царствованіе Петра III. правительство высказалось противъ монополій. Когда Шемякинъ и Яковлевъ просили отдать имъ таможенный сборъ еще на 10 лѣтъ, сборъ былъ отданъ имъ на откупъ; но это вызвало Волкова на сочиненіе пространныхъ постановленій о коммерціи. На основаніи этого указа разрѣшенъ былъ свободный вывозъ хлѣба изъ всѣхъ портовъ, не исключая черноморскихъ и каспійскихъ (здѣсь за половинную пошлину); разрѣшенъ былъ вывозъ соленаго мяса и скота; архангельскому порту разрѣшено было вывозить и привозить товары наравнѣ съ Петербургскимъ. Нѣкоторые товары, обойденные толкованіями закона въ прошлое царствованіе, теперь обложены были пошлиною: сахарный песокъ и хлопчатая бумага. Указъ о коммерціи, составленный Волковымъ, высказывалъ ту мысль, что великое государство должно заботиться о преимуществѣ вывоза передъ ввозомъ, отъ чего пріобрѣтаются деньги, въ которыхъ чувствуется большой недостатокъ въ Россіи. Между тѣмъ въ Россіи сильно распространилась роскошь, что произвело колебаніе баланса въ коммерціи, какъ это доказываетъ упадокъ вексельнаго курса. Правительство заявляло о необходимости сократить роскошь, обѣщая служить въ этомъ отношеніи примѣромъ другимъ[2]; и необ-

---

1. „Значительныя монополіи, предоставленныя гр. П. И. Шувалову (ежегодный доходъ котораго простирается до 300,000 р.), непомѣрныя и большею частію доведенныя до 300% таможенныя пошлины, рядомъ съ другими затрудненіями и вымогательствами, постигающими купцовъ при отпускѣ ихъ товаровъ, наносятъ цѣлый рядъ настолько чувствительныхъ ударовъ торговлѣ, что при настоящемъ порядкѣ вещей она должна неизбѣжно придти къ полному упадку, говоритъ Абериъ д'Аржантэ.

2. Такъ было сдѣлано постановленіе о запрещеніи носить парчевыя платья, богато убранныя золотомъ и серебромъ, но исполненіе его было отложено до совершенія коро-

ходимости ввести правильную государственную экономію, которая состоитъ не только въ сбереженіи, но и въ развитіи промышленныхъ силъ. Правительственный актъ при этомъ гласилъ, что нынѣ положеніе невыгодно такъ въ экономическомъ отношеніи, какъ Россіи (сношенія съ западной Европой, Азіей и Америкой), высказывая сожалѣніе, что позабыты въ этомъ случаѣ многія предначертанія Петра В. Признавая въ Россіи обиліе хлѣба, въ обработкѣ котораго крестьяне не успѣваютъ даже справиться, указъ считалъ необходимымъ свободный вывозъ его за границу и учрежденіе на случаи неурожаевъ хлѣбныхъ магазиновъ. Съ тою же цѣлью былъ разрѣшенъ и вывозъ скота. Въ Архангельской губерніи были уничтожены стѣсненія для разныхъ товаровъ, допущенныя прежде, чтобы сосредоточить промыселъ жителей на соловарняхъ. Предполагалось разрѣшить продажу лѣса, исключая корабельнаго. Разрѣшался вывозъ за границу холста, ревеня, съ уменьшеніемъ пошлинъ, такъ какъ производство ихъ совсѣмъ прекратилось въ Россіи[1].

Авторъ этого мнѣнія, выраженнаго въ указѣ, заявлялъ потребность въ образованіи торговыхъ компаній. Между тѣмъ въ Россіи только казенныя статьи (какъ питейный подрядъ, и пр.) берутся въ компанію промотавшимися купцами, которымъ скорѣе слѣдовало бы быть въ Сибири, а не заниматься подрядами. Такова, по мнѣнію этого акта, была „мошенническая персидская компанія", образовавшаяся въ слѣдствіе того, что персидскія земли, пріобрѣтенныя Петромъ В., были возвращены обратно при Аннѣ Ивановнѣ, съ условіемъ безпошлинной торговли. Но затѣмъ торговля съ Персіей отдана была компаніи даже

націи. Мерси, 161; о роскоши при Елисав. Петр. см. у Щербатова „о поврежденіи нравовъ въ Россіи", напеч. въ Рус. Стар. 1870 г.

1. - Сдѣлано было исключеніе только относительно вывоза льнянаго сѣмени, который былъ оставленъ на 3 года въ монополіи купца Евреинова, по случаю затраты имъ въ этомъ дѣлѣ значительнаго капитала. П.С.З. XV, № 11, 557.

Изъ другихъ распоряженій правительства относительно промышленности страны

не русскихъ купцовъ, отъ чего многіе восточные купцы прекратили торговлю. Теперь всѣ подобныя кампаніи были уничтожены, такъ какъ право торговли должно принадлежать равно всѣмъ. Торгъ на востокѣ предоставлялся иностраннымъ купцамъ и всѣмъ русскимъ безпошлинно на 30 лѣтъ. Правительство строго отнеслось къ предшествовавшей политикѣ, державшейся взглядовъ монополиста Шувалова, „когда, по словамъ указа, какъ нарочно, прилагалось старание изо всего монополію сдѣлать и торгъ по выбору раздавать".
Постановленія эти велѣно было объявить и перевести на иностранные языки. Указъ былъ обнародованъ 28 марта 1762 г. (П.С.З. 11,489.) Волковъ говоритъ, что его проектъ былъ представленъ въ конференцію еще въ прошлое царствованіе и расхваленъ тамъ, но никто не рискнулъ говорить о немъ съ П.И. Шуваловымъ. При составленіи же своего проекта Волковъ совѣтывался съ другими, даже съ коммерческими людьми. Указъ объ уничтоженіи монополій, по словамъ Волкова (письмо къ Г.Г. Орлову), „вызвалъ великій шумъ, изъ чего заключили, говоритъ онъ, не безъ основанія, что доберутся помаленьку и до прочихъ народныхъ и государственныхъ расхитителей." Замѣчательно также, что при напечатаніи этого акта въ Петерб. Вѣдомостяхъ, сочли необходимымъ замѣтить о постоянномъ вниманіи государя къ нуждамъ его подданныхъ и о стремленіи его истребить вкравшіяся злоупотребленія, причемъ замѣчено, что народъ съ нетерпѣніемъ ждетъ исполненія вышеупомянутаго указа, такъ какъ наступаетъ уже торговое время.
Проекты и постановленія относительно городскаго класса. Петръ III, по словамъ Штелина (103), намѣревался также заняться улучшеніемъ городовъ и мѣщанскаго сословія. Онъ желалъ устроить его по германскому образцу и предполагалъ разослать по Россіи нѣмецкихъ ремесленниковъ для

указомъ на значительное расширеніе въ Петербургѣ шпалерной императорской мануфактуры (№ 11,469) и разрѣшаніе заводить парусинныя фабрики въ Сибири (11,431).

обученія этого класса разнымъ ремесламъ. Ученики должны были получать званія мастеровъ и подмастерей, а лучшіе изъ нихъ посылаться за границу – въ Германію, Голландію и Англію, куда отправлялись бы также дѣти купцовъ для изученія бухгалтеріи и коммерціи и для устройства русск. конторъ по образцу иностранныхъ. Въ апрѣлѣ же 1762 г. состоялось постановленіе о заведеніи маклеровъ во всѣхъ городахъ, гдѣ бываютъ большіе торги (П. С. З. № 11,504).

Въ царствованіи Петра III были сдѣланы нѣкоторыя измѣненія въ городскомъ управленіи. Такъ, еще въ началѣ его царствованія была уничтожена должность полиціймейстеровъ, существовавшая въ нѣкоторыхъ городахъ, а полиція, на основаніи регламента главнаго магистрата, была подчинена губернаторамъ и воеводамъ, которые завѣдывали ею черезъ городовые магистраты. (П. С. З. № 11,401). Эти послѣдніе дорожили такимъ правомъ; однако, вскорѣ послѣ того, императоръ снова возстановилъ должность полиціймейстеровъ, предоставивъ назначеніе ихъ главному директору полиціи, генералу Корфу, и оставивъ ихъ въ завѣдываніи губернаторовъ и воеводъ (П. С. З. № 11,477). Кіевскій магистратъ при Петрѣ III былъ подчиненъ гетману, но Кіевскіе мѣщане обязаны были нести общія повинности (П. С. З. № 11,541. Срав. Устр. город. въ Россіи Дитятина, стр. 355 и 361)[1]. Такимъ образомъ дѣятельность правительства

---

1). Изъ другихъ распоряженій правительства о благоустройствѣ городовъ, преимущественно столицъ, укажемъ слѣдующія: въ Петербургѣ, для предупрежденія отъ пожаровъ, предписано было возводить каменныя постройки, за исключеніемъ Петербургской, Васильевской, Выборгской сторонъ; были введены: обязательное содержаніе колодцевъ во всѣхъ домахъ и истребленіе собакъ нарочными командами; праздношатающихся женщинъ велѣно было опредѣлять на фабрики, а престарѣлыхъ отсылать въ богадѣльни (П. С. З. т. XV, №№ 11,465; 11,501; 11,519; 11,522); отмѣнены были записи въ полиціи и предъявленіе паспортовъ отъ пріѣзжающихъ въ Москву и выѣзжающихъ оттуда, а на заставахъ – отъ крестьянъ, привозящихъ продукты (11,446). Иностран-

въ царствованіе Петра III касулась многихъ существенныхъ вопросовъ въ сферѣ общественныхъ отношеній и учрежденія. Правда, періодъ, разсмотрѣнный нами такъ кратокъ, что въ немъ трудно усматривать строгую систему, однако нельзя не признать того, что болѣе крупные факты и явленія этого царствованія указываютъ на поворотъ во внутренней политикѣ правительства, оставившій замѣтный слѣдъ въ исторіи. Первыя дѣйствія новаго правительства, по словамъ Фридриха II, возбуждали къ нему уваженіе „самой благомыслящей части Европы" (Рус. Стар. 1871 г, III, 288)[1].

Лекція 3.

Преобразованія въ сенатѣ. Императорскій совѣтъ. Мы видѣли, что Петръ III, уничтоживъ конференцію (28 янв. 1762 г.), передалъ дѣла ея въ старыя учрежденія — сенатъ и коллегіи (П.С.З. XV, № 11,418). Вмѣстѣ съ тѣмъ (29 янв.), вслѣдствіе отягощенія сената множествомъ судныхъ и апелляціонныхъ дѣлъ, было сдѣлано распоряженіе объ учрежденіи при сенатѣ особаго (апелляціоннаго) департамента, а въ юстицъ коллегіи, вотчинной коллегіи и судномъ приказѣ — еще по 3 департамента, и о распредѣленіи всѣхъ дѣлъ въ этихъ учрежденіяхъ по департаментамъ, причемъ только въ сомнительныхъ случаяхъ они должны были переноситься въ общія собранія. Но уже 8 Мая (1762 г.) состоялось новое повелѣніе: „для лучшаго и скорѣйшаго рѣшенія важ-

---

цу Нейгофу выдана была привилегія на содержаніе въ Петербургѣ, Москвѣ, Ревелѣ и Ригѣ вольныхъ комедій (№ 11,483).

1) Одинъ изъ безусловныхъ почитателей Екатерины II дѣлаетъ такой отзывъ о царствованіи Петра III: „По краткому 6-мѣсячному царствованію Петра III нельзя сдѣлать полнаго объ немъ заключенія. Однако онъ успѣлъ совершить три безсмертныя учрежденія, которыя принесли бы честь всякому вѣнценосцу, долго возсѣдавшему на тронѣ." (Обзоръ царствованія и свойствъ Екатерины Вел., Павла

ныхъ государственныхъ дѣлъ, образовать императорскій совѣтъ изъ довѣренныхъ лицъ, подъ руководствомъ самого государя". Членами совѣта были назначены: принцъ Георгъ, принцъ голштейн-бекскій Петръ-Августъ-Фридрихъ, генералъ фельдмаршалы Минихъ и Трубецкой, канцлеръ Воронцовъ, генералъ фельдцейхмейстеръ Вильбуа, кн. Волконскій, Мельгуновъ и Волковъ.

Между тѣмъ отъ времени Елисаветы Петровны новому правительству достались финансы далеко не въ блестящемъ видѣ (Вѣстн. Европы, статья Куломзина, 1869 г. №5). Страна была разорена постоянными рекрутскими наборами (на 100 чел. приходилось по 1 рекруту, но, вслѣдствіе смертности и др. причинъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ 1 на 15 чел., такъ что цѣна за рекрутство для тѣхъ, которые откупались, достигала 300 р. (Мерси 246-47). Всего мужескаго населенія, по послѣдней переписи, за исключеніемъ Сибири, козаковъ, завоеванныхъ провинцій и ямщиковъ, было 6,614,529 человѣкъ обязанныхъ нести подушныя подати и военную повинность (Мерси).[1] Казначейство было истощено большими затратами на войско и субсидіи; промышленность, отчасти вслѣдствіе войны, нарушившей прежнія торговыя отношенія, отчасти вслѣдствіе громадныхъ монополій, находилась въ застоѣ. Поэтому уже въ началѣ мая сенатъ долженъ былъ пріостановить устройство водяного сообщенія между Волховымъ и Рыбинской слободой, всѣ публичныя казенныя работы и чрезвычайныя выдачи, „по случаю крайней нужды въ деньгахъ, пока умножатся доходы" (П.С.З. т. XV). Въ виду крайняго разстройства финансовъ, императоръ обратилъ вниманіе на приведеніе въ извѣстность до-

---

Сумарокова 1832 г. т. I стр. 28)... Къ такому мнѣнію склоняется и авторъ „Шесть мѣсяцевъ изъ рус. исторіи" (Отеч. Зап. 1867 г.) Но Соловьевъ говоритъ: „большинство встрѣтило мрачно новое царствованіе: знали характеръ новаго государя и не ждали ничего хорошаго" (Ист. Россіи XXV, стр. 5).

1) Всего населенія, по переписи 1762, считалось 19 мил. Воен. Стат. Сборн. т. IV, Россія, стр. 50.

ходовъ и расходовъ по всѣмъ вѣдомствамъ, о которыхъ до того времени сенатъ не имѣлъ точныхъ свѣдѣній. Такимъ образомъ сталъ извѣстнымъ государственный бюджетъ (Куломзинъ 346-350).

Государственные доходы въ это время равнялись: 15,350,636 р. 93 1/7 к. Изъ нихъ на войско расходовалось 10,418,747 р. 40 3/7 к; въ кабинетъ императора назначено было изъ соляныхъ и таможенныхъ доходовъ - 1,150,000 р.; на содержаніе двора и канцелярію строеній 603,333 р. 33 1/4 к.[1]; малороссійскому гетману 98,147 р. 85 к. расходъ по штатсъ-конторѣ (окладные и чрезвычайные отпуски и жалованья выдачи) вмѣстѣ съ долгомъ, лежавшимъ на ней, 4.232,432 р. Всего 16,502,660 р. слѣдовательно расходъ превосходилъ доходъ на 1.152,023 р. Содержаніе арміи, находившейся за границей, заставляло брать изъ штатсъ-конторы болѣе милліона рублей, отъ чего и произошелъ означенный дефицитъ. Такимъ образомъ картина финансоваго положенія Россіи представлялась весьма неутѣшительною: 2/3 всѣхъ средствъ поглощалось арміею, которая, кромѣ того, требовала чрезвычайнаго бюджета на случай войны (Ср. Мерси; Сборн. рус. ист. общ. XVIII, 234-247).

<u>Передѣлка монеты и учрежденіе государственнаго банка.</u> Критическое состояніе финансовъ заставило прибѣгнуть къ чрезвычайнымъ средствамъ. Еще въ началѣ царствованія повелѣно было приступить къ передѣлкѣ мѣдной монеты въ болѣе легкую, а 25 мая состоялось учрежденіе государственнаго банка съ 5 мил. капитала и выпускомъ на эту сумму, по примѣру другихъ государствъ, банковыхъ билетовъ, равныхъ по цѣнѣ дѣйствительной монетѣ, съ наименованіемъ въ 10, 50 100, 500 и 1000 р. Банкъ этотъ долженъ былъ состоять изъ 2 конторъ, въ Петербургѣ и Москвѣ, директорами которыхъ были назначены русскіе и иностранные купцы. При этомъ дальнѣйшее производство мѣдной монеты (новой) было прекращено, а велѣно было заводчикамъ отпускать мѣдь за границу и продавать ее на сторону; но банкъ этотъ,

---

1.) Изъ нихъ на придворный штатъ полагалось 260,000 р. (П. С. З. XV, № 11,397); на расходы императрицы было назначено 120,000 р. (№ 11,443). Вмѣстѣ съ тѣмъ, императоръ опредѣлилъ уплатить долги императрицы въ размѣрѣ 600,000 рубл.

по причинѣ краткости царствованія, не состоялся. Уже накануне конца царствованія сенату былъ данъ указъ не дѣлать болье отсрочекъ въ дворянскомъ и купеческомъ банкахъ, а немедленно приступить ко взысканію долговъ (№ 11,581 и Рус. Стар. 1877 г., т. XVIII, 402).[1]

<u>Военныя приготовленія.</u> Но въ то время какъ финансовый кризисъ требовалъ сокращенія расходовъ и благоразумнаго пользованія государственными средствами, государству предстояли значительныя затраты; такъ какъ главная статья расхода требовала новаго дальнѣйшаго удовлетворенія. Военныя приготовленія шли усиленно и поспѣшно. 16 февраля состоялось утвержденіе коммиссіи для приведенія флота въ надлежащій порядокъ. Флотъ, со времени Петра В. былъ въ совершенномъ забвеніи, а въ 7-лѣтнюю войну онъ почти бездѣйствовалъ. Въ настоящее время флотъ состоялъ изъ 20 кораблей (50-80 пушекъ), 8 фрегатовъ (25-30 пушекъ) и 60 галеръ. Теперь предполагалось увеличить составъ его на 60 галеръ (Мерси 243); и 1 марта велѣно было вооружить весь флотъ. 6 мая сенатъ получилъ императорскій указъ, начинавшійся многозначительными словами: „съ того времени, какъ заведены регулярныя правила и военная дисциплина въ нашихъ войскахъ, наша имперія большую гораздо знатность и новое расширеніе получила, но почти всѣ европейскія государства, а особенно съ нѣкотораго времени чрезвычайное прилагаютъ стараніе войска свои сколько можно въ лучшее состояніе приводить“... Слова эти ясно указывали на необходимость развитія военныхъ силъ. Для удовлетворенія столь важной статьи была также образована особая коммиссія, подъ предсѣдательствомъ императора (членами ея были назначены принцъ Георгъ и принцъ Голштейнбекскій, кн. Трубецкой, Вильбуа, Глѣбовъ, Мельгу-

---

1) Интересенъ мотивъ этого повелѣнія: „Учрежденные для дворянства и купечества здѣсь и въ Москвѣ банки имѣли служить для вспоможенія <u>всему обществу</u>, но намъ извѣстно, что слѣдствіе весьма мало соотвѣтствовало намѣренію и <u>банковыя деньги</u> остались, по большей части, въ однѣхъ рукахъ, коимъ розданы съ самаго начала. Сего ради ипр

новъ, баронъ Унгернъ-Штернбергъ). 11 мая состоялось новое постановленіе: остановить всѣ публичныя каменныя работы и другія раздачи сверхъ штата, до тѣхъ поръ, пока не умножатся доходы, по причинѣ большихъ затратъ на армію. Петръ III задумалъ теперь удовлетворить и своей личной слабости. Онъ рѣшился завести въ Россіи свое голштинское войско. Съ этою цѣлью были отправлены вербовщики въ остзейскій край и въ Малороссію, гдѣ они должны были набрать охотниковъ изъ валаховъ, поляковъ, нѣмцевъ, но только не русскихъ. Но если предполагались военныя дѣйствія, то они конечно не могли быть направлены противъ прусскаго короля.

Отношенія императора къ Пруссіи и Фридриху II. Еще въ царствованіе Елисаветы Петровны Петръ III не скрывалъ своихъ симпатій къ Фридриху II, отвергалъ оффиціальныя извѣстія русскаго правительства объ успѣшномъ дѣйствіи русской арміи въ Пруссіи и утверждалъ, что русскіе не могутъ побѣдить пруссаковъ (Штелинъ).[1] Изъ одного письма Фридриха II къ его посланнику въ Петербургъ, Гольцу, мы узнаемъ, что въ началѣ 7-лѣтней войны Петръ III просилъ его не заключать союза съ королемъ датскимъ, котораго не могъ выносить голштинскій принцъ. Объ этой просьбѣ напоминалъ теперь Фридрихъ II Петру, заявляя, что онъ уклонялся до настоящаго времени отъ всякаго предложенія Даніи.[2] Мы знаемъ уже, что немедленно по вступленіи на престолъ Петра III военныя дѣйствія въ Пруссіи велѣно было прекратить. Черезъ посланнаго къ Фридриху камергера Гудовича императоръ напоминалъ прусскому королю о дружбѣ своихъ предшественниковъ и обѣщалъ „вящше и вящше утверждать“ въ ней на будущее время. Перемѣна правленія

---

1) Тоже же говорятъ записки Екатерины и донесенія иностр. пословъ (въ исторіи Германа, т. V и La cour de Russie).

2) Письмо это хранится въ берлинскомъ государств. архивѣ, откуда оно списано Весковымъ и приведено въ сочиненіи Щебальскаго „Политическая система Петра III“.

В. Иконниковъ

въ Россіи подавала надежды и самому Фридриху. Онъ поспѣшилъ поручить англійскому посланнику въ Петербургѣ поздравить императора и императрицу съ восшествіемъ на престолъ отъ имени ихъ „стараго друга". Какъ только (31 янв.) Фридрихъ II получилъ извѣстіе о пріѣздѣ Гудовича (въ Марбургъ, самъ же онъ находился въ это время въ Бреславлѣ), какъ уже писалъ своему брату Генриху: „благодареніе небу; нашъ тылъ свободенъ". Гудовича поспѣшили пригласить въ Бреславль и приняли съ распростертыми объятіями. Впослѣдствіи Фридрихъ писалъ Гудовичу: „я на васъ смотрю, какъ на голубицу, принесшую масличную вѣтвь въ Ковчегъ. Вы первое орудіе, которое употребили, чтобы скрѣпить этотъ счастливый союзъ съ удивительнымъ императоромъ. Моя вамъ вѣчная признательность" (Соч. Щебальскаго примѣч. къ стр. 41). Петру III Фридрихъ отвѣчалъ съ полною преданностью за его дружбу, радовался, что онъ получилъ ту корону, которая давно принадлежала ему не столько по наслѣдству, сколько по добродѣтелямъ, и которой онъ придастъ новый блескъ. Прусскіе плѣнные являлись ко двору Петра III въ числѣ лучшихъ его собесѣдниковъ. Черезъ одного изъ отправленныхъ въ Пруссію, генерала Вернера, онъ передавалъ свои мнѣнія Фридриху и просилъ разрѣшить генералу Вернеру и полковнику Горту вступить въ русскую службу[1]. Князю Волконскому, явившемуся въ Помераніи было разрѣшено немедленно заключить перемиріе съ Штетинскимъ губернаторомъ и за медлительность онъ былъ обозванъ даже „дуракомъ". Впрочемъ Волковъ пишетъ, что онъ составилъ такія кондиціи, которыя спасли честь Россіи и прибавляетъ, что въ это время еще не весьма трудно было служить отечеству и исполнять свою присягу. Трудность явилась тогда, „когда возвратилось изъ Бреславля громкое наше посольство и при дворѣ Петра III явился прусскій

въ Рус. Вѣстн. 1868 г. и отдѣльно. Переписка Петра III съ Фридрихомъ, заключающая въ себѣ другія письма, помѣщена въ Рус. Стар. 1871, т. III.

1) Записки послѣдняго о его пребываніи въ Россіи и дворѣ Петра III въ Рус. Арх. 1877, II, 294–326 и Древн. и Нов. Россія, 1880 г. № 7, 8 и д.

посолъ Гольцъ. (Рус. Стар. 1874, т. XI, 481) По поводу повелѣнія императора З. Чернышеву — отдѣлиться отъ корпуса австрійцевъ (въ союзѣ съ которыми до того дѣйствовали русскія войска), Фридрихъ II писалъ: „Надобно быть совершенно безчувственнымъ, чтобы не сохранить вѣчной признательности къ вашему величеству". Гудовичъ, привезшій это письмо, получилъ в слободѣ въ Малороссіи. Въ этихъ поръ Петръ III души не чаялъ во Фридрихѣ В. Прусскій посолъ въ Петербургѣ, камергеръ Фридриха II, фонъ-Гольцъ, былъ человѣкъ 26 лѣтъ, призанъ военный, какъ того желалъ Петръ III. Онъ привезъ отъ короля любезное письмо и прусскій орденъ. На льстивыя рѣчи Фридриха II, Петръ III отвѣчалъ: „Ваше величество конечно смѣетесь надо мною, когда хвалите такъ мое царствованіе, дивуясь неустрашимымъ, когда я долженъ удивляться дѣяніямъ вашимъ. Добродѣтели и качества ваши необыкновенны; я вижу въ васъ одного изъ величайшихъ героевъ міра."

Баронъ фонъ-Гольцъ. Положеніе Пруссіи. Цѣль посольства Гольца въ Петербургъ заключалась въ прекращеніи войны и въ заключеніи союза съ Россіей. Свое право на хорошія условія мира Фридрихъ выводилъ изъ того, что Петръ III весьма близко принималъ къ сердцу голштинскія дѣла, а онъ, Фридрихъ, постоянно поддерживалъ ихъ въ своихъ отношеніяхъ къ Даніи, отказывая ей въ союзѣ, столь непріятномъ Петру III. Въ инструкціи Гольцу Фридрихъ разсматривалъ, какія возможны условія мира. Онъ допускалъ даже мысль, что въ Петербургѣ могутъ удержать Пруссію за Россіей, и поэтому просилъ вознаградить его съ другой стороны; но онъ понималъ въ тоже время, что легко могъ и удержать Пруссію, если будетъ поддерживать голштинскіе интересы Петра III.[1]

---

1) Въ исходѣ войны положеніе Фридриха было отчаянное. Прусская провинція и Вестфалія были въ рукахъ непріятелей, Глацъ и Швейдницъ завоеваны, Кольбергъ и большая часть Помераніи заняты русскими; Австрія считала Силезію почти въ своемъ владѣніи. Древняя столица Пруссіи, Кенигсбергъ, была обращена въ русскій губернскій городъ (временно, въ 1760 г. былъ занятъ и Берлинъ). Въ Кенигсбергѣ жилъ генералъ-губернаторъ, явилась русская духовная миссія, чеканилась русская монета и всѣ жители покоренной страны были приведены къ присягѣ на подданство россійской импе-

Между тѣмъ императоръ соглашался подписать миръ съ условіемъ, что Фридрихъ сохранитъ нейтралитетъ, когда наступитъ война Россіи съ Даніей, прося притомъ пунктъ этотъ хранить въ тайнѣ. Фридрихъ добивался, чтобы Петръ III поддерживалъ шведскаго короля противъ враждебной ему партіи и содѣйствовалъ бы умиротворенію Швеціи. Король прусскій совѣтовалъ своему представителю возбуждать въ Петербургскомъ дворѣ зависть и недовѣріе къ саксонскому и австрійскому дворамъ, указывая на то, что австрійцы вездѣ стараются выставлять на первый планъ русскія войска. Но главное для Фридриха было: проникнуть въ виды петербургскаго двора, т.е. думаетъ ли онъ прекратить войну для устройства внутреннихъ дѣлъ государства, или для того, чтобы имѣть возможность вести войну съ Даніей.

21 февраля Гольцъ пріѣхалъ въ Петербургъ и первымъ дѣломъ его было обратиться за наставленіями къ англійскому посланнику Кейту, который сообщилъ ему о друзьяхъ и недругахъ Пруссіи въ Петербургѣ. Безъ сомнѣнія прежняя политика еще имѣла своихъ защитниковъ, а потому противниковъ у Фридриха было весьма много, но императоръ безусловно стоялъ за Фридриха; притомъ будучи слишкомъ чувствительнымъ къ своимъ фамильнымъ интересамъ, онъ считалъ себя оскорбленнымъ тѣмъ, что послы австрійскій, француз-

---

ратрицѣ. Между тѣмъ еще въ началѣ 1760 г. петербургскій кабинетъ пришелъ къ мысли о совершенномъ присоединеніи къ Россіи королевства Пруссіи, которое предполагалось обмѣнять у Польши на русскія области. 30 апр. этотъ проектъ былъ утвержденъ императрицею Елисаветою („быть по сему") и врученъ представителямъ союзныхъ державъ — Австріи и Франціи. Но переговоры объ этомъ затянулись, а въ концѣ 1761 г. скончалась Елисавета, смерть которой измѣнила политику Россіи. Въ проектѣ указаны, какія перемѣны должны были произойти въ картѣ Европы. Онъ напеч. въ Рус. Стар. 1873 г. т. VII, 705–713. Фридрихъ оставилъ описаніе 7-лѣтней войны. Новѣйшее сочиненіе о ней принадлежитъ Шеферу (Берлинъ 1867–74).

скій и испанскій отказались сдѣлать визитъ самому близкому его родственнику, принцу Георгу. Гольцъ, напротивъ сдѣлалъ визитъ голштинскому принцу, тѣмъ болѣе необходимый, что онъ служилъ даже въ прусскихъ войскахъ. 24 февраля Гольцъ имѣлъ аудіенцію у императора и былъ допущенъ затѣмъ къ интимной бесѣдѣ съ нимъ, изъ которой могъ убѣдиться, что Петръ III пропитанъ былъ прусскими симпатіями: "Онъ носилъ портретъ Фридриха въ своемъ перстнѣ, большой портретъ прусскаго короля висѣлъ въ его кабинетѣ; онъ зналъ самыя мелкія подробности о прусскихъ войскахъ; онъ хвасталъ тѣмъ, что терпѣлъ преслѣдованія отъ Елисаветы Петровны за свои симпатіи къ прусскому королю, вслѣдствіе чего долженъ былъ уйти даже изъ конференціи; онъ выше всего ставилъ „химерическое званіе прусскаго генералъ-лейтенанта" (Мерси, 296). Не смотря на то, что посольство Гольца имѣло пока частный характеръ, но миссія его превратилась вскорѣ въ дипломатическую.[1] Изъ одной записки, хранящейся въ архивѣ иностранныхъ дѣлъ и адрессованной Гольцемъ къ гр. Воронцову, видно, что этотъ послѣдній, готовъ былъ уже всѣми средствами содѣйствовать переговорамъ, зависѣвшимъ отъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ, безотлагательною отправкою курьера въ Берлинъ и т.п. Участіе это не было пустымъ словомъ. Гр. Воронцовъ, недопускаемый прежде Бестужевымъ къ непосредственному участію въ дѣлахъ, благодаря особенному покровительству и родству съ Елисаветой Петровной, стоялъ весьма близко къ нимъ, а подъ конецъ считался даже соперникомъ канцлера; потомъ онъ занялъ его постъ и долженъ былъ ближе войти въ свою роль. Нѣкоторыя черновыя бумаги, исходившія изъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ за это время, писаны имъ собствен-

1) Для Гольца была нарочно пріискана и устроена квартира возлѣ дворца; онъ пользовался придворнымъ экипажемъ, обѣдалъ и ужиналъ въ обществѣ императора и получалъ отъ него два или три раза въ день записки. Мерси, 233.

поручно; на другихъ сдѣланы его рукою замѣтки.[1] Донесенія русскихъ послов также испещрены его замѣчаніями. Но ему недоставало инціативы. Сохранилась записка отъ начала царствованія Петра III, писанная Воронцовымъ и касающаяся политики России; но она вся наполнена голымъ перечнемъ трактатовъ (Ворону. Архивъ, т. VII). Между тѣмъ Петръ III задумалъ измѣнить политику и тутъ независимость Воронцова не выразилась ничѣмъ. (Мерси говоритъ о малодушіи канцлера; стр. 34). Онъ склонялся сдѣлать уступку Фридриху; ему поручено было вести переговоры, но важнѣйшія сношенія велись помимо его, а въ архивѣ иностранныхъ дѣлъ не только нѣтъ протоколовъ конференціи объ этихъ сношеніяхъ, но нѣтъ ни одной бумаги, относящейся къ этому дѣлу. А когда переговоры съ Гольцемъ привели уже къ опредѣленному заключенію, то проектъ трактата былъ препровожденъ къ канцлеру самимъ Гольцемъ при слѣдующей лаконической запискѣ: „имѣю честь препроводить его сіятельству господину канцлеру проектъ мирнаго трактата, который я имѣлъ счастье вчера читать Его Величеству и который удостоился его одобренія во всѣхъ частяхъ". Не менѣе заслуживаетъ вниманія также то, что самый проектъ написанъ рукою того же Гольца (Щебальскій, Политич. система Петра III, 51-53).

Исторія этого трактата была слѣдующая:

<u>Договоръ съ Пруссіею.</u> Петръ III выразилъ Гольцу (21 марта) желаніе, чтобы Фридрихъ прислалъ проектъ договора. Гольцъ поспѣшилъ извѣстить о томъ короля, прося его не медлить, чтобы многочисленная партія противниковъ Пруссіи не воспользовалась временемъ для своихъ цѣлей. Въ это вре-

---

1) Весьма дѣятельнымъ помощникомъ ему въ конференціи былъ Волковъ (Штелинъ и Мерси). Полагаютъ, что не безъ его участія составленъ былъ и планъ раздѣла Пруссіи. Бумаги Воронцова за время Елисаветы Петровны помѣщены въ „Воронц. Архивѣ", изд. въ Москвѣ. Воронцовъ въ весьма лестныхъ выраженіяхъ отзывался о Волковѣ,

мя Гольцъ узналъ отъ Кейта, что пруссаки перехватили депешу французскаго посла въ Петербургѣ, Бретейля, въ которой говорилось, что опасаться перемѣны политики нечего, такъ какъ Волковъ душею преданъ старой системѣ. Гольцъ надѣялся, что это письмо повредитъ послѣднему, сообщниками котораго считались И. И. Шуваловъ и Мельгуновъ. Волковъ (Рус. Стар. 1874, т. XI) говоритъ объ этомъ письмѣ и доносѣ на него прусскаго капитана Штеубена за сношенія его съ австрійскимъ посломъ „гр. Мерсіемъ" (Донесенія Мерси за это время въ XVIII т. Сборн. Р. И. О.). Императоръ самъ дѣлалъ ему допросъ, по поводу котораго Мельгуновъ и Л. Нарышкинъ успокаивали Волкова, совѣтуя ему ничего не говорить только противъ желаній прусскаго короля.

Проектъ мирнаго трактата былъ присланъ въ Петербургъ съ гр. Швериномъ, бывшемъ также въ плѣну (см. записки Гюрта), а потому хорошо извѣстнымъ императору. Но король выражалъ сожалѣніе, что не можетъ прислать кого либо изъ болѣе высшихъ чиновъ, такъ какъ потерялъ во время войны 120 генераловъ, а 14 находятся въ плѣну. „Природа надѣлила меня, писалъ король, чувствительнымъ(?) сердцемъ; я искренно тронутъ всѣмъ, что для меня сдѣлано вашимъ величествомъ. Я отчаялся было въ своемъ положеніи, но въ величайшемъ изъ государей Европы нахожу еще вѣрнаго друга: разсчетамъ политики онъ предпочитаетъ чувство чести" (Переписка Петра III съ Фридрихомъ II, Рус. Стар. 1871, т. III, 290-292).

Изъ дальнѣйшихъ сообщеній Гольца и письма Волкова мы узнаемъ, что, по болѣзни канцлера, обработка трактата и переговоры о мирѣ шли черезъ Волкова, который жилъ тогда во дворцѣ. Волковъ разсказываетъ, что онъ зналъ, что противодѣйствіемъ войнѣ съ Даніей навлечетъ на себя преслѣдованіе, видѣлъ одно средство противъ этого - оттягивать самыя приготовленія; но онъ имѣлъ также въ виду удержать за Россіей и Пруссію съ Помераніей и, доставивъ миръ королю прусскому, такъ сдѣлать, чтобы онъ самъ помѣшалъ войнѣ съ Даніей. Онъ доказывалъ прусскому королю, что пока русскія войска будутъ за гра-

---

въ своемъ докладѣ Петру III, Изд. VII, 530-551.

ницей, то вовсе нельзя помышлять о мирѣ. Такой оборотъ дѣла Волковъ называетъ услугою отечеству.[1] Но Гольцъ, добывъ копію съ проекта Волкова, составилъ свой проектъ. Этотъ-то проектъ и читалъ Гольцъ одному императору, который, мы видѣли, одобрилъ его.

Получивъ записку Гольца и брульонъ трактата, Воронцовъ долженъ былъ, по тогдашнему обычаю, велѣть перевести его на русскій языкъ и подписать. Но онъ сдѣлалъ больше: поѣхалъ къ императору и настаивалъ на измѣненіи нѣкоторыхъ параграфовъ, противныхъ достоинству Россіи (выраженій). Въ трактатѣ, послѣ словъ о содержаніи русскихъ войскъ въ Пруссіи: безъ отягощенія послѣдней, находилась слѣдующая фраза: „Его величество (императоръ) будетъ въ томъ преступниковъ и непослушниковъ съ тѣмъ большею суровостью наказывать, что истинная дружба не позволяетъ того, что могло бы быть во вредъ королевскимъ землямъ, но стараться весьма облагополучи и выгодахъ, коихъ оныя достигнуть могутъ". Это мѣсто не вошло потомъ въ трактатъ. На экземплярѣ (въ рус. переводѣ), который былъ представленъ императору для утвержденія, есть такая помѣта: „кромѣ очерченнаго въ сепаратномъ артикулѣ положенія, быть по сему". Въ такомъ новомъ видѣ трактатъ былъ контрассигнованъ Гольцемъ и гр. Воронцовымъ 24 апрѣля.

По этому трактату прусскій король получалъ обратно всѣ завоеванныя и занятыя у него земли; обѣ стороны соглашались включить въ договоръ и короля шведскаго. Императоръ обѣщалъ употребить всѣ мѣры для установленія мира. Фридрихъ съ своей стороны обязывался не заключать никакихъ союзовъ противъ Россійскаго императора и интересовъ его въ Германіи и разорвать прежнія связи. По трактату положено было, что русскія войска очистятъ прусскія владѣнія въ 2-х мѣсячный срокъ; но въ частн. параграфѣ

---

1) Объ ослабленіи значенія канцлера и усиленіи вліянія Волкова на императора къ концу царствованія Петра III подробно говоритъ Мерси д'Аржанто, донес. № 60 и 61. Это подтверждается и личною перепискою Петра III съ Фридрихомъ.

сдѣлана оговорка о правѣ оставить войска на мѣстѣ, сообразуясь съ критическимъ положеніемъ европейскихъ дѣлъ. Обѣ стороны обѣщали немедленно приступить къ другому союзному договору, что указывало на какіе-то новые виды русскаго правительства. Черезъ мѣсяцъ послѣ этого состоялся миръ между Пруссіею и Швеціею: шведскій король Адольфъ-Фридрихъ обязался въ двухнедѣльный срокъ возвратиться къ прежнимъ границамъ, установленнымъ въ 1720 г.

Секретныя статьи. Болѣе интимныя побужденія условій Петра съ Фридрихомъ заключаются въ трактатѣ, составленномъ послѣ мирнаго договора. Онъ состоитъ изъ 2-хъ частей: одна, общая, была напечатана въ Полн. Собран. Законовъ (т. XV.), другая, состоявшая изъ секретныхъ артикуловъ, была впервые обнародована Ф. Смидтомъ въ его изслѣдованіи (Frédéric II, Catherine et le partage de la Pologne, Paris, 1861, 157-165)[1]. Секретные артикулы заключаютъ въ себѣ указаніе на будущую политику Россіи, сложившуюся отчасти подъ вліяніемъ личныхъ воззрѣній императора, отчасти по внушенію короля прусскаго. Статьи эти касаются датской политики, Курляндіи и польскаго вопроса. Договоръ былъ составленъ сообразно съ „нынѣшними конъюнктурами" (обстоятельствами), какъ говорили тогда. Обѣ стороны обязывались взаимною обороною до тѣхъ поръ, пока не будетъ удовлетворена обиженная сторона. Опредѣлено было количество военной помощи (20000 чел. и болѣе по особому условію) а въ случаѣ невозможности выполнить — денежная субсидія въ 600000 р.; установлена была взаимная свободная торговля, причемъ для русскихъ купцовъ дозволено было удержать православную церковь въ Кенигсбергѣ, устроенную во время занятія этого города. Въ секретномъ артикулѣ прусскій король обязывался помогать русскому императору до тѣхъ поръ, пока не получитъ отъ Даніи Шлезвигъ. Вторымъ секретнымъ прусскій король обязывался помогать избранію въ герцоги Курляндіи голштинскаго принца Георга Людвига (съ сохраненіемъ

1.) Въ послѣднее время онъ напечатанъ въ полномъ видѣ въ Собр. трактат. и конвенц. Россіи съ Германіей, изд. профес. Мартенсомъ, т. V., 1880, 389-408.

всѣхъ правъ и инвеститурою отъ Польши), а Бирону возвратить купленное имъ владѣніе Вартенбергъ за его отреченіе отъ Курляндіи. Въ третьемъ секретномъ пунктѣ обѣ стороны обязывались не допускать никакой перемѣны въ правленіи въ Польшѣ и по смерти короля польскаго содѣйствовать избранію лица, угоднаго императору. Союзники не обязаны были помогать другъ другу войскомъ съ отдаленными державами (для Фридриха такими были Англія и Франція, для Россіи Турція и Татары), но ограничивались денежною субсидіею (по 600,000 р.). Наконецъ обѣ стороны обязывались взаимно помогать диссидентамъ въ Польшѣ (православнымъ и протестантамъ).

Отношенія къ Даніи. Послѣ всего этого къ королю, все еще находившемуся въ лагерѣ подъ Бреславлемъ, былъ отправленъ отъ Петра III новый посолъ, извѣстный впослѣдствіи князь Н. В. Репнинъ. Онъ поднесъ королю военные знаки, присланные императоромъ, который предоставлялъ даже прусскому королю сдѣлать въ русскомъ войскѣ перемѣну въ военной формѣ, отъ чего тотъ великодушно отказался. Императоръ просилъ Фридриха быть посредникомъ въ его отношеніяхъ къ Даніи, на что онъ, конечно, изъявилъ согласіе, хотя далеко не желалъ этого, особенно теперь, когда цѣль его была достигнута — миръ былъ заключенъ и завоеванныя земли возвращены. Но многіе [illegible] враждебныя стороны: Данія вооружалась; Петръ, боясь вторженія датскихъ войскъ въ Голштинію, старался предупредить ее.

Петръ самъ заподозрилъ Данію въ военныхъ приготовленіяхъ и чрезъ русскаго посла въ Копенгагенѣ, барона Корфа (Іоганъ-Альбертъ), потребовалъ рѣшительнаго отвѣта — намѣрена ли Данія удовлетворить его требованія и жить въ мирѣ съ Россіей? Данія соглашалась на участіе въ конгрессѣ. Но какъ только были сдѣланы рѣшительныя заявленія Петра объ удовлетвореніи, какъ король прусскій спѣшилъ уже убѣдить императора не увлекаться незначительными завоеваніями въ Даніи и стяжать себѣ лучше славу умиротворителя всего сѣвера. Тутъ необходимо замѣтить, что уже въ это время Фридрихъ опасался за открытіе военныхъ дѣйствій противъ Даніи,

потому что походъ заставилъ бы принять участіе самого Петра, какъ онъ и хотѣлъ, а это могло повести къ неудовольствію въ Петербургѣ и вызвать возможность переворота, который былъ вовсе нежелателенъ для Фридриха, нашедшаго въ Петрѣ III столь незамѣнимаго союзника[1]. Но послѣдній думалъ иначе. Онъ хотѣлъ именно воспользоваться пребываніемъ русскихъ войскъ заграницей и особенно въ Помераніи, откуда легко было сдѣлать нападеніе на Данію; присутствіе же русскихъ войскъ за границею естественно держало датчанъ въ страхѣ, такъ какъ войска, стоявшія вблизи датской границы, легко и скоро могли быть употреблены въ дѣло. При такомъ положеніи вещей Петръ собственноручно составилъ меморандумъ для Корфа, заявляя въ немъ, что онъ готовъ принять предложеніе о конгрессѣ, но не позже 1 іюля, притомъ въ Берлинѣ, гдѣ посредникомъ будетъ прусскій король, причемъ требованія русскаго императора должны быть приняты sine qua non (безусловно), а иначе конгрессъ будетъ разорванъ. Членами конгресса отъ Россіи предполагалось назначить: бар. <u>Корфа</u> и конференцъ-совѣтника <u>Сальдерна</u>. Императоръ посп[ѣ]шалъ скорѣе устроить съѣздъ, такъ какъ хотѣлъ принять участіе въ рѣшеніи распри между Австріей и Пруссіей (актъ объ этомъ съѣздѣ хранится въ московск. архивѣ иностран. дѣлъ, въ датскихъ дѣлахъ). Данія соглашалась, но переговоры затянулись. Фридрихъ былъ очень доволенъ, онъ хорошо зналъ, что совѣщанія и споры длятся долѣе, нежели рѣшеніе дѣла оружіемъ; онъ хотѣлъ протянуть конгрессъ до осени, когда уже не было бы возможности предпринять походъ. Чутье путь же подсказывало ему, что онъ можетъ найти поддержку въ Сальдернѣ, родомъ голштинцѣ, и онъ велѣлъ Гольцу сблизиться съ нимъ.

<u>Отношенія къ Австріи</u>. Такое участіе Фридриха въ русскихъ дѣлахъ, прикрываемое личными цѣлями, не могло не возбуждать опасеній со стороны Австріи, союзъ съ которой становился невозможнымъ. На первыхъ же порахъ своего

1.) Впрочемъ Фридрихъ сообщилъ Петру III подробныя свѣдѣнія о состояніи войскъ и положеніи Даніи. Рус. Стар. 1871, т. III, 300–305.

царствованія Петра III заявилъ уже нерасположеніе къ прежнему союзу Россіи съ Австріей (подробныя донесенія Мерси). На поздравленіе его австрійскимъ представителемъ и выраженіе надежды на прежній союзъ, былъ данъ уклончивый отвѣтъ въ дипломатическомъ тонѣ. Вслѣдъ за тѣмъ представитель Австріи переставалъ пользоваться доступомъ ко двору; вліяніе его на дѣла въ Петербургѣ, столь сильное прежде, что въ немъ всѣ заискивали, вдругъ пало и, какъ бываетъ въ придворной сферѣ, не замедлило отразиться на личныхъ отношеніяхъ къ нему. Прежніе поклонники его и кліенты теперь избѣгали встрѣчи, а высшія государственныя лица опасались даже говорить съ нимъ. Спустя же нѣкоторое время (9 февр.) къ русскому посланнику въ Вѣнѣ кн. Д. М. Голицыну было отправлено повелѣніе сообщить австрійскому правительству, что Россія, по недостатку средствъ и людей, не можетъ продолжать дѣятельнаго участія въ войнѣ. Единственною цѣлью стремленій императора выставленъ былъ — общій миръ, для котораго онъ заявлялъ готовность пожертвовать всѣми пріобрѣтеніями и теперь же отказывается отъ субсидіи со стороны Австріи. Кн. Голицыну поручено было заявить о необходимости приступить къ миру; но миръ, если онъ будетъ обусловленъ предварительными совѣщаніями, можетъ затянуться. Поэтому предлагалось предварительно согласить интересы союзниковъ. Но этого не хотѣли понимать опытные австрійскіе дипломаты (Кауницъ и Коллоредо). Изъ Вѣны послѣдовалъ запросъ, въ чемъ должны состоять эти предложенія. Рескриптъ 9 апрѣля уже ясно намекалъ, что миръ возможенъ на условіяхъ того status quo, при которомъ открылась война, т. е. главная и существенная цѣль Австріи такимъ образомъ ускользала отъ нея въ самомъ началѣ. Тогда австрійскіе дипломаты пошли обычнымъ своимъ путемъ, т. е. промедленіями и возраженіями, на которыя имъ давали замѣчанія. Вѣнскій дворъ ссылался на упорство его союзниковъ; но въ началѣ мая Голицыну снова былъ данъ наказъ склонять Австрію къ миру, при этомъ ясно заявлялось, что причина зла коренится въ намѣреніи Австріи во чтобы то ни стало возвратить Силезію и Глацъ, чему не бывать, такъ какъ Россія намѣрена поддерживать интересы прус-

скаго короля, а въ случаѣ противодѣйствія, русскія войска предоставлены будутъ въ его распоряженіе. Изъ Вѣны пошли новыя увѣщанія во имя справедливости и историческихъ преданій, связывавшихъ оба двора: петербургскій и вѣнскій. Но насколько Петръ III былъ проникнутъ антипатіей къ этимъ преданіямъ, видно изъ того, что когда Фридрихъ потребовалъ отъ него гарантіи Силезіи, Глаца и всѣхъ завоеваній у Австріи, которыя будутъ сдѣланы до заключенія мира, то Петръ отвѣчалъ ему: „я въ восторгѣ и готовъ на все и въ замѣнъ этого потребовалъ отъ Фридриха гарантіи на завоеванія Даніи". Фридрихъ также выражалъ восторгъ и предоставлялъ въ распоряженіе Петра Штетинскую крѣпость и собственныя войска. Но это были фразы, цѣну которымъ зналъ только самъ Фридрихъ, а между тѣмъ на его требованіе содѣйствія былъ данъ немедленно приказъ изъ Петербурга - присоединиться генералу Чернышеву (графъ Захаръ Григорьевичъ) къ прусскимъ войскамъ и усилить эти послѣднія 16,000 чел. Была сдѣлана новая попытка со стороны Австріи подѣйствовать на Петра его больнымъ мѣстомъ. Австрійское правительство съ своей стороны предложило ему субсидію и войско для войны съ Даніей, но снова получило такой же рѣшительный отвѣтъ: „денегъ не нужно, а а если понадобятся средства, то за ними обратятся во всякое другое мѣсто, только не въ Вѣну."

Дипломатическія сношенія съ Франціей. На представленіе посланника русскаго Чернышева (братъ предъидущаго, графъ Петръ Григорьевичъ) объ измѣненіи русской политики, французскій дворъ отвѣчалъ въ самыхъ рѣшительныхъ выраженіяхъ: „Его величество (король Франціи) готовъ согласиться на предложенія прочнаго и честнаго мира, но онъ всегда будетъ поступать въ этомъ дѣлѣ съ полнаго согласія своихъ союзниковъ и будетъ принимать только такіе совѣты, которые будутъ продиктованы честностью и честью. Король считалъ бы себя измѣнникомъ, если бы вступилъ въ тайные переговоры; король помрачилъ бы свою славу и государство, если бы оставилъ своихъ союзниковъ. Король не можетъ забыть главнаго закона, пред-

ниспосылаемаго государемъ отъ Бога - вѣрности договорамъ и точности въ исполненіи обязательствъ". Послѣ этого Чернышевъ перестал пользоваться обычною дипломатическою любезностью короля во время торжественныхъ выходовъ.

Но въ Петербургѣ не считали особенно опасными для себя такого рода отношенія Франціи. Задавшись цѣлью извлечь Фридриха изъ сѣтей европейской войны, преклоняясь передъ его военною славою, тамъ не думали уже ни о договорахъ, ни объ общихъ интересахъ союзниковъ. Франція не казалась опасною и потому, что русскій посолъ своими донесеніями какъ бы подтверждалъ убѣжденіе въ ея слабости, извѣщая о томъ, что Франція теперь находится въ очень критическомъ положеніи, что сухопутное войско въ дурномъ состояніи, а флотъ еще хуже; что англичане хватаютъ множество французскихъ судовъ, вслѣдствіе чего другія не рѣшаются отходить отъ берега и тѣмъ причиняется вредъ и застой въ торговлѣ; что въ казнѣ чувствуется недостатокъ, народъ обѣдненъ и съ него трудно взыскивать налоги и т. п.

Отношенія къ Англіи. Для французскаго и австрійскаго правительствъ предстояли большія затрудненія въ прямыхъ сношеніяхъ съ Россіей. Петръ III разсерженный тѣмъ, что ихъ посланники въ Петербургѣ (Бретейль и Мерси) не сдѣлали визита принцу Георгу, лишилъ ихъ аудіенцій[1]. Это было принято за оскорбленіе и Франція заявляла, что Бретейль будетъ отозванъ, а веденіе дѣлъ въ Россіи поручено будетъ простому повѣренному. Русскій посолъ во Франціи, Чернышевъ, тоже заявлялъ, что оставитъ Францію. Но послы англійскій, шведскій и датскій выполнили желаніе Петра относительно визита. Мы видимъ, что англійскій посолъ на первыхъ же порахъ фигурируетъ уже при дворѣ Петра III: онъ совѣщается съ нимъ въ

---

1) Потомъ эти отношенія къ австрійскому представителю смягчились, когда онъ выполнилъ желаніе императора. Мерси, 274 и д.

тайныхъ дѣлахъ; ему прежде русскихъ министровъ извѣстна перемѣна въ политикѣ, онъ даетъ наставленія и указанія Гольцу. Но надежды на союзъ съ Англіей были преждевременны. Русскій посолъ въ Англіи кн. Александръ Михайловичъ Голицынъ, не получая никакихъ извѣстій о поворотѣ въ политикѣ Петра III и имѣя въ виду лишь его вступительный манифестъ, въ которомъ онъ обѣщалъ царствовать въ духѣ дѣда Петра В. и тетки Елисаветы Петровны, выразилъ передъ англійскимъ правительствомъ мнѣніе, что Россія по прежнему будетъ поддерживать своихъ союзниковъ и былъ увѣренъ, что рано побудитъ Фридриха къ уступкамъ и удержитъ за собою Пруссію. Донесеніе Голицына гласило, что министерство Бюта въ Англіи враждебно войнѣ и выражаетъ радость по поводу надеждъ Россіи на скорый миръ. Получивъ это донесеніе Воронцовъ сдѣлалъ замѣтку въ похвальномъ тонѣ, имѣя въ виду извѣстить въ Лондонъ и поддержать Голицына въ этомъ мнѣніи. Но депеша Голицына, посланная въ концѣ января, только въ началѣ марта была въ рукахъ Петра, а за это время многое перемѣнилось. Отозванный еще при Елисаветѣ въ Петербургъ на постъ вице-канцлера, Голицынъ возвратился въ Россію, а его мѣсто занялъ гр. Алекс. Ром. Воронцовъ. Поведеніе Фридриха возмущало Англію, отъ которой онъ скрылъ посылку Гольца въ Петербургъ. Но Англія, получивъ о томъ извѣстіе, подозрѣвала, что это клонилось къ возбужденію Россіи противъ Австріи, съ готовностью же это помочь Петру въ войнѣ съ Даніей. Отношенія между Пруссіей и Англіей принимали болѣе острый характеръ, потому что Петръ III въ своей предупредительности къ Фридриху пошелъ далѣе, чѣмъ то позволяла какая бы то ни была политика, а тѣмъ болѣе политика страны, недавно еще совершенно враждебной Пруссіи. Депеша кн. Голицына не только была сообщена Гольцу, но копія съ нея послана Фридриху, который писалъ на это: „Ваше императорское величество открываете измѣну моихъ союзниковъ, помогаете мнѣ въ то время, когда весь свѣтъ меня покинулъ и я единственно вашей особѣ обязанъ моимъ счастьемъ". Фридрихъ велѣлъ показать

эту депешу англійскому посланнику, а тотъ сообщилъ о всемъ происшедшемъ своему правительству, которое поспѣшило свалить всю вину на кн. Голицына, какъ слишкомъ преданнаго австрійскому двору.
Совершенно иныя наставленія сообщались новому министру въ Англіи, которому поручалось склонять всячески министерство въ пользу прусскаго короля; стараться разоблачить тайныя интриги Бюта, намѣревавшагося обмануть Фридриха и вовлечь Англію въ новый союзъ съ Австріей; стараться разорвать союзъ Англіи съ Даніей, обѣщая за выполненіе всего этого выгодныя торговыя условія, а въ противномъ случаѣ прекращеніе вывоза товаровъ, наиболѣе необходимыхъ для Англіи (пеньки, конопли, масла, желѣза, мачтовыхъ деревьевъ, мѣди). Въ такомъ духѣ долженъ былъ дѣйствовать Воронцевъ въ Лондонѣ. Ясно, что германскіе интересы Петра брали верхъ въ его внѣшней политикѣ.
Отношенія Россіи къ Швеціи. Наиболѣе надеждъ полагалъ Петръ на сосѣднюю Швецію какъ по прежнимъ связямъ королевской фамиліи съ прусскимъ королемъ, такъ и по родственнымъ отношеніямъ шведскаго короля, какъ голштинскаго принца, къ русскому императору. Русскому послу въ Стокгольмѣ, Ив. Андр. Остерману (сына извѣстнаго канцлера), поручено было втянуть шведское правительство въ обязательныя отношенія къ видамъ Россіи и Пруссіи. Петръ III хотѣлъ добиться свободнаго прохожденія русскихъ кораблей черезъ шведскія гавани, даже фактической помощи русскому войску, стоявшему въ Помераніи. Но въ Швеціи еще рѣзче, нежели въ Англіи, выражался разладъ между симпатіями двора и націи, а потому въ отвѣтъ на предложеніе Остермана, шведское правительство ссылалось на гарантіи его Даніи Шлезвига и высказывало готовность помогать русскимъ кораблямъ въ силу международнаго обычая — помогать въ случаѣ опасности, что, впрочемъ, одинаково будетъ соблюдено и по отношенію къ датскимъ судамъ. Миссія въ Швеціи передана была Петромъ III также новому лицу - графу Миниху - сыну.
Отношенія къ Саксоніи и Польшѣ. Но если въ Стокгольмѣ могли сон-

латься на трактаты, надѣясь, что родственныя отношенія что нибудь да значатъ, то другіе сосѣди по неволѣ должны были опасаться такого союза, какъ Россіи и Пруссіи. Такъ, Саксонія ничего не могла ожидать для себя отъ перемѣны европейской политики; тѣмъ болѣе, что Петръ III свою ненависть къ ней совмѣщивалъ съ ненавистью къ Австріи. При этомъ необходимо замѣтить, что курфюрстъ саксонскій былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и королемъ польскимъ, а Польша давно уже стала ареной всевозможныхъ политическихъ вліяній, происковъ и расчетовъ. Тамъ полагали даже, что теперь уже затѣвался раздѣлъ ея владѣній, часть которыхъ отойдетъ къ Россіи, въ замѣнъ возвращенныхъ Россіею завоеваній въ Пруссіи[1]. Польскій посолъ графъ Брюль хлопоталъ о примиреніи Чарторійскаго (стоявшаго во главѣ русской партіи въ Польшѣ) съ своимъ дворомъ, надѣясь, что этому дѣлу помогутъ близкія отношенія Понятовскаго, племянника Чарторижскихъ, къ Екатеринѣ; но при извѣстныхъ отношеніяхъ Петра къ супругѣ, подобная комбинація могла только повредить.

<u>Курляндскій вопросъ.</u> Непріятныя отношенія между двумя союзными (Россіей и Пруссіей) и двумя соединенными державами (Саксоней и Польшей) усложнялись новымъ, весьма щекотливымъ вопросомъ. Это былъ старинный спорный вопросъ о Курляндіи, уже во времена Петра В. служившій камнемъ преткновенія между Россіей и Польшей, къ которой Курляндія относилась какъ вассальное герцогство. Петру В. удалось помѣстить свою племянницу въ Курляндіи и это втянуло послѣднюю въ интересы политическихъ соображеній русскаго правительства. Императрицѣ Аннѣ удалось закрѣпить Курляндію за своимъ любимцемъ Бирономъ; но когда онъ попалъ въ ссылку, то Курляндія снова сдѣлалась ареною раздоровъ и внѣшнихъ вліяній: Пруссіи, Франціи,

---

1.) Мерси сообщаетъ о намѣреніи Петра III, въ случаѣ смерти польскаго короля, употребить всѣ усилія, чтобы доставить польскій престолъ принцу Генриху прусскому. (Бранту Фридриха II, 270). Говорили также, что существуетъ предположеніе отдать польскую Пруссію королю прусскому, а Россіи часть польской Украины. Ibid № 57.)

Саксоніи и Россіи. Наконецъ при Елисаветѣ Петровнѣ состоялось соглашеніе съ саксонскимъ домомъ, въ слѣдствіе котораго управленіе Курляндіей перешло теперь къ саксонскому принцу Карлу, сыну Августа III, не смотря даже на то, что Бестужевъ, въ интересахъ Россіи, хлопоталъ о возвращеніи туда герцога Бирона. Петръ III еще тогда желалъ назначенія въ Курляндію принца голштинскаго Георга, теперь онъ выказалъ Карлу полное презрѣніе, не извѣстилъ его даже о своемъ восшествіи на престолъ, всячески старался поднять въ Курляндіи партію, враждебную Карлу какъ католику, когда по постановленіямъ Курляндіи, во главѣ ея долженъ былъ стоять принцъ аугсбургскаго вѣроисповѣданія. Теперь кандидатомъ на Курляндскій престолъ былъ снова выставленъ недавно возвращенный изъ ссылки Биронъ, однако вскорѣ (16 апрѣля) состоялось отреченіе послѣдняго въ пользу принца Георга, а это повлекло къ новымъ безпорядкамъ въ Курляндіи, гдѣ образовалось уже не двѣ, а три партіи.
Со времени Анны Ивановны русское правительство стало смотрѣть на Курляндію, какъ на страну вполнѣ подчиненную ему; между тѣмъ какъ Польша, съ прекращеніемъ фамиліи Кетлеровъ и со смертью герцога Фридриха, супруга Анны Ив., домагалась слить Курляндію съ своими владѣніями, лишивъ ее автономіи. Впрочемъ, послѣ соединенія съ Саксоніей, Польша охотно согласилась на то, чтобы въ Митавѣ сидѣлъ скорѣе саксонскій принцъ, нежели русскій повѣренный въ дѣлахъ. Съ восшествія на престолъ Петра III русскому послу въ Курляндіи, Симолину, даются инструкціи, чтобы онъ всячески старался бы удерживать курляндцевъ отъ присяги Карлу. Между тѣмъ депутаты, прибывшіе изъ Курляндіи для поздравленія Петра III съ восшествіемъ на престолъ, были приняты имъ какъ нельзя лучше и стали участвовать въ тайныхъ совѣщаніяхъ императора. Въ тайномъ же трактатѣ, принятомъ Пруссіей и Россіей, прямо условлено было свергнуть Карла, такъ какъ онъ отказался подписать условія, предложенныя ему ландратомъ и касавшіяся главнымъ образомъ того, чтобы преемники его были аугсбургскаго исповѣданія и чтобы всѣ должности были занимаемы только лицами послѣдняго (условія эти хранятся въ моск.

арх иностр. дѣлъ); кромѣ того въ трактатѣ заявлялось объ отреченіи Бирона и о стараніи доставить курляндскій престолъ принцу Георгу. Предполагалось даже послать Гудовича для наставленій Симолина, какъ дѣйствовать въ Курляндіи, внушая курляндцамъ, чтобы они оставили Польскую республику и приняли подданство Россіи, которая вмѣстѣ съ Пруссіей гарантируетъ свободу и независимость Курляндіи, а это возбудило новую агитацію въ Польшѣ противъ русской политики, но курляндскій вопросъ разрѣшился уже въ царствованіе Екатерины II (Вопросъ о курляндскомъ герцогствѣ при Петрѣ III Н. К. Щебальскаго въ Рус. Арх. 1866 и Политич. система Петра III его же). Въ Варшаву Петръ III вмѣсто Воейкова также назначилъ новое лицо, графа <u>Кейзерлинга</u>, бывшаго недавно въ Вѣнѣ, а прежде и въ Варшавѣ, поэтому хорошо знавшаго польскія дѣла.

<u>Отношенія къ Турціи</u>. Перемѣна русской политики отразилась и на дѣйствіяхъ какъ русскаго посла <u>Обрѣзкова</u>, такъ и прусскаго Рексена въ Константинополѣ. Обрѣзковъ въ донесеніяхъ своихъ жаловался, что прусскій посолъ склоняетъ Порту къ дѣйствіямъ противъ Россіи; но теперь Гудовичъ заявляетъ канцлеру Воронцову порученіе императора — предписать Обрѣзкову сообщить турецкому правительству о согласіи императора на движеніе Порты противъ Австріи. Тутъ сказалось также вліяніе Гольца, но ему отвѣчали, что лучше, если это начнетъ прусскій посолъ, заявивъ Портѣ о перемѣнѣ отношеній между Пруссіей и Россіей. Дѣйствительно, узнавъ о предстоящемъ союзѣ между Фридрихомъ II и Петромъ III, прусскій посолъ рѣшился выждать полнаго осуществленія означеннаго союза.

Таковы были дипломатическія сношенія Россіи, вызванныя вступленіемъ на престолъ Петра III. Но перемѣна эта отразилась и на политическихъ отношеніяхъ нѣкоторыхъ державъ. Миръ между Пруссіей и Швеціей былъ объявленъ (документы, касающіеся этого вопроса изданы при біографіи Петра III, напечат. въ Тюбингенѣ и въ сборникахъ трактатовъ Венка и Мартенса). Воейковъ, командовавшій войсками въ Пруссіи, разрѣшилъ жителямъ отъ при-

сти Россіи; но крѣпости не были еще сданы, какъ произошелъ правительственный переворотъ въ Россіи. Тѣмъ не менѣе Фридрихъ, пользуясь присоединеніемъ Чернышева, утѣснилъ своихъ враговъ и вскорѣ уже только одинъ Глацъ оставался въ рукахъ австрійцевъ, а вся верхняя Силезія отошла къ пруссакамъ, которые, кромѣ того, опустошили Богемію и Саксонію. Перемѣна политики Россіи возбудила общія опасенія, такъ что даже Фридрихъ опасался измѣненія системы равновѣсія, которая грозила уже обнаружиться въ борьбѣ съ Даніей.

Особенно затруднительно было положеніе канцлера Воронцова, которому приходилось налагать свою санкцію на всѣ требованія новаго правительства и какъ онъ ни пытался въ объяснительной запискѣ выяснить передъ императоромъ отношенія къ Пруссіи, но предупредительность передъ Фридрихомъ Петра заходила уже слишкомъ далеко. Безъ сомнѣнія посредничество Петра III въ мирѣ и даже отказъ отъ завоеваній могли объясниться великодушіемъ и другими побужденіями, но все, что было сдѣлано сверхъ того, выходило за предѣлы дозволеннаго самою гуманною политикою.

Совѣтъ, поставленный во главѣ Россіи, былъ составленъ подъ сильнымъ вліяніемъ личныхъ воззрѣній государя, изъ людей безусловно ему преданныхъ. Воронцовъ видѣлъ, что онъ вполнѣ зависитъ отъ вліянія принца Георга и даже Гольца. Эта зависимость усложнялась матеріальными нуждами самого канцлера. Изъ одного письма его къ императору видно, что на немъ числилось долгу болѣе 200,000 р. и потому онъ просилъ о выдачѣ изъ банка 250,000 р. въ замѣнъ которыхъ предлагалъ взять въ казну свой домъ съ другими принадлежностями, или выдать ему въ займы 300,000 р. Изъ другого письма Воронцова къ Петру III (оба письма хранятся въ госуд. архивѣ и напечатаны въ Исторіи Россіи Соловьева т. XXV, 73-76) видимъ, что положеніе канцлера было для него унизительнымъ и часто невыносимымъ. Болѣзнь мѣшала ему дѣлать личные доклады, а между тѣмъ онъ подвергался разнымъ навѣтамъ и подозрѣніямъ. Вмѣстѣ съ Волковымъ его подозрѣвали въ порицаніи предполагавшейся войны

съ Даніей и онъ долженъ былъ объяснять, что дѣйствительно находитъ эту войну, безъ необходимыхъ средствъ, помощи Пруссіи и флота невозможной; однако онъ заявляетъ, что ни къ какимъ державамъ не имѣетъ ни малѣйшей предилекціи (предпочтенія), а о мирномъ трактатѣ съ прусскимъ королемъ не зналъ даже тогда, когда онъ былъ уже рѣшенъ въ принципѣ; что онъ оскорбленъ отзывомъ государя, будто бы онъ, канцлеръ, питаетъ особенныя чувства къ Франціи. Онъ просилъ объ отставкѣ, прибавляя, что не умѣлъ никому льстить и лицемѣрить. Онъ изъявлялъ готовность переговорить съ Кейтомъ о присылкѣ лѣтомъ англійскаго флота; но прибавляетъ, что надѣяться на это нельзя, такъ какъ отношенія Англіи къ Испаніи и Франціи не позволяютъ ей сдѣлать такой шагъ, тѣмъ болѣе, что она объявила уже, что въ распрѣ русскаго императора съ Даніей никакого участія принимать не будетъ. Таково было положеніе русскаго канцлера и русской политики.

Лекція 4.

Неудовольствія противъ перемѣны политики. Мы видѣли уже, что вскорѣ по вступленіи на престолъ Петра III проявилось неудовольствіе противъ перемѣны политической системы, установившейся при немъ. Съ другой стороны нововведенія, такъ рѣзко поставленныя нѣкоторыми распоряженіями императора, дали пищу этимъ неудовольствіямъ. Петръ былъ человѣкъ непосредственнаго чувства и далеко не политикъ. Онъ не могъ понять той системы цѣлокъ, которая составляетъ необходимую принадлежность опытнаго дипломата[1]. Подобная откровенность и простора-

1. Петръ III, говоритъ Шлоссеръ, слѣдовалъ только своему сердцу и своимъ склонностямъ или своей фантазіи; онъ забывалъ всякія политическія соображенія и жертвовалъ всеми пріобрѣтенными выгодами. Будучи нѣмецкимъ государемъ, Петръ управлялъ

придавали его характеру такія черты, которыя заслужили бы уваженіе ему, если бы онъ съумѣлъ въ тоже время остаться на высотѣ безпристрастія. Но этого не было на дѣлѣ. Въ самомъ кружкѣ приближенныхъ къ нему лицъ не было строгаго выбора; напротивъ, вскорѣ здѣсь взяли перевѣсъ лица, совершенно чуждыя Россіи и вовсе не знавшія ея. Принцъ Георгъ, Гольцъ, Шверинъ — все люди, преданные Пруссіи, распоряжались теперь иностранными дѣлами и постоянно вмѣшивались во внутреннее управленіе. Изъ донесеній Гольца Фридриху II и извѣстнаго письма Волкова (къ Орлову) мы узнаемъ, что разладъ въ кружкѣ лицъ, близкихъ Петру, былъ уже полный. Волковъ считался главнымъ врагомъ нѣмцевъ, который мечтаетъ прогнать ихъ изъ Россіи. И Волковъ говоритъ, что въ числѣ лицъ дѣйствовавшихъ противъ него былъ именно Глѣбовъ, слѣдовательно между ними возникла уже личная вражда, соперничество. Такимъ же вреднымъ для себя человѣкомъ прусская партія считала генерала Мельгунова; но еще болѣе опаснымъ, по своей отчужденности отъ нихъ, сталъ имъ Ив. Ив. Шуваловъ, предназначавшійся нѣкоторое время въ вице-канцлеры, завѣдывавшій со времени Елисаветы университетомъ (въ званіи куратора), а при Петрѣ III получившій начальство и надъ кадетскими корпусами. Но отдаленіе отъ офиціальныхъ связей не спасло однако Шувалова отъ подозрѣній: въ виду похода противъ Даніи, Петръ III потребовалъ, чтобы онъ слѣдовалъ за нимъ, опасаясь его дѣйствій въ Россіи (Рус. Арх 1867). Новый походъ не могъ быть пріятенъ войску, тѣмъ болѣе, что цѣль его не было уже ослабленіе политическаго противника, какъ было при Елисаветѣ, т.е. Фридриха II, а противника фамильныхъ интересовъ императора — датского короля.

Недовольство гвардіи и придворныхъ. Войско, переформированное на прусскій ладъ, начиная съ мундировъ и кончая военными экзерциціями, почувствовало сразу тяжесть прусской военной школы. Ежедневные вахтпарады, не обращая вни-

---

бы терпѣливыми нѣмцами точно также какъ на глазахъ автора въ Цербстѣ управлялъ братъ Екатерины II, Фридрихъ-Августъ, но царствомъ, подобнымъ Россіи нельзя управлять какъ Голштейнъ-Готторпомъ, Цербстомъ или Іеверомъ".

манія на погоду, сопровождаемые всѣми строгостями прусскаго устава, показались тяжелыми послѣ продолжительнаго спокойствія подъ долгимъ женскимъ правленіемъ (Болотовъ). Гвардія до того засидѣлась въ Петербургѣ, что жила какъ прежніе московскіе стрѣльцы, семейными слободами, и становилась уже, судя по прежнимъ примѣрамъ, опасною рѣшительницею судебъ престола. Петръ III называлъ даже гвардейцевъ янычарами и считалъ ихъ опасными для правительства (Нечит. V, Штелинъ, 106). Такое отношеніе его къ гвардіи и назначеніе принца Георга ея полковникомъ (конной гвардіи), когда до этихъ поръ имъ считался только императоръ, возбудили въ ея рядахъ сильное негодованіе и грозили возмущеніемъ (Мерси 204. ср. № 58 донесенія объ отставкѣ 20 генераловъ, отличавшихся въ 7-лѣтнюю войну и неудовольствіи войска). Петръ III распустилъ лейбъ-компанцевъ, пользовавшихся во все царствованіе Елисаветы большими преимуществами (П. С.З. т. XV, № 11,480). Гвардія привыкла считать себя избраннымъ войскомъ, а теперь рядомъ съ нею возникло новое войско, получившее свое право по личному капризу императора. Такъ появился новый почетный отрядъ, весь состоявшій изъ иностранцевъ — это голштинскій отрядъ. Новые фельдмаршалы иностранцы также возбуждали неудовольствія (Гольцъ).

Нужно, однако, замѣтить, что если новые порядки клонились къ водворенію воинской дисциплины (П.С.З., XV, 11.438, 11491 и др.), то другія распоряженія императора прямо были направлены къ облегченію участи солдатъ относительно наказаній и работъ (П.С. Зак. т. XV, 11,458, 11,467). Подражаніе Фридриху въ военномъ дѣлѣ имѣло также свои причины. Извѣстно, какъ дорого стоилъ успѣхъ союзниковъ надъ Фридрихомъ II, что вызывало такой восторгъ передъ прусскимъ королемъ даже у новѣйшихъ историковъ (Маколей). Результаты семилѣтней войны произвели во Франціи «ордонансы» герцога Шуазеля, который, руководясь принципами Фридриха II, пытался поднять военную школу и дисциплину. И тамъ были введены прусскіе регламенты; появились военные бѣльцы (faiseurs), доводившіе подражаніе до

крайности и мучившие солдатъ своимъ педантизмомъ и строгостями. Эстергази, посланный тогда въ Германію и главнымъ образомъ въ Берлинъ, для изученія военнаго дѣла, всюду находилъ рабское подражаніе прусскому королю. Но реформа эта не привилась во Франціи и виновникъ ея долженъ былъ сойти со сцены (Von der Sevennen bis zur Newa, 1740–1805, nach handschriftlichen Nachlässen von A. Grafen Thürheim, Wien, 1879, S. 159). Напомнимъ также, что лучшій изъ русскихъ генераловъ 7-лѣтней войны, графъ А. П. Румянцевъ, занявшій видное мѣсто въ ряду военныхъ знаменитостей царствованія Екатерины II, былъ также поклонникомъ Фридриха II.

Новымъ военнымъ порядкамъ должны были подчиниться всѣ даже неслужившие въ прошлое время въ рядахъ войска, а только считавшихся въ немъ, какъ напр. кн. Ник. Юр. Трубецкой, Кир. Гр. Разумовскій. Первый представлялъ уже полную развалину, онъ съ трудомъ ѣздилъ прежде даже въ сенатъ, а теперь долженъ былъ парадировать на военномъ полѣ. Гетманъ Разумовскій держалъ въ своемъ домѣ молодаго офицера, который училъ его новой службѣ (Болотовъ и Штелинъ); а старшій братъ его купилъ свою свободу только тѣмъ, что отказался отъ всѣхъ своихъ должностей[1]. Придворныя дамы должны были подчиниться новому этикету. Русскіе поклоны были замѣнены французскими приседаніями и Петръ III былъ такъ требователенъ въ этомъ случаѣ, что неумѣнье старухъ нерѣдко доставляло ему предметъ для развлеченій и насмѣшекъ (Зап. Дашковой).

<u>Недовольство духовенства</u>. Другимъ недовольнымъ элементомъ было духовенство, недавно лишенное своихъ имущественныхъ правъ, причемъ самое лишеніе ихъ сопровождалось весьма настойчивыми требованіями (см. переписку духовн. лицъ въ нашей статьѣ: „Арсеній Мацѣевичъ, Рус. Стар. 1879). Гольцъ писалъ Фридриху уже въ концѣ мая 1762 г., что духовенство подало императору жалобу на притѣсненія вслѣдствіе этого указа, что жалоба была подписана си-

---

1, Впрочемъ императоръ сохранилъ за нимъ прежній почетъ и обѣщалъ оказывать ему съ своей стороны милость и благоволеніе. Соловьевъ, XXV, 9.

скопами и другими духовными лицами и имѣла вполнѣ характеръ протеста. Онъ говоритъ, что были получены даже донесенія изъ губерній, въ которыхъ сообщалось о попыткахъ духовенства возбудить народъ противъ правительства. Быть можетъ въ этомъ случаѣ связь крестьянскаго движенія при Петрѣ III съ участіемъ духовенства сдѣлалъ уже самъ Гольцъ. Крестьянское движеніе въ это время было довольно значительное, какъ мы видѣли выше, но монастырскіе крестьяне были обезпечены Петромъ и потому подобный мотивъ не можетъ относиться къ нимъ. Волненіе же помѣщичьихъ крестьянъ едва ли имѣло здѣсь связь. Но у Петра III была одна общая цѣль съ Петромъ В. — это стремленіе ограничить власть духовенства, которое выражалось въ своеобразныхъ формахъ. Рядъ распоряженій, вышедшихъ въ его царствованіе, отчасти приведенныхъ нами выше, отчасти сообщаемыхъ ниже, по связи событій съ общею развязкою этого царствованія, показываетъ постоянное намѣреніе императора вмѣшиваться въ церковныя дѣла. Такъ, 26 марта былъ изданъ интересный указъ синоду, въ которомъ прямо ставился упрекъ, что жалобы челобитчиковъ не разсматриваются, а „обыкновенно безъ всякаго рѣшенія къ тѣмъ же архіереямъ отсылаются, на которыхъ была жалоба, и потому въ синодѣ или не исполняется существительная онаго должность, или же и того хуже дѣлается одна токмо потачка епархіальнымъ начальникамъ, такъ что въ семъ пунктѣ синодъ походитъ больше на опекуна знатнаго духовенства, нежели на строгаго наблюдателя истины и защитника бѣдныхъ и неповинныхъ". Далѣе въ указѣ приводятся двѣ челобитныя неисполненныя, не смотря на особый именной указъ — рѣшить ихъ, а потому въ концѣ означеннаго акта повелѣвается „стараться крайнимъ наблюденіемъ правосудія соблазны истребить и не токмо по силѣ двумъ челобитнымъ немедленно рѣшеніе здѣсь сдѣлать, но и всегда по подобнымъ здѣсь же рѣшать. Нашимъ императорскимъ словомъ, чрезъ сіе объявляя, что малѣйшее нарушеніе истины накажется, какъ злѣйшее государственное преступленіе, а сей указъ не токмо для всенароднаго извѣстія напечатать, но въ синодѣ и къ настоятельнымъ указамъ

присовокупить". (Рус. Стар. 1872 г. V, 567-689). Но по смерти Петра III указъ этотъ былъ забытъ и даже не вошелъ въ Полн. Собр. россійск. законовъ, какъ и нѣкоторые другіе акты, относящіеся къ этому времени (см. XVIII вѣкъ, Бартенева, т. IV).

Еще сильнѣе повліяли на умы распоряженія Петра о закрытіи домовыхъ церквей, которыхъ касались уже постановленія Петра В. Но послѣдовавшее за тѣмъ распоряженіе поселило самыя сильныя подозрѣнія даже на счетъ возможности перемѣны религіи. По словамъ Болотова (т. II, с. 9), императоръ призвалъ новгородскаго архіепископа Дмитрія Сѣченова и заявилъ ему требованіе, чтобы въ храмахъ были сняты всѣ образа, кромѣ изображеній І. Христа и Богородицы, чтобы священники обрили бороды и надѣли обыкновенное платье, какъ иностранные пасторы. Дмитрій Сѣченовъ рѣшился сказать объ этомъ только нѣкоторымъ духовнымъ сановникамъ и этимъ пока дѣло кончилось, но оно содѣйствовало во всякомъ случаѣ ускоренію переворота. О сильномъ неудовольствіи духовенства противъ Петра говоритъ Кейтъ въ донесеніи отъ 7 іюня (La cour 184) и Кастера въ своей исторіи царствованія Екатерины II (II, 273). Послѣдній сообщаетъ, что Сѣченовъ за свои возраженія по этому дѣлу былъ удаленъ, но потомъ снова призванъ изъ страха передъ народнымъ неудовольствіемъ. Австрійскій посланникъ Мерси д'Аржанто (№ 51 и др.) почти дословно повторяетъ сообщенія Гольца, Кейта и др. о дѣйствіяхъ Петра III и неудовольствіяхъ противъ него[1]. Онъ же сообщаетъ, что императоръ заявилъ желаніе устроить

---

1) Вѣроятно къ этимъ обстоятельствамъ относится слѣдующая записка Петра III, извлеченная изъ рукописнаго сборника конца XVIII в., принадлежащаго гр. А. С. Уварову, А. М. Лазаревскимъ:

1) Чтобы дать волю во всѣхъ законахъ (вѣроисповѣданіяхъ) и какое у кого ни будетъ желаніе, то не совращать.

2). Принять вообще всѣхъ западныхъ и чтобъ ихъ не имѣли въ поруганіи и проклятіи.

3). Греческіе посты вовсе прекратить и чтобъ не почитать въ законъ, но въ произвольство.

протестанскую церковь во дворцѣ, а въ загородномъ своемъ дворцѣ онъ даже успѣлъ это сдѣлать, онъ старался показать свое неуваженіе къ рускому духовенству и богослуженію: принималъ дипломатическій корпусъ, разговаривалъ во время богослуженія, уходилъ изъ церкви во время колѣнопреклоненій и т. п. (Мерси д'Аржанто, 392); между тѣмъ какъ Екатерина въ точности выполняла всѣ постановленія руской церкви (Сборн. Р. И. Общ. XVIII. Донесенія д'Аржанто и статья пр. Брикнера Др. и Нов. Рос. 1878 г. № 11)[1].

Опасенія переворота. Не смотря на общее неудовольствіе народа и войска (донесенія д'Аржанто №58), императоръ рѣшился отправиться въ заграничный походъ, не дожидаясь коронаціи. Гольцъ и Шверинъ убѣждали императора не дѣлать этого, указывая на недовольство лицъ, готовыхъ въ отсутствіе его совершить переворотъ; однако онъ не соглашался съ ними. Но они были увѣрены, что вліяніе Фридриха на императора всесильно. Въ началѣ апрѣля Шверинъ писалъ: „Никто въ мірѣ, кромѣ вашего величества, не можетъ отвратить императора отъ этого опаснаго путешествія. Письмо отъ вашего величества,

---

4) Огрѣхъ прелюбодѣйномъ не имѣть никому осужденія, ибо и Христосъ не осуждалъ.

5) Всѣхъ вашихъ здѣшнихъ бывшихъ монастырскихъ крестьянъ причислить моему державству, а вмѣсто нихъ мое собственное на жалованье дать.

6) Чтобъ дать волю во всякихъ моихъ мѣрностяхъ (мѣропріятіяхъ) и что ни будетъ отъ насъ впредь представлено, не препятствовать.

Въ концѣ замѣчено: „Такое мнѣніе было дано и собственною рукою его подписано и въ синодъ представлено іюня 25 дня 1762 году. (Рус. Арх. 1871, столбецъ 2055).

Если это свидѣтельство вѣрно, то записка была составлена всего за три дня до переворота. Она проникнута протестанскимъ духомъ.

1) Штелинъ пишетъ: „Не былъ ханжею, но и не любилъ никакихъ шутокъ надъ вѣрою. Былъ нѣсколько невнимателенъ при внѣшнемъ богослуженіи, часто позабывалъ кресты и поклоны и разговаривалъ съ окружающими. Чуждъ всякихъ предразсудковъ и суевѣрій; былъ болѣе протестантъ, чѣмъ русскій". 110–111.

въ которомъ вы посовѣтуете ему остаться въ Россіи, заставитъ его перемѣнить намѣреніе. Онъ навѣрное послѣдуетъ вашему совѣту". Гольцъ настаивалъ по-крайней мѣрѣ прежде совершить коронацію. Фридрихъ успѣлъ еще предупредить его съ этою мыслью. Онъ писалъ, что коронація укрѣпитъ преданность къ нему народа, что русскимъ онъ не вѣритъ, что другіе благословляли-бы небо за такого государя. Онъ указывалъ на заговоръ стрѣльцовъ, затѣянный въ отсутствіе Петра В., возможность возведенія на престолъ несчастнаго Ивана Антоновича. Онъ совѣтывалъ Петру взять въ армію всѣхъ подозрительныхъ лицъ, а въ Россіи оставить для наблюденія лифляндцевъ и голштинцевъ. Петръ настаивалъ на своемъ, ссылаясь на то, что война уже почти начата, что Иванъ Антоновичъ сидитъ въ безопасной крѣпости, а онъ самъ свободно гуляетъ по улицамъ, вполнѣ довѣряя русскимъ. Онъ увѣрялъ, что обхожденіемъ можно все сдѣлать съ ними, но отказаться отъ похода, по его мнѣнію, значило бы подвергнуть себя нареканіямъ. Однако дѣйствовать противъ датчанъ предназначалось не нѣмцу, а русскому. Еще въ февралѣ Фермаръ былъ уволенъ отъ службы, а заграничныя войска переданы графу П. С. Салтыкову, но затѣмъ въ Петербургъ былъ вызванъ Румянцовъ, успѣшно дѣйствовавшій подъ Кольбергомъ, которому и были поручены военныя дѣйствія противъ датчанъ. 21 мая онъ получилъ уже предписаніе поспѣшить утвердиться въ Мекленбургѣ и считать войну объявленною. Но Петръ до того былъ проникнутъ мыслію о войнѣ и местью противъ Даніи, что на этотъ разъ не сообщилъ даже своей депеши Гольцу и тотъ узналъ о состоявшемся рѣшеніи изъ другихъ рукъ. Во всемъ этомъ Гольцъ винилъ Волкова. Наконецъ состоялось объявленіе объ отъѣздѣ императора и было сообщено иностраннымъ министрамъ, чтобы они слѣдовали за нимъ. Между тѣмъ, на первыхъ порахъ пришлось встрѣтить весьма существенныя препятствія. Глѣбовъ не могъ достать 4 мил. рублей для настоящаго предпріятія, а англійскіе купцы, къ которымъ обратился онъ за содѣйствіемъ, отказали въ томъ (Мерси, №№ 57, 70); Румянцовъ испытывалъ совершенный недостатокъ въ съѣстныхъ припасахъ, а прус-

саки, вопреки обѣщаніямъ Фридриха, вмѣсто помощи, стали требовать у Румянцова возвращенія мѣстъ, занятыхъ въ Помераніи (Щебальскій, Политическая система Петра III, 176-184).

Положеніе Ивана Антоновича. Мы видѣли, что Фридрихъ указывалъ на возможную опасность для императора отъ Ивана Антоновича, а онъ отвѣчалъ, что опасности нѣтъ. Однако еще съ начала года надзоръ за узникомъ въ Шлюссельбургѣ былъ усиленъ. Въ случаѣ чьего либо нападенія велѣно было не отдавать его живымъ; въ случаѣ его сопротивленія и дерзостей — позволялось сажать его на цѣпь и даже бить. Въ случаѣ требованія его изъ Шлюссельбурга, вѣрить только указу, присланному съ кн. Голицынымъ или бар. Унгерномъ. Вскорѣ затѣмъ, говорятъ, императоръ разрѣшилъ перевезти Ивана Антоновича въ Петербургъ, гдѣ и посѣтилъ его въ числѣ другихъ лицъ. Велѣно было доносить о его дальнѣйшемъ поведеніи, а дѣла его переданы были въ завѣдываніе Волкова и Мельгунова[1].

Опасность для императора. Такимъ образомъ со стороны Ив. Антон. не существовало никакихъ опасеній. Сомнѣніе являлось съ другой стороны, на которую не обращали должнаго вниманія, но которая, однако, болѣе наблюдательными людьми была подмѣчена. Вотъ что писалъ французскій посолъ Бретейль въ эти полгода: „Въ день поздравленія съ восшествіемъ на престолъ на лицѣ императрицы была написана глубокая печаль. Ясно, что она не будетъ

1.) Соловьевъ на основаніи распоряженія о пропускѣ (22 марта) указанныхъ лицъ къ Ив. Ант. дѣлаетъ заключеніе о привозѣ его въ Петербургъ, но упоминаніе о другихъ лицахъ, которыя допускались вмѣстѣ съ ними видѣть Ив. Ант. въ Шлюссельбургѣ и показанія Мерси, Гельбига, Сальдерна, біографіи Петра III у Бюшинга и Шуелина склоняютъ въ пользу мнѣнія о свиданіи императора съ Ив. Ант. въ Шлюссельбургѣ. Поѣздка состоялась 1 апрѣля новаго стиля; Мерси, 271. ср. Брикнеръ 91-97. Кейтъ доносилъ потомъ объ Ив. Ант. въ такомъ смыслѣ, что онъ не могъ уже считаться опаснымъ. Онъ былъ развитъ физически; но умственно казался вполнѣ разстроен-

имѣть никакого значенія и я знаю, что она старается вооружиться философіею; но это противно ея характеру. Императоръ удвоилъ вниманіе къ гр. Воронцовой. Надобно признаться, что у него странный вкусъ: она не умна, что же касается наружности, то трудно себѣ представить женщину безобразнѣе ея: она похожа на трактирную служанку. Императрица находится въ самомъ жестокомъ положеніи, съ нею обходятся съ явнымъ презрѣніемъ. Она неравнодушно переноситъ обращеніе императора и высокомѣріе Воронцовой. Трудно себѣ представить, чтобы Екатерина (я знаю ея отважность и ея рассудокъ) рано или поздно не приняла какихъ нибудь крайнихъ мѣръ. Я знаю друзей, которыхъ она старается успокоить, но, если она потребуетъ, они пожертвуютъ всѣмъ. Императрица пріобрѣтаетъ всеобщее расположеніе. Никто усерднѣе ея не выполняетъ обязанностей относительно покойной императрицы, предписанныхъ греческимъ духовенствомъ[1]. Духовенство и народъ этимъ очень тронуты. Она строго выполняетъ праздники, посты — все, къ чему императоръ относится легкомысленно; она не пренебрегаетъ ничѣмъ для пріобрѣтенія всеобщей любви и расположенія отдѣльныхъ лицъ; не въ ея натурѣ забыть угрозу императора заключить ее въ монастырь, какъ Петръ Вел. заключилъ свою первую жену". Наконецъ Бретейль пишетъ: „Императрица обнаруживаетъ мужество: она любима и уважаема всѣми въ той же степени, какъ Петръ ненавидимъ и презираемъ". (La cour de Russie и сборникъ Раумера). Почти въ тѣхъ же словахъ выражается и Мерси д'Аржанто, прибавляя, что такое же презрительное отношеніе императоръ обнаруживаетъ и къ своему сыну. А относительно Екатерины онъ замѣчаетъ: „едва ли возможно, чтобы подъ этою спокойною внѣшностью не скрывалось какое нибудь тайное мѣропріятіе (83)". Впрочемъ представители франц. и австр. дворовъ не поль-

---

і дикимъ (Мерси 271—72).

1) Въ манифестѣ Екатерины есть обвиненіе противъ Петра III за его поведеніе у гроба императрицы Елисаветы. XVIII вѣкъ, III.

зовались расположеніемъ Петра-III.

Между тѣмъ какъ императоръ готовился отправиться на поле военныхъ дѣйствій, ему грозила опасность въ Россіи: „время было самое критическое", говоритъ Болотовъ, „опасались, чтобы не сдѣлалось вскорѣ бунта и возмущенія, а особливо отъ огорченной до крайности гвардіи".

Частная жизнь Петра III. Своею частною жизнью Петръ III подливалъ масла въ огонь. Объ этомъ говорятъ почти въ одинъ голосъ иностранныя донесенія (Мерси) и Болотовъ, бывшій свидѣтелемъ его оргій въ качествѣ адъютанта инер. Корфа. Онъ не разъ бывалъ во дворцѣ и видѣлъ кружекъ Петра III, который вовсе не любилъ скрываться отъ постороннихъ зрителей.[1] Петръ III былъ врагъ церемоній и отмѣнилъ даже придворный церемоніалъ при пріемѣ пословъ (Мерси 181). Обѣдая или ужиная за столомъ въ домѣ канцлера или у какого нибудь иностраннаго купца, въ многочисленной компаніи (до 300 чел., причемъ садились по жребію), императоръ такъ разгорячался призомъ, что не стѣснялся уже въ разговорѣ: говорилъ громко, не щадилъ своихъ политическихъ враговъ, а послѣ стола игралъ въ азартную игру, причемъ иногда задѣвалъ иностранныхъ министровъ (Бретейля), такъ что канцлеру оставалось только пожимать плечами (Мерси 190-192, ср. №№ 43, 51, 69). Въ придворныхъ концертахъ императоръ самъ игралъ на скрипкѣ, вмѣстѣ съ другими лицами, затѣмъ давалъ у себя ужинъ (иногда на сто особъ) и являлся любезнымъ хозяиномъ (№№ 60, 74). Императрица избѣгала этихъ собраній. Въ болѣе рѣзкихъ выраженіяхъ о жизни тогдашняго двора говоритъ князь Щербатовъ (О поврежденіи нравовъ, 77-78).[2]

1.) Пьянство, билліардъ, хохотъ, гримасы, пустая болтовня, прыганье на одной ногѣ и т.п. развлеченія были обычными въ этомъ кружкѣ, Болотовъ II, 197.

2.) На святой недѣлѣ императоръ переселился изъ лѣтняго дворца (на мѣстѣ нынѣшняго Михайловскаго замка) въ новый зимній дворецъ, построенный знаменитымъ Растрелли, куда переѣхала также императрица, помѣщенная на отдаленномъ

Образованіе заговора. Фридрихъ II, въ своихъ мемуарахъ, замѣчаетъ: „Лица, на которыхъ смотрѣли какъ на заговорщиковъ, всего менѣе виновны были въ заговорѣ. Настоящіе же виновники его работали молча и тщательно скрывались отъ публики". Это до такой степени вѣрно, что сама Дашкова, разсказывая въ своихъ запискахъ о своей первой роли въ заговорѣ, въ свою очередь обманывалась. Ее втянули въ этотъ замыселъ на столько, на сколько она была необходима, чтобы скрыть самый планъ не только отъ Петра III, но и отъ его фаворитки, сестры Дашковой[1]. Заговоръ противъ Петра составился еще въ царствованіе Елисаветы. По словамъ Екатерины (Рус. Арх. 1863, 383), этотъ планъ принадлежитъ Шуваловымъ, которые хотѣли привлечь къ своему плану и Н. И. Панина, бывшаго посломъ въ Швеціи, откуда его устранили за строгое послѣдованіе политикѣ Бестужева, но дали видный постъ при дворѣ. Изъ французскихъ донесеній видно (Corresp. secr. de Louis XV. t. II, 25), что самое назначеніе Панина въ Швецію состоялось прежде по интригѣ Шуваловыхъ, которые видѣли въ немъ соперника И. И. Шувалову. Понятно поэтому отвращеніе Панина отъ замысловъ послѣднихъ. Это сообщеніе онъ немедленно передалъ Екатеринѣ и увѣрилъ ее, что больная императрица даетъ свое согласіе на высылку изъ Петербурга Петра Ѳедоровича

концѣ его, вел. князь Павелъ Петровичъ съ Панинымъ, Е. Р. Воронцова и принцесса голштейнъ-бекская, дочь фельдмаршала. Сюда же перенесъ императоръ герцогскую библіотеку, привезенную изъ Киля въ 1746 г. и помѣщавшуюся въ Ораніенбаумѣ, которою завѣдывалъ Штелинъ. Къ ней была присоединена инженерная и военная библіотека Меллинга; кромѣ того императоръ тщательно просматривалъ новые каталоги, изъ которыхъ выбиралъ множество книгъ по военнымъ наукамъ и путешествія, составлявшія его любимое чтеніе. Но изъ его библіотеки были удалены всѣ латинскія книги. Штелинъ, 71, 104–110.

1.) Участіе ея нѣкоторые объясняли близкими личными отношеніями къ Н. И. Панину. (Рюльеръ), но Дашкова отвергаетъ это (Рус. Арх. 1877, II, 360, замѣч. ея на книгу Рюльера).

ни чтобы созвать въ Россіи мать и сына. Панинъ безъ сомнѣнія считалъ передачу престола возможною лишь для сына Петра и этой мысли онъ оставался вѣренъ потомъ (Письмо Екатерины къ Понятовскому, записки Дашковой). Съ другой стороны, въ бытность свою въ Швеціи, онъ проникся аристократическими идеями шведской конституціи, расположеніе къ которой замѣтно и въ нѣкоторыхъ его планахъ[1]. Панину не нравились военныя наклонности Петра и онъ неодобрительно отнесся къ своему повышенію въ высшій военный чинъ (Дашкова). Въ средѣ сторонниковъ Петра III не было единодушія, а генер. Корфъ, въ рукахъ котораго находилось управленіе полиціей, занимался больше удовольствіями и самъ бывалъ въ покояхъ императрицы. Извѣстна прежняя связь кружка Екатерины съ Разумовскимъ въ царствованіе Елисаветы. Теперь гетманъ имѣлъ причины неудовольствія противъ Петра, который хотѣлъ передать гетманство своему любимцу Гудовичу (Castera, I, 263). Но существенная поддержка безъ сомнѣнія предполагалась въ средѣ гвардіи, гдѣ гетманъ пользовался большимъ расположеніемъ и гдѣ служили люди, близкіе уже къ Екатеринѣ, какъ Орловы, имѣвшіе своихъ сторонниковъ, готовыхъ рѣшиться на все. О связи Корфа съ Орловыми говоритъ также Болотовъ (II, 210-224). На близкое участіе Разумовскаго указываетъ ранній арестъ его постояннаго руководителя Теплова, выпущеннаго однако по его просьбѣ (въ мартѣ, Мерси, 249)[2].

---

1) Записка со словъ Панина; въ Рус. Арх. 1879, I, составленная датскимъ посланникомъ Ассебургомъ въ его Denkwürdigkeiten, Berl. 1842. Интересны здѣсь подробности о Петрѣ III, причемъ главная роль въ этомъ дѣлѣ приписывается Панину.

2.) Екатерина говоритъ, что съ планомъ объ устраненіи Петра отъ престола приставали къ ней со смерти Елисаветы (Письмо къ Понятовскому).... Ассебургъ разсказываетъ, что Панинъ, задумавъ свой планъ за нѣсколько недѣль до переворота, привлекъ на свою сторону гетмана и ген.-аншефа кн. Волконскаго, какъ людей, пользовавшихся расположеніемъ въ войскахъ. Разумовскій же находился постоянно при Петрѣ III. Екатерина сама говоритъ, что планъ вполнѣ созрѣлъ (какъ и у Ассе-

Сохранилось два разсказа объ этихъ событіяхъ, принадлежащихъ лицамъ, причастнымъ къ нимъ, и претендующимъ другъ передъ другомъ на достовѣрность своего разсказа: одинъ – въ запискахъ Дашковой, которая старается исправить вышедшій спустя нѣсколько лѣтъ французскій разсказъ въ книгѣ Рюльера, и другой въ письмѣ Екатерины къ Понятовскому, направленный противъ мнѣнія о главной роли въ этомъ дѣлѣ Дашковой. Письмо это долго заподозрѣвалось (Зап. Понятовскаго и Екатерины II), но Соловьевъ отыскалъ его въ Госуд. Арх. и посему всякія подозрѣнія теперь устранены.

Екатерина Романовна Дашкова, урожденная Воронцова, по своему воспитанію, составляетъ полный контрастъ съ своею сестрою. На ней вполнѣ отразилось вліяніе современной французской философіи. Въ то время какъ ея сестра предавалась чтенію соблазнительныхъ французскихъ романовъ[1], Дашкова въ юныхъ лѣтахъ читала уже Бэйля, Монтескье, Вольтера, Буало, пользуясь прекрасною библіотекою любителя французской литературы И. И. Шувалова и собственною, состоявшею изъ 900 томовъ, въ числѣ которыхъ была и знаменитая Энциклопедія. Политика составляла ея страсть: она любила бесѣдовать съ дипломатами и перечитывала старыя дипломатическія дѣла (см. ея Записки). Эти занятія сблизили ее съ Екатериною. Зная эти обстоятельства, мы поймемъ ея хвастливость, ея желаніе рисоваться въ запискахъ своимъ участіемъ въ заговорѣ, желаніе доказать, что и она имѣла такое же политическое вліяніе, какъ основательницы французскихъ салоновъ на ходъ событій во Франціи. Вотъ ея разсказъ объ этихъ событіяхъ. Дворъ находился въ это время въ Петергофѣ. Петръ веселился въ Ораніенбаумѣ (Екатерина была здѣсь на оперѣ, Мерси № 78). Вдругъ разнеслась вѣсть объ арестѣ Пассека (27 іюня), причастнаго къ заговору. Дашкова дѣли-

---

бурга) за 4 недѣли.

1.) Эти книги она забирала въ долгъ въ академической книжной лавкѣ, который отказался уплатить отецъ и, кажется, не уплатила и сестра ея (Ист. Акад. наукъ Пе-

етъ распоряженія о немедленномъ прибытіи Екатерины въ Петербургъ и посылаетъ съ этою цѣлью А. Г. Орлова въ Петергофъ. Панинъ удерживаетъ Дашкову, но это не останавливаетъ ея дальнѣйшихъ дѣйствій. Рано утромъ 28 іюня императрица была уже въ столицѣ. Въ тотъ же день, когда Екатерина была объявлена императрицею, послѣ молебна, совершеннаго въ Казанскомъ соборѣ, Дашкова появляется рядомъ съ Екатериною во дворцѣ и возлагаетъ на нее Андреевскую ленту, снятую съ плечъ Панина. Въ своихъ запискахъ Дашкова указываетъ и главныхъ участниковъ, служившихъ въ гвардіи: Рославлевыхъ, Ласунскаго, Пассека, Бредихина, Баскакова, Хитрово, кн. Барятинскаго, Орловыхъ. Съ нѣкоторыми изъ нихъ она познакомилась чрезъ своего мужа, служившаго въ Преображенскомъ полку. Какъ главный поводъ переворота, она приводитъ свой разговоръ съ Петромъ III, который прямо заявлялъ ей о намѣреніи своемъ заключить Екатерину въ монастырь и вступить въ бракъ съ Елисаветою Воронцовою (впрочемъ, какъ оказывается, не точный въ печатныхъ запискахъ Дашковой. См. свѣдѣнія объ оригиналѣ этихъ записокъ въ Рус. Арх. 1880 г. кн. III). Мерси д'Аржанто также считаетъ ближайшимъ поводомъ къ перевороту намѣреніе Петра заключить Екатерину въ монастырь до своего отъѣзда въ армію, а Болотовъ прибавляетъ что тогда распространился слухъ, будто бы онъ думалъ устранить и своего сына (II, 211). Его воспитателя Панина Петръ III не любилъ и даже оскорбилъ его (Рус. Арх. 1879, I, 364). Объ организаціи заговора въ полкахъ см. Рус. Арх. 1880 г., I, 147–151). Главными дѣятелями переворота Мерси выставляетъ Панина, Разумовскаго, Дашкову, Орловыхъ (№ 82). О роли Дашковой, какъ близкой участницы въ тогдашнихъ событіяхъ, сообщаетъ и Болотовъ (II, 274); но безъ сомнѣнія она была здѣсь довѣреннымъ лицемъ Панина, вліяніе свое на котораго, какъ и на Екатерину, она слишкомъ преувеличиваетъ. (см. записку Ассебурга). Видно однако, что домъ Дашковой служилъ мѣстомъ

карскаго, I, LV).

обращаний (365). За распоряжениями начальствующія лица обращались къ Панину (XVIII вѣкъ, II, 634).

Теперь выслушаемъ Екатерину: „Княгиня Дашкова, пишетъ она, младшая сестра Елисаветы Воронцовой, хочетъ присвоить себѣ честь этой революціи; но не говоря уже о ея родствѣ, девятнадцатилѣтній возрастъ не позволялъ никому имѣть къ ней довѣрія. Она говоритъ, что все доходило до меня черезъ нее; но въ продолженіи шести мѣсяцевъ я сносилась со всѣми главами предпріятія, прежде чѣмъ она узнала первое слово. Правда, что она очень умна; но умъ ея испорченъ чудовищнымъ тщеславіемъ и сварливымъ характеромъ; главы предпріятія ее ненавидятъ, но она была въ дружбѣ съ пустыми людьми, которые разсказывали ей, что знали, т. е. мелочи. Все дѣлалось подъ моимъ наблюденіемъ. Тайна была въ рукахъ трехъ братьевъ Орловыхъ, прибавляетъ она, въ конной гвардіи управляли всѣмъ Хитрово и Потемкинъ".[1]

Противъ такого отрицанія Екатериной всякаго участія Дашковой, говоритъ, однако, ея признательность этой послѣдней. Въ сохранившейся запискѣ о наградахъ въ первые дни торжества участниковъ его, читаемъ, что гетманъ, Панинъ, кн. Волконскій получили по 5000 р. пенсіи, а Дашкова даже 12,000 р., и затѣмъ 5 августа новое распоряженіе: „выдать княгинѣ Е. Р. Дашковой за ея ко мнѣ и къ отечеству отличныя заслуги 24.000 р. (С. Р. И. Общ. VII, 110, 132); хотя Дашкова и тутъ не позабыла похвастаться своимъ безкорыстіемъ. Потомъ, какъ извѣстно, она также была сдѣлана директоромъ Академіи Наукъ - назначеніе по тому времени болѣе чѣмъ блестящее; но полнаго довѣрія между нею и Екатериною не было и онѣ разстались при взаимныхъ недоразумѣніяхъ (Е. Р. Дашкова, Иловайскаго Отеч. Зап. 1859 № 9-12).

---

1) Письмо Екатерины напечатано при ея запискахъ и запискахъ Понятовскаго изданн. въ Лейпцигѣ, и въ сборникѣ: La cour de Russie. Ср. о пособникахъ Екатерины въ сборн.: XVIII Вѣкъ, кн. III, Соловьевъ, 109-10 и пр. 125. У послѣдняго это мѣсто приведено вполнѣ.

Сохранилось также два разсказа участниковъ въ этихъ событіяхъ - Державина въ его запискахъ и С. Р. Воронцова - въ его автобіографической запискѣ (въ VIII т. Арх. Воронц.). Изъ нихъ узнаемъ, что Екатерина, по прибытіи въ Петербургъ, была провозглашена въ Семеновскомъ и Измайловскомъ полкахъ, но въ Преображенскомъ произошло замѣшательство вслѣдствіе того, что офицеры, а въ числѣ ихъ и Воронцовъ, хотѣли удержать солдатъ въ вѣрности Петру. Духовенство уговаривало народъ, собравшійся передъ зимнимъ дворцомъ, покориться императрицѣ[1].

<u>Объявленіе Екатерины императрицею</u>. По прибытіи изъ казанскаго собора въ новый зимній дворецъ, Екатерина нашла уже въ сборѣ сенатъ и синодъ. Въ ихъ присутствіи Тепловъ составилъ форму присяги и манифестъ, въ которомъ объявлялось, что „православный греческій законъ <u>первѣе всего</u> возчувствовалъ свое потрясеніе и истребленіе преданій церковныхъ, такъ что церковь наша греческая крайне подвержена оставалась послѣдней своей опасности <u>перемѣною</u> древняго въ Россіи православія и принятіемъ <u>иновѣрнаго закона</u>; во вторыхъ, слава Россіи, возведенная на высокую степень своимъ побѣдоноснымъ оружіемъ, чрезъ многое свое кровопролитіе, заключеніемъ <u>новаго мира</u> съ самымъ ея <u>злодѣемъ</u> отдана уже дѣйствительно въ совершенное порабощеніе, а между тѣмъ внутренніе безпорядки, составляющіе цѣлость всего нашего отечества, совсѣмъ испровержены", вслѣдствіе чего, говорится далѣе, императрица, будучи убѣждена въ опасности всѣхъ подданныхъ и нелицемѣрныхъ желаній ихъ, вступила на престолъ (П.-

---

1) Мерси говоритъ, что она обращалась съ рѣчью къ солдатамъ, въ которой изложила опасности, угрожавшія ей и ея сыну, религіи и государству. Сборникъ Р. И. О. XVIII, 417.

Заслуживаетъ также вниманія, что авторъ записокъ Болотовъ, не смотря на неоднократныя приглашенія Гр. Гр. Орлова принять участіе въ этомъ дѣлѣ, отказался, какъ самъ говоритъ, „по тогдашнему моему расположенію мыслей" и, прямо, по

С.З. XV, II, 582). Всѣ сановники были весь этотъ день на ногахъ, въ ожиданіи распоряженій (Ассебургъ, 369); войска стояли на готовѣ, на случай опасности (извѣстіе испанскаго дипломата, Др. и Нов. Рос. 1877, № 2). Прусскіе мундиры гвардіи были немедленно замѣнены старинными петровскими (Дашкова и Трассе у Германа, V, 291). Генералъ-прокуроръ Глѣбовъ въ числѣ первыхъ перешелъ на сторону Екатерины. Пріѣхавшіе изъ Петергофа, чтобы справиться о положеніи дѣлъ въ Петербургѣ, гр. А. П. Шуваловъ и кн. Никита Трубецкой, были приведены къ присягѣ.[1] Корфъ также подчинился обстоятельствамъ. Канцлеръ Воронцовъ пытался убѣдить Екатерину отказаться отъ своихъ намѣреній и въ тотъ же день сталъ проситься въ отставку, но Дашкова говоритъ, что онъ отказывался принести присягу императрицѣ до смерти императора (въ запискахъ и замѣчаніяхъ на Рюльера); но онъ остался, по прежнему, въ должности канцлера, что, конечно, противорѣчитъ этимъ показаніямъ.

Отреченіе Петра III. Между тѣмъ императоръ, узнавъ объ исчезновеніи императрицы изъ Петергофа и совершеніи переворота, отправился туда, но уже было поздно (Мерси № 81, стр. 115—123). Тогда онъ рѣшился укрѣпиться въ Кронштадтѣ, куда и направился со своимъ штабомъ. Но посланный еще прежде туда, графъ Девьеръ, опоздалъ, такъ какъ здѣсь начальствовалъ уже адмиралъ Талызинъ, который арестовалъ Девьера, а когда приблизилась къ Кронштадту яхта императора, то ему грозили стрѣлять по ней. На совѣтъ Миниха и Гудовича рѣшиться высадиться, Петръ III спрятался въ нижнюю часть корабля. Минихъ тогда же совѣтовалъ императору добраться до Ревеля, сѣсть на военный корабль и отправиться въ Померанію, откуда явиться съ войскомъ въ Россію. Но императоръ больше поддавался слезамъ женщинъ и возвратился въ Петергофъ. Попытка его обратиться съ манифеста-

---

философическимъ правиламъ въ жизни". (II, 222).

1.) Екатерина подозрѣвала ихъ во враждебныхъ замыслахъ противъ нея (Письмо къ Понятовскому).

ми къ народу (которые писалъ Волковъ), окончилась ничѣмъ. Тогда онъ вступилъ при посредствѣ вице-канцлера Голицына и генерала Измаилова, въ переговоры съ Екатериною, бывшею уже на пути къ Петергофу во главѣ войска и въ сопровожденіи Панина и Дашковой. Въ своей просьбѣ къ Панину Петръ III обнаружилъ полнѣйшее малодушіе (записки его Рус. Арх. 1879, I, 369), а его полторы тысячи голштинцевъ оказались совершенно безполезны въ минуту опасности.

Приверженцы Петра III главнымъ виновникомъ считали гетмана Разумовскаго. Тотъ же Тепловъ, который писалъ актъ о восшествіи Екатерины на престолъ, писалъ и отреченіе Петра отъ него. Петръ предлагалъ сначала Екатеринѣ раздѣлить съ нимъ власть; но на это отвѣта не послѣдовало. Затѣмъ пріѣхалъ генералъ Измайловъ и объявилъ о намѣреніи императора отречься отъ престола. Императрица поручила ему устроить это дѣло. Въ этомъ актѣ Петръ высказывалъ сознаніе своей неспособности, вслѣдствіе чего цѣлость государства нарушалась и признавалъ себя не только неспособнымъ править самодержавно, но и какимъ-бы ни было образомъ. Вечеромъ того же дня (29 іюня) императоръ былъ перевезенъ въ загородный дворецъ Ропшу, въ 27 верстахъ отъ Петергофа, а императрица на другой же день возвратилась въ Петербургъ, гдѣ подъ охраною сената пребывалъ вел. князь Павелъ Петровичъ (Подл. бумаги объ этихъ событіяхъ въ сборникѣ Бартенева: XVIII Вѣкъ IV, 207-215).

Первыя распоряженія Екатерины II. Въ числѣ первыхъ донесеній Екатеринѣ, сдѣланныхъ сенаторомъ Неплюевымъ, — было ходатайство о разрѣшеніи возвратить вынесенные образа въ домовыя церкви (Рус. Арх. 1879, I, 367). Въ то же время сдѣланы были распоряженія о передачѣ Румянцевымъ заграничной арміи генер. П. И. Панину; такъ какъ Румянцовъ, подозрѣваемый тогда въ преданности Петру III, былъ вызванъ въ Петербургъ.[1] Какъ Панину, такъ и Чернышеву предписывалось не производить никакихъ военныхъ

---

1) Впрочемъ, нѣкоторые эту роль приписываютъ З. Чернышеву (Полит.-

дѣйствій, объщано было сохраненіе мира съ Фридрихомъ и, только въ случаѣ противодѣйствія его возвращенію русской арміи, предписывалось послѣдней присоединиться къ австрійскому корпусу (Соловьевъ т. XXV, ст. 115).

Фридрихъ потомъ упрекалъ въ неудачѣ Петра III, говоря, что онъ изъ трусости не принялъ предложенія Миниха о сопротивленіи. „Онъ позволилъ свергнуть себя съ престола, какъ ребенокъ, котораго посылаютъ спать." Фридрихъ уменьшаетъ значеніе личнаго участія въ этомъ дѣлѣ какъ Екатерины, тогда еще молодой, и которой грозила опасность, такъ и Дашковой, которую онъ называетъ просто хвастливой мухой. „Орловы сдѣлали все", прибавляетъ онъ, не признавая впрочемъ заговора удачнымъ и хорошо составленнымъ (Зап. Сегюра). Но, какъ мы видѣли, самъ Фридрихъ признавалъ, что виновниками этого предпріятія были люди, о которыхъ никто не помышлялъ до того времени.

Сдѣлаемъ общее заключеніе.

Можно согласиться съ мнѣніемъ, что „Петръ III не имѣлъ блистательныхъ качествъ своей супруги, но они замѣнялись чрезвычайною благостію. (Вейдемейеръ, Дворъ и замѣч. люди въ Россіи во 2ой половинѣ XVIII стол. I, 6-7). Можно удивляться тому, что Петръ III издалъ при весьма важныя законодательныя мѣры въ теченіи трехъ мѣсяцевъ, преобразованія же по второстепеннымъ вопросамъ слѣдовали едва ли не всякій день: подобной быстроты не обнаруживалъ даже геніальный Петръ I, и вообще въ дѣлѣ реформы между первою мыслію о какомъ нибудь нововведеніи и его обнародованіемъ проходятъ иногда цѣлые годы (Щебальскій, Чтенія изъ рус. исторіи, V, 13). Но въ самомъ способѣ законодательной дѣятельности Петра III были задатки ея непрочности. Отсюда столь быстрая смѣна нѣкоторыхъ позановъ.

системы Петра III, (Щебальскаго, 183); но оба они заняли при Екатеринѣ видные пос

ній, недавно изданныхъ (Соловьевъ, XXV, 84). Другія, весьма важныя постановленія Петра не могли быть проведены послѣдовательно до конца. Въ слѣдствіе этого указъ о монастырскихъ крестьянахъ вызвалъ неудовольствіе въ средѣ остальныхъ крестьянъ, положеніе которыхъ послѣ этого стало еще хуже.[1] Съ другой стороны, слѣдуя своимъ личнымъ побужденіямъ, императоръ не разбиралъ средствъ для проведенія задуманныхъ плановъ и намѣреній, а въ его личныхъ отношеніяхъ къ окружающимъ часто проявлялся капризъ или легкомысліе, не щадившіе ни друзей, ни враговъ (см. выше стр. 10, 42, 73, 75). Вотъ почему обѣ стороны легко сошлись потомъ въ общихъ дѣйствіяхъ, направленныхъ противъ существующаго порядка. Но если во внутренней дѣятельности правительства принимали, безъ сомнѣнія, участіе, по крайней мѣрѣ, лучшіе изъ его совѣтниковъ, то въ дѣлахъ внѣшней политики императоръ взялъ на себя главную роль и долженъ былъ нести поэтому полную отвѣтственность. Преслѣдуя давно задуманныя цѣли, онъ старательно избѣгалъ всякаго посторонняго вмѣшательства, а между тѣмъ эти отношенія затрогивали весьма чувствительныя струны: національное чувство, возбужденное недавнимъ миромъ и перспективою новой войны, и опасенія за перемѣну внѣшней политики, подъ вліяніемъ личныхъ симпатій императора. Поэтому напрасны были совѣты Миниха послѣднему отправиться за границу и опереться на заграничную армію. Солдаты сердились, что ихъ заставляли сражаться противъ старой союзницы, Маріи Терезіи, въ пользу прусскаго короля, котораго они считали заклятымъ врагомъ Россіи (Зап. Дашковой). Конечно, подобная перемѣна политики была возможна при другихъ условіяхъ въ положеніи самаго правительства. Между тѣмъ, несмотря на продолжительное свое пребываніе въ Россіи, императоръ оставался почти чуждымъ странѣ: ни секуляри-

---

1.) „Преобразованіе въ судьбѣ церковныхъ крестьянъ сдѣлано было на тѣхъ же почти главныхъ основаніяхъ, на какихъ въ наши дни оно совершено относительно всего крестьянскаго сословія: это большая похвала для тогдашняго правительства", говоритъ Щебальскій, Н. д. 23.

В. Иконниковъ

зація церковныхъ имуществъ, ни отмѣна домашнихъ церквей, сами по себѣ, не могли произвести еще того движенія, которое обнаружилось, когда стали извѣстны намѣренія императора относительно церковной реформы.

Такимъ образомъ, все, что было противъ Петра III, должно было стать на сторону Екатерины. Въ этомъ заключалась ея сила и причина успѣха. Ея поведеніе и личныя отношенія, отличавшіяся всегда достоинствомъ и простотою, привлекали къ ней вниманіе однихъ и надежды другихъ. Вотъ почему, когда нѣкоторые предложили ей свои услуги тотчасъ по смерти Елисаветы, она могла отвѣчать имъ: „Я ничего не предприму и думаю, что мнѣ остается одно: мужественно встрѣтить событія, какія бы они ни были" (Зап. Дашковой). Расположеніе къ ней возникло задолго до переворота, постепенно возрастало и усиливалось по мѣрѣ приближенія къ развязкѣ; но опытные наблюдатели могли задолго предвидѣть, что „рано или поздно" она должна стать во главѣ движенія.

Примѣчаніе къ стр. 37-38. При Петрѣ III сенатъ состоялъ изъ 14 членовъ, а именно въ него входили: канцлеръ гр. Мих. Лар. Воронцовъ, гр. Ром. Лар. Воронцовъ, фельдмаршалъ кн. Никита Юр. Трубецкой, кн. Петръ Ник. Трубецкой, кн. Мих. Мих. Голицынъ, кн. Алексѣй Дмитр. Голицынъ, гр. Александръ Ив. Шуваловъ, кн. Ив. Вас. Одоевскій, Ив. Ив. Неплюевъ, Александръ Борис. Бутурлинъ, Александръ Григ. Жеребцовъ, Петръ Спирид. Сумароковъ, Ив. Ив. Костюринъ, генер.-прокуроръ А. И. Глѣбовъ. — Соловьевъ, XXV, 19.

Лекція 5.

Царствованіе Екатерины II

Поведеніе солдатъ во время переворота. Вотъ какъ описываетъ первые дни послѣ совершившихся событій одинъ изъ ближайшихъ очевидцевъ ихъ, Державинъ: „День былъ самый красный, жаркій. Кабаки, погреба и трактиры для солдатъ растворены: пошелъ пиръ на весь міръ; солдаты и солдатки, въ неизъяснимомъ восторгѣ и радости, носили ушатами вино, водку, пиво, медъ, шампанское и всякія другія дорогія вины все вмѣстѣ безъ всякаго разбору въ кадки и боченки, что у кого случилось. — Въ полночь на другой день съ пьянства Измайловскій полкъ, обуявъ отъ гордости и мечтательнаго своего превозношенія, что императрица въ него пріѣхала и прежде другихъ имъ препровожедаема была въ Зимній дворецъ, собравшись безъ вѣдѣнія командующихъ, приступилъ къ лѣтнему дворцу, требовалъ, чтобы императрица къ нему вышла и увѣрила его персонально, что она здорова; ибо солдаты говорили, что дошелъ до нихъ слухъ, что она увезена хитростями прусскимъ королемъ, котораго имя всему россійскому народу было ненавистно. Ихъ увѣрили дежурные придворные, Иванъ Ивановичъ Шуваловъ, и подполковникъ ихъ, графъ Разумовскій, также и господа Орловы, что государыня почиваетъ и слава Богу въ вожделѣнномъ здравіи; но они не вѣрили и непремѣнно желали, чтобы она имъ показалась. Государыня принуждена была вставъ, одѣтая въ гвардейскій мундиръ и проводить ихъ до ихъ полка. Поутру изданъ былъ манифестъ, въ которомъ хотя съ одной стороны похвалено было ихъ усердіе; но съ другой — напоминалась воинская дисциплина, и чтобы не вѣрили они разсѣваемымъ злонамѣренныхъ людей мятежничьимъ слухамъ, которыми хотятъ возмутить ихъ и общее спокойствіе, въ против-

номъ случаѣ впредь, за непослушаніе онѣ своимъ начальникамъ и всякую подобную дерзость, наказаны будутъ по законамъ. За всѣмъ тѣмъ съ того самого дня приумножены пикеты, которые во многомъ числѣ съ заряженными пушками и съ зажженными фитилями по всѣмъ мѣстамъ, площадямъ и перекресткамъ разставлены были. Въ такомъ военномъ положеніи находился Петербургъ, а особливо вокругъ дворца, въ которомъ государыня пребываніе свое имѣла, дней съ 8-ми, то есть по самую кончину императора". (Объ учрежд. пикетовъ, П. С. Зак. XVI, 11,585)[1].

По словамъ Болотова, одною изъ первыхъ жертвъ ненависти былъ голштинскій принцъ Георгъ или Жоржъ, какъ называли его въ публикѣ. Когда онъ рѣшился бѣжать изъ Петербурга къ Петру III, то былъ схваченъ и чуть не поплатился жизнію, пока не былъ отданъ подъ надзоръ караула. Но его домъ весь былъ разграбленъ, а сыновья его подверглись оскорбленіямъ. Даже домъ генералъ-полицiймейстера Корфа былъ разграбленъ, а онъ самъ потерпѣлъ непріятности отъ солдатъ (Болотовъ, II, гл. XC и разсказъ малороссіянина въ XVIII вѣкѣ Бартенева, II, 631). Предполагалось сначала захватить бумаги Гольца, но на это не рѣшились (Соловьевъ, XXV, 13) Мельгуновъ, Гудовичъ и Волковъ на нѣкоторое время были арестованы (Сборн. Р. Ист. Общ. XII, 12-28)[2]. Еще въ 1764 и 65 гг. сенату приходилось разсматривать претензіи винныхъ торговцевъ на расхищенное вино въ день восшествія на престолъ Екатерины II. Убытокъ этотъ былъ насчитанъ въ 24,331 р., которые и были зачтены казною въ счетъ откупныхъ денегъ и торговыхъ пошлинъ (Соловьевъ XXV, 124).

Подробный манифестъ. Уже 6 іюля сенатъ слушалъ новый манифестъ,

---

1) Державинъ и другой извѣстный писатель - Новиковъ принимали участіе въ этихъ событіяхъ какъ солдаты гвардіи. XVIII вѣкъ, III, 349

2) Изъ нихъ только Гудовичъ отказался отъ предложенія Екатерины вступить снова въ службу. Онъ уѣхалъ въ свои имѣнія въ Малороссіи. Словарь достоп. людей, [illegible] - Каменскаго, II.

подробно излагавшій вступленіе на престолъ Екатерины. Въ этомъ актѣ Петръ III изображается преданнымъ страстямъ и повергнувшимъ отечество на край гибели. Онъ неприлично велъ себя у гроба императрицы Елисаветы, ругалъ православную церковь; разорялъ православные храмы, не объявлялъ наслѣдникомъ престола сына своего, доходы государственные расточалъ, намѣревался начать безразсудную войну; армію привелъ въ разстройство. Наконецъ въ немъ говорится о намѣреніи Петра погубить Екатерину[1]. Въ манифестѣ императрица обѣщала сдѣлаться достойною любви народа и даровать такія государственныя установленія, которыя поставятъ правительство въ опредѣленныя границы, а законы его послужатъ основаніемъ для преемниковъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ сенату было вручено отреченіе Петра III отъ престола[2].

Объявленіе о кончинѣ императора. Между тѣмъ случилось событіе, которое должно было нарушить на нѣкоторое время нормальное теченіе дѣлъ. Мы говоримъ о внезапной кончинѣ бывшаго императора, постигшей его въ Ропшѣ (Соловьевъ, XXV, 139), извѣстіе о которой было получено въ Петербургѣ 6 іюля и повергло Екатерину, по словамъ Дашковой, въ отчаяніе (ib.)[3].

---

1) Объ этомъ упоминаетъ Екатерина и въ письмѣ къ Понятовскому. Петръ III просилъ отпустить его въ Голштинію съ Гудовичемъ и Воронцовою, по словамъ манифеста.

2) Манифесты объ этихъ событіяхъ были въ свое время напечатаны церковнымъ и гражданскимъ шрифтомъ и помѣщены въ сборникѣ законовъ Екатерины II (Спб. 1764), но болѣе подробный изъ нихъ не вошелъ въ Полн. Собр. Зак., т. XV, а перепечатанъ вновь, вмѣстѣ съ прочими, въ 1869 г. въ сборникѣ Бартенева „XVIII Вѣкъ", IV, 216–224.

3) Вполнѣ понятно, что это событіе послужило тогда предметомъ разныхъ толковъ, перешедшихъ въ иностранныя сочиненія (Кастера), посвященныя этому времени, но, въ свою очередь, они вызвали справедливыя опроверженія (Шюбинъ біогр. Петра III, томъ II, 161, 170). Точно также высказался и Фридрихъ II, въ своемъ разсказѣ графу Сегюру, не смотря на свои натянутыя отношенія въ то время къ Екатеринѣ II (Зап. Сегюра, I, 292, полная цитата изъ нихъ приведена у Соловьева, XXV, –

На другой же день послѣ этого событія былъ изданъ слѣдующій манифестъ: „Въ седьмой день послѣ принятія нашего престола всероссійскаго, получили мы извѣстіе, что бывшій императоръ Петръ III обыкновеннымъ прежде часто случавшимся ему припадкомъ геморроидическимъ впалъ въ прежестокую колику. Чего ради, не презирая долгу нашего христіанскаго и заповѣди святой, которою мы одолжены къ соблюденію жизни ближняго своего, тотчасъ повелѣли отправить къ нему все, что потребно было къ предупрежденію слѣдствъ изъ того приключенія, опасныхъ въ здравіи его и къ скорому вспоможенію врачеваніемъ. Но, къ крайнему нашему прискорбію и смущенію сердца, вчерашняго вечера получили мы другое, что онъ волею Всевышняго Бога скончался. Чего ради мы повелѣли тѣло его привезти въ монастырь Невскій, для погребенія въ томъ же монастырѣ, а между тѣмъ всѣхъ вѣрноподданныхъ возбуждаемъ и увѣщеваемъ нашимъ императорскимъ словомъ, дабы безъ злопамятствія всего прошедшаго, съ тѣломъ его послѣднее учинили прощаніе и о спасеніи души его усердныя къ Богу приносили молитвы. Сіе же бы нечаянное въ смерти его Божіе опредѣленіе принимали за промыслъ Его Божественный, который Онъ судьбами Своими неисповѣдимыми намъ, престолу нашему и всему отечеству строитъ путемъ, Его только Святой волѣ извѣстнымъ." (XVIII вѣкъ, III, 224; П.С.З. № 11,599, также и въ письмѣ къ Понятовскому).

Панинъ съ Разумовскимъ поторопились убѣдить сенаторовъ просить Екатерину не посѣщать тѣла Петра, щадя свое здоровье, на что она, послѣ долгихъ просьбъ, согласилась (XVIII вѣкъ, IV, 213–214). — Сенаторы предпо-

---

прим. 134) Кромѣ того, это подтверждается извѣстіемъ Дашковой (о письмѣ А. Орлова къ императрицѣ у Соловьева, тамъ же). По словамъ Екатерины, бывшаго императора предполагалось перевести въ приличное помѣщеніе въ Шлиссельбургъ, для чего тамъ приготовлялись комнаты и заготовлялись лошади на почтов. станціяхъ (письмо Екат.). Другія свѣдѣнія см. у Бант.-Каменскаго, Словарь достоп. людей, I, 201, у Васильчикова, Семейство Разумовскихъ, I, 299, и Иловайскаго Е.Р. Дашкова — т. II, 245.

лагали тогда же почтить торжество вступленія на престолъ Екатерины монументомъ".

Большая часть сановниковъ, служившихъ Петру (Унгернъ, Будбергъ, Толь и др.) были удалены со своихъ должностей; принцъ Георгъ, защищавшій нерѣдко императрицу отъ грубостей Петра III (ср. о немъ XVIII вѣкъ, III, 352. О награжденіи его деньгами и штатгальтерствомъ. Сб. Р. И. О. XII, 30 и VII, 120), получилъ администрацію въ Голштиніи[2], а голштинскій отрядъ, посаженный въ Кронштадтѣ на корабли, былъ отправленъ въ Голштинію, и часть его пострадала отъ бури (Частера и Тюбина. біографія Петра III)

<u>Результаты переворота. Награды.</u> Въ теченіи почти 40 лѣтъ (1725–1762 г.), въ слѣдствіе отсутствія точнаго закона о престолонаслѣдіи, пять переворотовъ сопровождали утвержденіе престола въ Россіи, въ числѣ которыхъ четыре были совершены въ пользу женщинъ, а пятый сопровождался утвержденіемъ регентства женщины. Вступленіе на престолъ Екатерины II было послѣднимъ такимъ переворотомъ. Только однажды въ ряду этихъ переворотовъ имѣлась другая, опредѣленная цѣль, — ограниченіе власти верховниками, не вышедшая впрочемъ за предѣлы тѣснаго кружка, осуществленіе которой повлекло за собою паденіе олигарховъ. Въ остальныхъ случаяхъ торжество новой власти опиралось на гвардію и нѣсколькихъ виновниковъ переворота, для которыхъ затѣмъ наступало время господства и вліянія. Остальное населеніе покорялось новому порядку.

Послѣдній переворотъ, по своему внѣшнему характеру, почти не отличался отъ предыдущихъ: движеніе въ пользу Екатерины охватило сначала гвардію

---

1) Петръ III былъ погребенъ въ Невскомъ монастырѣ безъ всякихъ церемоній (Сб. Р. И. О. XII, 28 и Болотовъ, т. II). Торжественное погребеніе его состоялось одновременно съ погребеніемъ Екатерины II въ Петропавловскомъ соборѣ, по вступленіи на престолъ императора Павла I. (Рус. Арх. 1871 г., 2066).

2) Его заступничеству приписываетъ Екатерина отмѣну ея ареста, о которомъ

(преображенскій, семеновскій, измайловскій и конный полки), изъ среды которой и вышли первые любимцы императрицы. Щедрыя награды ожидали главныхъ дѣятелей переворота, сановниковъ, заявившихъ себя въ пользу Екатерины, и ближайшихъ ея пособниковъ[1]; но эти награды были уменьшены сравнительно съ первоначальнымъ проектомъ Екатерины. Подробности о главныхъ участникахъ этого переворота собраны Лонгиновымъ (въ Рус. Арх. 1867, 481-86; 1870 г. 963-69 и XVIII вѣкъ, III, 343-49. Нов. дополн. въ Рус. Арх. 1880 г. кн. III). Вскорѣ этотъ списокъ пополнился новыми наградами, по случаю коронованія императрицы (Сб. Р. И. О., III, 111-112).

Въ ряду ихъ нельзя не замѣтить двухъ выдающихся пожалованій — семейства Орловыхъ, возведенныхъ въ графское достоинство, и Григорія Александровича Потемкина, уже теперь отмѣченнаго императрицею. Съ іюля мѣсяца по 16 ноября 1762 г. было пожаловано болѣе милліона рублей (въ то время цѣнность денегъ была больше по крайней мѣрѣ въ 7 разъ). Но, въ письмахъ Екатерины, кромѣ того встрѣчаются распоряженія о пожалованіяхъ пенсіями и другими наградами разныхъ лицъ (Сб. Р. И. О. VII, 115-120, 132, 133, 134, 140, 168 и т. д.). Подобныя выдачи мотивировались: „за его ко [illegible]

было сдѣлано, распоряженіе императоромъ незадолго до переворота (Рус. Арх. 1878, II, 288).—

1) Гетману К. Г. Разумовскому, сверхъ получаемыхъ, ежегодно по 5,000 р. — тоже и Н. И. Панину, М. Н. Волконскому; генералъ-поручику Ѳ. И. Вадковскому, камергеру Г. Г. Орлову, Чертокову, поручику Григ. Протасову, Ѳедору Орлову, капитану семеновскаго полка, и капитанамъ: Похвисневу, Ал-дру [illegible], Ласунскому, Бычугову, Ѳ. Хитрово и [illegible] — по 800 душъ крестьянъ; лейбъ-гвардіи преображ. полка капитану-поручику Петру Пассеку, кн. Ѳ. Барятинскому, кн. П. Голицыну, кавалеру ордена св. Екатерины кн. Дашковой — по 24,000 р.; Николаю Рославлеву, Баскакову, Зах. Губанскому, Бибикову, поручику арміи Всев. Всеволожскому и прапорщикамъ измайловскаго полка Сергѣю и Ильѣ Всеволожскимъ — по 600 душъ крестьянъ, Ѳед. и Григ. Волковымъ пожалованіе въ дворяне и 700 душъ; капитану-поручику

върность", „за его услуги", „на извѣстное употребленіе", „на мелкіе камнаушие расходы", „на секретныя выдачи и т. п. (Сб. Р. И. О. VII, 121, 134, 139, 156, 168, 176, 195, 198 и др.). Впрочемъ, солдаты, принимавшіе участіе въ событіяхъ 28 іюня были награждены сравнительно съ лейбъ-компанцами (при Елисаветѣ) гораздо менѣе, и потомъ должны были напоминать о себѣ (Рус. Арх. 1880 г. III, 147-151).

Положеніе Екатерины II. Въ положеніи самой Екатерины II были особенныя условія. Она не была ни такъ тѣсно связана съ русскою династіею, какъ Анна Ивановна и Елисавета Петровна, ни въ такомъ даже положеніи какъ Екатерина I и правительница Анна Леопольдовна. Она сама не была чужда переворота. Выгода на ея сторонѣ была чисто нравственная - это оппозиція тому порядку вещей, который вызвалъ противъ себя неудовольствіе духовенства, военнаго сословія и вообще національнаго чувства(1).

Но съ другой стороны въ средѣ самыхъ участниковъ этой перемѣны высказывались сомнѣнія на счетъ ея права, при существованіи наслѣдника престола. Эти опасенія, какъ увидимъ въ своемъ мѣстѣ, имѣли весьма серьезное значеніе. Чувствуя эти опасенія, новое правительство должно было на первыхъ же порахъ оградить себя распоряженіемъ: „въ противномъ случаѣ всѣ силы и мѣры употреблять къ отвращенію какого либо злаго сопротивленія, не взирая ни на чье достоинство и ни отъ кого кромѣ что за нашимъ подписаніемъ никакихъ повелѣній не принимать". (Сб. Р. И. О. VII, 104).

Обухову, секундъ-ротмистру Ржевскому - по 18,000 р.; камеръ-юнгферѣ Имп. Величества Екатерины Шарогородской 10,000 р.; дѣйств. статскому совѣтнику Теплову 20,000 р.; Гр. Потемкину, подпоручику конной гвардіи, - 400 душъ крестьянъ. Гардеробъ-мейстеру и камеръ лакею Василію Шкурину съ женою 1,000 душъ крестьянъ (Сборн., VII). Это послѣднее пожалованіе объясняется его преданностью Екатеринѣ по дѣлу Бестужева-Рюмина и другимъ ея порученіямъ (Рус. Арх. 1876 г., кн. III, 5).

1) „Здѣсь господствуетъ теперь повсюду живѣйшая радость, ясно написанная на ли-

Примирительный духъ новаго царствованія. Отчасти такими соображеніями, а отчасти тѣми гуманными началами, на которыхъ воспиталась Екатерина, объясняется замѣчательный поворотъ въ отношеніяхъ новаго правительства къ органамъ власти и дѣятелямъ павшаго правительства. Смѣна министровъ, заточенія, конфискаціи и даже лишеніе жизни были обыкновенными явленіями въ предыдущихъ переворотахъ. И эти преслѣдованія распространялись даже на имущества опальныхъ. Теперь ничего подобнаго не было[1]. Прежніе правители власти удерживаютъ свои мѣста, а вынужденные уступить таковыя получаютъ почетные отпуски и благоволенія. Рядомъ съ ними усиливаются новые дѣятели, къ которымъ наконецъ и переходитъ власть. Мало этого: милости сопровождаютъ новое царствованіе и въ отношеніи жертвъ прежняго времени.

Дѣятели новаго царствованія. Канцлеръ гр. М. Л. Воронцовъ, остававшійся во главѣ русскаго министерства при Петрѣ III, былъ оставленъ на этомъ посту, не смотря на то, что онъ пріѣзжалъ изъ Петергофа уговаривать Екатерину не возставать противъ императора и колебался присягнуть ей[2]. Впрочемъ онъ, какъ и вице-канцлеръ А. М. Голицынъ, не пользовались былымъ значеніемъ и въ дѣлахъ иностранной политики должны были уступить его другому лицу. Спустя два года Воронцовъ былъ уволенъ въ почетный отпускъ за границу (осенью 1763 г), гдѣ пробылъ болѣе полутора года и вскорѣ по возвращеніи въ Россію былъ уволенъ въ отставку[3]. Голицынъ же оставался вице-канцлеромъ до начала турецкой войны (XVIII

цахъ всего народа отъ самыхъ высшихъ особъ и до низшаго сословія, говоритъ Мерси д'Аржанто. О такомъ же настроеніи въ Москвѣ говоритъ князь Шаховской (Зап. 192).

1.) Впослѣдствіи, когда начались преслѣдованія королевской партіи во Франціи послѣ казни Людовика XVI, Екатерина гордилась мирнымъ характеромъ своего переворота. Записки Храповицкаго, 420—421.

2.) Воронцова Екатерина не любила и сдѣлала потомъ о немъ рѣзкія замѣчанія (Зам. на книгу Денины. Рус. Арх. 1878, II, 288).

3.) Онъ умеръ отъ чахотки въ Москвѣ, въ февр. 1767 г. Терещенко, II, 105.

вѣкъ, III, 349-350. Донесенія англ. посл. Сб. Р.И.О., XII, 58-59 и далѣе, 198-199, 203 и ср. XVII), но вовсе не пользовался вліяніемъ (XII, 134). Другимъ лицомъ, къ которому перешла власть удалившагося Воронцова — былъ Н.И. Панинъ[1], бывшій съ 1747-60 г. русскимъ посланникомъ въ Даніи и Швеціи, а съ 1760 г. — воспитателемъ вел. кн. Павла Петровича, о правахъ котораго онъ хлопоталъ, а потому вліянія его въ то время всего больше опасались. Теперь необходимо было поручить ему важнѣйшія дѣла государства. Съ первыхъ же дней торжества новаго правительства, иностранные резиденты спѣшатъ увѣдомить свои правительства о томъ, что власть перешла теперь въ руки Панина, который занимаетъ первую роль: онъ первый просматриваетъ иностранную корреспонденцію, его голосъ смѣло раздается въ сенатѣ, даже противъ плановъ и мнѣній императрицы. Отзывы иностранныхъ пословъ, не весьма щедрыхъ на похвалы, говорятъ большею частію въ пользу Панина. Такъ лордъ Каскартъ пишетъ въ Лондонъ: „Панинъ во многихъ отношеніяхъ составляетъ исключеніе изъ всего видѣннаго мною въ его отечествѣ, по характеру и обращенію онъ болѣе похожъ на нѣмца. Въ бесѣдахъ съ большею частью встрѣченныхъ мною здѣсь политическихъ дѣятелей можно только слушать или вести рѣчи, но весьма немногіе обладаютъ умѣньемъ спокойно обсуждать и разбирать предметъ. Это одинъ изъ самыхъ любезныхъ людей, которыхъ мнѣ когда либо случалось знать, но у него слишкомъ много дѣла и вслѣдствіе природной флегматичности онъ не умѣетъ достаточно пользоваться временемъ... Его рѣчь замѣчательно медленна, объясненія подробны, предложенія настойчивы, хотя онъ имѣетъ достаточно самообладанія для того, чтобы вести споръ и выслушивать противорѣчивыя мнѣнія, если только они прилично поддержаны. Ни о комъ во всемъ государствѣ не отзываются съ такою похвалою, какъ о немъ". Его называютъ

---

1) Фамилія Паниныхъ итальянскаго происхожденія (Pagnini) и выѣхала въ Россію, какъ полагаютъ, еще въ XV ст. Словарь достопамятн. людей, Бантыша-Каменскаго, IV, Рус. Арх. 1874, I, 276. Гр. Никита и Петръ Панины: Лебедева, Спб. 1863, Опытъ обозр. жизни сановниковъ, управл. иностр. дѣлами въ Россіи, А. Терещенка, Спб. 1837, т. II.

„олицетвореніемъ правдивости". Но ему не всегда доставало рѣшимости, чтобы взять на себя иниціативу.. (Сб. XII, 8, 29, 90-99, 133, 208, 344, 429).

Первое время она встрѣчалъ противовѣсъ своему вліянію въ лицѣ стараго канцлера гр. А. П. Бестужева-Рюмина, возвращеннаго Екатериною изъ ссылки, совѣтами котораго она такъ дорожила въ это время. Вскорѣ по вступленіи Екатерины, Бестужевъ-Рюминъ былъ вызванъ въ Петербургъ.[1] Ему были возвращены чины, графское достоинство, имущество съ пансіономъ въ 20,000 р. и вліяніе на дѣла; даже по его ходатайству, онъ получилъ (манифестъ 3 августа) публичное оправданіе въ проступкахъ, которые были будто-бы взведены на него по навѣтамъ (подкупами и коварствомъ), жертвою которыхъ сдѣлалась императрица Елисавета; такъ говорилось теперь, хотя живы были еще судьи Бестужева-Трубецкой, Бутурлинъ, Александръ Шуваловъ и главный врагъ бывшаго канцлера Ив. Ив. Шуваловъ. Полагали, что ему будетъ возвращено и канцлерство, но это не сбылось; тѣмъ не менѣе Екатерина обращалась къ нему за совѣтомъ по всѣмъ важнѣйшимъ дѣламъ. Въ манифестѣ о его прощеніи было даже заявлено, что онъ назначается первымъ императорскимъ совѣтникомъ и первымъ членомъ новаго, учреждаемаго при дворѣ, „императорскаго совѣта" (Сб. т. VII, 143). Ему сообщались предположенія императрицы прежде министровъ и канцлера; онъ подаетъ докладъ императрицѣ (о Сибири) о веденіи нѣкоторыхъ дѣлъ помимо сената - и его предложеніе одобряется государынею; ему поручается разсмотрѣніе докладовъ гетмана, хотя этотъ послѣдній, вслѣдствіе близкаго участія въ переворотѣ, пользовался значительною силою и вліяніемъ при дворѣ (Донесенія англ. резид. XII, 8, 11). Бестужеву поручаетъ Екатерина веденіе нѣкоторыхъ интимныхъ дѣлъ по дипломатіи (о герцогствѣ Бирона съ Польшею) и внутренней политики. Такъ на его рѣшеніе Екатерина положилась въ вопросѣ о церковныхъ имуществахъ, послужившемъ одною изъ причинъ неудовольствія противъ Петра

---

1). При въѣздѣ его въ Петербургъ, 12 іюля, на встрѣчу ему былъ выслань за 30 верстъ камергеръ Г. Г. Орловъ, который привезъ его прямо во дворецъ. Сборн., VII, 127.

III и защиту которыхъ взяла на себя Екатерина. Теперь она писала Бестужеву такъ: „Батюшка Алексѣй Петровичъ (обычный способъ обращенія къ нему)! Прошу васъ приложенныя бумаги разсмотрѣть и мнѣніе ваше написать; дѣло въ томъ, коммиссію ли учинить нынѣ, или отдавать ли нынѣ, а послѣ сдѣлать коммиссію. Въ первой бумагѣ написано отдавать, а во второй только, чтобы они вступили во владѣніе до коммисіи. Пожалуй, помогай совѣтомъ" (Сб. Р. И. О. VII, 135, 126, 137-139, 141, 155, 168, 197, 223, 233). И Бестужевъ спѣшитъ отблагодарить Екатерину за такое вниманіе къ нему. 18 сентября 1762 г. онъ представилъ ей проектъ доклада сенату о поднесеніи ей титула „матери отечества", какъ „избавительницѣ отъ погубленія и разрушенія Имперіи"; но этотъ проектъ былъ отклоненъ ею, „чтобы не растолковали въ свѣтѣ за тщеславіе"; но потомъ Бестужевъ снова повторилъ его въ коммисіи о правахъ дворянства (VII, 157-58).

Понятно, что Бестужевъ, привыкшій прежде къ полновластію, не могъ примириться съ скромною ролью совѣтника императрицы; а дѣла иностранныя онъ всегда считалъ своею принадлежностью. Вотъ что пишетъ по этому поводу англійскій посолъ отъ 26 марта (н. с.) 1763 г.: „Всѣ иностранные министры, очевидно, затрудняются, кого считать истиннымъ министромъ. Послѣ императрицы Панинъ первый просматриваетъ иностранную корреспонденцію, которая отъ него переходитъ къ Бестужеву: <u>они противорѣчатъ одинъ другому и всѣмъ остальнымъ</u>; каждый изъ нихъ имѣетъ достаточно вліянія, чтобы удержать Ея Величество въ нерѣшительности, но никто изъ нихъ не можетъ убѣдить ее принять то или другое рѣшеніе. Говорятъ, что императрица имѣетъ болѣе высокое понятіе о способностяхъ и свѣдѣніяхъ Бестужева, но уважаетъ Панина, какъ человѣка болѣе честнаго и независимаго. Послѣдняго французы склонили на свою сторону" (Сборн. XII, 90-91) Между тѣмъ Бестужевъ съ самаго возвращенія своего заявилъ свои прежнія симпатіи къ Англіи и обѣщалъ проводить передъ императрицею союзъ съ этою державою, удовлетворяя такимъ образомъ своимъ стариннымъ симпатіямъ и связямъ (ib. 33, 37) Явясь снова при дворѣ, Бестужевъ постарался сблизиться съ новыми свѣтилами его — Орловыми, которыхъ такъ настойчиво онъ сталъ поддерживать (XII, 160).

Но рядомъ съ подобными извѣстіями идутъ и болѣе тревожныя о Бестужевѣ: въ августѣ 1763 г. гр. Букингамскій сообщаетъ гр. Галифаксу: „Бестужевъ почти постоянно боленъ, а Панинъ съ каждымъ днемъ все болѣе входитъ въ милость у императрицы" (ib. 133). Старость и семейныя непріятности имѣли здѣсь безъ сомнѣнія значеніе, но нѣкоторыя старанія и домогательства Бестужева очевидно стали не нравиться императрицѣ.[1] Когда авторитетъ его сталъ колебаться, его поддерживали тѣ же Орловы (190), но онъ сталъ проситься въ отставку (159). Онъ умеръ въ апрѣлѣ 1766 г., послѣ продолжительной болѣзни, на 76 году жизни (XII, 260; XIII, 261).

Два лица, близкія Екатеринѣ и осужденныя по дѣлу Бестужева при Елисаветѣ — В. Е. Адодуровъ (адъюнктъ академіи и учитель русскаго языка Екатерины II) и полковникъ И. П. Елагинъ были теперь прощены и пожалованы: послѣдній въ дѣйств. статск. сов. и къ кабинетнымъ дѣламъ императрицы, а первый въ тайные совѣтники и президентомъ мануфактуръ-коллегіи (Сб. VII, 128, 131, при участіи Бестужева, 138). Переписка Екатерины съ Елагинымъ, а также съ другимъ кабинетъ-секретаремъ Ад. Олсуфьевымъ, заключающая въ себѣ интимныя распоряженія императрицы за это время, издана Рус. Историч. Обществомъ (т. VII и X). Слѣдуетъ отдать честь Бестужеву-Рюмину, что онъ, обязанный своимъ возвышеніемъ Бирону и хлопотавшій о немъ во время своей силы, употребилъ и теперь свою власть въ пользу его. При его участіи Екатерина, вскорѣ по восшествіи на престолъ, вызвала Бирона въ Петербургъ и облекла его герцогскимъ достоинствомъ, а затѣмъ принялась поддерживать его власть и въ Курляндіи, имѣя

1.) Какъ напримѣръ его мнѣніе о поддержкѣ въ Польшѣ интересовъ саксонскаго дома, сношенія съ Арсеніемъ Мацѣевичемъ, по поводу которыхъ ему пришлось даже оправдываться (Сб. XII, 152, VII, 269-72).

У него было неудовольствіе съ императрицею по поводу вскрытія его переписки, въ чемъ она старалась успокоить его. Сборн. VII, 233.

Это совпадало [illegible] и переговорами съ Россіей Бестужева [illegible] въ сношеніяхъ [illegible] противъ Фридриха II. [illegible]

здѣсь въ виду главнымъ образомъ интересы Россіи (Сб. XII, 34-36; VII, 91, 136, 138).

Вмѣстѣ съ Бестужевымъ былъ призванъ въ Петербургъ и знаменитый своею стойкостью характера и честною дѣятельностью въ царствованіе Елисаветы Петровны, кн. Яковъ Петровичъ Шаховской, бывшій при ней оберъ-прокуроромъ синода, генералъ кригсъ-коммиссаромъ и генералъ-прокуроръ сената (авторъ весьма важныхъ записокъ объ этомъ времени), уволенный при Петрѣ III въ отставку. Назначенный Екатериною II въ члены сената, онъ оказалъ ей существенную услугу въ вопросѣ о церковныхъ имуществахъ (Записки кн. Шаховскаго).

Знаменитый фельдмаршалъ Минихъ, приближенный послѣ опалы Петромъ III и руководившій даже его дѣйствіями въ борьбѣ противъ Екатерины, принесъ ей присягу.[1] Вскорѣ послѣ этого, онъ получилъ имѣнія въ Рижскомъ и Венденскомъ уѣздахъ и назначенъ былъ генералъ директоромъ (21 авг. 1762 г.) надъ портами балтійскимъ и нарвскимъ, надъ кронштадскимъ и ладожскимъ каналами и надъ волховскими порогами. (Сб. VII, 130, 138) Екатерина II удовлетворила его собственному желанію - продолжать дѣло Петра В. въ устройствѣ сѣверныхъ портовъ и каналовъ (Письма Миниха къ Екатеринѣ II въ магаз. Бюшинга, т. XVI). Съ своей стороны и Минихъ удовлетворилъ ея желаніе - видѣть его мысли на бумагѣ о характерѣ правленія въ Россіи и образованіи государственнаго совѣта, важность котораго Минихъ доказываетъ необходимостью заполнить пропасть, существующую между самодержавною властью и сенатомъ и который состоялъ бы изъ многихъ лицъ, но не любимцевъ, какъ было до сихъ поръ съ высшими учрежденіями, поставленными надъ сенатомъ. Такъ произошли на свѣтъ записки Миниха, въ редакціи которыхъ принималъ участіе извѣстный академикъ и исторіографъ Миллеръ. Минихъ управлялъ ввѣренною ему частью четыре года (онъ умеръ 16 окт. 1766 г. 84 лѣтъ), въ теченіе которыхъ пользовался особеннымъ расположеніемъ Екатерины, постоянно пере-

---

1) - Вы хотѣли сражаться со мною, фельдмаршалъ! любезно сказала при этомъ импер-ца. - Я отдавалъ жизнь моему избавителю, теперь его нѣтъ и я полагаю ее къ Вашимъ стопамъ, отвѣчалъ онъ. Гольмъ - Жизнь Миниха, II, 40.

-писывался съ нею и входилъ безъ доклада въ кабинетъ (Хмыровъ, фельдцехмейстеръ Миниха стр. 377. Сборн. Рус. Ист. Общ. т. VII; на франц. языкѣ записки были изданы въ Лейпцигѣ въ 1774 г., а по-русски въ Спб. въ 1874 г.)

Столь же опаснымъ защитникомъ правъ Петра III казался Екатеринѣ гр. Петръ Александровичъ Румянцовъ, командовавшій русскимъ корпусомъ за границей. Вслѣдствіе этого въ самый день переворота ему приказано было сдать свои войска П. И. Панину, что вызвало неудовольствіе со стороны Румянцова и послужило поводомъ къ слѣдующему интересному объясненію со стороны Екатерины II: „Господинъ генералъ Румянцовъ! пишетъ она послѣднему отъ 13 янв. 1763 г., Я получила письмо ваше, въ которомъ пишите и просите объ отставкѣ. Я разсудила, что необходимо мнѣ пришло съ вами изъясниться и открыть вамъ мысли мои, которыя, вижу, что совсѣмъ вамъ неизвѣстны. Вы судите меня по старинымъ поведеніямъ, когда персоналитетъ всегда превосходилъ качества и заслуги всякаго человѣка, и думаете, что бывшій вашъ фаверъ нынѣ вамъ въ порокъ служить будетъ, непріятели же ваши тѣмъ подкрѣплять себя имѣютъ. Но позвольте сказать: вы мало меня знаете. Пріѣзжайте сюда, если здоровье ваше вамъ то дозволитъ; вы приняты будете съ тою отмѣнностью, которую ваши отечеству заслуги и чинъ вашъ требуетъ. Не думайте-же, чтобы я противъ желанія вашего хотѣла симъ принудить васъ къ службѣ ... а сіе единственно пишу, дабы мы другъ друга разумѣли и вы могли бы ясно видѣть мое мнѣніе. Если бы тогда, какъ вамъ на смѣну другой былъ присланъ, обстоятельства казались и были дѣйствительно конфузны, что, можетъ быть, и вамъ поводомъ служило къ подозрѣнію о моей къ вамъ вѣрности, то оное приписать должно случаю тѣхъ временъ, кои уже миновались и которыхъ слѣду въ моихъ мысляхъ не осталось."
Императрица требовала отъ него отвѣта въ томъ или другомъ смыслѣ (Сочин. Екатерины II, изд. Смирдинымъ III, 185. Сборн. VII, 102-103), а въ ноябрѣ 1764 г. онъ былъ назначенъ генералъ-губернаторомъ Малороссіи и президентомъ малороссійской коллегіи; по уничтоженіи тамъ гетманскаго достоинства (Сборн. VII, 376. Бантышъ-Каменскій IX, 356).

Судьба любимцевъ Петра III. Близкіе люди Петра III генералъ-поручикъ А. П. Мельгуновъ и секретарь его тайного совѣта, Д. В. Волковъ - этотъ фаворитъ Петра III, по словамъ Миниха (Зап. 95), только временно подверглись опалѣ. Волковъ успѣлъ оправдаться въ своихъ письмахъ къ гр. Орлову (Рус. Стар. т. XI), а Екатерина сумѣла оцѣнить его способности и вскорѣ (1763г.) онъ былъ назначенъ губернаторомъ въ Оренбургъ; А. П. Мельгуновъ же занялъ постъ губернатора новороссійскаго, а потомъ намѣстника ярославскаго и вологодскаго, причемъ обнаружилъ просвѣщенную дѣятельность на пользу края (подробная біографія его въ Рус. Арх. 1865г.) Другіе любимцы Петра III (братья Нарышкины, М. Л. Измайловъ, бар. Унгернъ-Штернбергъ, Андр. Гавр. Чернышевъ) также появляются при Дворѣ, за исключеніемъ нѣкоторыхъ (другіе Измайловы, А. А. Пушкинъ, Воейковъ) рѣзко заявившихъ себя противъ переворота (XVIII вѣкъ, III, 349-52) или добровольно удалившихся въ свои деревни (кн. Ив. Ѳед. Голицынъ и гр. А. В. Гудовичъ). Даже наперсница Петра III, которая, незадолго до катастрофы должна была занять мѣсто Екатерины II, получила извѣстную долю милостей со стороны послѣдней. Сначала она была удалена въ подмосковную деревню, но, послѣ коронаціи, ей былъ купленъ домъ въ Москвѣ и Екатерина хлопотала, чтобы отецъ ея выдѣлилъ ее совсѣмъ, какъ бы замужнюю. Но Екатерина не хотѣла пускать ее на глаза себѣ[1]. Родственники Елисаветы не любили ее за то, что она мало думала объ ихъ интересахъ въ царствованіе Петра III. Теперь канцлеръ Воронцовъ жаловался своему племяннику А. Р. Воронцову, бывшему посломъ въ Лондонѣ, на Е. Р. Дашкову, что они отъ нея не видятъ ни откровенности ни искренности, потому что она имѣетъ нравъ тщеславный и развращенный; болѣе въ суетахъ и мнимомъ высокомъ разумѣ, въ наукахъ и пу-

---

1.) Своему секретарю Елагину Екатерина писала: „Перфильевичъ, сказывалъ ли ты кому изъ Лизаветинскихъ родственниковъ, чтобы она во дворецъ не размахнулась, а то боюсь къ общему соблазну завтра прилетитъ". Потомъ она вышла замужъ за бригадира Полянскаго и жила въ Петербургѣ. Сбор. VII, 149.

В. Иконниковъ

стоитъ время свое проводить. Онъ предсказывалъ, что она вскорѣ подвергнется гнѣву императрицы и ввергнетъ всю ихъ фамилію въ несчастіе; но онъ также придавалъ большое значеніе ея участію въ заговорѣ. Въ отвѣтъ на это письмо Гр-ня Дашкова упрекала его за равнодушіе къ сестрѣ, прощенія которой она должна была-бы предпочесть екатерининской лентѣ и доказать такимъ образомъ, что она не измѣнила философскимъ убѣжденіямъ и осталась равнодушною къ человѣческому величію. Ее обвиняли даже въ захватѣ части имущества сестры (Воронцовскій Арх. V). Дядя Петра III, принцъ Георгъ голштинскій, думавшій сначала остановить движеніе въ пользу Екатерины, былъ арестованъ, а 12 іюля долженъ былъ уѣхать въ Голштинію, гдѣ онъ вскорѣ умеръ (XVIII вѣкъ, III, 352). Но Екатерина продолжала заботиться объ интересахъ этой страны и ея несчастныхъ князьяхъ и даже хлопотала о бракахъ ея принцессъ (Сборн. X, 101-102).(1)

Не посчастливилось, однако, на первыхъ порахъ, знаменитому фавориту послѣднихъ годовъ Елисаветы Петровны, И. Ив. Шувалову, какъ человѣку со всѣмъ родомъ стоявшему на пути Екатерины. Послѣдняя вообще не признавала „принципа" Шуваловыхъ, изъ которыхъ одинъ, Александръ Ивановичъ, держалъ многія отрасли промышленности на откупѣ, а въ день переворота явился отъ Петра III, чтобы удержать гвардію отъ содѣйствія Екатеринѣ и даже, если удастся, арестовать ее (О первыхъ посланникахъ Екат. XVIII вѣкъ, III, 350). Въ ея царствованіе онъ оставался безъ всякаго значенія. Иванъ Ивановичъ завѣдывалъ московскимъ университетомъ и академіей художествъ, переданною впрочемъ вскорѣ И.И. Бецкому. По университету же у него вышло столкновеніе съ другимъ кураторомъ его - Адабуровымъ. Послѣдній представилъ сенату о безпорядкахъ въ имуществѣ и счетахъ университета и обвинялъ въ этомъ самого Шувалова. Оправдательный докладъ послѣдняго напечатанъ въ Чтеніяхъ Моск. Общ. Ист.

---

1) Голштинскихъ офицеровъ Екатерина принимала въ службу, но, какъ и прочихъ иностранцевъ, ниже чиномъ. Только Брокдорфу, пользовавшемуся большимъ

(359, I, 69–76) и представляетъ вмѣстѣ съ тѣмъ отчетъ о состояніи московскаго университета. Въ это время между тѣмъ императрица узнала, что въ одномъ письмѣ къ Вольтеру Шуваловъ неумѣстно отзывался о событіи 28 іюня, успѣхъ которыхъ онъ приписывалъ Дашковой. Это было больнѣе всего Екатеринѣ II; она заявила, что все случилось при содѣйствіи другихъ лицъ. По этому поводу она писала къ Понятовскому, прося опровергнуть ложные слухи, а Шувалова обзываетъ самыми нелестными эпитетами (Соловьевъ, XXV, примѣч. 125). Понятно, что онъ не могъ болѣе оставаться вблизи Екатерины и вскорѣ уѣхалъ за границу.

Помилованія. Теперь же получили полное прощеніе лица, замѣшанныя въ 1743 г. въ процессѣ о возведеніи на престолъ Ивана Антоновича и заговорѣ маркиза Ботты. Наталіи Лопухиной съ сыномъ Иваномъ, возвращеннымъ при Петрѣ III изъ Сибири, разрѣшено было поселиться въ Москвѣ и получить обратно имѣніе; а Софіи Лилиенфельдъ — жить въ Москвѣ (Сбр. VII, 124, 131), Лестоку и его женѣ пожалованы были имѣнія, пожизненная пенсія (ib. 129, 130), фрейлинѣ Юліи Менгденъ, бывшей наперсницѣ правительницы Анны Леопольдовны, дана свобода (XIII, 2). Бывшему лейбъ-медику и члену петербургской академіи, Санхецу, обвиненному при Елисаветѣ за склонность къ жидовству и исключенному тогда изъ академіи (онъ жилъ теперь въ Парижѣ), что надѣлало въ свое время много шуму между учеными (письмо Эйлера), была назначена также пенсія по 1000 р. въ годъ, „за то, что онъ меня спасъ отъ смерти", говоритъ Екатерина (Сбр. VII, 175).

Дѣло Тотлебена. Наконецъ теперь рѣшилась участь гр. Тотлебена, начальствовавшаго отдѣльнымъ отрядомъ русскихъ войскъ въ Пруссіи и участвовавшаго въ занятіи Берлина. Онъ велъ переписку съ Фридрихомъ II, которому сообщилъ планы русскихъ войскъ, при посредствѣ евреевъ. Тогда онъ былъ

вліяніемъ на Петра III до вступленія его на престолъ, было воспрещено являться въ Россію. Сборн. рус. ист. общ. XXVII, 24–25, и VII, 92).

препровожденъ въ Петербургъ, гдѣ и содержался подъ арестомъ въ тайной канцеляріи. Въ ноябрѣ 1762 г. (въ бытность свою въ Москвѣ) Екатерина повелѣла распечатать его бумаги и судить его военнымъ судомъ. Судъ, на основаніи писемъ, призналъ его виновнымъ (самъ Тотлебенъ объяснялъ свою переписку тѣмъ, что онъ хотѣлъ такимъ образомъ удобнѣе захватить въ плѣнъ короля прусскаго) и приговорилъ къ лишенію жизни; но императрица замѣнила приговоръ лишеніемъ чиновъ и орденовъ и высылкою изъ предѣловъ Россіи, подъ страхомъ смерти (Сбор. VII, 185, 272-73, П.С. Зак. II, 794 и Воронцовскій Архивъ, т. VII, 379-423). Такимъ приговоромъ безъ сомнѣнія удовлетворялось русское національное чувство, послѣ тѣхъ уступокъ, какія были сдѣланы предшествующимъ правительствомъ прусскому королю. Въ послѣдствіи (1769 г) Тотлебенъ обратился къ Екатеринѣ съ просьбою о прощеніи, былъ прощенъ и принималъ участіе въ войнѣ за Кавказомъ

Такова была внѣшняя обстановка при которой начала свое царствованіе Екатерина II. Одни предчувствовали наступленіе мирнаго, другіе философскаго вѣка. Недовольные крутыми мѣрами предшествовавшего правленія, не разбиравшаго средствъ и условій жизни, считали прошлое навсегда погребеннымъ и вполнѣ возможнымъ сохраненіе status quo ante bellum; просвѣщенные умы вполнѣ вѣрили въ возможность лучшаго порядка и неизбѣжность его скораго наступленія. И тѣ, и другіе были правы съ своей точки зрѣнія, но и тѣ и другіе отчасти ошибались. Когда теоретическія воззрѣнія были перенесены на почву дѣйствительности, то наступили неизбѣжные въ мирномъ развитіи жизни компромиссы.—

Лекція 6.

Состояніе Россіи по вступленіи на престолъ Екатерины II и первыя дѣйствія новаго правительства. Сохранилась собственноручная записка Екатерины II, представляющая намъ состояніе Россіи и первыя дѣйствія императрицы по вступленіи ея на престолъ. Въ этой запискѣ читаемъ:

„Сухопутная армія въ Пруссіи не получала жалованья за двѣ трети.

Въ статсъ-конторѣ именные указы на выдачу 17 милліоновъ рублей невыполненные.

Монетный дворъ со времени царя Алексѣя Михайловича считалъ денегъ въ обращеніи 100 милліоновъ, изъ которыхъ 40 мил. почитали вышедшими изъ имперіи вонъ, понеже тогда вексельнаго оборота либо вовсе не знали, либо мало употребляли.

Почти всѣ отрасли торговли были отданы частнымъ людямъ въ монополію.

Таможни всей имперіи сенатомъ даны были на откупъ за два милліона.

60 милліоновъ, кои остались въ имперіи, были 12 разныхъ вѣсовъ. Серебряныя деньги отъ 82 пробы по 63, мѣдныя отъ 40 до 32 рублей въ пудъ

Блаженной памяти государыня императрица Елисавета Петровна во время семилѣтней войны искала занять 2 мил. рублей въ Голландіи, но охотниковъ на тотъ заемъ не явилось, слѣдовательно кредита или довѣрія къ Россіи не существовало. Внутри имперіи заводскіе и монастырскіе крестьяне почти всѣ были въ явномъ непослушаніи властей, и къ нимъ начинали присоединяться мѣстами и помѣщичьи.

Правительствующій сенатъ тогда составлялъ одинъ департаментъ. Сей слушалъ апелляціонныя дѣла не экстрактами, но самое дѣло совсѣмъ и безъ изъ пользованія, и чтеніе дѣлъ о выгонѣ города Мосальска занимало, при вступленіи моемъ на престолъ, первыя шесть недѣль засѣданія сената.

Сенатъ, хотя посылалъ указы и повелѣнія въ губерніи, но тамъ такъ

хуже исполнялись указы сената, что в пословицу тогда вошел обычай „ждать третьего указа", потому что по первому и по второму не исполняли.

Чиновники не получали жалованья, и потому жили от кормления сами, хотя взятки строго запрещены были.

Сенат отправлял воевод, не зная числа городов в империи, а когда я потребовала реестра городам, то признались в неведении оных; да и карты всей империи сенат от основания своего не имел. Я, в бытность мою, послала пять рублей в Академию наук через реку от сената и купленный тогда же Кирилловский печатный атлас (Атлас Российской империи из 14 специальных карт, работы Ив. Кирилова, изд. 1726-34) в тот же час подарила правительствующему сенату.

Щедроты сената тогда доходили до того, что монетный и банковый учрежденный капитал почти весь был роздан заводчикам, кои приписанным к заводам крестьянам работы платили им либо беспорядочно, либо вовсе ничего, промотывая взятые из казны деньги в столице".

В другом рассказе своем, Екатерина говорит: императрица Елисавета под конец своей жизни, елико возможно, копила деньги, держала при себе, ничего не отпуская на государство, почитая оныя собственно своими(?) нуждами: почти никто не получал жалованья, штаты и войска также. Когда у них просили денег на государственные потребности, они с гневом отвечали: „добывайте как знаете, это приберегаемые деньги наши". Таким образом и они всего более отделяли свои личные интересы от интересов государственных. Екатерина, видя, что нужда была настоятельная, объявила в полном собрании сената, что будучи сама для государства она почитает, что все ей принадлежащее тоже должно быть для государства, и чтобы впредь не делали никакого различия между ее собственными выгодами и государственными. От такого объявления у всех были почти на глазах слезы; все собрание встало с мест и единогласно изъявило ей свою признательность за столь благой образ мыслей. Екатерина велела выдать бе-

нее сколько было надежно [illegible] вывозъ хлѣба за границу, отчего въ два мѣсяца наступило вновь [illegible] подешевѣло.

„Такъ какъ въ сенатѣ за нѣсколько дней случилось, не припомню по какому случаю, всё согласно по журналу, то неизвѣстно, по какому поводу, что въ это засѣданіе пришла очередь обсуждать дѣло о допущеніи евреевъ въ Россію. Всѣ единогласно считали полезнымъ это допущеніе; но Екатерина, по тогдашнимъ обстоятельствамъ, затруднялась изъявить свое согласіе; въ это время сенаторъ князь Одоевскій; онъ всталъ и сказалъ: „Прежде чѣмъ рѣшиться, не угодно ли будетъ вашему величеству посмотрѣть собственноручное рѣшеніе, которое въ подобномъ случаѣ дала императрица Елисавета." Екатерина приказала достать выписку и нашла, что императрица Елисавета на поляхъ дѣла, по благочестію, написала: „Я не желаю выгодъ отъ враговъ Іисуса Христа". (П. С. Зак. XI, № 8840, 1743 г. (Именной указъ, № 8,673, 1742 г.). Надо замѣтить, что еще не прошло недѣли со вступленія на престолъ Екатерины; она возведена была на оный для обороны православнаго закона, ей приходилось имѣть дѣло съ народомъ благочестивымъ, съ духовенствомъ, которому еще не возвращены были его имѣнія и которое, вслѣдствіе этой дурно направленной мѣры, не знало чѣмъ ему пробавляться. Умы, какъ всегда случается послѣ переворота, столь важнаго, находились въ сильномъ волненіи. Начать свое царствованіе допущеніемъ евреевъ — не было средствомъ къ успокоенію умовъ, объявить евреевъ вредными — было также невозможно. Екатерина поступила просто: когда генералъ-прокуроръ собралъ голоса и подходилъ къ ней за ея рѣшеніемъ, она сказала ему: „Я желаю, чтобы дѣло это было отложено до другого времени." Такъ-то нерѣдко случается, что недостаточно быть просвѣщеннымъ, имѣть наилучшія намѣренія и даже власть исполнить ихъ. И тѣмъ не менѣе такое поведеніе часто подвергается безразсуднымъ толкамъ"... (Рус. Арх. 1865 [illegible], 479 и др. Въ болѣе исправленномъ видѣ записка Екатерины помѣщена въ Сборн. рус. ист. общ. т. XXVII).

Объ этихъ подробностяхъ мы не находимъ въ журналахъ сената. Изъ

протоколовъ этого послѣдняго видно только, что Екатерина со дня вступленія на престолъ до 1 сентября (1762 г), когда она отправилась на коронацію въ Москву, 15 разъ присутствовала въ сенатѣ, а въ Москвѣ до конца года – 11 разъ.

Въ числѣ первыхъ ея распоряженій мы встрѣчаемъ отмѣну нѣкоторыхъ изъ постановленій Петра III, а именно: императоръ повелѣлъ отобрать въ казну лѣса, для постройки кораблей, что сенатъ находилъ тягостнымъ для народа, равно какъ и постройку кораблей вовсе ненужною, и теперь постановленіе это было отмѣнено, отложено было, впредь до новаго уложенія о губерніяхъ, постановленіе Петра относительно полицiймейстеровъ въ городахъ, гдѣ ихъ прежде не было; отмѣнены: учрежденіе банковыхъ билетовъ, вербовка русскихъ въ голштинскую службу и преобразованія въ арміи, соотвѣтственно прусскому регламенту (П.С.З. XVI, подъ 1762 г).

Облегченіе народа. Въ запискахъ самой Екатерины, она говоритъ, что финансы имперіи застала въ печальномъ положеніи. Цифру всѣхъ доходовъ она обозначаетъ въ 16 милл., что вполнѣ подтверждается приведеннымъ выше докладомъ сената Петру III о доходахъ и расходахъ Россіи. Сенатъ полагалъ возможнымъ покрыть дефицитъ суммами, назначенными на заграничную армію (1,400,000 р.). На первыхъ же порахъ новое правительство озаботилось уменьшеніемъ цѣны на соль, какъ было положено еще при Петрѣ III. (5 іюля 1762 г. П.С.З. XVI – 11,597.) Сбавка равнялась 6,12,021 р., но и эту убыль въ доходѣ казны нужно было покрыть въ слѣдствіе общаго дефицита. ее покрыли частью изъ комнатной суммы государыни, которая составлялась изъ того же соляного сбора, а частью изъ передѣлки мѣдной монеты. Но затѣмъ было приступлено къ общимъ мѣрамъ для приведенія въ порядокъ финансовой стороны, притомъ въ связи съ искорененіемъ лихоимства. Эти мѣры состояли въ слѣдующемъ: 1) взыскать розданныя казною въ займы деньги; 2) продать тѣ земли, которыя окажутся нужными, – помѣщикамъ; 3) разсмотрѣть военные и гражданские штаты, сдѣлавъ въ нихъ необходимыя измѣненія, съ тѣмъ однако, чтобы увеличеніе содержанія служащихъ не падало на на-

родъ; и, наконецъ, 4) озаботиться искорененіемъ ябедничества и скорѣйшимъ удовлетвореніемъ обиженныхъ, причемъ были уничтожены сыщики, на которыхъ лежала обязанность разыскивать воровъ и разбойниковъ, отчего происходила масса несправедливыхъ исковъ и притѣсненій (П.С.З. 11, 634. Ср. указъ Петра III, № 11, 425) Но финансы страны много зависѣли отъ состоянія ея торговли. А потому вслѣдъ за указанными мѣрами было приступлено къ нѣкоторымъ реформамъ по этой части. Сама Екатерина рѣшительно высказалась противъ „монопольныхъ принципій Шуваловыхъ", такъ много способствовавшихъ развитію этой системы. Такимъ образомъ торговля должна была принять другое направленіе. Новое постановленіе, обнародованное 31 іюля, состояло въ слѣдующемъ: 1, хлѣбъ разрѣшалось продавать во всѣхъ портахъ съ половинною пошлиною противъ той, которая собиралась въ Ригѣ, Ревелѣ и Пернау; но при этомъ возобновлялось постановленіе Петра В., что продажа его за границу допускается только въ томъ случаѣ, если онъ дешевле внутри Россіи; 2) разрѣшалось изъ всѣхъ портовъ отпускать на тѣхъ же условіяхъ соленое мясо и скотъ; 3) Архангельскій и прочіе порты были уравнены въ своихъ правахъ съ Петербургскимъ; 4) торговля ревенемъ, смолою, выписка шелку, отпускъ бобровъ (привилегія Шемякина) а также китайскій торгъ - были сдѣланы вольными; но поташъ и смольчугъ оставлены въ казенномъ вѣдѣніи, въ интересахъ сбереженія лѣсовъ, какъ желалъ Петръ В. (9 августа Екатерина предложила сенату „опредѣлить достаточные способы къ весьма нужному сбереженію лѣсовъ". Соловьевъ, т. XXV, 145). Далѣе разрѣшалось:-5) узкій холстъ вывозить за границу, но льняную пряжу выпускать запрещалось; 6) тюленьи, рыбные и табачные откупа уничтожались вовсе. Вскорѣ у Шемякина отнятъ былъ таможенный откупъ, которымъ онъ завѣдывалъ съ 1758 г., внося въ казну 2,000,000 р., такъ какъ открыты были безпорядки въ его управленіи и нарушеніе контрактовъ. Съ своей стороны сенатъ предложилъ новую ставку на соль по гривнѣ съ пуда, чтобы такимъ образомъ во всей Россіи соль продавалась по 30 к., а въ Астрахани и Красномъ Яру, гдѣ производилась обширная солка рыбы, по 10 к. Вопросъ о соли въ данномъ случаѣ, какъ и нѣкоторыя

изъ приведенныхъ постановленій, былъ рѣшенъ въ смыслѣ постановленій Петра III. При этомъ предпочтеніе было отдано илецкой соли передъ элтонскою. Рядомъ съ казенною торговлею разрѣшено было продавать соль и частнымъ торговцамъ, которые должны были покупать ее въ казнѣ (по 30 к.), а также допущенъ былъ вывозъ соли за границу (по казенной же цѣнѣ). Новую потерю казны на соли предполагалось пополнить прибавкою налоговъ на пиво и вино, которые находились въ вольной продажѣ. Предположено было отдать на откупъ (съ торговъ) гостинницы и со всѣхъ протестованныхъ векселей брать по два процента въ казну. Дозволено было засчитать въ пошлину половину убытковъ, понесенныхъ петербургскими купцами во время пожара 1761 г., когда сгорѣли пеньковые и друг. амбары, но при этомъ императрица предложила выдать необходимую сумму изъ своихъ денегъ въ заемъ, для постройки каменныхъ амбаровъ. Обращено было вниманіе и на заведеніе хлѣбныхъ магазиновъ по городамъ (№ 11,649) и на положеніе ссыльныхъ въ Сибири, которымъ велѣно было выдать хлѣбъ для посѣва и лошадей для пашни (№ 11,633), а сборъ оброка съ сибирскихъ крестьянъ вмѣсто хлѣба и пеньки, замѣненъ былъ деньгами. Продолженъ былъ срокъ для возвращенія бѣглымъ людямъ въ Россію изъ-за границы, назначенный Петромъ III (П. С. З. XVI, 11,618). Повторено было распоряженіе о постройкѣ особаго дома для безумныхъ (№ 11,647). Нуждаясь въ поддержкѣ вліятельнаго сословія, Екатерина постановила награждать дворянъ при выходѣ въ отставку офицерскимъ чиномъ (П. Собр. Зак. XXVI).

<u>Движеніе крестьянъ.</u> Въ своей запискѣ Екатерина говоритъ, что при вступленіи ея на престолъ заводскіе и монастырскіе крестьяне почти всѣ были въ явномъ непослушаніи властей и къ нимъ стали присоединяться мѣстами и помѣщичьи. (Рус. Арх. 1865 г. 479) Извѣстно, что при Елисаветѣ Петровнѣ участь крестьянъ вслѣдствіи дальнѣйшаго ограниченія ихъ правъ значительно ухудшилась. Подъ конецъ своего царствованія она сознавала сама, что относительно монастырскихъ крестьянъ необходимо было ограничить власть духовныхъ владѣльцевъ. Петръ III въ этомъ отношеніи сдѣлалъ

болѣе рѣшительный шагъ, который много повредилъ его популярности въ средѣ духовенства. Между тѣмъ Екатерина, уже 3 іюля, подписала указъ, буквально повторявшій постановленія Петра III касательно помѣщичьихъ крестьянъ, въ которомъ прямо заявлялось намѣреніе сохранить помѣщиковъ при ихъ имѣніяхъ и крестьянъ содержать въ должномъ повиновеніи. Такое рѣшительно заявленіе правительства относительно крестьянъ вызвано было надеждами послѣднихъ, что за вольностями дворянства послѣдуетъ ихъ освобожденіе отъ помѣщиковъ, тѣмъ болѣе, что тогда же было сдѣлано распоряженіе, чтобы къ фабрикамъ и заводамъ деревень не покупать, а всѣ работы совершать вольнонаемными людьми (29 марта 1762 г. П.С.З. 11,490) и распоряженіе было повторено Екатериною II (№ 11,638). Возведенная на престолъ для охраны правъ, нарушенныхъ Петромъ III, она должна была теперь высказаться защитницею существующаго порядка, хотя въ данномъ вопросѣ это могло вызвать движеніе въ средѣ помѣщичьихъ крестьянъ, и она сама заявляетъ, что уже 19 іюля сенатъ слушалъ донесенія о волненіяхъ ихъ въ казанской и оренбургской губерніяхъ. Было дознано, что ихъ возмущали ложными манифестами, въ которыхъ объявлялось, что крестьяне, отданные изъ казеннаго вѣдомства въ монастырскія вотчины и на заводы, не должны работать, а попрежнему должны считаться ясачными. Кн. А.А. Вяземскій и А.И. Бибиковъ, посланные для усмиренія заводскихъ крестьянъ, не единожды принуждены были, говоритъ Екатерина, употреблять противу нихъ оружіе и даже до пушекъ доходило, и не унялось возстаніе сихъ людей, до тѣхъ поръ, пока Гороблагодатские заводы за двухмиллионный казнъ долгъ гр. П.И. Шувалова возвращены въ казенное управленіе, а также Воронцовскіе, Чернышевскіе, Ягужинскіе и нѣкоторые другіе заводы по тѣмъ же причинамъ опять поступили въ „казенное вѣдомство" Но изъ замѣчаній императрицы видно, что и казенные крестьяне также принимали участіе въ движеніи. Такъ въ казанской губерніи, считавшейся одною изъ лучшихъ, они были до того стѣснены мѣстными смотрителями, что не смѣли содержать у себя ни одного поросенка, чтобы они не ѣли дубовыхъ желудей, которыхъ обна-

ко не было посажено. Крестьяне казенныхъ и частныхъ заводовъ дѣйствовали совмѣстно и только военныя команды подъ-часъ могли ихъ усмирить. Одну изъ причинъ движенія объясняетъ намъ сама Екатерина: „Весь вредъ сей произошелъ отъ самовластной раздачи сенатомъ заводовъ сихъ съ приписанными крестьянами". „А щедрость сената, продолжаетъ она доходила до того, что мѣднаго банка трехмилліонный капиталъ почти весь былъ розданъ заводчикамъ, кои, умножая заводскихъ крестьянъ, платили имъ либо безпорядочно, либо вовсе ничего не платили, проматывая взятыя изъ казны деньги въ столицѣ" (Рус. Арх. 1865, 486). Екатерина заявляетъ, что заводскія „безпокойства прекратились не прежде 1779 г., когда былъ изданъ манифестъ (21 мая) о работахъ заводскихъ крестьянъ, которыя обязаны были исправлять крестьяне, приписанные къ казеннымъ и частнымъ заводамъ (П.С.З. XX, 14,878) Слѣдовательно причина волненій лежала не въ одной раздачѣ сенатомъ крестьянъ.

Монастырскіе крестьяне. Не смотря на общее движеніе въ средѣ крестьянъ, въ монастырскихъ вотчинахъ волненія ихъ превосходили всѣ прочія. Уже Елисавета, такъ много покровительствовавшая церковнымъ учрежденіямъ, признала въ концѣ концовъ необходимость измѣненій въ управленіи монастырскими крестьянами. Постановленіе конференціи 30 сент. 1757 г., въ которой присутствовала сама императрица, намъ извѣстно (см выше стр. 23). Но на этотъ разъ духовенство успѣло оградить себя. Синодъ предложилъ тогда оставить церковныя вотчины въ управленіи архіерейскихъ домовъ и монастырей; крестьянъ обложить помѣщичьимъ окладомъ, а изъ этихъ денегъ отпускать ежегодно 360,000 р. на синодальное управленіе, на милостыни восточнымъ монастырямъ, на содержаніе госпиталей и богадѣленъ и т. п. Сенатъ согласился съ этимъ мнѣніемъ; но Петръ III вскорѣ по вступленіи своемъ на престолъ, вспомнилъ о постановленіи конференціи, а затѣмъ разрѣшилъ и самый вопросъ о церковныхъ имуществахъ въ болѣе рѣшительномъ смыслѣ. Понятно поэтому все затрудненіе Екатерины II, вступившей на престолъ для огражденія нарушенныхъ правъ. Дѣйствительно, уже 3 іюля, она поручила сенату заняться удовлетвореніемъ духовенства относительно его

содержанія; а духовенство, пользуясь благопріятной минутой, подало ей прошеніе объ отдачѣ ему вотчинъ. Въ тоже время императрица распорядилась (9 іюля) распечатать домовыя церкви, закрытыя Петромъ III (указъ 15 іюля № 11,612). Сохранилось интересное письмо старѣйшаго изъ сенаторовъ при Екатеринѣ И.И. Неплюева, писанное къ ней на другой день ея восшествія на престолъ и отправленное къ ней по дорогѣ въ Петергофъ, въ которомъ онъ проситъ ее скорѣе распорядиться о внесеніи иконъ въ церкви, изъ которыхъ по распоряженію Петра III они должны были быть вынесенными, кромѣ образовъ І. Христа и Богородицы (Рус. Арх. 1873. I стр. 24, примѣч.)

Наконецъ 16 іюля состоялся докладъ сената по поводу просьбы духовенства о вотчинахъ, на основаніи котораго предполагалось: 1) церковныя имѣнія возвратить духовенству; 2) со всѣхъ крестьянъ кромѣ 7-гривеннаго подушнаго оклада брать 1 р., изъ котораго 50 к. должны были идти въ казну, на содержаніе инвалидовъ[1], а 50 к. архіереямъ въ монастыри и другія мѣста, куда крестьяне будутъ возвращены, 3) крестьяне должны управляться не монастырскими служками, а выборными и старостами, избираемыми самими крестьянами на 1 годъ.

На вступленіе Екатерины на престолъ духовныя власти смотрѣли какъ на избавленіе отъ тяжкаго ига; теперь они смѣло заявляли другъ другу о тѣхъ печаляхъ, какія постигли ихъ со времени описи монастырскихъ имуществъ, послѣ указа Петра III. Нѣкоторые изъ нихъ, какъ напр. Арсеній Мацѣевичъ обращались къ сильному тогда Бестужеву и просили его избавить ихъ отъ дѣйствій воеводъ, запечатавшихъ житницы, скотъ и конные заводы, которыми издавна славились архіерейскія и монастырскія вотчины, а также смѣнить болѣе исполнительныхъ поборниковъ указа, какими оказались нѣкоторые воеводы. Дѣйствительно 8 авг. 1762 г. было сдѣлано уже постановленіе объ оставленіи конскихъ заводовъ и лошадей, состоящихъ при архіерейскихъ и монастырскихъ домахъ впредь до указа, на прежнихъ основаніяхъ (П.С.З. XV, 11,635). Впрочемъ и теперь нѣкоторые изъ архіереевъ признавались, что ихъ надежду истребляетъ рознь между братьями.

1.) Въ настоящее время ихъ было всего 1,358 чел. Сб. Рус. И.О. VII.

(Соловьевъ XXV, 148). Рознь въ средѣ высшаго духовенства дѣйствительно обнаружилась во время разсмотрѣнія этого дѣла синодомъ и сенатомъ (18 іюля). Одни изъ членовъ синода (Аѳанасій тверской, Гедеонъ псковской, Веніаминъ петербургскій) предлагали возвратиться къ положенію, существовавшему при Елисаветѣ; другіе же, какъ Палладій рязанскій и Димитрій Сѣченовъ (новгородскій), склонялись къ мнѣнію сената. Послѣдній же предлагалъ составить смѣшанную коммиссію изъ свѣтскихъ и духовныхъ лицъ для составленія монастырямъ и семинаріямъ опредѣленныхъ штатовъ. Только относительно управленія крестьянъ выборными согласились всѣ члены синода.

Рѣшеніе вопроса въ пользу коммиссіи устраняло на нѣкоторое время всю жгучесть этого дѣла; но съ другой стороны возникалъ снова вопросъ отдать ли вотчины духовенству до образованія коммиссіи или отложить это рѣшеніе. Такою дилеммою и было вызвано письмо Екатерины къ Бестужеву съ убѣдительною просьбою помочь ей въ столь трудномъ положеніи. Но на этого послѣдняго уже успѣло повліять письмо Арсенія; такъ какъ 12 авг. сдѣлано было постановленіе объ отдачѣ всѣхъ синодальныхъ, архіерейскихъ, монастырскихъ и церковныхъ вотчинъ и движимаго имущества въ управленіе духовенства, причемъ отмѣнялись коллегія экономіи и завѣдывавшіе имѣніями офицеры. Только въ концѣ ноября составлялась коммиссія по этому вопросу, но уже 12 дек. въ присутствіи самой императрицы въ сенатѣ читались донесенія объ отказѣ монастырскихъ крестьянъ, въ числѣ 8,539 душъ, дать подписки въ послушаніи монастырскимъ властямъ, управленіе которыми, по общему признанію, было хуже даже воеводскаго (Др. и Нов. Россія 1875 г. статья Соловьева, Сенатъ въ царствованіе Екатерины II; см. записки Екатерины II, Рус. Арх. 1865 г. 479-494; переписка Екатерины съ Бестужевымъ въ Сборн. рус. ист. общ. т. VII. Подробно въ нашемъ очеркѣ „Арсеній Мацѣевичъ". Рус. Стар. 1879 г.)

Коммисія о гражданскихъ штатахъ. Гораздо рѣшительнѣе дѣйствовала Екатерина тамъ, гдѣ дѣйствія ея не стѣснялись требованіями и обстоятельствами, навязанными ей извнѣ или вытекавшими изъ ея отношенія къ собст-

ямъ переворота. Такъ 18 іюля былъ изданъ ею обличительный указъ противъ лихоимства въ судахъ и разныхъ управленіяхъ, которое достигло чрезвычайныхъ размѣровъ: „ищетъ-ли кто мѣста - платитъ; защищается ли кто отъ клеветы - обороняется деньгами; клевещетъ-ли кто на кого - всѣ свои хитрые происки подкрѣпляетъ дарами", читаемъ въ этомъ актѣ. „Сердце наше, продолжаетъ Екатерина, содрогнулося, когда мы услышали отъ нашего лейбъ-кирасирского полка подполковника, кн. М. Дашкова, что новгородской губернской канцеляріи регистраторъ Ренбергъ, приводя нынѣ къ присягѣ намъ, бралъ и за то съ каждаго себѣ деньги, кто присягалъ, котораго Ренберга мы и повелѣли сослать на вѣчное житье въ Сибирь на работу и никто, обвиненный въ лихоимствѣ, не избѣжитъ нашего гнѣва" (П.С.З. № 11,616). А нѣсколько времени спустя (9 авг.) она опредѣлила составить коммиссію для разсмотрѣнія гражданскихъ штатовъ, которая должна была состоять при сочиненіи Уложенія, подъ председательствомъ кн. Я. П. Шаховскаго (Соловьевъ XXV, 145. Зап. Шаховскаго).[1]

Такова была дѣятельность Екатерины въ первые два мѣсяца ея царствования. И сенатъ, подобно Бестужеву-Рюмину, признавалъ „за рабскую свою должность" почтить ея дѣятельность какимъ нибудь внѣшнимъ образомъ. Поэтому уже 17 іюля онъ поручилъ Бецкому составить проектъ монумента; но и эта мысль не была приведена въ исполненіе (Соловьевъ, Древн. и Нов. Рос. 1875 г. № 1).

Новыя партіи. Не успѣли еще опредѣлиться вполнѣ отношенія новаго царствования, какъ уже въ самой средѣ его приверженцевъ проявились неудовольствія и раздоры. Дашкова, увлекавшаяся по своимъ юнымъ лѣтамъ „революціею" (такъ называетъ она вездѣ бывшій переворотъ), рисовалась здѣсь на первомъ планѣ: она входила въ сношенія съ солдатами и, конечно, много болтала о своей дѣятельности. Но такое увлеченіе не могло долго существовать въ средѣ людей, искавшихъ почестей и первыхъ ролей въ государствѣ, въ людяхъ дѣла, требовавшихъ теперь удовлетворенія за свои услуги. Эти люди вскорѣ вступили

---

1) Коллежскій совѣтникъ Шокуровъ былъ также отставленъ отъ должности за взятки № 11,656.

на верхъ. Дашкова и ея сторонники были недовольны уже тѣмъ положеніемъ, какое занялъ теперь Г. Г. Орловъ. Она не могла забыть имъ той обиды, какая была нанесена ей при коронаціи, церемоніаломъ которой распоряжались Орловы и въ которой ей, по нѣмецкому этикету, введенному Петромъ III, было предоставлено въ соборѣ мѣсто какъ женѣ полковника, а не лицу, близкому къ императрицѣ (Зап. Дашковой, 62-64 и 74-75. Подробная біографія Дашковой, Д. И. Иловайскаго въ Отеч. Запискахъ 1859 г. статья 2я)

Всякій старался доказать теперь, что ему принадлежала первая роль въ возведеніи Екатерины II на престолъ, и Дашкова разсказываетъ по этому поводу комическій случай, какъ Бецкій, на колѣняхъ передъ императрицею пытался увѣрить, что Екатерина обязана короною ему, въ отвѣтъ на что императрица поручила ему заняться приготовленіемъ золотаго вѣнца для ея коронаціи. Но были и болѣе серьезныя причины разлада - это тамъ, гдѣ шла борьба за власть и вліяніе. По письмамъ Теплова, завѣдывавшаго въ дѣлѣ Екатерины ея интимными распоряженіями, мы можемъ судить о томъ настроеніи, какое господствовало въ этой средѣ. Ко дню коронованія Екатерины въ Москвѣ Панинъ отправился туда съ вел. княземъ (27 авг.), поручивъ Теплову увѣдомлять его о дѣлахъ въ Петербургѣ. Въ письмахъ Теплова видно уже раздраженіе противъ новыхъ вліяній. Онъ самъ сблизился съ Панинымъ и Дашковой и потому пересталъ пользоваться довѣріемъ императрицы. Но къ этому присоединилось еще другое, болѣе важное обстоятельство. Возвратившійся въ Петербургъ Бестужевъ-Рюминъ и заботившійся теперь о возстановленіи своего кредита, занялся пересмотромъ своего дѣла и сдѣлалъ въ немъ замѣчанія, указывающія, что о сношеніяхъ Екатерины съ гетманомъ Разумовскимъ поданъ былъ доносъ Тепловымъ, знавшимъ объ ихъ перепискѣ: „О семъ секретѣ, пишетъ Бестужевъ, никому извѣстно быть не могло, кромѣ Теплова: онъ единственно, злясь на Елагина и Бестужева, тайнымъ доносителемъ былъ; ежели онъ, подобно тому, въ новомъ тайномъ совѣтѣ поступать будетъ и всѣхъ перессоритъ, то не началь-

ствомъ, несравненную, чистою совѣстью и искусствомъ Ададуровъ превосходитъ будетъ". Но эта роль предоставлена была другому фавориту Бестужева-Влагину. Недовольный Тепловъ пишетъ по этому поводу Панину, что ему приходится поправлять стиль Влагина въ указахъ, выставлять его ошибки и прибавляетъ, что „человѣкъ безъ кредита, какъ я, долженъ все проглатывать". Для него осталось загадкою, кто составлялъ манифестъ о Бестужевѣ-Рюминѣ. Но еще болѣе Тепловъ распространяется о томъ, какъ ему съ Дашковой приходится тужить объ отъѣздѣ Панина: „Княгиня въ большомъ горѣ послѣ вашего отъѣзда, пишетъ онъ, я почти постоянно у нея. Духъ ея, хотя и въ безпокойствѣ обрѣтающійся, порождаетъ постоянно идеи, отъ которыхъ я ротъ разѣваю". Далѣе онъ говоритъ, что уединенныя бесѣды съ Дашковой составляютъ единственное его утѣшеніе, что императорскій совѣтъ рѣшитъ все, что служить, не имѣя довѣренности государя, все равно, что умирать отъ сухоты. „Ради Бога, заканчиваетъ свое письмо Тепловъ, берегите свое здоровье и успокойтесь отъ тѣхъ волненій въ крови, которыя причинили вамъ дѣла петербургскія. Это единственное средство для вашего превосходительства, для княгини и для того, который всю свою жизнь не переставалъ васъ любить" (въ государств. Арх. Соловьевъ, XXV, 153-155). Таковы были непріятности ближайшихъ участниковъ недавнихъ событій.

Положеніе Екатерины II въ это время. Въ свою очередь, характеризуя собственное положеніе въ началѣ царствованія, въ письмѣ къ Понятовскому, Екатерина говоритъ: „Меня принудятъ сдѣлать тысячу странностей; если я уступлю, меня будутъ обожать, если нѣтъ, то не знаю, что случится." - вотъ источникъ ея компромиссовъ и уступокъ на первыхъ порахъ. Но она уступала только до тѣхъ поръ, пока не затрогивались принципы ея власти, которые она охраняла съ замѣчательною настойчивостью, свойственною людямъ, завоевавшимъ собственное положеніе. Мы упоминали, что въ средѣ сторонниковъ ея переворота были люди, мечтавшіе, что этотъ послѣдній совершится въ пользу вел. князя Павла Петровича, а Екатеринѣ будетъ предоставлена временная о-

пика. Во главѣ этихъ лицъ стоялъ воспитатель Павла, гр. Н. И. Панинъ[1]. Когда эта цѣль не была достигнута, онъ хотѣлъ ограничить власть возстановленіемъ верховнаго совѣта, какъ поняли нѣкоторые проектъ Панина о государственномъ совѣтѣ (Зап. Сиверса въ изд. Блюма, Ein Russischer Staatsmann, Leipz. 1857, I, 141-142), и въ черновомъ манифестѣ о прощеніи Бестужева-Рюмина говорилось уже, что онъ назначается <u>первымъ совѣтникомъ учреждаемаго при дворѣ императорскаго совѣта</u>; не въ печатномъ манифестѣ (31 авг. 1762 г.) это мѣсто исключено. Екатерина очевидно колебалась, но спустя ½ года снова повторилась та же исторія, не смотря на то, что докладъ былъ составленъ всесильнымъ тогда Панинымъ. Съ этимъ дѣломъ мы познакомимся далѣе (Сборн. VII, 201). Несомнѣнно однако, что въ числѣ непріятностей, постигшихъ тогда Панина, о которыхъ говоритъ Тепловъ, этотъ вопросъ игралъ главную роль.

<u>Возстановленіе правъ сената.</u> Сенатъ на этотъ разъ снова занялъ то первенствующее значеніе, какимъ пользовался онъ по мысли Петра В., но которое въ каждое новое царствованіе получалось другимъ высшимъ учрежденіемъ, стоявшимъ въ ближайшемъ отношеніи къ власти, - каковы верховный совѣтъ, кабинетъ, конференція, императорскій совѣтъ. По вступленіи же на престолъ Екатерины, обсужденіе всѣхъ государственныхъ дѣлъ возложено было на сенатъ (Сборн. Р. И. О. 30). Присутственныя мѣста обязаны были исполнять всѣ постановленія сената за подписью 4 сенаторовъ, если они не заключали въ себѣ противорѣчія законамъ или новаго постановленія (№ 11,589).

<u>Составъ сената.</u> Въ это время сенатъ состоялъ изъ 25 членовъ, а именно: Неплюева (старѣйшаго изъ нихъ, находившагося уже 50 лѣтъ на службѣ), гр. Бестужева-Рюмина, гр. К. Г. Разумовскаго, кн. Трубецкого, Бутурлина, канцлера гр. Воронцова, гр. Александра Ивановича Шувалова, Сумарокова, Петра Чернышева,

---

1) О правахъ Екатерины II, вытекавшихъ изъ неопредѣленности закона о престолонаслѣдіи, высказаны вѣрныя соображенія въ статьѣ бар. Ѳ. А. Бюлера, Два эпизода изъ царствованія Екатерины II, Рус. Вѣстн. 1870 и 1871 г.г.

кн. Одоевскаго, кн. Алексѣя Голицына, гр. П. Шереметева, кн. Шаховскаго, Никиты Ивановича Панина, гр. Скавронскаго, кн. Волконскаго, гр. Романа Воронцова, гр. Ивана Воронцова, кн. Михаила Голицына, В. И. Суворова, Брылкина, Николая Андреевича Корфа, Жеребцова, Ушакова и Костюрина (Соловьевъ, XXV, 151-152). Послѣдніе четыре съ Неплюевымъ во главѣ были оставлены для управленія гражданскими и военными дѣлами въ Петербургѣ на время отсутствія императрицы. Остальные отправились вмѣстѣ съ императрицею на коронацію въ Москву (Сборн. VII, 151).

Коронація Екатерины II. Петръ III медлилъ своимъ коронованіемъ, вполнѣ вѣря въ свое право на престолъ, не смотря на всѣ совѣты даже такого опытнаго политика, какъ Фридрихъ II. Но Екатерина II оцѣнила значеніе этихъ послѣднихъ и не замедлила воспользоваться ими. Какъ только миновали первые дни новой власти, а впечатлѣніе отъ недавняго переворота значительно ослабѣло - дворъ сталъ собираться къ переѣзду въ Москву. 1 сентября Екатерина выѣхала туда, 13 имѣла торжественный въѣздъ, а 22 сентября короновалась. Мы не станемъ останавливаться на обычныхъ торжествахъ этихъ дней[1], но нельзя пройти молчаніемъ тѣхъ мнѣній, какія были высказаны представителями духовенства по поводу совершившихся событій. „Гряди защитница отечества, гряди защитница благочестія, вниди во градъ твой и сѣди на престолѣ предковъ твоихъ" - взывалъ къ Екатеринѣ первенствующій членъ синода Димитрій Сѣченовъ. „Прииди къ намъ защитница благочестивой вѣры, церковь и отечество матернимъ покровомъ покрывшая и сохранившая .... Видѣла матерь свою св. церковь бѣдствующую и озлобляему, восхотѣла отъ страха и вредныхъ перемѣнъ избавити; не допустила отечеству прійти въ наглое расхищеніе, въ горесть и воздыханіе; не дала Россіи отъ супостатовъ быть въ посмѣхъ, въ стыдъ и поношеніе". По словамъ проповѣдника только сожалѣніе о страждущихъ церкви и отечествѣ -

---

1) О нихъ см. Обозрѣніе царствованія Екатерины II П. Сумарокова, Спб. 1832, I, 34-38. Письма и бумаги Екатерины II, изд. А. Ө. Бычковымъ, 103-106.

побудило Екатерину на такой подвигъ. Съ другой стороны онъ счелъ нужнымъ успокоить тѣхъ, кто думалъ о правахъ наслѣдника престола. Обращаясь къ послѣднему, онъ сказалъ: „помышляй, яко ея корона - твоя корона; вся, елика имать - даетъ тебѣ; ея престолъ - твой престолъ, твой синклитъ, твое воинство, твое царство." Бѣлорусскій епископъ Георгій Конисскій, также пріѣхавшій въ Москву на торжество, привѣтствовалъ Екатерину, какъ надежду на избавленіе отъ гнета католицизма и умолялъ о защитѣ своей паствы. На медаляхъ, выбитыхъ по поводу коронаціи Екатерины, сдѣланы были изображенія, выражавшія смыслъ этого торжества съ лаконической надписью: „За спасеніе вѣры и отечества" (Соловьевъ XXV, 157-60) Бестужевъ спѣшилъ поднести ей ко дню коронаціи проектъ о титулѣ „матери отечества", по примѣру поднесеннаго Петру („отца отечества" и „Великаго") послѣ заключенія мира съ Швеціей, т.е. по окончаніи великой борьбы и цѣлаго ряда преобразованій. Но Екатерина обладала настолько тактомъ, что могла вполнѣ вѣрно оцѣнить такой поступокъ услужливаго дипломата. „Видится мнѣ, что сей проектъ еще рано предложить, потому, что растолкуютъ въ свѣтѣ за тщеславіе, а за ваше усердіе благодарствую" (Сборн. Р. И. О. VII, 157) - отвѣчала она.

Отношеніе Екатерины къ вопросамъ вѣры. Екатерина заявила себя на первыхъ порахъ защитницею религіозныхъ интересовъ. Въ сохранившейся запискѣ ея къ Елагину находится недозволеніе на придворной сценѣ представленій языческаго характера, какъ противныхъ христіанской нравственности. „Я, когда сюжеты вобще суть того вѣка, когда идоламъ приносили жертвы, страдаю всегда, видя то на театрѣ, хотя иногда для костюма того избѣгнуть не можно. И того ради я желаю, чтобы прологъ весь („Непостижимость судьбы") былъ оставленъ (Сборн. VII, 156). Въ pendant къ ея распоряженію о евреяхъ, которое мы привели прежде, хотя и основанному на мнѣніи Елисаветы, такой отзывъ о язычествѣ въ устахъ императрицы, съ 15 лѣтъ воспитывавшейся на Вольтерѣ и другихъ произведеніяхъ современной французской литературы, получаетъ особенное значеніе. Уже въ 1763 г она распорядилась, чтобы на тѣхъ, кто будетъ разговаривать въ придворной церкви во время службы - надѣ-

вать цѣпи съ ящиками, какъ было установлено при Елисаветѣ Петровнѣ (Др. и Нов. Рос. 1879, № 11, стр. 416[1]). Она обратила вниманіе на прекращеніе продажи книгъ, направленныхъ противъ закона (т. е. церкви), добраго нрава, насъ самихъ и россійской націи", какъ Эмиль Руссо, меморіи Петра III, письма жидовскія на франц. языкѣ и много другихъ подобныхъ, подъ страхомъ конфискаціи всей лавки (Сбор. Р. И. О. XVII, 318). Въ своемъ мѣстѣ мы увидимъ причину такого отношенія Екатерины къ сочиненіямъ Руссо; но распоряженія ея въ пользу „закона и добрыхъ нравовъ" не могли не произвести извѣстнаго впечатлѣнія на духовенство и лицъ, недовольныхъ дѣйствіями прежняго правительства.

Первыя распоряженія послѣ коронаціи. По поводу послѣднихъ торжествъ, происходившихъ въ Москвѣ, Екатерина писала гр. Кейзерлингу въ Варшаву: „Невозможно описать радость, какую здѣсь безчисленный народъ оказываетъ при видѣ меня: стоитъ мнѣ выйти или показаться въ окнѣ и клики возобновляются". (въ Госуд. Арх. Соловьевъ, 160). Коронація сопровождалась длиннымъ спискомъ наградъ, о которыхъ мы уже упоминали. Послѣ коронаціи дворъ оставался въ Москвѣ до половины 1763 г. (14 іюня).

Распоряженія по устройству столицъ и городовъ. Во время пребыванія своего Екатерина, какъ и Елисавета въ началѣ своего царствованія, обратила вниманіе на положеніе столицъ. Мы видѣли, что Екатерина въ своей запискѣ хвалилась уменьшеніемъ дороговизны припасовъ, посредствомъ временнаго запрещенія вывоза хлѣба за границу; но съ 20 ноября (1762 г.) она сообщила уже сенату о донесеніи директора полиціи Корфа, что цѣна на хлѣбъ въ Петербургѣ снова поднялась (на 20 к.). Поэтому она предложила сенату стараться завести казенные запасные магазины въ городахъ, о которыхъ состоялось уже постановленіе въ царствованіе Петра III, и усилить подвозъ припасовъ въ Петербургъ (протоколы сената, Соловьевъ, XXV, 167). Она распорядилась, чтобы ей ежемѣсячно представлялись вѣдомости

---

1) Для знатныхъ чиновъ ящики были мѣдные вызолоченные, для среднихъ бѣлые луженные, а для прочихъ простые жестяные. Наблюденіе же за порядкомъ возлагалось на полицмейстеровъ и [illegible].

счисле жителей въ Москвѣ и еженедѣльно о цѣнахъ припасовъ (11,701); запретила произвольное повышеніе цѣнъ на послѣдніе (11,661). „Петербургъ весьма пустъ какой-ся противъ Москвы", замѣчаетъ Екатерина въ письмѣ къ гр. Разумовскому (Сборн. VII, 315). Притомъ жизнь въ самой столицѣ далеко еще не была безопасна, какъ видно изъ донесеній Миниха и Неплюева изъ Петербурга, что послѣ отъѣзда двора грабежи и разбои такъ умножились въ городѣ, что становилось опасно выходить ночью безъ конвоя (Дѣла сената, Соловьевъ, XXV, 168).

Екатерина назначила коммиссію для устройства обѣихъ столицъ (П.С.З. XVI – № 11,723). На нее возложена была забота объ ограниченіи дальнѣйшаго распространенія Петербурга, въ слѣдствіе затрудненія сообщеній и приведеніе въ порядокъ Москвы, страдавшей отъ пожаровъ, причиною которыхъ были ветхость строеній и тѣснота улицъ (Соловьевъ XXVI, 167 и П.С. Зак. 11,689). Для предупрежденія отъ пожаровъ велѣно было крыть въ центральныхъ частяхъ города (въ Кремлѣ и Китай-городѣ), какъ казенныя, такъ и частныя зданія, гонтомъ (11,793). По поводу пожара въ Твери, бывшаго въ 1763 г. и истребившаго, кромѣ казенныхъ зданій, 852 обывательскихъ дома, причемъ погибло 33 человѣка, императрица (6 іюня 1763 г.) ассигновала на нужды города 100,000 р. на 10 лѣтъ безъ процентовъ, [1] распорядилась заготовить на 100,000 р. строительныхъ матерьяловъ, велѣла строить каменные дома, за исключеніемъ предмѣстьевъ и расположить ихъ по новому плану, а главную улицу вымостить камнемъ, по образцу Петербурга и Москвы, устроить кирпичные заводы, наконецъ выдать нуждающимся хлѣбъ безденежно (П.С.З. XVI, 11,847). Желая поднять другие города и избѣжать наплыва промышленнаго класса въ однѣхъ столицахъ, Екатерина запретила строить новыя фабрики въ Москвѣ и Петербургѣ, предоставивъ открывать ихъ въ разныхъ городахъ и уѣздахъ (П.С. Зак. 11,689 и Соловьевъ, XXV, 167–68). Вмѣстѣ съ этимъ былъ изданъ рядъ постановленій, относящихся къ промышленности и благоустройству. Такъ, обращено было вниманіе на размноженіе шелковичныхъ заводовъ въ Гилярѣ, виноградныхъ садовъ въ Кіевѣ, сусальныхъ и шпалерныхъ фабрикъ, заведеніе

---

1) О прекрасныхъ постройкахъ въ Твери говоритъ Порошинъ, 25, 63. Екатерина же называетъ ее (1775) въ письмѣ къ Гримму самымъ красивымъ городомъ послѣ Петербурга. Р. Арх. 1878, III, 13.

которыхъ предоставлялось всѣмъ желающимъ; на размноженіе табаку въ малороссійскихъ и великороссійскихъ уѣздахъ и продажу его внутри и внѣ Россіи; на восточную торговлю съ Персіей и Турціей (11,680, 11,761; 11,777; 11,835; 11,837; 11,851; 11,857 - о вспомоществованіи купечеству торгующему въ Астрахани). Въ Польшѣ было устроено консульство на счетъ купцовъ (11, 877). Для предупрежденія отъ опасныхъ и заразительныхъ болѣзней въ городахъ должны были устраиваться особые дома для подобныхъ больныхъ, назначены къ нимъ доктора и лѣкари (№ 11,728 и 11,826). Приняты были мѣры для удешевленія лѣкарствъ (11,821); въ Сибирь назначены были лѣкаря и аптекарь, для призрѣнія погибающихъ отъ оспы (11,860). Въ Москвѣ, по случаю выздоровленія вел. кн. Павла Петровича, устроена была Павловская больница (11,855). Мы уже видѣли, что еще Петръ III обратилъ вниманіе на заведеніе особыхъ домовъ для безумныхъ; Екатерина II, до устройства подобныхъ помѣщеній, назначила пребываніе имъ при Новгородскомъ - Зеленецкомъ и Московскомъ Андреевскомъ монастыряхъ (№ 11,699). Вообще въ теченіе всего царствованія Екатерины, заботы о благотворительныхъ учрежденіяхъ занимаютъ видное мѣсто въ ея законодательствѣ.

Смягченіе наказаній и ограниченіе пытки. На первыхъ же порахъ новое правительство обратило вниманіе на участь преступниковъ, дѣла которыхъ нерѣдко разсматривались весьма долго, а въ особенности на положеніе малолѣтнихъ преступниковъ[1]. Поэтому судебнымъ мѣстамъ велѣно было присылать о всѣхъ этихъ дѣлахъ еженедѣльныя и мѣсячныя вѣдомости въ сенатъ, которому поручался высшій надзоръ за исполненіемъ этого постановленія (11,752; 11,782; 11,787). Нравы тогдашней администраціи требовали со стороны правительства большаго вниманія, въ особенности къ вопросамъ юстиціи, такъ какъ раздѣленія между судомъ и администраціею почти не существовало. Поэтому весьма важное значеніе должно было имѣть постановленіе объ ограниченіи пытки. Еще Елисавета Петровна огра-

1) Она подтвердила, чтобы колодники содержались подъ карауломъ, до разсмотрѣнія дѣла, не болѣе одного мѣсяца.

начила въ нѣкоторыхъ случаяхъ употребленіе послѣдней. Мы знаемъ также постановленія Петра III объ уничтоженіи тайной канцеляріи и ужаснаго въ исторіи нашей юстиціи процесса на основаніи „слова и дѣла", а также сыщиковъ. Екатерина II 9 сент. 1762 г. подтвердила эти постановленія (11, 687 и 11, 672), а затѣмъ, еще во время своего пребыванія въ Москвѣ, издала нѣсколько постановленій, по которымъ пытки допускались только въ крайнихъ случаяхъ, когда были истощены всѣ средства увѣщанія; а во избѣжаніе злоупотребленій дозволялось производить ихъ только въ губернскихъ и провинціальныхъ городахъ, но воспрещалось въ пригородахъ городахъ и другихъ мѣстахъ. Предварительно преступниковъ должны были увѣщевать ученые священники; но такъ какъ въ нѣкоторыхъ городахъ ихъ не было вовсе, то предполагалось съ этою цѣлью составить особую книжку (П.С.З. XVI, 11, 717; 11, 744; 11, 759). Екатерина строго держалась этого принципа и въ болѣе важныхъ политическихъ дѣлахъ, о которыхъ намъ придется говорить впереди.

Жалованныя грамоты. Въ настоящее время Екатерина еще не считала возможнымъ коснуться нѣкоторыхъ мѣстныхъ правъ и привилегій: такъ она дала жалованную грамоту лифляндскому дворянству и рыцарству, подтверждавшую его прежнія права; а лифляндскому и эстляндскому рыцарству повелѣла именоваться „благороднымъ" (11, 727; 11, 743); подтвердила права Малороссіи, гетманъ которой оказалъ ей такую важную услугу въ недавнемъ переворотѣ (11, 812); только велѣно было переписать и положить въ окладъ черкасъ, жившихъ на великороссійскихъ и козачьихъ земляхъ (11, 773.) Запорожское войско получило войсковые клейноды и печать по образцу войсковой малороссійской (11, 846)[1]. Однодворцамъ разрѣшено было разбираться между собою посредствомъ выборныхъ старостъ (11, 758).

Вопросъ о конфискаціи имуществъ. Екатерина не одобряла незаконныхъ конфискацій, лишавшихъ имущества наслѣдниковъ, часто вовсе невинныхъ

1.) Клейноды составляли: булава, знамя, бунчукъ, перначъ, литавры, значки, печать и трости.

и пріостановила впредь же исполненіе рѣшеній по этимъ дѣламъ до окончательнаго разсмотрѣнія самаго вопроса особою коммиссіею (Сборн. V, 177, 187). Другая коммиссія была назначена для разсмотрѣнія дѣлъ по казеннымъ долгамъ, такъ какъ оказалось, что до 50 дворянскихъ фамилій и столько же другихъ сословій не могли внести суммы безъ продажи имущества. Екатерина не хотѣла въ этомъ случаѣ лишить имущества „невинныхъ дѣтей", но и не хотѣла потворствовать расточительности и соблазну (Соловьевъ XXV, 173). Но нарушенія долговыхъ обязательствъ были такъ многочисленны, что она принуждена была подтвердить постановленіе Петра III о наложеніи запрещеній на имѣнія, по требованію банковыхъ конторъ (II, 760). Довѣрія же къ торговому классу почти не существовало, такъ что когда казна хотѣла отдать кому либо подрядъ или откупъ, то приходилось требовать одобрительные отзывы отъ магистратовъ (II, 692).

Постановленія касающіяся войска и флота. Екатерина подтвердила права и преимущества русскаго войска, данныя Елисаветой, возвратила на службу многихъ лицъ, отставленныхъ въ прежнее царствованіе, наградила тѣхъ, которые были обижены за свои заслуги въ семилѣтнюю войну и озаботилась участью раненыхъ и больныхъ (П.С.З. XVI, № 11,669). Морская часть получила теперь, впервые со времени Петра В., серьезную поддержку. Уже въ январѣ 1763 г. были отправлены въ Англію, а оттуда въ разныя моря, русскіе офицеры для упражненія въ морскомъ дѣлѣ, которые возвратились опытными моряками, а нѣсколько позже были вызваны для русскаго флота англійскіе офицеры (Сборн. VII, 277). Теперь же (25 окт. 1762 г.) состоялось постановленіе о преобразованіи артиллерійской и инженерной школы, по проекту, составленному гр. П.И. Шуваловымъ при Елисаветѣ, въ артиллерійскій и инженерный шляхетный кадетскій корпусъ, съ учрежденіемъ при немъ школы художествъ (военныя мастерства) для дѣтей канонировъ и другихъ артиллерійскихъ и инженерныхъ служителей, съ правомъ производства лучшихъ изъ учениковъ этой школы въ офицеры спеціальныхъ войскъ.

В. Иконниковъ

Поэтому кругъ наукъ въ послѣдней (математическихъ и военныхъ) значительно со-кращенъ"[1]

<u>Проектъ императорскаго совѣта.</u> Но какъ только миновали [illegible] тор-жества, снова всплылъ на очередь оставленный на время проектъ реформы сена-та и учрежденія <u>императорскаго совѣта.</u> Двигателемъ и составителемъ его былъ все тотъ же Н.И. Панинъ. Замѣчательны мотивы этого акта. Онъ былъ вызванъ, съ одной стороны, по словамъ автора, произволомъ фаворитовъ въ царствованіе Елисаветы Петровны (Шуваловы), жертвою которыхъ пришлось быть самому Панину, отстраненному ими изъ Петербурга въ Стокгольмъ, а съ другой стороны — опасеніемъ такого-же произвола новыхъ фаворитовъ, будущая [illegible] которыхъ [illegible] намѣчена въ это время. Этотъ интересный документъ напечатанъ въ бумагахъ Екатерины II (Сборн. Р.И.О. VII, 201–217).

Вотъ исторія этого документа: черновой проектъ былъ составленъ Панинымъ и затѣмъ дополненъ его рукою. Переписанный на бѣло и подписанный 28 дек. 1762, проектъ этотъ былъ поднесенъ императрицѣ, которая подписала его, но подпись ея была надорвана, а самый актъ остался неопубликованнымъ. Вмѣстѣ съ нимъ былъ поднесенъ государынѣ докладъ, писанный рукою Панина, въ которомъ изло-жены и мотивы самого акта, въ рѣзкихъ чертахъ характеризующіе время Елисаветы. Екатерина написала было имена лицъ, которые должны были составить императорскій совѣтъ (гр. Бестужевъ-Рюминъ, гр. Разумовскій, М. Воронцовъ, кн. Я. Шаховской, Н.И. Панинъ, гр. З. Чернышевъ, кн. М. Волконскій и Г. Орловъ). Понятно какое впечатлѣніе долженъ былъ произвести этотъ докладъ на Екате-рину, ревностно охранявшую свою власть и мало похожую теперь на покойную Елисавету Петровну, даже въ мелочныхъ ея распоряженіяхъ. Въ замѣчаніяхъ сдѣланныхъ ею на проектъ, мы встрѣчаемъ возраженія, направленныя противъ

---

1) На кадетскій корпусъ съ школою было назначено 33,228 р., въ настоящее время въ корпусѣ состояло 146 кадетъ (изъ которыхъ три четверти были дѣти русскихъ дворянъ, четвертая часть дѣтей лифляндцевъ, эстляндцевъ и иностранцевъ), а въ школѣ 15 уча-

„сильныхъ словъ, неприличныхъ нашей славѣ и поношения всей націи и ея правовъ"? Съ своей стороны Екатерина передала бумаги Панина на разсмотрѣніе другихъ лицъ. Нѣкоторые изъ нихъ въ этомъ проектѣ увидѣли возвращеніе къ бывшимъ нѣкогда кабинету, верховному совѣту, или конференціи - и не придавали новому учрежденію особеннаго значенія; но другіе, какъ напр. генералъ-фельдцейхмейстеръ Вильбуа, предсказывали съ возникновеніемъ этого учрежденія - установленіе аристократическаго образа правленія въ Россіи. „Мнѣ кажется, писалъ онъ, будто авторъ, подъ видомъ защиты монархіи, тонкимъ образомъ склоняется болѣе къ аристократическому правленію". Онъ указываетъ на возможность для членовъ совѣта сдѣлаться „соправителями": „Императорскій совѣтъ, говоритъ онъ, слишкомъ приблизитъ подданныхъ къ государю и у подданныхъ можетъ явиться желаніе подѣлить власть съ государемъ". Онъ усиленно возлагалъ надежды на мудрость и разумъ императрицы въ этомъ дѣлѣ и предлагалъ озаботиться только, для лучшаго порядка, раздѣленіемъ сената на департаменты и учрежденіе при кабинетѣ императрицы нѣсколькихъ департаментовъ съ статсъ-секретаремъ по каждому изъ нихъ (Blum, Ein Russischer Staatsmann, I, 144-150; Соловьевъ, XXV, 181-82. Бумаги объ этомъ въ Госуд. Арх. и Моск. Арх. Мин. Ин. Дѣлъ).

Такимъ образомъ и поступила потомъ Екатерина: она учредила при своей особѣ статсъ-секретарей, получившихъ, въ силу своихъ личныхъ докладовъ, большое вліяніе на дѣла, а въ апрѣлѣ 1763 г. раздѣлила сенатъ на департаменты (Ib. VII, 279). Для важныхъ текущихъ дѣлъ обыкновенно назначались специальныя коммиссіи и конференціи; однако мысль о высшемъ совѣтѣ не была забыта. Спустя годъ снова говорятъ о немъ иностранные посланники и называютъ даже лицъ, которые должны были составлять его (Сборн. XII, 138). Но въ это время императрица была очень недовольна Панинымъ, который также горячо отстаивалъ свои мнѣнія въ сенатѣ, вслѣдствіе чего она затруднялась иногда совѣщаться съ нимъ

П.С. Зак. XVI, № 11, 696.

по нѣкоторымъ дѣламъ, а между тѣмъ Бестужевъ былъ уже очень старъ для первой роли (Сборн. т. 99). Вскорѣ, однако, Панину была предоставлена эта роль (138, 143), а вслѣдствіе открытія турецкой войны въ 1768 г. - былъ образованъ и совѣтъ при высочайшемъ дворѣ, которому въ 1769 г. были поручены и важнѣйшія внутреннія дѣла (См. Арх. Госуд. Сов. I). Панина Екатерина не могла любить, но она не въ силахъ была устранить его даже въ критическіе моменты своихъ къ нему отношеній. Причина этого скрывалась не въ одномъ его умѣ, а въ тѣхъ условіяхъ, при которыхъ Екатерина вступила на престолъ. Воспитателю наслѣдника престола, о правахъ котораго онъ такъ хлопоталъ, нужно было дать первенствующее значеніе (Ср. Бильбасовъ, Два эпизода изъ царствованія Екатерины II, Рус. Вѣст. 1870, № 3, стр. 195-197).

Положеніе сената. Такимъ образомъ снова за сенатомъ осталось первенствующее положеніе, но это не ограждало его отъ строгаго контроля императрицы. Въ Москвѣ сенату былъ данъ наказъ: присутствовать въ собраніи отъ ½ девятаго до ½ перваго часа и постороннихъ рѣчей отнюдь не говорить (XVI, 11,465); она требовала отъ сената представленія ежедневныхъ вѣдомостей о рѣшенныхъ дѣлахъ (П.С.З. XVI, № 11,839). Въ мартѣ 1763 г., по поводу разсмотрѣнія дѣла въ сенатѣ о злоупотребленіяхъ по винному откупу въ Сибири, когда сенаторъ Сумароковъ протестовалъ противъ его удаленія изъ собранія, какъ содержащаго также винный откупъ, Екатерина написала на его просьбѣ, что въ этомъ случаѣ ей равно, где бы ни былъ откупъ, но если по откупнымъ дѣламъ быть огорчительно, то въ его волѣ оставаться въ сенатѣ или не заниматься откупомъ (Сборн. VII, 235). Наконецъ сенатъ долженъ былъ выслушивать выговоры за неисправное веденіе дѣлъ и причиною въ этомъ случаѣ императрица выставляла постоянные ссоры и духъ партій въ средѣ сенаторовъ, происходившіе отъ мелкаго самолюбія и личной вражды (П.С.З. XVI, 11,845. Соловьевъ XXV, 262). Въ концѣ 1762 г. императрица отмѣнила принесеніе присяги сенаторами при каждомъ слушаніи апелляціонныхъ дѣлъ (№ 11,722).

Въ Москвѣ-же былъ снова поднятъ вопросъ о церковныхъ имуществахъ, который разрѣшился далеко не такъ мирно, какъ дѣло объ императорскомъ совѣтѣ. —

Лекція 7[1]

Отношенія церкви и государства въ древней Россіи. Прежде чѣмъ мы приступимъ къ изложенію реформъ, касающихся духовенства въ царствованіе Екатерины II, считаемъ необходимымъ представить историческій очеркъ отношенія духовной и свѣтской власти въ Россіи.

Единство духовной власти служило важнымъ политическимъ орудіемъ во время подчиненія русской церкви константинопольскому патріарху, когда Россія раздѣлена была на отдѣльныя самостоятельныя княжества. Константинопольскіе патріархи прямо заявляли, что имъ удобнѣе вліять на дѣла русской церкви „черезъ одного человѣка". Но стремленія византійскихъ патріарховъ не ограничивались одними церковными интересами. Опираясь на свои духовныя права, они заявляютъ притязаніе на подчиненіе русскихъ князей авторитету византійскихъ императоровъ. Митрополиты-греки, въ свою очередь, поддерживали права константинопольскаго патріарха въ русской церкви. Однако склонность нѣкоторыхъ изъ его агентовъ къ уніи (м. Исидоръ) и паденіе византійской имперіи произвели рѣшительный переворотъ въ умахъ русскихъ. Подъ вліяніемъ этихъ событій происходитъ освобожденіе русской церкви отъ подчиненности византійской и слагается своеобразная теорія о трехъ Римахъ, которымъ назначено было господствовать, причемъ, послѣ паденія двухъ первыхъ, власть должна была навсегда перейти къ третьему Риму — Москвѣ. Попытка Максима Грека (при Василіи Ивановичѣ) отстоять права византійскаго патріарха на русскую церковь, безъ сомнѣнія, имѣла свою долю вліянія въ печальной судьбѣ этого мученика просвѣщенія.. Вслѣдъ затѣмъ, когда въ Москвѣ утвердилось сознаніе о переходѣ на московскаго государя всѣхъ правъ византійской монархіи, Иванъ IV принимаетъ титулъ

---

1) Подробное изложеніе церковной реформы, произведенной въ царствованіе Екатерины, которой посвящается настоящая лекція, можно найти въ статьѣ нашей „Арсеній Мацѣевичъ, митрополитъ ростовскій", въ Рус. Стар. 1879 г.

царя, признанный за нимъ соборомъ восточнаго духовенства, и желаетъ вѣнчаться такимъ же чиномъ, какъ и цесари римскіе отъ папы и патріарха. Образцами для него служили Августъ, Константинъ В., Феодосій; а въ отношеніяхъ съ ихъ къ представителямъ духовной власти онъ слѣдовалъ тѣмъ же византійскимъ примѣрамъ. „Священство не должно вмѣшиваться въ царскія дѣла, говоритъ онъ; было монаховъ – молчаніе, иное правленіе царей и иное святительство". При слабомъ преемникѣ Ивана IV и съ учрежденіемъ патріаршества въ Россіи, представитель церкви долженъ былъ получить большее значеніе въ глазахъ народа и въ тоже время онъ являлся какъ бы объединителемъ раздѣленной церкви. Смутное время выдвинуло на первый планъ представителя духовной власти; но еще большее значеніе онъ получилъ, когда санъ патріарха предоставленъ былъ отцу Михаила Өеодоровича – Филарету, носившему титулъ „великаго государя" и называвшемуся „соправителемъ". „Онъ не только слова Божія исправлялъ, но и земскими дѣлами всѣми правилъ", говоритъ лѣтописецъ. Такимъ образомъ политическое значеніе представителя церкви должно было высоко подняться въ глазахъ общества. „Тишайшій" изъ царей, Алексѣй Михайловичъ, передъ патріархомъ Іосифомъ кланялся до земли, какъ самъ признается въ письмѣ къ Никону. Въ XVII в. уже слагается мнѣніе, что патріархъ есть <u>второй царь</u>, перваго царя – большій, полнымъ выразителемъ котораго является Никонъ, требовавшій, чтобы его почитали какъ <u>начальника и отца</u>, чтобы позволили ему устроить церковь по его волѣ и чтобы послушны были ему во всемъ. Между тѣмъ, въ царствованіе Алексѣя Михайловича были сдѣланы существенныя ограниченія имущественныхъ правъ высшей іерархіи, монастырей и духовенства. Въ тоже время духовенство утрачиваетъ свои судебныя привилегіи и подчиняется надзору воеводъ. Тогда Никонъ сталъ „докучать" царю, чтобы онъ „искоренилъ проклятую книгу" – Уложеніе, и далѣе не допускалъ судить духовныхъ лицъ въ другихъ приказахъ. Вообще Никонъ возставалъ противъ равнаго суда въ гражданскихъ дѣлахъ, объявленнаго уложеніемъ; ему не нравилось, что въ монастырскомъ приказѣ, рядомъ съ духовными лицами засѣдали и свѣтскія, вскорѣ взявшія надъ ними перевѣсъ. По его мнѣнію царь имѣетъ власть надъ мір-

скими людьми, а духовные подлежатъ суду Божію, который долженъ быть въ рукахъ патріарха. Относительно церковныхъ имуществъ Никонъ писалъ: „Священническая часть — божія часть, и потому отнятіе ея равно похищенію наслѣдства божія"... Наконецъ Никонъ даетъ такое опредѣленіе свѣтской и духовной власти: „Всемогущій Богъ, когда сотворилъ небо и землю, тогда повелѣлъ свѣтить двумъ свѣтиламъ — солнцу и лунѣ и чрезъ нихъ показалъ намъ власть архіерейскую и царскую; архіерейская власть сіяетъ днемъ; власть эта надъ душами; царская — надъ предметами видимаго міра. Мечъ царскій долженъ быть готовъ на непріятелей вѣры православной". Это опредѣленіе свѣтской власти, имѣющей служебное значеніе, напоминаетъ намъ классическое опредѣленіе отношеній свѣтской и духовной власти, сдѣланное папою Григоріемъ VII Гильдебрандомъ въ письмѣ къ Вильгельму Завоевателю: „Міръ физическій, пишетъ онъ, освѣщается двумя свѣтилами, болѣе значительными, чѣмъ другія — солнцемъ и луною: въ нравственномъ порядкѣ вещей папа изображаетъ солнце, а король занимаетъ мѣсто луны". Никонъ палъ подъ тяжестью соборнаго обвиненія, осужденный представителями восточной церкви, опиравшимися на каноническія постановленія и преданія византійской имперіи.

<u>Отношенія, установившіяся со времени Петра Великаго.</u> Но всѣ эти отношенія получили совсѣмъ иную оцѣнку, когда престолъ достался Петру I, которому надолго пришлось установить отношенія церкви и государства въ Россіи. Реформы Петра В. представляютъ коренной поворотъ въ отношеніяхъ церкви и государства. Петръ I не могъ помириться съ единоличнымъ управленіемъ русской церкви, а потому придалъ ея администраціи такой-же коллегіальный характеръ, какой былъ данъ имъ и прочимъ правительственнымъ учрежденіямъ. Но замѣчательно, что именно въ Духовномъ Регламентѣ эти начала были развиты имъ во всей полнотѣ. Членами синода могли быть не одни монахи, но и лица бѣлаго духовенства; „крайнимъ судьей" котораго они признавали императора и „окомъ" котораго являлся въ

1.) Сводъ всѣхъ мнѣній Никона объ отношеніяхъ церкви и государства сдѣланъ въ

синодъ оберъ-прокуроръ. Заслуживаетъ вниманія взглядъ Петра на это лицо. Въ указѣ о немъ былъ выраженъ такъ: „Въ синодъ выбрать изъ офицеровъ добраго человѣка, кто-бы имѣлъ смѣлость и могъ управленіе дѣла синодскаго знать и быть ему оберъ-прокуроромъ".

Однако мысль о возвращеніи къ прежнему порядку-возстановленіе патріаршества-не разъ возникаетъ въ умахъ людей XVIII в. и первымъ между ними является вице-президентъ синода Феодосій Яновскій, архіепископъ новгородскій, возвышенный въ этотъ санъ самимъ Петромъ, за его свободный взглядъ на многіе религіозные вопросы. Умѣя сдерживать свои права при жизни Петра, послѣ его смерти, при Екатеринѣ I, онъ за свои нападки на церковныя реформы былъ лишенъ сана и сосланъ въ Корельскій монастырь. Истиннымъ же блюстителемъ реформы Петра до самой смерти (1736 г.) оставался Феофанъ Прокоповичъ. Время Петра II благопріятствовало возстановленію старины, а потому казалось вполнѣ удобнымъ и для возстановленія прежняго церковнаго порядка (въ 1728 г. изданъ былъ запрещенный „Камень вѣры" Стефана Яворскаго, членомъ синода Феофилактомъ Лопатинскимъ). Одинъ изъ членовъ синода, ростовскій архіепископъ Георгій Дашковъ, заявившій себя уже при Екатеринѣ I защитою церковныхъ имуществъ, поднялъ теперь вопросъ о возстановленіи патріаршества, но встрѣтилъ отпоръ со стороны Феофана. Коллегія экономіи, учрежденная Екатериною I, вскорѣ напомнила монастырскій приказъ Петра В., началамъ котораго въ дѣлѣ секуляризаціи церковныхъ имуществъ слѣдовала его преемница; при Петрѣ II не разъ дѣлались отступленія въ пользу духовенства; но императрица Анна Ивановна снова возвратилась къ тому же порядку. Разсылка въ монастыри инвалидовъ, вдовъ, умалишенныхъ, больныхъ производилась въ громадныхъ размѣрахъ; запрещеніе постригать вновь повело за собою опустѣніе нѣкоторыхъ монастырей; разборъ же лицъ духовнаго званія въ солдаты производился такъ усердно, что многія церкви остались (въ 1740 г.) безъ причта. Понятно послѣ этого, какъ должно было встрѣтить духовенство вступленіе на престолъ Елисаветы Петров-

Журналъ мин. нар. просв. 1880. №12.

ны, съ именемъ которой соединялось возстановленіе національнаго правительства и попранныхъ правъ церкви. Ее привѣтствовали какъ освободительницу отъ ига еретическаго, прося принять церковь „въ дѣйствительное защищеніе, покровъ и оборону". И царствованіе Елисаветы въ этомъ отношеніи представляетъ реакцію прежнему порядку вещей. Она освободила духовенство отъ подчиненія гражданской юрисдикціи; щедро раздавала монастырямъ вотчины и возвратила управленіе ими въ вѣдѣніе синода, возвратила изъ ссылки многихъ духовныхъ лицъ и нѣкоторыхъ изъ нихъ возвела даже въ архіерейскій санъ; освободила отъ запрещенія (при Аннѣ Ивановнѣ) „Камень вѣры" и, наоборотъ, переводъ сочиненія Страттемана „Феатронъ", изданный при Петрѣ В., велѣла отобрать, а равно и сочиненіе Арндта „объ истинномъ христіанствѣ", изданное при участіи Феофана (1735 г.). Въ то же время раскольниковъ постигли новыя преслѣдованія, а магометанъ и язычниковъ нерѣдко насильно обращали въ христіанство. Высшее церковное управленіе при Елисаветѣ Петровнѣ получаетъ особое значеніе. Членами его были по большей части лица малороссійскаго происхожденія, находившіе покровительство въ лицѣ любимца императрицы А. Г. Разумовскаго и ея духовника Дубянскаго. Князь Я. П. Шаховской (оберъ-прокуроръ синода) свидѣтельствуетъ, что онъ часто видѣлъ, какъ первый тогда фаворитъ благосклоненъ былъ къ членамъ св. синода. При вступленіи въ свою должность, кн. Шаховской нашелъ, что инструкціи, данныя прежнимъ оберъ-прокуроромъ, и многихъ дѣлъ въ синодѣ не оказалось; Духовный же Регламентъ былъ въ полномъ пренебреженіи, и уже въ 1744 г. „ненавистная коллегія экономіи" была уничтожена. Однако льготы эти не замедлили обнаружиться въ области церковнаго управленія, такъ что къ концу царствованія Елисаветы (1757 г.) взглядъ самого правительства въ этомъ отношеніи значительно измѣняется; а въ движеніи крестьянъ, наполняющемъ вторую половину царствованія Елисаветы, монастырскіе крестьяне являются преобладающимъ элементомъ. Впрочемъ только въ царствованіе Петра III и началѣ царствованія Екатерины II имущественныя права церкви потерпѣли весьма важныя ограниченія, отчего долженъ былъ существеннымъ образомъ измѣниться и самый

характеръ церковнаго управленія. Черты этихъ, послѣдовательно смѣнявшихся порядковъ, какъ нельзя лучше обрисовываются въ типической личности одного изъ защитниковъ этихъ правъ – Арсенія Мацѣевича, около котораго группируются главнѣйшія церковныя событія въ началѣ царствованія Екатерины II.

Арсеній Мацѣевичъ до вступленія на престолъ Екатерины II. Арсеній (въ мірѣ Александръ) родился въ 1697 г. во Владимірѣ-Волынскомъ. Дѣдъ его былъ полякъ, а отецъ православный священникъ. Въ юности онъ учился во „владимірской, варенжской и львовской академіяхъ"; въ 1715 г. поступилъ въ кіевскую академію; но вскорѣ затѣмъ мы встрѣчаемъ его въ Новгородсѣверскомъ Спасскомъ монастырѣ, гдѣ онъ принялъ монашество. Въ 1718 г. онъ снова является въ кіевской академіи, куда онъ отправился для слушанія философіи и богословія. Феофанъ, читавшій въ академіи поэзію, риторику, философію, богословіе и др. науки былъ уже вызванъ въ Петербургъ. Заслуга Феофана, какъ преподавателя состояла въ томъ, что онъ оставилъ прежній схоластическій методъ преподаванія богословія и ввелъ новый, выработанный протестанскою богословскою наукою. Знакомый съ іезуитскою системою воспитанія, Феофанъ энергично высказывался противъ прежнихъ богословскихъ авторитетовъ и преобладанія обрядности. Вліяніе его курсовъ отразилось и въ кіевской, и въ московской академіяхъ, но оно встрѣчено было враждебно послѣдователями схоластической науки. Борьба этихъ двухъ направленій не замедлила обнаружиться и въ школѣ, и въ литературѣ, а по выходѣ Феофана изъ кіевской академіи снова возобладалъ прежній духъ схоластики. Арсеній вполнѣ усвоилъ пріемы схоластическаго направленія, которое не замедлило вступить въ борьбу съ ученіемъ Феофана, когда, по смерти Петра В. и Екатерины I, наступило для него болѣе благопріятное время. Наклонность Арсенія къ перемѣнѣ мѣста не давала ему покоя. То онъ является проповѣдникомъ при кіевскомъ архіепископѣ Варлаамѣ Ванатовичѣ, павшемъ при Аннѣ Ивановнѣ за его близкія отношенія къ Феодосію Яновскому; то живетъ въ Печерской лаврѣ, то предпринимаетъ отдаленное путешествіе въ Тобольскъ, а затѣмъ въ Устюгъ, Холмогоры и Соловецкій монастырь. Затѣмъ

онъ совершаетъ четыре морскихъ плаванія (камчатская экспедиція), но по случаю болѣзни (цынги) ему разрѣшено было оставить флотскую службу и состоять при синодальномъ членѣ Амвросіи Юшкевичѣ, что сблизило его съ лицомъ, занимавшимъ въ правленіе Анны Леопольдовны и царствованіе Елисаветы Петровны первое мѣсто въ церковной іерархіи и съ которымъ Арсеній дѣйствовалъ заодно въ интересахъ послѣдней. Амвросій предоставляетъ ему вакантное мѣсто законоучителя въ сухопутномъ кадетскомъ корпусѣ; а когда архіерейская каѳедра въ Тобольскѣ сдѣлалась свободною и Амвросій Юшкевичъ въ тоже время занялъ мѣсто президента въ синодѣ, то, благодаря его рекомендаціи, Арсеній посвященъ былъ въ санъ митрополита (1741 г.) и занялъ тобольскую каѳедру. Арсеній тотчасъ же переименовалъ тобольскую архіерейскую канцелярію въ консисторію, по образцу церковнаго управленія Малороссіи. Изъ его промеморій, дошедшихъ до насъ, видно, что въ короткое пребываніе свое въ Тобольскѣ Арсеній высказалъ гордое сознаніе своей власти и неприкосновенности ея правъ. Не успѣлъ Арсеній пріѣхать въ Тобольскъ, какъ уже совершился переворотъ въ пользу Елисаветы, а нѣсколько дней спустя послѣ его пріѣзда умеръ ростовскій архіепископъ (Іоакимъ) и друзья Арсенія стали хлопотать уже о перемѣщеніи его въ Ростовъ, тѣмъ болѣе, что въ Сибири онъ подвергся сильнымъ припадкамъ цынготной и скорбутной болѣзни. По просьбѣ и ходатайству Амвросія, Елисавета утвердила переводъ Арсенія въ Ростовъ.

Виды Амвросія на Арсенія оправдались. Воспитанники одной школы, люди одинаковыхъ воззрѣній, они не могли не сочувствовать другъ другу теперь, когда повидимому, наступило самое благопріятное время для того, чтобы покончить съ непріязненною имъ синодальною формою церковнаго управленія и возвратиться къ прежнему, единоличному порядку управленія - стремленіе, не разъ проявлявшееся послѣ Петра В. Совмѣстно съ Арсеніемъ, Амвросій представилъ императрицѣ докладъ, въ которомъ ясно ставился вопросъ объ исключеніи изъ синода не только свѣтскихъ чиновъ, но и членовъ низшей духовной іерархіи. Но тутъ еще не видно прямаго заявленія противъ синодальнаго управленія. Тѣмъ не менѣе за-

ная цѣль этихъ стремленій, обнаружилась немного позже въ болѣе откровенной формѣ. Въ другомъ докладѣ (1744 г.) Амвросій указывалъ на желаніе будто-бы Петра В. снова вернуться къ единому управленію патріарха или митрополита, но исполненію этого намѣренія помѣшала будто-бы его кончина.

Ясно, что имѣлось въ виду подѣйствовать на чувствительность Елисаветы „намѣреніемъ" ея отца. Но ни то, ни другое не было достигнуто авторами этихъ проектовъ. Елисавета не намѣрена была отступать отъ главныхъ основаній реформы Петра В., а кн. Шаховской въ качествѣ оберъ-прокурора являлся горячимъ поборникомъ учрежденій послѣдняго. Не менѣе враждебно отнесся къ синодальному управленію и Арсеній Мацѣевичъ, тенденціи котораго въ вопросѣ о церковной реформѣ вскорѣ обнаружились. Представившись Елисаветѣ, онъ не остался въ синодѣ и не далъ обычной присяги, а уѣхалъ въ свою епархію (Ростовъ). На запросъ синода, по настоянію кн. Шаховскаго, почему Арсеній не далъ присяги, онъ отвѣчалъ, что отправилъ императрицѣ личное письменное объясненіе. „Доношеніе" Арсенія отлично характеризуетъ его личность. Объясненія его основываются на томъ 1) что въ присягѣ, предложенной ему въ синодѣ, оказалась будто бы прибавка о вѣрности императрицѣ, какъ высшему судьѣ духовной коллегіи, и 2), что членъ синода псковскій епископъ Стефанъ не хотѣлъ уступить ему высшаго мѣста по его епархіи. При этомъ онъ заявлялъ о своей вѣрности императрицѣ, которой онъ принесъ присягу въ Тобольскѣ. Дѣло это оставили безъ послѣдствій. Но вскорѣ возникло новое столкновеніе Арсенія съ членами синода, опять изъ-за присяги. Между тѣмъ коллегія экономіи вошла съ жалобою на Арсенія въ синодъ и сенатъ такъ какъ онъ отказался принять въ ростовскіе монастыри нѣсколькихъ инвалидовъ. Арсеній оправдывался въ столь рѣзкихъ выраженіяхъ, что сенатъ принужденъ былъ жаловаться на него синоду, а въ случаѣ неудовлетворенія этой жалобы, обѣщалъ донести о томъ императрицѣ; но это не помѣшало Арсенію по поводу присылки въ монастырь одного юродиваго отвѣчать синоду въ прежнемъ непокорномъ духѣ. Послѣ этого синодъ рѣшился сдѣлать докладъ императрицѣ, которая повелѣла объявить Арсенію указомъ, чтобы онъ отъ

подобныхъ продерзостей удержался, въ противномъ случаѣ будетъ лишенъ сана и монашества.

Узнавъ о грозящей ему опасности Арсеній сталъ проситься на покой, ссылаясь на „скорбутичную болѣзнь"; чему сенатъ обрадовался; но императрица повелѣла Арсенію остаться ростовскимъ митрополитомъ. Надо замѣтить при этомъ, что Амвросій даже старался отсутствовать въ синодѣ, когда разбирались дѣла Арсенія. Въ тоже время Амвросій настаивалъ на принятіи строгихъ мѣръ противъ раскольниковъ и Арсеній торжественно заявляетъ передъ своею паствою о совершенномъ искорененіи этихъ враговъ православія. Полемика съ расколомъ была любимою темою его проповѣдей, а нетерпимость его въ этомъ отношеніи доходила до того, что когда Петръ III и Екатерина II облегчили участь раскольниковъ, то онъ велѣлъ выписать изъ служебника и читать особыя молитвы противъ нихъ. Тѣмъ же духомъ проникнуто его сочиненіе, написанное на „Молотокъ на Камень Вѣры" (сочиненіе одного протестанскаго писателя). Всѣ его поученія (12 томовъ) большею частью догматическаго характера, въ авторѣ видна начитанность (онъ обладалъ большею библіотекою), но самостоятельностью они не отличаются и далеко не могутъ быть сравниваемы съ трудами современныхъ проповѣдниковъ (Феофана, Стефана Яворскаго, Димитрія Ростовскаго); полемика его безжизненна и суха. Къ Димитрію Ростовскому Арсеній питалъ глубокое уваженіе; на основаніи его донесенія, синодъ разрѣшилъ открыть въ 1752 г. мощи Димитрія Ростовскаго, а императрица Елисавета велѣла заказать для нихъ богатую серебряную раку.

Противъ еретиковъ и отступниковъ у Арсенія готовы были примѣры изъ „Просвѣтителя" Іосифа Волоцкаго, какъ извѣстно допускавшаго казнь еретиковъ. Когда Владиміръ Каллиграфовъ, учитель богословія и философіи въ московской академіи, заявилъ открыто о необходимости болѣе духовнаго пониманія религіозныхъ вопросовъ и возсталъ противъ преобладанія въ жизни внѣшней обрядности, то Арсеній не смотря даже на защиту послѣдняго синодомъ;

преслѣдовалъ его до самой кончины. Вообще съ подчиненными Арсеній былъ грубъ и даже жестокъ, и только являлся покровителемъ ихъ тамъ, гдѣ онъ видѣлъ вмѣшательство въ его дѣла посторонней власти.

Мы уже упоминали, что движеніе въ средѣ монастырскихъ крестьянъ побудило императрицу Елисавету сдѣлать существенныя измѣненія въ администраціи монастырскихъ имуществъ (1757 г.); такъ, управленіе ими назначено было передать штабъ и оберъ-офицерамъ; доходы съ монастырей расходовать по штатамъ; съ монастырскихъ и архіерейскихъ вотчинъ собирать деньги для содержанія отставныхъ и т. п. Мы видѣли какъ отнесся къ этимъ постановленіямъ Петръ III и что было сдѣлано при немъ по вопросу о церковныхъ имуществахъ (см. стр. 23-25). Но если рѣшеніе Петра III могло вызвать восторгъ у Вольтера, то, съ другой стороны, оно непріятно поразило ту часть духовенства, къ которой непосредственно относилась. Есть указаніе, что Арсеній Мацѣевичъ посылалъ отъ себя протестъ противъ распоряженій Петра III, который привелъ императора „въ великій азартъ", но рѣшенія по этому дѣлу постановлено не было.

Виды духовенства при Екатеринѣ II. Новое правительство съ приговоромъ своимъ прежнему порядку на первомъ планѣ ставило обвиненіе за нарушеніе церковныхъ уставовъ. Мы видѣли также, что Екатерина сначала сдѣлала уступки духовенству. Арсеній Мацѣевичъ теперь прямо обращается къ ходатайству Б.-Рюмина о возвращеніи вотчинъ, жалуется на воеводъ и проситъ даже о перемѣщеніи ростовскаго воеводы, усердно принявшагося за исполненіе постановленій Петра III. Другъ Арсенія, Амвросій Крутицкій, въ письмѣ къ нему, выражаетъ радость по поводу избавленія отъ мысленнаго ига и приглашаетъ его въ Москву ко времени коронаціи Екатерины „помогать объ извѣстномъ дѣлѣ". Въ письмѣ московск. митрополита Тимоѳея Щербатскаго, также родомъ малоросса, къ Арсенію высказывается надежда на скорую перемѣну въ ихъ общемъ дѣлѣ. Мы видѣли выше какими привѣтствіями встрѣчена была Екатерина во время коронаціи.

Но при вступленіи на престолъ Екатерины II, ея политическіе идеалы у-

же вполнѣ сложились. Вотъ что писала она въ одной изъ записокъ, относящих-ся еще къ предшествовавшему времени: „Не слѣдуетъ дѣлать ничего безъ правилъ и разума, не руководить себя предразсудками; уважать вѣру, но никакъ не давать ей вліянія на государственныя дѣла". „Я часто читала, говоритъ она далѣе, что прежде въ католическихъ странахъ многие изъ свѣтскихъ владѣли церковными доходами. Я удивляюсь, что государи были довольно дурными политиками, допустивъ уничтоженіе этого обычая соборами". Разсудочное направленіе ума Екатерины какъ нельзя болѣе соотвѣтствовало этой необходимости примѣняться къ данному положенію вещей и сдерживало слишкомъ сильные порывы ея чувства. „Снисходительный, примирительный духъ властителя сдѣлаетъ болѣе, чѣмъ милліоны законовъ, а политическая свобода даетъ душу всему", говоритъ она.

Коммиссія о церковныхъ имуществахъ. Такимъ образомъ понятія о власти уже вполнѣ созрѣли у Екатерины задолго до того, какъ ей пришлось самой властвовать. Уступая просьбѣ духовенства о возвращеніи церковныхъ имѣній, Екатерина въ тоже время, по совѣту Дмитрія Сѣченова, повелѣла учредить коммиссію изъ духовныхъ и свѣтскихъ лицъ, которая составила бы штаты для монастырей, архіерейскихъ домовъ и семинарій. Коммиссія эта собралась въ концѣ ноября 1762 г. и находилась подъ непосредственнымъ вѣдѣніемъ императрицы. Членами ея были назначены: новгородскій митрополитъ Дмитрій, С.-петербургскій архіепископъ Гавріилъ, переславскій епископъ Сильвестръ, гр. Ив. Воронцовъ, кн. Александръ Куракинъ, кн. Сергѣй Гагаринъ, оберъ-прокуроръ, кн. Алексѣй Козловскій и Г. Тепловъ[1]. Коммиссія должна была распредѣлить доходы съ церковныхъ имѣній: 1) на содержаніе архіерейскихъ домовъ, монастырей и церквей; 2) на учрежденіе училищъ и 3) на учрежденіе инвалидныхъ домовъ. Совѣтниками императрицы въ этомъ дѣлѣ были Бестужевъ

---

1) Въ то время, когда разрѣшался этотъ вопросъ, Григорій Потемкинъ былъ опредѣленъ въ синодъ за оберъ-прокурорскій столъ съ весьма широкими полномочіями.

и знатокъ этого дѣла кн. Шаховской елисаветинскій оберъ-прокуроръ. Въ указѣ по поводу учрежденія коммиссіи говорилось между прочимъ: „Не имѣемъ мы намѣренія и желанія присвоить себѣ церковныя имѣнія, но только имѣемъ данную отъ Бога власть предписывать законы о лучшемъ ихъ употребленіи во славу божію и пользу отечества. Правительство ставило для коммиссіи въ образецъ порядки Петра В., предоставляя ей въ тоже время власть „или нашему мнѣнію послѣдовать, или что лучше еще и благоугоднѣйше къ пользѣ народной придумать." Очевидно Екатерина находилась въ данномъ случаѣ въ критическомъ положеніи, будучи вынуждена, съ одной стороны, удовлетворить настояніямъ духовенства, а съ другой, принимая въ разсчетъ волненіе крестьянъ, недовольныхъ духовнымъ управленіемъ. Во всякомъ случаѣ необходима была крайняя осторожность.

Дѣйствія Арсенія по поводу коммиссіи о церковныхъ имуществахъ.

Нѣкоторые изъ членовъ іерархіи не сочувствовали предпринятой реформѣ, жаловались другъ другу и заявляли о необходимости противодѣйствовать всякому посягательству на ихъ права, но этимъ и ограничивалось ихъ неудовольствіе. Однако вдали отъ сцены дѣйствія (въ Москвѣ) нашелся человѣкъ, который рѣшился возвысить свой голосъ въ защиту правъ церкви, опираясь на прерогативы своей власти, - это былъ тотъ-же Арсеній Мацѣевичъ. Хотя Арсенія приглашали въ Москву (Тимоѳей Щербатскій) для рѣшенія столь важнаго дѣла, но онъ не былъ вызванъ туда, а это еще больше раздосадовало его. Рядъ новыхъ постановленій, сопровождавшихъ дѣятельность коммиссіи (опись имуществъ, заведеніе шнуровыхъ книгъ), могъ убѣдить, что право пользованія церковными имѣніями будетъ значительно ограничено и самый вопросъ рѣшится далеко не въ томъ смыслѣ, какъ ожидало духовенство. Переяславскій епископъ Сильвестръ склонялъ Арсенія написать протестъ противъ предполагавшагося рѣшенія коммиссіи и доставилъ ему инструкцію коммиссіи, сочиненную Тепловымъ. Копію съ этой инструкціи Арсеній отослалъ костромскому архіепископу Дамаскину, въ перепискѣ съ которымъ высказывалъ свои воззрѣнія на это дѣло. Дамаскинъ желалъ между прочимъ скорѣйшаго прибытія императрицы къ открытію мощей

Димитрія Ростовскаго и посещенія его Арсенія, надеясь вполне на успехъ вліянія последняго. Эта переписка и посещеніе Арсенія лицами, заинтересованными въ данномъ вопросе, ясно обрисовываютъ намъ роль Арсенія въ настоящемъ деле. Подъ вліяніемъ этихъ событій, Арсеній совершаетъ въ неделю православія обрядъ отлученія, до того въ Ростове не совершавшійся. Кроме того оказалось, что къ древнему письменному экземпляру Арсеній сделалъ добавленія[1]) съ которыми и былъ совершенъ обрядъ въ ростовскомъ соборе, въ 1763 г. (9 февраля). Въ присутствіи духовенства, идя въ алтарь, Арсеній громогласно возносилъ молитву, примененную къ темъ же обстоятельствамъ. Конечно эти поступки не могли остаться тайною для Екатерины, жившей тогда въ Москве, чемъ и объясняются отзывы ея объ Арсеніи въ письмахъ ея къ статсъ-секретарю Олсуфьеву.

„Адамъ Васильевичъ! пишетъ она. Понеже я знаю властолюбія и бешенства ростовскаго владыки, я умираю - боюсь, чтобъ онъ не поставилъ раки Димитрія Ростовскаго безъ меня; известитe меня, какъ вы ее отправили, съ какимъ приказаніемъ, и подъ чьимъ смотреніемъ она находится; и если не взяты, то возьмите все осторожности, чтобы оная рака безъ меня отнюдь не была поставлена". Олсуфьевъ отвечалъ, что рака запечатана и будетъ охраняться солдатами. Между темъ Арсеній, считая себя вдвойне обиженнымъ, открыто вступилъ въ борьбу за старые порядки. Подъ такими впечатленіями написано было его первое доношеніе въ синодъ, отъ 6 марта 1763 года. Въ этомъ доношеніи

1.) Вотъ эти добавленія: 1) „Иже кто востанетъ на церкви Божіи, на храмы и места святыя, злии крамольницы и советницы ихъ - да будутъ прокляти". 2) „Вси насильствующія и обидящія святыя Божіи церкви и монастыри, отнимающе у нихъ данныя темъ, отъ древнихъ боголюбцевъ и монарховъ благочестивыхъ имения чрезъ то, воплощенія Христова дело безкровную жертву и стремящіе, еще не останутся отъ сего же таковаго начинанія, но и еще помышляти будутъ таковое злодейство, яко Ананія и Сапфира и яко крайніе врази Божіи, да будутъ прокляти" (День 1864 г. № 39). Ср. Лжесвидетельствованіе изслед. К. Никольскаго Спб. 1872.

В. Оконникова

Арсеній напоминаетъ Екатеринѣ обстоятельства восшествія ея на престолъ и обѣщаніе ея „поднять скипетръ въ соблюденіе нашего православнаго закона"(1). Затѣмъ, по поводу церковныхъ имуществъ Арсеній ссылается на то, что таковыя были еще во времена апостоловъ, что русскіе князья всегда дѣйствовали въ пользу церкви (забывая при этомъ рѣшительныя попытки ограничить имущественныя права еще въ XV–XVI вв.); затѣмъ переходитъ къ тому замѣчательному явленію, что „и во время татарскія державы церковь имѣла свободныя имѣнія, въ первоначальной власти архіерейской содержащіяся". Но особенно тяжело было вспомнить ему дѣйствія предсѣдателя монастырскаго приказа при Петрѣ В. гр. И. А. Мусина-Пушкина, который по его словамъ, вопреки волѣ Петра В., коснулся даже алтарныхъ архіерейскихъ денегъ (вѣнечныхъ, данныя и т. п.), чего и турокъ не дѣлаетъ. Далѣе Арсеній говоритъ: „какъ же не воздыхать при самой безкровной жертвѣ отъ такого ига мучительнаго и паче турковъ лютѣйшаго, которое что ея величеству представили и на насъ возложили, дабы мы, архіереи, всякія науки содержали и снабдѣвали, т. е. философскія, богословскія, математическія и астрономическія"... Вообще онъ возстаетъ противъ заведенія академій и духовныхъ училищъ на средства монастырей и архіерейскихъ домовъ и признаетъ лишь элементарныя русскія школы для священниковъ при архіерейскихъ домахъ; жалуется на равнодушіе современниковъ къ духовному клиру и приводитъ примѣры изъ ветхаго завѣта — какъ ограждались священническія имѣнія отъ всякаго посягательства даже во время голода и плѣна, а изъ Баронія (Дѣянія церковныя), — какъ духовенство отстаивало на соборахъ свои права противъ французскихъ королей.

Отправивъ это доношеніе въ синодъ, Арсеній въ тотъ-же день написалъ два письма: къ Бестужеву-Рюмину и Ѳедору Дубянскому, прося ходатайства передъ

---

1) Въ манифестѣ о постановленіи Петра III касательно церковныхъ имуществъ было сказано: „Каждаго надобность состояла только въ томъ, чтобы отобрать у духовныхъ имѣнія, а чтобы осмотрительныя взять мѣры о порядочномъ и какъ для церкви и ду-

императрицей и „сколько возможно церковь Божію отъ слѣдующаго ей гоненія защитить и стараніемъ своимъ не оставить". Понятно, что мнѣнія Арсенія сильно смутили синодъ и императрицу. Уже 12 марта состоялся докладъ императрицѣ о первомъ его доношеніи, что оно „клонится къ оскорбленію ея императорскаго величества, за что Арсеній подлежитъ великому сужденію, но безъ вѣдома государыни синодъ приступить къ тому не смѣетъ и предаетъ на ея усмотрѣніе". Екатерина, прочитавъ донесеніе, нашла въ немъ „превратныя и возмутительныя толкованія св. писанія", а въ дѣйствіяхъ Арсенія „посягательство на спокойствіе подданныхъ", и поспѣшила предать его суду синода, предоставивъ себѣ лишь право смягченія его участи. Синодъ отправилъ оберъ-офицера съ командою, чтобы привезти Арсенія, опечатать его письма, бумаги и также доставить ихъ въ синодъ. Между тѣмъ Арсеній отправилъ въ синодъ (15 марта) второе донесеніе, которое только усилило неудовольствіе противъ него. Въ немъ онъ указываетъ, какъ идеальный порядокъ управленія церковными имуществами, порядки существовавшіе при Елисаветѣ, когда „коллегія совсѣмъ упразднилась и, какъ экономическая канцелярія, синоду была подчинена". И хотя Арсеній послѣ этого рѣшился уже на все, но видя, что дѣло принимаетъ опасный поворотъ, онъ по прежнему сталъ проситься на покой, но на это не обратили даже вниманія.

По случаю пріѣзда Арсенія въ Москву, Екатерина писала генералъ-прокурору Глѣбову: „Александръ Ивановичъ! Нынѣшнюю ночь привезли вранля, которого исповѣдывать должно; пріѣзжайте ко мнѣ, онъ здѣсь во дворцѣ будетъ. Бестужевъ просилъ „о показаніи Арсенію монаршаго и матерняго милосердія въ его тягостномъ приговорѣ по суду". Отвѣтомъ на ходатайство Бестужева было слѣдующее, весьма характеристичное, письмо Екатерины:

„Я чаю ни при которомъ государѣ столько заступленія не было за оскорбителя величества, какъ нынѣ за арестованнаго всѣмъ синодомъ митрополита

хищнаго чина в безобидномъ, такъ и для отечества полезномъ управленіи, о томъ и не думано."

ростовскаго, и не знаю, какую я въ причину подала сумнѣваться о моемъ милосердіи и человѣколюбіи. Прежде сего и безъ всякой церемоніи и формы, по не столь важнымъ дѣламъ, преосвященнымъ головы сѣкали, и не знаю, какъ бы я могла содержать и укрѣпить тишину и благоденствіе народа (умолча о защищеніи и сохраненіи мнѣ отъ Бога данной власти), еслибы возмутители не были наказаны".

1го апрѣля открылся судъ (подъ предсѣд. Д. Сѣченова) надъ Арсеніемъ, который, основываясь на письменныхъ данныхъ и дѣйствіяхъ виновника, постановилъ, лишивъ Арсенія архіерейства и монашества, сослать подъ крѣпкій надзоръ въ отдаленный монастырь, причемъ запретилъ ему пользоваться чернилами и бумагою, т.е. писать. Выслушавъ приговоръ, Екатерина прибавила, чтобы, по старости лѣтъ, оставить Арсенію монашескій чинъ; отъ гражданского суда и истязанія освободить, а послать въ отдаленный монастырь, съ тѣмъ, чтобы онъ не могъ никого развращать ни письменно, ни словесно, о чемъ сообщить во всѣ епархіи для свѣдѣнія духовенства. Послѣ чего съ Арсенія были торжественно, въ собраніи синода, сняты всѣ принадлежности его сана и затѣмъ подъ стражею онъ былъ отправленъ въ Николаевскій Корельскій монастырь, куда былъ сосланъ Θеодосій Яновскій, и на содержаніе его въ монастырѣ назначено было 50 к. въ день.

Коллегія экономіи. Ровно мѣсяцъ спустя послѣ рѣшенія участи Арсенія, судьба церковныхъ имуществъ была покончена... 12 мая 1763 г. состоялось учрежденіе коллегіи экономіи духовныхъ имѣній, президентомъ которой былъ назначенъ кн. Борисъ Куракинъ, а членами ея в свѣтскихъ лицъ (П.С.З. XVI, 11, 814). Она была подчинена непосредственно сенату и императрицѣ и только по духовнымъ дѣламъ - синоду. Коллегіи поручено было отправить въ церковныя вотчины оберъ-офицеровъ для описи имуществъ. Впрочемъ только въ началѣ 1764 г. это дѣло было приведено къ концу, на основаніи указа 26 февраля, который составляетъ самую важную эпоху въ исторіи церковныхъ имуществъ. На основаніи закона 26 февраля, всѣ вотчины

архіерейскихъ домовъ, монастырей и церквей, до 910,866 душъ, переданы были въ вѣдѣніе коллегіи экономіи. Вмѣсто прежнихъ оброковъ крестьяне обложены были (съ 1 янв. 1764 г.) 1½ – рублевымъ сборомъ, который ежегодно долженъ былъ доставлять 1,366,299 р. На содержаніе духовныхъ властей опредѣлено было жалованье, для чего всѣ епархіи и монастыри раздѣлены были на три класса. Число служителей при архіерейскихъ домахъ и монастыряхъ было ограничено. Коллегія принимала на себя содержаніе семинарій и духовныхъ училищъ. Впрочемъ, самая коллегія существовала только до 1786 г., когда всѣ ея дѣла вѣчно было сдать въ архивъ, а имѣнія духовныя слились съ общею массою казенныхъ имуществъ. Въ томъ же году эти постановленія были распространены на Малороссію; а черезъ два года и на духовенство губерній Харьковской, Екатеринославской, Курской и Воронежской.

Разрѣшеніе этого вопроса не обошлось однако безъ новыхъ жертвъ. Мѣсто Арсенія занялъ въ Ростовѣ Аѳанасій Вольховскій, уроженецъ Полтавы, заявлявшій мнѣніе въ пользу сохраненія церковныхъ имуществъ за духовенствомъ. Въ духѣ Арсенія высказался теперь въ его епархіи угличскій архимандритъ Геннадій, который вскорѣ поплатился за свою неумѣренную ревность: онъ былъ осужденъ и сосланъ въ Соловецкій монастырь съ тѣмъ, чтобы его не выпускали никуда, кромѣ церкви[1]. За свой же протестъ синоду потерпѣлъ также единомышленникъ Арсенія, Павелъ Конюскевичъ, митрополитъ тобольскій, отличавшійся впрочемъ, подобно Арсенію, крутымъ нравомъ. Въ запискѣ Екатерины къ Димитрію Сѣченову говорится о томъ, что Павелъ Конюскевичъ за малые проступки отлучаетъ отъ церкви, насильно постригаетъ въ монахи, употребляетъ тѣлесныя наказанія и насильно обращаетъ язычниковъ Сибири въ христіанство. Павелъ былъ смѣщенъ и отправленъ на жительство въ кіевскую лавру[1]. Всѣ эти ми-

---

1.) По поводу сего дѣла была составлена особая коммиссія, выработавшая инструкцію

ца вступили на высшие посты, благодаря покровительству малороссійской партіи, мечтавшей о возстановленіи патріаршества, которая господствовала тогда въ средѣ высшаго духовенства. Поэтому, по уничтоженіи гетманства (1764 г.), Екатерина поручаетъ генералъ-губернатору Малороссіи П. А. Румянцеву „постараться узнать власть тамошняго духовенства по всѣмъ ея околичностямъ" и строго наблюдать за настроеніемъ духовенства въ Малороссіи, проникнутаго въ значительной степени католическими тенденціями. Въ тоже время она старалась въ самомъ синодѣ усилить великорусскій элементъ.

Монастырскіе крестьяне однако отобраны были не съ цѣлью освобожденія, какъ было сдѣлано при Петрѣ III. Вскорѣ послѣ секуляризаціи церковныхъ имуществъ, ихъ стали раздавать въ частное владѣніе. Вѣрный исполнитель воли Екатерины Димитрій Сѣченовъ еще прежде получилъ въ личную собственность 1,000 душъ. Положеніе бѣлаго духовенства и духовныхъ школъ далеко не было обезпечено такъ, какъ предполагалось сначала. Впрочемъ на счетъ коллегіи экономіи производились расходы на благотворительныя учрежденія и другія подобныя цѣли: какъ помѣщеніе женъ военныхъ чиновъ въ богадѣльни (П. С. З., № 11, 776); опредѣленіе отставныхъ солдатъ въ учрежденныя при архіерейскихъ домахъ богадѣльни (11,208); назначеніе суммы изъ доходовъ коллегіи на содержаніе богадѣльни въ Казани (12,331); на содержаніе въ Петербургѣ и Москвѣ престарѣлыхъ и увѣчныхъ мужескаго и женскаго пола (12,334) и богадѣльни при Воскресенской церкви въ

для миссіонеровъ, въ которой имъ предлагалось дѣйствовать не насиліемъ, а мѣрами кротости; не принуждать новообращенныхъ къ такимъ церковнымъ преданіямъ, которыя неудобоисполнимы для непривычныхъ; проповѣдникъ по ея мнѣнію, долженъ имѣть видъ человѣка не по указу присланнаго, но добровольно пришедшаго, наконецъ предлагалось новообращенныхъ брать въ семинаріи, но съ тѣмъ, чтобы они своего языка не забыли, а также завести ученіе инородческихъ языковъ.

Петербургъ (12,401); назначеніе денегъ на содержащихся при главной полиціи колодниковъ (12,441); выдача хлѣба экономическимъ крестьянамъ, во время неурожая, на посѣвъ и прокормленіе (12,562); отпускъ 500 р. ежегодно на кіевское училище (12,604); выдача пенсій чинамъ, служившимъ въ лейбъ-компаніи (12,642); уступка въ Нижнемъ-Новгородѣ архіерейскаго дома воспитательному дому для приносимыхъ дѣтей (12,926); устройство богадѣльни при троицкой лаврѣ (13,046); содержаніе православной миссіи въ Пекинѣ (13,060) и др.

Екатерина старалась въ своихъ отношеніяхъ къ Арсенію Мацѣевичу принести оправданіе передъ общественнымъ мнѣніемъ Европы и потому писала Вольтеру, что крестьяне духовнаго вѣдомства часто терпѣли тиранническія притѣсненія, почему были бунты еще при Елисаветѣ. Это заставило Екатерину совершить реформу, противъ которой возсталъ Арсеній, подущенный нѣкоторыми изъ собратій своихъ. Въ запискахъ своихъ въ синодъ онъ старался установить нелѣпое начало двоевластія, за что и былъ осужденъ синодомъ къ лишенію сана и преданію свѣтскому суду, но Екатерина помиловала и удовольствовалась низложеніемъ въ монахи[1]... Однако

---

1) Вольтеръ по поводу отказа духовенства во Франціи оказать помощь государству и сообщить правительству свѣдѣнія о всѣхъ церковныхъ имуществахъ и доходахъ, писалъ: „Правительство тогда только хорошо, когда оно едино; не должно быть двухъ властей въ одномъ государствѣ. Употребляютъ во зло различіе между властью духовною и свѣтскою. У меня въ домѣ развѣ признаютъ двоихъ хозяевъ: меня и наставника моихъ дѣтей. Я желаю, чтобы уважали наставника моихъ дѣтей, но я вовсе не желаю, чтобы онъ имѣлъ хотя малѣйшую власть въ моемъ домѣ. Во Франціи, гдѣ разумъ усиливается съ каждымъ днемъ, этотъ разумъ научаетъ насъ, что церковь должна участвовать въ государственныхъ тяжестяхъ по соразмѣрности съ своими доходами, и что сословіе, долженствующее особенно учить справедливости, должно первое подать примѣръ справедливости. То правительство оскорбитъ Бога и людей, при которомъ граждане могли бы сказать: государство намъ дало все, а мы должны за него только молить-

Арсеній въ заключеніи своемъ пользовался большею свободою, чѣмъ было дозволено ему. Онъ собиралъ вокругъ себя монаховъ и караульныхъ солдатъ, и бесѣдовалъ съ ними о дѣйствіяхъ правительства. И вотъ, по доносу одного монаха, возникло новое дѣло объ Арсеніи (въ сентябрѣ 1767 г.), причемъ слѣдствіемъ было обнаружено, что Арсеній продолжалъ оспаривать права Екатерины на престолъ; порицалъ ея намѣреніе вступить въ бракъ съ Орловымъ; набрасывалъ тѣнь подозрѣнія на участіе нѣкоторыхъ лицъ въ печальной кончинѣ Ивана Антоновича, прибавляя, что „за пролитіе царской крови убійцъ слѣдовало казнить"; дѣлалъ намеки по поводу болѣзни вел. кн. Павла Петровича, о которомъ выражался: „у насъ-де въ Россіи непостоянны и не берегутъ настоящихъ наслѣдниковъ" и т. п.

Въ новомъ обвинительномъ актѣ противъ Арсенія на первомъ планѣ стояли уже пункты политическаго свойства. Поэтому онъ признанъ былъ достойнымъ истязанія и лишенія жизни, но „по милосердію и человѣколюбію императрицы" разстриженъ и заключенъ въ казематѣ, въ Ревелѣ, подъ именемъ Андрея Враля. Другія лица, замѣшанныя въ это дѣло, подверглись заточенію и ссылкамъ. Пребываніе Арсенія должно было храниться въ тайнѣ, а на случай смерти разрѣшено было похоронить его при русской церкви и позвать къ нему священника, съ котораго взять подписку о полномъ молчаніи. По приказанію императрицы съ Арсеніемъ должны были обходиться безъ грубости и заботиться, чтобы ни въ чемъ онъ не терпѣлъ нужды. Арсеній скончался въ заключеніи 28 февраля 1772 г. Таинственность, соблюдавшаяся во время вторичной ссылки

намъ, что когда государь захочетъ уничтожить какое нибудь злоупотребленіе, народъ долженъ ему въ этомъ содѣйствовать, хотя бы злоупотребленіе считало за собою давность 4000 лѣтъ. Разумъ насъ научаетъ, что государь долженъ быть полновластнымъ распорядителемъ всей церковной полиціи. Великое счастіе для государя, когда много философовъ, ибо философы, не имѣя частнаго интереса, могутъ говорить только въ пользу разума и блага общественнаго".

Арсенія, были причиною многихъ толковъ и неправильныхъ заключеній о немъ. Такъ возникъ разсказъ Лопухина о существовавшемъ будто-бы третьемъ дѣлѣ объ Арсеніи, вызванномъ нѣкоторыми фактами религіознаго почитанія къ нему. Говорили также, что Арсеній былъ сосланъ не въ Ревель, а въ Нерчинскъ, откуда переведенъ въ Селенгинскъ и умеръ на пути, близъ Верхнеудинска, гдѣ и была устроена въ честь его часовня. Позже оказалось, что это былъ другой Арсеній (іеромонахъ нижегородскаго монастыря), ничего общаго съ Мацѣевичемъ не имѣвшій.

Екатерина опасалась, чтобы народъ не считалъ Арсенія Мацѣевича за святого и мученика и старалась утвердить мнѣніе, что Арсеній „доказанный клеветникъ, лжецъ и лицемѣръ"; но она не успѣла вполнѣ въ этомъ и въ Сибири мѣсто предполагаемой могилы Арсенія считается священнымъ. Въ 1771 г. подъ знаменемъ Арсенія выступилъ съ протестомъ противъ Екатерины за дѣло Арсенія, - нѣкто Смолинъ. Его сослали, но потомъ разрѣшили ему принять монашество.

Безъ сомнѣнія приговоръ надъ Арсеніемъ казался крайне суровымъ особенно въ то время, когда Екатерина писала Наказъ, созывала Коммиссію Уложенія, переписывалась съ философами о всеобщемъ человѣческомъ благѣ. И едва ли поэтому можно сомнѣваться, что мнѣнія высказанныя Арсеніемъ на счетъ ея собственныхъ правъ не остались безъ вліянія на участь Арсенія. Но нельзя не признать, что Екатерина прекрасно понимала всю важность этой борьбы: „Мацѣевичъ, по выраженію Пекарскаго, былъ послѣднимъ представителемъ старыхъ порядковъ въ церковномъ управленіи, которымъ Духовный Регламентъ Петра В. нанесъ рѣшительный ударъ и вмѣстѣ съ тѣмъ благодѣтельный по своимъ послѣдствіямъ для русскаго просвѣщенія". -

---

В. Иконниковъ

Лекція 8.

Положеніе дворянства въ началѣ царствованія Екатерины II. Дворянство считало себя единственнымъ распорядителемъ крестьянъ; оно полагало, что церковные крестьяне перейдутъ въ его владѣніе; оно просило и питало виды на счетъ своихъ особенныхъ правъ въ государствѣ. Теперь оно заявляло, что вольность его, признанная Петромъ III, не была до сихъ поръ конфирмована новымъ правительствомъ. И Екатерина на первыхъ порахъ поспѣшила удовлетворить это желаніе. Коммиссія, назначенная по этому дѣлу, состояла изъ гр. Бестужева-Рюмина, гетмана Разумовскаго, канцлера Воронцова, кн. Я. П. Шаховскаго, Панина, Чернышева, кн. Волконскаго, гр. Гр. Орлова и оберпрокурора Теплова. Въ собственноручномъ указѣ императрицы говорилось, что актъ о вольности дворянства Петра III, по нѣкоторымъ пунктамъ, еще болѣе стѣсняетъ ту свободу, которая требуется общею пользою и государственною службою, примѣняясь къ государственному положенію и воспитанію благороднаго юношества. Она предлагала разсмотрѣть этотъ актъ и сдѣлать его съ благоразумною политикою, которая требовала, чтобы при введеніи свободы дворянской были учреждены такія статьи, которыя наиболѣе поощряли бы усердіе этого сословія на пользу службы и отечества (Сборн. VII, 232-266).

Дѣйствія коммиссіи о дворянствѣ. Такимъ образомъ за дворянствомъ правительство не хотѣло признать иныхъ правъ, кромѣ тѣхъ, какія единственно вытекали изъ служебнаго характера этого сословія. Самая постановка вопроса, предложенная на обсужденіе коммиссіи, должна была дать извѣстное направленіе дѣйствіямъ послѣдней, которая считала однако необходимымъ сослаться опять на права лифляндскаго дворянства (241-245). Бестужевъ-Рюминъ представилъ мнѣніе, въ которомъ онъ предлагалъ установить права дворянства въ связи съ его службою (напр. право владѣнія, первенства лицъ служащихъ передъ неслужащими). Въ числѣ другихъ болѣе существенныхъ правъ онъ упоминаетъ объ огражденіи личности дворянина отъ ареста безъ судебнаго приговора, отъ конфискаціи и пытки, предоставленіе права дворянамъ выбирать на судѣ адвокатомъ кого либо изъ дворянъ. Но рядомъ съ этимъ онъ

предлагаетъ и такія прерогативы, какъ признаніе неограниченной власти надъ крестьянами, лишеніе послѣднихъ права подачи прошеній и доносовъ на своихъ господъ и недопущеніе ихъ въ свидѣтели противъ послѣднихъ. Наконецъ, чтобы дворяне, оставившіе службу, не предавались праздности, онъ предлагаетъ дозволить дворянству избраніе изъ своей среды лицъ, завѣдующихъ ихъ дѣлами въ уѣздахъ, а равно для прекращенія между ними споровъ и несогласій (ландратовъ), и право избранія на должности товарищей губернаторовъ, воеводъ и ихъ товарищей. Но коммиссія устранила предложеніе Бестужева о выборной службѣ дворянства и, напротивъ, высказалась за сохраненіе вольностей его относительно государственной службы, утверждая, что въ настоящее время „честолюбіе дворянства достаточно вкоренено" уже воспитаніемъ и потому не требуется въ этомъ отношеніи принужденія. Коммиссія оставляла право дворянъ выѣзжать за границу и вступать въ иностранную службу, такъ какъ храбрость и честолюбіе поддерживаются добрыми примѣрами, подражаніемъ и экспериенціей. Екатерина осталась недовольна этими мнѣніями коммиссіи. По поводу послѣдняго пункта, она указывала на безпорядочную жизнь русскихъ за границей, въ Парижѣ и пр. мѣстахъ. (Въ это время выѣздъ за границу дозволялся за поручительствомъ благонадежныхъ людей П. С. З. XVI, 11,663). Она имѣла основаніе ссылаться на это. Такъ уже 5 іюня она писала вице-канцлеру кн. Александру Голицыну: „меня просятъ, дабы вывезла изъ Парижа Д. М. Матюшкина, который тамъ во всемъ разорительную и развращенную жизнь ведетъ. Я все сіе напередъ пророчила, но меня не послушали. Прикажите писать, чтобы онъ оттуда безъ замедленія ѣхалъ". Въ своемъ мѣстѣ мы увидимъ нравы тогдашняго дворянства. Дѣло о новыхъ правахъ дворянства осталось не рѣшеннымъ до 1785 г. (Соловьевъ, XXV, 274–76). Между тѣмъ въ это время состоялось весьма существенное ограниченіе одной изъ дворянскихъ привилегій, которая приводила ко многимъ злоупотребленіямъ: в марта 1763 г. было запрещено производить малолѣтнихъ дворянъ въ офицеры безъ высочайшаго указа (П. С. З. 11, 777).

Положеніи крестьянъ. Бестужевъ-Рюминъ хлопоталъ объ усиленіи власти помѣщиковъ надъ крестьянами; но крестьянскіе бунты указывали на необходимость противоположнаго образа дѣйствій со стороны правительства. Посылая противъ возмутившихся крестьянъ кн. А. А. Вяземскаго, правительство поручало ему изслѣдовать состояніе уральскихъ заводовъ, крестьяне которыхъ волновались еще съ 1760 г., наказать виновныхъ управителей и далее разсмотрѣть вопросъ, нельзя-ли обязательныхъ заводскихъ крестьянъ замѣнить вольнонаемными людьми (С. Р. И. О. VII, 188), хотя послѣднее не могло быть приведено тогда въ исполненіе, по недостатку рукъ[1]. Ревизія кн. Вяземскаго обнаружила, что владѣтели заводовъ захватывали и приписывали крестьянъ насильственно, что работы превышали человѣческія силы, и плата за трудъ производилась неправильно, или не выдавалась и вовсе; наконецъ многіе изъ нихъ живутъ за 400 верстъ отъ заводовъ и теряютъ много времени на одни переѣзды. Все это было принято во вниманіе, и заводчикамъ было объявлено, что крестьяне возмутились не по своей винѣ, а потому имъ слѣдуетъ войти съ ними въ соглашеніе относительно убытковъ и опредѣленной уплаты, такъ какъ крестьяне не могутъ, даже въ интересахъ владѣтелей заводовъ, быть лишены средствъ существованія (П. С. З. 11, 790). Въ началѣ 1764 г. кн. Вяземскій былъ отозванъ императрицею для занятія поста генералъ-прокурора, а вмѣсто его былъ назначенъ А. И. Бибиковъ, который засталъ волненіе почти уже прекращеннымъ; большинство жалобъ крестьянъ на заводчиковъ было разобрано. Дѣятельность Бибикова продолжалась до октября 1764 г. Всего кн

1.) Въ это время за частными заводами считалось 100,000 крестьянъ, а за казенными всего 15,000. Въ волненіи принимали участіе лишь приписанные къ частнымъ заводамъ. Сн. „Горнозаводскіе крестьяне на Уралѣ въ 1760-64" г. г. В. Семевскаго, Вѣстникъ Европы 1877, XI, стр. 213.

Это были заводы: Демидовыхъ, И. Г. Чернышева, Походяшина, Твердышева, Мясникова, Сиверса, Шуваловыхъ, Гурьева, Турчанинова, канцлера Воронцова и Р. И. Воронцова, Сокиныхъ, гр.

Вяземскимъ было наказано (кнутомъ, плетьми и батогами) 235 чел., Бибиковымъ 196 ч., не считая наказанныхъ не по судебному рѣшенію, а по усмотрѣнію усмирявшихъ офицеровъ. Наказанные тѣлесно отправлялись или въ каторжныя работы или присуждались къ вѣчной работѣ на заводахъ (Семевскій, 253-255). Но, замѣчаетъ императрица, „въ этомъ усмиреніи не единожды принуждены были употребить противу нихъ оружіе и даже до пушекъ, и не унялось возстаніе сихъ людей, донележе Гороблагодатскіе заводы, за 2 милліонный (у Семевскаго всего 600,000 р.) казнѣ долгъ графа П. И. Шувалова, возвращены въ казенное управленіе; также Воронцовскіе, Чернышевскіе, Ягужинскіе и нѣкоторые иные заводы, по таковымъ же причинамъ, паки въ казенное поступили вѣдомство." (Рус. Арх. 1865, 485-486)

Вяземскій издалъ постановленія о количествѣ и времени работъ и подчинилъ завѣдываніе крестьянами и наказаніе ихъ выборнымъ сотникамъ, старостамъ и всему міру, а заводскія конторы оставались лишь высшею инстанцiею въ дѣлахъ особенной важности и въ случаѣ разногласій не только выборныхъ, но и міра. Впрочемъ правила эти не были сдѣланы обязательными для всѣхъ заводовъ и потому не принесли существенной пользы (О состояніи заводскихъ во второй сталѣ Семевскаго, Вѣстн. Евр. 1877, № 2, 634-675). Обнаружены были злоупотребленія и въ управленіи государственными крестьянами. Такъ изъ донесенія, посланнаго въ Казанскую губернію, полковника Свѣчина, оказалось, что крестьяне терпятъ насилія и поборы отъ вальдмейстеровъ, канцелярій и разныхъ чиновниковъ. Одни брали по 3-6 коп. съ души, другіе по 1 р. съ деревни, подача сказокъ и платежъ подушныхъ денегъ сопровождался 2-3 руб., за паспорты по 50 коп.; крестьяне и подводы брались на работу безплатно, а тѣмъ, кто изъ нихъ сопротивлялся этимъ требованіямъ, угрожали слѣдствіями и наказывали штрафами. Сенатъ потребовалъ объясненій и ускоренія рѣшеній по возникшимъ жалобамъ (Журн. сената, Соловьевъ, XXV, 279-81). Такимъ

Ягужинскаго, Ibid. 243-254.

образомъ, кромѣ паллiативныхъ средствъ, мы не встрѣчаемъ другихъ мѣръ въ этотъ перiодъ по данному вопросу. Въ тоже самое время, какъ разрѣшался вопросъ о церковныхъ имуществахъ, помѣщичьимъ, а равно и церковнымъ крестьянамъ объявлялось, что они должны оставаться въ полномъ повиновенiи, отбывать всѣ требуемыя работы, а за неповиновенiе грозились наказанiя (П. С. З. XVI, 11, 678; 11, 864). Возмутившiеся помѣщичьи крестьяне отдавались почти на произволъ ихъ владѣльцевъ, какъ это было сдѣлано въ Юрмискомъ уѣздѣ съ крестьянами кн. Тевкелева. И волненiя продолжались: такъ въ половинѣ 1763 г. возмутились крестьяне въ Бѣжецкой пятинѣ Новгородскаго уѣзда — духовника императрицы Дубянскаго, князей Мещерскихъ и др. помѣщиковъ, числомъ до 800 и вступали въ открытый бой съ военною командою. Изъ другихъ имѣнiй того же уѣзда ушло до 900 душъ крестьянъ въ предѣлы Польши (Соловьевъ, XXV, 16–282). Но чтобы сталось съ крестьянами, если бы права, предложенныя Бестужевымъ, первенствующимъ членомъ коммиссiи о дворянствѣ, дѣйствительно осуществились бы?

- Мнѣнiе П. И. Панина о положенiи крестьянъ. Нельзя, однако сказать, чтобы не сознавалась тогда вся опасность такого положенiя вещей. И въ этомъ отношенiи весьма интересно мнѣнiе П. И. Панина по вопросу о перебѣжчикахъ за границу. Онъ прямо указываетъ, что причиною тому — строгость духовнаго и свѣтскаго начальства и ихъ злоупотребленiя относительно раскольниковъ; право помѣщиковъ безгранично продавать въ рекруты, не обращая вниманiя даже на семейныя условiя; суровое обращенiе съ рекрутами; ничѣмъ не ограниченная помѣщичья власть; дурной составъ администрацiи; недостатокъ правосудiя и лихоимство, особенно въ отдаленныхъ областяхъ. Чтобы устранить всѣ эти злоупотребленiя, авторъ мнѣнiя предлагаетъ установить извѣстныя ограниченiя произвола помѣщиковъ (напр. запрещенiе продавать крестьянъ иначе, какъ цѣлыми семьями), а для того, чтобы привлечь раскольниковъ и иностранцевъ въ Россiю, необходимо тѣхъ и другихъ отдать подъ покровительство кого либо изъ министровъ или сенаторовъ. Болѣе существенный пунктъ о крестья-

янахъ требовалъ сочинить „примѣрное положеніе крестьянскимъ работамъ и подачамъ для помѣщиковъ"; но тутъ же предлагалось не дѣлать это постановленіе гласнымъ, „рази секретные предписанія губернаторамъ", которые обязаны были руководиться этими положеніями на случай споровъ и неудовольствій крестьянъ съ помѣщиками, причемъ о злоупотребленіяхъ послѣднихъ доносить Сенату, подъ угрозой отнятія имущества. Панинъ предлагалъ установить обязательное количество работы крестьянъ (4 дня въ недѣлю, причемъ суточная работа должна равняться 1 десятинѣ вспаханной земли или 3 скошеннымъ копнамъ сѣна, или 1½ сажени срубленныхъ дровъ) и тахітит оброка (не свыше 2 р.); а при назначеніи градоначальниковъ въ пограничныя области, онъ предлагалъ обращать вниманіе и на хорошее по европейскому воспитаніе. (Госуд. Арх. Соловьевъ, XXV, 283-84).

Злоупотребленія администраціи. Послѣднее требованіе, конечно, должно было бы имѣть значеніе не для однѣхъ только пограничныхъ областей. Правственность тогдашней администраціи стояла еще на весьма низкой степени и „секретныя положенія" ничего не значили при наклонности самихъ защитниковъ къ злоупотребленіямъ. Въ это самое время тянулся цѣлый рядъ приговоровъ надъ губернаторами, воеводами и чиновниками изъ канцелярій за взятки, насилія и др. злоупотребленія. Вяземскій, во время усмиренія заводскихъ крестьянъ, доносилъ, что онъ вездѣ нашелъ потдверждения о лиходѣйствѣ казанской губернской канцеляріи. Существовали опредѣленные взносы за каждую сдѣлку и ея размѣръ и произволъ часто достигалъ здѣсь чрезвычайныхъ размѣровъ. То же самое онъ нашелъ и въ Сибирской, и въ Оренбургской губерніяхъ. Нѣкоторые изъ воеводъ сами заводили ссоры между дворянствомъ и потомъ пользовались съ нихъ взятками, а въ разбойныхъ и воровскихъ дѣлахъ взятки вымогались даже посредствомъ пытокъ (Соловьевъ, XXV, 268-69). Многіе чиновники только пьянствовали, между тѣмъ какъ подсудимые безъ срока держались въ тюрьмахъ, въ ожиданіи рѣшенія ихъ участи (266).

Екатерина боялась, что сенаторы будутъ хлопотать передъ нею за своихъ protégés. Впрочемъ многие изъ нихъ нашли свое спасение въ покровительствѣ стихiй. По поводу пожара въ Твери, она писала Глѣбову: „Старайтесь о вспоможенiи симъ несчастнымъ людямъ; я думаю многимъ не печально, что дѣла всѣ почти сгорѣли" (Сборн. VII, 285).

Прекратить лихоимство, противъ котораго такъ настойчиво боролся еще Петръ В., было вовсе не легко. Екатерина писала Глѣбову о томъ, что солдаты иные по 8, а иные по 6 мѣсяцевъ не получали жалованья, многие офицеры, отправленные къ отставкѣ въ Россiю, уѣзжаютъ не получивъ ни полушки жалованья (Сборн. VII, 234). Чтобы помочь имъ, велѣно было отчислить 1½ мил. денегъ въ прибавку назначеннымъ штатамъ (Солов. XXV, 288). Во избѣжанiе насилiя отъ военныхъ командъ во время народной переписи, Екатерина распорядилась, чтобы при новой ревизiи (назначенной въ 1761 г., а потомъ остановленной) предоставить самимъ крестьянамъ подавать сказки, для чего разослать безплатно печатные листы; по этому поводу она имѣла даже горячее пренiе въ сенатѣ. (Солов. XXV, 287 и Рус. Арх. 1865 г.). Но картина порядковъ въ отдаленныхъ областяхъ, представленная въ указѣ 8 февраля, вполнѣ безотрадна. Указъ прямо называетъ тамошнихъ дворянъ, дѣтей боярскихъ и казаковъ „безсовѣстными", а инородцевъ, подлежащихъ ихъ поборамъ, „безгласными и беззаступными." Для прекращенiя этихъ золъ Екатерина сочла нужнымъ послать туда довѣренное лицо (П. С. З. 11, 749). Вообще, при назначенiи должностныхъ лицъ, особенно въ Сибирь, Екатерина наблюдала большую осторожность и требовала представленiя каждый разъ свѣдѣнiй „о поведенiи персонъ". (Сборн. VII, 237–38). Однако, какъ мы видѣли выше, виновники злоупотребленiй находили нерѣдко поддержку въ самомъ сенатѣ. Но еще болѣе тяжелымъ становилось положенiе Екатерины, когда интересы государственной пользы приходилось ставить въ зависимость отъ вѣковыхъ предубѣжденiй и предразсудковъ.

Вопросъ о раскольникахъ. Вскорѣ поднятъ былъ Екатериною другой вопросъ, не менѣе щекотливый для духовенства, чѣмъ отнятіе церковныхъ имуществъ, но которому государственная власть должна была дать направленіе болѣе приличное духу времени. Это былъ вопросъ о раскольникахъ, къ которымъ такъ враждебно относился Арсеній Мацѣевичъ. Еще Петръ III предоставилъ имъ свободное богослуженіе, почему имя его постоянно пользовалось сочувствіемъ въ этой средѣ. Въ надеждѣ на новыя льготы со стороны Екатерины, раскольники обратились къ ней. Но и это дѣло она передала сначала на заключеніе синода. Димитрій Сѣченовъ и Гедеонъ псковской подали мнѣніе, въ которомъ склонялись сдѣлать уступку раскольникамъ относительно обрядовъ, съ тѣмъ однако, что во всемъ остальномъ они будутъ единомысленны съ православною церковью. Мнѣніе ихъ встрѣтило возраженіе со стороны Гавріила, архіепископа петербургскаго и Амвросія крутицкаго, рѣшительно возставшихъ противъ какихъ бы то ни было уступокъ. Вслѣдствіе этихъ мнѣній вопросъ о положеніи раскольниковъ не могъ разрѣшиться теперь въ означенномъ смыслѣ и правительство ограничилось объявленіемъ лишь полнаго прощенія бѣглымъ раскольникамъ, пожелавшимъ возвратиться изъ Польши: имъ разрѣшено было селиться, гдѣ они пожелаютъ, носить бороду, ходить не въ указномъ платьѣ, наконецъ ограждены были торговыя права раскольничьихъ поселеній при крѣпости св. Елисаветы (№ 11,725; 11,687; 11,738). Но они все таки должны были нести двойной окладъ и не могли пока пользоваться гражданскими правами.

Вопросъ о бѣглыхъ и русскія окраины. Съ вопросомъ о возвращеніи бѣглыхъ раскольникахъ связывался тѣсно и другой, важный въ государственномъ отношеніи, вопросъ: о возвращеніи бѣглыхъ крестьянъ и заселеніи русскихъ окраинъ, такъ нуждавшихся въ постоянныхъ поселенцахъ. Бѣглые крестьяне приглашались возвратиться безъ наказанія къ ихъ прежнимъ владѣльцамъ, изъ Польши и Литвы вызывались бѣглые помѣщичьи крестьяне и всякаго званія люди; имъ дозволялось селиться въ казенныхъ волостяхъ

гдѣ пожелаютъ, съ освобожденіемъ отъ податей и работъ на 6 лѣтъ (П.С.З. 11,674; 11,679; 11,714; 11,815). Съ другой стороны, еще при Аннѣ Ивановнѣ (1736 г.) признано было полезнымъ поселить въ Закамской области отставныхъ солдатъ. Теперь было положено, чтобы всѣ поселенцы, прожившіе тамъ 5 лѣтъ, строили новые дворы (1 на 10) для прибывающихъ поселенцевъ, которымъ назначалось отъ 20-30 четв. земли и опредѣленное количество хлѣба, овса и т. п. Такія же поселенія заводились и въ Сибири, причемъ дома имъ строились отъ казны. Въ Новой Сербіи (Новороссійскій край) со времени Елисаветы Петровны существовали славянскія поселенія и еще при ней, а потомъ и при Петрѣ III назначена была специальная коммиссія для изслѣдованія злоупотребленій представителя славянской колонизаціи, Хорвата. Тогда онъ сумѣлъ защитить себя большими подарками; теперь это дѣло возобновилось и на Хорвата былъ сдѣланъ начетъ по колоніямъ въ 65,000 р. Его отрѣшили отъ управленія колоніями, описали его имѣнія, а самыя колоніи ввѣрены были управленію <u>А. П. Мельгунова</u> и подчинены малороссійскому генералъ-губернатору, а во военныхъ дѣлахъ - военной коллегіи. Населеніе тамошнихъ колоній состояло изъ сербовъ, болгаръ, валаховъ, македонянъ, но было не достаточно для новаго края, а потому правительство приглашало теперь возвратиться бѣжавшихъ въ Польшу великороссы, малоруссовъ и другихъ народностей, чтобы заселить пустыя мѣста (П.С.З. 11,861). Яицкій атаманъ Бородинъ былъ также смѣненъ за злоупотребленія.

Сосѣднія степи представляли тогда опасный элементъ, приходившій въ движеніе при каждой перемѣнѣ правительства, а иногда и вызывавшій перемѣну въ своей администраціи подобными движеніями. Для пропуска русскихъ и иностранныхъ каравановъ въ Азію считали за лучшее вступать съ киргизами въ договоры и откупаться деньгами; но когда замѣтили сношенія бывшей калмыцкой ханши Дундукъ - Омбо, принявшей христіанство при Елисаветѣ вмѣстѣ съ своими дѣтьми, то сочли за лучшее взять ихъ поближе къ Москвѣ и надѣлить крестьянами (нѣ-

сколько тысячъ душъ) въ самой Россіи (Соловьевъ, XXV, 297–98). Послѣ оправданія въ своихъ дѣйствіяхъ (письмо къ Орлову, Рус. Стар. т. XI) при Петрѣ III, извѣстный Волковъ былъ освобожденъ изъ-подъ ареста (въ теченіе первыхъ дней переворота) и назначенъ оренбургскимъ губернаторомъ. Онъ опасался однако вліянія въ этомъ краѣ генерала Тевкелева, которымъ онъ пользовался благодаря своей принадлежности къ магометанскому закону. Поэтому послѣдній былъ задержанъ пока въ Петербургѣ (Солов., XXV, 298). Волковъ обратилъ вниманіе на гражданское устройство Оренбургскаго края и улучшилъ русскую торговлю съ восточной Азіей. Онъ мечталъ даже, по мысли Петра В., завести сношенія съ Индіею; онъ предлагалъ замѣнить чисто военную политику въ отношеніяхъ Россіи къ азіатскимъ народамъ – мирнымъ развитіемъ послѣднихъ, посредствомъ школъ и другихъ условій гражданскаго быта (Проектъ въ Вѣстн. Геогр. Общ. Переписка съ Екатериной II въ Рус. Стар. XI и др.). Уже въ это время поднятъ былъ вопросъ о заселеніи пустыхъ мѣстъ иностранными колонистами, какъ предполагалось сначала въ Оренбургской губерніи, но затѣмъ и вообще въ Россіи, за исключеніемъ однако евреевъ (П.С.З. 11, 720), съ правомъ строить свои церкви тамъ, гдѣ они поселятся (11, 853). На сколько впрочемъ приходилось въ этомъ странѣ сообразоваться съ общимъ религіознымъ настроеніемъ видно изъ слѣдующаго объясненія правительства: „Ея величество надѣется современемъ чрезъ то умножить славу божію и его православную греческую вѣру и благополучіе имперіи" (Солов. XXV, 172). Изъ этихъ словъ можно заключить, что правительство какъ будто разсчитывало на обращеніе ихъ въ православіе, но эта надежда осталась тщетною. Обнаружилось обратное явленіе: вліяніе протестантскихъ сектъ на религіозное движеніе въ Россіи...

<u>Состояніе духа Екатерины въ Москвѣ</u>. Совершивъ политическій переворотъ, Екатерина не могла успокоиться на счетъ своихъ правъ и признанія ихъ. Во все время пребыванія въ Москвѣ она чувствовала какую-то тягость и внѣшнее давленіе. Печаль была написана на ея лицѣ, по сло–

вамъ гр. Букингама, которому она признавалась, что въ обществѣ все больше и больше чувствуетъ себя разсѣянною, сама не зная почему. „Императрица, писалъ онъ, по своимъ талантамъ, просвѣщенію и трудолюбію, выше всѣхъ ея окружающихъ. Признавая заслуги, недавно ей оказанныя, сознавая затруднительность своего положенія и страшась опасностей, которыми до сихъ поръ она должна была считать себя окруженною, она еще не можетъ дѣйствовать самостоятельно и освободиться отъ многихъ окружающихъ ее людей, которыхъ характеръ и способности она должна презирать"... (Сб. XII, 46, 52). Почти также отзывался о ней и французскій посланникъ Бретейль, указывая на то, что кромѣ Панина у этой государыни нѣтъ пока никого, кто бы могъ помогать ей въ управленіи; что всѣ окружающіе осаждаютъ ее своими частными дѣлами и далѣе указываетъ на свою бесѣду съ императрицей, въ которой она въ концѣ концовъ заявила, что всѣми средствами старается сдѣлать своихъ подданныхъ счастливыми, но чувствуетъ, <u>что нужны годы, чтобы они привыкли къ ней</u>... „<u>Она въ обаяніи отъ престола, прибавляетъ онъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ что-то ее безпокоитъ и волнуетъ</u>"... Ея гордый и высокомѣрный тонъ чувствуется только во внѣшнихъ дѣлахъ, какъ потому, что здѣсь нѣтъ личной опасности, т. к. и потому, что такой тонъ относительно иностранныхъ державъ нравится ея подданнымъ." (La cour de la Russie, 224-226).

Опасность дѣйствительно грозила Екатеринѣ и она скрывалась въ томъ разладѣ ея приверженцевъ, который не замедлилъ проявиться, когда наступилъ раздѣлъ власти въ ихъ собственной средѣ.

Недовольство въ средѣ ея приверженцевъ. Дѣло Гурьевыхъ и П. Хрущова.

Уже въ началѣ августа 1762 г. Кейтъ писалъ Гренвилю, что со времени переворота между гвардейцами поселился скрытный духъ вражды и недовольства (вспомнимъ замѣчаніе Петра III о томъ же. стр. 63) Настроеніе это усиливалось и достигло такой силы, что ночью на прошлой недѣлѣ, какъ говорится въ письмѣ, оно разразилось <u>почти открытымъ мятежомъ</u>. Вол-

ненія даже повторились, но съ помощью тайныхъ арестовъ множество офицеровъ и солдатъ высланы изъ столицы чрезъ что порядокъ возстановленъ (Сб. XII, 38 Ср. La cour, 225). Такія же волненія повторились и въ Москвѣ (ib 223). Имя Ивана Антоновича не переставало все еще безпокоить правительство. Петръ III имѣлъ свиданіе съ нимъ и Екатерина, вскорѣ по вступленіи на престолъ, рѣшилась повторить тоже (29 іюня). Шлюссельбургъ предполагалось тогда очистить для Петра III. Привезенный въ Петербургъ, Иванъ Антоновичъ убѣдилъ однако Екатерину въ безопасности надеждъ на него тѣхъ, которые видѣли въ немъ претендента на престолъ и его отправили на прежнее мѣсто. Надзоръ за его содержаніемъ и судьбою былъ ввѣренъ Н. И. Панину, который писалъ надзиравшимъ за нимъ офицерамъ, чтобы они убѣждали его принять монашество. При этомъ они не должны были допускать къ нему никого, даже коменданта, если онъ не будетъ имѣть собственноручнаго разрѣшенія Панина. „Буде-же, прибавлялось далѣе, такъ оная сильна будетъ рука, что спастись не можно, то арестанта умертвить, а живаго никому въ руки не отдавать" (повтореніе прежней инструкціи). Монашество онъ не пожелалъ принять. Тѣмъ не менѣе, при тогдашней таинственности, наблюдавшейся относительно узника, не многіе знали о его неспособности и состояніи. Вскорѣ гр. Орловъ получилъ доносъ о существованіи партіи въ пользу Ивана Антоновича, въ числѣ членовъ которой состоятъ будто бы И. И. Шуваловъ, кн. Никита Трубецкой, кн. И. Голицынъ и нѣкоторые офицеры гвардіи. Въ разговорахъ упоминалось также имя Панина. Другіе отдавали предпочтеніе цесаревичу Павлу Петровичу; выражали неудовольствіе на то, что онъ до сихъ поръ не коронованъ и заявляли, что дѣло остановилось только потому, что у Панина съ Шуваловымъ возникло сомнѣніе, кому правителемъ быть: „это было извѣстное дѣло Гурьевыхъ и Петра Хрущова. Причиною его было недовольство на милости Екатерины, оказанныя ею нѣкоторымъ любимцамъ и желаніе выйти самимъ въ люди. Заговорщики высказывали надежду найти опору не только въ гвардіи, но и въ армейскихъ полкахъ.

Екатерина распорядилась преслѣдовать это дѣло безъ пытокъ. Но въ немъ открыли оскорбленіе величества и умысел сдѣлать общее возмущеніе. Сенатъ приговорилъ Петру Хрущову и Семену Гурьеву отсѣчь головы, Ивана и Петра Гурьевыхъ — въ каторжную работу, не касаясь ихъ имѣній, которыя отдать дѣтямъ и наслѣдникамъ. Императрица измѣнила рѣшеніе: для первыхъ она назначила вѣчную ссылку въ Камчатку, а для послѣднихъ — въ Якутскъ (Дѣло въ Госуд. Арх. и у Солов. 160–163; Сбор. VII, 171; XVIII Вѣкъ, I, III; П.С.З. II, 693). Лицамъ, донесшимъ и открывшимъ объ этомъ дѣлѣ, были даны большія денежныя награды и подарки (Солов. XV, примѣч. 15). Это обстоятельство лишило Брауншвейгскую фамилію надежды на скорое освобожденіе. Екатерина предложила свободу только принцу Антону, приказавъ заявить ему, что семейные должны остаться въ Россіи „до времени для государственныхъ резоновъ", а если онъ не желалъ воспользоваться свободою безъ нихъ, то пусть также ожидаетъ другого времени. Принцъ Антонъ дѣйствительно не согласился на это. (Зап. А.И. Бибикова, прилож. с 5. Инструкція Бибикову Сборн. VII, 182. наставленія Панину ib. 364). Какъ видно опасались даже имени Петра III. Такъ по поводу назначенныхъ въ опредѣленные дни панихидъ по немъ, архіепископъ Амвросій просилъ Бестужева доложить императрицѣ, чтобы принять какія либо мѣры во избѣжаніе толковъ въ народѣ, особенно же отъ раскольниковъ. Но Екатерина написала: „И объ злодѣй Богъ приказалъ молиться, наипаче о заблужденной душѣ, а о непоминовеніи въ народѣ толки были бы, что онъ живъ". Тѣмъ не менѣе нѣсколько позже стали ходить слухи, что Петръ дѣйствительно живъ и сосланъ въ Шлюссельбургъ, а для того его послали, что Орловъ хочетъ вѣнчаться съ государынею". (Солов. 261). Вотъ поводъ для будущихъ самозванцевъ.

<u>Проектъ Бестужева-Рюмина</u> Послѣдній пунктъ сильно безпокоилъ императрицу и много вредилъ ей въ это время. Уже въ половинѣ мая 1763 г. гр. Букингамъ сообщалъ Галифаксу, что Бестужевъ предложилъ п

старинному обычаю вступить Екатеринѣ въ бракъ съ однимъ изъ подданныхъ, но не всѣ согласились съ этимъ и даже нѣкоторые, какъ Панинъ, вовсе воспротивились. „Вслѣдствіе этой оппозиціи предложеніе на время отложено, но думаютъ, что оно будетъ возобновлено въ Петербургѣ, гдѣ вопросъ этотъ можетъ имѣть весьма серьезныя послѣдствія, если только на немъ будутъ настаивать. Люди всѣхъ сословій недовольны милостями, оказанными семейству Орловыхъ и выражаютъ свое недовольство съ свободой, неизвѣстной до сихъ поръ въ этой странѣ"... (Сборн. XII, 106–107; почти въ тѣхъ же выраженіяхъ, доносилъ и Сольмсъ Фридриху II, ib, т. XXII, 72–75). Настоящій вопросъ долго занималъ публику и дипломатовъ какъ въ Москвѣ, такъ и въ Петербургѣ и вызвалъ неудовольствіе тѣхъ, которые не могли примириться съ господствующимъ значеніемъ Орловыхъ (Сп. Сбор. XII, указ. о Б.-Рюминѣ и гр. Орловѣ). Въ семействѣ Разумовскихъ сохранилось преданіе, какъ разрѣшился этотъ вопросъ. Когда Орловъ сталъ добиваться этой чести и указалъ на примѣръ Елисаветы Петровны, тайно обвѣнчавшейся съ А. Г. Разумовскимъ, о чемъ писали уже тогда иностранцы въ своихъ исторіяхъ, и когда дѣло Орлова получило неблагопріятный исходъ, то Екатерина избрала другой путь, чтобы отклонить честолюбивые планы послѣдняго. Призвавши Воронцова, она велѣла ему написать проектъ указа, который тотъ показалъ бы А. Разумовскому и попросилъ бы у него документы, относящіеся къ нему самому. Тотъ, посмотрѣвъ указъ, вынулъ свои бумаги изъ драгоцѣннаго ящика и тутъ же бросилъ ихъ въ каминъ, а Воронцову отвѣчалъ: „Я не былъ ничѣмъ болѣе, какъ вѣрнымъ рабомъ ея величества, покойной императрицы Елисаветы Петровны, осыпавшей меня благодѣяніями выше заслугъ моихъ"... „Теперь вы видите, что у меня нѣтъ никакихъ документовъ". Екатерина, получивъ свѣдѣнія объ этомъ, выразилась передъ Воронцовымъ: „Мы другъ друга понимаемъ, тайнаго брака не существовало". Говорятъ, что дальнѣйшія настоянія Орловыхъ послужили потомъ причиною охлажденія между ними и Екатериной (Ч. М. О. И. 1863, III, 155–57). Кн. Дашкова также подтверждаетъ инициативу въ

этомъ дѣлѣ Бестужева и прибавляетъ, что рѣзкій протестъ противъ такого предложенія сдѣланъ былъ дядею ея канцлеромъ Воронцовымъ, причемъ императрица выразила будто-бы гнѣвъ противъ стараго интригана, Бестужева. Эти толки вызвали неудовольствіе въ средѣ военныхъ и придворныхъ партій, причемъ снова стало упоминаться имя кн. Дашковой, такъ что тогда-же императрица стала подумывать объ удаленіи ея, а иностранцы говорятъ, что честолюбіе ея не знало предѣловъ, тѣмъ болѣе, что она пользовалась такими связями, какъ Н.И. Панинъ (Зап. Дашковой; Сборн. XII, 113, 124, 154, 199-202). Такъ, теперь по этому дѣлу былъ сосланъ одинъ изъ бывшихъ приверженцевъ Екатерины Петрофъ, собиравшій подписи для протеста противъ брака. И его допрашивали о связи его сторонниковъ съ Дашковой (Зап. 86). Въ началѣ 1763 г. нѣкоторые изъ бывшихъ пособниковъ Екатерины II (Ласунскій и Рославлевы) добивались получить отъ нея денежныя награды, но получили отказъ, по недостатку денегъ въ казнѣ. Затѣмъ они начали составлять партію противъ Орлова. Виновникомъ этого дѣла они считали не только Бестужева, но и Алексѣя Орлова. Григорія Орлова они признавали человѣкомъ недалекимъ; „все дѣлаетъ братъ его Алексѣй; онъ великій плутъ и всему дѣлу причиной," говорилъ Хитрово. Они готовы были погубить Орловыхъ, причемъ также упоминали имя Дашковой, какъ участницы заговора. Допросы по этому дѣлу происходили въ маѣ и вращались главнымъ образомъ на вопросѣ о бракѣ; но Екатерина нашла другой, болѣе существенный пунктъ. Сенатору Суворову она писала: „Нельзя, чтобы онъ (Хитрово) не къ чему нибудь вздумалъ, будто я обѣщала Панину быть правительницею; нельзя стараться, чтобы онъ ложь такую отъ А. и Г. Орловыхъ, какъ онъ сказалъ, слышалъ". Она интересовалась произведетъ ли этотъ арестъ впечатлѣніе на публику. Но изъ ихъ толковъ не вышло серьезныхъ послѣдствій и потому ограничились тѣмъ, что пока одного Хитрово (камеръ-юнкеръ) сослали въ его деревню, Ласунскій былъ уволенъ въ отставку генералъ-поручикомъ въ 1764 г., а Рославлевъ Александръ тѣмъ же чиномъ въ 1765 г.

Вотъ почему въ дѣлѣ Арсенія Мацѣевича толки о бракѣ играютъ такую важную роль; они были отчасти причиною его печальной участи послѣ второго суда. Поэтому правительство нашло нужнымъ издать особый манифестъ въ Москвѣ противъ всякихъ „продерзкихъ и непристойныхъ размышлений и толковъ по дѣламъ, до правительства относящимся". (См. Зап. Дашковой; Сборн. VII, 237, 289 и др.; П.С.З. 11, 843; XVIII Вѣкъ; Солов. по дѣламъ Госуд. Арх XXV, 257 - 261; о Дашковой - Ея соч., 226 - 33). Графъ Букингамъ по этому поводу писалъ въ Лондонъ: „Лица, замѣшанныя въ послѣднихъ безпорядкахъ, не сознались ни въ какихъ умыслахъ противъ императрицы. Они увѣряли, что вся цѣль ихъ состояла въ удаленіи Орловыхъ. На него смотрятъ, какъ на временщика и за исключеніемъ его семейства, всѣ питаютъ къ нему вражду, особенно люди участвовавшіе вмѣстѣ съ нимъ въ послѣдней революціи и считающіе свои заслуги выше его... Во время этихъ событій опять упоминалось имя вел. кн. Павла Петровича и по этому поводу Букингамъ прибавляетъ: „если онъ достигнетъ совершеннолѣтія, то не подлежитъ сомнѣнію, что появятся попытки возвести его на престолъ и ревность матери его справедливо будетъ возбуждена". (Сборн. XII, 125). Но вскорѣ послѣ заговора Гурьевыхъ Павелъ Петровичъ былъ возведенъ въ званіе генералъ-адмирала (П.С. Зак. 11, 729; 20 Дек. 1762 г.).

Въ связи съ этими событіями познакомимся съ любимцами императрицы и ея семейными отношеніями въ этотъ періодъ.

<u>Характеристика Орловыхъ</u>. Фамилия Орловыхъ старинная дворянская (Новгор. Губ.) Дѣдъ ихъ былъ замѣшанъ въ стрѣлецкомъ бунтѣ, но помилованъ Петромъ В.; отецъ - управлялъ Новгородскою губерніей и участвовалъ въ войнахъ Петра В. Изъ многочисленнаго семейства его осталось 5 сыновей: Иванъ, Григорій, Алексѣй, Федоръ и Владиміръ. Они отличались гигантскимъ ростомъ, силою, легкостью нрава и предпріимчивостью. Воспитаніе Орловы получили въ сухопутномъ кадетскомъ корпусѣ, въ которомъ при Елисаветѣ существовало даже общество любителей россій-

ской смѣнности, воспитанники читали свои произведенія, а театръ пользовался покровительствомъ Елисаветы. Григорій Орловъ не имѣлъ способности въ языкахъ. Потомъ онъ участвовалъ въ 7-лѣтней войнѣ и послѣ былъ въ кругу товарищей былъ любимъ за веселый нравъ. Даже такой строгій (пуристъ) какъ кн. Щербатовъ, отдаетъ похвалу „доротѣ сердца и души" любимца Екатерины, но онъ же говоритъ, что этотъ человѣкъ ничему не учился и велъ разгульную жизнь. Во время фавора, впрочемъ, онъ отличался тѣмъ что никому не мстилъ, не вмѣшивался въ чужія дѣла и лично былъ чуждъ (ре-кош)и; но былъ сластолюбивъ. Онъ былъ внимательнѣе къ тѣмъ, кто обращался съ нимъ грубо, нежели къ тѣмъ, кто льстилъ и преклонялся передъ нимъ. (Щерб. 80-82). Разсказы о его молодечествѣ достигли дворца и онъ былъ сдѣланъ адъютантомъ гр. П.И. Шувалова, черезъ котораго сталъ извѣстенъ и великой княгинѣ Екатеринѣ. Мы знаемъ уже его роль въ переворотѣ 28 іюня. Но возвышеніе Орловыхъ отклонило отъ новаго правительства такихъ лицъ какъ Панины, а оскорбленіе, нанесенное тщеславію Дашковой Орловымъ (при коронаціи. - Зап. Дашк.), подлило масла въ огонь. Въ грамотѣ на графское достоинство послѣднимъ читаемъ: „Они были первые изъ усердныхъ вѣрныхъ сыновъ россійскихъ, которые сію имперію отъ страшнаго и несноснаго ига и православную церковь отъ разоренія и приближавшагося ей всеконечнаго паденія возведеніемъ насъ на всероссійскій престолъ освободили"... (Рус. Арх. 1873, 32). Замѣчательно, что даже графскій гербъ Орловыхъ составленъ былъ изъ соединенія ихъ фамильнаго герба съ государственнымъ двуглавымъ орломъ и императорскою короною (ib). Екатерина безусловно признавала ихъ заслуги въ отношеніи ея. Они исполнены честности и отваги и я увѣрена, что они не предадутъ меня (La cour, 228), говорила она Бретейлю. Въ своей перепискѣ съ Вольтеромъ она называетъ гр. Орлова „героемъ, подобнымъ древнимъ римскимъ, временъ цвѣтущаго состоянія республики, и имѣющимъ одинаковую съ ними храбрость и великодушіе" (I, 33), а въ перепискѣ съ Циммерманомъ „единственнымъ и истинно великимъ человѣкомъ"

(18). Солидарность въ ихъ семьѣ была полная и даже этотъ любимецъ фортуны такъ почиталъ своего старшаго брата, что не позволялъ себѣ садиться въ его присутствіи.

Зная расположеніе Екатерины къ литературѣ, Орловъ старался войти въ ея вкусъ, читалъ съ нею, а она писала за него письма къ заграничнымъ знаменитостямъ (Сборн. VII, 331). Въ особенности онъ пристрастился къ естественнымъ и физическимъ наукамъ. Ломоносовъ подарилъ ему метеорологическій инструментъ (Рус. Арх. IV, 498); самъ Орловъ производилъ нерѣдко опыты надъ льдомъ и электричествомъ. Благодаря Орлову же Екатерина оказала содѣйствіе Ломоносову; по смерти его бумаги были пріобрѣтены имъ у вдовы покойнаго (Рус. Арх. 1873, 45). Потомъ черезъ него же получилъ доступъ во дворецъ и Фонъ-Визинъ, написавшій тогда своего Бригадира (ib). Сохранилось письмо Орлова къ Ж. Ж. Руссо (1766 г.), въ которомъ онъ приглашалъ этого философа въ свое помѣстье, предоставляя ему полную свободу и уединеніе, причемъ заявлялъ, что это предложеніе плодъ „признательности за поученіе, почерпнутое мною въ вашихъ книгахъ". Руссо, конечно, отклонилъ это предложеніе (переписка въ Рус. Арх. 1869, 581–584). Это было въ то время, когда Екатерина такъ любезно относилась къ Вольтеру, Дидро, д'Аламберу, Жоффренъ и др. знаменитостямъ французскаго просвѣщенія.

Иностранные послы съ первыхъ дней спѣшатъ заявить своимъ дворамъ о значеніи Орлова; о необходимости почтить его такими же подарками, какъ и Бестужева-Рюмина, и Панина; сравниваютъ его наружность съ величественною наружностью герцога Эрроля; хвалятъ его умѣренность въ отношеніи къ людямъ и государственнымъ дѣламъ; но тѣмъ не менѣе, вліяніе его на дѣла сильно возрастаетъ. Почувствовавъ силу, онъ сталъ относиться къ императрицѣ „съ видомъ человѣка, сознающаго и пользующагося вліяніемъ" (Сборн. XII, 177). Даже друзья императрицы, въ случаѣ разногласія съ Орловымъ (графиня Матюшкина), рисковали впасть въ немилость (Донесенія Сольмса, Сборн. XXII, 71–72). Для Орловыхъ всегда былъ открытъ ко-

щенкъ императрицы (XII, 335). Но и сама императрица отдавала предпочтеніе въ умѣ и рѣшительности Алексѣю Орлову (296).[1]

<u>Противники Орловыхъ</u>. Понятно, что сторонники вел князя не благосклонно относились къ партіи Орловыхъ. Панинъ, гетманъ Разумовскій и другіе составляли теперь особый кружокъ, который не высказывался открыто, но и не разсыпался въ любезностяхъ передъ временщиками. Напротивъ самой императрицѣ приходилось не разъ улаживать эти отношенія. Но предполагавшійся бракъ императрицы представлялъ его сторонникамъ и другую перспективу. Вскорѣ по вступленіи на престолъ Екатерины II, представители иностранныхъ державъ стали сообщать извѣстія о болѣзненности вел князя (Сборн XII, 48); а въ августѣ 1762 г. была составлена даже оффиціальная записка о его болѣзни (VII, 144-149). Уже при выѣздѣ своемъ изъ Москвы, Екатерина учредила тамъ Павловскую больницу въ память выздоровленія вел князя, по просьбѣ послѣдняго. (П С.З. II, 855). Въ связи съ событіями изложенными нами выше, эти факты получаютъ особенное значеніе. Конечно воспитатель вел кн. Н И Панинъ не могъ относиться къ нимъ равнодушно.

<u>Воспитаніе вел. князя Павла Петровича</u>. Извѣстно, что Елисавета Петровна съ первыхъ же дней взяла Павла Петровича подъ свое покровительство. Но въ первые же годы у него перемѣнилось нѣсколько воспитателей (1758-60-3), а 29 іюня 1760 г къ нему былъ назначенъ <u>Н.И. Панинъ</u>, который и состоялъ въ этомъ званіи до совершеннолѣтія его въ 1773 г. (20 сентября). Матеріаломъ для исторіи его воспитанія служатъ записки его учителя <u>С.А. Порошина</u> (Спб. 1844 г.), обнимающія впрочемъ время 1764-65 г., хотя онъ служилъ при немъ около 4 лѣтъ. (Дополненія къ нимъ въ Рус Арх. 1869 г. Арх. истор. и практ. свѣдѣній Калачова, годъ II, кн. 43. Новое, лучшее изданіе въ Рус

---

1) Біографія Гр. Г.Г. Орлова, составл. по печат. и рукописн. матеріаламъ Барсуковымъ въ Рус. Арх 1873, кн I; Ср бумаги гр. А. Гр. Бобринскаго въ Рус Арх 1876 г., I и 1877, II. Гр. Орловъ былъ генералъ директоромъ инженеровъ и генер.-фельдцейхмейстеромъ (съ 1765 г.); въ числѣ многихъ вотчинъ, пожалованныхъ ему, были Ропша и Гатчино, принадлежавшія Петру III.

Стар. 1881 г.; біографич. оч. Семевскаго въ Рус. Вѣст. 1866 г.) Объ этихъ поденныхъ записках узналъ Н. И. Панинъ и остался недоволенъ имъ, а затѣмъ придворная интрига дала поводъ удалить Порошина въ армію. (Лебедевъ 39; Рус. Арх. 1867, 64, 72). Нужно сказать, что вражда противъ него была такъ сильна, что и Гр. Орловъ не могъ пособить въ его просьбѣ (письма Порошина къ Орлову, Рус. Арх. 1867 и 1869 гг.)[1]. Въ запискахъ онъ жалуется (31 дек. 1765 г) на злобу и пронырство вредившихъ его дѣлу воспитанія вел. князя. Видно изъ его же словъ, что онъ старался возбуждать въ вел. князѣ національное чувство, любовь къ народу, а умъ обогатить познаніями. Со страстью, свойственною людямъ, чуждымъ подобострастія, онъ вступалъ въ споръ и опровергалъ противниковъ, если въ бесѣдахъ старались подорвать любовь въ воспитанникѣ къ народу или набросить тѣнь на людей, заслуживающихъ уваженіе своею дѣятельностью. (какъ Петръ В., Татищевъ, Ломоносовъ, Крашенинниковъ). Живой и впечатлительный, Павелъ Петровичъ легко поддавался первому движенію чувства, а среда, окружавшая его, не стояла на высотѣ требованій воспитателя, какимъ былъ Порошинъ. Самъ Панинъ былъ человѣкъ образованный и съ хорошими намѣреніями. Онъ далъ прекрасную инструкцію, какъ и большая часть его инструкцій, но не выполнялъ ее такъ, какъ бы слѣдовало. Лѣнивый по природѣ и тщеславный по характеру, онъ впадалъ въ крайности, какъ это видно изъ дневника Порошина и изъ отзывовъ Корберона, Гарриса, Гуннинга[2].

---

1) Порошинъ былъ воспитанникъ кадетскаго корпуса, зналъ прекрасно иностранные языки и былъ начитанъ въ литературѣ и исторіи. За совѣтами и книгами по всеобщей исторіи онъ обращался къ академику Миллеру (Рус. Арх. 1869, 72-4, письма 1755-61 гг.) Для своего воспитанника онъ готовилъ политическій трактатъ: „Государственный механизмъ", желая показать въ немъ, „что не можетъ государство никоимъ образомъ быть благополучно, когда одинъ какой чинъ процвѣтаетъ, а прочіе въ небреженіи" (письмо къ Орлову отъ 3 мая).

2) Помощниками Панина въ воспитаніи были капитанъ флота Плещеевъ и баронъ

Страсть его къ игрѣ подмѣтилъ вел. князь и въ глаза смѣялся надъ нимъ. Онъ завелъ нравственныя вѣдомости о поведеніи вел. князя, которыя печатались и Панинъ увѣрялъ вел. князя, что ихъ читаютъ въ Европѣ, а потому знаютъ, какъ онъ себя ведетъ. Разговоры за столомъ занимаютъ много страницъ въ дневникѣ Порошина. Другой предметъ разговоровъ были женщины. Панинъ, подобно другимъ современникамъ россійскаго двора, любилъ толковать объ этомъ предметѣ. Объ его интригахъ разсказывали иностранные послы (Сборн. XII), но онъ не стѣснялся подобныхъ сценъ и въ присутствіи вел. князя; эти бесѣды и чтеніе Жильблаза не могли остаться безъ вліянія на послѣдняго. Въ 12 лѣтъ ему говорили уже о необходимости скорой женитьбы. Уже теперь его отправляли на придворные маскарады и др. подобныя увеселенія. Между тѣмъ по натурѣ Павелъ Петровичъ былъ крайне воспріимчивъ. „Для того я всегда говорилъ, замѣчаетъ Порошинъ, что въ присутствіи его высочества напередъ подумать надобно самому съ собою и тогда говорить. Всѣ разговоры, которые онъ слышитъ, мало по малу и ему самому непримѣтно въ основаніе собственныхъ его разсужденій входятъ" (53). Наставниками были: по математикѣ, физикѣ и астрономіи — Фр. Ив. Эпинусъ; по исторіи и географіи — Остервальдъ; по военнымъ наукамъ, русской исторіи и географіи — Порошинъ. Кромѣ того онъ учился у иностранцевъ танцамъ, фехтованію, рисованію, игрѣ на клавикордахъ. [illegible] получилъ отъ гр. Остервальда (родомъ лифляндца) основательное [illegible] внутреннимъ управленіи страны, а отъ Панина [illegible] новѣйшей исторіи Европы. Для него была куплена замѣчательная библіотека Корфа, русскаго министра при датскомъ дворѣ. [illegible] Панинъ старался отвращать его отъ страсти къ военнымъ упражненіямъ („офицерскія мелкости") и пріучить къ дѣламъ гражданскимъ и государскимъ вели-

---

Николаи, страсбургскій уроженецъ (Рус. Арх. 1869 г. стр. 1876–77)

сти естественными, какъ требовалъ и Панинъ въ своей инструкціи. Онъ знакомилъ вел. князя съ бытомъ русскихъ крестьянъ; во дворцѣ нерѣдко устраивались хороводы; причемъ пѣлись и русскія пѣсни. Императрица сама принимала въ нихъ участіе (танцуя иногда съ Панинымъ) появляясь въ русскомъ платьѣ. Но такъ какъ отъ природы вел. князь былъ угловатъ, то большая часть времени была употреблена на изученіе танцевъ, верховой ѣзды и французскаго разговора, пишетъ Гаррисъ (Рус. Арх. 1874, 1502–1503, Записки Порошина, 23–27, 51, 98; Біогр. Панина у Бант. Каменскаго). Вскорѣ обнаружился между Порошинымъ и прочими наставниками Павла значительный разладъ. Помимо указанныхъ отношеній къ этому присоединилось и неудовольствіе Панина на Порошина за его дневникъ (Записки 319). Порошинъ сталъ подвергаться насмѣшкамъ со стороны своего ученика, котораго поощряли къ тому его окружающіе. Порошинъ замѣчалъ ему всю неловкость подобнаго отношенія, [illegible] связями Панина и [illegible] Порошина [illegible] было еще лицо близкое къ воспитанію царевича — это архимандритъ Платонъ; онъ занимался преподаваніемъ катехизиса и закона божія[1], возвышалъ свой голосъ съ амвона противъ пороковъ современнаго общества, заставляя иногда плакать самое императрицу; но сфера его вліянія была ограничена, хотя Порошинъ относился къ нему болѣе благосклонно, чѣмъ къ другимъ лицамъ, окружающимъ вел. князя (55, 91). Вообще замѣтно, что при вел. князѣ было велико вліяніе иностраннаго элемента и поклонниковъ всего иностраннаго. Поэтому вел. князь отличался рѣзкостью сужденій о русскихъ историческихъ дѣятеляхъ, литературѣ, театрѣ и произведеніяхъ и, напротивъ, хвалилъ все иностранное и преимущественно нѣмцевъ (Порошинъ,

---

1) Катехизисъ Платона и инструкція Елисаветы Панину о воспитаніи вел. князя Павла Петровича напеч. въ Рус. Арх. 1881 г., кн. I.

Зап. 63, 85-88, 101. Гр. Н. и П. И. Панины 76-85 и далѣе прилож. V). Вліяніе французской философіи было уже въ то время на столько сильно, что Панинъ и Порошинъ считали необходимымъ знакомить Павла съ ея представителями и ихъ произведеніями: Вольтеромъ, Гельвеціемъ, Монтескье д'Аламберомъ, но, какъ увидимъ въ своемъ мѣстѣ, онъ не сочувствовалъ этому направленію (Порош. 217, 245, 274, 319 и др.). Отъ времени Елисаветы въ немъ сохранилось въ высшей степени религіозное чувство. Онъ былъ печаленъ, когда, по болѣзни, ему запрещали выполнять строгій постъ; но радовался, когда освобождался отъ ученія (Рус. Арх. 1869, стр 8)[1].

Ввѣривши вполнѣ цесаревича Панину, Екатерина удовлетворила той партіи, которая считала себя блюстительницею интересовъ вел. князя. И нужно замѣтить, что Панинъ до того располагалъ своимъ вліяніемъ, что Екатерина всегда оставляла вел. князя на рукахъ его воспитателя и даже отлучаясь изъ столицы, когда хотѣла взять его съ собою, должна была обращаться къ Панину съ убѣдительными просьбами (Лебедевъ, прилож. V). Подъ вліяніемъ французской философіи, увлекавшей тогда Екатерину, она желала пріобрѣсть одного изъ ея представителей въ воспитатели къ Павлу: мы говоримъ о приглашеніи въ 1762 г. и 63 извѣстнаго д'Аламбера, который однако, отказался отъ этой чести (Сборн. VII, 178-182). Говорятъ такое же предложеніе было сдѣлано и Дидро (Бюлеръ, Два эпизода изъ царствованія Екатерины II, Рус. Вѣстн. 1870, № 1, гл. I). Вообще въ этотъ пері-

---

1) Будучи назначенъ въ армію, Порошинъ уѣхалъ въ Ахтырку. Генералъ-губерн. Малороссіи Румянцовъ вполнѣ оцѣнилъ его способности и назначилъ его командиромъ Старо-оскольскаго полка, съ которымъ онъ выступилъ въ 1769 г. противъ турокъ, но, узнавъ о назначеніи брата Панина начальникомъ 2-ой арміи, онъ былъ такъ пораженъ этимъ, что потерялъ память и вскорѣ умеръ. Во время болѣзни Румянцовъ посѣтилъ его (Записки, предисл. XVII).

съ отношенія Екатерины къ сыну, не смотря на подозрѣнія существовавшія у нея относительно Панина (какъ толки о регентствѣ и т. п.) были самыя близкія и вполнѣ семейныя (Вѣд. и № 3).

Одинъ изъ иностранныхъ пословъ прекрасно характеризуетъ отношенія и намѣренія Екатерины въ это время. „Образъ жизни императрицы, пишетъ Букингамъ Галифаксу, представляетъ смѣшеніе пустыхъ развлеченій и усиленнаго занятія дѣлами. Впрочемъ послѣднее до сихъ поръ еще ничего не произвело, какъ вслѣдствіи искусно воздвигаемыхъ ей трудностей, такъ и по чрезвычайному разнообразію предпринятыхъ вопросовъ. Планы ея многочисленны и обширны, но ни мало не соотвѣтствуютъ тѣмъ средствамъ, которыя она хочетъ употребить." (Сборн. XV, 126).

Лекція 9.

Политическое положеніе Россіи въ началѣ царствованія Екатерины II.

Послѣ Петра В. въ западной Европѣ уже привыкли обращать вниманіе на то положеніе, какое займетъ Россія въ отношеніи къ тому или другому государству и вопросу. Ея стали опасаться, въ ней стали заискивать. Въ Стокгольмѣ, Варшавѣ и Константинополѣ представители Россіи вели постоянную борьбу за вліяніе и преобладаніе въ дѣлахъ внѣшней и внутренней политики этихъ государствъ. Перемѣны на русскомъ престолѣ естественно вызывали новыя комбинаціи во внѣшней политикѣ европейскихъ державъ,- это такъ рѣшительно обнаружилось въ краткій промежутокъ времени отъ смерти Елисаветы до вступленія Екатерины II. Петръ III однимъ очеркомъ пера перепуталъ взаимныя отношенія государствъ средней Европы. Новый переворотъ заставлялъ поэтому ожидать и новыхъ перемѣнъ въ политическихъ отношеніяхъ Россіи. До какой степени это было такъ, видно изъ того, что немедленно по полученіи извѣстія о переворотѣ 28 іюня, фельдмаршалъ Салтыковъ

занялъ своими войсками очищенныя передъ тѣмъ прусскія провинціи. Чернышевъ получилъ приказаніе отдѣлиться отъ прусскаго короля, но тотъ просилъ его остаться еще три дня, чѣмъ и воспользовался для своихъ выгодъ. Но на другой день по вступленіи на престолъ Екатерины, русскому послу въ Берлинѣ, кн. Репнину, былъ данъ рескриптъ о томъ, что императрица намѣрена посвятить свои труды возстановленію внутренняго порядка имперіи и потому не намѣрена нарушать дружбу, установленную передъ тѣмъ съ Пруссіей (28 апр.); а 1-го іюля ему сообщено было, что корпусу Чернышева велѣно было не только оставить короля прусскаго, но и возвратиться въ Россію. „Мы ничего столько не желаемъ, какъ видѣть и способствовать скорѣйшему прекращенію военнаго пламени, отъ котораго народы толико уже пострадали". Вмѣстѣ съ тѣмъ Гольцу въ Петербургѣ было заявлено, что императрица не находитъ нужнымъ созваніе предполагавшагося конгресса въ Берлинѣ для рѣшенія голштинскихъ дѣлъ, съ которыми связано было посредничество короля прусскаго и война съ Даніей.

<u>Отношеніе Фридриха II къ перевороту въ Россіи.</u> По донесенію Репнина, событіе 28 іюня сильно смутило Фридриха II, опасавшагося, чтобы не разрушилось существующее согласіе между обоими дворами. По словамъ же Корфа, проѣзжавшаго тогда черезъ Пруссію въ Копенгагенъ, видно, что въ Бранденбургѣ, когда узнали о вступленіи на престолъ Екатерины, то такой ужасъ объялъ Фридриха, что въ ту же ночь королевскую казну отправили въ Магдебургъ (Солов. XXV, 202). Фридрихъ допрашивалъ Репнина о причинѣ возврата русскихъ войскъ, о томъ нѣтъ ли сомнѣнія со стороны императрицы на счетъ его противодѣйствія ея царствованію. Онъ заявлялъ, что собственное отреченіе Петра III отъ престола освобождаетъ его отъ прежнихъ обязательствъ и что онъ, напротивъ, немедленно призналъ ее императрицею. Фридрихъ спрашивалъ даже Репнина, угоденъ ли императрицѣ въ званіи министра фонъ-

Гольцъ. Такъ начались сношенія Фридриха съ новымъ правительствомъ.
Однако хорошо извѣстно, что Фридрихъ II ставилъ успѣхи Пруссіи въ зависимость отъ царствованія Петра III, служившаго Пруссіи какъ ея вѣрный министръ. Министръ Финкенштейнъ писалъ Гольцу: „Я желаю одного, чтобы этотъ государь, который, кажется рожденъ для счастья Пруссіи, жилъ и держался на русскомъ престолѣ." (Memoires de Frid II, II 258, 226, Forschungen z. deutsch. Gesch., Солов XXV, 188).
<u>Сближеніе Екатерины II съ Фридрихомъ</u>. Понятно, что Екатерина, вслѣдствіе подобныхъ отношеній Фридриха къ Петру III, не могла быть расположенной къ прусскому королю. Въ то время были убѣждены, что сомнѣнія Екатерины на счетъ внушеній о ней, сдѣланныхъ Фридрихомъ Петру III, были разсѣяны по пересмотрѣ писемъ къ послѣднему Фридриха, который будто бы совѣтывалъ русскому государю поспѣшить съ коронаціей, не дѣлать быстрыхъ перемѣнъ въ государствѣ, щадить народные обычаи и слѣдовать внушеніямъ благороднаго сердца ея супруги. Но въ изданной въ послѣднее время перепискѣ Фридриха и Петра (Устряловымъ 15 писемъ въ Рус. Стар. 1871, III, 283-309) никакихъ наставленій на счетъ Екатерины не встрѣчаемъ. Впрочемъ достаточно было уже того, что Екатерина ничего не нашла въ перепискѣ противъ нея и это примиряло ее съ Фридрихомъ. Совѣтомъ же Фридриха поспѣшить съ коронаціей она воспользовалась сама. Желаніе ея сблизиться съ Фридрихомъ, которому она даже считала себя обязанной, было принято прусскимъ королемъ съ восторгомъ (Сборн. Р.И.О. XX 151-153, Переписка Екатерины II съ Фридрихомъ II, 1762-1781 г.). Онъ оправдывался передъ нею въ самой войнѣ, выставляя себя страдающей стороной и высказывая желаніе мира ради блага человѣчества (XX, 156-157). Зная свою собесѣдницу, онъ слишкомъ много разсуждаетъ на эту тему, хотя помимо интересовъ его собственнаго Vaterland'а, все остальное имѣло для него слишкомъ мало значенія. Были и другія побужденія

ускорить миръ. Тягости войны для поддержки чужихъ интересовъ, не встрѣчавшихъ сочувствія въ Россіи, заставили Екатерину прекратить изнурительную борьбу. Притомъ уже въ это время императрица намѣтила свои ближайшія цѣли во внѣшней политикѣ. На польскомъ престолѣ сидѣлъ престарѣлый Августъ III, за смертью котораго должны были послѣдовать новые королевскіе выборы и связанные съ ними вліянія и интриги иностранныхъ дворовъ; въ Курляндіи сидѣлъ саксонскій принцъ, удаленія котораго стала теперь добиваться императрица. Въ обоихъ случаяхъ затрогивались интересы саксонскаго дома, враждебнаго Пруссіи, слѣдовательно послѣдняя могла, какъ нельзя лучше, быть полезною. Самъ Фридрихъ спѣшилъ угодить Екатеринѣ, какъ обнаружилось уже въ самомъ началѣ ихъ отношеній — въ готовности его отозвать изъ Петербурга непріятнаго ей Гольца, который въ письмахъ къ Фридриху жалуется на отвращеніе, питаемое къ нему императрицею. Но Гольцъ узналъ тѣмъ не менѣе отъ Кейзерлинга, назначеннаго Петромъ III посломъ въ Варшаву, что между Россіей и Пруссіей возможенъ союзъ, основанный на единствѣ дѣйствій относительно Польши. Кейзерлингъ, бывъ прежде посломъ въ Вѣнѣ, проникся ненавистью къ Австріи, успѣшно обработывавшей свои дѣла при Елисаветѣ; будучи же сторонникомъ Бестужева, онъ не одобрялъ и союза Россіи съ Франціей, въ который втянула ее также Австрія. Екатерина поспѣшила отмѣнить распоряженія, сдѣланныя Салтыковымъ противъ Пруссіи[1].

Политика Фридриха II. Такимъ образомъ въ концѣ іюля императрица предложила на обсужденіе своихъ министровъ вопросъ объ европейскомъ мирѣ и о посредничествѣ Россіи для заключенія его, какъ предлагалъ самъ король, о содержаніи части русской арміи за границею и

1.) Она настояла на первыхъ же порахъ на возвращеніи изъ Пруссіи находившихся тамъ плѣнныхъ русскихъ солдатъ. Сборн. рус. ист. общ. XXII, 83. О дѣйствіяхъ Салтыкова см. XVIII Вѣкъ Бартенева I, 46–47.

. трактатъ съ вѣнскимъ дворомъ. Бестужевъ при этомъ настаивалъ на участіи Россіи въ европейскомъ конгрессѣ и на удовлетвореніи ея союзниковъ на счетъ Пруссіи, съ цѣлью сократить силы опаснаго сосѣда, онъ настаивалъ на удержаніи части русскихъ войскъ въ Польшѣ и на границѣ; кромѣ того, онъ предлагалъ заключить союзъ съ Австріей противъ Турціи и совѣтовалъ требовать выведенія войскъ австрійскихъ и прусскихъ изъ Саксоніи. Почти въ томъ же духѣ высказались Воронцовъ, вице-канцлеръ Голицынъ, Волконскій, племянникъ Бестужева; но Неплюевъ выразился противъ содержанія войскъ въ Польшѣ, такъ какъ это можетъ вызвать тамъ неудовольствія и возбудить подозрѣніе въ сосѣднихъ державахъ. Приходилось повторять Фридриху объ ускореніи заключенія мира, тѣмъ болѣе, что Репнинъ сообщалъ, будто бы прусскій король питаетъ виды на завладѣніе Саксоніей и ослабленіе Австріи; по донесеніямъ Репнина оказывалось, что Фридрихъ на конгрессъ не соглашался. Вопросъ объ удовлетвореніи Саксоніи и удаленіи оттуда прусскихъ войскъ былъ камнемъ преткновенія въ сношеніяхъ Россіи съ Фридрихомъ. „Король, писалъ Репнинъ, когда я чуть коснусь этой матеріи или возстановленія мира, прерываетъ разговоръ и съ неудовольствіемъ отъ меня уходитъ". Далѣе Репнинъ сообщалъ, что съ удаленіемъ русскихъ войскъ изъ Пруссіи, страхъ миновался, Швейдницъ взятъ, до 15,000 австрійцевъ захвачено въ плѣнъ, а Фридрихъ совсѣмъ измѣнилъ мнѣніе на счетъ положенія вещей. И хотя иностранная коллегія, и сама Екатерина посылали Репнину и Фридриху настойчивое требованіе прекратить военныя дѣйствія, но онъ былъ увѣренъ, что Россія теперь не двинется; онъ утверждалъ даже, что Саксонія и Австрія замышляли раздѣлъ его владѣній, хотя это никогда не было доказано (Солов. XXV, 201). Своему министру (Финкенштейну) Фридрихъ писалъ: „при настоящихъ обстоятельствахъ надобно выигрывать время и идти потихоньку. До сихъ поръ я не знаю въ какихъ мы отношеніяхъ съ Россіей; я имѣю вѣскія причины думать, что замѣ

не захотятъ разорвать съ нами; императрица уводитъ свои войска внутрь страны и я не думаю, чтобъ Австрія имѣла больше вліянія въ Петербургѣ". Однако въ половинѣ декабря 1762 г. все-таки состоялась замѣна Гольца графомъ Сольмсомъ (Солов. XXV, 200), а миръ, состоявшійся между Пруссіей, Австріей и Саксоніей ускорилъ соглашеніе между Россіей и Пруссіей. Фридрихъ въ своихъ мемуарахъ признается, что то одиночество, въ какое была поставлена Пруссія послѣ этого мира, побудило его искать новаго союзника, тѣмъ болѣе, что Англія стала къ нему во враждебныя отношенія. Такъ начались переговоры между Пруссией и Россией и они сошлись на вопросѣ о Польшѣ (Ср. Сборн. XII, 151–158 и XX, 151–759). Теперь прусскій король сталъ зорко слѣдить за тѣмъ, чтобы Россія не уклонилась въ сторону Австріи и Франціи (ib 105). Но прежде чѣмъ мы скажемъ объ окончательномъ рѣшеніи этого вопроса, сдѣлаемъ краткій очеркъ отношеній Россіи къ другимъ державамъ и обстоятельствъ, вызвавшихъ союзъ съ Пруссіей.

Отношенія Россіи къ другимъ державамъ въ началѣ царствованія Екатерины II. Немедленно по вступленіи на престолъ, Екатерина поручила Корфу заявить датскому королю о намѣреніи ея сохранить миръ съ Даніей, которой, какъ извѣстно, грозила опасность со стороны Петра III и Фридриха II. Это вызвало неописанный восторгъ въ Даніи. Тѣмъ не менѣе, когда датскій король выразилъ притязаніе на опеку въ Голштиніи, права на которую послѣ смерти Петра III перешли къ сыну его, Павлу Петровичу, то Екатерина рѣшительно воспротивилась и назначила администраторомъ въ Голштинію принца Георга, не разъ заступавшагося за нее при Петрѣ III. Поддержку въ этомъ дѣлѣ Екатерина нашла и въ шведскомъ королѣ Адольфѣ-Фридрихѣ, имѣвшему такія же права въ голштинскомъ вопросѣ. Русскому посланнику въ Швеціи (гр. И.А. Остерману) Екатерина поручила поддерживать королевскую партію, но впрочемъ, не касаясь самой формы правленія. (Соловьевъ, XXV, 207)

Интересна записка шведскаго посла въ Петербургѣ Поссе, добытая Остерманомъ въ Стокгольмѣ, въ которой рѣзкими, но весьма вѣрными красками рисовалось состояніе Россіи въ это время: недостатокъ хорошаго войска, слабость промышленности и торговли, пагубное вліяніе монополій и т. п. (Соловьевъ, 204-207). Эта записка могла дать Екатеринѣ матеріалъ для ея внутреннихъ преобразованій, которыя она отчасти выполнила тогда же, а отчасти внесла въ общій планъ своихъ реформъ.

Въ Константинополѣ опасались новыхъ союзовъ Россіи (донесенія Ал. М. Обрѣзкова[1]); въ Вѣнѣ хлопотали поддержать союзъ противъ Фридриха, но безуспѣшно и, по иниціативѣ Саксоніи, приступили къ переговорамъ (въ Губертсбургскомъ замкѣ, недалеко отъ Лейпцига). Здѣсь посломъ со стороны Россіи былъ Д. А. Голицынъ, а въ Петербургѣ австрійскимъ посломъ оставался Мерси д'Аржанто. Въ пользу союза Россіи, Австріи и Англіи дѣйствовалъ въ Петербургѣ англійскій посолъ гр. Букингамъ, смѣнившій Кейта, въ Лондонѣ же по прежнему оставался гр. А. Р. Воронцовъ. Но торговые интересы вскорѣ возобладали въ отношеніяхъ Англіи къ Россіи.

Въ Парижѣ спѣшили привѣтствовать вступленіе на престолъ Екатерины, хотя французскій король Людовикъ XV считалъ положеніе ея, какъ женщины и иностранки, шаткимъ; онъ догадывался на счетъ честолюбивыхъ видовъ Дашковой и возможности новыхъ придворныхъ партій, а потому, желая главнымъ образомъ удалить Россію отъ европейскихъ дѣлъ, писалъ и совѣтовалъ своему посланнику въ Петербургѣ, барону Бретейлю поддерживать всѣ партіи, которыя непремѣнно образуются при новомъ дворѣ, такъ какъ только внутреннія смуты могутъ отвлечь вниманіе Екатерины отъ вмѣшательства въ виды другихъ державъ." Наше вліяніе

1.) Онъ воспитывался въ сухопутномъ корпусѣ, служилъ при русскомъ посольствѣ въ Константинополѣ (1740-1751), а потомъ состоялъ тамъ резидентомъ до конца первой турецкой войны. Въ Константинополѣ онъ выучился турецкому и греческому яз. Бант.-Камен., т. IV.

въ настоящую минуту, пишетъ онъ, можетъ быть полезно въ томъ отношеніи, что даетъ благопріятный оборотъ всѣмъ польскимъ дѣламъ и перемѣнитъ тонъ, съ какимъ петербургскій дворъ обращается къ этой республикѣ. Будущее вліяніе должно воспрепятствовать Россіи принимать участіе въ войнѣ противъ меня, противъ моихъ союзниковъ и особенно противиться моимъ видамъ въ случаѣ королевскихъ выборовъ въ Польшѣ. Вы знаете, что Польша есть главный предметъ моей секретной переписки и слѣдовательно вы должны обращать вниманіе на все, что касается этой страны". (Солов. 229 и д. Corresp. secr. de Louis XV, I, 279 и Сборн. XII, ср. XX и XXII).

Курляндскій вопросъ. Людовикъ XV прекрасно понималъ, какія отношенія получаютъ теперь важность для русской политики. Саксонскій дворъ ждалъ для себя отъ переворота въ Россіи великихъ благъ. Между тѣмъ управлявшій въ Варшавѣ русскими дѣлами, за отсутствіемъ Кейзерлинга, - Ржичевскій получилъ строгую и внушительную инструкцію во что бы то ни стало поддерживать интересы партіи Чарторійскихъ, что не могло быть пріятно двору и саксонскому министру Брюлю. Какъ бы прелюдіей къ польскимъ дѣламъ послужило возстановленіе Екатериною Бирона на курляндскомъ престолѣ, за право котораго защитникомъ выступалъ много обязанный ему своимъ возвышеніемъ Бестужевъ (Сборн. VII, XII, примѣч. у Солов. т. XXV). Но здѣсь на сцену выступаетъ столкновеніе съ саксонскимъ домомъ, такъ какъ герцогомъ Курляндіи признанъ былъ еще при Елисаветѣ саксонскій принцъ Карлъ. Будучи, однако, сторонникомъ саксонскаго дома, Бестужевъ предлагалъ вознаградить Карла за утрату Курляндіи какимъ нибудь секуляризованнымъ владѣніемъ въ Германіи. Но все это лишь повредило Бестужеву. Кейзерлингъ и Панинъ давно вошли въ виды Екатерины и предлагали въ случаѣ избранія польскаго короля - назначить кандидатомъ кого либо изъ Пястовъ, разумѣя въ данномъ случаѣ стариннаго друга Екатерины гр. Станислава Понятовскаго, а въ такомъ случаѣ необходимъ былъ союзъ съ Пруссіей - боль

ное мѣсто Бестужева, сторонника Англіи и Австріи. Послѣдовало объясненіе Бестужева съ Екатериною, которая съ полнымъ довѣріемъ отправила Кейзерлинга въ Польшу, обѣщая съ самого начала свое содѣйствіе Понятовскому, а въ случаѣ неуспѣха — одному изъ Чарторыйскихъ. Брюлю она пригрозила даже изгнаніемъ изъ Польши, если онъ будетъ противодѣйствовать Бирону. Въ началѣ декабря 1762 г. Чарторыйскіе представили отъ себя двѣ промеморіи, въ которыхъ настаивали на необходимости созванія конфедераціи, измѣненія формы національныхъ совѣщаній (преобразованіе сейма и уничтоженіе liberum veto) и признанія императорскаго титула, достойнаго ея могущества (императорскаго титула, котораго не хотѣла признавать Польша). Для всего этого требовались войска и деньги. Вторая промеморія была наполнена жалобами на Брюля, развратившаго Польшу своими подкупами, шпіонами... Ни одинъ сеймъ не могъ состояться въ Польшѣ вслѣдствіе борьбы партій (Дѣла польскія у Соловьева, XXV, 218-19). Между тѣмъ въ Курляндіи сталъ дѣйствовать въ защиту правъ Бирона представитель Россіи Симолинъ: въ Митавѣ появились русскія войска, Карлу съ отрядомъ въ 18 чел. трудно было сопротивляться, тѣмъ болѣе, что, какъ католикъ, онъ не былъ любимъ подданными, а прибытіе Бирона ускорило развязку; Карлъ, не ожидая помощи изъ Польши, сталъ собираться въ путь. 11 января Биронъ имѣлъ торжественный въѣздъ въ Митаву и тамъ стали уже подумывать какъ бы выгнать Карла. Между Симолинымъ и польскими комиссарами началась новая борьба, окончившаяся закрытіемъ, по распоряженію Бирона, присутственныхъ мѣстъ. Высшіе чины признали Бирона своимъ герцогомъ, послѣ чего Карлъ уѣхалъ изъ Курляндіи, грозя вернуться снова. Посланнаго отъ Августа III, для ходатайства за права Карла, Екатерина даже не приняла, такъ какъ Польская республика не признавала императорскаго титула за Россіей и объявила, что будетъ поддерживать

права Бирона войскомъ.[1] Чарторійскіе настаивали на выдачѣ 80,000 дукатовъ въ пользу ихъ партіи, на снабженіи ея оружіемъ и на созданіи конфедераціи для проведенія указанныхъ государственныхъ реформъ, вполнѣ полагаясь при этомъ на великодушіе Екатерины. Такъ дѣйствовали представители національной партіи. Екатерина заявляла Кейзерлингу о недостаткѣ денегъ и неготовности войска, но вмѣстѣ съ тѣмъ убѣждала его всѣми силами поддерживать русскую партію.

<u>Польскій вопросъ въ началѣ царствованія Екатерины II.</u> Въ началѣ того же года (1763), по случаю болѣзни Августа III, въ конференціи было отвергнуто предложеніе Бестужева передать престолъ одному изъ сыновей Августа, рѣшено было выставить кандидатами Понятовскаго или А. Чарторійскаго, которыхъ подкрѣпить войсками (30,000 на границѣ и 50,000 наготовѣ). Выборъ короля прямо ставили въ зависимость отъ интересовъ Россіи. Принцъ Карлъ былъ враждебенъ послѣдней, а принцъ Ксаверій былъ сторонникомъ Франціи. Нѣмецкіе принцы также считались неудобными. Отъ будущихъ кандидатовъ требовалось: гарантіи свободы православнаго исповѣданія въ Польшѣ, возвратъ церквей, взятыхъ въ унію и возвращеніе пограничныхъ мѣстъ, захваченныхъ поляками, а равно и бѣглыхъ, ушедшихъ въ предѣлы Польши. Кейзерлингъ предлагалъ дѣйствовать во чтобы то ни стало въ союзѣ съ Пруссіей. Екатерина вполнѣ это признавала.

6 октября Екатерина получила увѣдомленіе о смерти Августа III. Н

---

1) По этому поводу Сольмсъ писалъ Фридриху: „Я думаю, что сообщенныя мною здѣшнему двору свѣдѣнія о томъ, что позволяли себѣ говорить при польскомъ дворѣ во время послѣдняго заговора, ускорили эту мѣру противъ принца саксонскаго. Канцлеръ Воронцовъ мнѣ говорилъ, что онъ поставилъ г. Прассе (саксон. послан. въ Петербургѣ) на видъ неприличное поведеніе варшавскаго и митавскаго дворовъ, которые такъ мало скрывали свою радость по поводу бѣдствій, угрожающихъ императрицѣ". Сборн. рус. ист. общ. XXII, 13.

сиъшился, что я со стула вскочила, когда получила извѣстіе о смерти короля польскаго; король прусскій изъ-за стола вскочилъ, когда услышалъ", писала Екатерина Панину: такъ близко принимали они виды польской политики. Императрица немедленно созвала конференцію изъ Бестужева-Рюмина, Неплюева, Панина, гр. Орлова, вице-канцлера кн. Голицына, Олсуфьева и гр. Чернышева. Вопросъ шелъ о замѣщеніи польскаго престола. Екатерина распорядилась о немедленномъ и секретномъ передвиженіи русскихъ войскъ къ польской границѣ, а гр. З. Гр. Чернышевъ поднесъ уже тогда проектъ о необходимости присоединенія къ Россіи нѣкоторыхъ земель отъ Польши, для лучшаго округленія и безопасности границъ рѣками Днѣпромъ и Двиною. Впрочемъ тутъ же высказана была мысль, что эти предложенія могутъ быть скорѣе желательны, нежели осуществимы, тѣмъ не менѣе они были поставлены какъ pium desiderium, къ которому слѣдуетъ стремиться въ будущемъ. Королевскіе выборы давали въ настоящее время такой прекрасный случай къ осуществленію подобныхъ стремленій.

Изъ донесеній Мерси д'Аржанто узнаемъ, что еще во время переговоровъ Фридриха II съ Петромъ III объ условіяхъ мира между ними былъ поднятъ вопросъ о взаимной гарантіи силезскихъ и шлезвигскихъ земель, причемъ предполагалось присоединить условіе о предоставленіи королю прусскому польской Пруссіи, а русскому императору - польской Украины (Сборн. т. XVIII, 280) Вопросъ о Польшѣ являлся камнемъ преткновенія на Губертсбургскомъ конгрессѣ между Австріей и Россіей, которую поддерживала Пруссія.[1] Фридрихъ спѣшилъ увѣдомить Екатерину о разногласіи и между прочимъ писалъ, что король польскій боленъ и если случится его смерть

1.) Мирный договоръ былъ подписанъ 15 февр. 1763 г. На основаніи его Фридрихъ II удержалъ за собою Силезію. Особое сочиненіе объ этомъ вопросѣ: Der Hubertsburger Friede, von Carl Freiherrn von Danckelmann - Marconnay, Leipz. 1871.

то надо опасаться интригъ разныхъ дворовъ, что [онъ] [готовъ] участвовать во всѣхъ мѣрахъ, какія императрицѣ угодно будетъ принять по этому предмету; онъ высказывался рѣшительно противъ принца саксонскаго дома и высказывалъ согласіе избрать изъ всѣхъ [кандидатовъ] на польскій престолъ того, кого предложитъ Екатерина, прибавляя однако, что ихъ общимъ интересамъ приличествуетъ, чтобы былъ Пястъ, а не иной кто... При этомъ высказывалась готовность Фридриха во всемъ, что касается этого дѣла, содѣйствовать видамъ императрицы (Переписка Фридриха съ Екатериною II. Сборн. XX, 159–160). Поздравляя Фридриха съ заключеніемъ Губерсбургскаго мира, Екатерина радуется прекращенію войны „для счастья человѣческаго рода" и высказываетъ также желаніе, чтобы польская корона досталась Пясту, но такому, который не стоялъ бы на краю могилы и не получалъ бы содержанія ни отъ какой изъ державъ; но условія эти должны были соблюдаться обѣими сторонами въ тайнѣ. Затѣмъ ихъ переписка наполнена взаимными любезностями и совѣтами; такъ Фридрихъ совѣтуетъ Екатеринѣ твердо идти къ своей цѣли, но только прикрывать свои намѣренія благовидными предлогами. Екатерина благодарила Фридриха астраханскимъ виноградомъ, астраханскими и царицынскими арбузами, сопровождая ихъ пожеланіемъ поддерживать искреннюю дружбу съ его величествомъ. „Такимъ образомъ, какъ можно тише, съ помощью вашего величества, писала Екатерина, дадимъ, когда представится къ тому случай, короля Польшѣ." Въ октябрѣ 1763 г. она рекомендовала Фридриху своего кандидата — Станислава Понятовскаго, такъ какъ говорила она потомъ „изъ всѣхъ искателей онъ имѣлъ наименѣе правъ и слѣдовательно наиболѣе долженъ былъ чувствовать благодарность къ Россіи" (Замѣч. на аббата Денину. Рус. Арх. 1878, II, 290). Фридрихъ привѣтствовалъ Екатерину съ ея выборомъ, только совѣтовалъ соблюсти при этомъ всѣ формальности; а благодаря ее за присланные плоды, прибавлялъ: „та самая рука, которая разсаетъ арбузы

съ одной стороны, жалуетъ короны съ другой и поддерживаетъ миръ въ Европѣ." Лучшимъ средствомъ для успѣха въ Польшѣ онъ считалъ знатную сумму денегъ и совѣтовалъ даже дѣйствовать рѣшительными средствами-войскомъ. Онъ сообщалъ мнѣнія другихъ державъ, подозрѣвавшихъ въ видахъ Екатерины - планъ раздѣла Польши между Россіей и Пруссіей, какъ увѣдомлялъ его посолъ изъ Константинополя. Но Екатерина отдаляла отъ себя всякую мысль о „самоуправствѣ" или насиліи въ пользу своихъ интересовъ въ Польшѣ. Фридрихъ же убаюкивалъ ее какъ опытная Сивилла дѣлать такъ, чтобы все прошло тихо и въ тоже время ничѣмъ не пренебрегать и ничего не жалѣть для успѣха. „Большинство поляковъ пусты, трусливы писалъ Фридрихъ, гордятся, когда почитаютъ себя защищенными отъ опасности, и пресмыкаются, когда опасность представляется глазамъ ихъ. Я думаю, что не будетъ пролито крови, развѣ только изъ носа или уха какого нибудь шляхтича, разгорячившагося на маленькомъ сеймикѣ. Заранѣе поздравляю ваше величество съ счастливымъ успѣхомъ этого дѣла. Это пророчество вѣрнѣе пророчества Калхаса". (Сборн. XX, 161-204). Но Екатерина не сразу рѣшилась на открытый способъ дѣйствій. Не находя сочувствія со стороны Б.-Рюмина, стоявшаго за союзъ съ Австріей и сносившагося тайно съ Мерси д'Аржанто, Екатерина распорядилась даже вскрывать его переписку и отстранила его отъ званія главнаго совѣтника, чѣмъ воспользовался Панинъ. На сколько этотъ вопросъ былъ близокъ Екатеринѣ, видно изъ того, что вообще дипломатическія донесенія иностранныхъ державъ распечатывались и доносились ей, не исключая и прусскаго посланника. И Россія, и Пруссія сознавали всю невыгоду въ усиленіи Польши и потому противодѣйствовали политической реформѣ въ ней (ib. 144, 310). Но Фридрихъ велъ себя въ этомъ вопросѣ какъ истинный дипломатъ. Отдавая этотъ вопросъ въ руки Екатерины, онъ хлопоталъ о тѣсномъ союзѣ съ Россіей и склонялъ къ общимъ дѣйстві-

ямъ по вопросу о диссидентахъ, но исключая [illegible] матеріальной помощи, доказывая, что его вмѣшательство вызоветъ всеобщую войну [illegible] возникли подозрѣнія на счетъ этихъ стремленій, онъ удерживалъ Екатерину отъ рѣшительныхъ дѣйствій (201 ср. 225), доказывая ей, что лучше пожертвовать для успѣха дѣла 500,000 р., нежели жертвовать миллонами людей (178); онъ даже не видѣлъ особой бѣды, если престолъ Польши достанется принцу саксонскому, лишь бы сохранить status quo (172). Въ особенности онъ опасался брака Екатерины съ Понятовскимъ, который могъ привести къ соединенію обоихъ государствъ и потому настаялъ, чтобы будущія права Понятовского были значительно ограничены (264, 267, 297, 314). Въ это время Австрія не существенно [illegible] своихъ противниковъ (ib. 166).

<u>Польскія партіи</u>. Между тѣмъ Кейзерлингу былъ данъ наказъ стараться объ избраніи во что бы то ни стало Понятовского, для чего онъ прежде всего долженъ былъ привлечь на свою сторону примаса, не жалѣя на это даже 100,000 р. Кейзерлингъ вскорѣ увѣдомилъ, что для успѣха дѣла необходимо: 1) соглашеніе съ берлинскимъ дворомъ, 2) исключеніе изъ избранія иностранныхъ принцевъ еще до сейма; 3) примиреніе двухъ вліятельныхъ партій въ Польшѣ — Чарторыйскихъ и Потоцкихъ, чтобы устранить разногласіе; 4) заявленіе полякамъ, чтобы они не думали избирать человѣка помимо [illegible], наконецъ, 5) [illegible] объявленіе со стороны Россіи и Пруссіи, что [illegible] не [illegible] обращенія Польской республики въ монархію (Hermann). Екатерина [illegible] эти предложенія. Послѣднее изъ нихъ прямо было направлено противъ партіи Чарторыйскаго, желавшей преобразованія польской конституціи, уничтоженія liberum veto, затруднявшаго [illegible], усиленія королевской власти и наслѣдственности престола, такъ какъ избирательность постоянно давала возможность другимъ державамъ вмѣшиваться въ дѣла Польши. Но эти требованія шли наперекоръ установившимся обычаямъ

и вольностями шляхты, вовсе не желавшей отъ нихъ отказываться. Заступниками этихъ послѣднихъ были враги <u>фамиліи Чарторійскихъ</u>, состоявшей изъ двухъ братьевъ: Михаила — канцлера литовскаго и Августа — воеводы русскаго (галицкаго). Послѣдній же имѣлъ сына Адама — генерала земель подольскихъ. Четверо Понятовскихъ были его двоюродными братьями и въ числѣ ихъ извѣстный уже намъ Станиславъ, стольникъ литовскій. Къ партіи Чарторійскихъ примыкали также: зять Михаила Чарторійскаго, Огинскій, Массальскій, Флеммингъ, литовскій подскарбій, Любомирскій, Замойскій и др. Андрей Замойскій былъ изъ числа образованнѣйшихъ людей своего времени, онъ первый обратилъ вниманіе на необходимость улучшенія положенія крестьянъ въ Польшѣ.

Но противъ Чарторійскихъ стояли <u>Браницкіе</u>, изъ которыхъ болѣе другихъ выдвигался гетманъ коронный Янъ Браницкій. Партія эта желала выбора саксонскаго принца, а въ крайности самого Браницкаго при содѣйствіи Франціи и Швеціи. Были и другія партіи, какъ кн. Радзивилла, воеводы виленскаго, самаго богатаго изъ пановъ литовскихъ, но онъ не пользовался особеннымъ расположеніемъ. Въ лицѣ же извѣстныхъ также своими богатствами гр. Потоцкихъ группировалось значительное большинство людей безъ всякихъ принциповъ, а потому на нихъ расчитывали и тѣ, и другіе, а русская политика вначалѣ надѣялась соединить ихъ съ Чарторійскими.

Защитники <u>старины</u> опирались на <u>Вацлава Ржевускаго</u>, воеводу краковскаго, стоявшаго за саксонскій домъ. Въ числѣ ихъ считались епископы: краковскій Солтыкъ, каменецкій Красинскій, великій маршалъ коронный Бѣлинскій, надворный маршалъ Мнишекъ, родственникъ Брюля, имѣвшій поэтому вліяніе при дворѣ и много вредившій своей партіи приязнью и враждою съ партіей Чарторійскихъ.

Дѣйствительно, какъ только престолъ польскій освободился, нѣкото-

рые изъ членовъ партіи Чарторійскихъ немедленно явились къ Кейзерлингу и пожелали узнать, каково намѣреніе императрицы и будетъ ли русское правительство поддерживать саксонскій домъ или кого либо изъ Пястовъ, а равно существуетъ ли на этотъ счетъ соглашеніе съ Пруссіей. Кейзерлингъ заявилъ желаніе въ пользу Пястовъ. Немедленно за этимъ русскому послу представлена была записка, въ которой указывалось, что предстоящіе сеймы потребуютъ расхода. Послѣдній былъ обозначенъ для Литвы въ 50,000 червонцевъ, для арміи въ 20,000, а на избирательный сеймъ во 100,000 червонцевъ, необходимыхъ для раздачи мелкой шляхтѣ и пріобрѣтенія голосовъ. Главнымъ лицомъ во время междуцарствія въ Польшѣ былъ примасъ королевства Владиславъ Любенскій, склонившійся вскорѣ къ партіи Чарторійскихъ и тѣмъ значительно облегчившій успѣхъ дѣла. Была попытка и со стороны новаго курфирста саксонскаго заручиться согласіемъ Екатерины, на что послѣдовалъ съ ея стороны отказъ, а приписка на донесеніи по этому поводу Кейзерлинга гласила „Тщетно льстится".

Изъ донесеній Кейзерлинга (въ приложеніяхъ къ XXV т. исторіи Соловьева) видно, что русскому послу было много хлопотъ: въ Литву назначенъ былъ особый агентъ съ денежнымъ пособіемъ для отвращенія пановъ литовскихъ отъ королевской партіи; Кейзерлингъ пытался привлечь и Браницкаго. Между тѣмъ въ Митавѣ кн. Радзивиллъ сталъ дѣлать военныя приготовленія, поведеніе Потоцкихъ также вызывало сомнѣнія. Это побудило Чарторійскихъ хлопотать о присылкѣ русскаго отряда въ 800–1000 чел. (Донесенія Сольмса въ Сборн. Рус. ист. общ. XXII, 201, 202, 217, 223). Они требовали въ тоже время объявленія со стороны русскаго правительства декларации объ избраніи Пяста, такъ какъ враждебные Россіи дворы увѣряли поляковъ, что существуетъ между Россіей и Пруссіей договоръ о раздѣлѣ Польши. Въ это время въ Варшавѣ появляется Н. В. Рѣпнинъ, которому поручалось убѣдить русскую партію прислать на имя императрицы

просьбу о гарантіи свободнаго выбора на польскій престолъ, что дало бы правительству право вмѣшаться въ дѣла республики; было сдѣлано распоряженіе уплатить долги Понятовскаго до 1764 г., назначить ему ежегодную пенсію въ 3,000 червонцевъ. За это Понятовскій, по восшествіи на престолъ, обязывался удовлетворить требованіямъ русскаго правительства: блюсти русскіе интересы, уступить пограничныя мѣста, возвратить бѣглыхъ, защищать православныхъ въ польскихъ владѣніяхъ, возвратить имъ церкви и монастыри со всѣми ихъ имуществами; исходатайствовать на сеймѣ признаніе за Россіей императорскаго титула, а Бирону подтвержденіе во всѣхъ его правахъ. За все это императрица гарантировала неприкосновенность и цѣлость Польской республики.

Между тѣмъ умеръ отъ оспы курфюрстъ саксонскій (Августъ III), одинъ изъ претендентовъ на польскій престолъ. Между принцами саксонскими Карломъ и Ксаверіемъ началась вражда за польскій престолъ, что произвело еще большій хаосъ въ дѣлѣ избранія польскаго короля. Тутъ же императрица узнала, что австрійскій министръ Мерси находился въ сношеніяхъ съ Бестужевымъ, противившимся намѣреніямъ императрицы въ Польшѣ, и Екатерина приказала просматривать письма стараго канцлера. (Дѣла польскія у Солов., а жалобы Бестужева на просмотръ писемъ въ Сборн. VII). Заручившись же согласіемъ Фридриха II, она стала рѣшительнѣе дѣйствовать въ Польшѣ. Кн. Влад. Долгорукову въ Берлинѣ поручалось склонить Фридриха къ единогласному дѣйствію съ Россіей. Въ рескриптѣ Долгорукову говорилось, что Россія не намѣрена стѣснять свободу избранія, а лишь охранять и защищать ее въ силу гарантіи, принятой въ 1716 г.; при этомъ Долгорукову поручалось разузнать, не думаетъ ли Фридрихъ котораго либо изъ своихъ братьевъ или кого нибудь изъ германскихъ принцевъ возвести на польскій престолъ? Фридрихъ высказывался лишь противъ кандидатуры австрійскихъ принцевъ и соглашался на избраніе природнаго

поляка; онъ предлагалъ соединеніе русской и прусской партіи для общихъ дѣйствій, изъявлялъ желаніе на интимную корреспонденцію по этому вопросу съ Екатериной и надѣялся заключить съ нею такой союзъ, отъ котораго могло бы надолго водвориться спокойствіе въ Европѣ. Донесенія прусскаго министра изъ Варшавы основывались на тѣхъ же главныхъ положеніяхъ относительно Польши, какъ и Кейзерлинга; но они расходились въ вопросѣ о конфедераціи, на которой настаивали Чарторыйскіе, потому что она должна была провести тѣ реформы, о которыхъ они постоянно мечтали и осуществленіе которыхъ усилило бы Польскую республику, а между тѣмъ Кейзерлингъ хорошо зналъ, что отстраненіе видовъ Чарторыйскихъ относительно конфедераціи, можетъ поколебать интересы русской партіи. Вотъ почему Фридрихъ совѣтовалъ Бенуа дѣйствовать въ этомъ случаѣ независимо отъ русскихъ видовъ.

<u>Отношеніе другихъ державъ къ польскому вопросу.</u> Въ Петербургѣ долго не хотѣли приступить къ обязательному союзу съ Пруссіей и требовали прежде дѣйствія въ пользу вопроса о Польшѣ, а союзъ ставили какъ награду за это содѣйствіе. Сольмсъ писалъ: „Страхъ потерять любовь націи вкоренился въ императрицѣ и дѣлаетъ ее робкою." Екатерина дѣйствительно имѣла въ виду исключительно интересы Россіи, которая могла въ вопросѣ о Польшѣ быть въ союзѣ съ Пруссіей, а въ другомъ случаѣ въ союзѣ съ Австріей, напр. противъ турокъ. Въ Вѣнѣ склонялись въ пользу избранія саксонскаго принца, а въ крайности поляка, но чтобы избраніе Пяста было гарантировано цѣлостью Польши. Тамъ сильно опасались союза Россіи съ Пруссіей и уповали въ единствѣ интересовъ Россіи съ Австріей. Но Панинъ по этому поводу написалъ на донесеніи: „Господинъ Кауницъ суетно поставляетъ свои интересы равными съ нашими въ разсужденіи Польши. Нѣтъ политика, который бы не зналъ великой разницы: мы потеряемъ чрезъ

своихъ силъ и выгодъ, если Польша будетъ не въ нашей зависимости? Австрія выставляла между прочимъ какъ угрозу Россіи — союзъ Пруссіи съ Турціей, но Екатерина замѣтила на это: „Все сіе не иное что, какъ одна ревность, а время весьма покажетъ, что мы ни за кѣмъ хвостомъ не тащимся". Во Франціи, вслѣдствіе истощенія финансовъ и продолжительныхъ войнъ, не думали вмѣшиваться въ дѣла Польши ни войсками, ни деньгами; тамъ добивались свободы выбора и опасались лишь на счетъ подозрѣваемаго раздѣла Польши, но успокоились, когда узнали, что въ Петербургѣ не думаютъ объ этомъ. Теперь не являлось даже надобности имѣть въ Россіи посла и Бретейль былъ перемѣщенъ въ Стокгольмъ, а дѣла въ Петербургѣ поручены повѣренному Беранже. (Интересенъ разговоръ Екатерины съ Бретейлемъ, у Соловьева, 338). Въ Константинополѣ хлопотали, чтобы на польскій престолъ недопущенъ былъ австрійскій принцъ и были довольны согласію въ этомъ вопросѣ Пруссіи и Россіи. Россіи удалось даже въ это время завести своего консула въ Крыму, такъ какъ крымскій ханъ являлся часто виновникомъ раздоровъ между Турціей и Россіей, особенно по дѣламъ Польши. Въ Стокгольмѣ продолжало бороться вліяніе Россіи и Франціи и виды послѣдней по польскому вопросу взяли верхъ. Притомъ борьба партій, разжигаемыхъ субсидіями съ обѣихъ сторонъ, достигла въ это время крайнихъ предѣловъ, а потому ручалась за бездѣйствіе Швеціи въ дѣлахъ польскихъ. Изъ антагонизма къ Швеціи обѣщала быть солидарной съ русскимъ правительствомъ въ польскомъ вопросѣ и Данія. Между Англіей и Россіей шли переговоры о торговомъ трактатѣ, согласіе на который русское правительство мотивировало единствомъ дѣйствій англійскаго правительства съ русскимъ относительно Польши, Швеціи и Турціи. Однако англійское правительство поставляло на видъ своему представителю въ Варшавѣ — свободное избраніе короля и неприкосновенность польской территоріи. Жесткость отношеній

въ Англіи усилилась вслѣдствіе возникшихъ неудовольствій между Панинымъ и гр. А. Р. Воронцовымъ, послѣ того какъ дядя его потерялъ постъ канцлера въ Россіи, и надѣлавшихъ много шуму въ дипломатическихъ кружкахъ. Неудачи съ Англіей ускорили союзъ съ Пруссіей и не прошло и года послѣ этого, какъ Екатерина могла торжествовать успѣхи своей политики въ Польшѣ.

Договоръ между Россіей и Пруссіей по польскому вопросу. Вопросъ о реформѣ польской конституціи въ интересахъ усиленія монархической власти и вопросъ о диссидентахъ въ Польшѣ (протестантовъ и православныхъ), поставленные на карту, какъ непремѣнныя условія въ отношеніяхъ къ сосѣднимъ державамъ, послужили камнемъ преткновенія для независимости польской республики. Фридрихъ II признаетъ, что онъ немедленно по смерти Августа III ухватился за волосы эту оккасію, чтобы вывести петербургскій дворъ изъ той нерѣшительности, въ которой онъ продолжалъ находиться по этимъ вопросамъ. Но вышло такъ, что императрица взяла на себя роль исполнительницы задуманной программы. „Неутомимо договариваясь и интригуя, признается Фридрихъ, я успѣлъ вознаградить нашу монархію за прошлые убытки, воплотивъ польскую Пруссію въ мои старыя области". Взаимная помощь, status quo въ Польшѣ (т. е. сохраненіе избирательнаго престола и конституціи) и покровительство диссидентамъ — вотъ главные пункты договора, состоявшагося между Пруссіей и Россіей. Тайною статьею его опредѣлялось избраніе королемъ Стан. Понятовскаго. Необходимо припомнить, что уже между Фридрихомъ II и Петромъ III былъ условленъ трактатъ, въ секретныхъ статьяхъ котораго говорилось тоже самое, а потому, очевидно, польскій вопросъ при Екатеринѣ является достаточно подготовленнымъ (Фридрихъ Смиттъ, Frédéric II, Catherine II et le part. de la Pologne. Paris 1861. XVIII вѣкъ, I, 203–207). Самъ Понятовскій былъ въ Россіи еще въ царств. Елисаветы при ан-

глійскомъ посольствѣ, дружелюбномъ тогда Пруссіи, и потомъ (при Петрѣ III) Екатерина продолжала переписываться съ нимъ (Мерси д'Аржанто). Понятовскій былъ также весьма близокъ къ Жоффренъ, которая была дружна съ матерью Екатерины. Слѣдуетъ еще замѣтить, что, вскорѣ по избраніи въ короли Понятовскаго, Екатерина стала склоняться въ пользу реформъ, предложенныхъ партіею Чарторійскихъ, но противъ этого возсталъ именно Фридрихъ, видѣвшій выгодную для себя сторону въ слабости Польши въ ея настоящемъ строѣ (XVIII вѣкъ, 208, 212). Вредъ этой политики для русской дипломатіи старался выяснить русскій посолъ въ Варшавѣ, кн. Репнинъ (весьма важно, 215-216). Съ такою же неуклонной аргументаціей является Фридрихъ и въ переговорахъ о диссидентахъ (1764 г. ib. 217-219). Въ перехваченномъ письмѣ Авг. Сулковскаго (къ брату его) ясно указывается на короля прусскаго, какъ перваго двигателя всѣхъ дѣйствій русскихъ (221-222). Интересуясь пріобрѣтеніями на счетъ Польши, это главная цѣль всѣхъ его стремленій въ польскомъ вопросѣ, Фридрихъ всѣми силами старался предоставить главную роль Россіи и сердился, когда его посолъ въ Варшавѣ (Бенуа) предупреждалъ русскаго посла и бралъ на себя роль ревностнаго поборника требованій Россіи (Переговоры и договоръ 31 марта 1764 г. у Соловьева XXVI, 76-79 и Goltschingen, стр. 128-151).

<u>Положеніе, занятое Россіею</u>. Главнымъ распорядителемъ внѣшнихъ сношеній въ этотъ періодъ былъ уже Панинъ, который лично не былъ расположенъ къ плану (Фридриха) о раздѣлѣ польскихъ земель. Уже въ 1769 г., когда русское правительство надѣялось въ союзѣ съ Пруссіей и Австріей изгнать турокъ изъ Европы, Панинъ выражался, что Россія съ удовольствіемъ будетъ смотрѣть на вознагражденіе первой въ Польшѣ, а второй - на счетъ Турціи; на запросъ же гр. Сольмса объ участіи Россіи въ этомъ раздѣлѣ, Панинъ отвѣчалъ: „Россія не должна принимать участія въ дѣлежѣ, потому что она владѣетъ

гораздо большимъ числомъ земель, чѣмъ въ состояніи управлять, такъ что за исключеніемъ укрѣпленныхъ мѣстъ на отдаленныхъ границахъ она не должна болѣе замышлять о пріобрѣтеніи владѣній" (XVIII Вѣкъ, 230). Въ это время австрійскій посолъ Мерси д'Аржанто волновалъ поляковъ и противъ русскихъ, и противъ пруссаковъ. Чтобы поддержать своихъ сторонниковъ, русское правительство рѣшилось двинуть войска въ Литву. 26 польскихъ магнатовъ (въ числѣ ихъ епископъ куявскій Островскій, епископъ полоцкій Шептицкій, Замойскій, Августъ, Михаилъ, Станиславъ, Адамъ и Іосифъ Чарторійскіе, Ст. Понятовскій, Любомірскій, Сулковскій, Саллогубъ, Велепольскій и др.) поспѣшили оправдать это рѣшеніе. Чтобы поднять авторитетъ Понятовскаго, Репнинъ выхлопоталъ ему прусскій орденъ Чернаго Орла и русскій — Андрея Первозваннаго. Въ апрѣлѣ 1764 г. стали съѣзжаться на сеймъ въ Варшаву претенденты съ вооруженнымъ войскомъ, но и русскія войска стояли тутъ же. Противники Понятовскаго по обычаю хотѣли разорвать сеймъ, ссылаясь на появленіе русскихъ войскъ, но Браницкій отклонилъ это и рѣшился выйти изъ Варшавы, чтобы собрать конфедерацію въ другомъ какомъ либо мѣстѣ, но наткнулся на русскіе отряды, шедшіе изъ Литвы (подъ начальствомъ кн. Дашкова) и долженъ былъ бѣжать. Репнинъ продолжалъ хвалить Понятовскаго и дѣйствія русской императрицы, о полякахъ же (въ письмѣ къ Панину) онъ отзывался что вообще этой націи довѣрять нельзя, ибо что нынѣ за вѣрное сказываютъ, что съ клятвою увѣряютъ и очевидцами чему выдаются, то назавтра открывается совершенною ложью". Репнинъ и Кейзерлингъ настаивали на скоромъ заключеніи трактата съ прусскимъ королемъ, не считая притомъ вопроса о диссидентахъ существеннымъ, видя въ немъ уменьшеніе шансовъ прусскаго короля, а равно и усложненіе дѣла Чарторійскихъ, а въ это время главнымъ дѣломъ было избраніе королемъ Понятовскаго

Однако въ мѣсяцъ за тѣмъ Репнинъ доносилъ Панину, что у Понятовскаго оказался новый соперникъ, а именно Августъ Чарторыйскій. Пользуясь деньгами и поддержкою русской партіи, онъ дѣйствовалъ въ свою пользу и находилъ сочувствіе въ русскомъ (галицкомъ) воеводствѣ. Репнинъ настаивалъ на рескриптѣ, въ которомъ ясно были бы указаны виды русскаго правительства и которые могли бы быть поддержаны присутствіемъ русскихъ войскъ; но императрица на докладѣ Панина написала: „Мнѣ кажется, что намъ не годится называть кандидата, дабы до конца сказать можно было, что республика вольно выбирала." Тѣмъ не менѣе послы и русскій, и прусскій нашли нужнымъ заявить примасу, въ присутствіи Чарторыйскихъ, о желаніи обѣихъ державъ видѣть на престолѣ именно Понятовскаго. Вмѣстѣ съ тѣмъ былъ возбужденъ вопросъ о предполагаемомъ бракѣ послѣдняго съ императрицею Екатериною, слухи о которомъ больше всего страшили Турцію и даже Фридриха II; но толки эти были разсѣяны заявленіемъ Понятовскаго, что онъ не намѣренъ вступать въ бракъ, хотя тогда же внесено было въ pacta conventa (условія избранія), что если король пожелаетъ жениться, то не иначе какъ на католичкѣ.

Избраніе короля. По окончаніи конвокаціоннаго сейма, въ іюнѣ образовалась генеральная конфедерація, къ которой присоединилась и литовская, а маршаломъ коронной конфедераціи былъ выбранъ кн. Адамъ Чарторыйскій, воевода русскій (галицкій). Прежде всего было постановлено устранить отъ избранія иностранныхъ кандидатовъ и допустить къ избранію лишь лицъ шляхетскаго происхожденія, по отцу и по матери, и католическаго вѣроисповѣданія. Уже въ это время сдѣлана была попытка со стороны Чарторыйскихъ провести свои реформы. По ихъ иниціативѣ было учреждено двѣ коммиссіи: военная и финансовая (скарбовая), которыя ограничивали власть гетмановъ и подскарбіевъ. Сеймъ призналъ титулъ русской императрицы и рѣшилъ упра-

сить гр. Ржевускаго для изъявленія ей благодарности.

Избирательный сеймъ начался 16 августа, а окончился 26 и Станиславъ Понятовскій былъ избранъ королемъ безъ всякаго возраженія, а по словамъ поляковъ такого спокойнаго избранія никогда еще не бывало въ Польшѣ. Самъ Понятовскій по этому поводу писалъ къ своей maman, какъ онъ называлъ madame Жоффренъ: „Спокойствіе и тишина въ этомъ громадномъ собраніи были такъ велики, что всѣ знатныя дамы королевства присутствовали на полѣ избранія, не испытывая никакого неудобства и я имѣлъ удовольствіе быть провозглашеннымъ какъ всѣми мужчинами, такъ и всѣми женщинами моего народа, присутствовавшими при избраніи, потому что примасъ, проходя мимо ихъ экипажей, дѣйствительно былъ такъ любезенъ, что спрашивалъ дамъ, кого онѣ желаютъ въ короли. Зачѣмъ вы не были тамъ? вы бы назвали своего сына". Жоффренъ отвѣчала ему, что будущее Польши представляется въ лучезарномъ свѣтѣ. „О мой дорогой сынъ, пишетъ она, мой обожаемый король! съ какимъ восторгомъ я буду видѣть въ васъ предметъ удивленія для цѣлой Европы". И тутъ же Жоффренъ старалась разсѣять слухи о женитьбѣ Понятовскаго на Екатеринѣ, производившіе, по ея словамъ, негодованіе. „Она, говорили, вовсе не крѣпко держится на престолѣ, она уступитъ его сыну, а сама выйдетъ замужъ за короля польскаго". (Corresp. inédite du roi St. Aug. Poniatowsky et de madame Geoffrin. Paris 1875) Но Екатерина поспѣшила сама увѣдомить объ этомъ своего друга: „Поздравляю васъ съ возвышеніемъ вашего сына, писала она Жоффренъ, я не знаю какъ онъ сдѣлался королемъ, но, конечно, на то была воля Провидѣнія, и больше всего надо поздравить въ этомъ его королевство; у поляковъ не было человѣка, который сдѣлалъ бы ихъ болѣе счастливыми по человѣчески. Говорятъ, что сынъ вашъ ведетъ себя отлично и я этому очень рада; направлять его на путь истинный, въ случаѣ необходимости, предоставляю вашей материнской нѣжности".

... писала такъ: „Поздравляю васъ съ успѣхомъ, которымъ увѣнчали сей случай наивящне ... мою увѣренность, потому что я вижу сколь ... были взятія мѣры" (Солов. XXVI, 65 Сборн. VIII).
Фридрихъ II ... Екатерину съ наступленіемъ „счастливой эпохи" и мирнымъ разрѣшеніемъ вопроса, который заставитъ вѣнскій и версальскій дворы содрогнуться отъ ярости. Екатерина отвѣчала ему: „съ помощью вашего величества я увѣрена въ успѣхѣ всего, что буду предпринимать. Мои ... не имѣли союзникомъ короля Фридриха вотъ мое преимущество предъ ними" (Сборн XVIII, 204—206).

<u>Положеніе польскаго короля.</u> Положеніе Понятовскаго было однако тяжело. Связанный обязательствами къ Екатеринѣ, онъ на первыхъ же порахъ долженъ былъ искать союза на сторонѣ. У Жоффренъ онъ просилъ ... отношеніи о союзѣ съ Франціей. Но еще болѣе чувствовалъ онъ себя затрудненнымъ при проведеніи предполагавшейся реформы польской конституціи. „Терпѣніе и осторожность — вотъ мой девизъ, писалъ онъ Жоффренъ. Я знаю хорошо, что я долженъ дѣлать, но это ужасно. <u>Тамъ</u> очень умны, но уже слишкомъ гонятся за умомъ. Это металлъ самый дорогой, но для обработки ... нужна искусная рука, руководимая добрымъ сердцемъ. ... были въ этомъ согласны, а теперь судьба ... можетъ вдругъ перемѣнить многое!

Недоразумѣнія стали обнаруживаться очень скоро. Въ сентябрѣ 1764 г. скончался русскій посолъ Кейзерлингъ, въ его казнѣ осталось 85,500 червонцевъ. Репнинъ хотѣлъ раздать ихъ тѣмъ лицамъ, которымъ ... обязана была своимъ успѣхомъ, а именно королю ... 17,000 въ счетъ обѣщанныхъ 80,000, ... 4,000 черв.; 1,200 черв. слѣдовало оставить на мѣсячное жалованье

В. Иконниковъ

королю для самыхъ необходимыхъ расходовъ, такъ какъ у него не оказалось средствъ. Но императрица кромѣ этихъ денегъ, въ знакъ дружбы и особеннаго благоволенія, подарила королю на обзаведеніе 100,000 червонц. За все это онъ могъ послать ей лишь ящикъ трюфелей. Но отъ него потребовали гарантіи настоящаго положенія Польши, что такъ напугало поляковъ, видѣвшихъ въ этой гарантіи предлогъ для русскаго вмѣшательства въ дѣла Польши. Затѣмъ возникаютъ новыя столкновенія.

Еще въ 1762 и 63 гг. Екатеринѣ жаловались архіепископъ Конисскій и кіевскій митрополитъ Арсеній на притѣсненія православныхъ въ Бѣлоруссіи и Кіевской епархіи и тогда она наказывала Кейзерлингу и Репнину настоять у польскаго правительства на гарантіи правъ православныхъ и диссидентовъ вообще. Въ 1764 г. она поручила Репнину два дѣла, въ которыхъ она считала себя равно заинтересованной: дѣло о диссидентахъ и дѣло о границахъ. Но Репнинъ отчаявался въ достиженіи этой цѣли и прямо заявлялъ, что не расчитываетъ достигнуть полноправія для диссидентовъ, а надѣется лишь добиться свободы исповѣданія. Панинъ рекомендовалъ въ данномъ случаѣ постепенность, совѣтовалъ Репнину ссылаться на духъ вѣка и намекалъ на возможность употребить въ дѣло силу, для чего Репнинъ могъ располагать русскимъ войскамъ, оставшимся въ Польшѣ. Съ другой стороны Панинъ выдвигалъ на первый планъ льготы православнаго населенія.

Но партія Чарторійскихъ съ своей стороны ставила на первый планъ проведеніе реформъ въ конституціи (уничтоженіе единогласія въ сеймикахъ, прекращеніе liberum veto на сеймѣ)[1] и выполненіе этихъ реформъ партія Чарторійскихъ выставила передъ Екатери-

---

1) Т.е., чтобы проэ... одному дѣлу не уничтожалъ предшествующихъ рѣшеній на томъ же сеймѣ.

ніи, какъ необходимое для достиженія соглашенія по вопросу о диссидентахъ. Понятовскій взывалъ къ высокой справедливости императрицы, но она не соглашалась съ его заключеніемъ. Несмотря на все это, трудно было сломить упрямство сейма: диссидентскій вопросъ потерпѣлъ на немъ крушеніе. Репнинъ долженъ былъ признать, что „энтузіазмъ закона (религіи) опаснѣе всего на свѣтѣ и труднѣе также всего оный превзойти".

„Ахъ, дорогая maman, писалъ по этому же поводу Понятовскій къ Жоффренъ, народные предразсудки вещь ужасная! Я преодолѣлъ нѣкоторые изъ нихъ на этомъ сеймѣ, но былъ принужденъ оставить еще многіе и вмѣните мнѣ это въ заслугу, потому что это мнѣ много испортило крови, однако благоразуміе превозмогло. При малѣйшей попыткѣ въ пользу некатоликовъ раздавался фанатическій крикъ, противъ котораго я не могъ бы бороться, но предпочелъ оказать предъ нимъ уваженіе, чтобы поскорѣе утишить и я проложилъ себѣ другую дорогу болѣе длинную и потаенную, но которая приведетъ меня подъ конецъ къ возможности поступать человѣколюбиво съ диссидентами. Больше всего имъ повредило то, что они разсѣяли слухъ, будто я хочу сравнять ихъ совершенно съ послѣдователями господствующаго исповѣданія, чего никогда не было и не будетъ въ моей головѣ".

Таковы были первые результаты „спокойнаго сейма и единодушнаго избранія короля.

Лекція 10.

Значеніе литературы въ XVIII вѣкѣ. Если вполнѣ справедливо мнѣніе, что дѣятельность каждаго общественнаго дѣятеля должна разсматриваться въ связи съ окружающими условіями жизни, то это уже

болѣе слѣдуетъ сказать о писателяхъ XVIII ст. и въ частности о Екатеринѣ II. Никогда еще, со времени возрожденія, философія и литература не имѣла такого громаднаго значенія, какъ въ XVIII ст.; никогда общественное мнѣніе послѣ изобрѣтенія книгопечатанія не казалось столь господствующимъ, какъ въ этомъ вѣкѣ. Строгая ханжа Марія Терезія считаетъ нужнымъ справляться о томъ, что скажетъ о ея распоряженіяхъ въ своемъ журналѣ Шлецеръ, выражавшійся, что его просвѣтилъ Вольтеръ; набожная Елисавета Петровна довѣряетъ Вольтеру составленіе исторіи Петра В.; Фридрихъ II непремѣнно хочетъ цѣловать ему руку, ухаживаетъ за нимъ, приглашаетъ его въ Берлинъ и, послѣ взаимныхъ ссоръ и обидъ, все-таки не можетъ обойтись безъ него и хранитъ миръ въ письмахъ. Густавъ III, находясь во Франціи, былъ очень близокъ съ Мармонтелемъ и считалъ за высокую честь визитъ, сдѣланный ему здѣсь. Про Вольтера говорили, что онъ „держалъ въ рукахъ четырехъ королей“ (Пруссія, Швеція, Данія и Россія), не считая второстепенныхъ принцевъ и принцессъ, великихъ герцоговъ и маркграфовъ. Но прежде чѣмъ Вольтеръ и его друзья достигли такой славы, они должны были пройти школу, которая примыкала еще къ старому порядку, но которая вскорѣ завоевала себѣ независимое положеніе, способствовала объединенію литературныхъ силъ и въ значительной степени участвовала въ созданіи общественнаго мнѣнія въ Франціи, съ которымъ считали необходимымъ справляться европейскіе правители, литература и наука. Французскіе салоны въ этомъ случаѣ способствовали главнымъ образомъ распространенію литературнаго вкуса и популяризаціи идей французской и англійской философіи. Возникновеніе ихъ относится еще до 50-хъ годовъ XVIII ст., послѣ того, какъ дворъ пересталъ быть исключительнымъ цѣнителемъ литературы и предался лишь забавамъ, охотѣ, іезуитамъ и духовнымъ процессіямъ. Парижскіе литературные салоны, по справедлив-

ности и благоприличію, не всегда стояли выше Версаля, но они вели открытую борьбу съ лицемѣріемъ и со всѣмъ, что дворъ хвалилъ или поощрялъ. Новая фаланга писателей уже не хотѣла подчиняться той унизительной зависимости, въ какой находились Берни, Дюкло и Мармонтель, принимавшіе милости отъ маркизы Помпадуръ. Впослѣдствіи Вольтеръ справедливо упрекалъ дворъ, короля и министровъ въ томъ, что они отстранились отъ литературы и, вмѣстѣ съ тѣмъ, потеряли нравственное вліяніе на народъ, какое они могли имѣть, сблизившись съ писателями, а это вліяніе перешло въ руки парижскихъ дамъ, генеральныхъ откупщиковъ и т. п. И Вольтеръ въ своихъ стихахъ признается съ полною откровенностью, что онъ придавалъ огромное значеніе одобренію двора, который не имѣлъ достаточно вкуса для оцѣнки литературныхъ заслугъ, когда онъ выражалъ свое одобреніе ничтожной пьесѣ „Принцесса Наварская", написанной Вольтеромъ по случаю бракосочетанія Дофина съ инфантой Испанской, между тѣмъ, какъ оставилъ безъ вниманія дѣйствительно замѣчательныя произведенія его: Генріаду и Заиру.

Салоны. Во главѣ литературныхъ салоновъ стояла г-жа Тансенъ, не отличавшаяся строгою нравственностью въ молодые годы и отказавшаяся отъ своего незаконнорожденнаго сына, знаменитаго впослѣдствіи д'Аламбера. Салонъ ея блисталъ. Кардиналъ Ламбертини, будущій папа Бенедиктъ XIV, велъ съ нею переписку. Тансенъ извѣстна какъ писательница; впрочемъ ея извѣстность создана тѣмъ, что она стала принимать у себя творцевъ новой литературы, находившихся въ противорѣчіи съ господствовавшимъ вкусомъ. Принадлежа къ аристократическому кругу, она довольно пренебрежительно относилась къ наукѣ и ея представителямъ, называя иногда своихъ гостей шуточными именами: „mes animaux", „ma ménagerie". Ея салонъ посѣщали Фонтенель, Монтескьё, Меранъ, Маривo, Аструкъ и Гельвецій, тогда

еще молодой человѣкъ; въ бесѣдахъ требовалось остроуміе и оригинальность мнѣнія. Тансенъ много способствовала успѣху „Духа законовъ" Монтескьё (1748), закупивъ значительное число этого сочиненія и раздавъ его своимъ друзьямъ (въ 1½ года 22 изданія).

По смерти Тансенъ собранія ея перешли къ г-жѣ Жоффренъ. Она не отличалась простотою и умомъ своей предшественницы; отъ нея вѣяло холодомъ и эгоизмомъ; но у нея было много женской тонкости, поэтому въ ея салонѣ находили пріютъ иноземные государи, министры и вообще аристократы. Домъ ея считался школою хорошаго тона въ Европѣ. Станиславъ Понятовскій, образецъ галантныхъ рыцарей того времени, будучи уже королемъ польскимъ, называлъ Жоффренъ нѣжнымъ именемъ „maman", пригласилъ ее въ Варшаву, гдѣ принималъ, какъ знатную особу; даже Марія Терезія приняла ее съ великими почестями. На писателей Жоффренъ смотрѣла какъ на средство блистать въ обществѣ и прославлять Францію въ Европѣ. Каждый понедѣльникъ она давала обѣдъ, хотя сама мало понимала въ искусствѣ и наукѣ. При внѣшнемъ невѣріи, служившемъ приманкой для тогдашняго общества, она тайно отправлялась молиться въ потаенную комнату въ женскомъ монастырѣ. Изъ тѣхъ лицъ, посѣщавшихъ Тансенъ, у Жоффренъ собирались всѣ известные люди изъ школы Вольтера и сначала даже Ж. Ж. Руссо. Гельвецій, выпустивши въ свѣтъ свое соч. „De l'esprit", заботился о томъ, какъ оно будетъ принято г-жею Жоффренъ — вѣрнымъ термометромъ литературнаго успѣха (Сб. Р. И. О. I, 253). Министръ Кауницъ являлся умнымъ и веселымъ собесѣдникомъ какъ въ Версали, такъ и въ салонѣ Жоффренъ. Здѣсь бывали также аббатъ Гальяни, Караччіоли, гр. Крейцъ, шведскій посланникъ и др. Руссо вскорѣ оставилъ ея салонъ, а сама Жоффренъ подъ конецъ возвратилась къ своимъ стариннымъ вѣрованіямъ, прекративъ всякія сношенія съ главами новой литературной школы.

Третій салонъ принадлежалъ г-жѣ Дю-Деффанъ, въ молодости привлекавшей къ себѣ любовь регента, а въ зрѣлыхъ лѣтахъ обратившейся къ литературѣ. Ее посѣщалъ кружокъ Вольтера, а также президентъ Эно, д'Аламберъ; изъ иностранцевъ Горасъ Вальполь (потомъ министръ въ Англіи); съ нимъ и съ Вольтеромъ она вела постоянную переписку. Бесѣда вращалась преимущественно на философіи. Вмѣстѣ съ своею неразлучною подругою, герцогинею Люксамбургскою, Дю-Деффанъ принимала отъ всѣхъ писателей и ученыхъ, вельможъ и знатныхъ иностранцевъ. Императоръ Іосифъ удостоилъ ее своимъ посѣщеніемъ. Потерявъ зрѣніе и состояніе, она поселилась въ зданіи одного монастыря и, чтобы придать своимъ собраніямъ большую жизнь, пригласила къ себѣ бѣдную дѣвицу л'Эспинасъ, отличавшуюся живостью и любезностью. Вскорѣ между ними произошелъ разрывъ, возбудившій вниманіе европейскаго общества. Въ Парижѣ образовалось два законодательныхъ трибунала, декреты которыхъ, посредствомъ писемъ, распространились по всей Европѣ. Вальполь, Эно, Монтескьё и Вольтеръ остались вѣрны Дю-Деффанъ; д'Аламберъ перешелъ къ Эспинасъ, на возникновеніе кружка которой въ Парижѣ смотрѣли, какъ на учрежденіе новой Академіи для высшаго европейскаго образованія. Герцогиня Люксембургская дала ей помѣщеніе; а министръ, герцогъ Шуазель выхлопоталъ ей у короля пенсію. Салонъ л'Эспинасъ сталъ главнымъ пунктомъ философскихъ реформаторовъ, среди которыхъ царили д'Аламберъ и Дидро. Представитель школы экономистовъ, впослѣдствіи министръ, Тюрго также входилъ въ этотъ кружокъ смѣлыхъ мыслителей, извѣстныхъ потомъ подъ именемъ энциклопедистовъ.

Салонъ д'Эпинэ, жены богатаго откупщика, сдѣлался центромъ, гдѣ обсуждались литературныя мнѣнія, перехватившія потомъ-

въ знаменитую корреспонденцію Гримма. Въ ея „Эрмитажей" въ Париже Руссо написалъ нѣкоторыя изъ своихъ произведеній (Новую Элоизу), а Гриммъ сдѣлался потомъ самымъ близкимъ къ ней человѣкомъ (Гриммъ и г-жа д'Эпинэ, Рус. Арх. 1878 г. II. ст. Грота). Она оставила мемуары и conversations d'Emilie (1774 г.), такъ часто упоминаемые потомъ Екатериною II въ ея письмахъ. Для полнаго представленія этого движенія слѣдуетъ еще присоединить собранія у г-жи Поплиньеръ, у генер. откупщика Пельтье. Нѣсколько позже баронъ Гольбахъ и Гельвецiусъ стали принимать за своимъ роскошнымъ столомъ всѣхъ, которые открыто объявили войну старому порядку вещей. Здѣсь бывалъ и Гриммъ, знаменитый своею многотомною перепискою, представляющею, такъ сказать протоколы всего важнаго и мелкаго, что только занимало тогда большой свѣтъ Европы.

Распространеніе новыхъ идей. Вліяніе женщинъ. Театръ служилъ проводникомъ тѣхъ же идей, но часто подъ покровомъ классическаго сюжета или отдаленнаго намека. Въ теченіе всей первой половины XVIII ст. не существуетъ еще ни политической, ни соціальной оппозиціи; но энциклопедисты съ одной стороны, а парламентаристы - съ другой подаютъ сигналъ къ этой послѣдней. „Около 1750 г., говоритъ Вольтеръ, нація, пресытившись стихами, трагедіями, комедіями, романами, операми... принялась разсуждать о хлѣбѣ." Рѣчь Руссо о неравенствѣ (1753 г.) извѣстный трудъ Кенэ (Tableau économique 1758 г.) заинтересовываютъ общество и салоны, открываютъ свои двери политической философіи, дѣятелями которой являются Руссо, Мабли, Гольбахъ, Рейналь и Дидро. Въ 1762 г. появился цѣлый потокъ политическихъ памфлетовъ, брошюръ, диссертацій; на сцену выступаютъ разсужденія о финансовыхъ и правительственныхъ вопросахъ. Въ обыкновенномъ разговорѣ появляется новое слово - названіе гражданина, введенное въ употребленіе Руссо. Жен-

щины въ своей корреспонденціи становятся распространительницами новыхъ мнѣній. Г-жа Эгмонтъ, желая помочь бѣдному люду, совѣтуетъ Густаву III засадить Далекарлію картофелемъ, а когда появляется эстампъ, выпущенный въ пользу семейства Каласовъ, сдѣлавшагося жертвою религіознаго фанатизма и жестокосердія суда, то вся Франція и даже вся Европа, и въ томъ числѣ Екатерина II, спѣшатъ принять участіе въ подпискѣ. Разговоръ о земледѣліи, о политической экономіи, о реформахъ и философіи, пишетъ Вольтеръ, считается разговоромъ хорошаго тона даже при дворѣ. Общество забываетъ различіе половъ, религіи и общественнаго положенія въ собраніяхъ, подвергая критикѣ мнѣнія и факты. Англійская философія и литература, такъ много содѣйствовавшія возникновенію независимости французской мысли, дали своихъ представителей въ этихъ собраніяхъ - Юма, Гиббона, Стерна, Пристлея; здѣсь побывали и итальянскіе ученые - Беккарія, Верри и аббатъ Гальяни, секретарь неаполитанскаго посольства, совершенный скептикъ, не смотря на свой санъ. Тотъ-же тонъ сообщается и внѣ Франціи, поклонникамъ ея образованности: „Никогда и ни въ какомъ другомъ мѣстѣ на свѣтѣ не говорили съ такою свободою о всѣхъ людскихъ суевѣріяхъ", говоритъ Вольтеръ объ ужинѣ у Фридриха II. Хотя самъ Вольтеръ былъ строгій деистъ, а въ отношеніи мнѣній народа стоялъ даже на консервативной точкѣ зрѣнія, но, вслѣдъ за нимъ, и эти уступки не удовлетворяютъ болѣе. Одна изъ новообращенныхъ дамъ сказала Вальполю о Вольтерѣ: „это ханжа, вѣдь онъ деистъ". Въ половинѣ 70-хъ годовъ одинъ путешественникъ, по возвращеніи во Францію, замѣтилъ, что вещи, говорившіяся прежде въ салонахъ, повторяются теперь на улицахъ. Писатели, вышедшіе изъ народа (Вольтеръ - сынъ нотаріуса, Дидро - ножевщика, Руссо - часовщика, д'Аламберъ - подкидышъ, воспитанный стекольщикомъ,

Бомарше - часовщика, Лагарпъ - воспитанный на счетъ благотворительности, Мармонтель - сынъ сельскаго портного и др.) способствуютъ распространенію этихъ мнѣній и уничтоженію сословныхъ преградъ. Женщины играютъ при этомъ замѣтную роль. Вольтеръ свою метафизику и опытъ о нравахъ пишетъ для г-жи Дю-Шатле, Руссо своего Эмиля - для г-жи д'Эпинэ, Кондильякъ - разсужденіе объ ощущеніяхъ по мысли дѣвицы Ферранъ; сочиненія Дидро представляютъ или бесѣды женщинъ съ д'Аламберомъ или адрессованы къ женщинамъ и т. п. Точно также, какъ въ эпоху возрожденія, женщинами овладѣваетъ страсть къ наукамъ и литературѣ; Въ кабинетѣ модной дамы (1782) можно было найти рядомъ съ алтаремъ, посвященнымъ благотворительности или дружбѣ, словари по естествознанію и учебники физики и химіи. Снимая съ себя портретъ, она требуетъ снять ее сидящей въ лабораторіи, посреди астролябій и телескоповъ. Когда Руэль предпринялъ рядъ опытовъ, съ цѣлью расплавить и улетучить алмазъ, то на этихъ опытахъ присутствовали нѣкоторыя маркизы и графини. Постоянные посѣтители салоновъ образуютъ общество въ 25 чел., чтобы прослушать курсъ физики или химіи, минералогіи или ботаники. Пріятельница Вольтера, маркиза Дю-Шатле, въ 15 лѣтъ читала уже по латыни Виргилія, занималась съ нимъ въ физической лабораторіи, изучала математику подъ руководствомъ такихъ знаменитостей, какъ Мопертюи, Бернулли, Клеро. Въ 1786 г. для женщинъ открываются двери Collège de France. Онѣ посѣщаютъ лекціи по анатоміи; принимаютъ участіе въ политикѣ.

Понятно, какую значительную силу должно было получить теперь общественное мнѣніе въ Парижѣ и во Франціи. Большинство иностранцевъ, говоритъ Неккеръ (въ 1784 г.) съ трудомъ можетъ составить себѣ даже приблизительную идею о той власти, которою пользует-

ся въ настоящее время во Франціи общественное мнѣніе". Къ этому мнѣнію считали необходимымъ уже прислушиваться во всей Европѣ, въ дѣлѣ литературы и науки (Шлоссеръ, ист. XVIII ст. т. I и II; Ист. франц. лит. XVIII ст. Гетнера; Происхожд. обществ строя современной Франціи, Ип. Тэна; Обертенъ; l'esprit public au dix-huitième siècle. Вольтеръ, его жизнь и сочиненія В. Ѳ. Корша, Вѣстн. Европы, 1880, № 10, 11 и 12). По примѣру парижскихъ салоновъ, открываются салоны и въ Вѣнѣ.[1)]

Французское вліяніе въ Россіи при Елисаветѣ Петровнѣ. Россія не осталась въ сторонѣ отъ вліянія идей современной философіи и литературы. Со вступленіемъ на престолъ Елисаветы Петровны, нѣмецкое вліяніе при русскомъ дворѣ замѣняется французскимъ. Молодые люди, находившіеся за границей со времени Петра В., подлаются вліянію новыхъ литературныхъ вкусовъ. Люди, приближенные при Елисаветѣ, вмѣстѣ съ французскими модами, усваиваютъ французскіе нравы и языкъ. При ней множество французовъ были въ обѣихъ столицахъ въ качествѣ гувернеровъ и гувернантокъ, такъ что это вызвало даже постановленіе о предварительномъ испытаніи ихъ при Академіи Наукъ и университетѣ. Русскій посланникъ въ Парижѣ, кн. Кантемиръ, вращаясь въ литературномъ мірѣ, сообщаетъ парижскія новости, пріобрѣтаетъ книги для Воронцова (Арх. Воронц. т. I). Племянница послѣдняго, княг. Дашкова, могла воспользоваться библіотекою другого любимца Елисаветы — И. И. Шувалова, для изученія французскихъ писателей. Изъ тогдашнихъ мемуаровъ русскихъ можно видѣть большую наклонность къ чтенію вообще, а люди, побывавшіе за границею, становились даже вольнодумцами. Уже въ 1746 г. Вольтеръ, въ своей вступительной рѣчи въ Академіи Наукъ, воздавалъ похвалу прусскому королю (Фридриху II), говорившему и писавшему по-французски, какъ на своемъ родномъ языкѣ, его сестрѣ — шведской королевѣ, папѣ Бенедикту XIV и русской

1) Желая доказать способность женщинъ къ высшему образованію Шлецеръ добился, что дочь его Доротея выдержала экзаменъ на доктора математики.

императрицѣ, какъ покровительницѣ французской рѣчи и вкуса (Вѣст. Евр. 1880 г. № 11, 193). Гр. А. Р. Воронцевъ переписывался съ Вольтеромъ (Воронц. Арх. 1760-69), И. И. Шуваловъ — съ Вольтеромъ и Гельвеціемъ (біографія Шувалова, Бартенева въ Рус. Бесѣдѣ)[1]. Тотъ же Шуваловъ приглашаетъ въ Москву французскихъ профессоровъ. Гр. К. Разумовскій и А. Р. Воронцовъ учатся въ Парижѣ, а послѣдній даже вступаетъ на время въ королевскій полкъ; Делиль приглашается въ Академію Наукъ, въ Петербургъ, гдѣ основывается также французскій театръ (подъ дирекціей Серины, съ субсидіей въ 100,000); при академіи переводятся военныя сочиненія Вобана, исторія Роллена, Телемакъ. Эта склонность въ пользу французскаго просвѣщенія была общею въ то время въ Европѣ; французское воспитаніе, языкъ и литература брали вездѣ верхъ, послѣ многочисленныхъ переселеній французовъ изъ отечества со времени уничтоженія нантскаго эдикта (Рус. Арх. 1877, II, 270). Въ это время слава Вольтера была уже настолько распространена по Европѣ, что не смотря на религіозность императрицы Елисаветы, ему удается попасть въ почетные члены Академіи Наукъ. Послѣ этого онъ сталъ хлопотать уже о дозволеніи ему со стороны русскаго правительства написать исторію Петра В. и просилъ сообщить для этого необходимые источники. Бестужевъ, не благосклонно относившійся къ Франціи, заявилъ, что это дѣло лучше поручить Академіи Наукъ, а не иностранцу. Вольтеръ желалъ также самъ пріѣхать въ Петербургъ. Однако оба его желанія были отклонены гр. Разумовскимъ. Но обстоятельства совсѣмъ измѣнились, когда вліятельнымъ лицомъ при Елисаветѣ сдѣлался Шуваловъ, горячій приверженецъ французской литературы. Съ его содѣйствія, въ 1757 г. Вольтеръ сталъ писать исторію Петра В. но когда явилась необходимость выслать ему матеріалы для этого труда, то со стороны Ломоносова послѣдовалъ протестъ. Онъ заявилъ, что хотя къ это-

1) Существуетъ переписка Вольтера съ Разумовскимъ и Тепловымъ.

му дѣлу никто не можетъ быть способнѣе Вольтера, но, во первыхъ, онъ человѣкъ опасный и обнаружилъ въ отношеніи высокихъ особъ худые примѣры своего характера (вѣроятно Ломоносовъ разумѣлъ его отношения къ Фридриху II), а во вторыхъ, что массу матеріаловъ придется сначала переводить на французскій языкъ, а это потребуетъ очень много времени. Ломоносовъ предлагалъ, чтобы Вольтеръ составилъ предварительно планъ своего труда, который сообщилъ бы въ Академію, послѣ чего историческіе матеріалы можно было бы высылать ему по частямъ въ переводѣ на французскій языкъ. Онъ предлагалъ въ его распоряженіе всѣ записки, собранныя имъ самимъ, и прибавлялъ даже, что „ускореніе этого дѣла для престарѣлыхъ лѣтъ Вольтера весьма надобно". Матеріалы посылались Вольтеру далеко не всѣ. Миллеръ отклонилъ пересылку ему дипломатическихъ бумагъ, но Ломоносовъ, напротивъ, составлялъ разныя извлеченія, которыя предварительно отправлялись на просмотръ Шувалову, послѣ чего ихъ переводили на французскій языкъ. Первый томъ исторіи Петра В. появился въ 1759 г., но она не удовлетворила слишкомъ преувеличенныхъ ожиданій въ Петербургѣ. Автора ея упрекали за краткость и пренебреженіе многими изъ сообщенныхъ ему свѣдѣній, но, тѣмъ не менѣе, его щедро одарили шубами. Фридрихъ II, такъ много терпѣвшій отъ участія русскихъ войскъ въ 7-лѣтнюю войну, выражалъ свое удивленіе Вольтеру, „что онъ взялся писать исторію волковъ и медвѣдей сибирскихъ. „Я не буду читать исторіи этихъ варваровъ, прибавлялъ онъ, мнѣ бы даже хотѣлось вовсе не знать, что они живутъ на этомъ полушаріи". Вольтеръ, напротивъ, подсмѣивался надъ его негодованіемъ въ письмахъ къ д'Аламберу, замѣчая впрочемъ, они вели себя въ Берлинѣ „людьми очень благовоспитанными". Есть осно-

віе предполагать, что Вольтеръ преслѣдовалъ въ этомъ случаѣ свои цѣли; онъ надѣялся, при посредствѣ Елисаветы, возвратиться снова въ Парижъ, и потому, узнавъ о смерти Елисаветы, заявлялъ даже, что „потерпѣлъ отъ этого чрезвычайно большую потерю". (Исторія Акад. Наукъ, Пекарскаго, т. I и II, Гр. Г. Миллеръ, Соловьева, Современникъ, 1854, № 10; Beuchot, Oeuvres complètes de Voltaire, LIX, 110, 137, 155). Вскорѣ, однако, онъ нашелъ себѣ болѣе вѣрнаго союзника въ дѣлѣ распространенія своихъ идей среди „волковъ и медвѣдей". Это торжество наступило для него со вступленіемъ на престолъ Екатерины II.

Мнѣнія о личности Екатерины II. И современники, и потомки, когда говорятъ о Екатеринѣ II, даютъ самыя противоположныя заключенія о ея характерѣ и политикѣ. Въ донесеніяхъ иностранныхъ пословъ она представляется, съ одной стороны, въ своей дѣятельности неутомимою, въ высшей степени просвѣщенною, пекущеюся о благѣ подданныхъ и величіи Имперіи; съ другой стороны, — дѣйствующею преимущественно подъ вліяніемъ личныхъ симпатій къ любимцамъ, постоянно занятою безпредѣльными замыслами, въ которыхъ личная слава искусно прикрывается общимъ благомъ, а прочные союзы и общія цѣли не считаются обязательными (Сборн. т. XII, XIX, XXII, La cour de Russie il y a cent ans, донесенія лорда Мальмсбюри въ Рус. Арх. и др.). Конечно всѣ эти отзывы носятъ на себѣ отпечатокъ данной минуты, или извѣстныхъ дипломатическихъ отношеній, успѣхъ и неуспѣхъ которыхъ нерѣдко колебались съ каждымъ днемъ, что естественно отражалось на донесеніяхъ того или другаго лица, спѣшившаго увѣдомить свой дворъ о происшедшей перемѣнѣ въ воззрѣніяхъ императрицы, одно слово которой, произнесенное въ извѣстномъ тонѣ, приводило въ восторгъ однихъ или повергало въ уныніе другихъ.

Такимъ образомъ въ самыхъ отзывахъ одного и того же лица встрѣчаемъ рядъ мнѣній, основанныхъ на такихъ поспѣшныхъ заключеніяхъ. При этомъ необходимо имѣть въ виду, что при дворѣ шла неустанная дипломатическая борьба, въ которой успѣхъ одного представителя вызывалъ неудовольствіе въ другомъ. Вѣкъ просвѣщенія, давшій такъ много аргументовъ въ руки правителей въ защиту угнетенныхъ и для осуществленія такъ называемаго человѣческаго счастья, о которомъ одинаково мечтали тогда и философы, и правители, предоставилъ вмѣстѣ съ тѣмъ своимъ адептамъ множество средствъ, которыми они пользовались часто для иныхъ цѣлей, прикрытыхъ прекрасными желаніями, а нерѣдко и пышными фразами. Извѣстны также тѣ богатвореня, какими проникнуты произведенія Державина, относящіяся къ Екатеринѣ, но тотъ же Державинъ иначе относится къ ней въ своихъ запискахъ, когда говоритъ о ней по своимъ личнымъ, офиціальнымъ отношеніямъ. Особенно осторожно слѣдуетъ относиться къ отзывамъ иностранцевъ: отъ какой нибудь любезной записочки Екатерины приходили въ восторгъ даже энциклопедисты, не пользовавшіеся кредитомъ въ своей странѣ. Въ Россію наѣзжали цѣлыя толпы иностранцевъ, чтобы поклониться или найти пріютъ у очага Екатерины II, покровительствовавшей эмигрантамъ. Нѣмецкій историкъ Россіи, Германъ, считаетъ Екатерину женщиной холодной, черствой, чуждой какихъ либо высокихъ стремленій, искавшей одной славы, не разбиравшей при этомъ средствъ, какими она достигалась. Зибель почти согласенъ съ этимъ приговоромъ; Шлоссеръ не можетъ одобрить ее за тѣ блестящія качества, которыми поражали въ то время женщины вообще, какъ Сталь и Жанлисъ, за политику Макіавелли, которой придерживались нерѣдко философы на тронѣ, за послѣдованіе мате-

ріалистической философіи Дидро, принципами которой они руководились въ частной жизни. Но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ сознаетъ, что Екатерина сумѣла понять требованія націи и осуждаетъ Петра III за недостатокъ дальновидности, такта, даже чувства приличія въ отношеніи къ странѣ. Въ послѣднее время иностранные историки, познакомившіеся ближе съ источниками русской исторіи и русскими матеріалами относятся къ ней гораздо объективнѣе и благосклоннѣе (Жоффре Ист. царст. Екатерины II, 2 тома, Парижъ, 1860; Рамбо, Revue des deux mondes, 1874, 1 февр.). Безъ сомнѣнія подобныя противорѣчія во многомъ объясняются субъективными воззрѣніями самихъ авторовъ. Но не послѣднюю р[оль] играютъ здѣсь также и національныя симпатіи, сложившіяся подъ вліяніемъ послѣдующихъ фактовъ и отношеній. Екатерина вполнѣ принадлежала своему вѣку; въ ней отразились его достоинства и недостатки. Изъ нихъ сложился ея личный характеръ, а въ немъ мы найдемъ, пожалуй, всѣ тѣ качества, какія мы указали выше, но которыя она должна раздѣлить и съ другими своими современниками.

Воспитаніе Екатерины II. Напомнимъ нѣкоторыя общія черты ея біографіи.

Екатерина (род. 21 апр. ст. ст. 1729 г., въ Штетинѣ) вступила на престолъ 33 лѣтъ, изъ которыхъ 18 лѣтъ она провела въ Россіи. Отецъ ея, служившій въ прусской арміи, не пользовался никакимъ значеніемъ, а мать, по отзыву самой Екатерины, была женщина тщеславная, неуживчивая; она не любила жить на мѣстѣ и, переѣзжая изъ одного города въ другой, не заботилась о воспитаніи своей дочери. Поэтому Екатерина воспитывалась на рукахъ у бабушки въ Гамбургѣ, причемъ не разъ мѣняла свою резиденцію - Брауншвейгъ, Киль, Берлинъ, а это много содѣйствовало развитію въ ней

[illegible] и мечтательности. Въ Штетинѣ, гдѣ жилъ ея отецъ въ званіи коменданта (потомъ губернатора), воспитаніе Екатерины [illegible] подъ руководствомъ французовъ и француженокъ, [illegible] послѣ уничтоженія нантскаго эдикта (Людовикомъ XIV). Подъ ихъ вліяніемъ и при господствѣ тогда въ Европѣ французскаго просвѣщенія – французская литература заняла въ ея образованіи преимущественное значеніе. Екатерина отлично [illegible] французскій языкъ. Ея учитель письма (Лоранъ), [illegible] презиралъ Лютера и нѣ[illegible], составлявшихъ отраду для ея [illegible] „а Кривотолкъ", замѣчаетъ Екатерина о себѣ, по своему принималъ все то, что ему восхваляли[1]. Въ бытность же [illegible], шведскій посолъ Гилленборгъ замѣтилъ уже, что [illegible] Екатерины развита не по лѣтамъ и имѣетъ философскій умъ.[2] Спустя нѣсколько времени, онъ видѣлъ уже ее въ Россіи и [illegible] наставленіе читать серьезныя книги, именно жизнеописанія Плутарха, біографію Цицерона, соч. Монтескье: [illegible] и паденія Рима", которыя съ трудомъ были найдены въ Петербургѣ и прочтены ею.[3] Но когда она стала читать сочиненія Вольтера, то романы перестали болѣе интере-

---

1) Екатерина [illegible] не симпатизировала Лютеру. Въ послѣдствіи она [illegible] Лютеръ былъ неучъ, неспособный научить, который [illegible] и [illegible] на кончикъ пера, чтобы дать ему какое нибудь [illegible] и т. п." (Рус. Арх. 1878, III, стр. 12, 16, 20, 27).

2) Она росла и развивалась не по лѣтамъ, замѣчаетъ Фридрихъ II, когда ей было 14 лѣтъ и онъ предложилъ ее въ невѣсты Петру Ѳедоровичу. Съ этого времени она [illegible].

3) [illegible] прислалъ ей каталогъ библіотеки

совать ея. Подъ вліяніемъ Гилленборга, она составила собственный очеркъ „Портретъ философа въ 15 лѣтъ", на который ея менторъ сдѣлалъ замѣчаніе въ 12 листовъ, стараясь „укрѣпить въ ней возвышенный духъ и другія качества ума и сердца". И это разсужденіе, говоритъ она, много способствовало и тому, и другому. Она читала Бэйля и Скаррона, Монтеня, Мольера и Корнеля, любимцемъ ея былъ также авторъ Жиль-Блаза (Лесажъ) - писатели, въ которыхъ можно было найти всю соль стариннаго французскаго остроумія (Древн. Рос. 1880 г., № 4, 337). Подъ вліяніемъ писемъ Севинье она усвоила себѣ литературную легкость изложенія и игривость тона, которыми такъ отличаются собственныя письма Екатерины. Ко этимъ она обязана была вообще французской литературѣ, облекавшей тогда въ общедоступную форму самые возвышенные и запутанные вопросы мышленія. Вотъ интересное признаніе ея Вольтеру, высказанное уже во второй годъ ея царствованія: „Могу васъ увѣрить, писала она, когда я стала располагать своимъ временемъ, я чрезвычайно много вамъ обязана. До того я читала одни романы, но случайно мнѣ попались ваши сочиненія. Съ тѣхъ поръ я не переставала ихъ читать и не хотѣла никакихъ книгъ, писанныхъ не такъ хорошо и изъ которыхъ нельзя извлечь столько же пользы. Но гдѣ ихъ найти? И такъ я возвращаюсь къ этому первому возбудителю моего вкуса и виновнику моихъ самыхъ дорогихъ развлеченій. Конечно, если у меня есть какія нибудь свѣдѣнія, то я ему одному обязана". (Сборн. рус. ист. общ. т. VII; потомъ она высказывала это другимъ, ibid т. XXVII). Далѣе изъ ея записокъ мы узнаемъ, что, во время разныхъ увеселеній и разъѣздовъ двора при Елисаветѣ, она зачитывалась надъ жизнью Генриха IV, всегда счи-

---

гокнижнаго магазина, находившагося при Академіи Наук. Ак. Н., Пекарскаго, I, 513.

1) Екатерина писала Вольтеру въ 1773 г.: „Дидро и Гриммъ могутъ засвидѣ-

тавшагося образцомъ хорошаго политика; читаетъ соч. Перифакса, Брантома, описавшаго нравы притворнаго общества Франціи 2ой половины XVI в., исторію Германіи; отца Барри (9 т.), соч. Платона, весь словарь Бэйля, всемірную исторію Вольтера, два огромныхъ тома церковныхъ лѣтописей Баронія въ русскомъ переводѣ, Духъ законовъ, Монтескье, лѣтописи Тацита. Послѣднее сочиненіе, по ея же словамъ, произвело въ ея умѣ страшный переворотъ. Но образованіе Екатерины носило на себѣ разсудочный характеръ: область искусства и музыки были ей чужды, какъ это мы замѣчаемъ и на другихъ женщинахъ того времени (Переписка съ Жофференъ и разсказы Львовой; Рус. Стар. 1880 г., № 9, 200)[1]. Въ ея умѣ совмѣщалась масса теоретиче-

---

тельствовать вамъ, какъ высоко я уважаю Генриха IV, Генріаду и автора многихъ другихъ сочиненій, составляющихъ славу нашего вѣка" Соч. Дидро, 18 в. т. I, 286.

1) Стихи ей неудаются (Письма и бумаги Екатерины II, изд. Бычковымъ, Спб. 1873 г, Рус. Арх. 1877 г, II, 403). „До смерти хотѣлось бы слушать и любить музыку, но что я ни дѣлаю, для меня это шумъ и больше ничего. Мнѣ хочется послать въ ваше новое медицинское общество премію въ пользу того, кто изобрѣтетъ дѣйствительное средство отъ нечувствительности слуха къ гармоніи звуковъ", пишетъ она Гримму. Она отдавала преимущество веселой итальянской музыкѣ. (Переписка съ Грим. Грота, 87–88). При всей серьезности ума, императрица любила забавляться на досугѣ: по вечерамъ она играетъ въ жмурки съ своимъ сыномъ (письма къ Бельке; Сб. рус. ист. общ. и Рус. Арх. 1877, II, 277). „Трагедіи ей не нравятся, а комедіи ее утомляютъ, пишетъ о ней франц. посолъ; она не любитъ музыку; ея столъ не отличается изысканностью. Въ садахъ она заботится только о розахъ; вкусъ свой она любила проявлять исключительно въ устройствѣ и великолѣпіи своего двора. Ея стремленіе къ самостоятельному управленію своимъ царствомъ и желаніе сдѣлаться великою монархинею въ глазахъ вселенной было у нея не простымъ капризомъ, но

скихъ вопросовъ — политическаго, религіознаго и нравственнаго характера, возбуждавшихъ работу мысли и находившихъ [illegible] ихъ въ немъ. Но она поступала какъ настоящій политикъ, сообразуя средства съ цѣлями и даннымъ положеніемъ вещей, а этому весьма много содѣйствовало ея положеніе при Елисаветѣ Петровнѣ и Петрѣ III, когда лишнее слово или прямой шагъ могли ее сгубить. Придворныя интриги, вліяніе фаворитовъ, [illegible], такъ или иначе проявлявшіяся и отражавшіяся на ея положеніи заставляли ее приводить въ согласіе съ ними свой естественный образъ мыслей, примѣняясь къ обстоятельствамъ и ведя иногда тайную борьбу. Подъ вліяніемъ этихъ условій сложились, безъ сомнѣнія, нѣкоторыя нравственныя черты въ характерѣ, какъ опасеніе за свои права и недовѣріе къ окружающимъ ([illegible] ея, [illegible] Форстеромъ, Галле, 1797; Rebigk, Katharina d. II, Brautreise nach Russland. Schlözer, Friedrich d. Gr. und Katharina d. II; Гротъ, Др. Рос. 1875, № II, Документы [illegible] пребыванія ея въ Россіи, XVIII вѣкъ, Бартенева; т. I).

Отношенія къ Россіи и ея изученіе. Взглядъ на народъ. Первымъ пробнымъ камнемъ для ея совѣсти и мысли былъ, безъ сомнѣнія, религіозный вопросъ — принятіе православія, какъ неизбѣжное слѣдствіе выбора въ невѣсты наслѣдника престола (хотя при Петрѣ В. его невѣстка, принцесса Шарлотта до конца жизни оставалась протестанткою). Отецъ Екатерины, строгій протестантъ, не могъ примириться съ этою мыслью, въ ней самой это было [illegible] осложненнымъ кризисомъ. Хотя еще въ концѣ января 17?? г. она писала отцу

непосредственною всепожирающею ее [illegible] (Р. Ст. 1880 [illegible], 236). Впрочемъ, въ своей перепискѣ она не разъ говоритъ о любви къ [illegible] (въ англ. [illegible]) и о вывозѣ коллекцій картинъ изъ-за границы (Сб. Р. И. О. XXIII, 214, 267, 238, 256). Въ ея покояхъ стояли бюсты древнихъ и новыхъ знаменитостей въ области мысли и слова (Рус. Арх. 1879 I, 206.

ну, что „сѣмена ея религіи останутся неприкосновенными, но затѣмъ она пишетъ, что надѣется скоро разсѣять заблужденія, въ которыя введенъ отецъ касательно этого главнаго пункта, что внѣшніе лишь обряды очень различны, а въ началѣ мая уже увѣдомляетъ, что, не находя никакой почти разности между вѣрами греческой и лютеранской, она рѣшила перемѣнить исповѣданіе и обѣщаетъ прислать ему символъ вѣры. (Сборн. VII, 1-4). Вслѣдъ за тѣмъ она вполнѣ входитъ въ свою новую роль. При Елисаветѣ, преданной набожности, она строго выполняетъ всѣ обряды, хотя въ душѣ относится къ нимъ критически, какъ и слѣдовало ожидать отъ поклонницы Бэйля и Вольтера. Въ письмѣ къ Жоффрень (1766 г.) Екатерина говоритъ, что въ молодости она предавалась богомольству, ибо нѣсколько лѣтъ назадъ (при Елисаветѣ) надо было быть тѣмъ или другимъ, чтобы быть въ извѣстной степени на виду; но что она никогда не лицемѣрила и что теперь богомоленъ только тотъ, кто того хочетъ, такъ какъ никому не мѣшаютъ дѣйствовать какъ угодно.... (Сборн. I, 282).

Елисавета Петровна, такъ много содѣйствовавшая пробужденію національнаго чувства въ Россіи, послѣ продолжительнаго торжества нѣмецкой партіи, старалась пересоздать и будущую императрицу Россіи на русскій ладъ. Съ первыхъ дней прибытія ея въ Россію, ее окружаютъ русскія камерфрау, русскій штатъ и прислуга. Екатерина пользуется и этимъ обстоятельствомъ. Въ разсказахъ граф. Румянцовой и Владиславлевой, своей камерфрау, она почерпаетъ множество свѣдѣній о быть русскаго двора за нѣсколько поколѣній, узнаетъ родословныя русскихъ фамилій, русскіе нравы и обычаи. Она перечитала много церковно-славянскихъ книгъ (Порошинъ, 408, Сумароковъ, I, 12). Благодаря такому внимательному отношенію къ своему положенію, она усвоила народную рѣчь, русскія пословицы и пѣсни, которыми она пользовалась такъ

умѣстно потомъ въ своей литературной дѣятельности (Др. Рос. Гротъ 1875 г. II, ср. ея записки). Къ этому, также много содѣйствовалъ и тотъ контрастъ, который представляла она съ великимъ княземъ. Чѣмъ болѣе онъ предавался своимъ голштинскимъ интересамъ, нѣмецкимъ нравамъ, идеализируя Фридриха II, тѣмъ болѣе Екатерина щеголяла своею русскою рѣчью и знакомствомъ съ Россiей. Спустя 10 лѣтъ по прибытiи ея въ Россiю, англiйскiй посолъ Вильямсъ, въ письмѣ своемъ, говоритъ, что съ самаго прiѣзда ея въ новую страну, она всѣми зависѣвшими отъ нея средствами старалась прiобрѣсть любовь русскихъ, прилежно училась ихъ языку, который усвоила, какъ говорятъ, превосходно[1]; что она постоянно изучала и изучаетъ русское государство и что такъ сумѣла себя поставить, что ея даже боятся и тѣ, которые стоятъ близко къ императрицѣ, ищутъ случая угодить великой княгинѣ (Записки, II, 295, [illegible] (68)). Причину такого вниманія Екатерина объясняетъ такъ: „Я со всѣми обращалась какъ можно лучше и поставила себѣ задачею пріобрѣсти дружбу, или по крайней мѣрѣ уменьшить вражду тѣхъ, кого можно подозрѣвать въ недоброжелательствѣ къ себѣ. Я не обнаруживала предпочтенія ни въ какую сторону, ни во что не вмѣшивалась, показывала всегда ясный видъ, много предупредительности, вниманія и учтивости ко всѣмъ... Я оказывала большое почтеніе къ моей матери, безпредѣльную покорность императрицѣ, глубокое уваженіе къ великому князю и прилагала величайшее стараніе снискать любовь публики". Замѣчательно, что совершенно такого же способа обращенія Екатерина требовала потомъ отъ сво-

---

1) Впрочемъ, хотя Екатерина усердно занималась русскимъ языкомъ, она никогда не говорила вполнѣ правильно по-русски, какъ и по-нѣмецки. Только французскимъ языкомъ она владѣла въ совершенствѣ, но и на немъ не писала строго

ей нѣмецкая: она совѣтовала ей уваженіе не только къ вел. князю, но и ко всей націи, которая издавна не любитъ никакого лицемѣрія и всего, что сюда относится (Сбор. XIII, 323). Въ другомъ наставленіи она ей [illegible] совѣтуетъ „сообразоваться съ обычаями націи и [illegible] основательно говорить на языкѣ этой обширной монархіи"... (ib. 38). На привѣтственную рѣчь англійскаго посланника, Букингама, сказанную на англійскомъ языкѣ, Екатерина отвѣчала по-русски ([illegible] XII, стр. VIII). Безъ сомнѣнія эти требованія [illegible] также въ духѣ самой эпохи просвѣщенія, которая признавала необходимымъ для правителей — сообразоваться съ „умонастроеніемъ народа", о чемъ такъ много говоритъ и Екатерина въ своихъ запискахъ и законодательныхъ планахъ.

Такимъ [illegible] русскому является Екатерина II. Въ ея царствованіе впервые являются изданными русскія лѣтописи въ большомъ количествѣ; благодаря ей стала возможною въ Академіи дѣятельность Шлецера; Миллеру были открыты сокровища московскаго архива иностранныхъ дѣлъ; она дала возможность Щербатову приступить къ составленію Исторіи Россіи; при ней могли возникнуть такія историческія изданія, какъ Новикова и Голикова; по ея желанію Стриттеръ извлекаетъ изъ византійскихъ историковъ все, что относится къ славянамъ и Россіи; она поручаетъ разобрать кабинетныя дѣла Петра В., сообщаетъ матеріалы для исторіи Петра В. Вольтеру; ищетъ свѣдущаго иностранца для составленія русской исторіи. Въ то время, какъ до нея даже въ учебныхъ заведеніяхъ изучалась специально нѣмецкая исторія (напр. въ кадетскомъ корпусѣ при Аннѣ Ивановнѣ), а рус-

---

орѳографически (Рус. Арх. 1877, II, 286), чѣмъ страдали въ то время и Жоффренъ ([illegible] т. I), и аристократія вообще (Шлоссеръ, т. II.)

ская даже въ университетѣ излагалась въ связи съ всеобщею, Екатерина хлопочетъ, чтобы великіе князья по нѣсколько часовъ въ день занимались изученіемъ Россіи. „Исторію Россіи, замѣчаетъ она, имъ знать нужно, и для нихъ сочиняется". Этимъ дѣломъ была занята сама Екатерина. Еще будучи вел. княжной, она удѣляла нѣсколько часовъ въ день на историческія занятія, дѣлала выписки и справки. „Не зная прошлаго народа, говорила не разъ она, можно ли принимать какія либо мѣры для него въ настоящемъ и будущемъ". Впослѣдствіи (1783) она поручала профессорамъ Московск. университета Барсову и Чеботареву дѣлать для нея выписки изъ лѣтописей и матеріаловъ въ московскихъ архивахъ и библіотекахъ, которыя и послужили ей для составленія „Записокъ касательно русской исторіи" (по 1276 г.)[1] Изданіе этихъ записокъ она объясняетъ, какъ тѣмъ, что знаніе своей исторіи необходимо, такъ и тѣмъ, что многие иностранцы наводнили въ послѣднее время литературу „сотвореніями пристрастными". Извѣстенъ ея отзывъ о русской исторіи, составленной Стриттеромъ. Въ своихъ историческихъ замѣчаніяхъ она нерѣдко высказываетъ мысли, появлявшіяся потомъ въ литературной школѣ славянофиловъ. „Русскій народъ есть особенный народъ въ цѣломъ свѣтѣ, говоритъ она, онъ отличается догадкою, умомъ, силою. Я знаю это по 20-лѣтнему опыту царствованія. Богъ далъ русскимъ особое свойство". Она отыскиваетъ славянскій элементъ даже въ Америкѣ и въ томъ несчастномъ дѣлаетъ свои филологическія сближенія (Сборн. т. XV). Въ письмахъ своихъ (къ Вольтеру и др.) она не разъ щеголяетъ громадностью русской имперіи. Въ этомъ отношеніи она имѣла преимущество даже предъ Фридрихомъ II, съ которымъ такъ часто соперничала въ покровительствѣ французской философіи. Нѣмцы справедливо упрекали Фридриха за пренебреженіе къ отечественной

1) Шлецеръ удивлялся ея ученымъ свѣдѣніямъ о Россіи еще когда она была великой княгинею (автобіографія Шлецера).

литературѣ: онъ непризнавалъ Клопштока и не хотѣлъ далее знать автора „Гетца-фонъ Берлихингенъ" (Гёте); но Екатерина постоянно заявляла о своемъ руссофильствѣ. Съ такимъ же вниманіемъ она относилась къ Ломоносову, Сумарокову, фонъ-Визину, Державину и сама писала русскія трагедіи и комедіи.

Уваженіе памяти Петра В. Отношеніе къ европейскому просвѣщенію. Уже въ первые годы своего царствованія она озаботилась воздвигнуть Петру В. замѣчательный въ художественномъ отношеніи памятникъ, которымъ украшается теперь Петербургъ и который вселилъ поэтическую мысль Пушкину, въ его произведеніи „Мѣдный всадникъ". Она сама входила въ мельчайшія подробности, переписывалась съ творцемъ его, Фальконетомъ (переписка эта теперь издана въ Сборн. Р. И. О. т. XVII). Имя Петра В. привлекало къ себѣ вниманіе Екатерины. „Я хочу издать въ свѣтъ, пишетъ она Вольтеру, письма Петра В. и для того приказала собирать ихъ всюду: въ нихъ онъ является совершенно такимъ, какимъ онъ былъ". Она преслѣдовала его идею о русскомъ флотѣ и шла по его стопамъ въ политикѣ какъ на западѣ, такъ и на востокѣ. Его портретъ находился на ея письменномъ столѣ и вдохновлялъ ее въ дѣлахъ управленія (Рус. Стар. 1880 г. IX, 201), какъ портретъ Фридриха II — Петра III. Но являясь продолжательницею политики Петра В, она придавала ей вполнѣ національный характеръ. Она хотѣла, чтобы ея планы и намѣренія понимались въ западной Европѣ такъ, какъ она понимала ихъ сама. Въ то время подъ вліяніемъ духа просвѣщенія, почти всѣ правители, начиная съ Фридриха II и до мелкихъ нѣмецкихъ князьковъ, если не всегда были, то старались казаться покровителями этого просвѣщенія. Екатерина II, воспитанная въ духѣ эпохи, прекрасно понимала всю важность современной публицистики — и вотъ она ищетъ опоры въ

послѣдней и вступаетъ въ ближайшія отношенія съ ея представителями, сообщаетъ имъ въ своей обширной и интересной переепискѣ нѣчто въ родѣ отчетовъ о своей дѣятельности, прекрасно зная, что такимъ образомъ ея дѣла и виды Россіи найдутъ себѣ надежныхъ посредниковъ и даже истолкователей. „Умное поведеніе, говоритъ она, часто подвергается безразсуднымъ толкамъ" (Рус. Арх 1865 г. 494), а потому она хотѣла, чтобы ея поведеніе оцѣнивалось по ея собственнымъ комментаріямъ. Она обращается въ усерднаго корреспондента своихъ заграничныхъ друзей и, какъ увидимъ, не ошиблась въ своемъ разсчетѣ. Государственный переворотъ, возведшій на престолъ Екатерину, совершился въ іюнѣ 1762 г., а уже въ ноябрѣ того же года въ бумагахъ ея мы находимъ письмо ея къ д'Аламберу, въ 1763 г. она вступаетъ въ сношенія съ mme Жоффренъ и Вольтеромъ, а въ 1765 г. покровительствуетъ Дидро (Рус. Арх. 1877 г. II, 271).

Образъ жизни Екатерины по вступленіи на престолъ.

Вотъ какъ описываетъ Екатерина свой день г-жѣ Жоффренъ, которая интересовалась ея занятіями: „Я встаю аккуратно въ 6 ч. утра, читаю и пишу одна до 8 ч.; потомъ приходятъ читать мнѣ разныя дѣла, всякій кому нужно говорить со мной, входитъ поочередно одинъ за другимъ; такъ продолжается до 11 ч. и долѣе; потомъ я одѣваюсь. По воскресеніямъ и праздникамъ иду къ обѣднѣ; въ другіе же дни выхожу въ пріемную залу, гдѣ обыкновенно дожидается меня множество народа; поговоривъ ½ часа или ¾, я сажусь за столъ; по выходѣ изъ-за стола, являетcя гадкій генералъ (подъ этимъ именемъ она вездѣ разумѣетъ Бецкаго. Сборн. I, 263), чтобы читать мнѣ наставленія; онъ беретъ книгу, а я свою работу. Чтеніе наше, если его не прерываютъ пакеты съ письмами и др. помѣхи, длится до 5½ ч.; тог-

да или я ѣду въ театръ, или играю, или болтаю съ кѣмъ нибудь до ужина[1], который кончается до 11 часовъ, затѣмъ я ложусь и на другой день повторяю тоже самое, какъ по нотамъ... Лѣнивые утверждаютъ, что я работаю много, а мнѣ всегда кажется, что я мало сдѣлала, когда я посмотрю на то, что мнѣ остается еще сдѣлать." Далѣе она разсказываетъ о томъ, какъ все столбенѣетъ при ея появленіи, не смотря на то, что такой способъ отношенія ее сердитъ. „Если-бы вы напр. вошли ко мнѣ, говоритъ она далѣе, я сказала бы вамъ: садитесь, говорите свободно; вы-бы имѣли кресло противъ моего..., а затѣмъ начался бы длинный и бѣглый разговоръ: это моя страсть". „Не хвалите мой слогъ, прибавляетъ вдобавокъ Екатерина, это меня смущаетъ; я мало имѣю случая писать по французски, если бы вы выучились <u>по русски</u>; это меня очень облегчило бы: я безпрестанно пишу на этомъ языкѣ" (II, 260-63). Такимъ образомъ и тутъ Екатерина сумѣла похвалиться своимъ руссофильствомъ. Не разъ она протестуетъ противъ лести и земныхъ поклоновъ. „спросите Голицына (рус. посла въ Парижѣ, друга энциклопедистовъ), прибавляетъ она, что они значатъ у насъ, онъ вамъ это объяснитъ" (255). Въ другой разъ она говоритъ: „еще разъ повторяю вамъ, что не хочу колѣнопреклоненій: между друзьями такъ не водится. Если вы меня полюбили, то прошу не обращайтесь со мною какъ будто я персидскій шахъ. Повѣрьте, мнѣ нѣтъ ничего на свѣтѣ хуже высокаго сана". Екатерина тщеславилась тѣмъ, что и на тронѣ она хочетъ и можетъ оставаться „философомъ". Лучшими минутами она считаетъ тѣ, когда могла предаваться чтенію

1.) Екатерина не любила разговаривать съ женщинами. Впослѣдствіи она ежедневно пила чрезвычайно крѣпкій кофе и даже нюхала табакъ. (Зуна

„съ милымъ генераломъ (Бецкій не разъ видѣлся въ Парижѣ съ Жоффренъ и она называла его своимъ другомъ), да и тутъ насъ часто прерываютъ, прибавляетъ она; увѣряю васъ, что быть тѣмъ чѣмъ я, очень трудное и тяжелое ремесло" (255). Для этихъ чтеній у Екатерины былъ свой кружокъ, изъ котораго выходили ея статсъ-секретари, а потомъ и на болѣе видные посты, какъ Елагинъ, Олсуфьевъ, Бецкій, Храповицкій, Поповъ, Безбородко и др.

Но толкуя о литературѣ Екатерина не забываетъ по временамъ вставить, какъ однажды она командовала флотомъ въ 20 слишкомъ кораблей, а въ другой разъ готовилась командовать 45,000 арміею; а когда Жоффренъ сообщила ей, что въ Парижѣ осуждаютъ манифестъ ея о смерти Ивана Антоновича, то Екатерина ей отвѣчала: „У васъ осуждаютъ этотъ манифестъ, но вѣдь у васъ осуждали самого Господа Бога, а у насъ осуждаютъ иногда французовъ. Однако несомнѣнно, что здѣсь этотъ манифестъ о казни преступника положилъ конецъ всякимъ пересудамъ". Настоящія мнѣнія Жоффренъ о Екатеринѣ мы узнаемъ изъ переписки первой съ Станиславомъ Понятовскимъ, которыя приводили уже въ своемъ мѣстѣ. Впрочемъ уже въ 1768 г. отношенія Екатерины къ Жоффренъ прекращаются. Обмѣнъ ихъ мыслей сопровождался обмѣномъ вещественныхъ доказательствъ дружбы: Екатерина посылаетъ ей дорогіе мѣха, а отъ ня получаетъ столикъ или чашку, слѣдовательно Жоффренъ не могла быть въ убыткѣ. Когда же впослѣдствіи г-жа д'Эпинэ потеряла значительную часть своихъ доходовъ, Екатерина оказываетъ ей матеріальную помощь, а по смерти ея покровительствуетъ ея внукѣ (Рус. Арх. 1878. III). По ея примѣру Екатерина устроила въ дворцѣ свой Эрмитажъ, о которомъ намъ придется сказать въ подробности.

роковъ, I, 48, 50; другія черты ib. 40-41).

Лекція 11.

<u>Отношеніе Екатерины II къ энциклопедистамъ.</u> При вступленіи на престолъ Екатерины II - Вольтеръ[1], авторъ многочисленныхъ сатирическихъ повѣстей, трагедій, дидактическихъ стихотвореній, въ которыхъ онъ удачно проводитъ нападки на духовенство и политику, имѣлъ уже 65 лѣтъ и былъ хорошо извѣстенъ всей Европѣ; Монтескье, написавшій „Персидскія письма", „Причины величія и упадка Рима", „Духъ законовъ", уже умеръ. Дидро былъ извѣстенъ своею энциклопедіею; д'Аламберъ учеными трудами, Гольбахъ написалъ „Систему природы", Кондильякъ - „Опытъ о происхожденіи человѣческихъ познаній", книгу „о философскихъ системахъ" и „трактатъ объ ощущеніяхъ"; Руссо прославился извѣстными своими отвѣтами Дижонской Академіи о вредѣ науки и причинахъ неравенства людей „Эмилемъ", „Общественнымъ договоромъ" и „Новой Элоизой". Гельвецій - книгою „о разумѣ". Прежде другихъ представителей этого литературнаго ареопага сталъ извѣстенъ Россіи - <u>Вольтеръ</u>, имя котораго здѣсь было на столько уже вліятельнымъ, что привлекало къ себѣ общее вниманіе. Понятно, какъ тяжело было для Екатерины, когда она узнала, что событіе 28 іюня передано было Вольтеру въ иномъ свѣтѣ, причемъ такъ возвеличена была Дашкова. И вотъ она хлопочетъ чрезъ Понятовскаго разсѣять эти слухи и разубѣдить патріарха философовъ въ такомъ мнѣніи. Но, по своей горячности, она поспѣшила вступить въ переписку съ самимъ Вольтеромъ, при посредствѣ его знакомаго, женевца Пиктэ, служившаго у нея для иностранной переписки. Вслѣдствіе этого между ними начался обмѣнъ любезностей, а вскорѣ за тѣмъ

---

1) Настоящее его имя - Франсуа - Мари Аруэ.

Вольтеръ высказываетъ уже удивленіе къ сѣверной Семирамидѣ и титулуетъ ее, подобно принцу де-Линь, Екатериною Великимъ (Рус. Арх. 1877, II, 284). Съ этого времени Вольтеръ становится преданнымъ блюстителемъ ея интересовъ и славы, Екатерина же, въ свою очередь, является ревностною покровительницею Вольтера и его кружка. Между тѣмъ, какъ она вступаетъ въ близкія сношенія съ французскими философами, у нея возникаетъ борьба съ французскимъ правительствомъ, съ министромъ Шуазелемъ, который въ Польшѣ, Швеціи и Турціи старается возбудить вражду противъ нея. Съ этихъ поръ всѣ непріятности идутъ для нея изъ Версаля, всѣ утѣшенія изъ Парижа. Франція какъ бы раздѣлилась на два лагеря: въ одномъ враги, въ другомъ друзья Екатерины и эта борьба отражается на ея перепискѣ. Весьма дѣятельнымъ участникомъ въ этой перепискѣ является русскій посолъ въ Парижѣ, а потомъ въ Голландіи, кн. Д. А. Голицынъ.

Еще при Елисаветѣ считали нужнымъ сообщать въ Московскія Вѣдомости свѣдѣнія о частной жизни Вольтера. Въ Фернѣ онъ живетъ [illegible] „христіаннѣйшаго" короля, [illegible] свой вѣкъ въ [illegible]. Пользуясь своими [illegible], Вольтеръ [illegible] называлъ себя въ письмахъ къ Екатеринѣ то „альпійскимъ старикомъ", то „фернейскимъ пустынникомъ", [illegible] надъ своею [illegible], которая не позволяетъ ему поцѣловать ея прелестныя ручки и, съ помощью нѣкотораго лицемѣрія, избѣгаетъ тѣхъ униженій, какія ему пришлось потерпѣть въ гостяхъ у Фридриха II. Къ счастью Екатерина не писала стиховъ, поэтому Вольтеру не приходилось выправлять ихъ и ссориться изъ-за такихъ пустяковъ, какъ съ Фридрихомъ. Въ отношеніяхъ Вольтера съ послѣднимъ замѣчается раздражительность, въ отношеніяхъ съ Екатериной — своего рода кокетство, въ которомъ, впрочемъ, первенство [illegible] -

императрицѣ. „Съ тѣхъ поръ, какъ мнѣ везетъ счастье, пишетъ она, въ
Европѣ стали находить, что я очень умна, а кажется мудрено въ 4-
лѣтъ вдругъ похорошѣть и поумнѣть." Вольтеръ въ свою очередь рас-
суждаетъ на тему о приближеніи смерти, что вызываетъ сожалѣ-
ніе у его собесѣдницы. Она ласкаетъ старца и угождаетъ ему, какъ
преданная дочь, она шьетъ ему табакерки собственной работы, шу-
бы и портреты. Въ письмахъ она увѣряетъ его, что дорожитъ его
сочиненіями болѣе, чѣмъ подвигами Александра Македонскаго, и что
его письма болѣе пріятны ей, чѣмъ удовольствіе, которое могъ бы-
ли оказать иной государь. Девизомъ своимъ она называетъ [illegible] съ
[illegible] полезное (I, 38). Она слѣдитъ за его сочиненіями (34) и при-
сланное собраніе ихъ вмѣстѣ съ бюстомъ помѣщаетъ въ своемъ каби-
нетѣ, какъ лучшее украшеніе (ib. 306, 310). Ей аккуратно доставляютъ
Mélanges littéraires д'Аламбера (166). Узнавъ объ осужденіи соч. Гельвеція,
она хлопочетъ (черезъ Голицына) объ изданіи его въ Голландіи и онъ
выходитъ съ посвященіемъ ей[1]. Преслѣдованіе энциклопедіи даетъ ей
поводъ предложить Дидро печатать этотъ трудъ въ Ригѣ, — замѣт-
ное соперничество съ Фридрихомъ II, сдѣлавшимъ подобное предложе-
ніе еще раньше. Д'Аламбера она приглашаетъ въ воспитатели вел.
князя Павла Петровича, а у Дидро покупаетъ библіотеку за 15,000
ливровъ, оставляя ее у него для пользованія до конца жизни, и на-
значивъ ему, какъ хранителю ея, 1,000 ливровъ пенсіи; что привело
въ восторгъ какъ Вольтера (Соловьевъ, XXVI, 230) такъ и д'Аламбера
(Сборн. X, 167)[2]. „Кто бы могъ вообразить, восклицаетъ по этому поводу
Вольтеръ, въ письмѣ къ Дамилавилю, что скиѳы будутъ такъ благо-

---

1) Его соч. „De l'homme, de ses facultés intellectuelles et de son éducation".

2) Вмѣстѣ съ библіотекою Дидро, императрицѣ достался и единственный неиспорченный экземпляръ Энциклопедіи. Геттнеръ, 207-208.

редно вознаграждать въ Парижѣ добродѣтель, знание, философию." (Oeuvres complètes, XXII, 311-312). А Екатеринѣ онъ писалъ, что вся Европа рукоплещетъ ея поступку съ Дидро (Сборн. X, 45). Екатерина скромно отвѣчаетъ на это, что ей самой часто случалось бояться, чтобы ее не разлучили съ ея книгами и личный опытъ поэтому не дозволяетъ ей причинять эти огорченія другимъ (ib, 45). Въ письмахъ къ Фальконету она отзывается объ „энциклопедіи", какъ о неисчерпаемомъ источникѣ превосходныхъ вещей... (XIII, 8-9). Занимаясь въ это время законодательною работою, она спѣшитъ вызвать въ Россію Беккарія, автора извѣстнаго сочиненія о преступленіяхъ и наказаніяхъ, причемъ клеймитъ позоромъ запрещеніе его книги во Франціи (X, 183-185), но Беккарія отказался отъ предложенной чести (Рус. Арх. 1877, II, 278). Сочиненіе Монтескьё „Духъ законовъ" Екатерина ставила весьма высоко и говорила, что оно должно быть молитвенникомъ для всѣхъ разумныхъ монарховъ. Она распоряжается перевести на русскій языкъ, присланное ей членомъ берлинской Академіи, бар. Бильфельдомъ, соч: „Institutions politiques" (3т.) и соч. Мармонтеля „Велисарій, направленное противъ произвола власти и религіозной нетерпимости, а сама переводитъ изъ него главу о деспотизмѣ, причемъ посвящаетъ эту книгу архіепископу Гавріилу (Сборн. т. XIII, 3-4 и X, 187). Понятно, какъ должны были льстить французскимъ писателямъ такія отношенія Фридриха II, Екатерины II, Іосифа II, когда, чтобы добиться постановки новой драмы или получить кресло въ Академіи Наукъ, Вольтеръ долженъ былъ подвергаться многимъ унизительнымъ для себя условіямъ; когда даже мнѣнія Ньютона подвергались запрещенію во Франціи, а произведенія современныя французской литературы преслѣдовались и могли появиться только въ Англіи, или Голландіи. И вскорѣ уже Екатеринѣ дѣйствительно приходилось благодарить, въ свою очередь, „племянника аб-

бата Базена" (псевдонимъ Вольтера), „за все мѣстное, распростра-
няемое имъ касательно ея" (X, 34). Прочитавъ въ „Вопросахъ объ энци-
клопедіи" невыгодное мнѣніе Вольтера о Сибири, она спѣшитъ раз-
увѣрить его въ томъ (XIII, 177-179, 277). Опровергая мнѣнія Кельнской газе-
ты о Россіи, она пишетъ Вольтеру, что подати въ Россіи вообще
умѣренны, что въ ней нѣтъ крестьянина, который не ѣлъ бы ку-
рицы, когда захочетъ и что съ нѣкотораго времени онъ предпочи-
таетъ индѣекъ курамъ; что населеніе въ послѣдніе 7 лѣтъ увели-
чилось на 10% и что изъ каждой войны Россія выходитъ болѣе цвѣ-
тущею, чѣмъ была въ началѣ ея. (Сборн. X, за 1769 г.)

<u>Значеніе Вольтера для Екатерины II.</u> Вольтеръ былъ для Ека-
терины незамѣнимымъ человѣкомъ и она называла его неподражае-
мымъ, единственнымъ, непобѣдимымъ во всѣхъ родахъ литера-
туры, покровителемъ Россіи и въ кругахъ, поставленныхъ враж-
дебно къ [illegible] силою и значенію ихъ (Переписка Екатери-
ны съ Вольтеромъ, II, 75), охотно опирались на поддержку Екате-
рины, какъ облеченной властью. Поэтому она представлялась Воль-
теру какъ бы ниспосланною ему свыше, даже божествомъ. Глав-
ный интересъ ея переписки съ Вольтеромъ сосредоточился на
вопросахъ о свободѣ совѣсти, о значеніи религіи, о религіозной
нетерпимости, о взаимныхъ отношеніяхъ церкви и государства —
вопросахъ, наиболѣе интересовавшихъ Вольтера. По поводу дѣла
Арсенія Мацѣевича, Екатерина даетъ Вольтеру такое толкова-
ніе, что это дѣло имѣло для нея значеніе, какъ несправедливое
посягательство духовной власти на прерогативы свѣтской и
сообщаетъ Вольтеру самые матеріалы по этому дѣлу (II, 18-22).
Она хвалилась тѣмъ, что по праву она есть „глава греческой
церкви" (Сборн. рус. ист. общ. XIII, 358, 378), въ противоположность пап-
ству, а подчиненіе церкви государству было общимъ желаніемъ

представителей тогдашняго просвѣщенія (Переписка II, 160). Образцомъ христіанскаго пастыря „не фанатика", Екатерина выставляетъ передъ Вольтеромъ Димитрія Сѣченова. И Вольтеръ, въ письмахъ своихъ къ Екатеринѣ, твердитъ о томъ, что сердце его, какъ магнитъ, обращается къ сѣверу (17). Но затѣмъ Екатерина въ томъ же духѣ старается выставить и митрополита Гавріила, и Платона, вообще она старается показать, что русскіе іерархи не имѣютъ ничего общаго съ католическими. Она проситъ Вольтера увѣрить своихъ единовѣрцевъ - католиковъ, что греческая церковь, подъ ея правленіемъ, желаетъ добра всякой другой (Переписка I, 190). Она увѣряла, что въ ея царствованіе православный, католикъ и магометанинъ уживутся мирно вмѣстѣ (Сборн. X, 35) и охотно брала подъ свое покровительство жертвы нетерпимости во Франціи (15, 19). Она выставляла на видъ передъ Вольтеромъ, что со времени Петра В. православная церковь не отличается суевѣріемъ и мнимыя чудеса должны были исчезнуть передъ требованіями разумнаго закона (27, 28).[1] Цѣлованіе руки у священниковъ она объясняла стариннымъ обычаемъ, который выводится изъ употребленія со времени ея царствованія (Сб. XXVII, 3-4).[2] Вольтеръ привѣтствовалъ Екатерину, какъ установительницу терпимости въ Польшѣ, гдѣ она дѣйствовала на защиту диссидентовъ. Польша, Турція и папа ставились Вольтеромъ на одну доску въ религіозномъ отношеніи (68, 69, 133, 64-65, 209-210). Онъ возмущается возстаніемъ конфедератовъ, подготовленнымъ пропо-

---

1) Екатерина сообщила Вольтеру, на франц. языкѣ, записку о постановленіяхъ Петра В. объ управленіи русской церкви. (Mémoire inédite sur la réforme de l'église Russe envoyé par Catherine II à Voltaire. Leipz. 1863).

2) Въ письмѣ къ Бельке она старается увѣрить, что посты ей полезны. Сбор. XIII, 325.

дями духовенства и съ благословенія папскаго легата; онъ желаетъ, чтобы Іосифъ II и Венеція соединились съ Екатериною противъ турокъ (пис. Вольтера къ Воронцову въ Воронцовск. Арх. т. V, 452-457, Сбор. т. XIII, 211), представляющихъ позоръ Европы. И въ то время, какъ министры Людовика XV посылаютъ офицеровъ Мустафѣ, Вольтеръ вербуетъ ихъ императрицѣ и никакъ не хочетъ понять, что французы могутъ идти противъ „героини нашего времени (Екатерины) за негодныхъ людей (турокъ), которые держатъ женщинъ взаперти"... (Рус. Арх. 1877, II, 408. Сборн. т. VII, XIII). Онъ хотѣлъ видѣть покореніе Константинополя и возстановленіе греческаго царства, подъ покровительствомъ Екатерины, и вѣрилъ при этомъ, что если когда турки будутъ изгнаны изъ Европы, то непремѣнно русскими. Онъ желалъ видѣть въ Константинополѣ статую Екатерины, сдѣланную Фальконетомъ (XIII, 359). Екатеринѣ приходилось разочаровывать его въ такомъ исходѣ ея собственнаго предпріятія. Она подробно сообщаетъ ему всѣ перипетіи турецкой войны и эти сообщенія имѣютъ характеръ своего рода манифестовъ или бюллетеней. Пользуясь случаемъ, Екатерина восхваляетъ подвиги своихъ любимцевъ—Орловыхъ, сравнивая ихъ съ древними римскими героями. Въ томъ же духѣ дѣйствовала Екатерина и во время чумы въ Москвѣ, и во время пугачевскаго бунта, которые могли подавать за границею поводъ къ самымъ неблагопріятнымъ для нея слухамъ, и Вольтеръ, подъ вліяніемъ ея писемъ, входитъ до того въ ея взгляды, что не замѣчаетъ даже того явленія, какое скрывалось за бунтомъ Пугачева, представлявшагося ему, подъ вліяніемъ сообщенныхъ свѣдѣній, только разбойникомъ (Сборн. рус. ист. общ. т. XIII, 394, 435 и др.). Вообще Екатерина называетъ его „хорошимъ русскимъ" (436).

Но замѣчательно, что когда Вольтеръ пожелалъ побывать въ Россіи, то Екатерина отклонила эту поѣздку, подъ предлогомъ своего

путешествія и трудныхъ обстоятельствъ турецкой войны (X, 379). Не скрывалось ли въ этомъ уклоненіи нѣкоторое опасеніе нарушить то розовое сіяніе относительно своей страны, въ какомъ она постоянно поддерживала Вольтера? Принцевъ [illegible] она предостерегала даже отъ посѣщенія [illegible]; не особенно лестно отзывалась о немъ въ [illegible] князю [illegible] Петровичу, во время его путешествія за границу (Сборн. IX, 146), но есть основаніе полагать, что причиною такого отношенія Екатерины былъ баронъ Гриммъ. Тѣмъ не менѣе, почти до самой смерти Вольтера, она вела съ нимъ переписку, сообщала ему памятники своего законодательства и проекты, а онъ съ своей стороны участвовалъ, по ея приглашенію, въ дѣятельности экономическаго общества, присылалъ ей статьи о финансахъ и т. п. Даже самое подробное описаніе смерти Вольтера и борьбы изъ-за его похоронъ находилось въ рукахъ Екатерины, благодаря предупредительности русскаго посла въ Парижѣ, кн. Барятинскаго (1778 г.), которое и хранилось въ моск. архивѣ, издано въ Москвѣ, Бартеневымъ (XVIII вѣкъ, III т.), и въ Парижѣ, Жаналь (Journ. de Débats, 30 янв. 1869).[1]

<u>Д'Аламберъ.</u> Другое свѣтило энциклопедистовъ — д'Аламберъ былъ приглашенъ (въ 1762 г.) Екатериною въ воспитатели Павла, но отказался. Послѣ этого она продолжала вести съ нимъ переписку и письма ея къ д'Аламберу дышатъ сильною горячею [illegible] успѣховъ человѣческаго разума. Съ нимъ она [illegible]ниями и на его просмотръ посылала свои рукописи [illegible] (Переписка съ Жоффренъ, 272–75), и онъ, въ свою очередь, [illegible]

1) Послѣдніе труды о Вольтерѣ слѣдующіе: Strauss, Voltaire, Leipz. 1873; Voltaire et la société au XVIII siècle, par Gustave Desnoiresterres, 7 v. Paris, 1871–76. Лучшія новѣйшія собранія сочин. Вольтера принадлежатъ Гюго (13 т.) и [illegible] ([illegible]) ([illegible]

-нея отзыва о своихъ трудахъ. Прочитавъ его сочиненіе объ уничтоженіи іезуитовъ во Франціи, она писала д'Аламберу, что ему слѣдуетъ своимъ геніемъ поддержать разумъ и просила прислать его катехизисъ, который онъ опасался окончить, боясь преслѣдованій фанатиковъ. „Я бы сдѣлала изъ него употребленіе на пользу разума со всѣмъ гражданскимъ и политическимъ благоразуміемъ, на которыя я способна", заканчиваетъ она свое письмо. Екатерина признавалась, что въ его письмахъ и сочиненіяхъ она всегда находитъ для себя обильную пищу, а по поводу своихъ тетрадей Наказа замѣчаетъ, что обобрала Монтескьё, сочиненія котораго служатъ для нея молитвенникомъ во благо 20 мил. людей. „Вотъ, государь мой, говоритъ она, образчикъ судьбы, которой подвергаются книги геніальныхъ людей: онѣ служатъ для благосостоянія человѣческаго рода. Такова судьба и вашихъ"... (Сборн. X, 31). Въ другомъ мѣстѣ она снова возвращается къ его катехизису и даже ставитъ въ зависимость отъ его появленія выходъ своего Наказа (45-46). И у д'Аламбера мы видимъ сочувствіе политикѣ Екатерины въ Польшѣ. Впрочемъ, положительный умъ математика и свойственная д'Аламберу застѣнчивость трудно поддавались на сердечныя изліянія, а потому и въ его письмахъ, по справедливому замѣчанію Рамбо (Рус. Арх. 1877, II, 287), чувствуется какая-то торжественность и принужденность. Такимъ образомъ, когда-ю лишили пенсіи, то Екатерина ограничивается только ласковыми словами и посылаетъ ему эпиграмму на Людовика XV. А когда д'Аламберъ коснулся ея внутренней политики, обратившись къ ней съ ходатайствомъ за французскихъ плѣнныхъ, то она поспѣшила защитить себя отъ такого вмѣшательства

Вольтеръ. Вѣстн. Европы 1880 №10, 11 и статьи В.Ѳ. Корша. Письмо о смерти Вольтера открыто американск. консуломъ въ Москвѣ Е.Е. Скайлеромъ

и писала Вольтеру: неужели одни соотечественники ваши имѣютъ право на наше человѣколюбіе? Отчего онъ не проситъ за турецкихъ или польскихъ плѣнныхъ, которыхъ французы обманули и отдали на жертву? А ихъ положеніе гораздо хуже?.. Мнѣ хочется, заключаетъ она это письмо, написать ему въ отвѣтъ, что они мнѣ нужны, чтобы ввести хорошія манеры въ нашихъ областяхъ." Но потомъ она одумалась и вычеркнула эти жестокія слова. Правда, она позаботилась, чтобы французскіе плѣнные оставались въ полной безопасности и не высылались въ Сибирь; но она отпустила ихъ изъ Россіи только вмѣстѣ съ турками и поляками, послѣ заключенія мира.

Дидро. Съ тѣхъ поръ какъ Екатерина объявила себя покровительницею энциклопедистовъ, они считали свои интересы тѣсно связанными съ ея существованіемъ. Поэтому Вольтеръ высказывалъ опасеніе, чтобы Иванъ не свергъ съ престола ихъ благодѣтельницы, „а вѣдь этотъ молодой человѣкъ, прибавляетъ онъ, воспитанный въ Россіи монахами, далеко отстоитъ отъ нашихъ философовъ" (18 вѣкъ, I, 262). Вообще, они съ негодованіемъ относились ко всякой попыткѣ сверженія Екатерины — будетъ ли она дѣломъ Пугачева, или результатомъ предпріятія Мировича. Дидро считалъ себя обязаннымъ болѣе другихъ. Соря деньгами и отличаясь легкостью нрава, онъ сразу былъ обезпеченъ ея пенсіей; узнавъ же черезъ кн. Голицына, что Дидро неаккуратно получаетъ свою пенсію, Екатерина велѣла выдать ему ее за 50 лѣтъ впередъ (50,000 фр. ib 265). Но Екатерина, какъ говоритъ Розенкранцъ (Жизнь и соч. Дидро 1866, 2 v. Leipz.), хорошо знала, что дѣлала: покупая библіотеку Дидро, она не только дѣлала хорошее пріобрѣтеніе, но и подкупала французскій дворъ и заставляла всѣхъ друзей революціоннаго движенія громко восхвалять ея великодушіе. Однажды она по

сила французскимъ академикамъ шубы. Это было весьма практично, но Гриммъ пришелъ въ восторгъ отъ этого поступка, какъ будто онъ былъ самымъ героическимъ подвигомъ. Подъ покровительствомъ Екатерины Дидро издаетъ свои сочиненія. Для нея онъ одинъ хочетъ предпринять громадный трудъ – это передѣлать французскую энциклопедію (Письма къ женѣ, Ист. Вѣстн. 1880 г. окт. 411–415). Уже 60 лѣтъ (въ 1773–74 г.), Дидро посѣтилъ въ Петербургѣ Екатерину и своихъ парижскихъ друзей (Дашкову). Его приняли такъ, какъ Екатерина думала принять m-me Жоффренъ[1]. Дидро былъ встрѣченъ Нарышкинымъ, помѣщенъ въ ихъ домѣ на всемъ готовомъ и съ нимъ обходились какъ съ братомъ (Ист. Вѣстн. 1880 г. окт. 412). Гаскаръ сообщилъ вѣсти своему двору, что Дидро ведетъ политическія интриги въ Царскомъ селѣ (Сборн. XIV, 28). Напрасно! Когда Дидро рѣшился было передать императрицѣ письмо Людовика XV съ предложеніемъ посредничества въ войнѣ Россіи съ Турціей, то Екатерина скомкала эту бумагу и объявила, что тогда лишь проститъ ему такое вмѣшательство не въ свое дѣло, когда онъ согласится считать письмо сгорѣвшимъ на его глазахъ, а потомъ они возвратились къ обычнымъ бесѣдамъ (Сборн. XIX, донес. Гуннинга, Рус. Арх. 1876, III, 409)[2]. Напрасно придавали серьезность бесѣдамъ Екатерины съ Дидро о политикѣ. Она позволяла только ему острить на счетъ Фридриха, котораго въ это время недолюбливала сама. Однако Дидро, пробывъ въ Петербургѣ, вмѣсто двухъ, – 5 мѣсяцевъ, ежедневно по нѣскольку часовъ бесѣдовалъ съ императрицей, не стѣ-

---

1) Жоффренъ хотѣла пріѣхать въ Петербургъ изъ Варшавы, но побоялась дальняго пути и суроваго климата (Письмо д'Аламбера къ Екатеринѣ, Сборн. X).

2) Точно также поступилъ и Фридрихъ II, когда Вольтеръ, явившись къ нему, далъ замѣтить, что ему сдѣлано порученіе отъ Людовика XV привлечь Пруссію къ союзу съ Франціей (Вѣстн. Евр. 1880 г. № II, 187).

сняясь вовсе въ обращеніи съ нею: хваталъ ее за руку, стучалъ по полу и т. п. Письма Дидро и самой Екатерины о пріемѣ, оказанномъ ему, приводили въ восторгъ друзей философіи. Императрица предложила даже ему 200,000 р. для новаго изданія энциклопедіи, а Дидро намѣревался написать книгу о новыхъ учрежденіяхъ Екатерины (Рус. Арх. 1877, II, 289).[1] Впослѣдствіи (1787), Екатерина признавалась Сегюру, что она бесѣдовала съ Дидро болѣе съ любопытствомъ, чѣмъ съ пользою, и что, если бы она послушала его, то „пришлось бы все перевернуть въ моемъ государствѣ и замѣнить его несбыточными теоріями", прибавила она. И когда Дидро замѣтилъ, что она слушаетъ его, какъ ученица и ничего не прилагаетъ къ дѣлу, то она отвѣчала: съ вашими великими началами хорошо писать книги, но плохо дѣйствовать. Вы имѣете дѣло съ бумагою, которая все терпитъ, а я бѣдная императрица имѣю дѣло съ людьми". И съ того времени, по ея собственному замѣчанію, онъ говорилъ съ нею лишь о литературѣ, оставивъ вовсе политику. Дидро признавался, однако, Дашковой, что идеи, перенесенныя изъ Парижа въ Петербургъ, приняли совсѣмъ другой цвѣтъ. Съ Петербургомъ онъ разстался не скоро, какъ видно изъ письма къ Дашковой, но его тянуло домой. Впрочемъ онъ выѣхалъ не съ пустыми руками. Въ числѣ подарковъ, полученныхъ имъ, была прекрасная коллекція сибирскихъ минераловъ, поднесенная ему Демидовымъ. Онъ представилъ императрицѣ рядъ

1) Своей женѣ Дидро пишетъ объ Орловѣ: „выборъ ея (т. е. Екатерины) прекрасный; это человѣкъ возвышенной души, да и четверо братьевъ его стоятъ его: они то и возвели Екатерину на престолъ". Ист. Вѣстн. 1880, окт. 414. Письма изъ Гаги. Изъ Россіи вообще Дидро писалъ мало. Понятно, какъ могли льстить Екатеринѣ подобные отзывы даже о ея любимцахъ

вопросовъ о состояніи Россіи (о числѣ населенія, народномъ хозяйствѣ, финансахъ и т. п.), на которые получилъ отвѣтъ частью отъ самой императрицы, частью, по ея приказанію, отъ гр. Миниха-сына. Нѣкоторыхъ данныхъ этой записки мы коснемся въ своемъ мѣстѣ, здѣсь же замѣтимъ, что подлинникъ этихъ вопросовъ хранится въ Госуд. Арх. и недавно напечатанъ (въ Рус. Арх. 1880, кн. III, 1-29, ср. 1878, III, 409-412). Дидро дано было порученіе издать за границею „Планы и уставы различныхъ учебныхъ заведеній, основанныхъ въ Имперіи государынею, для образованія юношества и блага всѣхъ подданныхъ". Онъ долженъ былъ придать имъ литературную обработку и въ такомъ видѣ они вышли въ Амстердамѣ (2 т. 1775 г.). Трудъ этотъ, составленный Бецкимъ, не разъ выходилъ потомъ и въ Россіи, и за границею (Дидро, 18 вѣкъ, I, 295). Мысли Дидро о крестьянскомъ вопросѣ, которыя не разъ оспаривала еще до того Дашкова, не могли показаться Екатеринѣ революціонными, когда на восточныхъ ея границахъ разразился пугачевскій бунтъ. Планы народнаго образованія, которыми занялся Дидро по возвращеніи въ Парижъ, имѣли болѣе практическій интересъ и носили на себѣ вполнѣ нѣмецкій характеръ (Сборн. X; XVIII вѣкъ, кн. I, статья Ламіо, Рус. Арх. 1877, II; Древ. Рос. 1880 г. № 6, Розенкранцъ; новое изданіе соч. и писемъ Дидро, Ассеза и Турне; Ист. Вѣстн. 1880 г. № 10 Письма Дидро къ Дашковой при ея запискахъ).

Жоффренъ. Мы видѣли уже выше, что одновременно Екатерина завела сношенія, при посредствѣ Бецкаго, и вела оживленную переписку съ m-me Жоффренъ, дѣятельною посредницею кружка энциклопедистовъ: она пожертвовала на изданіе ихъ словаря 100,000 экю; многіе авторы (какъ Гельвецій) ждали литературнаго приговора изъ ея салона.

В. Иконниковъ

На нее писались комедіи и сатиры, но ея и боялись. Она благотворила признаннымъ и сильнымъ міра. Будущаго польскаго короля, графа Понятовскаго, она вывела однажды изъ затруднительнаго финансоваго положенія, а о возведеніи своемъ на престолъ онъ извѣстилъ ее многознаменательною фразою: „Maman, votre fils est roi". Горасъ Вальполь называлъ ее „Reine-mère de Pologne". Многие германскіе дворы имѣли своихъ корреспондентовъ въ ея салонѣ и Екатерина II присоединилась къ нимъ тотчасъ по вступленіи своемъ на престолъ. Жоффренъ дорожила ея перепиской и, давая читать ея письма, лишь своимъ близкимъ друзьямъ. Но, будучи въ Варшавѣ, по слабости и старости, Жоффренъ не могла побывать въ Россіи (X, 263-68). Но замѣчательно, что затѣмъ переписка ихъ обрывается въ 1766 г., хотя Жоффренъ умерла только въ 1777 г. (Письма Екатерины къ Жоффренъ въ Сборн. I; переписка Жоффренъ съ Понятовскимъ изд. Мурія, Paris 1875.)

Фальконетъ. Мы уже упоминали выше, что Екатерина вступила въ переписку съ творцомъ статуи Петра В., художникомъ Фальконетомъ. Кн. Голицынъ и Дидро рекомендовали его Екатеринѣ. Онъ былъ близокъ ихъ кружку, а потому какъ нельзя болѣе былъ желателенъ Екатеринѣ. И вотъ: вскорѣ послѣ его прибытія, между нею и Фальконетомъ начинается обмѣнъ мыслей и переписка, длившаяся съ 1767 г. по 1778, т.е. до выѣзда его изъ Россіи.

Еще Елисавета хотѣла воздвигнуть статую Петру В. и это дѣло поручено было Растрелли, который вскорѣ умеръ, а потомъ Мартелли. Работа послѣдняго не понравилась Екатеринѣ по идеѣ (статуя его находится теперь во дворѣ Михайловскаго замка въ Петербургѣ). Тогда нача-

лись розыски новаго скульптора и предложенъ былъ Фальконетъ, запросившій вдвое меньше за работу (200,000 ливр. вмѣсто 450,000). Такимъ образомъ онъ переселился въ Петербургъ съ своими книгами, картинами и начатками работъ. Французскіе скульпторы славились въ это время въ Европѣ своими произведеніями и Фальконетъ уже извѣстенъ былъ многими работами (Милономъ кротонскимъ, статуями Благовѣщенія и Распятія въ церкви св. Роха, Грозящимъ амуромъ - для маркизы Помпадуръ, группою Пигмаліона, вызвавшей восторгъ и купленной, при посредствѣ Дидро, Екатериною). Онъ состоялъ также членомъ Академіи живописи и скульптуры. Его окружали въ Петербургѣ всевозможными попеченіями. Екатерина заявляетъ Жоффренъ, что Дидро добылъ ей такого человѣка въ лицѣ Фальконета, которому нѣтъ ровнаго. Генералъ П. И. Мелиссина, отличный наѣздникъ позируетъ передъ нимъ на лошади изъ царской конюшни; Екатерина восторгается эпическою красотою коня его статуи; болѣе 20 разъ побывала она въ его мастерской; они обмѣниваются своею перепискою съ Франціей: письмами Вольтера, Дидро; ссужаютъ другъ друга книгами, полученными изъ Парижа, статьями изъ энциклопедіи и т. п.

Но въ тоже время у Фальконета возникаютъ непріятныя отношенія съ Бецкимъ по поводу его собственной работы: Бецкій желалъ, чтобы онъ принялъ за образецъ конную статую Марка Аврелія и расположилъ глаза у Петра такъ, чтобы онъ казался обозрѣвающимъ наибольшее пространство и т. п. Затѣмъ была доставлена изъ Финляндіи скала, стоившая 250,000 ливр., на которой долженъ былъ помѣститься всадникъ. Фальконетъ самъ принялся за изученіе отливки статуй, а статуя Петра была послѣ перваго раза перелита вторично[1]

1) Бецкій желалъ также, чтобы онъ занялся статуей Екатерины II, предна-

Такимъ образомъ художнику приходилось и работать, и защищать свое произведенiе письмами, статьями, памфлетами. Съ 1770 г. отношенiя къ Екатеринѣ видимо пошатнулись, она тяготилась его частными жалобами, а когда статуя была окончена, то ея творцу не пришлось даже присутствовать на ея открытiи (1782 г), хотя Екатерина признавала, что статуя замѣчательно хороша". Даже надпись для нея: - Петру I - Екатерина II, была придумана самимъ Фальконетомъ. Еще прежде (1778) онъ уѣхалъ въ Парижъ, гдѣ отдался своимъ прежнимъ занятiямъ и работамъ на Севрской фабрикѣ (Рус. Арх. 1877, II, 410-425). Фальконетъ обратилъ вниманiе на русскаго художника Лосенкова, изнемогавшаго подъ административнымъ гнетомъ тогдашнихъ порядковъ, господствовавшихъ въ академiи художествъ.

Возвращаясь къ ихъ перепискѣ, мы видимъ, что вопросъ о художествѣ, объ искусствѣ вообще, о самомъ ходѣ его работъ составляютъ главное содержанiе ея. Но затѣмъ между ними возникаютъ вопросы болѣе общаго характера: о тогдашней литературѣ, критикѣ, энциклопедiи. Между прочимъ, они ведутъ - споръ о заслугахъ передъ потомствомъ, которому Фальконетъ не давалъ никакого значенiя; но Екатерина возражала ему на это его собственными произведенiями. Замѣчательно, что Фальконетъ старался убѣдить Екатерину, что преслѣдованiе представителей тогдашней литературы во Францiи далеко не имѣло такого жестокаго характера, какой она представляла ей и что главная причина ихъ неудовольствiя - это невозможность говорить свободно о религiи (Сборн. XVII, 64-65). Екатерина высказываетъ желанiе имѣть статую Генриха IV его работы, передъ которымъ она благоговѣла (78 Ср. т. II, 105); съ своей стороны Фальконетъ выражаетъ благоговѣнiе передъ ея Наказомъ и желаетъ даже быть русскимъ, чтобы наслаждаться плодами ея Уложенiя.

вляющую ее въ моментъ торжества, при вступленiи ея на престолъ.

(88) самую Екатерину онъ величаетъ „государыню философомъ". (Переписка Екатер. съ Фалькон., изд. въ Сборн. Р. И. О. т. XVII, 1876; переписка Дидро съ Фальконет. изд. Шарлемъ Курно въ 1866 и 67 г.г.).

Де-Ларивьеръ. Не всѣ однако рекомендаціи Дидро были такъ удачны. Мы упоминали уже, что занимаясь работами по Наказу, Екатерина хотѣла видѣть въ Россіи Беккарія, который отказался отъ ея приглашенія. Тогда Дидро указалъ ей на Мерси де ла-Ривьера, сочиненіе котораго (De l'ordre naturel et essentiel des sociétés politiques) производило въ свое время нѣкоторое впечатлѣніе. Ривьеръ былъ совѣтникомъ въ парижскомъ парламентѣ и впослѣдствіи управлялъ Мартиникою. Прибывъ, по приглашенію Екатерины въ Москву, онъ, какъ разсказывала потомъ Екатерина Сегюру, нанялъ три смежныхъ дома, а на дверяхъ своихъ многочисленныхъ комнатъ повѣсилъ надписи: „департаментъ внутреннихъ дѣлъ", „департаментъ торговли", „юстиціи" и т. д., и вообразилъ себѣ, что призванъ управлять государствомъ. Между тѣмъ пріѣхала Екатерина и комиссія кончилась: она прилично вознаградила его за расходы и отпустила обратно. Онъ произвелъ на нее впечатлѣніе шарлатана, а Вольтеру она писала, что Солонъ де-Ларивьеръ полагалъ, что въ Россіи ходятъ на четверинкахъ и хотѣлъ научить ходить на заднихъ ногахъ, но опоздалъ своимъ пріѣздомъ. Онъ вывезъ изъ Россіи много денегъ и подарковъ и сознавался, что „въ этихъ дикихъ есть доброе" (Сборн. X, XVIII, Рус. Арх. 1877, II, 282-83; Mémoires de la baronne d'Oberkirch, I, 307; записки Бибикова, приложеніе, 15-16).

Ж.-Ж. Руссо. Только Руссо не могъ пользоваться симпатіями императрицы. И понятно. Вольтера можно назвать монархистомъ-либераломъ; онъ былъ камергеромъ Фридриха II и преклонялся передъ Екатериною II, какъ передъ божествомъ. Д'Аламберъ одно время получалъ пенсію отъ французской Академіи;

Дидро былъ ея библиотекаремъ и ждалъ материальныхъ благъ отъ своей поѣздки въ Петербургъ (Письмо къ женѣ, Ист. Вѣстн. 1880 г. окт.). Но Руссо былъ республиканецъ, философъ-демократъ, пропагандировавшій званіе гражданина; за его „Contrat social“ подвергся даже насмѣшкамъ Вольтера, а въ этомъ произведеніи, по словамъ Екатерины, новый Сенъ-Бернаръ проповѣдывалъ духовный крестовый походъ противъ нея. (Сборникъ XIII, 63). Послѣ всего этого легко понять и отношенія къ нему Екатерины. Она, по вступленіи на престолъ, запрещаетъ его „Эмиля“, какъ книгу, направленную противъ нравственности и закона. Когда же начались волненія въ Женевѣ, то она прямо приписывала ихъ вліянію Руссо (Рус. Арх. 1877, II, 291-92; Сборн. т. VII). Тѣмъ не менѣе и на ней, какъ и на окружающихъ ее, отразились идеи Руссо въ дѣлѣ воспитанія: таково было вліяніе „духа времени“ (Грот, Переписка Екатерины съ Гриммомъ, 57).

Ф. М. Гриммъ. Благодаря рекомендаціи г-жи Жоффренъ, Екатерина (еще въ началѣ 1764 г.) вступила въ сношенія съ барономъ Фридрихомъ-Мельхіоромъ Гриммомъ, въ молодости переселившимся въ Парижъ въ качествѣ воспитателя дѣтей нѣмецкаго графа Шэнберга, а потомъ жившимъ тамъ въ званіи посланника саксенъ-готскаго двора. Здѣсь онъ сблизился съ энциклопедистами. Его письменныя сношенія важны для исторіи умственнаго движенія того времени (Corresp. litter. 16 т.) Многіе германскіе дворы имѣли своихъ корреспондентовъ въ Парижѣ и Гриммъ сначала былъ такимъ корреспондентомъ готскаго герцога, а потомъ и другихъ германскихъ принцевъ и государей. Сообщенія его о французскихъ книгахъ и дѣлахъ нравились Екатеринѣ (Сборн. I, 271-72).[1]

---

1) Экземпляръ литературной корреспонденціи Гримма, бывшій въ рукахъ Екатерины II, хранится въ моск. главн. арх. мин. иностр. дѣлъ (Сборн.

Онъ вступилъ въ сношенія съ нею гораздо раньше чѣмъ полагали, а именно въ 1765 г. (письма Екат. II къ Жоффренъ (Сборн. I, 271), что вполнѣ подтвердилось недавно изданными письмами его къ Екатеринѣ (Гротомъ, по поруч. рус. истор. общ. 1880, съ 26 янв. 1764 — по 1796 г. 439 стр.) Въ 1773 г. онъ посѣтилъ Петербургъ вмѣстѣ съ принцессами гессенъ-дармштадтскими, въ числѣ которыхъ была невѣста вел. князя Павла Петровича. Подобно Дидро, Гриммъ путешествовалъ по Россіи, жилъ вмѣстѣ съ Екатериною во дворцѣ, а съ отъѣздомъ его въ Парижъ у нихъ установилась постоянная переписка, продолжавшаяся до конца ея царствованія. О своемъ пребываніи въ Петербургѣ Гриммъ оставилъ особую записку (Сборн. II), наполненную похвалами Екатеринѣ и проникнутую удивленіемъ къ ней (Сборн. т. I. 332, 335, 337; XIII, 417, 447). Переписка ихъ сосредоточивалась не только на литературѣ, но и на политикѣ, на вопросахъ о воспитаніи, а впослѣдствіи на французской революціи, во время которой его бумаги едва не погибли. Для большаго удобства между корреспондентами были условлены особыя названія для извѣстныхъ лицъ, однако, письма ихъ иногда прочитывались въ пути. Кромѣ того Екатерина проситъ никому не давать копій съ ея писемъ, опасаясь, чтобы они не пошли по рукамъ и не попали къ типографщикамъ, а „я книгопечатанія, какъ огня боюсь", прибавляетъ она; она требуетъ, чтобы и „Дидро" копій ни единой душѣ не давалъ, а отвѣты мои клалъ бы въ нашу общую библіотеку на храненіе" (15). Письма Екатерины изданы Рус. Ист. общ. (Сборн. т. XXIII, 1777–1796 г., переводъ ихъ въ Рус. Арх. 1878, Ср. статью Я. К. Грота, переписка Екатерины съ Гриммомъ въ Зап. Акад. Наукъ и отд. и Геттнеръ, Ист. франц. литер.).

рус. ист. общ. XXIII, предисл.) Уже въ 1766 г. Гримму была переведена, черезъ банкира Сутерланда, значительная сумма (40,000 р. Рус. Арх. 1878, III, 5).

<u>Бельке.</u> Такимъ же усерднымъ корреспондентомъ Екатерины въ Германіи была г-жа Бельке, урожденная Гротусъ, другъ ея матери, жившая теперь въ Гамбургѣ. Для Екатерины она была въ родѣ нѣмецкой Жоффренъ, но переписка ихъ проще, задушевнѣе: онѣ касаются семейныхъ дѣлъ, Екатерина проситъ ее отыскать гувернантку для своихъ фрейлинъ. Кромѣ того она сообщаетъ ей о своихъ побѣдахъ въ Польшѣ и Турціи, о своихъ законодательныхъ проектахъ, о праздникахъ въ Царскомъ селѣ, о московской чумѣ и т. п. Она спѣшитъ поставить ее на извѣстную точку зрѣнія по дѣлу Ивана VI, Пугачовскомъ бунтѣ, опровергаетъ непріятныя для нея извѣстія въ Кельнской газетѣ и Авиньонскомъ Курьерѣ; или сообщаетъ ей, съ своей точки зрѣнія, о цвѣтущемъ состояніи Россіи; причемъ заслуживаетъ вниманія то обстоятельство, что письма къ Бельке и Вольтеру пишутся почти одновременно и часто помѣчены однимъ числомъ и говорятъ объ однихъ и тѣхъ-же предметахъ. Такимъ образомъ Екатерина подобно Фридриху II. Густаву III и Стан. Понятовскому, создавала для себя за границею непечатные органы гласности, которые передавали сообщаемыя свѣдѣнія въ печать. Только Людовикъ XV, съ грустію замѣчаетъ Рамбо, „оставался глухъ къ голосу общественнаго мнѣнія (273). Екатерина не стѣсняясь, въ письмахъ къ Бельке, на счетъ французомании Густава и вообще враждебно относится къ французской политикѣ. А по поводу семейныхъ непріятностей Христіана VII датскаго съ женою (Каролиной англійской) она пишетъ Бельке, что ей жаль эту бѣдную королеву, что она сама всегда думала, что виноватъ бываетъ мужъ, если его не любятъ, потому что, прибавляетъ Екатерина, „право, очень бы любила своего, если бы онъ соблаговолилъ этого пожелать. Это жалкое царствованіе (Христіана VII) начинаетъ ужасно походить на царствованіе Петра III". Въ другомъ пись-

мъ Екатерина говоритъ, что Августъ засталъ Римъ выстроеннымъ изъ кирпича, а оставилъ его мраморнымъ; а она застала Петербургъ деревяннымъ, а оставитъ въ немъ здания, украшенныя мраморомъ (Сборн. рус. ист. общ. т. VII, X, XIII, XXVII. О деньгахъ, отправленныхъ Бельке ib, XIII, 301).

Русские друзья энциклопедистовъ. Примѣръ Екатерины значительно дѣйствовалъ и на ея окружающихъ. Посредникомъ ея въ сношенияхъ съ французскими мыслителями былъ кн. Д. А. Голицынъ другъ Дидро и Гельвеция. Онъ постоянно вращался въ кругу энциклопедистовъ, художниковъ и литераторовъ; самъ писалъ франц. эклоги, статьи объ искусствѣ и велъ обширную переписку. Онъ издалъ запрещенное сочинение Гельвеция въ Голландии, посвятивъ его Екатеринѣ (Сборн. XIII, 358), и хлопоталъ объ изданiи сочинений Фальконета, вышедшихъ въ Амстердамѣ (Сборн. XVII, 253-54). Его мнѣния о положении крестьянъ въ Россiи дѣлаютъ ему честь. Замѣчательная судьба, какъ бы въ насмѣшку времени, постигла семейство Голицына. Жена его, дочь прусскаго фельдмаршала (Шметау)[1], извѣстная своимъ умомъ и ученостью (объ этихъ ея качествахъ съ похвалой отзывались Дидро и Гёте), вслѣдствие излишней мечтательности увлечена была за предѣлы разсудка и потомъ перешла въ католицизмъ, а единственный сынъ ея скончался въ санѣ римско-католическаго епископа (1840 г.) въ Балтиморѣ (т. XVII, 253; Древ. Рос. 1880 г. №6, 250-51). Самъ Д. А. Голицынъ умеръ въ Туринѣ, въ званiи русскаго посланника; въ началѣ XIX в.[2]

Въ 1770 г. посѣтила Парижъ и кн. Дашкова, побывъ предварительно въ Англiи. Здѣсь она ежедневно обѣдала съ Дидро и проводила вмѣстѣ цѣлые дни въ разговорахъ и чтении вслухъ,

---

1) Denkwürdigkeiten aus dem Leben der Fürstin Amalie Galitzin

2) Этимъ изд. соч. Гельвеция было 2-е посмертное изд. „De l'homme et de son éducation". 1773, 2 v.

а ея эксцентричность возбуждала удивленіе даже въ ея старомъ собесѣдникѣ, повидимому привыкшемъ ко всему. (Древн Рос. 1880 г. № 6, 331)."[1] Бецкій также переписывался съ Дидро и посылалъ . . Жоффренъ (Сборн I, 263, 289). И. И. Шуваловъ и кн. Юсуповъ посѣтили Вольтера, кн. Козловскій считалъ для себя за особую честь быть посланнымъ отъ Екатерины въ Ферней (Переп. Екатер съ Вольтеромъ, 4, 17, 151). Графъ А. Р. Воронцовъ продолжалъ переписываться съ Вольтеромъ (Вор Арх., V), гр К. Г. Разумовскій, въ бытность свою въ Страсбургѣ, считалъ своимъ долгомъ сдѣлать визитъ Руссо, но послѣдній успѣлъ уже выѣхать оттуда; гр Г. Г. Орловъ приглашалъ Руссо въ свое помѣстье. Братьевъ Румянцовыхъ (сыновей фельдмаршала, Николая и Сергѣя) Гриммъ везетъ на поклонъ къ Вольтеру. Въ 1772 г. Екатерина пишетъ Вольтеру, что многіе офицеры, побывавшіе у него, въ восторгѣ отъ его пріема, и благодаритъ его за это вниманіе къ ней, заявляя, что многіе молодые люди „жаждутъ видѣть его и слышать его разговоры" (Переписка съ Вольтеромъ, 105). Порошинъ обращалъ особенное вниманіе вел. князя на сочин. Монтескьё и на „l'Esprit" Гельвеція и читалъ съ нимъ похвальную рѣчь Монтескьё д'Аламбера (Порошинъ, 216-18). Однако, эти наставленія не привились къ его ученику и когда былъ въ Петербургѣ Дидро, то вел князь открыто выразилъ неуваженіе къ принципамъ его философіи (Каскартъ, ср. Др. Рос. 1880, № 6, 346).

Результаты сношеній Екатерины II съ энциклопедистами. Какое же значеніе могли имѣть эти отношенія Екатерины II, помимо распространенія цивилизующихъ началъ

---

1) По словамъ гр. Сегюра (въ его запискахъ), Дашкова, по ошибкѣ природы, походила болѣе на мужчину, нежели на женщину, она любила носить одежду, подобную мужскому сюртуку, что вполнѣ соотвѣтствовало грубымъ чертамъ ея лица.

современной философіи, о которомъ мы скажемъ далѣе, и помимо чисто практическихъ цѣлей, какъ рекомендаціи и пріисканія офицеровъ, моряковъ, хирурговъ, художниковъ, инженеровъ и ремесленниковъ, въ обиліи появлявшихся тогда въ Россіи? Екатерина могла предаваться въ своей перепискѣ интересамъ науки и литературы. За это ее величали философомъ на тронѣ, подносили ей ученыя степени и званія, какъ напр. „доктора и магистра свободныхъ искусствъ" отъ виттенбергскаго университета (Рус. Арх. 1867, 1262-63), или званіе члена Берлинской Академіи Наукъ (Сборн., VII). Но значительная доля ее переписки имѣетъ публицистическій характеръ. Многія изъ ея писемъ за границу представляютъ точныя бюллетени о ея внутренней и внѣшней политической дѣятельности. Съ другой стороны, въ ея перепискѣ на первый планъ выступаетъ нравственное и политическое вліяніе на мнѣніе Европы и въ этомъ случаѣ она достигла цѣли какъ нельзя лучше. „Мы люди политическіе, писала она къ Жоффренъ, и привыкли искать окольные пути." (256). Карамзинъ еще замѣтилъ, что Европа удивлялась ея перепискѣ съ философами, богатству мыслей и знаній, проницательности и тонкости разума, чувствъ и выраженій въ ней. Впослѣдствіи Екатерина говорила принцу де-Линю: „Я сѣверная галла; я хорошо понимаю только старую Францію; новая мнѣ не понятна; я напрягала мой умъ, чтобы заимствовать кое-что отъ вашихъ знаменитостей, этихъ ученыхъ мужей, оканчивающихся на исты; я пугала ихъ, нѣкоторыхъ изъ нихъ я выписывала сюда; я при случаѣ съ ними переписывалась; но они меня до смерти утомляли и никогда не понимали меня." Только одного Вольтера она считала своимъ добрымъ другомъ и постоянно заявляла, что она обязана ему своимъ образованіемъ (Др. Рос. 1880, №6, 337). Но

эти признанія не были извѣстны современнымъ историкамъ. Она пользовалась и ихъ идеями, и ихъ бритвами, насколько и тѣ и другія были приложимы на дѣлѣ, какъ она и указывала Дидро, иронизируя надъ непрактичностью его проектовъ. Это не мѣшало ихъ дружбѣ; они также пользовались ея именемъ и субсидіями для своихъ цѣлей. „Мы всѣ миссіонеры, проповѣдывающіе вѣру въ св. Екатерину и мы можемъ похвалиться, что наша вѣра довольно распространена", писалъ Вольтеръ (1 ноября 1773 г., ib, 340). Когда Екатерина оказала денежную помощь жертвамъ фанатизма и несправедливости суда во Франціи (Каласамъ и Сирвенамъ), Вольтеръ, въ письмѣ къ Голицыну, заявилъ, что если бы онъ былъ помоложе, то самъ отправился бы въ Россію и „воспѣвалъ бы ее во всю дорогу отъ Женевы Альповъ до Архангельска". (Сборн. рус. ист. общ. т. X, письма къ Голицыну. Рус. Арх. 1877, II, 409). Даже такой вопросъ, какъ раздѣлъ Польши, Екатерина сумѣла свести на благопріятную почву — на вопросъ о религіозной терпимости. Ей удалось измѣнить и распространившійся взглядъ на ея роль въ переворотѣ (1762), и Вольтеръ по этому поводу говоритъ только, что ее упрекаютъ въ какихъ-то пустякахъ въ отношеніи къ ея супругу и называетъ все это мелкими, семейными бездѣлушками... Когда же въ 1768 г. бывшій секретарь французскаго посольства, Рюльеръ, описалъ эти событія, какъ очевидецъ ихъ (Histoire ou Anecdotes sur la revolution de Russie en 1762), а сочиненіе это читалось въ салонахъ и даже при дворѣ, то это сильно встревожило Екатерину и ея друзей. Однако они достигли того, что книга Рюльера не была издана до смерти Екатерины II (1797). Она выставлялась въ этомъ сочиненіи, какъ главная дѣятельница переворота; но она отвѣчала на это тѣмъ, что ничего подобнаго не было, что „представлялось или

рѣшиться погибнуть вмѣстѣ съ человѣкомъ, потерявшимъ разсудокъ, или спастись самой съ толпой, которая домогалась освобожденія". Замѣчательно, что и Дидро, и Людовикъ XVI называли книгу Рюльера историческимъ романомъ, а не исторіей, а Дидро признавалъ въ ней одно лишь историческое мѣсто - это восторженное описаніе наружности Екатерины (Древн. Рос. 1880 г. № 6). Дашкова, также считавшая себя обиженной въ сочиненіи Рюльера, написала съ своей стороны возраженія на нее (напеч. въ Воронц. Арх. VII, тѣмъ же замѣтки на книгу Рюльера Люд. XVI, т. XI. Переводъ замѣчаній его и Дашковой въ Рус. Арх. 1877, II, 354-60).

Уже въ 1785 г. независимо отъ прежнихъ сношеній Екатерина вступаетъ въ переписку съ ганноверскимъ докторомъ Циммерманомъ, издавшимъ передъ тѣмъ книгу „объ уединеніи", которая, по словамъ императрицы, много содѣйствовала къ развитію въ ней ипохондріи. Начавшись философскими разсужденіями, переписка эта (продолжавшаяся до 1791 г.) вскорѣ перешла на отношенія къ Турціи, Швеціи и Англіи, которою интересовалась въ то время Екатерина, на состояніе русскихъ финансовъ и вопросъ объ иллюминатахъ, противъ которыхъ она вела систематическую борьбу.

Значеніе своей переписки прекрасно опредѣляла сама Екатерина. Когда нѣкоторые стали осуждать за сношенія съ энциклопедистами и въ числѣ ихъ былъ даже митрополитъ Платонъ, къ которому въ послѣднее время неблагопріятно относилась императрица, то она написала (въ 1789 г.) Дмитріеву-Мамонову на это такъ: „Вы можете отвѣтить святителю, что мнѣ всегда подобаетъ надлежащаго благотворительной руки отъ святит-

ский себя, сильной, [illegible] и великій авто-
[illegible], самодержавный [illegible], ко-
торой одни усилія напоминали [illegible] можетъ
быть кривое толкованіе, [illegible] на мѣсто-
ки весьма невинна, [illegible] Во-
льтеровы старинѣ (Вольтеръ) [illegible]
всей Европы [illegible] и унижа-
ешь Россію, [illegible]
ную правду своихъ сочиненій, [illegible]
распространить повсюду [illegible] правду.
[illegible] отечества, вѣрю и вѣрую. Въ
[illegible] виду и намѣреніи [illegible],
къ безбожнику [illegible],
и атеисту." Рус. Арх. 1865 [illegible]
вины Вольтеръ, со [illegible],
писалъ Екатеринѣ, что [illegible]
ваетъ его отъ лихорадки, [illegible]
сильно [illegible]..." Я же, [illegible]
узнаю настоящее положеніе дѣлъ, [illegible]
[illegible] и заставляю [illegible], которые прежде
наводили на меня тоску." Замѣчательно [illegible]
[illegible] о [illegible]
[illegible] побѣдахъ, чтобы [illegible].
Кн. XIII, стр. XVII - XVIII; ср. XVI[illegible])
Впрочемъ и во Франціи были люди, которые [illegible]
видѣли этой переписки [illegible]
[illegible] какъ маркизъ [illegible]
вительствѣ Екатерины просвѣщенію [illegible] Грим-
му: „она императрица всего міра [illegible], что
[illegible] наукъ, открытій, словесности, философіи

[illegible] Мирабо и [illegible]
навѣкъ, [illegible] говоря, что она была [illegible]
[illegible] знаменитымъ цѣлымъ своего времени;
[illegible] эти фразы, никогда не бы-
[illegible], это [illegible] подтверждаютъ [illegible]
[illegible] [illegible] (Истор. [illegible]
1879 г., [illegible]).
[illegible] - Шуазель въ [illegible]
[illegible], по поводу [illegible] с-
[illegible] литераторы
[illegible] покровительствовала, и
[illegible] фразы; [illegible]
[illegible] стремленія [illegible]
[illegible] знаменитостей [illegible]
[illegible] интернаціональной [illegible]
свои собственныя дѣйствія. По словамъ [illegible]
[illegible] знаменитостей [illegible]
[illegible] лишь вѣроученія жертвы ея [illegible]
[illegible] [illegible]
[illegible] на [illegible] ([illegible]
[illegible] Дидро-Екатерина 1877 г. Дидро въ Петер-
бургѣ, Р. Ст. 1868, [illegible], стр. 379).
[illegible] приговоръ исходитъ отъ
[illegible] Екатерины, гр. Шуазель
и [illegible] изъ представителей па-
[illegible], не [illegible] въ сношенія
съ [illegible]; но, если мы примемъ во вниманіе
[illegible] отзывы, приведенные нами выше, и соб-
ственныя признанія Екатерины на счетъ ея
[illegible], то мы должны признать въ этомъ

отзывъ извѣстную долю правды. Впрочемъ, въ дальнѣйшемъ изложеніи, намъ прійдется еще не разъ касаться этихъ отношеній.

Лекція 12.

Записка Екатерины II о правительственной дѣятельности. Сохранилась весьма интересная собственноручная записка (на французскомъ языкѣ) Екатерины II, писанная ею (карандашемъ) въ концѣ царствованія Елизаветы Петровны (между 1759–61 гг.) и касающаяся общихъ вопросовъ правленія и частныхъ ея отношеній. Изъ нея видно, что уже тогда Екатерина мечтала о власти и набрасывала легкіе проекты тѣхъ мнѣній и правилъ, которыми она руководилась-бы, будучи облеченною ею. Интересно прослѣдить эти мысли, прежде чѣмъ мы приступимъ къ изложенію той внутренней кипучей дѣятельности по части управленія, которой предалась Екатерина по вступленіи на престолъ. Это какъ-бы программа ея будущей дѣятельности. Обратимъ вниманіе сначала на общія мысли записки, а потомъ на нѣкоторыя частности.

„Желаю и хочу только блага странѣ, пишетъ она, въ которую привелъ меня Господь. Слава ея дѣлаетъ меня славною. Вотъ мое правило и я буду счастлива, если мои мысли могутъ въ томъ содѣйствовать ...... Когда имѣешь на своей сторонѣ истину и разумъ, тогда это слѣдуетъ высказывать передъ народомъ, объявляя ему, что такая-то при-

сына привела меня къ тому-же, разумъ долженъ увѣрить въ необходимости быть вѣрнымъ, что онъ побѣдитъ въ глазахъ большинства: станется при истинѣ, первые на рѣчи, пропитанныя тщеславіемъ. Власть безъ довѣренности народа ничего не значитъ. Легко достигнуть любви и славы тому, кто этого желаетъ: примите въ основу вашихъ дѣйствій и постановленій благо народа и справедливость, никогда неразлучныя. У васъ нѣтъ и не должно быть другихъ видовъ. Члены общества не есть свойства такой-то должности или званія, свойство это принадлежитъ всѣмъ, точно также, какъ и достоинства не одинаковы и никто безъ исключенія не равновѣсенъ въ своихъ признанія или уваженія общества. Хотите-ли такого уваженія? Уберите довѣренность общества, основывая его въ вашихъ дѣйствіяхъ на правдѣ и общественномъ благѣ". Дѣйствительно Екатерина очень хлопотала объ общественномъ мнѣніи, она желала, чтобы ея дѣйствія понимались въ лучшемъ смыслѣ и въ самой перепискѣ съ иностранными публицистами, какъ мы видимъ, старалась найти оправданіе такого пониманія ея дѣйствій. Она очень интересовалась знать, что думаютъ и говорятъ о ней. Поэтому относительно близкихъ лицъ она замѣчаетъ: „Желаю ввести, чтобы изъ лести высказывали мнѣ правду. Даже придворный послѣдуетъ тому, когда онъ увидитъ, что это мнѣ нравится и что это путь къ милостямъ... Самое неудобное было - это составленіе новаго закона; въ такомъ случаѣ не излишни будутъ никакія размышленія и обдумыванія. Единственное средство, чтобы узнать хорошую сторону того, что вы хотите постановить, заключается въ распространеніи слуха о томъ на рынкахъ и подъ рукой приказаніе доносить о томъ, какое возбудитъ это

толки". Сама Екатерина признается, что будучи въ это время больной, она закрывала глаза и представлялась спящею, чтобы узнавать то, что разсказывали между собою окружающие. Впослѣдствіи она любила выслушивать городскія вѣсти отъ Маріи Савишны Перекусихиной, или Матрены Даниловны, жившей во дворцѣ на всемъ готовомъ и называвшей государыню „сестрицею" (Обозр. царствов. и свойствъ Екатерины Великія, ч. I, 74, 145 и д.). Екатерина высказываетъ мнѣніе, что важны не столько общія реформы, сколько направленіе правительства, которое вліяетъ смягчающимъ образомъ на мысли и нравы общества. „Не будетъ опасности, говоритъ она, отпускать въ путешествіе нашихъ молодыхъ людей; бѣгства которыхъ часто опасаются, когда имъ будетъ сдѣлано любезнымъ ихъ отечество. Я подразумѣваю великій смыслъ въ этомъ словѣ. Государство во всякое время не потерпитъ много отъ утраты двухъ, трехъ головъ, конечно, отуманенныхъ. Когда бы отечество было таковымъ, какимъ бы я желала видѣть его, то мы болѣе имѣли бы новообращенныхъ, чѣмъ перебѣжчиковъ... Снисходительность, примирительный духъ властителя дѣлаютъ болѣе, чѣмъ милліоны законовъ, а политическая свобода даетъ душу всему. Часто лучше вдохновлять къ преобразованіямъ, чѣмъ приказывать о нихъ. Рабство есть гражданская потеря, убивающая взаимное соперничество, промышленность, художества, науки, честь и изобиліе." Это смягченіе духа власти, при остаткахъ далеко не привлекательныхъ чертъ стараго порядка, составляютъ господствующую черту царствованія Екатерины. Карамзинъ говоритъ: „Главное дѣло сей монархини состоитъ въ томъ, что ею смягчалось самодержавіе, не утративъ силы своей." (Зап. о др. и нов. Россіи, 42).

Дѣйствительно, Екатерина высоко ставитъ авторитетъ вла-

сти: „Берегитесь издать какой либо законъ и потомъ отмѣнить его, говоритъ она, такъ какъ это будетъ означить вашу неразсудительность и слабость, что лишитъ васъ довѣрія страны, развѣ это будетъ только законъ временный, и въ такомъ случаѣ я желала бы заранѣе объявить его таковымъ". Она любила блескъ власти. „Государи кажутся болѣе великими по мѣрѣ того, какъ природные знатные и приближенные благоденствуютъ въ отношеніи богатства... Изобиліе должно царствовать въ ихъ домахъ, а не поддѣльная роскошь... Я хочу, чтобы страна и подданные были богаты - вотъ начало, отъ котораго я отправляюсь: черезъ разумное сбереженіе они этого достигнутъ. Признаюсь, что хотя я свободна отъ предразсудковъ и у меня умъ отъ природы философскій, однако, я чувствую великую склонность чтить <u>древніе роды</u>, мнѣ тяжело, когда я ихъ вижу обреченными почти на нищенство; мнѣ пріятно возстановлять ихъ. Можно возстановить ихъ блескъ пожалованіемъ орденовъ и назначеніями въ должность старшаго въ родѣ, если только онъ имѣетъ достоинства, а также раздачею пенсій и даже помѣстій, съ условіемъ, чтобы они переходили къ старшему и оставались неотчужденными". Она желала, чтобы дворяне несли обязательную службу, но чтобы въ 40-45 лѣтъ имѣли право и оставлять, такъ какъ имѣнія и семейства терпятъ отъ того, что некому управлять собственными дѣлами, а отъ этого терпитъ и общество. Съ другой стороны большинство молодыхъ людей получаютъ образованіе въ арміи, такъ какъ домашнее образованіе, по словамъ Екатерины, представляло ничто иное, какъ грязный ручей. Тутъ же въ записку она заноситъ о необходимости учредить женское образовательное закрытое заведеніе, подобное Сенъ-Сиру. Вообще въ свое царствованіе Екатерина стремилась под-

ми и широкую всестороннюю образованность самихъ царей, не мало впрочемъ способствовавшихъ дальнейшему развитію крепостнаго труда.

Въ этотъ періодъ она писала еще самые отвлеченные наброски на возможность прекращенія рабства такъ въ ущербъ дворянству и съ опасностью для власти. Она писала въ это время: „Противно христіанской вѣрѣ и справедливости дѣлать невольниками людей (они все рождаются свободными, ссылка на естеств. право) (лишь соборъ освободилъ всѣхъ крестьянъ Германіи, Франціи, Испаніи и проч.), учрежденіями такими рѣшительными мѣрами, конечно, нельзя сразу получить любви землевладѣльцевъ, исполненныхъ упрямства и предразсудковъ. Но вотъ удобный способъ: постановить, что отнынѣ при продажѣ имѣнія, когда новый владѣлецъ покупаетъ его, всѣ крѣпостные этого имѣнія становятся свободными. Такимъ образомъ въ сто лѣтъ всѣ, или по крайней мѣрѣ большинство имѣній перемѣнятъ хозяевъ и вотъ народъ освобожденъ." Но тутъ невольно возникаетъ вопросъ, почему, при переходѣ раздаваемыхъ ею имѣній, она не ставила въ условіе ихъ новымъ владѣльцамъ то правило для освобожденія личной зависимости крестьянина, о которомъ говорить выше.

„Свобода, душа всего на свѣтѣ, безъ тебя все мертво. Хочу повиновенія законамъ, но не рабовъ; хочу общей цѣли — дѣлать счастливыми, но вовсе не своенравія, ни чудачества, ни жестокости, которыя не совмѣстимы съ нею." Часто ее тема и сильно интересовала. „Ступайте въ деревню, пишетъ она, спросите у крестьянина, сколько у него дѣтей, и онъ вамъ скажетъ 10, 12 и часто даже 20. Сколько изъ нихъ въ живыхъ? Онъ отвѣтитъ 1, 2, 4, — Надо уменьшить часто

Слѣдуетъ изыскать средство противъ такой смертности; посовѣтуйтесь съ даровитыми врачами, болѣе философами, чѣмъ обыкновенные и постановите нѣсколько общихъ правилъ, которыя мало по малу введутъ владѣльцы имѣній, потому что я увѣрена, что недостатокъ ухода за очень маленькими дѣтьми есть главная причина зла: они бѣгаютъ нагіе въ рубашкахъ по снѣгу и льду. Остающіеся очень крѣпки, но 19 ч. умираетъ. Какая потеря для государства!"

Однимъ изъ важныхъ условій благоденствія страны въ народномъ отношеніи она считаетъ продолжительный миръ. „Миръ необходимъ этой обширной имперіи: мы нуждаемся въ населеніи, а не въ опустошеніяхъ; заставьте, если можно, кишмя кишѣть народъ въ нашихъ пространныхъ пустыняхъ. Для достиженія этого не признаю полезнымъ принуждать нехристіанъ-инородцевъ принимать нашу вѣру: многоженство болѣе полезно для умноженія населенія. Это внутри. Внѣшній миръ доставляетъ намъ болѣе уваженія, чѣмъ случайности войны, всегда разорительной." Но чтобы продолжать миръ, не повредивъ развитію военныхъ способностей, она рекомендуетъ посылать дворянъ въ службу иностранныхъ державъ на время войны или каждыя 15 лѣтъ.[1]) Ихъ всегда можно отозвать, но эта мѣра дастъ опытности офицерамъ и генераламъ, а кромѣ того образованныхъ людей, которые дадутъ, въ свою очередь, лучшее образованіе своимъ дѣтямъ. Возвышенная точка зрѣнія въ пренебреженіи," замѣчаетъ она.

Необходимо поднять промышленность. „Большая часть нашихъ фабрикъ, замѣчаетъ Екатерина, въ Москвѣ – плохи,

---

1) Замѣчательно, что и Петръ III допускалъ службу дворянства въ иностранныхъ войскахъ (актъ о вольн. дворянства).

можетъ быть, наименѣе удобномъ въ цѣлой Россіи. Тамъ безчисленное множество народа; рабочіе развращаются, фабрики шелковыхъ издѣлій не могутъ быть хороши, такъ какъ вода тамъ иловатая. Такая вода дѣйствуетъ на цвѣта. Съ другой стороны сколько городишекъ приходитъ въ разрушеніе. Почему не перевести въ каждый по фабрикѣ, выбирая по произведеніямъ, изобилію и качеству воды. Рабочіе тамъ будутъ болѣе прилежны и города болѣе цвѣтущіе. И она поступила такъ на первыхъ же порахъ по вступленіи на престолъ, запретивъ строить новыя фабрики подъ Москвою и разрѣшивъ открывать ихъ въ другихъ городахъ.

Мы видѣли уже, что Екатерина была врагъ конфискацій и въ замѣчаніяхъ ея мы находимъ слѣдующее мѣсто: „Ничто такъ ненавистно для меня, какъ конфискація имѣнія виновныхъ, потому что, кто можетъ отнимать у дѣтей наслѣдство, данное имъ оно отъ самого Бога". Весьма оригинальны ея мнѣнія о судѣ: „Самый варварскій и достойный турокъ обычай - сначала наказать, а потомъ производить слѣдствіе. Если вы найдете человѣка виновнымъ, что вы будете дѣлать? Онъ уже наказанъ. Будете-ли вы имѣть жестокость наказать его два раза? А если онъ невиненъ, то чѣмъ вы вознаградите его за несправедливый арестъ, за безчестіе, лишеніе достоинства и проч.... Екатерина сознавала, что правый судъ лучшая гарантія общественной безопасности; но она не дошла до представленія равнаго суда, отчасти по принципу, отчасти потому что она рисовала себѣ какъ панацею суда - существовавшія формы судовъ на западѣ. „Мнѣ кажется, пишетъ она, что у меня во всю мою жизнь будетъ отвращеніе отъ назначенія чрезвычайной коммиссіи для осужденія виновнаго, особенно, когда она должна оставаться негласною. Зачѣмъ

недопускать ихъ судовъ, составляющихъ предметъ ихъ вѣдѣнія? Быть стороною и назначать еще судей — это значитъ опасаться имѣть противъ себя законы и справедливость. Пускай знатные судятся въ сенатѣ, какъ въ Англіи; во Франціи перы судятся палатами; иначе рождается подозрѣніе, что есть выгода найти такого то виновнымъ и что дворскія интриги выдумываютъ преступленія. Преступленіе и производство дѣла должны быть очевидны для того, чтобы общество (которое всегда судитъ безпристрастно) могло распознать правоту." Этотъ принципъ Екатерина распространяетъ и на дѣла политическія: „Говорятъ, что во всякомъ дѣлѣ есть только два способа, которые слѣдуетъ избрать — быть справедливымъ или несправедливымъ. Обыкновенно корысть производитъ послѣднее. Въ дѣлѣ о Курляндіи было справедливымъ возвратить дѣтямъ Бирона то, что имъ предназначалось отъ Бога и природы. Если же хотѣли слѣдовать корысти, то долженствовало (признаюсь, что несправедливо) беречь Курляндію и изъять ее изъ подъ власти Польши для присоединенія къ Россіи....
Въ дѣлѣ о Курляндіи, чѣмъ болѣе думаю, тѣмъ менѣе нахожу въ немъ здраваго смысла."
Основнымъ правиломъ для Екатерины служатъ слѣдующія мысли: „Не дѣлать ничего безъ правилъ и разума; не руководить себя предразсудками; уважать вѣру, но никакъ не давать ей вліянія на дѣла государства; изгонять изъ совѣта все, что отзывается фанатизмомъ и извлекать наибольшую по возможности пользу изъ каждаго положенія для блага общественнаго - это основаніе Китайской импе-

ріи, самой прочной изъ всѣхъ извѣстныхъ въ свѣтѣ, прибавляетъ она, ссылаясь на Политическую исторію Бильфельда. Относительно церкви, мы находимъ и другое мнѣніе. „Я часто читала, пишетъ она, что прежде въ католическихъ странахъ многіе изъ свѣтскихъ владѣли церковными доходами: я удивляюсь, что государи были довольно дурными политиками, допустивъ уничтоженіе этого обычая соборами". И вопросъ о церковныхъ имуществахъ, какъ мы видѣли выше, былъ разрѣшенъ ею вскорѣ по вступленіи на престолъ.

Уже въ это время Екатерина начертила начала будущей политики Россіи на Востокѣ: „Соединить черное море съ Каспійскимъ и оба съ Сѣвернымъ, направить торговлю Китая и Восточной Индіи черезъ Татарію значило бы возвысить Россію на степень могущества, высшую, чѣмъ прочія государства Европы и Азіи. А что можетъ противостать безпредѣльной власти неограниченнаго властителя, который управляетъ воинственнымъ народомъ?" (Сбор. VII, 82-101).

Таковы политическіе и нравственные идеалы Екатерины, высказанные ею наканунѣ вступленія на престолъ, въ то время, когда она зачитывалась наиб. европейскими мыслителями и политиками. Во многихъ мнѣніяхъ этой записки пробивается такой тонъ, который ясно указываетъ, что Екатерина надѣялась быть властительницею и по всей вѣроятности происхожденіе этой записки совпадаетъ съ тѣми интимными бесѣдами ея кружка, въ которомъ обсуждались планы ея сторонниковъ и средства переворота еще въ концѣ царствованія Елисаветы.

По вступленіи на престолъ, Екатерина дѣйствительно принимается за осуществленіе этихъ плановъ. Она высказывается и приводитъ въ осуществленіе распоряженіе о конфиска-

ціи, о воспитаніи, о церковныхъ имуществахъ, поднимаетъ крестьянскій вопросъ; но тутъ же она отвергаетъ разрѣшеніе дворянству служить за границею, допущеніе евреевъ въ Россію ссылаясь на существующее постановленіе Елисаветы, хотя спѣшитъ прибавить, что поступила въ этомъ случаѣ противъ убѣжденія и боялась даже, что ее осудятъ за это; и мотивомъ этихъ отступленій она выставляетъ необходимость согласованія дѣйствій правительства съ интересами политики. Это замѣтно и въ указанныхъ замѣчаніяхъ, гдѣ она говоритъ, что „возвышенные взгляды здѣсь пренебрегаются" и т. д. „Мы, политики, говоритъ она въ другомъ мѣстѣ, избираемъ для достиженія цѣли окольные пути". (Письма къ Жоффренъ). „Вы, философы, говоритъ она Дидро, имѣете дѣло съ бумагой, которая все терпитъ, а мы, бѣдные монархи, съ людьми". И Екатерина съ большимъ успѣхомъ пользовалась интересами разума для достиженія тѣхъ-же политическихъ цѣлей. Этого сочетанія не слѣдуетъ упускать изъ виду, при оцѣнкѣ дѣйствій и характера Екатерины II. Вотъ почему, когда наступитъ революція въ Франціи, она явится наиболѣе ревностною изъ монарховъ на защиту власти въ Европѣ; вотъ почему, когда эти идеи отразятся въ русскомъ обществѣ, она приметъ свои мѣры противъ ихъ распространенія.

<u>Раздѣленіе сената на департаменты</u>. Планъ Панина объ образованіи государственнаго совѣта не удался; но Екатерина исполнила вторую половину его проекта, — она раздѣлила сенатъ на департаменты. Въ принципѣ этотъ новый порядокъ не представлялъ ничего новаго; онъ не касался формы правленія и былъ вызванъ исключительно необходимостью ускорить теченіе дѣлъ въ сенатѣ, а потому отъ этого раздѣленія не страдали ничьи права. Напротивъ съ этимъ раз-

дѣленіемъ соединялось удобство дѣлопроизводства и облегченіе сенаторовъ отъ лишнихъ дѣлъ и труда. Тѣмъ болѣе это понятно, что самой Екатеринѣ приходилось не разъ жаловаться на медленность хода дѣлъ и дѣйствія сената. Такимъ образомъ, манифестъ 15 дек. 1763 г. сенатъ былъ раздѣленъ на 6 департаментовъ, изъ которыхъ четыре должны были находиться въ Петербургѣ, а два — въ Москвѣ, вмѣсто бывшей тамъ до этого времени сенатской конторы. На 1-ый департаментъ возлагались занятія государственными внутренними и политическими дѣлами; на 2-ой — судебными; на 3-ій — малороссійскими и остзейскими провинціями, дѣлами Финляндіи, Академіи Наукъ, Университета, Академіи Художествъ, медицинской коллегіи, полиціи и т. п.; на 4-ый — военныя и морскія дѣла; на 5-ый — государственными и текущими дѣлами; на 6-ой — дѣла аппелляціонныя. Къ 1-ому департаменту былъ причисленъ генералъ-прокуроръ, ко всѣмъ остальнымъ департам. по оберъ-прокурору. Дѣла рѣшались по единогласному постановленію, при разногласіи-же оберъ-прокуроръ передавалъ дѣла на усмотрѣніе генералъ-прокурора, который для рѣшенія приглашалъ сенаторовъ въ общее собраніе. Если и въ послѣднемъ не послѣдовало бы соглашенія, то дѣло съ особыми мнѣніями передавалось на усмотрѣніе императрицы.

<u>Дѣло Крылова</u>. Мы видѣли, какъ рѣшительно дѣйствовала Екатерина на первыхъ порахъ противъ злоупотребленій высшихъ властей, которыя, въ особенности въ провинціяхъ, достигали иногда чрезвычайныхъ размѣровъ (дѣло смолен. губ. оренбург. и др. Сборн. VII, 224–227, 237, 286, 278, 351–357). Теперь получило окончательное рѣшеніе дѣло иркутскаго слѣдователя, Крылова, обнаруживавшее, на сколько подобныя злоупотребле-

ния покровительствовались свыше, или оставались безнаказными, если къ нимъ оказывались прикосновенными сильные міра, какимъ въ данномъ случаѣ былъ генералъ-прокуроръ сената Глѣбовъ, блюститель высшей правды, довѣренное лицо Петра III, сумѣвшій при Екатеринѣ остаться на высотѣ почестей и своего прежняго положенія. Дѣло Крылова тянулось весьма долго. Онъ былъ посланъ въ Сибирь на слѣдствіе по винному откупу и своими вымогательствами заставилъ иркутскихъ купцовъ сознаться въ расхищеніи 150,000 р. казенныхъ денегъ. Но когда возникло дѣло о его собственныхъ поступкахъ, то раскрылось, что онъ дѣйствовалъ въ интересахъ Глѣбова.

Выше упоминалось уже о Глѣбовѣ, который женитьбой своей на родственницѣ Елисаветѣ Петровнѣ Чоглоковой (урожд. Гендриковой) и дружбой съ П. И. Шуваловымъ[1] достигъ высшихъ должностей. Въ тоже время онъ сблизился съ вел. княземъ Петромъ Өедоровичемъ, который, въ день восшествія своего на престолъ, сдѣлалъ его генералъ-прокуроромъ сената. По отзывамъ саксонскаго посланника, Брюля, Глѣбовъ былъ человѣкъ съ головою, умѣющій нравиться и пользовавшійся, въ силу своей власти, огромнымъ значеніемъ въ дѣлахъ внутренняго управленія. Въ то время, какъ сенатъ не въ состояніи былъ отыскать требуемыхъ императоромъ денегъ - 4-хъ мил. руб., Глѣбовъ взялся устроить это при посредствѣ откупщиковъ и иностранныхъ купцовъ. При Петрѣ III онъ являлся соперникомъ Волкова и былъ авторомъ нѣкоторыхъ бумагъ его царствованія. На первыхъ порахъ, мы видѣли, что Екатерина удержала нѣкоторыхъ главныхъ дѣяте-

---

1) Въ интимномъ письмѣ, [illegible], Глѣбовъ объясняетъ причину этого брака - желаніемъ Шуваловыхъ имѣть вѣрнаго наблюдателя надъ дѣйствіями, въ то время, Екатерины II, по близости къ ней Чоглоковой, на будто онъ вскорѣ

лей предшествовавшаго царствованія и въ томъ числѣ - Глѣбова, къ которому обращалась даже весьма довѣрчиво, поручая ему важнѣйшіе документы и мнѣнія. Такъ, въ его руки передано было и дѣло о совѣтѣ - проекты Панина (VII, 339). Но не напрасно Глѣбовъ опирался въ своей угодливости Петру на откупщиковъ. Онъ самъ являлся вполнѣ покровителемъ этой системы. Впослѣдствіи Екатерина писала его преемнику по должности слѣдующее: „Не мало къ тому его несчастію послужила знамости и короткое обхожденіе въ его еще молодости съ покойнымъ П. Шуваловымъ, въ котораго онъ рукахъ совершенно находился и напоился принципіями, хотя и не весьма для общества полезными, но достаточно прибыльными для нихъ самихъ"... (Чт. 1858, I, 101). По примѣру своихъ покровителей, онъ нашелъ выгоднымъ для себя заниматься откупами и притомъ въ отдаленной отъ правительственнаго надзора иркутской провинціи. Онъ взялъ на себя (1756 г.) винный откупъ по цѣнѣ болѣе высокой, чѣмъ обыкновенно, но купцы возстали, назначены были торги и откупъ все таки достался въ руки Глѣбова, а онъ уже уступилъ его купцамъ, взявъ съ нихъ 160,000 (прежде было - 158,000) единовременно и по 25,000 ежегоднаго взноса. Независимо отъ того, послѣ заключенія контракта съ магистратомъ, въ Иркутскѣ является повѣренный Глѣбова для принятія кабаковъ, что конечно, сильно возмутило купцовъ. И хотя губернаторъ старался представить это недовольство результатомъ недоразумѣній, но Глѣбовъ принялъ это за оскорбленіе и явился обвинителемъ магистрата въ злоупотребленіяхъ[1]. Онъ на-

---

отказался отъ этой роли. Сборн. VII.

1) Глѣбовъ заявляетъ, что въ этомъ случаѣ онъ оскорбленъ былъ противодѣйствіемъ купцовъ, которымъ покровительствовалъ сибирскій приказъ

стоялъ посланъ туда для разслѣдованія коллежскаго ассессора Крылова (янв. 1758 г.), причемъ грозилъ магистрату не жалѣть капиталовъ на его уничтоженіе. До 150 лицъ были привлечены къ дѣлу и пыткой доведены до признанія себя виновными. Но въ 1760 году Крыловъ былъ арестованъ и отправленъ въ Петербургъ, однако до конца царствованія Елисаветы Петровны и при Петрѣ III онъ оставался вмѣстѣ съ Глѣбовымъ нетронутымъ. Уже по вступленіи на престолъ Екатерины, Глѣбову удалось склонить купцовъ къ примиренію возвратомъ имъ части похищеннаго капитала. Но Императрица велѣла довести дѣло до конца. Замѣчательно, что когда оно разсматривалось въ сенатѣ и нѣкоторые сенаторы (Сумароковъ) были устранены отъ участія, такъ какъ сами содержали откупа[1], то они протестовали противъ этого; но Екатерина высказалась, что кто обижается въ этомъ случаѣ, тотъ лучше пусть откажется отъ участія въ столь безчестныхъ дѣлахъ, какъ откупа. Въ самомъ сенатѣ она произнесла по этому дѣлу весьма сильную рѣчь, заключивъ ее такъ: „Столь страшныя слѣдствія имѣютъ тѣ дѣла, кои пристрастно производятся и до какихъ дерзостей доводятъ, когда вмѣсто са-

---

получавшій отъ нихъ подарки, допуская за это продавать худую водку и промышлять корчемствомъ (Сб. VIII, 344).

1) Глѣбовъ въ своемъ объяснительномъ письмѣ къ Екатеринѣ говоритъ: „Лучше, что къ удовольствію всего дворянства тогда учреждена была винная поставка (при Елис. Петр.), чѣмъ многие и пользовались; яко-то сенаторами, штатскими придворными и военными разобрана была". Онъ заявлялъ, что откупъ онъ вынужденъ былъ взять вслѣдствіе унизительныхъ матеріальныхъ обстоятельствъ, въ которыя онъ впалъ, по причинѣ долговъ жены, причемъ перечисляетъ и свои долги: одному банку болѣе

коновъ страсть ими руководствуетъ, что нигдѣ такъ не видно, какъ изъ всего сего дѣла". (Сборн. VII, 243). 3 февр. 1764 г. Глѣбовъ былъ удаленъ отъ службы; Крыловъ, вмѣсто смертной казни, высѣченъ кнутомъ и сосланъ въ Иркутскъ до смерти. Впрочемъ спустя 10 лѣтъ мы встрѣчаемъ Глѣбова въ числѣ судей надъ Пугачевымъ, потомъ и смоленскимъ намѣстникомъ, но и въ этой должности онъ снова подпалъ подъ судъ и былъ удаленъ (Сб. I, 215–252; чтен. 1858, I и II; Сборн. VII, 235, 299, 307; X, 50–55; сборникъ „Луч" статья Щукина. опытъ біографій ген.-прокуроровъ и мин. юстиціи П. Иванова. Прилож. къ журн. Мин. Юст. 1863, № 11 и 12). Дѣло Крылова открыло массу злоупотребленій со стороны самого сената: такъ онъ является покровителемъ интересовъ Глѣбова, и имѣя права вмѣшаться въ дѣло полнягающее его, награждаетъ Крылова за его дѣйствія 1,000 р., а прошеніе вице-губернатора Вульфа оставляетъ безъ дальнѣйшаго движенія и не изслѣдываетъ, почему на немъ печать оказалась подрѣзанною. Но такъ какъ нѣкоторые изъ тогдашнихъ сенаторовъ умерли, а другіе вышли изъ него, то всѣ они были прощены. Жители же Иркутска и до нынѣ помнятъ „гибельныя крыловския времена". (Сборн. VII, 299).

Генералъ-прокуроръ кн. А. А. Вяземскій и Сенатъ. Мѣсто Глѣбова въ сенатѣ занялъ уже извѣстный намъ по усмиренію крестьянъ, — кн. Александръ Алексѣевичъ Вяземскій, оставшійся въ этой должности до своей смерти (8 янв. 1793 г.). Князь Вяземскій своимъ возвышеніемъ обязанъ былъ дружбѣ Орловыхъ. Его образовала въ должности сама Екатерина (Catherine II, sa cour et la Russie en 1772, par Sabatkiv de Cabris, 42). Это былъ человѣкъ трудолюбивый, но не блистательнаго ума; онъ любилъ

150,000, а казнѣ и частнымъ лицамъ болѣе 45,000 р. Сборн. VII, 344.

утверждать передъ императрицею, что блестящее состояние государства было только следствиемъ точнаго исполнения имъ мудрыхъ наставлений императрицы и такимъ образомъ пользовался значительнымъ влияниемъ на нее (О поврежд. нравовъ, Щербатова, 84) Онъ былъ человѣкъ дѣловой, умѣвший охранять порядокъ и точность, но необразованный, мстительный и скупой (Зап. Дашковой; Бантышъ-Каменский, I, 308). „Никита Ивановичъ Панинъ, говоритъ Порошинъ, изволилъ долго разговаривать со мною о нынѣшнемъ генералъ-прокуроръ, кн. Вяземскомъ, и удивляться какъ фортуна его въ это мѣсто поставила: упоминаемо было тутъ о разныхъ случаяхъ, которые могутъ оправдать сие удивление" (505) Пользуясь обширными правами, онъ часто дѣйствовалъ самовластно, не разбирая средствъ, а когда сошли со сцены Орловы, онъ передался на сторону Потемкина (Зап. Державина). Вяземский не любилъ гласности и когда Екатерина пожелала однажды напечатать какую-то вовсе неважную записку, касавшуюся статистики одной губернии, то Вяземский поспѣшилъ къ императрицѣ и объявилъ ей, что если эта записка появится въ печати, то ему невозможно будетъ оставаться при своей должности" (Рус. Арх. 1871, 67). Въ его домѣ помѣщалась возникшая потомъ тайная экспедиция, находившаяся въ его вѣдѣнии, причемъ онъ часто самъ присутствовалъ при допросахъ (Бант.-Каменский, I, 308; Биогр. генер.-прокур. Журн. Минист. Юстиции, 1863, № 11 и 12; Биогр. Державина, Грота, 255-258).

Сенатъ, по-прежнему, сохранялъ „правительствующее" значение. Такъ, не только юстицъ-коллегия обязана была представлять ему свои мнѣния, но и военная коллегия должна была представлять свои резолюции и не могла, даже во время войны, требовать денегъ изъ надлежащихъ мѣстъ, безъ разрѣше-

нія сената (П.С.Зак. 11,700, 13,100, 13,214 и др. по 1770 г., Градовскій, Высшая администр. въ Рос. въ XVIII стол. 200-263 и Начала рус. госуд. права, II, 138-140). Его единогласныя рѣшенія по апелляціоннымъ дѣламъ считались окончательными, если не вызывали разъясненія или необходимости новаго закона (13,083). Но согласить сенаторовъ на единогласныя рѣшенія было весьма трудно, а потому императрица стала давать отдѣльныя рѣшенія на разсмотрѣніе дѣлъ *по большинству голосовъ* (Солов. XXVI, 133). Сенату вмѣнялось въ обязанность вести ежедневные *журналы* своихъ засѣданій (12,036) и только въ лѣтнее время сенатъ пользовался кратковременными *каникулами* (15 дней, № 12,418)[1]. Впрочемъ, понятно, что при томъ значеніи, какое вскорѣ пріобрѣлъ новый генералъ-прокуроръ, въ особенности послѣ образованія совѣта (1768), сенатъ сталъ постепенно падать. Генералъ-прокуроръ перестаетъ теперь быть только „окомъ государевымъ", но становится двигателемъ всего управленія. За это время онъ въ дѣйствительности сталъ первымъ министромъ относительно многихъ частей управленія, соединяя въ своемъ лицѣ званіе министра юстиціи, финансовъ, государственнаго казначейства, представляя по всѣмъ этимъ частямъ доклады императрицѣ. Такимъ образомъ онъ сдѣлался единственнымъ посредникомъ между сенатомъ и верховною властью, а нѣкоторыя части управленія перешли въ его непосредственное завѣдываніе, какъ соляная и вообще финансовая, монетная, герольдмейстерская (о службѣ и служащихъ лицахъ), ассигнаціонный банкъ, а впослѣдствіи почтовое управленіе и др.

Секретное наставленіе генералъ-прокурору. Вѣря

---

1) Содержаніе сенаторовъ въ то время было невелико. Гр. Н.И. Панинъ получалъ жалованья и доходовъ всего до 7000 р. (Бантышъ-Каменскій, 100)

[illegible] вспомогательными [illegible]

[illegible], изъ котораго видно [illegible]

[illegible] была внешнего управленія [illegible]

[illegible] Патріарха [illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible] И. С. И. 1855, I, [illegible]

[illegible] (III, 283-349).

[illegible]

[illegible] совершенность [illegible]

[illegible] ничего быть не можетъ какъ

[illegible] къ своему государю [illegible]

[illegible] непогрѣшимости не имѣетъ, такъ-какъ

[illegible] не имѣть отъ государя совершеннѣйшаго [illegible]

[illegible] своей, оказывая сопро-

[illegible] и оказывая [illegible]

[illegible] 34.

[illegible] одни его повторы.

„Вамъ должно знать, съ кѣмъ вы дѣло имѣть будете. Нещастные случаи васъ будутъ ко мнѣ предводительствовать, вы во мнѣ найдете, что я иныхъ видовъ не имѣю, какъ начинающее благополучие и славу отечества и иного не желаю, какъ благоденствия моихъ подданныхъ, какого-бы они званія ни были... Увидя я отъ васъ вѣрность, прилежаніе и откровенное чистосердечие, тогда вы ласкать себя можете получить отъ меня повѣренность безпредѣльную. Я весьма люблю правду, и вы можете ее говорить, не боясь ничего, и спорить противъ меня безъ всякаго опасенія, лишь бы только то благо произвело въ дѣлѣ. Я слышу, что васъ весь почитаетъ за честнаго человѣка; я-же надѣюсь вамъ опытами показать, что у двора люди съ симп качествами живутъ благополучно.

„Въ сенатѣ найдете вы двѣ партіи, но здравая политика съ моей стороны требуетъ оныя отнюдь не уважать, дабы имъ чрезъ то не давать твердости и онѣ бы скорѣе пропали, а только смотрѣла я за ними недреманнымъ окомъ, людей же употребляла по ихъ способности къ тому или другому дѣлу. Обѣ партіи стараться будутъ нынѣ васъ уловить въ свою сторону. Вы въ одной найдете людей честныхъ нравовъ, хотя и недальновидныхъ разумомъ, въ другой, думаю, что виды далѣе простираются, но не ясно всегда ли оные полезны. Иной думаетъ для того, что онъ долго былъ въ той или другой землѣ, то вездѣ по политикѣ [illegible] любимой земли все учреждать должно, а все другое безъ изъятія заслуживаетъ его критики, не смотря на-то, что вездѣ внутреннія распоряженія на нравахъ націи

основываются. Вамъ недолжно уважать ни ту, ни другую сторону, обходиться должно учтиво и безпристрастно, выслушать всякаго, имѣя только единственно пользу отечества и справедливость въ виду, и твердыми шагами идти кратчайшимъ путемъ къ истинѣ. Въ чемъ вы будете сумнительны, спроситесь со мною и совершенно надѣйтеся на Бога и на меня, а я, видя такое ваше угодное мнѣ поведеніе, васъ не выдамъ.

„Сенатъ установленъ для исполненія законовъ, ему предписанныхъ, а онъ часто выдавалъ законы, раздавалъ чины, достоинства, деньги, деревни, однимъ словомъ — почти все, и утѣснялъ прочія судебныя мѣста въ ихъ законахъ и преимуществахъ, такъ что и мнѣ случилось слышать въ сенатѣ, что одной коллегіи хотѣли послать выговоръ за то только, что она свое мнѣніе осмѣлилась въ сенатъ представить, до чего однако-жъ я тогда не допустила, но увѣрила господамъ присутствующимъ, что ему радоваться надлежитъ, что законъ исполняютъ. Чрезъ такія гоненія нижнихъ мѣстъ они пришли въ толь великій упадокъ, что и регламентъ вовсе позабыли, который повелѣвается противъ сенатскихъ указовъ, есть ли они не въ силѣ законовъ, представлять въ сенатъ, а напослѣдокъ и ко мнѣ. Раболѣпство персонъ, въ сихъ мѣстахъ находящихся, неописанное, и добра ожидать не можно, покамѣстъ вредъ не пресѣчется. Одна форма лишь канцелярская исполняется, а думать еще иные и нынѣ не смѣютъ прямо, хотя въ томъ и интересъ государственный страдаетъ. Сенатъ же, вышедъ единожды изъ своихъ границъ, и нынѣ съ трудомъ привыкаетъ къ порядку, въ которомъ ему

[illegible] [illegible] [illegible] быть, [illegible] и [illegible]
[illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible]; [illegible]
[illegible] [illegible], [illegible] [illegible] [illegible]
[illegible] [illegible] [illegible] [illegible], что хранит самобыт-
[illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible]
[illegible], [illegible] права неделимыя [illegible] [illegible]
[illegible] [illegible] [illegible] [illegible], [illegible]
къ [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible]
[illegible]; [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible]
[illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible]
[illegible] [illegible] [illegible]

[illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible]
[illegible] [illegible] [illegible] [illegible]. [illegible] [illegible]
[illegible] [illegible] [illegible] представлялъ: французскій кабинетъ
[illegible]. [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible]
[illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] и [illegible]
[illegible] [illegible] [illegible], [illegible] [illegible] [illegible]
[illegible], [illegible] [illegible] [illegible] [illegible]
[illegible] [illegible] и [illegible] [illegible] [illegible]
[illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible]
[illegible], которыя [illegible] [illegible], [illegible]
[illegible] [illegible]

[illegible] [illegible] [illegible] [illegible]
[illegible] въ [illegible] [illegible], [illegible]
чтобъ отвратить тѣхъ, кот[illegible]
[illegible] [illegible] [illegible] [illegible]
[illegible] [illegible] и [illegible]

[illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible]
[illegible] основаніи, какъ [illegible] [illegible] [illegible]. [illegible]
[illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible]

много мене, нежели южныя провинціи [illegible]
а что прессъ нельзя [illegible] къ тому [illegible]
къ отправленію и [illegible] наказанія.

Малая Россія, Лифляндія и Финляндія суть провинціи, кото-рыя правятся конфирмованными имъ привилегіями, [illegible] отрѣшеніемъ всѣхъ вдругъ весьма непристойно б было, однакожъ и называть ихъ чужестранными и обходиться съ ними на такомъ же основаніи [illegible] больше, нежели ошибка, а можно назвать съ достовѣрностію глупостью. Сіи провинціи, также и Смоленскую, надлежитъ легчайшими способами привести къ тому, чтобъ онѣ обрусѣли и перестали бы глядѣть какъ волки къ лѣсу. Къ тому приступъ весьма легкій, если разумные люди избраны будутъ начальниками въ тѣхъ провинціяхъ; когда же въ Малороссіи гетмана не будетъ, то должно стараться, чтобъ вѣкъ и имя гетмановъ исчезли, не токмо б персона какая была произведена въ оное достоинство".

Коммиссіи и конторы. Къ [illegible] конторъ не было [illegible] лицамъ, [illegible] ли по порученію императрицы [illegible] изъ нихъ [illegible] съ непосредственнымъ [illegible] 45. [illegible] [illegible] обыкновенно вслѣд-ствіе [illegible]

узденіяхъ, которыми она надѣялась улучшить отдѣльныя части управленія. Съ нимъ она сносится черезъ генералъ-прокурора или другихъ довѣренныхъ лицъ. Административные вопросы разрабатываются особыми <u>коммиссіями</u>: Таковы были военная временная коммиссія, коммиссіи о вольности дворянства, - о конфискаціи, - о морскомъ дѣлѣ, о горномъ дѣлѣ, соляныхъ и винныхъ сборахъ, о комерціи. Разсмотрѣніе послѣдней возложено было на <u>И.И. Неплюева, гр. Миниха-сына</u>, которому порученъ былъ главный надзоръ за таможенными сборами, и кн. <u>Шаховскаго</u>. Она была непосредственно подчинена императрицѣ, а сенатъ обязанъ былъ оказывать ей всевозможное содѣйствіе (П.С.З. 11,605; 11,751; 11,208; 11,975; 11,982; 11,985). Наибольшая доля самостоятельности выпала на долю <u>военной коллегіи</u> (вице-президентъ, а потомъ президентъ гр. <u>З.Г. Чернышевъ</u> 1762–1775 г.), причемъ не только сама коллегія получаетъ непосредственно именные указы, но даже особыя коммиссіи, состоявшія при ней и отдѣльные военные начальники. Въ постановленіи <u>о коллегіи экономіи</u>, вѣдѣнію которой подлежали церковныя имущества, опредѣлялась подчиненность ея сенату и только въ духовныхъ дѣлахъ - синоду, но надзоръ сената въ этомъ случаѣ выдѣлился лишь отчетностью по штатнымъ расходамъ и т.п., во всѣхъ остальныхъ дѣлахъ коллегія эта отдавала отчеты императрицѣ, которая, въ свою очередь, сообщала ей непосредственно свои распоряженія (с.н. П.С.З. т. XVI - XVIII). Президентомъ этой коллегіи былъ сенаторъ <u>кн. С.В. Гагаринъ</u>, а вице-презид. <u>Хитрово</u> (Положе. духов. въ царствов. Екатерины II, Знаменскаго, 70, Градовскаго, Высш. Адм. 209–211; П.С.З. т. XVIII). Въ указѣ 1764 г. объ обязанностяхъ <u>камеръ-коллегіи</u> (всѣхъ госуд. доходовъ)

Екатерина заявляетъ, что эта коллегія не исполняетъ своихъ обязанностей и потеряла даже способность собственной иниціативы, а занимается одною перепиской (№ 12,118). Во главѣ ея былъ поставленъ кн. Б. Куракинъ, причемъ онъ пользовался правомъ присутствовать въ сенатѣ, которымъ другие президенты не пользовались (Градовскій, 212). Оставляя эту коллегію въ вѣдѣніи сената, императрица предоставила президенту ея входить къ ней съ особыми представленіями. Бергъ-коллегіи, подѣламъ заводовъ, предоставлено было также входить съ непосредственными представленіями къ императрицѣ. Во главѣ мануфактуръ-коллегіи былъ поставленъ извѣстный Д.В. Волковъ (1765, № 12,321). Императрица была недовольна неточными свѣдѣніями сената о количествѣ государственныхъ доходовъ и эта обязанность была возложена на кн. Вяземскаго и д. т. с. Мельгунова. Послѣ нѣсколькихъ лѣтъ работы и сношеній съ мѣстными учрежденіями оказалось, что доходы имперіи составляли не изъ 16 мил., а изъ 28 мил. р. (Рус. Арх. 1865 г.) Признавъ полезнымъ въ государственныхъ и экономическихъ интересахъ допустить въ Россію иностранныхъ поселенцевъ, Екатерина учредила особое вѣдомство — канцелярію опекунства иностранныхъ колонистовъ (П.С.З. № 11, 879; 11,881), во главѣ которой былъ поставленъ кн. Г.Г. Орловъ. Она находилась къ императрицѣ и сенату въ такихъ отношеніяхъ, какъ и коллегія экономіи, т. е. отчеты ея представлялись лишь самой императрицѣ (П.С.З. т. XVIII). Президентомъ адмиралтейской коллегіи по 1763 г. состоялъ генералъ-адмиралъ кн. Мих. Мих. (младшій) Голицынъ, а затѣмъ вице-президентъ адмир. С.И. Мордвиновъ (1763–69), причемъ президентомъ ея считал-

[illegible] [illegible] Петровичъ (Записки Карабанова, Отеч. [illegible] [illegible], I, 16-17). По [illegible] (янв. 1763 г.) отъ должности канцлера Воронцова [illegible] въ иностранной коллегіи было возложено на Н. И. Панина.

Панинъ [illegible] [illegible] [illegible] все [illegible] [illegible] [illegible], благодаря [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] и стремленію [illegible] [illegible] [illegible] и [illegible], независимо отъ [illegible]. [illegible] [illegible], что [illegible] было предупреждена [illegible] [illegible] [illegible]: „Можетъ быть, что и для [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible]; [illegible] [illegible] [illegible], [illegible] [illegible] [illegible] [illegible]. [illegible] [illegible] [illegible] [illegible], [illegible] [illegible] [illegible], [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] къ Вяземскому).

Генералъ-прокуроръ [illegible] коллегій [illegible] [illegible]. [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible], [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible], [illegible] между собою распри, [illegible] [illegible] [illegible], [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] губерніяхъ, [illegible] рѣшались на [illegible]. [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible], [illegible] [illegible] (Сб. [illegible], XXI, 133-134).

[illegible] [illegible] [illegible] [illegible] вопросъ, [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] еще при [illegible], Екатерина [illegible] [illegible] [illegible] [illegible]. [illegible] с [illegible] [illegible], находившимися въ высшемъ сенатѣ; но въ 1763 г. была учреждена [illegible] особая — межевая экспедиція, составленная изъ важнѣйшихъ сановниковъ, въ числѣ которыхъ были гр. Панинъ и кн. Вяземскій въ бытность проку—

оставлены всѣ права сенатскаго департамента, съ тою притомъ разницею, что въ случаѣ разногласія дѣла изъ нея поступали не въ общее собраніе сенаторовъ, а къ императрицѣ П.С.З. 12,488). Въ связи съ этою коммиссіею находилось подробное описаніе имѣній и земель вообще, составленіе плановъ, картъ и хозяйственное изученіе Россіи (лѣсовъ, водъ, почвы и т.п. см. П.С.З. т. XVI и XVII). Всякое, сколько нибудь важное дѣло поручалось довѣренному лицу: государственныя дороги — генералу Муравьеву, которому сенатъ долженъ былъ оказывать всевозможное содѣйствіе; Бецкій, по дѣлу народнаго образованія и благотворительности, имѣлъ постоянно личныя отношенія къ императрицѣ. Ассигнаціонный банкъ (1768 г.) и его правленіе также подчинено было императрицѣ, которой представлялись отчеты, а сенату лишь копіи ихъ для свѣдѣнія, но сенатъ долженъ, не упуская ни малѣйшаго времени, дѣлать все необходимое по представленію банковъ, такъ какъ кредитъ ихъ стоялъ въ зависимости отъ скораго теченія дѣлъ (П.С.З. № 12,009; 12,1127; 12,477; 12,488; 12,684; 13,219, 13,294).

Измѣненія въ подчиненіи областнаго управленія.

„Цѣлое не можетъ быть хорошо, говоритъ Екатерина, если отдѣльныя его части будутъ неисправны". Поэтому уже въ началѣ своего царствованія (1764), она обратила вниманіе и на областное управленіе; но и здѣсь мы видимъ стремленіе создать независимыя личныя управленія. Освободивъ коллегіи отъ правительственнаго контроля сената, она предоставила значительную независимость и губернаторамъ отъ коллегій. Уже на основаніи наставленія губернаторамъ, коллегіи (1764 г.) лишались права налагать взысканія на подчиненныхъ имъ по судебнымъ дѣламъ. По жалобамъ на нихъ

коллегии могли налагать штрафы только на губернския канцелярии, а о губернаторахъ онѣ обязаны были представлять сенату. Губернаторы теперь были подчинены непосредственно сенату и императрицѣ. Отчеты и донесенія о важныхъ дѣлахъ сообщались имъ одновременно, затѣмъ, губернаторы стали получать <u>именные указы</u>. Важнѣйшія же дѣла по мѣстному управленію докладывались непосредственно императрицѣ, которая поручала разсматриваніе ихъ особой <u>коммиссіи</u>, или лицамъ, какъ напр. объ учрежденіи изъ слободскихъ полковъ (1764, № 12,213; 12,317; 12,430, 12,440) Слободской и Новороссійской губерніи (12,339). Нѣкоторые же изъ областныхъ правителей, какъ лифляндскій генералъ-губернаторъ <u>Ю.Ю. Броунъ</u>[1], состоявшій въ этомъ званіи почти во все царствованіе Екатерины II (1762–1792), пользовались даже правомъ не получать изъ сената никакихъ указовъ безъ предварительнаго соизволенія императрицы (Вейдемейеръ, дворъ и замѣч. люди въ Россіи въ концѣ XVIII ст. стр. 30, примѣч.) Право объявленія именныхъ указовъ, составлявшее прежде прямое назначеніе сената, теперь все болѣе стало распространяться и на другихъ лицъ, особенно съ учрежденіемъ <u>генералъ-адъютантовъ</u>. Большая часть указовъ, помѣщенныхъ въ Полномъ собраніи законовъ за это время, суть или именные, данные сенату, или сенатскіе, состоявшіеся вслѣдствіи именныхъ, объявленныхъ ему кѣмъ либо, обыкновенно же генералъ-прокуроромъ, въ руки котораго, какъ мы видѣли, постепенно

---

1) Онъ былъ ирландскій уроженецъ и вступилъ на службу въ Россію въ 1731 г. Біографія см. у Бантыша-Каменск. т. I и въ Прибалт. Сборн., т. II, переписка съ Екатериною въ XVIII вѣкѣ Бартенева, III, 197–261.

переходили важнѣйшія отрасли управленія (Градовскій, 214-216)

Временные совѣты. Независимо отъ того, въ важнѣйшихъ дѣлахъ собирался особый совѣтъ, по назначенію императрицы, напр. о польскихъ дѣлахъ (Донес. Сольмса, Сборн. XXII, 138), о предполагавшемся бракѣ императрицы съ Г.Г. Орловымъ (Рус. Арх. 1876, III, стр. 5), но этотъ совѣтъ не имѣлъ тѣхъ правъ, какія проектировались Панинымъ.

Гражданская служба. Раздѣливъ сенатъ на департаменты, императрица, подобно Петру III, раздѣлила на департаменты нѣкоторыя коллегіи (юстиціи, вотчинную, ревизіонную) и отмѣнила тѣ приказы и конторы, которые не соотвѣтствовали болѣе своему назначенію (сибирскій, розыскной, печатная и фискальная конторы)[1]. Екатерина увеличила штаты всѣхъ служащихъ лицъ (1763 г. 11,991), такъ какъ они подвергались постояннымъ нареканіямъ за лихоимство. (П.С.З. XI, 11,968; 12,041; о наказ. воев. Клементьева 12,233). Но гражданская служба продолжала считаться менѣе почетною, поэтому Екатерина облегчила переходъ военнымъ, чтобы увеличить контингентъ болѣе способныхъ людей для замѣщенія должностей (12,552). Съ другой стороны она отмѣнила штатъ юнкеровъ въ коллегіяхъ, приготовлявшихся къ занятію гражданскихъ мѣстъ, въ замѣнъ которыхъ при сухопутномъ кадетскомъ корпусѣ и московскомъ университетѣ были устроены классы россійской юриспруденціи, съ цѣлью поднять образовательный и нравственный уровень чиновниковъ (11,989). Вмѣстѣ съ тѣмъ

---

1) Иностранцы обратили въ свое время вниманіе, что многія изъ новыхъ постановленій Екатерины II представляли какъ бы копію съ постановленій Петра III. (Сольмсъ въ Сб. Р.И.О. XXII, 73-74).

оградили служебное положеніе подьячихъ, подчинивъ назначеніе и увольненіе ихъ сенату, а не произвольному распоряженію губернаторовъ и другихъ лицъ (12,026; 12,665).

Юстиція. Екатерина жалуется въ своей запискѣ на медленность сенатскихъ рѣшеній, что тяжело ложилось на лицъ, подвергавшихся подобной участи. Екатерина велѣла налагать штрафы на присутственныя мѣста (12,710), доносить ей объ опредѣленіяхъ и исполненіи ихъ, а лицъ судебнаго вѣдомства, за обиды и притѣсненія, велѣла подвергать наказаніямъ по воинскому процессу (Солов. XXVII, 6). Положеніе юстиціи было особенно важно, но въ тоже время и весьма печально. Изъ донесеній юстицъ-коллегіи видно, что въ 60хъ годахъ въ ея распоряженіи было 6,027 нерѣшенныхъ дѣлъ, начавшихся еще въ 1712 г. (Журнала Солов. XXVII, 6), а чтобы судить, какъ велись даже крупныя уголовныя дѣла, достаточно сказать, что убійство жены и дочери пензенскаго воеводы Жукова, обвиненнаго въ насиліяхъ и взяткахъ, въ которомъ принимали участіе его сынъ съ женою и дворовые люди, тянулось съ 1754-1766 г. Елисавета не рѣшилась произнести приговоръ, Екатерина обратилась за совѣтомъ къ духовнымъ лицамъ и постановила предать виновныхъ публичному покаянію (въ Москвѣ), которое совершалось четыре раза при потрясающей обстановкѣ, а затѣмъ Жуковъ былъ сосланъ въ Соловки (П.С.З. 12,600; дѣло это подробно разсмотрѣно Побѣдоносцевымъ, въ Ист. изслѣд. и стат. 269-324). Столь же долго тянулось и знаменитое дѣло о варварскомъ истязаніи крестьянъ и многочисленныхъ убійствахъ изувѣрной Салтычихи (Салтыкова).

Не удовлетворявшись постоянными напоминаніями объ ускореніи дѣлопроизводства, особенно по дѣламъ судебнымъ

12,514; 12,1736; 12,154; 13,216; 12,578; 12,709; 12,894), императрица постановила, чтобы о дѣлахъ, какъ рѣшенныхъ такъ и нерѣшенныхъ, касающихся заключенныхъ (колодниковъ), представлялись въ сенатъ ежемѣсячныя вѣдомости (12,922, 12,923); въ коллегіяхъ же наблюденіе за ходомъ дѣлъ было возложено на прокуроровъ. При этомъ Екатерина входила въ такія подробности, какъ содержаніе заключенныхъ, ихъ возрастъ (13,040; 12,521). Сенатъ постановилъ считать совершеннолѣтіе по уголовнымъ дѣламъ въ 17 лѣтъ, а не въ 12, какъ допускалъ даже синодъ, а потому ранѣе этого возраста запрещалось вообще производить пытки; затѣмъ установлено было тѣлесное наказаніе за преступленія до 10 лѣтъ, а ниже этого возраста виновные отдавались для наказанія своимъ родителямъ и опекунамъ (Солов. XXV, 273).

Въ 1765 г. (12,424; 12,463) она обратила вниманіе на малолѣтнихъ, и облегчаетъ участь лицъ, находившихся въ близкихъ отношеніяхъ къ виновнымъ; такъ, она велѣла освободить всѣхъ женъ и дѣтей, заключенныхъ за долги мужей, по смерти послѣднихъ (12,647); разрѣшила женамъ ссыльныхъ вступать въ бракъ (12,237). Императрица заботилась о сбереженіи ссыльныхъ во время пути въ Сибирь и о назначеніи мѣстомъ ссылки земледѣльческихъ степей, для пріученія ихъ къ домоводству (13,053). Для позорнаго наказанія преступниковъ велѣно было употреблять такихъ же лицъ, какъ и они (13,108).

Изданіе законовъ. Въ интересахъ правосудія и правильнаго хода дѣлъ, Екатерина распорядилась с собираніи по полугодіямъ всѣхъ узаконеній для печатанія ихъ осо-

[illegible] и разослали въ всѣ [illegible] (т. 255). Впрочемъ, въ это время уже установилось употребленіе гласнаго суда, какъ это видно изъ записки самой Екатерины, приведенной нами выше, и записки графа Румянцова, назначеннаго въ это время генералъ-губернаторомъ Малороссіи (Чтен. Общ., 1862 г. № 115).

ВРЕМЯ ЕКАТЕРИНЫ ВТОРОЙ.

СПЕЦІАЛЬНЫЙ КУРСЪ,

СОСТАВЛЕННЫЙ ПО ЛЕКЦІЯМЪ

профессора

В. С. Иконникова,

читаннымъ въ Университетѣ св. Владиміра и на высшихъ женскихъ курсахъ въ Кіевѣ.

ВЫПУСКЪ II.

КІЕВЪ.

Литографія Г. Розенталя, Бибик. бульв. д. проф. Горецкаго.

1881.

„Никогда не слѣдуетъ забывать, что употреблять услуги исторіи ради измѣнчивыхъ интерессовъ партій значитъ оскорблять ее“.

Гастонъ Буасье.

Лекція 13.

Мѣстное управленіе. Инструкція губернаторамъ.

Замѣчательно, что недостатки областного управленія, на которые указывалось выше, привели Екатерину къ мысли о централизаціи управленія, а не къ обратному порядку. Въ апрѣлѣ 1764 г. она издала инструкцію губернаторамъ, въ которой губернаторъ назывался повѣреннымъ отъ государыни особою, хозяиномъ и главою всей губерніи. Ему предоставлялось право лишать чиновниковъ, за взятки и лихоимства, должностей и предавать виновныхъ суду. Во время народныхъ бѣдствій губернаторы должны были брать на себя начальство въ всемъ краѣ и распоряжаться сообразно съ обстоятельствами. За исключеніемъ Петербурга и Москвы, всѣ вѣдомства въ отношеніи надзора и управленія подчинялись попеченію губернатора, который долженъ былъ представлять рапорты о состояніи своей области и ревизовать ее каждые 3 года. Особенному его надзору поручалось немедленное искорененіе разбоевъ и воровства. Замѣчательно, что столь широкія полномочія признавались необходимыми въ то время, когда Екатерина такъ рѣшительно преслѣдовала злоупотребленія самихъ губернаторовъ и воеводъ, примѣры которыхъ были такъ многочисленны (мнѣніе П. И. Панина о томъ же предметѣ уже извѣстно). Между тѣмъ сама Екатерина признавала, что въ то время такъ дурно распредѣлены были губерніи, что напр. подъ самую Московскую губернію подходили уѣздные города Архангельской губ. (Сбор. X, 135) Главная цѣль указанной централизаціи заключалась въ

тѣмъ, что сама импер-ца не считала возможнымъ объѣзжать постоянно отдаленныя мѣста имперіи, а между тѣмъ легче казалось избрать на губернскіе посты лицъ, извѣстныхъ по своимъ качествамъ.

Состояніе областного управленія. Я. Е. Сиверсъ.

Въ какомъ состояніи находились тогдашнія губерніи, въ чемъ нуждалось областное управленіе, мы можемъ судить по дѣятельности новгородскаго губернатора Сиверса, съ именемъ котораго намъ придется не разъ встрѣчаться.

Яковъ Ефимовичъ Сиверсъ началъ свою службу подъ покровительствомъ дяди своего Карла Сиверса, на дипломатическомъ поприщѣ. Сначала онъ служилъ при иностранной коллегіи, потомъ при русскомъ посольствѣ въ Копенгагенѣ и Лондонѣ, гдѣ проникся уваженіемъ къ Англіи. Онъ принималъ также участіе въ семилѣтней войнѣ и находился въ секретной перепискѣ съ И. И. Шуваловымъ. Въ 1764 г. Екатерина назначила его новгородскимъ губернаторомъ. Предъ отъѣздомъ туда онъ имѣлъ длинную бесѣду съ импер-цей и получилъ право писать ей лично и пріѣзжать въ Петербургъ, когда понадобится.

Новгородская губернія занимала пространство въ 1700 в. въ длину и 800 вер. въ ширину. Съ одной стороны она граничила съ Литвою, съ другой — съ Бѣлымъ моремъ. По прибытіи въ Новгородъ Сиверсъ нашелъ, какъ было и въ другихъ губерніяхъ, губернскій архивъ погребеннымъ подъ разрушенными сводами цейхгауза; изъ 200–300 пудовъ — уцѣлѣло лишь 2–3. Во всей губерніи не было полиціи; распоряженія начальства передавались обыкновенно сотскимъ, а, по ихъ безграмотности,

ихъ читалъ имъ церковный дьячекъ. Со времени указа о вольности дворянства, дворяне брали на себя свои прибыльныя дѣла (какъ откупа и т.п.). Болѣе тысячи преступниковъ сидѣло въ тюрьмахъ, болѣе 1000 было на порукахъ. Въ числѣ уголовныхъ преступниковъ было 20 дворянъ и до 250 ... подлежали пыткѣ. Почти не проходило дня, чтобы и въ самомъ Новгородѣ не было случая насилія и убійства, въ спорахъ между сосѣдями, а потому Сиверсъ хлопоталъ объ ускореніи межеванія. „Новгородская губернія достойна носить названіе Нормандіи, писалъ Сиверсъ Екатеринѣ; думаю, что ни одна область не нуждается такъ въ новомъ уложеніи, которое сократило бы судопроизводство".
Въ теченіи 1764 г. было начато 53 процесса и ни одинъ не окончился, какъ и уложеніе. Сиверсъ возсталъ противъ винныхъ откуповъ и соляной регаліи, противъ неограниченной власти помѣщиковъ, вслѣдствіе чего цѣлыя тысячи крестьянъ бѣгутъ въ Польшу и Литву. „Я самъ нашелъ, пишетъ онъ, что одинъ помѣщикъ бралъ по 5 руб. оброку съ крестьянъ, живущихъ на пескѣ и не имѣвшихъ пашни. Онъ настаивалъ на введеніи выкупа для крестьянъ; совѣтовалъ установить правила для рубки лѣсовъ, которые страшно страдали отъ хищничества лѣсничихъ. Онъ предлагалъ ввести для отопленія торфъ и каменный уголь, который можно найти на берегахъ Ильменя. Но съ другой стороны онъ находилъ вреднымъ самоуправленіе монастырскихъ крестьянъ въ виду безправности массы остальныхъ. Онъ предлагалъ построить въ городѣ казармы, чтобы облегчить жителей отъ военныхъ постоевъ; основалъ гимназію и завелъ школы; учредилъ земледѣльческое

обществъ, которое просвѣтительно дѣйствовало бы на невѣжественное дворянство, знакомя его практически и теоретически съ сельскимъ хозяйствомъ посредствомъ переводовъ сочиненій, выходящихъ въ Англіи, Германіи, Швеціи, Швейцаріи. Онъ предложилъ выдавать ссуды купцамъ и разрѣшить имъ покупку крестьянъ; ходатайствовалъ объ учрежденіи банка въ Новгородѣ, о приглашеніи изъ Швеціи ученаго ботаника и минералога для изученія почвы сѣвернаго края, объ обученіи грамотѣ крестьянъ, которыхъ поощрять къ тому освобожденіемъ отъ рекрутской повинности. Въ Старой-Руссѣ архивы, казна и преступники помѣщались вмѣстѣ, отчего происходили частыя кражи денегъ. На старорусской канцеляріи числилось до 230 неоконченныхъ счетовъ. (К. Блумъ, ein Russischer Staatsmann, Leipzig, B I-IV; Иловайскій, Рус. Вѣст. 1863, т. XLVIII; Соловьевъ XXIV). Въ 1768 г. Сиверсъ въ своемъ докладѣ сенату писалъ: „Городъ Псковъ, по своему красивому и очень удобному для торговли положенію, могъ бы быть въ другомъ состояніи и не возбуждать такой жалости. У меня нѣтъ словъ для выраженія моихъ чувствъ о разореніи этого города; скажу одно, что онъ также несчастливъ, какъ и Великій Новгородъ и страдаетъ такою же чахоткою. Какъ въ одномъ, такъ и въ другомъ почти равныя причины разоренія и не одни политическія, но и нравственныя: нравы такъ испорчены, что уменьшеніе человѣческаго рода почти примѣтно. Во всѣхъ городахъ моей губерніи со второй по третью[1] ревизію число жителей уменьшилось до седьмой, а въ нѣкоторыхъ, что

---

1. Первая въ 1722; 2я – въ 1742; 3я – въ 1762 г.

порядокъ и права старые, до пятой и до четвертой части противъ прежняго; только въ Новгородѣ и Псковѣ цѣлая треть убыла; въ Псковѣ черезъ 50 лѣтъ почти ни одного посадскаго жителя не останется. Способы къ устраненію этого зла: 1) Увеличеніе числа купцовъ переводомъ ихъ изъ пригородовъ, 2) Записаніе въ купечество или цехи бывшихъ государственныхъ и экономическихъ крестьянъ, которые живутъ въ городѣ и въ подгородныхъ слободахъ; 3) выводъ одного полка въ другой городъ, ибо почти невѣроятно, что въ одномъ мѣстѣ, гдѣ 450 душъ купечества, квартируютъ два пѣхотныхъ полка; 4) учрежденіе банковъ для уничтоженія разорительныхъ займовъ у частныхъ конторъ. Каменный домъ провинціальной канцеляріи въ Псковѣ развалился; воеводскаго двора совсѣмъ нѣтъ, воевода живетъ въ такомъ ветхомъ обывательскомъ домѣ, что мнѣ стыдно и не безъ страха было въ него войти. Я нашелъ изрядную гарнизонную школу, устроенную комендантомъ. Городъ Островъ — сущая деревня, имѣетъ около 120 душъ купечества, въ воеводскомъ домѣ только сороки да вороны живутъ; ни площади, ни лавокъ не нашелъ. Въ Холмѣ изъ 7000 кулей соли, значащихся по запискамъ, оказалось только около 1000, остальные были въ раздачѣ законообразно. Въ Холмѣ болѣе 700 душъ и только одинъ умѣетъ писать. Торопецъ — лучшій городъ во всей Новгородской губерніи, торгуютъ преимущественно шелковыми товарами, которые закупаютъ на ярмаркахъ въ Кенигсбергѣ, Данцигѣ, Бреславлѣ и Лейпцигѣ, а нѣкоторые отправляютъ ленъ и пеньку въ Петербургъ. —

Едва одинъ купецъ успѣлъ построить каменный домъ, какъ полковникъ вступившаго въ городъ полка занялъ его какъ лучшій въ городѣ, а хозяинъ остался жить въ старомъ деревянномъ, послѣ чего никто уже другаго каменнаго дома не заложилъ. Между воеводскою канцеляріею и магистратомъ я нашелъ великія несогласія и въ обоихъ мѣстахъ болѣе челобитчиковъ, чѣмъ въ какомъ либо другомъ городѣ. Тюрьмы нѣтъ, а колодниковъ ставятъ поперемѣнно въ домахъ разночинцевъ взамѣнъ постоя. Ржевъ-Володимировъ можетъ спорить съ Торопцомъ; одно худо, что между жителями капитальныхъ людей мало, вредятъ своей торговлѣ, занимая большіе капиталы у Англичанъ и другихъ за высокіе проценты... Хуже всѣхъ городовъ — Бѣлозерскъ. Я нигдѣ не находилъ, чтобы магистратъ былъ дѣйствительно городскимъ опекуномъ, какъ въ Торжкѣ. Тверскою канцеляріею я былъ доволенъ, кромѣ великаго числа колодниковъ: я замѣтилъ изъ вѣдомостей, что всегда 2/3 колодниковъ — ржевитяне. Купцы, какъ сами безъ воспитанія, такъ и дѣтей своихъ теперь не воспитываютъ. Торговля ихъ производится безъ всякаго порядка, рѣдко съ запискою, безъ книгъ и почти безъ счетовъ. Между ними нѣтъ довѣрія, которое составляетъ духъ коммерціи. Главнѣйшій вредъ купечеству, кажется, отъ подушнаго оклада; вмѣсто подушныхъ денегъ можно положить каждый городъ въ особый окладъ, и сей окладъ собирать съ имѣнія и съ торгу каждаго горожанина. Еще 3-я сему роду людей [illegible] лучшія

ными, если бы по уголовным дѣламъ ихъ отъ розысковъ избавить. О крестьянствѣ я долженъ вообще замѣтить, что оно еще болѣе заслуживаетъ жалости по незнанію грамоты, ибо это незнаніе подвергаетъ его множеству обидъ. Для полицейскаго надзора въ погостахъ Сиверсъ предлагалъ предоставить дворянамъ выбирать изъ себя старшинъ, а равно и уѣздныхъ коммисаровъ. Объ упадкѣ дворянства, въ слѣдствіе раздѣла имѣній, онъ пишетъ: „я былъ въ одной деревнѣ, гдѣ въ 15 крестьянскихъ избахъ нашлись 17 помѣщиковъ, и весь народъ, который я нашелъ на жнитвѣ, былъ благородной" (Соловьевъ, XXVII, 155-57). По донесеніямъ Бибикова изъ Казанской губ., увеличеніе содержанія администраціи заставляло удерживаться отъ взятокъ, но оно не составляло и четвертой части того, что получали чиновники отъ дѣлъ. Поэтому взятки по прежнему продолжались, а нѣкоторые успѣли нажить за прежнее время состояніе. Рѣдко кто не пользовался незаконными средствами. Отношенія администраціи къ инородцамъ въ Сибири представляли полнѣйшій произволъ. (Солов. XXVI, 50-53).

Новыя губерніи. Въ 1764 г. состоялось преобразованіе Новой Сербіи въ Новороссійскую губернію, начальникомъ которой былъ назначенъ генералъ-поручикъ А. П. Мельгуновъ. (Панины предлагали назвать эту губернію Екатерининскою, но импер-ца велѣла назвать Новороссійскою). Въ наказѣ ему поручалось озаботиться скорѣйшимъ заселеніемъ степнаго края, для чего предлагалось

раздавать желающимъ участки земли, какъ русскимъ, такъ и иностранцамъ, съ льготами (отъ податей) и съ значительными правами на владѣніе угодьями, лѣсами и т. п. Кромѣ этого предлагалось завести школы, воспитательные дома для мужскаго и женскаго пола, больницы и т. п. (П.С.З. 12,099; Солов. XXVI, 49-50). Изъ слободскихъ полковъ была учреждена (1764 г.) Слободская украинская губернія (губернаторомъ ея былъ Щербининъ). Здѣсь, какъ и въ Малороссіи, существовалъ пока свободный переходъ крестьянъ. На административныя должности въ новыхъ губерніяхъ велѣно было назначать малороссіянъ (П.С.З. 12293). Въ томъ же году (П.С.З. 12,269) была открыта и новая губернія въ Сибири Иркутская.[1]

Но безъ сомнѣнія важнѣйшимъ измѣненіемъ въ областномъ управленіи этого времени было уничтоженіе гетманства въ Малороссіи и новое устройство этого края.

Малороссія въ началѣ царств. Екатерины II. Мы знаемъ уже отношенія Петра III къ Малороссіи: онъ подтвердилъ права запорожцевъ на заднѣпровскія земли (П.С.З. 11,333), а Кіевъ подчинилъ вѣдѣнію гетмана. Доклады Разумовскаго по дѣламъ Малороссіи обыкновенно утверждались: его родственники получили почетныя званія, назначены были выборы нѣкоторыхъ новыхъ полковниковъ. Гетманъ по прежнему пользовался богатымъ

---

1 - Въ это время всѣхъ губерній было 20: 1) Московская, 2) Кіевская, 3) С. Петербургская, 4) Новгородская, 5) Архангелогородская, 6) Смоленская, 7) Бѣлогородская, 8) Воронежская, 9) Нижегородская, 10) Казанская, 11) Астраханская, 12) Оренбургская, 13) Сибирская, 14) Иркутская, 15) Малороссійская, 16) Слободско-украинская, 17) Новороссійская, 18) Лифляндская, 19) Выборгская (Финляндская), 20) Эстляндская. Рус. архивъ, 1863, 626-27.

складомъ (98, 147 р. 95 к. Рычельмана, Извѣстія о М. Рос. IV, 20; Зап. Маркевича II, 379; Солов. XXV, 26). При всемъ томъ, гетманъ чувствовалъ себя обиженнымъ: ходили слухи о намѣреніи императора передать его власть своему любимцу, Гудовичу; онъ долженъ былъ подчиняться тяжелой военной дисциплинѣ, а потому сторонникамъ переворота легко удалось склонить его на свою сторону, а имъ гетманъ былъ необходимъ, такъ какъ онъ пользовался расположеніемъ офицеровъ и солдатъ гвардіи за оказываемыя имъ не разъ милости и помощь (Hermann Gesch. d. Russ. St. V 283). Говорятъ, подъ разными предлогами, онъ сталъ даже удалять изъ своего полка (Измайловскаго) всѣхъ нѣмцевъ (Васильчиковъ, Семейство Разумовскихъ, I, 293). Притомъ у Разумовскаго установились благопріятныя отношенія къ Екатеринѣ еще въ царствованіе Елисаветы. Петръ III не довѣрялъ гетману: еще въ мартѣ 1762 г. былъ арестованъ близкій къ нему человѣкъ, Тепловъ, а во время похода противъ Даніи Петръ III предполагалъ даже взять съ собою гетмана, назначивъ его главнокомандующимъ (Маркевичъ, II, 381, Hist. de Pierre III, I; 145). Дальнѣйшая роль гетмана намъ извѣстна. О значеніи его въ первое время царст-ія Екатерины считали необходимымъ доносить иностранные послы своимъ дворамъ (Сборн. XII, 8-11) Екатерина поручаетъ ему секретныя дѣла и передаетъ черезъ его руки значительныя суммы; онъ предполагался въ члены несостоявшагося въ то время совѣта; былъ назначенъ предсѣдателемъ коммиссіи для составленія новаго положенія арміи (Сбор. VII, 109, 115, 201 и др.); ему

В. Иконниковъ

поручена председательство въ комиссіи по дѣлу Гурьевыхъ и Хрущова (Сб., VII, 172), участіе въ комиссіи о вольностяхъ дворянства (Сб., VII, 232, 238–266). По его ходатайству разрѣшенъ былъ безпошлинный вывозъ льна изъ Малороссіи и запрещено отпускать горячее вино въ Ковно, Гродно и Запорожскую Сѣчь, уничтожены въ Украинѣ табачные и другіе откупа, стѣснявшіе тамошнюю торговлю (Бантышъ-Каменскій, Ист. М. Р. III, 208). Но у гетмана съ первыхъ же дней царствованія Екатерины обнаруживается недоброжелательство со стороны гр. Орлова и онъ являлся однимъ изъ противниковъ петербургскаго прожекта о бракѣ Екатерины. Однако если другіе участники процесса по этому дѣлу, какъ многіе были удалены, или потеряли кредитъ при дворѣ, гетманъ остался неприкосновеннымъ (Сбор. XII, 160), а [illegible], поступокъ котораго (осужденіе брака) былъ одобренъ императрицею, она разрѣшила выдать изъ банка въ займы 80,000 р. безъ процентовъ. Къ гетману питала, можно сказать, родственныя чувства: вставала и выходила къ нему навстрѣчу, подавала ему кресло и провожала до дверей своего кабинета (Сборн. VII, 229–230, 273–274). Въ половинѣ 1763 г. гетманъ рѣшился отправиться въ Малороссію „послѣ долговременной своей въ Петербургѣ отлучки", замѣчаетъ Марковичъ (II, 385), со всѣмъ штатомъ: конюшими, пѣвчими и въ сопровожденіи родственниковъ своихъ — генеральнаго обознаго Сем. Вас. Кочубея и генеральнаго писаря Ильи Журмана, бывшихъ въ Москвѣ на коронаціи Екатерины депутатами отъ Малороссіи. Въ Петербургѣ объясняли поѣздку его потерею милости и вліянія

вслѣдствіи того, что тотъ самый человѣкъ (Г. Г. Орловъ) который нѣсколько времени назадъ стоялъ значительно ниже ея, считался ему равнымъ. „Императрица рѣшила, пишетъ Сольмсъ Фридриху II, не оставлять никого служить противъ воли и стоитъ сказать только слово, чтобы получить не только отпускъ, но даже разрѣшеніе покинуть навсегда отечество." (Сбор. XXII, 44, 71). Между тѣмъ въ этой поѣздкѣ гетмана уже не принималъ участія прежній factotum его - Тепловъ, который вмѣстѣ съ Олсуфьевымъ и Елагинымъ былъ назначенъ статсъ-секретаремъ императрицы. И хотя гетманъ продолжалъ относиться къ нему дружески, но со стороны Теплова не видно болѣе взаимности (Васильчиковъ, I, 310). Екатерина же отъ времени до времени вела переписку съ Разумовскимъ (Арх. Воронц. IV, 456; сборн. VII, 314-315). Вскорѣ по отъѣздѣ гетмана, получилъ отпускъ за границу канцлеръ Воронцовъ, съ которымъ онъ находился въ дружескихъ отношеніяхъ (Арх. Воронц. IV, 404-405).

Преобразованія гетмана въ Малороссіи. По пріѣздѣ въ Глуховъ, Разумовскій принялся за преобразованія въ Малороссіи, начатыя еще при Елисаветѣ: казаки, носившіе до сихъ поръ разнообразное одѣяніе, получили общій мундиръ; въ полкахъ стали вводиться регулярный строй и порядокъ. Въ 1764 г. въ Малороссіи была окончена народная перепись, а въ концѣ этого года гетманъ созвалъ всѣ малороссійскіе чины на генеральное собраніе въ Глуховѣ. Здѣсь было составлено прошеніе объ уравненіи малороссійскихъ чиновъ съ великорусскими, переданное императрицею въ комиссію о правахъ

дворянства (Ригельманъ, IV, 20-21); былъ положенъ предѣлъ свободному переходу крестьянъ, дозволенному указомъ 1742 г., для прекращенія бродяжничества. (ib). Еще прежде гетманъ сократилъ число судебныхъ инстанцій (Б. Каменскій, III, 208); теперь онъ возстановилъ суды земскіе, гродскіе и подкоморскіе, уничтоженные Богд. Хмельницкимъ, вслѣдъ чего полковники и сотники остались чисто военными начальниками, а власть гражданская была отдѣлена отъ военной. Малороссія была раздѣлена на 20 повѣтовъ. Въ каждомъ повѣтѣ былъ положенъ земскій судъ, въ которомъ три раза въ теченіе года собирались несмѣняемые судьи, избранные вольными голосами изъ шляхетства каждаго повѣта. Для уголовныхъ дѣлъ былъ назначенъ гродскій судъ, во главѣ котораго, впрочемъ, стоялъ полковникъ. Споры о земляхъ разсматривались въ подкоморскихъ судахъ. (Б. Каменскій, III, 208-209).

Но пребываніе гетмана въ Малороссіи было нарушено непріятнымъ дѣломъ о вербованіи уланскихъ полковъ въ пограничныхъ мѣстахъ Украйны, для Новороссійской губ., вооруженныхъ пиками (отсюда названіе ихъ пикинерные полки). Вербовка ихъ вызвала столкновенія между новобранцами и казаками, а обученіе ихъ строевой службѣ привело даже къ открытому мятежу. Въ то же время въ Малороссіи стали толковать о старинныхъ правахъ и договорахъ Богд. Хмельницкаго (Марковичъ, Ист. Малор. II, 653), что вызвало втайнѣ появившееся неудовольствіе со стороны правительства.

Вопросъ о наслѣдственномъ гетманствѣ. Среди этихъ толковъ между нѣкоторыми старшинами и полковниками возникла мысль о наслѣдственномъ гетманствѣ въ фамиліи Разумовскаго, поддержанная вѣроятно самимъ гетманомъ.[1] Это дѣло вызвало тогда жаркіе споры; были представлены разныя „пропозиціи", наконецъ составлено 23 пункта, на основаніи которыхъ Генеральный писарь, Вас. Триг. Туманскій вмѣстѣ съ полковниками Горленкомъ и Хованскимъ составили челобитную императрицѣ. Они думали привлечь къ этому дѣлу Кіев. Митр. Арсенія Могилянскаго и архимандрита печерской лавры Зосиму Валькевича. Митрополитъ уклонился отъ подписи, архимандритъ же добылъ копію съ прошенія, но также отказался отъ всякихъ сношеній, а затѣмъ сообщилъ самое прошеніе и обстоятельства этого дѣла кіевскому коменданту Чичерину, а глуховскій комендантъ извѣстилъ о затѣяхъ гетмана, созвавшаго снова старшину въ Глуховъ для рѣшенія этого вопроса, — кіевскаго генералъ-губернатора Воейкова, которые и донесли обо всемъ въ Петербургъ (Б. Камен, III, 209). Донесенія эти были получены въ Петербургѣ въ Декабрѣ 1763 г. Въ челобитной подписавшіеся ссылались на безпорядки, происходящіе отъ избранія гетмана и на заслуги, оказанныя Малороссіи Разумовскимъ, а потому ходатайствовали объ утвержденіи власти гетмана въ его фамиліи, съ чѣмъ однако соединялось также утвержденіе малороссійскихъ правъ, вольностей и привилегій. Выслушавъ эту челобитную,

---

1. Онъ былъ женатъ на внучатной сестрѣ императрицы Елисаветы — Екат. Ив. Нарышкиной; сыновья его воспитывались за границей.

нѣкоторые полковники и старшины сказали: „хорошо", но большинство молчало. Генеральный же судья Дублянскій на отрѣзъ отказался отъ подписи, послѣ чего отъ стали выходить изъ канцеляріи. На другой день подписались всѣ полковники, кромѣ Черниговскаго Милорадовича, всѣ бунчуковые товарищи, кромѣ Иваненка, сотники и другіе полковые чины; полковая же старшина и генеральная, кромѣ писаря, во-все не подписались. Кочубей, Апостолъ, Скоропадскій и Тарновскій уклонились отъ подписи подъ разными предлогами. Нѣкоторые изъ протестовавшихъ присоединились къ подписавшимъ (Дублянскій, Сулима. Изъ госуд. арх. Солов. XXV, 299-300. Васильчиковъ, I, 314-316). Вполнѣ понятно, что многіе по принципу не хотѣли отказаться отъ права выбора гетмана (сборн. XXII, 247-248). Узнавъ объ этомъ, гетмана вызвали въ Петербургъ, въ отсутствіе котораго управленіе Малороссіею было ввѣрено Кочубею, Турпанскому и Апостолу. Правительство опасалось дальнѣйшаго движенія, а потому туда были вызваны три полка для того, чтобы заставить гетмана подчиниться въ случаѣ его сопротивленія. (сборн. XII, 339-340 ср. 126) Разумовскій расчитывалъ на самое короткое пребываніе въ столицѣ, но онъ не успѣлъ пріѣхать еще въ Петербургъ, какъ Кіевъ былъ уже изъятъ изъ его вѣдѣнія. Тепловъ принялъ гетмана во дворцѣ съ распростертыми объятіями, по поводу которыхъ Гр. Орловъ, говорятъ, воскликнулъ: „и лобза его же предаде". (Г. Камен., III, прим. 73-74, Рус. Арх. 1863, 429); но Екатерина оказала гетману самый холодный пріемъ (Нечит. V, 567; сбор. XII, 160). Вскорѣ въ Петербургъ отправилась и жена гетмана, но императрица такъ была возбуждена въ это время, что распорядилась даже произвести

разслѣдованіи о притѣсненіяхъ со стороны лицъ, сопровождавшихъ гетмана, на станціяхъ, ямщикамъ и огромномъ количествѣ лошадей, взятыхъ имъ безденежно, для своего проѣзда (Рус. Арх. 1863, 437). Лично императрица не сочувствовала особымъ правамъ Малороссіи и остзейскихъ провинцій и высказала это въ февралѣ 1764 г. въ секретномъ наставленіи кн. Вяземскому (Сборн. VII, 346, см. выше лек. 12), между тѣмъ еще въ ноябрѣ она предложила сенату слушать проектъ о малороссійской ревизіи Теплова, которому велѣно было присутствовать при этомъ (VII, 324) и который представилъ подробную записку о состояніи Малороссіи и безпорядкахъ. Въ городѣ толковали будто бы преемникомъ Разумовскому готовится быть гр. Гр. Орловъ, но это не имѣло смысла (Сборн. XII, 160). Однако императрица тревожилась этими слухами, какъ видно изъ слѣдующаго письма ея къ Олсуфьеву, въ февралѣ 1764 г.

„Адамъ Васильевичъ! дайте пожалуйста разнымъ людямъ прочесть и сами разскажите друзьямъ своимъ происхожденіе гетманскаго дѣла, его поведеніе въ Малороссіи, какъ я два мѣсяца о томъ знала, какъ не вѣрила, наконецъ, какъ позвала Неплюева, Панина, Шаховскаго, васъ и великаго канцлера, какъ бы всѣ согласны были на то, чтобы Панинъ и Голицынъ къ нему поѣхали для растолкованія гетману непорядочныхъ его поведеній и какъ, наконецъ, онъ самъ узналъ и они совѣтовали ему какъ съ честью выйти и что другой дороги нѣтъ, какъ только просить о увольненіи... а нынѣ въ Петербургѣ говорятъ иные, будто все происходитъ отъ гоненія на гетмана гр. Г. Г. Орлова и вамъ лучше всего извѣстно, сколь то ложно выдумано" (Рус. Арх. 1863, 427). Разумовскому запрещено было являться во дворецъ, а спустя

нѣсколько мѣсяцевъ, Панину было поручено привести указаннымъ способомъ это дѣло къ концу. Разумовскій долго отказывался отъ предложенія оставить гетманство, но онъ былъ достаточно уменъ и слишкомъ любилъ комфортъ, чтобы упорствовать въ этомъ (Сборн. XXII, 247-48). Рѣшившись отказаться отъ своихъ правъ, гетманъ просилъ только снять съ него этотъ „опасный санъ", но вмѣстѣ съ тѣмъ не забыть его многочисленной фамиліи и наградить новыми маетностями, которыхъ, впрочемъ, и безъ того у него было весьма много. Дѣло это окончилось въ ноябрѣ 1764 г. (Св. Сборн. VII, 375). За Разумовскимъ были оставлены всѣ великороссійскія званія и должности, всѣ мѣстности, пожалованныя ему Елисаветою, въ вѣчное владѣніе замки Гадяцкій и Быковская волость и по 60,000 р. ежегодной пенсіи (Марковичъ II, 399, Сборн. VII, 359). Между тѣмъ еще до окончательнаго рѣшенія гетманскаго дѣла императрицѣ была представлена записка Теплова, бывшаго воспитателя Разумовскаго и его руководителя по Академіи и Малороссіи (Зап. это изд. у Кулиша, Записки о южной Россіи т. II и въ Рус. Бесѣд. 1857), въ рѣзкихъ чертахъ изображавшая безпорядки Малороссіи, при господствѣ старшины все болѣе усиливавшейся и обезземеливавшей крестьянъ. Такъ при гетманѣ Скоропадскомъ было до 45,000 свободныхъ дворовъ, а при Разумовскомъ ихъ было уже не болѣе 4,000. Множество казаковъ было уже закрѣпощено. Города и села не имѣли точныхъ данныхъ на свои земли, отчего совершались постоянные наѣзды на чужія земли; избраніе въ должности сопровождалось рядомъ злоупотребленій и пьянствомъ; все добывалось подкупомъ;

праваго суда не было; но авторъ этой записки осуждаетъ и вольный переходъ крестьянъ (Солов. XXVI, 40-43). Говорятъ также, что, сдѣлавшись статсъ-секретаремъ Екатерины, Тепловъ не разъ совѣтывалъ ей покончить съ привилегіями Малороссіи и въ то же время далъ совѣтъ Разумовскому относительно наслѣдственнаго гетманства.

Рѣшеніе вопроса о гетманствѣ. Малороссійская Коллегія.

Дѣло о Малороссіи было передано на разсмотрѣніе иностранной коллегіи, которая нашла намѣреніе правительства вполнѣ согласнымъ съ интересами государства и предлагала учредить вмѣсто гетманства малороссійскую коллегію въ Глуховѣ, въ которой половина членовъ была бы великороссіяне и половина малороссіяне. Прокуроромъ ея доложенъ былъ быть великороссіяниnъ, а управленіе краемъ съ правами генералъ-губернатора и Предсѣдательства въ коллегіи поручить довѣренному лицу. Такимъ лицомъ былъ избранъ гр. П. А. Румянцовъ. Екатерина утвердила означенныя предложенія. (Онъ состоялъ въ этомъ званіи до своей смерти, въ концѣ 1796 г. Чт. м. общ. ну, 1859, III, смѣсь). Малороссійская коллегія получила свою печать (П. С. З. т. XVII, Архивъ этой коллегіи недавно переданъ Харьковскому университету). Затѣмъ состоялось и уравненіе малороссійскихъ чиновъ съ великороссійскими. Румянцеву поручалось завѣдываніе Запорожскою Сѣчью. Въ подробной инструкціи Румянцову обращалось вниманіе на устройство тамошняго края. Ему поручалось озаботиться введеніемъ порядка въ городахъ и нанесеніе ихъ на планы; способствовать прекращенію перехода крестьянъ; обратить вниманіе на промышлен-

ность края (разведение маису, тутовыхъ деревьевъ, овцеводства) и на судопроизводство, но въ особенности на умы малороссійскаго духовенства, проникнутаго католическими и панскими тенденціями и духъ старшины, которая может влiять на народъ, прельщая его вольностями. Вмѣстѣ съ тѣмъ императрица поручала Румянцову обратить вниманіе на искорененіе чувства презрѣнія, какое привыкли выражать великороссіяне къ малороссіянамъ. Замѣчательно, что это наставленіе было передано черезъ Теплова же, съ которымъ Румянцову поручено было имѣть предварительно большую конверзацію (Солов. XXVI, 48). Сообщенія сопланныя Тепловымъ въ запискѣ подтверждаются и другими современными извѣстіями (Сборн. XXII, 247-45) и показаніями самаго Разумовскаго (въ госуд. Арх. Васильчиковъ I, 325); но нѣкоторые находили въ нихъ пристрастное отношеніе и даже болѣе худшія качества (напр. Максимовичъ, въ разборѣ записки Теплова, соч. Максимовича, т. I стр. 545-555). Современный историкъ Малороссіи, располагавшій большимъ запасомъ данныхъ, дѣлаетъ однако заключеніе, вполнѣ благопріятныя запискѣ Теплова. „Управленіе Разумовскаго, говоритъ Лазаревскій, было для Малороссіи пагубнѣе всѣхъ его предшественниковъ, хотя, быть можетъ, послѣдній гетманъ былъ лучшимъ человѣкомъ изъ всего ряда ея правителей XVIII в. Не смотря на свое происхожденіе, Разумовскій не зналъ больныхъ мѣстъ своей родины и непосредственное завѣдываніе краемъ ввѣрилъ той самой старшинѣ, которую въ стремленіяхъ ея къ окончательному порабощенію народа могъ сдерживать только суровый надзоръ

великороссійскихъ чиновниковъ. При Разумовскомъ старшина окончательно взяла верхъ и, пользуясь родственными связями съ гетманомъ, спѣшила закрѣпить оставшіяся еще свободными села „въ вѣчное и потомственное владѣніе“ — формула совершенно новая, явившаяся впервые въ гетманскихъ универсалахъ при Разумовскомъ.... Закрѣпощеніе крестьянъ, узаконенное черезъ 20 лѣтъ послѣ гетманства Разумовскаго, было логическимъ послѣдствіемъ тѣхъ отношеній старшины къ народу, которыя окончательно установились при Разумовскомъ" (Рус. Арх. 1873 г. Очерки изъ быта Малороссіи въ XVIII в. 383–384).
Съ этимъ выводомъ нельзя не согласиться. Стремленіе Разумовскаго и его сторонниковъ къ наслѣдственному гетманству ясно показало, что гетманство отжило свой вѣкъ. Вскорѣ однако непріятныя впечатлѣнія по дѣлу о гетманствѣ изгладились. Разумовскій сопутствуетъ Екатеринѣ въ прибалтійскій край и ежедневно приглашается во дворецъ, а весною 1765 г. онъ уѣхалъ за границу, гдѣ видѣлся съ другимъ Елисаветы любимцемъ — И. И. Шуваловымъ — (въ Парижѣ) и посѣтилъ Францію, Германію, Швейцарію, Англію и Италію. Онъ возвратился въ С.-Петербургъ только въ 1764 г. Но этимъ не кончился малороссійскій вопросъ. При выборѣ депутатовъ въ коммиссію уложенія, онъ былъ снова поднятъ и также имѣлъ свои непріятныя послѣдствія, какъ увидимъ въ своемъ мѣстѣ.
<u>Донесенія гр. Румянцова</u>. Изъ первыхъ же донесеній Румянцова Екатерина узнала, что Разумовскій вопреки своему праву, раздавалъ въ частныя руки даже

цѣлые города. Города находились въ полномъ запустѣніи. Екатерина соглашалась на выписку опытныхъ овцеводовъ и знатоковъ земледѣлія: Румянцовъ предлагалъ завести школы и госпитали, указывалъ на дурное управленіе церковными имуществами. Императрица побуждала Румянцева уговорить духовенство на эту реформу и обѣщала вознаградить за это кіевскаго Митрополита (Солов. XXVI 150-152). Синодъ одобрилъ это намѣреніе Екатерины. На Малороссію было обращено особенное вниманіе правительства, какъ видно изъ спеціальной переписки гр. Румянцова съ гр. Панинымъ въ 1770 г. (Сборн. IX). Эта важность объясняется уже тѣмъ, что Малороссійскій генералъ-губернаторъ долженъ былъ входить въ постоянныя сношенія съ турецкимъ правительствомъ, съ Татарами, Запорожскою сѣчью и польскимъ правительствомъ. Румянцовъ обратилъ вниманіе на организацію иррегулярнаго и регулярнаго войска въ Малороссіи (Сборн. XII, 466). Вскорѣ по пріѣздѣ Румянцова въ Глуховъ, онъ распорядился составить (1765 г.) подробное описаніе земель Малороссіи, списки казаковъ, чиновниковъ и всего населенія (Марковичъ II, 398-399). Обозрѣніе Румянцовской описи издано въ послѣднее время (1866-75) Черниговскимъ статистическимъ комитетомъ (3 части). Румянцевъ самъ нерѣдко ѣздилъ съ докладами въ Петербургъ. За время его управленія остался рядъ записокъ и переписка его съ императрицею, обнимающія всѣ отрасли управленія тамошнимъ краемъ (Чтенія Мос. Об. Ист. 1861, т. I и II; Арх. гр. Румянц. въ 1865 и др.) Румянцовъ возбуждалъ вопросъ и о судебномъ устройствѣ Малороссіи; но сенатъ отвѣчалъ, что пока не извѣстно, останутся ли права Малороссіи въ прежнемъ видѣ, или послѣдуютъ какія-либо перемѣны. Но когда Слободская губернія была положена въ общій окладъ, а это вызвало

неудовольствія, тѣмъ болѣе, что правительство стремилось, чтобы вмѣстѣ съ тѣмъ прекратить постоянные переходы населенія, чего не расчитывалъ сразу достигнуть генералъ-губернаторъ Щербининъ; но императрица написала на этомъ мнѣніи: „Когда Малороссія будетъ приведена въ порядокъ, то надежно это пресѣчено!" (Солов. XXVII, 32-33). Нѣкоторыя сотни малороссійскія были отчислены къ Новороссійской Губ., къ Екатеринославской провинціи, другія же присоединены обратно къ Малороссіи. — (Марковичъ II, 395).

Права Малороссіи и Запорожья. Однако, въ теченіе всего этого періода Екатерина подтверждала права Малороссійскаго населенія по литовскому статуту и магдебургскимъ постановленіямъ (П.С.З. XVII, 11,987 и др.), за исключеніемъ нарушенія вексельнаго устава, по которому оно подлежало общимъ постановленіямъ (№ 13,192).

Запорожцы старались получить обратно земли, отошедшія къ Новороссійской губерніи, и боялись постройки крѣпостей на р. Самарѣ, ссылаясь на то, что это вызоветъ даже неудовольствіе со стороны Хана. Они указывали на свои права, подтвержденныя польскими королями и русскимъ правительствомъ. Но на эти указанія было выражено теперь сомнѣніе, а постройка крѣпостей объяснялась необходимостью для защиты того же Запорожья. При этомъ войску напоминалась защита его русскими войсками отъ Поляковъ и матеріальную его поддержку отъ Россіи (Солов. XXVII, 30-32). Этимъ пока кончилось Сѣчевыя неудовольствія.

Остзейскія привилегіи. Въ то же время Екатерина II выдала цѣлый рядъ жалованныхъ грамотъ остзейскимъ

провинціямъ и городамъ — рыцарству, дворянству и мѣщанству, подтверждавшимъ ихъ права и привилегіи (П. С. З. т. XVI–XVII). Но когда сенатъ предложилъ этимъ провинціямъ доставить ему ежегодныя вѣдомости о хлѣбности урожая, то генералъ-губернаторъ, Броунъ, сообщилъ, что лифляндское рыцарство дѣлаетъ ему въ этомъ отношеніи препятствія. Сенатъ отвѣчалъ, что безъ такихъ вѣдомостей никакое благоучрежденное государство обойтись не можетъ и потребовалъ доставить вѣдомости. (Солов. XXVII, 33).

Лекція 14-я

Финансы. Въ инструкціи новому генералъ-прокурору Екатерина указывала на необходимость умножить циркуляцію денегъ въ государствѣ, а въ своей запискѣ о первыхъ пяти годахъ царствованія она говоритъ объ общемъ положеніи финансовъ въ Россіи и мѣрахъ принятыхъ ею на первыхъ порахъ для возстановленія правильнаго отношенія между приходами и расходами. (смотр. лекцію 6-ю) Помимо передѣлки монеты, соотвѣтственно внутренней цѣнности металла, при Екатеринѣ получаетъ значительное развитіе разработка рудъ казною и частными промышленниками. Такъ на Нерчинскихъ заводахъ, открытыхъ въ 1702 г., съ 1704–1763 г. т. е. въ 59 лѣтъ было выплавлено серебра 2000 пуд. 35 ф. и $38\frac{1}{4}$ золот. т. е. на 1,500,755 р., а съ 1763 г. по 1775, т. е. въ 12 лѣтъ, — выплавлено 4,972 п. 11 ф. и 42 золот. или на 3,723,247 р.; кромѣ того — 40 пуд. золота или на 4,279,519 руб., вновь отыскано было — 21 рудникъ и выстроено 2 казенныхъ завода и 1 частный. При этомъ на заводахъ было заведено хлѣбопашество и улучшено содержаніе и управленіе заводовъ.

Всего на Нерчинских заводахъ состояло тогда 12,611 рабочихъ людей. Относительно монетнаго дѣла следуетъ замѣтить, что оно также значительно расширяется. Такъ, за первую четверть XVIII ст. было выдѣлано золотой монеты на 761,968 р 50 к.; съ 1727–30 г. до 89,826; въ царствованіе Анны Ивановны 177,090 р. 75 к. при Елисаветѣ Петровнѣ до 1½ милліона; при Екатеринѣ II съ 1762–68 г. до 8½ милліоновъ (7.863,114+149,140+534,550).[1] Серебряной монеты съ 1664 г. по 1725 г. было выдѣлано на сумму 34,139,738 р 60 к.; при Екатеринѣ I 3,007,205 руб; при Аннѣ Иван. 23,153,131 р.; при Елисаветѣ до 28½ мил., при Екатеринѣ II съ 1762–68 г. 103,886,639 р. 40 к. (Чт. М.О.И. 1864, III, 101–104)[2]

Для достиженія точныхъ свѣдѣній о доходахъ и расходахъ имперіи Екатерина приступила къ введенію строгой и правильной отчетности. Всѣ коллегіи и канцеляріи обязаны были доставлять ежегодно вѣдомости о доходахъ въ сенатъ (П.С.З. 12,632). Благодаря этому, сохранились полныя вѣдомости о государственныхъ доходахъ и расходахъ (онѣ хранятся въ Мос. гл. арх. мин. иност. дѣлъ и департ. государ. казначейства мин. фин., и напечатаны въ сборн. Р.И.О. томы: V, VI, XXVIII).

---

1. Знаменитые горноблагодатскіе и камскіе заводы, принадлежавшіе гр. А. И. Шувалову, за долги были взяты въ казну и подчинены Бергъ-коллегіи (П.С.З. № 11,984), но доходы съ нихъ, за уплатою необходимыхъ расходовъ, были назначены въ кабинетъ императрицы (12,002).

2. Цѣна монеты была установлена въ слѣд. размѣрѣ: золотая мон. должна была относиться къ серебряной, какъ 15 къ 1. Золотую мон. дѣлать 88 пробы и каждый имперіалъ въ 10 р., вѣсомъ по 3 злот. и $\frac{3}{44}$ доли; серебр. мон. 72 пробы (Солов. XXVI, 22) Подѣланные рубли приводились изъ-за границы (П.С.З. 11,952) Въ видахъ подѣлки мон. были закрыты медныя мастерскія Выборгской губ. (12,405), а для выдѣлки медной монеты открытъ заводъ въ Екатеринбургѣ (11,957).

Свѣдѣнія эти собирались сенатомъ и кн. Вяземскимъ представлялись на усмотрѣніе императрицы. Въ то время каждое изъ центральныхъ управленій имѣло въ своемъ вѣдѣніи извѣстные источники, которыми и располагало для своихъ потребностей. Только съ 1769 г. правительство приступило къ веденію общей государственной книги, въ которую вносились свѣдѣнія о всѣхъ государственныхъ доходахъ, завѣдываніе которыми [illegible]. (Такія книги хранятся въ Арх. мин. юст. въ [illegible]). Уже съ 1773 г. была учреждена <u>экспедиція о государственныхъ доходахъ</u>, имѣвшая спеціальною цѣлью своихъ занятій [illegible] государственныхъ финансовъ. [illegible] существенныхъ преобразованій финансоваго управленія въ Россіи при Екатеринѣ [illegible] въ обзорѣ [illegible] періода ея царствованія (Фин. упр. въ цар. Екатерины II Кулишера, въ Юрид. вѣст. 1869, февраль и мартъ и обз. [illegible] доходовъ и расходовъ въ цар. Екатерины II 1762–69 г. Рус. Вѣст. 1869, № 11). Чтобы судить о степени приращенія государ. доходовъ, приведемъ наглядн. цифры: въ 1763 доходъ равнялся 16,5[illegible] р., въ 1764 – 21,593,139 р., въ 1766 – 23,408,401 р. Приращеніе было создано [illegible] сборовъ съ монастырскихъ крестьянъ, [illegible] оклада съ раскольниковъ, дворцовыхъ крестьянъ, съ малороссіянъ и украинскихъ людей, числившихся при усадебныхъ дворахъ, [illegible] по новой ревизіи, съ [illegible] работниковъ [illegible] и т. п. Къ 1766 г. [illegible] до 25,231,184 р., а въ 1774 г. – 29,945,[illegible] р. Значительное повышеніе объясняется налогомъ на [illegible], питейный, крестьянъ, фабрики и т. п., по случаю турецкой войны. Обратимся къ расходамъ. Въ 1764 г. дворъ обходился до 1 мил. 70 тыс. р.; въ 1770 г. этотъ расходъ равнялся 2½ милліон.

Военныя сухопутныя силы въ 1764 г. обходились въ 7,123,028 р.; въ 1770 г. – 9,204,467 р. Флотъ и морское управленіе въ 1764 г. – 556,258 р. въ 1770 – 771,546 р. Расходы по штатсъ-конторѣ были до 5 мил., а въ 1770 г. слишкомъ 7 мил. Расходы на центральную и мѣстную администрацію въ 1764 г. – 2,310,594 р., а въ 1770 г – 2,719,573 р. Высшія учебныя учрежденія (Шлях. Ак. Н. Ак. Худ.) въ 1764 г. — 29,151 р., въ 1770 г. – 58,787 р. Колонизація стоила въ 1764–1770 г. – 200,000 р. Весь расходъ въ 1764 г. равнялся 19,368,671 р.; въ 1770 – 25,335,047 р. (Сборн. V)

Винный откупъ. Екатерина указывала кн. Вяземскому на необходимость обратить вниманіе на откупную систему, противъ которой она такъ категорически высказывалась въ той же запискѣ и другихъ своихъ мнѣніяхъ. Результатомъ этой системы было корчемство, въ которомъ оказывались повинными цѣлыя мѣстности, уѣзды и области. До сихъ поръ винная продажа составляла принадлежность казны, за которую откупщики вносили предварительно за вино по 2 р. съ ведра и затѣмъ продавали его въ народъ, но зато злоупотребленіямъ былъ полный просторъ, такъ какъ каждый изъ откупщиковъ старался выбрать свои деньги; явились поддѣлки и утайки, но когда въ 1764 г. разсматривалось это дѣло въ сенатѣ, то послѣдній нашелъ возможнымъ только регулировать продажу, повысивъ цѣну на вино, въ интересахъ доходовъ казны и распространилъ откупную систему на всѣ мѣстности Россіи (Солов. XXVI, 125-127. П. С. З. т XVII). – Въ это время поступали и разсматривались проекты о дозволеніи куренія и продажи вина особыми компаніями, съ уплатою въ казну извѣстной суммы, а въ Тобольскѣ было

В. Иконниковъ

разрѣшено устроить такую компанію на основаніи акціонернаго общества. Предполагалось, кромѣ того, образовать особую компанію въ болѣе богатыхъ городахъ, которымъ и предоставить куреніе вина (сборн. VII, 260-67). Однако коммиссія пришла къ заключенію, что изъ всѣхъ способовъ винной регаліи, бывшихъ въ то время въ употребленіи (предоставленія магистратамъ и ратушамъ, вѣрнымъ сборщикамъ и откупщикамъ), магистраты и ратуши причинили наиболѣе обмановъ и подлоговъ и единственный способъ обезпечить государственный доходъ съ этой статьи состоитъ въ питейной продажѣ на откупъ частнымъ лицамъ. Поэтому въ 1765 г. указанные способа были вовсе отмѣнены съ 1767 г., кромѣ Сибирской губ., а откупъ отдавался съ торговъ охочимъ людямъ изъ купечества на 4 года.(1) Откупной порядокъ состоялъ въ томъ, что казна подряжала вино и продажу его предоставляла откупщикамъ за извѣстную плату. Но неурожай хлѣба заставилъ повысить цѣну на вино въ 1768 г.(2)

Соль. Вступивъ на престолъ, Екатерина II объявила уменьшеніе цѣны на соль, по гривнѣ (10) съ пуда, а такъ какъ эта сбавка должна была произвести существенное измѣненіе въ доходахъ казны (на 674,520 р. 70 императрица велѣла покрыть этотъ дефицитъ изъ той части соляного сбора, которая была назначена въ ея кабинетъ

---

1. Впослѣдствіи Сибирь была сравнена въ этомъ отношеніи (П.С.З. 12,500
2. Точно также отдавались на откупъ нѣкоторыя отдѣльныя статьи: напр. канцелярскіе сборы, сборы съ Макарьевской ярмарки (П.С.З. 12,809-10).

(300,000 изъ 1 милл.) и изъ передѣлки мѣдной монеты. Но вмѣстѣ съ тѣмъ сенату было предложено озаботиться изысканіемъ средствъ, чтобы понизить цѣну на соль еще на гривну (до 30 к.) во всемъ государствѣ, а въ Астрахани до 5 к. (съ 10 к.). Сенатъ предлагалъ замѣнить недостающіе сборы возвышеніемъ пошлины на нѣкоторыя другія статьи (патенты, заводы, вино, вексельн. актовъ и т. п.). Императрица утвердила этотъ докладъ, за исключеніемъ вексельнаго сбора, какъ бы обременительнаго для торговыхъ оборотовъ. Чтобы судить на сколько этотъ вопросъ игралъ важную роль въ интересахъ казны, можно указать на то, что когда цѣна на соль поднялась въ 1750 г.—1756 съ $3\frac{1}{2}$ к. на 25, то расходъ ея въ Астрахани уменьшился съ 500,000 на 200,000 пуд. Съ цѣлью развитія этого промысла, коммиссія предложила содѣйствовать частной предпріимчивости посредствомъ ссудъ отъ казны и увеличенія складовъ соли. Вмѣстѣ съ тѣмъ, чтобы увеличить сбытъ русской соли и доставить ей возможность конкуррировать съ иностранною, были заведены соляные магазины въ Смоленской губ. и Малороссіи, а въ Новороссійской губ. дозволена вольная продажа крымской соли (1766—68 г. г.).

<u>Таможни.</u> Между тѣмъ значительныя злоупотребленія при сборѣ <u>таможенныхъ пошлинъ</u> вынудили прибыльщикъ пожалованной откупъ, срокъ которому далеко еще не истекъ, замѣнить другою системою. По указаніямъ лицъ, близко стоявшихъ къ этому дѣлу, хотя Шемякинъ и его товарищи были люди „безкапитальные", но успѣли въ весьма короткій срокъ (1757 г.) нажить до 1 м. руб. и задолжать казнѣ значительную недоимку. Сначала предполагалось взять таможенный сборъ въ казенное управленіе и передать въ содержаніе компан.,

однако, денежныхъ лицъ даже для столь выгоднаго предпріятія не оказалось. Поэтому казенное управленіе передало этотъ сборъ тѣмъ же лицамъ, подчинивъ ихъ выборной Коммиссіи отъ сената и купечества, подъ завѣдываніемъ гр. Іог. Эрн. Миниха (сына), который былъ облеченъ весьма широкими полномочіями. Еще раньше были отмѣнены таможни, существовавшія на границѣ Новороссіи и Малороссіи, и оставлены только на общей границѣ.[1] Замѣна откупной системы казеннымъ управленіемъ доставила значительное приращеніе казнѣ этого дохода (въ одинъ годъ на 500,000 р.)

<u>Налоги.</u> Такимъ образомъ, если правительство и не успѣло уничтожить откупъ въ отрасли питейныхъ сборовъ, то вполнѣ сознавало вредъ, приносимой имъ; оно предпочитало увеличивать доходы посредствомъ косвенныхъ налоговъ, как менѣе чувствительныхъ для народа: такъ въ 1767 г. изъ общей суммы 22,966,387 р. доходовъ до 11,737,885 р. собиралось въ видѣ <u>косвенныхъ налоговъ</u> съ вина, соли и др. предметовъ потребленія, таможенныхъ, съ предметовъ иностранной торговли, а 9,825,756 р. въ видѣ прямыхъ податей. Обращая же вниманіе на статьи расходовъ, нельзя не отмѣтить, что до первой турецкой войны существенное приращеніе въ расходахъ замѣчается на пути сообщенія, общественныя постройки, научныя заведенія и народное здравіе; расходы на все это достигаютъ небывалой до того времени цифры 700,000 р. (Куломзинъ Рус. Вѣст. 1869, N 11). Значительный дефицитъ въ бюджетѣ обнаруживается только за 1766 годъ,

1. Екатерина отмѣнила также сборъ пошлинъ при вывозѣ хлѣба за границу и въ русскую Финляндію (П.С.З. т. XVII...) Внутреннія таможни во Франціи существовали до революціи.

когда чрезвычайные расходы достигали 1,315,338 р., болѣе чѣмъ вдвое, противъ предъидущаго года, но въ 1764 г. они составляли даже 1,696,600 р. (Сбор. Р.И.О. V, 227–229). Къ этому же времени относится первая мысль объ <u>учрежденіи ассигнаціоннаго банка</u> въ Россіи (1764 г), записка о которомъ была представлена Императрицѣ, какъ видно изъ переписки Сиверса (изданной Блюмомъ), этимъ послѣднимъ. (Она хранится въ Мос. главн. Архивѣ мин. ин. дѣл). Но такъ какъ первыя дѣйствія этого банка относятся уже ко времени турецкой войны, то мы разсмотримъ его основанія и дѣйствія въ слѣдующемъ періодѣ.

<u>Состояніе флота.</u> Екатерина II вскорѣ послѣ Петра В. серьезно отнеслась къ флоту. Она писала Панину, что хотя у насъ находится въ излишествѣ людей и кораблей, но нѣтъ ни флота, ни моряковъ. Она описывала какой безпорядочный видъ представляло для нея зрѣлище флота: ни начальники, ни экипажъ не знали своего дѣла и корабли походили на голландскій флотъ для ловли сельдей, а не на военный (Сбор. X, 23). Еще въ 1763 г. Екатерина послала въ Англію для приглашенія оттуда опытныхъ морскихъ офицеровъ. Въ началѣ 1764 г. эти офицеры прибыли въ Россію (VII, 274, 309, 336), а въ августѣ 1764 былъ изданъ регламентъ объ управленіи адмиралтейства и флотовъ (П.С.З. т. XVII). Императрица выписала изъ Англіи и Франціи корабельныхъ и другихъ мастеровъ и нѣсколько мальтійскихъ кавалеровъ для русскаго флота (П.С.З. 12,004).

<u>Войско.</u> Вотъ отзывъ о русскомъ войскѣ, сдѣланный въ донесеніи гр. Букингама, въ половинѣ 1764 г. „Что касается до русской арміи, писалъ онъ, считаю лишнимъ объяснять

что-тримъ миробержца и отчуждения неприятельской страны, иррегулярныя войска приносят мало пользы. Артиллерія - лучшія войска, когда либо виденное много. Полевые пехотные полки - хороши и въ полномъ составѣ. Гвардія вслѣдствіе разныхъ причинъ не оправдала назначенія. Кавалерія въ самомъ дурномъ состояніи .... но гвардія, артиллерія и полевые полки составляютъ дѣйствительную силу имперіи. Вслѣдствіе климата и положенія страны, а также характера обитателей, флотъ ея никогда не достигнетъ значительныхъ размѣровъ. Хотя не менѣе въ настоящее время приготовившихся къ плаванію 21 корабль...., но мнѣ положительно извѣстно, что Россія не въ состояніи выставить 1,500 чел., которые въ Голландіи и Англіи заслужили бы названіе опытныхъ мореходцевъ" (Сборн. XII, 170)

Торговый флотъ. Екатерина обратила вниманіе и на торговый флотъ. Въ 1764 г. появился первый русскій корабль на Средиземномъ морѣ, такъ какъ до сихъ поръ далѣе Кадикса не ходилъ ни одинъ русскій, какъ военный, такъ и торговый корабль. Тогда же образовалась компанія тульскаго купца Владимірова и другихъ тульскихъ купцовъ для непосредственнаго торга съ Италіею чрезъ Средиземное море. Императрица же на свой счетъ построила для компаніи фрегатъ въ 36 пушекъ, названный „Надежда Благополучія", Этотъ фрегатъ, нагруженный желѣзомъ, юфтью, парусными полотнами, табакомъ, икрою, воскомъ, канатами вышелъ изъ Кронштадта (11 Августа) въ Ливорно, подъ начальствомъ капитана Плещеева. Факторомъ компаніи

въ Ливорно состоялъ казанский купецъ Пономаревъ, который прислалъ въ Петербургъ извѣстіе, что 20 ноября фрегатъ прибылъ въ Ливорно, а 24, въ день Екатерины, была совершена торжественная служба на рус. языкѣ въ греч. цер. (П. С. З. 11,938 и Солов. т. XXVI).

Водяныя сообщенія и почты. Въ интересахъ торговаго дѣла и торговли Екатерина на первыхъ порахъ обратила вниманіе на водяныя сообщенія. На первомъ планѣ стоялъ вопросъ о балтійскомъ портѣ, который не разъ уже обращалъ на себя вниманіе правительства. По докладу сената на его окончаніе и устройство требовалась новыя налоги; но Екатерина понимала всю тягость новыхъ налоговъ для народа. Она поставила вопросъ: нуженъ ли этотъ портъ для государства и если нуженъ, то необходимо его устроить такъ, чтобы полезность имѣла преимущество передъ тягостью. Коммисія составленная изъ фельдмаршала Миниха, Н.И. Панина, Муравьева, Чернышева, адмирала Мордвинова, пришла къ рѣшенію о необходимости устроить возлѣ Ревеля морскую военную каменную гавань, на 25 кораблей и фрегатовъ. Для этой цѣли понадобилось 4 милл. денегъ и 3000 рабочихъ. Въ виду необходимости ея устройства, коммисія предложила прекратить работы у балтійскаго порта, а [illegible] назначить для пристанища судовъ отъ штормовъ. Рабочіе должны быть взяты изъ гарнизона и каторжныхъ. Постройка гавани назначалась въ теченіи 12 лѣтъ. Екатерина утвердила этотъ проектъ. Тогда уже было ассигновано 70,000 р. на постройку канала отъ Сяси до Волхова, на про-

ценныя деньги коммерческаго банка. (Солов. XXVI, 127-129). Н постройка канала отъ озера Переславскаго къ Волгѣ была отложена, такъ какъ купцы заявили, что имъ отправлять оттуда нечего. Пути сообщенія были до того еще затруднительны, что изъ Архангельска даже оффиціальныя вѣдомости посылались обыкновенно только „съ оказией", такъ какъ постоянныхъ почтъ тамъ не было и учредить ихъ въ лѣтнее время считалось невозможнымъ, по причинѣ громадныхъ болотъ. При Екатеринѣ устроена была почта отъ Архангельска до Петербурга, (12,489), отъ Нарвы черезъ Псковъ и Великія Луки до Смоленска и Торопца (12,691), отъ Москвы черезъ Смоленскъ въ Польшу (12,835). Въ то время на отдаленныхъ окраинахъ, какъ Архангельская губер. и Сибирь, даже въ оффиціальныхъ сношеніяхъ приходилось прибѣгать, вмѣсто бумаги, къ <u>бересту</u>, на которой писались правительственные акты, рукописи, святцы, календари (Рус. Стар. VIII, 806). За письмами всѣ, какъ присутственныя мѣста, такъ и частныя лица, обязаны были присылать нарочныхъ въ почтамтъ (П.С.З. 12,515).

<u>3ᵃ ревизія.</u> Уже въ 1763 г. было приступлено къ 3ᵉⁱ общей ревизіи, для чего сенатъ полагалъ разослать военныя команды и ассигновать на это 400,000р. Но Екатерина, чтобы избѣжать притѣсненій, соединенныхъ съ этими командами, опредѣлила предоставить представленіе реестровъ самому населенію и положить только штрафъ на прописныхъ. Она говоритъ, что тогъ происходили въ ея царствованіе ревизіи и прописныхъ не бывало. (Рус. Арх. 1865 г. 784).

Но изъ свѣдѣній, собранныхъ въ это время оказывается, что это дѣло далеко не было такъ правильно и соединялось съ большими затрудненіями, хотя конечно имѣло свои правительственныя выгоды (Солов. XXV, 143-144). По собраннымъ даннымъ оказалось, что крестьяне числились даже за такими состояніями, которыя не имѣли права владѣть ими, напр. казаки и рейтары. (Солов. ib 31).

Средній классъ.

Изъ переписки Екатерины съ Жоффрэнъ мы знаемъ, что она намѣрена была во чтобы-то ни стало образовать третье сословіе. „Этому среднему роду людей", въ названіи котораго она затруднялась, но подъ которымъ обыкновенно разумѣется торгово-промышленное городское населеніе она придавала большое значеніе. Поэтому городъ долженъ былъ занять видное мѣсто въ государственной организаціи, для котораго она считала необходимымъ дать и „твердое положеніе".

Города.

Но въ началѣ царствованія Екатерины города находились въ жалкомъ положеніи какъ въ административномъ, такъ и въ экономическомъ отношеніи. Какъ въ магистратахъ, такъ и въ администраціи царилъ полный произволъ. Президенты городскихъ магистратовъ позволяли себѣ насилія и грабежи; въ нѣкоторые города приходилось посылать военныя команды, чтобы унять насилія городскихъ властей. Жители Саратова жаловались черезъ своего депутата комиссіи на притѣсненія полицеймейстера. И Екатерина заявила, что не только въ другихъ городахъ, но и въ самой столицѣ, жить не безопасно; въ домахъ производятъ грабежи, а на улицахъ валяются мертвыя тѣла; стоило вывести войска изъ

Москвы и безопасность печальна (Солов. XXV, 145; Сборн. X, 322). Сенатъ не зналъ числа русскихъ городовъ и не имѣлъ ихъ списковъ; только при Екатеринѣ тамъ появился первый атласъ, составленный Кириловымъ и напечатанный Академіею Наукъ за 5 руб. (Рус. Ар. 1865, 480). Экономическое состояніе городовъ было ужасное. Мы знаемъ уже факты изъ донесеній Сиверса о городахъ Новгородской губерніи (лек. 13). Великій Новгородъ Сиверсъ находитъ никуда негоднымъ и отличавшимся даже пьянствомъ. Но и въ Москвѣ до 1773 г. магистратъ былъ продажный (18 вѣкъ, I, 90). Восточные города отличались бѣдностью: незначительнымъ числомъ купечества, которое притомъ не обладало капиталами, а въ другихъ и вовсе не было купеческаго класса. Въ нѣкоторыхъ число домовъ доходило только до 50. Даже такой торговый городъ, какъ Архангельскъ, который Екатерина ставитъ рядомъ съ Петербургомъ и Ригою, не имѣлъ собственныхъ средствъ для удовлетворенія необходимыхъ нуждъ, а пользовался выдачами отъ казны. Подобныя же жалобы мы слышимъ и насчетъ малороссійскихъ городовъ (Чт. М.О.И. 1858, кн. III). Правительство строило города, имѣя въ виду фискальныя и административныя цѣли и обнаруживало желаніе, чтобы граждане способствовали ихъ обогащенію и процвѣтанію; но граждане бѣжали изъ нихъ, боясь налоговъ и повинностей. Потому уже въ 1764 г. такіе города были обращены въ заштатные, а между тѣмъ прежній способъ „воздвиганія" городовъ продолжался. Такъ дѣйствовала и Екатерина, къ царствованію которой относится основаніе городовъ Новороссійскаго края. Эти городки существовали какъ [illegible]

столицахъ, такъ и въ провинціальныхъ городахъ были чрезвычайны. Такъ, по донесенію Московскаго губернатора Юшкова, видно, что съ 1756 г. въ теченіе 10 лѣтъ оставалось нерѣшенныхъ дѣлъ 1215 и 813 счетовъ, не представленныхъ въ ревизіонъ-коллегію; недоимка числилась въ 1,543,724 р., дѣла въ архивѣ были вовсе не описаны. Отчасти это проистекало отъ обширности Московской губ., которая имѣла въ своемъ вѣдомствѣ 50 городовъ и болѣе 2 мил. населенія, между тѣмъ какъ на губернскую канцелярію было отпущено всего 500 р. Въ 1766 г., при повѣркѣ полученныхъ денегъ, оказался недостатокъ въ 3,000 р. причемъ счетчики сознались въ воровствѣ какъ въ настоящемъ случаѣ, такъ и въ предыдущіе годы. Воровство и грабежи были обыкновенными явленіями въ самой Москвѣ[1] (Солов. XXVII, 15). Въ такихъ торговыхъ городахъ, какъ Астрахань магистратъ находился въ полной власти губернатора, и когда одинъ изъ членовъ его рѣшился протестовать противъ незаконныхъ сборовъ съ рыбныхъ промысловъ, назначенныхъ губернаторомъ, то его продержали 3 мѣсяца подъ арестомъ, лишая через это торговли. Сенатъ распорядился только освободить смѣлаго члена магистрата, отважившагося протестовать противъ незаконнаго требованія. Рязанскіе купцы жаловались главному магистрату на притѣсненія генералъ-маіора Мелена, забиравшаго у нихъ товары произвольно, бившаго ихъ по щекамъ и плетьми. Сенатъ рѣшилъ заплатить потерпѣвшимъ слѣдуемыя деньги, а за побои взыскать съ виновнаго по Уложенію. Въ Орлѣ, Бѣлевѣ, Тамбовѣ и др. гор. встрѣчаются извѣстія о подобныхъ же притѣсненіяхъ и злоупотребленіяхъ (Солов. XXVIII, 12-16; 58-59; Сбор. I, 219-220).

1.) Ср. донес. кн. Волконскаго XVIII вѣкъ I, 98.

Выборъ войта въ Кіевѣ. Еще въ 1735 г. выборной войтъ былъ замѣненъ здѣсь коронным; но Елисавета Петровна разрѣшила магистрату снова выбирать войта и избранъ былъ изъ гренадеровъ лейбъ-компаніи майоръ Сычевскій. Однако въ 1766 г. Екатерина писала, что вслѣдствіе возникшихъ столкновеній его съ магистратомъ, необходимо выбрать новаго войта. Притомъ императрица писала кіев. губернатору Глѣбову, чтобы магистратъ, на основан. привилегіи, избралъ четырехъ кандидатовъ и четвертымъ чтобы былъ поставленъ прокуроръ Кіевской губерн. канцеляріи Пивоваровъ. Но въ средѣ избирателей было условлено, подъ страхомъ удаленія изъ города или отъ службы, не выбирать никого изъ великороссіянъ. Тогда, вновь назначенный въ Кіевъ губернаторъ, генералъ Воейковъ, собравъ членовъ магистрата и привилегированныхъ купцовъ, изорвалъ предъ ними актъ избранія войта. На новыхъ выборахъ онъ присутствовалъ самъ, причемъ новые кандидаты прошли уже безъ всякихъ споровъ. Это были: тотъ же Пивоваровъ, секретарь гр. Гр. Орлова Гр. Козицкій, камердинеръ вел. князя Павла Петровича Андреевскій и медовый шафаръ кіев. магистрата Дмитровичъ (Солов. XXVII, 28–29). Первый изъ нихъ и былъ утвержденъ въ этой должности. (Закревскій Опис. Кіева, I, 96; упом. и въ 1781 г. II, 896).

Улучшеніе городовъ. Екатерина хлопотала объ устройствѣ внутренняго порядка въ городахъ. Въ это время существовала уже постоянная коммиссія строеній; въ вѣдѣніи которой находились постройки въ столицахъ и другихъ городахъ (12, 526). Также въ настоящій періодъ были утверждены планы городовъ: Петербурга (1)

Въ 1768 г. были составлены планы кремлевскаго дворца, сената и коллегій въ Москвѣ. Сборн. рус. истор. общ. II 282.

(№ 12,439; 12,629, 12,324; 12,823), Кашина (12,560), Торжка (12,891), Казани (12,303), Бѣлгорода (12,106), Твери и др. Екатерина распорядилась снять спеціальные планы губерній съ ихъ городами (12,196). Обративъ вниманіе на элементарное устройство по Волгѣ, во время своего путешествія въ 1767 г., она предлагала, чтобы дворцовыя правленія [illegible] исподволь строить свои житницы на каменныхъ погребахъ и обмазывать ихъ глиною (Сборн. X, 218).

Свѣдѣнія о городахъ. При Елисаветѣ статистическія данныя, касающіяся Россіи, были недоступны для постороннихъ (Маркизъ д'Арганъ и Шлецеръ). Екатерина распорядилась, чтобы изъ всѣхъ губерній доставлялись въ Петербургъ свѣдѣнія о числѣ жителей и помѣщиковъ, а въ Петербургѣ составлялись бы при церквахъ вѣдомости и таблицы о родившихся, умершихъ, вступившихъ въ бракъ и присоединившихся въ [illegible] (П.С.З. 12,061); чтобы присылались [illegible] медицинской канцеляріи (при сенатѣ) о числѣ умершихъ въ городахъ и количествѣ выгодныхъ земель (12,628); о разводахъ и [illegible] (12,631); чтобы въ петербургской и московской газетахъ печаталось о числѣ умершихъ, родившихся и бракосочетавшихся (12,895)[1]

Заботы объ ихъ благоустройствѣ. Правительству приходилось устанавливать самыя элементарныя пра-

---

1. Въ Петербургѣ къ январю 1766 г. считалось мужескаго пола 39,4[illegible]6, женскаго 24,613, всего же 64,069 чел.; а къ 1 января 1767 г. было муж. пола 42,338, жен. 24,980, всего 67,318 чел. Относительно Москвы за это время нѣтъ извѣстій (Солов. XXVII, 13). Во время же чумы въ 1771 г. въ ней было насчитано 12,558 домовъ, Солов. XXIX, 177. Въ Казани [illegible] считалось 2,867, Пушкинъ, Исторія Пугач. глава 2.

бованія относительно освѣщенія, какъ напр. воспрещеніе ходить и ѣздить въ ночное время съ факелами, чтобы по улицѣ скоро не ѣздили и не свистали, П.С.З. 11,949), чтобы не ѣздили въ саняхъ тройкою съ 2 верховыми (12,158), и купались внутри города открыто (12,218); объ употребленіи во время пожаровъ заливныхъ трубъ (12,487). Когда Гиверсъ предложилъ жителямъ Каргополя, послѣ пожара, строиться на каменныхъ сводахъ, то они отказались (Рус. Арх. 1865, 486...) Точно также когда губернскій прокуроръ предложилъ жителямъ Архангельска, во избѣжаніе ночныхъ убійствъ и воровства, хотя осенью освѣщать улицы фонарями, то магистратъ отказался, ссылаясь на опасность отъ пожаровъ (Рус. Стар. XXVI, 101). Разсматриваемый періодъ (по 1775 г.) представляется намъ переходнымъ въ исторіи русскаго города. Хотя въ этотъ періодъ во взглядахъ правительства сознается необходимость отдѣленія административной и судебной части; но, на первыхъ порахъ, города (т.е. ратуши и магистраты), по инструкціи губернаторамъ, подчинялись этимъ послѣднимъ во всѣхъ случаяхъ — въ управленіи, промышленности и защитѣ отъ притѣсненій, а въ 1772 г. и воеводамъ[1]. Такимъ образомъ магистраты теряютъ свое значеніе и уже въ это время Екатерина думала о ихъ преобразованіи. Сенату и губернаторамъ предложено было заняться пересмотромъ состоянія городовъ и ихъ раздѣленіемъ на уѣздные, заштатные и т.д. Замѣчательно, что въ концѣ этого періода президентъ коммерцъ-коллегіи гр. А.Р. Воронцовъ заявлялъ, что коллегія не имѣетъ статистическихъ и экономическихъ свѣдѣній о городахъ и почему обязалъ городское начальство высылать ихъ въ

(1) Взгляды Екатерины о губернск. администраціи въ письмахъ ея къ кн. Вяземскому, Лебедевъ, Графы Панины, 153-156.

коллегію (П.С.З. 14,261). А всѣхъ штатныхъ городовъ въ Европейской Россіи въ это время считалось 165 и 13 пригородовъ (12,259). Злоупотребленія въ магистратахъ и ратушахъ доходили до того, что даже въ продажѣ соли правительство подчинило ихъ вѣдѣнію губернской канцеляріи. Члены магистратовъ, по прежнему, избѣгали городской службы и было тѣмъ кончалось, что выборы подчинялись также губернской власти, а несущіе эти должности могли быть представляемы къ наградамъ. Тѣмъ и ограничились пока мѣры по устройству городского самоуправленія, т.е. правительство отступило отъ распоряженій Елисаветы о невмѣшательствѣ губернаторовъ въ магистратскіе выборы. Съ 1768 г. было разрѣшено городамъ избирать каждые два года <u>городскихъ головъ</u>. Эта должность образовалась вслѣдствіе манифеста о выборѣ депутатовъ въ коммиссію Уложенія и городскіе головы избирались для руководства этихъ выборовъ, а потомъ были оставлены для принятія разныхъ полномочій и распоряженій относительно городского управленія, причемъ никакихъ отношеній къ магистратамъ они не имѣли и вошли въ свое настоящее значеніе лишь съ учрежденіемъ городскихъ думъ (1785 г.) (Дитятинъ, Устройство городовъ въ Россіи, II, 370-90). Но и въ своемъ Наказѣ императрица смотрѣла на членовъ городского управленія съ той же прежней сословной точки зрѣнія, разумѣя не тѣхъ ни дворянъ и не крестьянъ, а занимающихся лишь <u>промыслами</u>, имѣющихъ свои дома, т.е. „мѣщанъ", а земствія такого [illegible] и сословная рознь въ городахъ

продолжала существовать (401–413).

Торговля и фабрики. Посмотримъ на другую сторону этого вопроса. Въ своей запискѣ Екатерина говорила, что съ начала ея царствованія всѣ монополіи были уничтожены. Но, уничтоживъ монополіи, правительство оборвало лишь самыя крайнія ихъ которыя формы, а потому разрѣшено было давать заимообразно пособія на опредѣленный срокъ (напр. купцу Евреинову. Сборн. VI, 227). Въ коммисію о коммерціи, составленную изъ членовъ сената и высшихъ лицъ, велѣно было включить и двухъ купцовъ, извѣстныхъ своею торговлею, а коммисія должна была имѣть въ виду два вопроса — объ усиленіи заграничнаго отпуска русскихъ товаровъ и упроченіи кредита какъ въ Россіи, такъ и за границей (VI, 328). Мы видѣли, что Екатерина уже высказала заботу о водяныхъ сообщеніяхъ; въ 1765 г. она предложила заняться расширеніемъ устья р. Двины (X, 49). Въ 1767 г. разрѣшено было образовать нижегородскую купеческую торговую компанію на акціяхъ, съ пособіемъ отъ казны. Чтобы установить правильныя свѣдѣнія о торговлѣ, Екатерина распорядилась о печатаніи цѣнъ курантовъ, что было давно забыто со времени Петра В. (Солов. XXVI, 28). Посѣтивъ въ 1764 г. Остзейскій край, Екатерина обратила вниманіе на рижскую торговлю и даровала ей новыя льготы (Сборн. VII, 403). 20 іюня 1766 г. былъ заключенъ торговый трактатъ съ Великобританіей на 20 лѣтъ. Екатерина отказалась тогда отъ проэкта морской торговли съ Индіей и Китаемъ (X, 384)[1], но установила таможенный процентъ въ пользу Киргизовъ, проводившихъ

1) Китайское правительство отказало въ плаваніи русскихъ судовъ по Амуру. Солов. XXV, 53–54.

бухарские караваны до Оренбурга (X, 192 Солов. XXVI, 53-54). Основанием въ этомъ случаѣ служило и печальное состояніе русской торговли даже въ Константинополѣ, о которой въ весьма рѣзкихъ выраженіяхъ доноситъ Обрѣзковъ, указывая на полное невѣжество русскихъ купцовъ, которые вовсе не пользуются кредитомъ. И Панинъ написалъ на этомъ донесеніи „выраженія не мягки, но къ сожалѣнію вѣрны" (Солов. XXVI, 135). Положеніе промышленнаго и денежнаго рынка дѣйствительно было непрочно. Одинъ изъ старѣйшихъ русскихъ купцовъ (Затрапезниковъ) продалъ свою полотняную фабрику за 600,000 р. Къ такимъ же крупнымъ явленіямъ торговаго дѣла относится банкротство придворнаго банкира и владѣтеля многихъ фабрикъ и заводовъ англичанина Гомма, вызвавшее панику въ Амстердамѣ и Лондонѣ. Чтобы поддержать его кредитъ, Екатерина всетаки предпочла выдать ему казенную субсидію (Сборн. X, 192, 193, 203, 207, 209, 250, 251). Чтобы усилить дѣятельность государственныхъ банковъ, она разрѣшила всякому вносить въ нихъ деньги на проценты, не менѣе 100 р. (Солов. XXVI, 129). А въ декабрѣ 1768 г. были введены ассигнаціи, для размѣна которыхъ было положено по 500,000 р. въ московскій и петербургскій банки звонкою монетою. (Сборн. X, 313-14). По поводу недостатка лосинныхъ кожъ для войска, Екатерина категорически высказалась противъ существованія фабрикъ въ казенныхъ рукахъ и возражала въ этомъ случаѣ сенату. Но, признавая вредъ монополій, она прибавляетъ, что „всякихъ дѣлъ, касающихся до торговли и фабрикъ, не можно завести принужденіемъ, а дешевизна

родится только отъ великаго числа продавщиковъ и отъ вольнаго умноженія товара" (X, 258-59). Почти каждое открытіе фабрикъ сопровождалось выдачею привилегіи (Солов. XXVI, 20-21). По случаю открытія турецкой войны, въ 1768 г. была составлена вѣдомость о фабрикахъ, находящихся въ вѣдѣніи мануфактуръ-коллегіи (президентомъ ея былъ извѣстный Волковъ). Изъ нея видно, что въ это время состояло: ткацкихъ фабрикъ 230, другихъ 256. На послѣднихъ оборотный капиталъ былъ до 1 мил. руб. Въ вѣдѣніи бергъ-коллегіи состояли: желѣзныхъ заводовъ 111 съ оборотнымъ капиталомъ въ 1,192,540 р.; 48 мѣдныхъ заводовъ съ капиталомъ 780,115 руб.; 10 минеральныхъ заводовъ съ капиталомъ 1,280 р. Всего купечества считалось 228,209 чел., платящихъ въ казну 561,496 р. Всѣхъ крестьянъ на фабрикахъ было 21,286 чел. Изъ нихъ въ фабричной работѣ - 8,332, а 12,954 - въ деревняхъ и бѣгахъ. По случаю турецкой войны купечество было обложено сборомъ въ 630,175 р. съ копѣйками (т. X, 368).

Частные промыслы. Въ области промышленности Екатерина покровительствовала частной предпріимчивости. Такъ она дозволила частной компаніи ловлю сельдей возлѣ Архангельска (12,008; 12,516), сохранила вольный промыселъ жемчугомъ (12,035); разрѣшила вольную продажу клею за границу, какъ товара (12,170); возобновила китовый промыселъ на остр. Шпицбергенѣ (12,158); частныя лица получили право заниматься оружейными издѣліями, для продажи и поставки въ казну (12,405); отдала промыслы: сальный, кожевенный, морскихъ звѣрей, трески, моржевый въ вольную продажу жителямъ Архангельской губ. (13,141); велѣла

учредить конскіе заводы въ Эстляндіи, Лифляндіи и на остр. Эзелъ, по указу 1737 г. (11,984) хлопотала объ улучшеніи выдѣлки писчей бумаги и размноженіи бумажныхъ фабрикъ, чтобы присутственныя мѣста могли пользоваться русскою бумагою (12,273; 12,550). Поощряя русское производство, она запретила (секретно) въ 1766 г. употреблять для войскъ сукна англійскихъ фабрикъ (Рус. стар. XXIII, 716); дозволила французу Верды разводить возлѣ Саратова шелковицы, съ ссудою отъ казны (12,284). Съ военною и торговою цѣлями она распорядилась сдѣлать описаніе восточнаго берега Каспійскаго моря до Персидской границы (11,971) и составить описаніе карты лѣсовъ Архангельской губер. (12,160); ассигновала на вновь устроенный фарфоровый заводъ ежегодно по 15,000 р. (12,757; 12,885) и мн. др.

<u>Лѣса</u>. Мы видѣли, что Екатерина обратила вниманіе на описаніе лѣсовъ Архангельской губ.; но она не приняла серьезныхъ мѣръ въ пользу сохраненія ихъ. Разрѣшивъ въ значительныхъ размѣрахъ рубку лѣса помѣщикамъ, военнымъ командамъ, винокуреннымъ заводамъ, иностраннымъ колонистамъ (13,001; 13,144) и вывозъ его за границу (11,960; 12,281), между тѣмъ какъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Россіи въ нихъ чувствовалась необходимость, она причинила значительный вредъ, допустивъ отдачу на откупъ лѣсовъ Архангельской губ. англійской компаніи купца Гомма (12,223. Сборн. X), которая въ значительныхъ размѣрахъ вывозила его за границу.

<u>Кредитъ</u>. Екатерина подтвердила постановленія 1754 г. о дозволеніи при коммерческихъ сдѣлкахъ держаться 6% какъ высшей нормы (12,243), а въ рѣшеніяхъ по бан-

крупскимъ дѣламъ велѣла держаться амстердамскаго устава т.е. обязательнаго для меньшинства кредиторовъ подчиненія постановленію большинства (13,301). Она уничтожила кромѣ того государственную лотерею, существовавшую съ 1760 г., какъ промыселъ неприличный государству, и обманчивый для подданныхъ (Сборн. X, Сумароковъ 12). При этомъ необходимо напомнить, что важнѣйшія распоряженія въ области промышленности безъ сомнѣнія состоялись при участіи Волкова, автора указа о коммерціи при Петрѣ III.

Налоги на промыслы. Со времени Екатерины II сборы съ частныхъ промысловъ все болѣе входятъ въ упорядоченіе и организуются въ правильную систему. Въ 1763 г. съ фабрикъ и заводовъ постановлено взимать по 1 р. со стана, или по 1% съ употребленнаго на производство капитала. Были усилены десятинные сборы съ промысловъ красильныхъ, кожевенныхъ, салотопенныхъ, воскобойныхъ и др., существовавшіе до 1775 г., когда они были замѣнены правильного гильдейскою пошлиною (съ 1742 г. существовало 3 гильдіи). Другіе промыслы были обложены по пространству занимаемыхъ мѣстъ (1/2 р. съ квадр. саж.), поштучно (мѣдовыя кади) или по наемной цѣнѣ (погреба, постоялые дворы). Въ 1769 г. съ фабрикъ поступило дохода по 1 р. 21,758 р. (Львовъ, Промысловый налогъ, 172-173; Семевскій Очеркъ управл. мануф. промышл., Журн. Мин. Нар. прос. ч. CIII 229).
Но вмѣстѣ съ тѣмъ нѣкоторыя сельскія и домашнія занятія были освобождены отъ оброка (П.С.З. 12,258; 12,842). Годовыхъ ярмарокъ при Екатеринѣ считалось 31,

еженедѣльныхъ торговъ 6,916[1]. Обороты Макарьевской ярмарки простирались до 659,480 р.; обороты Москвы — до 1,390,960 р. (Львовъ, 182)

Иностранные колонисты. Еще въ 1763 г. къ Екатеринѣ обратилось нѣсколько тысячъ гернгутеровъ, жившихъ въ Саксоніи и изъявившихъ желаніе переселиться въ Россію. Предварительно она обратилась за разъясненіями религіознаго вопроса къ М. Дм. Сѣченову и архіер. Гаврiилу; которые признали ихъ ученiе сходнымъ съ реформатскимъ и считали возможнымъ допустить ихъ въ Россію, съ обязательствомъ не распространять своего ученія. Такимъ образомъ, въ началѣ 1764 г. имъ разрѣшено было переселиться; при этомъ они представили императрицѣ книгу о своей вѣрѣ на франц. языкѣ въ великолѣпномъ золотомъ переплетѣ (Рус. Стар. XXIII 712; сборн. X, 259). Екатерина очень хлопотала о заведеніи иностранныхъ колоній (VII, 268) и въ iюнѣ 1763 г. была издана инструкція „опекунства иностранныхъ колонистовъ", во главѣ котораго былъ поставленъ гр. Г. Гр. Орловъ. Этою инструкціею опредѣлялись льготы для поселенцевъ (принявшихъ и непринявшихъ подданство) на Волгѣ. Имъ обѣщаны были пособія и содѣйствія для перваго обзаведенія. Екатеринѣ хотѣлось, чтобы переселенцы были преимущественно купеческаго и ремесленнаго состоянія (302-303). Поселенія образовались въ окрестностяхъ Саратова и пользовались собственнымъ

---

1. Въ это время возникли ярмарки въ Иркутскѣ, Якутскѣ и Удинскѣ (П. С. З.: 13,199).

судомъ и расправою (VII, 308). Уже въ первый годъ ихъ пришло въ Россію до 1000 челов. (Порошинъ, 102) и гр. Орловъ хвалился золотыми часами, осыпанными бриліантами прекрасной работы, сдѣланными въ ихъ колоніи. Переселенцы пользовались значительными льготами. Ихъ снабжали пищею, деньгами и всѣмъ необходимымъ для устройства. Для нихъ были отведены участки земли, на которыхъ строились дома по найму отъ казны, а также дозволялось рубить лѣсъ (12,651; 12,827). Съ нихъ не велѣно было взыскивать пошлины за товары, привозимые съ собою на сумму до 300 р. (12,248). При малороссійской коллегіи учреждена была особая экспедиція для завѣдыванія и выдачи пособій колонистамъ въ южной Россіи (13,015). Въ Астрахани и въ Саратовскихъ колоніяхъ для нихъ назначены были пасторы; имъ разрѣшалось строить лютеранскія и католическія церкви (12,303; 12,322). Въ то же время Екатерина выдала грамоту прихожанамъ С.Петербургской евангелической церкви св. Петра, принявъ подъ свое покровительство новозаведенную при ней школу языковъ, художествъ и наукъ (1764 г. № 12,022). Движеніе колонистовъ изъ-за границы совершалось въ большомъ количествѣ съ 1764–1770 г.г., преимущественно изъ Германіи[1]. Особо отъ нихъ поселилась выше упомянутая евангелическая братія въ 1766 г., основавшая колонію Сарепту. На Волгѣ было образовано 102 колоніи, въ числѣ которыхъ однако было много голышей, желавшихъ воспользоваться льготами и заставившихъ въ 1770 г. пріостановить колонизацію; но она снова возобновилась спустя 12 лѣтъ и направилась уже

1) Они селились преимущественно въ низовомъ Поволжьѣ и частью въ нын.

въ Новороссійскій край (Клаусъ, Наши колоніи). Въ 1769 г. Екатерина хвалилась, что саратовская колонія достигла уже 27,000 душъ, что каждый округъ имѣетъ церковь своего вѣроисповѣданія и что въ продолженіи 30 лѣтъ не будутъ платить никакихъ податей (Сбор. Р. Ист. об. X, 345). Однако заселеніе юговосточныхъ окраинъ Россіи привело къ столкновенію между русскими и колонистами, вслѣдствіе чего правительство рѣшило надѣлить русскихъ поселенцевъ и новыхъ пришельцевъ по 30 дес. земли, но при этомъ они были обложены платою съ десятины (по 10 к). Но такая постановка вопроса являлась несправедливою относительно русскихъ поселенцевъ и сенатъ рѣшилъ было исключить эту статью, что вызвало новыя затрудненія, и дѣло было отложено до рѣшенія межевой коммиссіи (Солов. XXVI, 152-54). Иностранные же колонисты находили себѣ весьма сильную защиту въ лицѣ гр. Г. Гр. Орлова, который пользовался весьма значительными полномочіями. На иностранную колонизацію отпускалось ежегодно 200,000 р. Спустя нѣкоторое время эти колоніи достигли значительнаго благосостоянія. На мѣстѣ пустыни появились трехъ-этажныя зданія, окружавшія правильныя площади, явились виноградные сады, разныя мастерства, рукодѣлія, табачныя плантаціи, сушильныя мельницы, пивоварни, магазины, гостинницы, знаменитая горчица, а Сарепта превзошла даже лучшіе уѣздные города и главнѣйшую гернгутерскую колонію Цейстъ близъ Утрехта (Сумароковъ I, 122-123)[1]. Такимъ образомъ Екатерина могла похвалиться Вольтеру, что она дала пріютъ трудолюбивымъ сектантамъ

1.) Вскорѣ здѣсь возникли минеральныя ванны. Соч. Державина, изд. Грота, V, 302.

вопреки знаменитому акту Людовика XIV, отменившему нантскій эдиктъ (Сборн. X, 204).

Введеніе картофеля. Одновременно съ иностранною колонизаціею изъ Германіи произошло существенное нововведеніе въ земледѣльческой промышленности. Мы говоримъ о перенесеніи въ Россію картофеля. Сиверсъ предложилъ выписать его изъ Ирландіи; а сенатъ поручилъ это дѣло медицинской коллегіи; при чемъ на выписку "земляныхъ яблоковъ„ было отпущено 500 р. Медицинская коллегія съ своей стороны издала наставленія (П. С. З. 12,527 и 12,406) о важности этого продукта, не требующаго ухода за собою и щедро вознаграждающаго трудъ; при дороговизнѣ на хлѣба имъ вполнѣ можно замѣнить послѣдній (Солов. XXVI, 135). Впрочемъ впервые русскіе познакомились съ картофелемъ во время перехода русскаго войска черезъ Пруссію въ семилѣтнюю войну; но тогда это знакомство дорого обошлось имъ, повлекши за собою множество больныхъ въ войскахъ (Болотовъ). Въ Петербургѣ картофель былъ извѣстенъ частнымъ лицамъ еще въ первой половинѣ XVIII в. (Рус. Ст. т. XXVI, 85). Разведеніе картофеля, при ежегодной возраставшей чрезмѣрной дороговизнѣ хлѣба, на что указывала Екатерина (Сборн. X, 215-217; Чт. М. О. И. годъ III т. I, 20), могло, конечно, много содѣйствовать улучшенію сельскаго хозяйства. Но долгое время разведеніе картофеля прививалось плохо и вызывало даже неудовольствія и такъ называемые „картофельные бунты". Въ то же время Екатерина хлопотала о разведеніи въ Сибири такого

рода растеній, которые могли бы заменить хлѣбъ (П.С.З. 12,532)
Заботы о продовольствіи населенія. Вопросъ объ устраненіи условій, вызывавшихъ весьма частые неурожаи въ Россіи въ этотъ періодъ (1763, 65, 66, 67), обратилъ на себя особенное вниманіе Екатерины. Записка ея о собираніи свѣдѣній по этому вопросу (1767 г.) обнимаетъ всѣ стороны его (худое хлѣбопашество, убыль крестьянъ, падежъ скота, дороговизна, винокуреніе и т. п.). Отъ воеводъ и мѣстныхъ жителей были потребованы подробныя свѣдѣнія, касающіяся мѣръ противъ неурожаевъ (Сборн. X, 215-218). Было издано постановленіе о присылкѣ въ сенатъ вѣдомостей изъ всѣхъ городовъ о посѣвахъ и урожаяхъ хлѣба и другихъ продуктовъ (П.С.З. 12,445) и еженедѣльныхъ свѣдѣній о количествѣ хлѣба и припасовъ, привозимыхъ въ Петербургъ и нагружаемыхъ на Ладожскомъ каналѣ (ib 12,900; 12,902).

Лекція 15.

Церковное управленіе. Во главѣ церковнаго управленія стоялъ синодъ; но мы уже знаемъ воззрѣнія Екатерины на отношенія церкви и государства (см. стр. 143). Во главѣ синода становятся лица, вполнѣ расположенныя выполнять желанія и намѣренія императрицы. Въ царствованіе Елисаветы Петровны видное мѣсто въ церковной іерархіи занимали малороссіяне и только въ 1754 г. изданъ былъ указъ, ограничивавшій имъ исключительное преобладаніе на іерархическихъ постахъ (чт. М.О.И. 1861, III); но сразу этотъ рѣзкій поворотъ, въ особенности при Елисаветѣ, совершиться не могъ. Такъ продолжалось до начала царствованія Екатерины II и еще въ 1763 г., когда нужно

было представить двухъ кандидатовъ на тверскую каѳедру, то членъ синода, малороссъ по происхожденію, Симонъ Тодорскій, настоялъ, чтобы изъ двухъ кандидатовъ, Гавріила Петрова и Ѳеофила Игнатовича, первымъ былъ представленъ Ѳеофилъ; однако Екатерина предпочла Гавріила.

При вступленіи ея на престолъ почти всѣ важнѣйшія іерархическія мѣста заняты были еще малороссами. Въ Петербургѣ былъ архіепископъ Веніаминъ Пуцекъ-Григоровичъ; въ Москвѣ-митр. Тимоѳей Щербатскій, плохо владѣвшій даже русскимъ языкомъ; Крутицкимъ архіепископомъ — Амвросій Зертисъ-Каменскій; въ Твери Аѳанасій Вольховскій, уроженецъ Полтавы, перемѣщенный оттуда на мѣсто Арсенія Мацѣевича; только въ Новгородѣ занималъ каѳедру извѣстный своимъ протестомъ при Петрѣ III Димитрій Сѣченовъ, положеніе котораго со дня вступленія на престолъ Екатерины измѣнилось. Онъ содѣйствуетъ ея утвержденію на престолѣ; получаетъ санъ митрополита и 1,000 душъ крестьянъ, является во главѣ духовной администраціи и представителемъ отъ духовенства въ коммиссіи Уложенія, въ началѣ дѣятельности которой онъ умеръ. Такимъ образомъ самолюбіе этого іерарха было польщено и онъ сдѣлался слугою, вполнѣ преданнымъ Екатеринѣ, какъ это онъ доказалъ въ дѣлѣ Арсенія Мацѣевича и въ коммиссіи о секуляризаціи церковныхъ имуществъ. Нѣсколько позже, въ своихъ письмахъ къ Вольтеру, Екатерина не разъ упоминаетъ о немъ въ самыхъ сочувственныхъ выраженіяхъ, заставляя преклоняться предъ нимъ и такого противника духовной власти, какимъ былъ фернейскій философъ. Она рекомендовала его, какъ „не гонителя и не фанатика".

(что противорѣчитъ однако его дѣйствіямъ въ нижегородской епархіи, относительно раскольниковъ при Елисаветѣ).
„Въ вашихъ предписаніяхъ нѣтъ ни одного правила, которому бы онъ не вѣрилъ; котораго бы не признавалъ и не сталъ проповѣдывать, если было полезно и нужно: онъ совершенно отвергаетъ предположеніе двухъ властей. Нѣсколько разъ подавалъ онъ мнѣ примѣры, о которыхъ я могла бы сказать вамъ, если бы не боялась наскучить. Недавно эта духовная особа доказала чувства свои, которыя вамъ извѣстны. Нѣкто перевелъ книгу и принесъ къ нему; архіепископъ совѣтовалъ не выпускать её, потому что она содержитъ правила, утверждающія двѣ власти." (Письма къ Вольтеру, 13-24). Такъ писала Екатерина Вольтеру.
Затѣмъ слѣдуютъ люди также вышедшіе изъ великорусскихъ училищъ, какъ Гедеонъ Криновскій, епископъ Псковской; Гавріилъ Кременецкій, переведенный Екатериною изъ Казани въ Петербургъ, на мѣсто Веніамина, отправленнаго въ Казань. Гедеонъ былъ извѣстенъ страстью къ роскоши, которая проявлялась въ его обстановкѣ и одеждѣ; еще въ Троицкой лаврѣ, гдѣ онъ былъ архимандритомъ, о немъ говорили: „Гедеонъ нажилъ милліонъ"; находясь при дворѣ Елисаветы въ качествѣ проповѣдника, онъ вполнѣ сжился съ придворною сферою. Ученые великороссы усердно выдвигаютъ теперь впередъ своихъ учениковъ и сторонниковъ: Иннокентія Нечаева, Гавріила Петрова, Платона Левшина, которыхъ сама Екатерина ставитъ въ примѣръ просвѣщенныхъ іерарховъ, въ возраженіи на книгу аббата Шаппа (Антидотъ, 18 въ кн. IV, 332). Гавріилъ Петровъ при ея вступленіи на престолъ состоялъ ректоромъ Москов-

ской Академіи, а Платонъ-Троицкой семинаріи. Мы знаемъ уже отзывъ Екатерины о Гавріилѣ въ письмахъ къ Вольтеру и то, что ему она посвятила переводъ Велисарія, хотя и онъ подобно Сѣченову не былъ такимъ широкимъ истолкователемъ терпимости, какимъ изображаетъ его Екатерина. Въ своемъ кружкѣ Екатерина отзывалась о немъ, какъ о мужѣ „остромъ и резонабельномъ, а главное не противникѣ философіи" (Знаменскій, Прав. собес. 1875, N 3-й, 109). По смерти Димитрія Сѣченова, Гавріилъ сдѣлался преемникомъ его власти. Платонъ тоже раздѣлялъ модныя въ то время идеи о терпимости, о вредѣ суевѣрій и фанатизма, что видно даже въ нѣкоторыхъ его проповѣдяхъ придворной эпохи (ib. 119-120). Его проповѣди Екатерина посылала Вольтеру (переписка, 77). По окончаніи воспитанія Павла, Платонъ былъ сдѣланъ (1769 г.) членомъ синода, а затѣмъ занялъ мѣсто Гавріила въ Твери съ саномъ архіепископа (1770 г.). Людямъ противоположныхъ мнѣній, Екатерина не давала никакихъ важныхъ порученій, а мнѣнія ея о малороссійскомъ духовенствѣ, особенно со времени дѣла Арсенія Мацѣевича, мы знаемъ уже по ея наставленіямъ гр. Румянцову, когда онъ отправлялся генералъ-губернаторомъ въ Малороссію. <u>Синодъ и оберъ-прокуроры</u>. Въ назначеніи членовъ синода Екатерина была чрезвычайно разборчива и потому нерѣдко тянула дѣла о новыхъ назначеніяхъ. Такъ вакансіи Дм. Сѣченова и Гедеона Криновскаго были замѣщены спустя лишь нѣкоторое время; послѣ убіенія въ Москвѣ архіеп. Амвросія, московская каѳедра оставалась вакантною съ 1771-75 г. Всѣ эти замѣщенія

были совершены лицами, подававшими надежду на „резонабельные сентименты" (Знамен. Пр. Сов. апрѣль, 40).
Какъ понималось значеніе синода, какъ государственнаго учрежденія въ царствованіе Екатерины, можно видѣть изъ отзыва о немъ кн. Щербатова, человѣка просвѣщеннаго и близкаго къ ней по историческимъ трудамъ. „Въ синодѣ, говоритъ онъ, присутствуютъ архіереи, архимандриты и протопопы по назначенію государя. Онъ управляется какъ сенатъ. Въ немъ обрѣтается оберъ-прокуроръ, особа нужная въ семъ мѣстѣ для недопущенія духовенству захватывать надъ гражданскими правами, къ чему они весьма склонны... Духовныя особы, присутствующія въ синодѣ, суть люди почтенные ихъ саномъ, а часто и пронырствомъ, сочиняющіе корпусъ между собою, яко безпрестанно борющіеся между собою для пріобрѣтенія себѣ большей силы, а въ сопротивленіе имъ посаженъ одинъ оберъ-прокуроръ, человѣкъ небольшаго чина и по большей части не случайный при государѣ, то можетъ ли онъ единой силѣ ихъ сана, пронырствамъ и соединенію противиться. Правда по нынѣ не видно еще, чтобы архіереи многое захватили, но постороннія тому обстоятельства противились. При Петрѣ В. не смѣли ничего начать; Екатерина I и Петръ II мало царствовали; импер. Анна Ив. имѣла при себѣ герцога курляндскаго, лютеранина, слѣдовательно противнаго духовенству; импер. Елисавета Пет. мало по набожности своей не возобновила чинъ патріаршій, но временщикъ ея Разумовскій, преданный духовенству, больше упражнялся съ ними пить, нежели въ

честолюбивымъ ихъ намѣреніямъ имъ помогать, а посему и ревнитель И. И. Шуваловъ, человѣкъ разумный и совсѣмъ ихъ проискамъ путь пресѣкъ. Петръ III былъ внутренно люторанинъ, а нынѣ царствующая императрица, послѣдовательница новой философіи, конечно знаетъ до коихъ мѣстъ власти духовная должна простираться и конечно изъ предѣловъ её не выступитъ. Но я впредь не ручаюсь, чтобы духовный чинъ, нашедъ удобный случай, не распростеръ свою власть. (Статистика о разсужденіи Россіи, Чтен. Моск. об. исторіи 1859, кн. III, 1-96)

Въ этомъ мнѣніи высказался взглядъ XVIII вѣка на значеніе духовенства въ государствѣ. Петръ В. полагалъ, что оберъ-прокуроръ синода долженъ быть человѣкомъ смѣлымъ, рѣшительнымъ; Екатерина, какъ послѣдовательница новой философіи, назначала на эту должность лицъ съ соотвѣтствующими понятіями. Въ началѣ ея царствованія оберъ-прокуроромъ синода былъ кн. А.С. Козловскій (съ 1758-1763), участвовавшій въ коммиссіи по отобранію церковныхъ имуществъ.(1) За оберъ-прокурорскимъ же столомъ въ синодѣ состоялъ Гр. Потемкинъ. Съ 1763-68 г. оберъ-прокуроромъ былъ д.с.с. И.И. Мелиссино, человѣкъ просвѣщенный, покровитель литературы. Когда состоялось избраніе члена синода въ Коммиссію Уложенія, онъ предложилъ синоду записку изъ 18 пунктовъ, для составленія наказа синодальному депутату, которые являются выраженіемъ того же философскаго направленія, какого держалась

---

1. Онъ далъ весьма хорошее образованіе своему сыну (въ Мос. Унив.), котораго Екатерина посылала къ Вольтеру съ письмомъ и своимъ портретомъ. Послѣдній зналъ прекрасно языки, переводилъ для русскаго театра комедіи и сочинялъ самъ; написалъ похвальное слово Екатеринѣ. Во время Чесменской битвы онъ былъ взорванъ на воздухъ на одномъ изъ кораблей (Б. Каменскій, III, 81).

въ то время Екатерина и вѣроятно были составлены не безъ ея участія. Въ этихъ пунктахъ мы встрѣчаемся съ такими вопросами какъ примѣненіе полной вѣротерпимости въ отношеніи къ инородцамъ и раскольникамъ въ Россіи; о сокращеніи постовъ; о составленіи коммиссіи изъ особъ, чуждыхъ предразсудковъ, для уничтоженія суевѣрій относительно ложныхъ мощей и иконъ; о запрещеніи носить образа по домамъ; о сокращеніи излишнихъ молитвъ, сочиненныхъ въ позднѣйшее время; о назначеніи вмѣсто вечернихъ и всенощныхъ пѣній краткихъ молитвъ съ поученіями; о прекращеніи содержанія монахамъ и обращенія этого источника въ пользу бѣлаго духовенства; о дозволеніи выбирать въ епископы изъ бѣлаго духовенства, съ сохраненіемъ брачной жизни; о разрѣшеніи духовнымъ носить пристойнѣйшее (т.е. свѣтское) платье; объ отмѣнѣ поминковъ по умершимъ, допускающихъ вымогательства со стороны духовенства, и мытарствахъ; объ ослабленіи правилъ относительно родства при совершеніи браковъ; объ облегченіи разводовъ и дозволеніи браковъ свыше трехъ; о запрещеніи причащать дѣтей до 10 или 7 лѣтъ. Синодъ, какъ и слѣдовало ожидать, отклонилъ подобный наказъ и составилъ свой въ другомъ родѣ. (Знамен. Прав. Собр. 1875, №4, 407-408, Чт. М.О.И. 1871 г. кн. III, 114-119; Христіан. Чтен. 1876 г. Сент. и октябрь 223-265). Мелиссино былъ замѣненъ, въ 1768 г. (по 1774 г.), бригадиромъ П.П. Чебышевымъ, который по словамъ Фонъ-Визина отличался полнѣйшимъ раціонализмомъ. Онъ не стѣснялся выражать свое невѣріе въ присутствіи публики и синода; задерживалъ изданія сочиненій, направленныхъ противъ безбожія, но былъ потомъ удаленъ, вслѣдствіе растраты казенныхъ суммъ (Знам. ib, 403).

Преемникомъ его былъ ст. совѣт. С. В. Акчуринъ (по 1786 г. см. списокъ оберъ-прокурора синода, Рус. Арх. 1866, стр. 601-602).

Распоряженія по церковному управленію. Изъ распоряженій Екатерины, обращенныхъ къ оберъ-прокурорамъ (Рус. Арх. 1870, 744 и д. ср. Сбор. VII, X и др.) видно, что ея вліяніе касалось самыхъ разнообразныхъ вопросовъ синодальнаго управленія, въ которыхъ проявлялись отношенія власти, и стремленія Екатерины дѣйствовать соотвѣтственно съ своими воззрѣніями на церковныя отношенія и мнѣнія. Въ 1767 году Екатерина распорядилась, чтобы чинъ отлученія былъ пересмотрѣнъ и измѣненъ соотвѣтственно требованіямъ времени. Въ этой редакціи, сдѣланной Гавріиломъ, были опущены имена лицъ, подлежавшихъ отлученію, но оставлены при этомъ имена политическихъ преступниковъ, какъ Отрепьевъ и Мазепа (св. 756). Въ другой разъ Екатерина пишетъ Мелиссино: „Иванъ Ивановичъ! Казанскій купецъ поднесъ мнѣ на Волгѣ образъ, изображающій св. троицу съ тремя лицами и четырьмя глазами, а какъ мнѣ такихъ образовъ видѣть не случалось, то и разсудила послать оный при семъ, съ тѣмъ, чтобы вы оный предложили св. синоду и меня увѣдомили, позволено ли такіе образа писать, а я съ своей стороны опасаюсь, чтобы сіе не подало поводу не смысленнымъ иконописцамъ прибавить къ тому еще по нѣскольку рукъ и ногъ, что было бы весьма соблазнительно и похоже было бы на китайскія изображенія." При этомъ она запретила возбуждать преслѣдованіе по этому дѣлу. Но это обстоятельство вызвало распоряженіе, воспрещавшее писать церковныя изображенія лицамъ, кромѣ синодальныхъ живописцевъ

(Антроньева и Колокольникова). Екатерина однако не одобрила столь крайней мѣры, которая могла вести къ массѣ незаконныхъ „прицѣпокъ" и постановила ограничиться надзоромъ со стороны епархіальныхъ архіереевъ (П. С. З. 12,928). Екатеринѣ нравились относительно духовенства дѣйствія такихъ государей, какъ Иванъ IV и Петръ В. И въ своихъ распоряженіяхъ, обращенныхъ къ синоду, и въ своей перепискѣ съ энциклопедистами, она прямо опирается на постановленія Петра В. Въ другой разъ, по поводу намека о чудѣ, Екатерина отвѣчала Вольтеру, что она читала въ предисловіи къ собору царя Ивана Васильевича, что когда царь всенародно произнесъ свое покаяніе, то случилось чудо – солнце показалось въ полномъ блескѣ и освѣтило всѣхъ присутствовавшихъ. „Теперь же, говоритъ она далѣе, дѣла измѣнились. Петръ Великій установилъ столько обрядностей для доказательства чуда и синодъ исполняетъ это такъ точно, что я опасаюсь вѣдать то, которое вы мнѣ совѣтуете" (Сбор. X, 175) Однако это не мѣшало Екатеринѣ желать присутствовать лично при открытіи мощей Дмитрія Ростовскаго; она извѣщаетъ Панина о происходящихъ исцѣленіяхъ (VII 288). „Философъ на сколько возможно, я не допускаю дѣйствовать страстямъ, писала она еще въ молодости своей матери" (Сборн. VII, 72). Она воздерживалась отъ рѣшительнаго дѣйствія, когда признавала, что дѣло должно согласоваться съ существующими учрежденіями, какъ напр. по вопросу о разводѣ, когда хлопоталъ онъ для своей дочери гр. Воронцовъ. Она высказала въ этомъ случаѣ только свой взглядъ, что ей все равно придутъ ли супруги къ соглашенію или рѣшатся развестись (VII, 395). И не

смотря на сдѣланныя теперь стѣсненія относительно браковъ, ни при комъ не умножились до такой степени разводы, ни при комъ не было такихъ нарушеній въ степеняхъ родства, какъ при Екатеринѣ, по словамъ Щербатова. Она желала провести необходимыя измѣненія посредствомъ Коммиссіи Уложенія, но, не достигнувъ этого путемъ соглашенія, она признала силу каноническихъ постановленій и въ то же время на частныя просьбы отвѣчала такъ: „Понеже по мнѣнію синода къ церковному разводу причинъ нѣтъ, того ради не надлежитъ ихъ разводить, а понеже указами предки наши не велѣно такую-то принуждать съ мужемъ быть, того ради не принуждать ее." (XIII, 14). Но относительно монастырей, открытія новыхъ, постриженія монаховъ, назначенія помѣщенія для раненыхъ и больныхъ, она дѣйствовала болѣе рѣшительно, опираясь на законныя основанія. „Новыхъ монастырей, писала она, не строить для того, что большая часть ихъ въ худомъ присмотрѣ и разореніи. Такъ дѣйствительно благолѣпіе церковное и государственное больше приращенія имѣть будетъ отъ того, чтобъ оныхъ было хотя нѣсколько меньше, да наполненные монахами и въ пристойномъ изобиліи, также и монастыри-бъ въ цвѣтущемъ состояніи, а не разоренные-бъ находились." (XIII, 15).

Отношенія Екатерины къ представителямъ духовенства.

Интересно взглянуть на личныя отношенія Екатерины къ духовнымъ властямъ. По поводу одного архіерея, укорявшаго своихъ членовъ въ синодѣ въ ереси, Екатерина сдѣлала слѣдующую замѣтку: „Я третьяго дня позвала кн. Я. П. Шаховского (10 апр. 1766 г.) и разсказала ему

всю исторію и что онъ мнѣ совѣтовалъ, что сдѣлано. Онъ состоитъ въ томъ, чтобы онъ архіерей у прочихъ въ синодѣ при первомъ засѣданіи просилъ словесно прощенія за то, что онъ на нихъ ереси хотѣлъ возводить, а они, какъ [illegible]: если простятъ, то дѣло договоромъ съ ихъ стороны кончатся, а если не простятъ, то имъ подавать формальную на него просьбу и тогда дѣло порядкомъ пойдетъ. Сіе ему объявлено оберъ-прокуроромъ и сказано ему отъ меня келейно, чтобъ онъ воздержался подъ опасеніемъ выключенія изъ синода и отрѣшенія отъ епархіи за невоздержаніе языка, въ чемъ во всемъ уже онъ покорился и спокоенъ по рѣчамъ оберъ-прокурора. Все сіе диктовалъ кн. Шаховской и я бывъ въ томъ дѣлѣ разгорячена, ни единаго словечушка не прибавила" (т. X, 72). Для насъ важно указаніе, что въ дѣлахъ синода ея совѣтникомъ является такое лицо, какъ кн. Шаховской, дѣятельность котораго въ синодѣ при Елисаветѣ, въ защиту правъ свѣтской власти, хорошо извѣстна. Въ 1768 году въ синодъ поступила челобитная за подписью 106 духовныхъ и свѣтскихъ лицъ о перемѣщеніи въ Тамбовъ бывшаго здѣсь епископа Пахомія; но синодъ подвергъ духовныхъ лицъ наказанію, а о свѣтскихъ сообщилъ сенату. Послѣдній отрѣшилъ отъ должности всѣхъ воеводъ и воеводскихъ товарищей, подписавшихъ челобитную (Солов. XXVII, 157-158).

Дѣло А. Мелеса. Дѣло Анатолія Мелеса, возникшее въ этотъ періодъ, наглядно свидѣтельствуетъ, какъ пользовалась Екатерина своею властью каждый разъ, когда интересы политики брали верхъ въ ея соображеніяхъ. Еще при Елисаветѣ Петр. появился въ Россіи съ Аѳона (1750 г.)

архимандритъ Анатолій <u>Мелесъ</u>; родомъ валахъ, учившійся въ кіевской Академіи. Онъ привезъ съ собою множество священныхъ предметовъ и, какъ полагали, подложныхъ. Синодъ запретилъ ему пользоваться этими предметами и совершать службы, при чемъ имѣлъ поддержку въ Оберъ-прокурорѣ Шаховскомъ. Но черезъ духовника Елисаветы Мелесу удалось поднести ей часть святынь, вслѣдствіе чего онъ сталъ снова служить. Синодъ однако наложилъ на него запрещеніе и хотѣлъ подвергнуть его болѣе тяжелому взысканію; но онъ во время удалился. Уѣхавъ на востокъ онъ за деньги добился сана епископа отъ Патріарха константинопольскаго и снова возвратился въ Россію, уже въ качествѣ агента <u>отъ южныхъ славянъ</u>, которымъ покровительствовала Елисавета. Но синодъ и на этотъ разъ воспретилъ ему служеніе, а когда Мелесъ отправился къ запорожцамъ, то потребовалъ его выдачи. Съ возвращеніемъ Мелеса, синоду удалось добиться ссылки его въ Сибирь; но при Екатеринѣ ему позволено было переселиться въ нижегородскій монастырь. Тогда снова начались у него столкновенія съ синодомъ, который удалилъ его въ Казанскую епархію. Но съ открытіемъ войны противъ Турокъ, Екатерина вызвала его въ Петербургъ и побудила его подать прошеніе о прощеніи и, когда синодъ все еще находилъ неудобными нѣкоторыя выраженія, Екатерина написала Оберъ-прокурору: „слышала отъ васъ, что донесеніе, поданное монахомъ Анатоліемъ въ синодъ, отдали ему обратно съ тѣмъ, чтобы онъ перемѣнилъ нѣкоторыя слова, полюбопытствовала я оное видѣть, и, не нашедши въ ономъ ни малѣйшаго сумнѣнія, признаюсь, что удивилъ меня поступокъ синода, тѣмъ наипаче, что черезъ васъ <u>имъ сказано, что сей человѣкъ службѣ моей</u>

нуженъ." И она настояла на возвращеніи ему священства, а затѣмъ испрашивала его пожитки и панагію (Рус. Арх. 1870, 161). Этотъ Мелесъ нуженъ былъ для видовъ Екатерины, когда она во время турецкой войны думала дѣйствовать на славянъ, которыхъ хорошо зналъ Мелесъ. Онъ былъ назначенъ состоять во флотѣ, который отправлялся въ Средиземное море подъ начальствомъ гр. Орлова. Но этого мало, послѣ Чесменской битвы Екатерина побудила синодъ признать его епископскій санъ, противъ котораго такъ сильно возражалъ синодъ при Елисаветѣ. Въ 1772 г. Екатерина дала въ управленіе Мелесу Тырловскій монастырь, гдѣ онъ впрочемъ предавался пьянству, грубо обращался съ монахами и развлекался по временамъ пушечными выстрѣлами изъ перелитыхъ въ пушки колоколовъ, (Свѣдѣнія въ Рус. Арх. 1870 г.)

Такимъ образомъ не легко обходились философскія и политическіе принципы Екатерины синодальнымъ членамъ, хотя она и одаривала ихъ посвященіемъ своихъ произведеній и громкою славою передъ литературными знаменитостями Франціи. Митр. Платонъ впослѣдствіи признавался, что званіе синодальнаго члена было для него цѣлымъ моремъ искушеній, среди которыхъ оставалось единственное утѣшеніе — терпѣніе. „Къ чему туда мучать насъ?" спрашивалъ онъ въ тяжеломъ раздумьѣ. Но такое раздумье наступало обыкновенно вдали отъ этой сферы, какъ свидѣтельствуетъ біографъ Платона, а до тѣхъ поръ, какъ мы видѣли на томъ же Платонѣ, они вполнѣ поддавались ея обаянію. Гавріилъ всегда оставался въ Петербургѣ, никогда не жаловался и не роптал на свою судьбу (Чт. по ист. церкви, въ цар. Екат. II, П. Знамен-

скаго, Пр. соб. 1875 г.; И. Знаменский, положение духов. при Екатеринѣ II и Павлѣ I М. 1880 г.)

Положение духовенства. Обратимся къ положенію русскаго духовенства въ этотъ періодъ. При Екатеринѣ продолжались такъ называемые разборы духовенства, особенно передъ наступленіемъ первой турецкой войны. Такъ, въ 1766 г. состоялись постановленія сената о переписи духовенства, о зачисленіи въ военную службу всѣхъ годныхъ церковнослужителей и дѣтей духовнаго званія, не имѣвшихъ штатныхъ мѣстъ (14–50 лѣтъ) и не записавшихся въ подушной окладъ (П.С.З. № 12,586). Наканунѣ турецкой войны снова было положено взять въ солдаты всѣхъ незанятыхъ сыновей священниковъ и причетниковъ. При этомъ оказалось, что всѣхъ церквей Россіи въ концѣ 1768 г. было 17,518, при нихъ церковнаго клира должено быть 78,651 чел., а на лицо состояло 66,025 ч., слѣдовательно недоставало 12,627 чел. Между тѣмъ, при отцахъ находилось неопредѣленныхъ къ церквамъ дѣтей церковниковъ 70,287; кромѣ того безмѣстныхъ священниковъ и діаконовъ 1,472, причетниковъ и сторожей – 1565 ч. Поэтому сенатъ полагалъ взять въ военную службу отъ 15 до 40 лѣтъ ¼ часть, да изъ безмѣстныхъ и запрещенныхъ церковнослужителей ½, а ¾ изъ первой категоріи оставить для церквей. Семинаристовъ, которыхъ считалось тогда 4,905 вовсе не брать. Императрица утвердила мнѣніе сената. (Сол. в. XXVIII, 16–17). Въ 1765 и 67 г.г. были отданы распоряженія о поимкѣ всѣхъ бѣглыхъ монаховъ и священниковъ, въ большомъ числѣ проживавшихъ въ Петербургѣ и Москвѣ (83). Въ средѣ духовенства господствовала грубость нравовъ,

которой не чужды были нѣкоторые изъ епископовъ, даже побывавшіе за границею и усвоившіе себѣ внѣшній лоскъ европейской цивилизаціи. Таковы дѣйствія епископа Кирилла Флоринскаго, описанныя въ извѣстныхъ запискахъ Добрынинымъ (Рус. Стар. 1871, II, 150, 157-159, 410-418, 576 и др.). — Таковы тамбовскіе архіереи, описанные Болотовымъ (II, 725-726). Школа не составляла еще общей потребности даже для духовенства. Изъ 303 священниковъ въ Москвѣ, дошедшихъ до богословія и философіи, было только 95, остальные большею частію вовсе не были въ школахъ (Знамен. 90). Но увеличеніе семинарій и школъ на средства, полученныя отъ секуляризаціи церковныхъ имуществъ, не состоялось (94, 98), а весьма широкая программа, выработанная особою коммиссіею, не была приведена въ исполненіе (101-102). Поэтому даже въ московской Академіи и Троицкой семинаріи, во все время царствованія Екатерины, большинство учителей было изъ монашествующаго духовенства, не смотря на значительное число учениковъ въ Академіи (до 1,000 чел.). Вниманіе Екатерины преимущественно было обращено на свѣтскія школы.

Матеріальное обезпеченіе бѣлаго духовенства и уничтоженіе нѣкоторыхъ церковныхъ сборовъ. Но Екатерина обратила вниманіе на матеріальное положеніе бѣлаго духовенства. Она отмѣнила множество поборовъ, существовавшихъ при посвященіи въ духовныя званія, замѣнивъ ихъ опредѣленнымъ взносомъ соотвѣтственно званію (1-2 р. П.С.З. 12,379); она надѣлила клиръ при межеваніи опредѣленнымъ количествомъ земли (38 десят., а по указу 1766 г. по 60 дес. П.С.З. 12,603), приписанной къ церквамъ, а не въ

. . . .

...ное владѣніе; съ другой стороны, упразднила произвольные поборы съ міранъ, установивъ опредѣленную плату за требы; уничтожила вѣчныя памяти и тягостный сборъ съ нихъ (12,433), не исключая татаръ и другихъ инородцевъ (13,208). Екатерина воспретила ходить по городамъ и ярмаркамъ съ образами и свѣчами для сбора денегъ (12,501).

Смягченіе наказанія для духовенства. Отношеніе къ монашеству. Въ 1766 г. синодъ ходатайствовалъ о сокращеніи числа молебствій въ викторіальные дни, о поминовеніи умершихъ членовъ царской фамиліи не въ срочные дни, а въ концѣ мѣсяца, и о смягченіи наказанія священникамъ за опущеніе ихъ по какимъ-либо причинамъ, как извѣстно такъ тяжко расплачивавшимся за эти опущенія, особенно при Аннѣ Ивановнѣ.

Императрица утвердила этотъ докладъ (12,618). Въ 1767 г. синодъ издалъ указъ, запрещавшій духовнымъ властямъ наказывать тѣлесно священниковъ и іеромонаховъ (12,909); въ 1771 г. этотъ указъ былъ распространенъ и на діаконовъ (13,603). Впрочемъ онъ не относился къ свѣтскимъ судамъ, куда привлекались духовныя лица, и въ 1769 г. синоду приходилось жаловаться на побои и тѣлесныя наказанія духовныхъ лицъ помѣщиками и просить заступничества со стороны свѣтскихъ учрежденій (13,286). Въ 1768 г. синодъ постановилъ, чтобы во всѣхъ епархіяхъ составъ духовныхъ консисторій былъ не изъ однихъ монашествующихъ лицъ, но и мірскихъ священниковъ (13,163). Петръ III запретилъ уже постриженіе въ монастыри безъ особыхъ именныхъ указовъ; Екатерина II потребовала, чтобы оно не совершалось безъ указа синода

(12,960), чтобы постриженіе производилось при свѣтскихъ чест-ныхъ достовѣрныхъ свидѣтеляхъ (№ 12,234); запретила производить въ архимандриты безъ указа синода (12,332) и постриженіе мірянъ, подвергая [illegible] (П.С.З. № 12,573). Всѣхъ монастырей было по штату 947 (728 муж. и 219 жен.) Изъ коллегіи экономіи отпускалось было на содержаніе 4,353 штатныхъ монашествующихъ 80,800 р., а на ихъ одежду и сиротъ 34,400 р. (П.С.З. № 12060).

Церковный судъ. Ограничивъ вмѣшательство духовныхъ консисторій въ дѣла, не подлежавшія духовнымъ судамъ (12,536), Екатерина однако не позволила свѣтскимъ учрежденіямъ вмѣшиваться въ духовныя дѣла, отмѣнивъ, гдѣ существовали мѣстные обычаи, (въ Остзейской области, см. XXVI гл.), подчиненіе ихъ общимъ государственнымъ законамъ. За святотатство, не смотря на несовершеннолѣтіе, преступники подвергались наказанію батогами (12,873).

Отношеніе къ расколу. Въ интересахъ промышленности Екатерина намѣрена была даровать свободу исповѣданія и раскольникамъ, какъ мы видѣли по ея наставленіямъ къ членамъ синода, хотя она не достигла этого вполнѣ. Духовенство предложило различать упорныхъ раскольниковъ отъ готовыхъ пойти на соглашеніе. Къ этому примѣшивались еще вопросы государственной политики: такъ въ теченіи XVIII в. правительство не разъ вызывало и сильно привлекало бѣглыхъ раскольничьихъ крестьянъ съ Вѣтки[1].

---

1. Мѣстечко [illegible]-Могилевской губ. при р. Сожѣ. Заселеніе этой мѣст-

Обѣщаніе свободы совѣсти и поселенія въ Сибири и внутр. Россіи было предложено имъ Петромъ III и Екатериною II въ 1763 г. Но они не повѣрили этому и въ 1764 г. генералъ Масловъ вывелъ всѣхъ вѣтковцевъ военною силою въ числѣ 20,000 чел. Они были поселены большею частью въ Сибири.

Въ это же время стали возвышаться другія раскольничьи слободы, преимущественно же Стародубье (Макарій, 336). Часть раскольниковъ послѣ манифеста 1762 г. переселилась (120 дворовъ) въ Саратовскую губ. и основала общину на р. Иргизѣ, а другіе въ Москву, гдѣ образовали общины, извѣстныя подъ именемъ Рогожскаго и Преображенскаго кладбищъ — но всѣ эти общины были поповщинскія (350). Въ концѣ XVIII в. послѣдователи этой общины достигли въ Москвѣ уже 20,000 человѣкъ.

Допустивъ смягчающія отношенія къ раскольникамъ, Екатерина отмѣнила преслѣдованіе ихъ за бороду и ношеніе стариннаго платья, а также подчинила ихъ завѣдыванію общихъ присутственныхъ мѣстъ. Кромѣ того тайнымъ раскольникамъ разрѣшили записываться въ расколъ, но все-таки подъ условіемъ двойнаго оклада (386). Для увѣренія упорствующихъ раскольниковъ, Екатерина поручила написать пріличное увѣщаніе ученому Платону.

ности относится къ XVII в., когда при царѣ Алексѣѣ Мих. бѣжали сюда раскольники и образовали здѣсь слободу на землѣ пана Халецкаго. Русское правительство не знало о ея существованіи до времени Петра В. Во время похода здѣсь шведовъ раскольники нападали на нихъ, брали въ плѣнъ и представляли ихъ въ рус. лагерь. Вслѣдствіе чего Петръ В. даровалъ имъ прощеніе. Въ это время въ Вѣтки и окрестнымъ слободамъ считалось до 40 т.

Пользуясь нѣкоторыми льготами московскіе раскольники съ 1765 стали домогаться уже поставленія для себя особаго епископа (387-88). Тѣмъ не менѣе, въ 1767 г. Екатерина продолжала хлопотать о вызовѣ и примиреніи съ раскольниками, находившимися въ Польшѣ (до 300,000). Въ такомъ смыслѣ она обращалась къ Дм. Сѣченову (Сборн. X, 259), ссылаясь на сильныя притѣсненія и гоненія противъ раскольниковъ со стороны духовенства, въ чемъ она лично убѣдилась во время пребыванія своего въ Нижнемъ-Новгородѣ. Но когда дѣло касалось дѣйствительной почвы, обыкновенно начиналось колебаніе и отступленія. Такъ въ 1765 г. было принято, что записываніе въ раскольники не касается казаковъ, какъ находящихся на службѣ. Кто изъ нихъ пожелалъ бы записаться, тотъ терялъ право на вольную продажу вина, соли, рыбной промыселъ, звѣриную ловлю и приравнивался къ состоянію крестьянъ.

Въ это время правительство неоднократно издавало указы о переписи всѣхъ тайныхъ раскольниковъ, о положеніи ихъ въ двойной окладъ и о присылкѣ о нихъ свѣдѣній въ сенатъ (12,067; 12,215), причемъ подъ двойнымъ окладомъ разумѣлась для купцовъ раскольниковъ общая сложность сборовъ съ торговъ и промысловъ, платимыхъ ими въ посады (13,033).

раскольниковъ. Въ царств. Анны Ив. имъ удалось, посредствомъ обмана Кесного митр., добыть себѣ епископа. Но въ 1735 г. оттуда было выведено въ Россію насильно до 40000 раск. Однако спустя годъ Вѣтка снова наполнилась ими, а затѣмъ здѣсь возникло два монастыря – мужской и женскій, отличавшіеся развратомъ. И до сихъ поръ Вѣтка считается гнѣздомъ раскольниковъ. Геогр. и стат. словарь, изд. геогр. общ. I, 584. Мацнѣевъ, Пол. ист. цв. о древн. стригольник. 72, 83, 187-225.

Понятно, что здѣсь преслѣдовался исключительно <u>интересъ фиска</u>, а вовсе не личность или религіозныя мнѣнія. Раскольники несли общую рекрутскую повинность (13,023), но имъ строго воспрещалось принимать къ себѣ бѣглыхъ рекрутовъ (12,422), т.е. этимъ преграждалась возможность распространенія раскола посредствомъ обращенія постороннихъ лицъ. Раскольникамъ, не записавшимся въ двойной окладъ и объявившимъ себя на самосожженіе, угрожала ссылка въ Нерчинскіе заводы (12,272; 12,326)[1]; но въ то же время, при соблюденіи этихъ условій, признавались въ Россіи раскольники, живущіе въ Сибири и на Вѣткѣ, не только русскаго происхожденія, но даже евреи и иноземцы, крестившіеся въ расколъ (12,260). Отъ двойнаго оклада освобождались <u>старообрядцы</u>, которые не чуждались православной церкви и принимали ея священниковъ, сохраняя лишь нѣкоторые свои обычаи, а потому ихъ не велѣно было даже называть раскольниками (12,067). Въ 1768 г. синодъ, узнавъ, что въ Кіевской губер. построено было <u>двѣ церкви</u> раскольниками и что есть еще часовни на Иргизѣ, въ Елисаветградѣ, въ Дворцовой волости (возлѣ Царева-Санчурска), сообщилъ о томъ сенату и настаивалъ на ихъ уничтоженіи. (Сборн. постановл. по расколу, Кельсіева, I, 3-4). Въ то же время,

---

1. Въ 1754 г. въ Новгородской губ. раскольники въ числѣ 61 челов. (мужчинъ и женщинъ) заперлись въ избѣ и грозили сжечься, не желая записываться въ окладъ, и уступили убѣжденіямъ. Болѣе серьезныя столкновенія между духовенствомъ и раскольниками происходили въ Ржевѣ и въ Дубовкѣ, Астраханской губерніи (Соловьевъ XXVI, 38-39).

инспекторъ жемчужныхъ заводовъ Петръ Осокинъ, записавшій себя съ семействомъ въ расколъ, былъ лишенъ сенатомъ этого званія и внесенъ въ двойной подушный окладъ; но императрица велѣла разслѣдовать это дѣло, такъ какъ самъ Осокинъ былъ старъ (30 лѣтъ) и слѣпъ. (Солов. <u>XXVII</u>, 158).

<u>Духоборцы.</u> Въ 1766 г., въ Тамбовскомъ уѣздѣ, возникла секта между однодворцами раціоналистическаго характера. Сектанты положили между собою вѣровать и поклоняться не тѣломъ, а духомъ; отвергли таинства, образа; священниковъ отвергли, какъ недостойныхъ пьяницъ и сквернослововъ. Сектанты собирались въ домахъ, читали священныя книги и пѣли псалмы или слушали поученіе одного изъ своей среды. По слѣдствію оказалось, что ихъ было очень много. Ихъ участь была рѣшена такъ: мужчинъ записали въ военную службу, дѣтей отдали въ гарнизонныя школы, откуда ихъ размѣстили въ полки; жены и дѣвицы розданы были другимъ однодворцамъ въ работницы (Дѣло въ Госуд. Арх. у Солов. <u>XXVII</u>, 67÷68). Изъ ученія ихъ видно, что это была секта духоборцевъ.

<u>Инородцы и духовная миссія.</u> Между тѣмъ ревизія казанскаго края открыла большія злоупотребленія со стороны лицъ назначенныхъ „для защиты" тамошнихъ крещенныхъ инородцевъ. Поэтому инородцы были подчинены общимъ учрежденіямъ (губернаторамъ и воеводамъ, Солов. <u>XXVI</u>, 33). Знаменитая <u>Новокрещенская контора</u> была уничтожена въ 1764 г. (о Новокрещенской конторѣ Малова, Прав. Соб. 1878 г., № 12). Въ томъ же году Екатерина сложила повинности, которыя несли некрещенные инородцы за крещенныхъ; послѣдніе пользовались льготою только въ теченіи трехъ лѣтъ; но она не соглашалась

[illegible] школы для инородцевъ, какъ предлагали синодъ и сенатъ. Для дальнѣйшаго обращенія инородцевъ Казанской епархіи назначено было состоять тремъ проповѣдникамъ; въ Тобольской, Иркутской и Тамбовской губерніяхъ — по два; въ Нижегородской, Астраханской и Вятской губ. — по одному (Солов. ib. 52). — Чтобы судить, въ какомъ духѣ дѣйствовали до того миссіонеры въ Сибири, приведемъ донесеніе сибирскаго губернатора Д. И. Чичерина. Проповѣдники, по его словамъ, разъѣзжаютъ на подводахъ церковныхъ причетниковъ; къ иновѣрцамъ, живущимъ близъ города они вовсе не заѣзжаютъ, а стараются пробраться въ отдаленныя и дикія мѣста, гдѣ проповѣдуютъ на русскомъ языкѣ такимъ людямъ, которые никогда не слыхали какъ по-русски говорятъ и увѣщаютъ къ крещенію тѣхъ, у которыхъ больше пожитку видятъ. Обольстя награжденіемъ, напоя пьяныхъ, или напугавши, крестятъ, а перекрестя, отъѣзжаютъ въ другія мѣста на лошадяхъ и на издержкахъ новокрещеннаго, оставивъ ему набумагѣ символъ вѣры, который этотъ христіанинъ безумно почитаетъ божествомъ, а что въ немъ написано не знаетъ. Черезъ годъ и больше проповѣдникъ возвращается для свидѣтельства новыхъ христіанъ и тутъ-то великія привязки дѣлаются. Въ посты привозятъ съ собою посуду, намазанную молокомъ или масломъ, лошадиныя кости, обвиняютъ въ отступничествѣ отъ вѣры христіанской, пугаютъ жестокими наказаніями и черезъ то грабятъ безчеловѣчно. Кто побогаче, къ такимъ въ потаенныхъ мѣстахъ ставятъ болвановъ, а потомъ сами же и сыскиваютъ. Если долго не крещенъ младенецъ, погребенъ ли покойникъ безъ священника, тѣмъ вѣнчаютъ по домамъ, снова привязываются и кричатъ о поруганіи вѣры. [illegible]

не откупился, долженъ ѣхать отъ 300 до 400 верстъ. Чичеринъ настаивалъ на назначеніи въ сибирскую митрополію благоразумнаго человѣка, на учрежденіи школъ для образованія священниковъ изъ инородцевъ и на прекращеніи проповѣди въ отдаленныхъ мѣстахъ. Результатомъ этого донесенія было назначеніе особой комиссіи (изъ новгород. митр. Димитрія, псковскаго епископа Иннокентія и Теплова), которая представила доклады императрицѣ объ удаленіи Тобольскаго митропол. Павла за нерадѣніе и инструкцію относительно характера проповѣди на будущее время (Солов. XXVII, 158-160). Общій духъ этой инструкціи намъ уже извѣстенъ (стр. 141-142). Дѣло это окончилось въ 1768 г. Съ своей стороны правительство заботилось только, чтобы крещенные инородцы не оставались въ средѣ некрещенныхъ и предоставляло имъ переходъ въ другія мѣстности (П. С. З. 12,317; 12,198). Таковы были отношенія церкви и государства въ разсматриваемый періодъ.

Лекція 16-я.

Взглядъ на дворянство въ XVIII вѣкѣ. Мы знаемъ уже взглядъ Екатерины на значеніе дворянства (см. стр. 251) въ государствѣ. Извѣстно, что Петръ В. не признавалъ значенія происхожденія въ прежнемъ смыслѣ слова, а поставилъ его въ зависимость отъ службы (Петръ В. повелѣлъ знатность дворянства считать по его „годности", Сборн. Р.И.О. VII, 238). Вмѣстѣ съ тѣмъ носящимъ чины присваивается титулъ „благородства", въ соотвѣтствіи западному рыцарству, давно употреблявшему этотъ титулъ. Постепенно же онъ начинаетъ присвоиваться и всему дво-

рянству, считавшемуся въ отношеніи къ верховной власти до Петра В. въ состояніи холопства. Впервые въ общей формѣ дворянство называется „благороднымъ" лишь въ указѣ 1754 г., но и послѣ того оно продолжало называться еще вѣрнымъ. Манифестъ же „о вольности дворянства" 1762 г. именуетъ россійское дворянство благороднымъ „яко главный въ государствѣ членъ." И въ 1763 г. Екатерина октроируетъ (жалуетъ) „благородство" остзейскому рыцарству, которое считало его присущимъ себѣ въ силу прирожденнаго права, какъ и польское шляхетство, откуда уже эти понятія переходятъ къ русскому дворянству. Екатерина II строила свою теорію дворянства, подъ вліяніемъ рыцарскихъ, феодальныхъ традицій западной Европы и проникнутыхъ ими ученій XVIII вѣка: такъ статьи Наказа о дворянствѣ почти цѣликомъ взяты ею изъ Монтескьё. Она утвердила ими окончательно за дворянствомъ названіе „благороднаго", хотя и присвоила его лишь высшему дворянству. Съ точки зрѣнія послѣдняго остальные классы общества, даже низшее дворянство, считались „подлыми"; но въ началѣ это выраженіе не имѣло обиднаго значенія и служило только опредѣленіемъ всякого низшаго разряда; и въ царств. Екатерины II и литература, и лучшіе люди своего времени ведутъ ожесточенную борьбу противъ такого, унизительнаго для человѣческаго достоинства, опредѣленія другихъ классовъ, соотвѣтствовавшаго подобному же воззрѣнію французской знати на canaille (1) – сволочь или чернь (Р. Славачинскій, Дворян. въ Россіи, 72-74)

---

1. Фонъ-Визинъ въ своемъ „опытѣ россійскаго сословника" понятія

Дворянство при Екатеринѣ II. Извѣстно, что уже въ началѣ царствованія Екатерины II была образована коммиссія для пересмотра правъ дворянства и тогда на этотъ фактъ смотрѣли, какъ на уничтоженіе дворянской вольности, дарованной Петромъ III. На этомъ основаніи и Бѣляевъ полагаетъ (Крестьяне на Руси, 307), что извѣстный актъ Петра III былъ отмѣненъ. Но рядомъ съ этимъ встрѣчаются объясненія сената о необязательности для дворянъ явки на службу и записыванія въ обученіе, и сама Екатерина II въ письмѣ Румянцову говоритъ, что всякій дворянинъ воленъ служить или не служить (Р. Слават. 197-98). Екатерина щедро жаловала дворянствомъ (ib, 29); она хлопотала объ установленіи опредѣленныхъ гербовъ и въ видѣ особой милости дозволила депутатамъ извѣстной коммиссіи знаки депутатскаго достоинства помѣстить въ ихъ гербы (34). Мы знаемъ также, что она украсила государственнымъ гербомъ — гербы гр. Орловыхъ. Этого мало, она щедро надѣляла своихъ любимцевъ титулами графовъ за личныя заслуги, причемъ нерѣдко они возводились предварительно въ титулы графовъ и князей священной имперіи, о чемъ хлопотала сама императрица. Таковы графы: Безбородко, Дм. Мамоновъ, Завадовскій, Строгановъ, Зубовъ и др. и князья той же имперіи — Потемкинъ, гр. Орловъ и др. (ib. 39). Занесеніе въ дворянскую книгу стало разрѣшаться по докладу государынѣ (50).

«Подлый и низкій» уже такъ опредѣляютъ: „слово низкость принадлежитъ къ состоянію, а подлость — къ поведенію, ибо нѣтъ состоянія подлыхъ, кромѣ безчестныхъ" (изд. Ефрем. 190).

В. Иконниковъ.

Въ это время вполнѣ созрѣваетъ въ средѣ дворянства сознаніе его сословныхъ преимуществъ, отличныхъ отъ извѣстной политической формы. Имѣя въ виду подробно разсмотрѣть депутатскіе наказы Екатерининской коммиссіи, при изложеніи дѣятельности этой послѣдней, скажемъ только, что эти сословно-политическія стремленія нашли въ нихъ полное выраженіе. Дворянство желало, чтобы званіе его пріобрѣталось не службою, а пожалованіемъ и рожденіемъ; оно хлопотало о созданіи замкнутаго дворянскаго корпуса, гарантированнаго сословными преимуществами и безопасностью, называя себя особливымъ родомъ людей, поставленныхъ между государемъ и народомъ. Не только мало-россійское дворянство, о которомъ гр. Румянцовъ отзывался, что оно не хочетъ сидѣть рядомъ съ мѣщанами, но и великорусское дворянство не скупилось на совѣтъ мѣстныя эпитеры для крестьянъ, вызвавшіе вполнѣ достойный отпоръ со стороны нѣкоторыхъ лицъ въ Екатерининской коммиссіи; притязанія же остзейскаго дворянства шли еще дальше: оно хотѣло даже особыхъ правъ и положеній въ отношеніи къ русскому дворянству. (ib. 44, 50, 60-63, 75, 90). Екатерина старалась придать гражданской службѣ значеніе вполнѣ достойное для дворянъ; но послѣдняя не пользовалась сочувствіемъ дворянства и въ числѣ депутатовъ коммиссіи мы видимъ на 20 военныхъ членовъ едва одного, носящаго гражданскій чинъ (140). Дворянскіе депутаты желали получить привилегіи въ примѣненіи наказаній (234); они заявляли права на особый судъ; на образованіе дворянской корпораціи и другія подобныя прерогативы (215-19). Безъ сомнѣнія эти идеи находили себѣ почву и въ современныхъ общественныхъ условіяхъ, и во воззрѣніяхъ самого правительства на извѣстныя отношенія...

Такъ, съ 1766 г. въ „генеральномъ учрежденіи о рекрутахъ" — этимъ памятникомъ воспрещено носить дворянскія фамиліи, а если между ними найдутся подобныя лица, то ихъ слѣдовало именовать по отчеству, а не фамиліями, вслѣдствіе чего нѣкоторые военные начальники окрещивали всѣхъ своихъ солдатъ по именамъ; даже въ нѣкоторыхъ монастыряхъ принимались только дворяне, а въ другихъ одни купцы и крестьяне (76-77). Артиллерійскій и инженерный корпусъ былъ учрежденъ для шляхетскихъ дѣтей; Смольный монастырь, предназначенный для воспитанія дѣвицъ, раздѣлялся на благородное и мѣщанское отдѣленіе (83)[1]. Еще съ Петра Вел. правительство приходитъ къ мысли о необходимости для служащихъ жалованія; но скудность казны препятствуетъ осуществленію ея. Съ Екатерины I начинается раздѣленіе должностей на пользующіяся доходами съ дѣлъ (акциденціи) и жалованіемъ. Кругъ послѣдняго постоянно расширяется и при Екатеринѣ II оно примѣняется ко всѣмъ служащимъ (153). Но Екатерина считала необходимымъ поддерживать дворянство и другимъ способомъ — раздачею земель, которая при ней достигла значительныхъ размѣровъ.

Служебныя и сословныя права. Обязательность службы, столь тягостная для дворянъ вообще, была легкимъ средствомъ для добыванія тѣмъ изъ нихъ, которые могли пользоваться возможными покровительствами. По постановленіямъ Петра В. военные чины были доступны по баллотировкѣ, причемъ, и обращалось вниманіе на происхожденіе, а во время Елисаветы каждый дворянинъ обязанъ былъ уже начинать службу солдатомъ.

---

1. Въ заграничныхъ училищахъ въ это время существовали особыя [illegible]

Петръ III освободилъ дворянство отъ службы, установивъ 12-лѣтній срокъ для пребыванія въ нижнихъ чинахъ; но дворяне нашли выходъ такимъ образомъ, что сыновья ихъ стали записываться въ службу съ дѣтства; такъ что съ 1763 г. Екатерина должна была постановить, чтобы малолѣтнихъ не производили въ офицеры, безъ особливаго указа, причемъ (1765 г.) было положено начинать службу съ 15 лѣтъ; но и въ 1785 г. военная коллегія нашла, что дворяне записывались въ службу съ 5-8 лѣтъ. Въ 1770 г. Екатерина поздравила гр. П. И. Панина съ зачисленіемъ новорожденнаго сына его въ корнеты конной гвардіи (Сборн. рус. ист. общ. XIII, 19-20). Сынъ выписанъ изъ малолѣтнихъ лишь въ 1796 г., бывши уже генералъ-маіоромъ. Это будущій вице-канцлеръ, гр. Никита Петровичъ. Екатерина отдавала преимущество при производствѣ дворянамъ передъ недворянами. Вмѣстѣ съ тѣмъ она возстановила баллотировку для производства во флотѣ (216-217.) П.С.З. 12,007; 12,063; 12,130; 12,288). Въ первой половинѣ XVIII стол. уже установилось правило, что придворныя званія камеръ-гера и камеръ-юнкера даютъ права на чины 4 и 5 клас., и Екатерина раздавала эти званія сыновьямъ извѣстныхъ фамилій иногда съ колыбели, а чины сами по себѣ давали уже права на высшія должности. Эта привилегія существовала до 1809 г. когда импер. Александръ I, по предложенію гр. Сперанскаго, отмѣнилъ её и заставилъ массу подобныхъ чиновниковъ избрать другой родъ дѣятельности (227). Еще при Елисаветѣ дворяне, даже женщины, по мнѣ-

---

[illegible]рянъ, которые пользовались даже преимуществомъ передъ своими начальниками (Шлоссеръ, ист. XVIII в.).

тическимъ и уголовнымъ дѣламъ, подвергались пыткѣ и тѣлесному наказанію; но при Екатеринѣ, взглядъ которой на пытку сложился вполнѣ въ духѣ современной литературы, эта казнь выводится изъ употребленія; дворянство постепенно освобождается отъ тѣлеснаго наказанія, женщины же дворянскаго происхожденія, подвергавшіяся суду за истязанія крестьянъ и подлоги, въ замѣнъ тѣлеснаго наказанія, присуждаются къ монашеству или заключенію, хотя на ихъ глазахъ пытали другихъ преступниковъ, а виновныхъ въ участіи съ ними наказывали тѣлесно и клеймили. (230-232). Между тѣмъ какъ потомственные дворяне получаютъ полное право на поземельную собственность (родовую, пріобрѣтенную, жалованную), личные дворяне, какъ постановленіемъ 1754 г., такъ и по закону 1766 г., были ограничены въ своемъ владѣніи только наличнымъ имуществомъ, но лишались права пріобрѣтенія его на будущее время (240). Екатерина неблагопріятно смотрѣла на стремленіе дворянства къ торговымъ дѣламъ. Поэтому въ 60-70хъ годахъ постоянно высказываются колебанія относительно участія дворянства въ откупныхъ дѣлахъ, но малочисленность купечества въ этомъ случаѣ побуждала правительство (1769 г.) допускать и дворянъ (260). Въ 1765 генералъ-прокуроръ Вяземскій докладывалъ сенату, чтобы о томъ, кому въ жалованныхъ грамотахъ писать отчество съ окончаніемъ <u>вичъ</u>, доносить государынѣ (П.С.З. 12,533). И въ 1774 г. императрица приказала писать отчество на <u>вичъ</u> гр. Панину, Чернышеву, Орловымъ (П.С.З. № 14,098 Р. Славатинскій 516)

<u>Положеніе крестьянъ.</u> Съ правами дворянства тѣсно связано и положеніе крестьянъ. Теоретической стороны этого вопроса мы коснемся далѣе; а теперь бросимъ

взглядъ на дѣйствительность. Нельзя не замѣтить прежде всего того выдающагося факта, что права крестьянъ въ этотъ періодъ потерпѣли нѣкоторыя новыя ограниченія. Уже въ Январѣ 1765 г. помѣщикамъ предоставлено было отдавать своихъ крестьянъ въ каторжную работу за дерзости (12,311), съ правомъ возвращать ихъ по своему усмотрѣнію (Р. Главар. 287); но это распоряженіе было въ извѣстной степени повтореніемъ указа 1760 г., который между прочимъ имѣлъ въ виду заселеніе пустынь Сибири. Тотъ же указъ былъ повторенъ въ 1766 г., причемъ правительство предоставляло себѣ опредѣлять годныхъ изъ нихъ въ другую (военную) службу. Вмѣстѣ затѣмъ помѣщики получили право отдавать крестьянъ въ зачетъ въ рекруты (N 12,557); новый указъ подвергалъ тому же наказанію челобитчиковъ и подстрекателей противъ помѣщиковъ[1]. Такимъ образомъ крестьяне были вполнѣ отданы во власть помѣщиковъ; но это безъ сомнѣнія было вызвано крайнимъ напряженіемъ ихъ взаимныхъ отношеній.[2] Тѣмъ не менѣе правительство сознавало ненормальность положенія и дѣлало отъ времени до времени существенныя облегченія ея потерпѣвшимъ. Такъ, призывая всѣхъ бѣглыхъ крестьянъ возвратиться изъ Польши, правительство цѣлымъ рядомъ манифестовъ (1763 и 1764) обѣщало имъ, что они не будутъ возвращены помѣщикамъ, а будутъ

---

1. Вообще изъ 600 челобитныхъ, поданныхъ императрицѣ во время ея путешествія по Волгѣ въ 1767 г., почти всѣ относились къ помѣщикамъ (Сборн. X, 216). Всѣ они были возвращены съ подтвержденіемъ, чтобы впредь не подавали (Солов. XXVII, 64).

2. Въ 1767 г. было сдѣлано распоряженіе о представленіи свѣдѣній сенату о всѣхъ случаяхъ убійствъ помѣщиковъ крестьянами (П. С. З. 13,008). Въ этихъ же

поселены, гдѣ пожелаютъ (въ дворцовыхъ и другихъ государственныхъ волостяхъ). Мѣста эти были назначены въ Бѣлгородской, Воронежской и Казанской губ. (П.С.З. 11,725), при чемъ казна обязана уплатить за нихъ помѣщикамъ; или зачесть ихъ въ рекруты (11,815; 12,011; 12,042). Затѣмъ велѣно было сформировать изъ нихъ 5 пѣхотныхъ и 2 конныхъ полка для защиты Сибири; негодныхъ же для службы поселить въ Селенгинскомъ и Нерчинскомъ уѣздахъ для распространенія тамъ хлѣбопашества (П.С.З. 11,979; 12,149; 12,396; 12,451; 12,506; 12,507; 12,538; 12,758; 12,857; 12,864; 13,000)[1]. Въ 1768 г. былъ воспрещенъ безчеловѣчный торгъ крестьянами во время наборовъ (13,103. Бѣляевъ, Крестьяне на Руси 307–314. Побѣдоносцевъ. Ист. очерки крѣпостнаго права — въ совр. соч., изд. въ 1876 г). Впрочемъ это не распространялось на малолѣтнихъ и стариковъ[2]. Во время 2й ревизіи (1742) крѣпостное состояніе состояло изъ 3,550,000 душъ; въ началѣ царствованія Екатерины, по 3й ревизіи, въ 13 губ., на которыя раздѣлялась тогдашняя Россія, исключая Малороссію и Остзейскій край съ Финляндіею, крестьянъ мужскаго пола было 3,774,919 душъ. Наибольшій процентъ ихъ находился въ Смоленской (74%) и Москов. губ. (70%). Крѣпостность въ остальныхъ губерніяхъ такова: чѣмъ далѣе онѣ лежали отъ

[illegible] былъ рядъ указовъ о наказаніяхъ съ предостереженіемъ противъ людей, имѣющихъ нарушить благочиніе, тишину и спокойствіе (см. П.С.З. т. XVIII).

1. Право это было даровано для бѣглыхъ до указа 4 дек. 1762 г. (П.С.З. 12,074; о различіи съ позднѣйшимъ № 13,305).

2. Помѣщичьи крестьяне, убитые въ дракѣ съ посадскими или дворцовыми крестьянами и ямщиками, цѣнились въ 100 р. за душу (12,724).

центра, тѣмъ менѣе было въ нихъ крѣпостныхъ. Въ Астрахани, Иркутскѣ и Сибири крѣпостныхъ вовсе не было. Это объясняется тѣмъ, что въ мѣстахъ, ближайшихъ къ центру, больше раздавалось помѣстій. Во 2-й половинѣ XVIII в., въ большинствѣ помѣщичьихъ имѣній, крестьяне были отпущены на оброкъ, какъ свидѣтельствуетъ сама Екатерина въ своемъ Наказѣ и какъ говоритъ въ концѣ XVIII в. Шторхъ. По словамъ Щербатова, такое положеніе вещей объясняется тѣмъ, что помѣщики по дѣламъ службы жили въ городахъ и не всегда считали возможнымъ довѣрять прикащику и теперь, когда они получили право не служить, они все-таки любили жить въ городахъ[1]. При томъ эта система освобождала ихъ отъ безпрестанныхъ и непріятныхъ хлопотъ. Но оброкъ далеко не былъ легче барщины[2]. Среднее количество оброка въ это время равнялось 2-3 руб. но нерѣдко доходило до 5 р. и даже до 10 р. (Р. Слават. 324), причемъ не всегда обращалось вниманіе на свойства и количество земли, какъ мы видимъ изъ заявленій Сиверса и какъ говоритъ сама Екатерина въ Наказѣ. Въ частныхъ опредѣленіяхъ этихъ отношеній требованія помѣщиковъ достигали нерѣдко безграничныхъ размѣровъ и потому вызывали неправильныя отношенія съ обѣихъ сторонъ. Этой бытовой стороны жизни мы коснемся дальше. Но закрѣпощеніе продолжало дѣлать успѣхи. Запрещая пріобрѣтать новыхъ крестьянъ купцамъ, сенатъ

---

1. Изъ списковъ дворянъ, составленныхъ въ 1777 г. видно, что большая часть ихъ не жила въ своихъ имѣніяхъ. (Очерки изъ крѣп. права въ Великор. во 2-й пол. XVIII ст. И.И. Семевскаго, Мысль, № 69, стр. 1).

2. Крестьяне выморочныхъ имѣній должны были немедленно приписаться П.С.З. 11,903.

сдѣлалъ исключенія въ пользу нѣкоторыхъ подъ условіемъ обученія ихъ мореплаванію для заведенія судовъ (Солов. XXVI, 28-29). Теперь была сдѣлана въ сенатѣ попытка закрѣпостить за помѣщиками половниковъ, пользовавшихся правомъ перехода (30), но кн. Шаховской и Олсуфьевъ высказались противъ этого и Екатерина согласилась съ ними. За то купцы пріобрѣтали крестьянъ другимъ путемъ. Они давали имъ пособія, векселя и такимъ образомъ закабаляли ихъ въ службу. Но сенатъ сдѣлалъ распоряженіе о прекращеніи подобныхъ злоупотребленій (46). Мы не говоримъ уже о тѣхъ повинностяхъ, которыя косвенно ложились на крестьянъ. Такъ въ 1764 г. Екатерина повелѣла военной коллегіи распорядиться, чтобы солдаты перестали грабить своихъ крестьянъ и пріостановить постройку мостовъ черезъ болота: „нынѣ и петербургскія болота засохли", прибавляетъ она (Солов. XXVI, 30).

Расширеніе власти помѣщиковъ должно было повести къ злоупотребленіямъ, вслѣдствіе чего правительство вынуждено было ограждать свои права отъ вмѣшательства помѣщиковъ въ судебныя дѣла и отъ суда надъ крестьянами (13, 516 и Скабаліб, 202). Права помѣщиковъ расширились и въ другомъ отношеніи: съ 1762 г. они пользуются переселеніемъ крестьянъ на другія земли только по заявленіи объ этомъ сборщикамъ подушныхъ денегъ или земскому суду, не ожидая даже разрѣшенія (297). Екатерина смотрѣла на продажу крестьянъ, какъ на одну изъ существенныхъ привилегій дворянства (300). Въ царст. Екатерины не разъ поднимается вопросъ о наказаніи помѣщиковъ за насиліе и убійства крестьянъ, но опредѣленнаго постановленія не было сдѣлано и импер. Александр. I не находимъ въ существующемъ законодательствѣ такого разрѣшенія (318). Обыкновенно же при Екатеринѣ подобныя преступленія наказы-

вались ссылкою въ Сибирь, церковнымъ покаяніемъ (319) и тюремнымъ заключеніемъ. (О Салтычихѣ № 13,211, въ ноябрѣ 1768). Мы знаемъ, что П. И. Панинъ совѣтовалъ установить опредѣленное количество рабочихъ дней (4) и самой работы, обязательныхъ для помѣщичьихъ крестьянъ, а также количество сборовъ и Екатерина одобрила эту мѣру; но и Панинъ предлагалъ ее сдѣлать секретно, а императр. ограничилась пожеланіями. Самая инструкція губернаторамъ 1764 г. не заключала въ себѣ такого категорическаго наказа о наблюденіи и преслѣдованіи провинившихся въ насиліи помѣщиковъ, какъ напр. инструкція воеводамъ 1719 г. (346). Угрозы сената противъ жалобъ не могли быть дѣйствительны; волненія крестьянъ и столкновенія съ военными командами продолжались и получили болѣе опасный характеръ въ слѣдующій періодъ царствованія Екатерины (361). Если правительство могло подозрѣвать злоумышленниковъ въ распространеніи слуховъ о свободѣ и т. п., то и оно съ своей стороны посѣяло эти надежды. Всѣ эти распоряженія и движенія происходятъ одновременно, когда появляется Наказъ Екатерины, созывается коммиссія депутатовъ, рѣшается крестьянскій вопросъ въ Экономическомъ обществѣ, а это не могло остаться безъ вліянія на умы.

Волненія крестьянъ. Между тѣмъ волненія крестьянъ шли своимъ чередомъ. Крестьяне волновались на желѣзныхъ заводахъ кн. П. И. Репнина въ Воронежской губ., отказывались отъ исполненія работъ и волненіе ихъ окончилось наказаніемъ плетьми и ссылкою 10 чел. въ Нерчинскіе заводы; въ селѣ Архангельскомъ крестьяне угрожали помѣщику убійствомъ и сдѣлали открытое нападеніе на военную команду; черкасы (малороссіяне), поселенные въ Воронежской губ., въ имѣніи

фельдмаршала Бутурлина, гр. Воронцова, генер. Сафонова, кн. Трубецкого также отказались отъ повиновенія, но отсюда волненіе перешло въ Бѣлогородскую губ. Они требовали перечисленія ихъ въ государственные крестьяне. Дѣло это тянулось 2 года, но волненіе было усмирено только военною силою, а малороссіянам позволено было переселиться въ другое мѣсто. Въ Тамбовском уѣздѣ (Воронежской губ.) взбунтовались крестьяне вотчины Фролова-Багрѣева и оказали сопротивленіе военной команде, но были разогнаны оружіемъ. Волненія эти поддерживались слухами объ освободительномъ указѣ и потому сенатъ объявилъ, что подобнаго указа не существуетъ. Въ Шуйском уѣздѣ крестьяне села Телешова и другихъ помѣщиковъ сдѣлали наѣзды на послѣднихъ, убивали и мучили ихъ. Въ Переславлѣ-Залѣсскомъ волненіе поддерживалось даже такими надеждами, какъ отобраніе помѣщичьихъ селъ въ казну и собираніе оброка, равнаго крестьянамъ монастырскихъ вотчинъ. Крестьяне Кашинскаго уѣзда помѣщиковъ Олсуфьевыхъ просили императ. объ освобожденіи ихъ отъ помѣщиковъ, а затѣмъ, не смотря на посылку противъ нихъ военной команды, такія же просьбы подали сосѣдніе крестьяне - Леонтьевыхъ, Лопухиныхъ, Толстой. Не смотря однако на всѣ запрещенія подавать челобитныя, Екатерина вынуждена была принять ихъ, въ виду настоятельныхъ и многочисленныхъ заявленій о насиліяхъ и злоупотребленіяхъ помѣщиковъ. Просьбы ихъ и самихъ челобитчиковъ она отправила въ сенатъ, который постановилъ допросить ихъ подъ пристрастіемъ, кротчайшимъ челобитныя и тѣхъ взять для допроса, а самихъ крестьянъ частію въ Москвѣ, а частію на мѣстѣ подвергнуть публичному наказанію.[1] Однако и сенатъ признавалъ, что въ этихъ

1. Сенатъ постановилъ также взыскать убытки казны съ непокорныхъ.

жалобахъ есть дѣйствительныя основанія и потому поручилъ нѣкоторымъ изъ сенаторовъ переговорить съ помѣщиками, въ имѣніяхъ которыхъ происходили волненія, о причинѣ неудовольствія крестьянъ, и чтобы они старались пользоваться своимъ правомъ, слѣдуя человѣколюбію и принимая въ разсужденіе силы крестьянскія въ обложеніи ихъ работами и оброками. (Солов. XXVII, 17-19, 65-67).

Неурожаи. Мы знаемъ уже, что Сиверсъ указывалъ императрицѣ на переполненіе тюрьмъ, вслѣдствіе притѣсненій крестьянъ и на множества бѣглыхъ; онъ предлагалъ брать послѣднихъ въ солдаты, отчего помѣщики стали бы человѣколюбивѣе, а крестьяне послушнѣе. Но были и другія причины бѣгства крестьянъ - экономическія. Изъ донесеній нѣкоторыхъ воеводъ видно, что крестьяне по недостатку хлѣба питались, примѣшивая къ ржаной и яровой мукѣ пивной дробь, шубины и мякину отъ льна и конопли или отруби. — Крестьяне подмосковныхъ уѣздовъ продавали скотъ и платье, чтобы добыть себѣ пропитаніе или шли просить милостыню. Сенатъ велѣлъ помѣщикамъ подъ опасеніемъ штрафа, ссужать крестьянъ хлѣбомъ для пищи и посѣва. Тоже самое было предложено и дворцовой канцеляріи. Вслѣдствіе этого идетъ цѣлый рядъ распоряженій правительства о заведеніи хлѣбныхъ магазиновъ въ дворцовыхъ, экономическихъ (бывшихъ монастырскихъ) и вотчинныхъ имѣніяхъ. (П.С.З. XVII, 12,351; 12,662; 13,017).

крестьянъ (11,875). Въ это время возбужденіе крестьянъ противъ помѣщиковъ было такъ сильно, что въ октябрѣ 1763 г. появился подложный указъ Екатерины сенату о притѣсненіяхъ народу. Онъ былъ сожженъ черезъ палача, а затѣмъ было издано постановленіе, что изобличенные уже должны считаться тогда только

Разбои. Болѣе грозныя явленія обнаружились на восточной Украйнѣ. Изъ Алатырской провинціи были получены извѣстія о появленіи тамъ шайки воровскихъ людей, вооруженныхъ пушками, ружьями, бердышами и рогатинами, которые сожгли обширное село (400 двор.), многихъ ранили и убили. Другая шайка разграбила заводъ въ Пензенской губерніи и сожгла село княг. Голицыной; были уничтожены деревни и заводы (винокуренные) въ Саранскомъ уѣздѣ; захвачены суда съ транспортомъ и виномъ гр. Шувалова. Хорошо вооруженные и владѣя лодками и лошадьми, эти отряды легко справлялись съ незначительными военными командами, плохо вооруженными и состоявшими изъ престарѣлыхъ и раненыхъ инвалидовъ. Поэтому сенатъ предлагалъ употребить въ дѣло волжскихъ и донскихъ казаковъ, признавая весьма важное въ виду опасности, грозившей всему Поволжью. Въ виду многочисленныхъ разбоевъ и воровства сенатъ требовалъ немедленныхъ донесеній о всѣхъ подобныхъ случаяхъ (12,681). До какой степени эта почва была опасною во время движенія подтвержденіемъ могутъ служить похожденія яицкаго казака Каменьщикова. Недовольный злоупотребленіями старшинъ, онъ съ 1761 г., въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, успѣлъ побывать въ разныхъ городахъ на Волгѣ, вплоть до Далматскаго монастыря.

дѣйствительными, когда они будутъ печатные (Сборн. VII, 321-22; П.С.З. 12,089). Въ 1766 г. послѣдовало повелѣніе, чтобы не вѣрили слухамъ, будто бы существуетъ указъ объ описаніи на имя императр. всѣхъ помѣщичьихъ крестьянъ, за наложеніи на нихъ тяжкихъ оброковъ (12,673). Въ такихъ формахъ проявлялись надежды крестьянъ на освобожденіе.

(въ Пермскомъ краѣ), собралъ подписи многихъ крестьянъ и между прочимъ на Демидовскихъ заводахъ, о неудовольствіяхъ ихъ на прикащиковъ, распорядился наказать послѣднихъ и успѣлъ благополучно достигнуть Петербурга, гдѣ былъ схваченъ уже на пути въ сенатъ. Въ это время пришло извѣстіе, что еще въ Исетской провинціи онъ разглашалъ, будто бы Петръ III живъ и вмѣстѣ съ Волковымъ находится въ Троицкой крѣпости, на которыхъ онъ и возлагалъ свои надежды. За это онъ былъ наказанъ кнутомъ, лишенъ ноздрей и сосланъ навсегда въ Нерчинскій заводъ, а казакъ Бѣлянинъ, виновный въ этомъ слухѣ высѣченъ плетьми (Журн. сената 1766 г, памят. новой Рус. ист. III 384-396)(1)

Сибирскіе заводы. Лица, подобныя Каменщикову всегда могли найти поддержку среди заводскихъ крестьянъ. Такъ въ тоже самое время сибирскій губернаторъ Д.И. Чичеринъ сообщалъ сенату, что заводскіе управители Кручиновъ и Мельчиковъ поступали съ ясачными не лучше разбойниковъ: они грабили ихъ хлѣбъ и скотъ, а самихъ мучили и жгли. Сначала они сознались во всемъ и были приговорены къ удовлетворенію потерпѣвшихъ, но потомъ, найдя поддержку въ начальникѣ заводовъ Порошинѣ, запретили принимать зимою ясачныхъ въ дома, продавать имъ хлѣбъ, вслѣдствіи чего Татары бѣжали въ лѣса. Произволъ ихъ продолжался еще два года, а когда Чичеринъ рас-

---

1. Въ Оренбургскомъ Арх. былъ найденъ указъ Екатерины II-й, отъ 19 марта 1763 г., въ которомъ говорится, что священникъ и дьяконъ Спасскаго села поминали и пѣли въ церкви о здравіи Петра III и распространяли слухъ, что онъ живъ (Рус. Арх. 1871, 1,252 стр.) показаніе весьма важное на этой почвѣ, гдѣ появился Каменщиковъ и гдѣ потомъ является Пугачевъ.

порядился захватить ихъ, что они выступили противъ команды съ отрядомъ въ 200 челов. и перебили посланныхъ, а сами ушли въ Барнаулъ. Послѣ этого Чичеринъ представилъ новый докладъ о совершенномъ разореніи управителями ясачныхъ. „Управители, писалъ онъ, ведя происхожденіе свое отъ рядовыхъ казаковъ, подлѣйшаго въ Сибири народа, носятъ чины сибирскаго дворянства и получаютъ жалованіе отъ 10-15 р. въ годъ, имѣютъ отъ 400 до 500 лошадей и многорогатаго скота и богатства". Они были отрѣшены отъ должности и отданы въ распоряженіе губернатора (Солов. XXVII, 25-26).

Путешествіе Екатерины по Россіи. Поѣздка въ Прибалтійскій край. Личное знакомство съ мѣстными нуждами края Екатерина считала необходимымъ для своего изученія Россіи и законодательныхъ плановъ. Послѣ Петра В. Екатерина II первая изъ царствовавшихъ особъ предпринимала путешествія съ правительственными цѣлями. Такъ вскорѣ послѣ коронаціи она посѣтила нѣкоторые центральные города Россіи и сообщила свои замѣчанія Панину. 20 іюня 1764 г. она снова предприняла путешествіе въ прибалтійскій край, (въ этомъ путешествіи Екатерину сопровождали гр. Г. Г. Орловъ, гр. К. А. Разумовскій, гр. П. И. Панинъ, Л. А. Нарышкинъ, И. П. Елагинъ и др.), чтобы осмотрѣть Балтійскій портъ или Рогервикъ, на который она еще въ началѣ царствованія обратила вниманіе. Кромѣ того она посѣтила Ямбургъ, Нарву, Ревель, Ригу, встрѣчая вездѣ самый радушный пріемъ. Но въ Нарвѣ, гдѣ представители сословій почтили ее нѣмецкими рѣчами, гр. Г. Г. Орловъ отвѣчалъ имъ

по-русски. Въ Ригу явился Биронъ, опавъ на колѣни, онъ цѣловалъ руку той, которой былъ обязанъ возвращеніемъ своего престола. Интересно письмо Екатерины къ Панину по поводу этой встрѣчи. „Герцогъ, писала она, по возвращеніи въ Ригу, принялъ меня съ великолѣпіемъ и медаль нарочно дѣлалъ для пріему, и деньги кидалъ въ народъ." Сказавъ о торжественномъ пріема, оказаннаго ей народомъ, она прибавляетъ: „Пишу къ вамъ это, чтобы показать, что лифляндцы начинаютъ поддаваться вліянію своихъ завоевателей." (Сборн. VII, 368. Солов. XXVI, 9, 16). Мы знаемъ уже мнѣніе Екатерины относительно мѣстныхъ привилегій. Но въ Митаву Екатерина отправлялась подъ непріятнымъ впечатлѣніемъ и только чтобы не показать своего дурнаго состоянія духа (О пребыв. Екатер. въ Прибал. краѣ см. Два эпизода изъ царствованія Екатерины II, бар. Бюлера, Рус. Вѣст. 1870, N 3 и Прибал. сборн. т. II).
Въ связи съ посѣщеніемъ Екатериною этого края стоитъ разрѣшеніе нѣкоторыхъ важныхъ вопросовъ, касающихся его благосостоянія. Получивъ обратно имѣнія, отобранныя шведами по редукціи, лифляндскіе и эстляндскіе дворяне во половинѣ XVIII в. становятся единственными владѣльцами (посессорами) казенныхъ земель въ этомъ краѣ, а сосредоточивая въ своихъ рукахъ земскіе суды и полицію, они имѣли почти неограниченную власть надъ своими крестьянами. Бюргеры лифляндскихъ городовъ дѣлаютъ то же самое, сосредоточивши свои привилегіи въ цехахъ и корпораціяхъ, которые достигли въ это время наибольшаго развитія. Между тѣмъ, общая цифра привиллегированныхъ сословій (Land und Stadt)

въ городахъ и деревняхъ съ женами и дѣтьми, достигла всего 100.000 чел. Крестьянинъ находился въ самомъ безпомощномъ положеніи, представляя безправную рабочую силу. Цехи, вслѣдствіи своей замкнутости и упадка ремеслъ, пришли также къ полному застою: почти вся торговля въ краѣ находилась въ рукахъ курляндцевъ и пруссаковъ. Задуманный еще въ 1763 г. уставъ о рижской коммерціи (П.С.З. 11,798), былъ оконченъ въ 1765 г. (12,518) и вошелъ въ силу съ 1766 г, ограждая интересы мѣстной торговли и положеніе торговаго класса и ремесленниковъ, а отобраніе таможенныхъ сборовъ въ казну избавило эту отрасль управленія отъ злоупотребленій откупа. Стала сознаваться и потребность въ перемѣнѣ отношеній къ крестьянамъ. Съ половины XVIII в. здѣсь распространяется масонство и книжныя лавки, издаются газеты (Rig. Anzeiger). Въ средѣ дворянъ раздается голосъ въ пользу обезпеченія правъ крестьянъ - это былъ голосъ бар. К. Фр. Шульца, воспитывавшагося въ Петербургѣ въ сухопутномъ шляхетскомъ корпусѣ. Въ своихъ статьяхъ онъ провелъ разграниченіе, опредѣливъ мѣру службы и повинностей крестьянъ, оградилъ положеніе отъ произвола помѣщиковъ (послѣдніе лишились права сгонять его, продать и подарить) и предоставилъ крестьянину право жаловаться на помѣщика, въ случаѣ нарушенія этихъ правъ. Эти положенія были переведены на латышскій языкъ и розданы крестьянамъ. Въ 1763 г. онъ попытался распространить ихъ между помѣщиками, но безуспѣшно. Утверждая привилегіи этихъ провинцій, Екатерина подчинила однако апелляціонныя дѣла вѣдомству 2 департамента сената, а въ бытность

В. Иконниковъ

свою же с поручила Броуну озаботиться улучшеніемъ участи крестьянъ и этотъ вопросъ былъ поднятъ на Ландтагѣ 1765 г., причемъ дѣятельнымъ защитникомъ его выступилъ тотъ же Шульцъ, котораго дворянство грозило за это выбросить въ окно изъ риттерхауза, а положеніе его было серьезно. Но требованіе императ. необходимо было исполнить: дворянство признало движимую собственность за крестьянами; установило норму повинностей, предоставило имъ право жалобъ въ судъ (орднунгсъ-герихтъ), обязалось не продавать крестьянъ на рынкѣ и отдѣльно мужа отъ жены, установило опредѣленныя наказанія за проступки. Сенатъ съ своей стороны болѣе зорко сталъ наблюдать за мѣстнымъ управленіемъ (Прибалт. сборн. II, 555–590 и Рихтеръ, Истор. крестьян. сословія въ Приб. краѣ, Рига, 1860). Такъ, съ 1757–1765 г. тянулось дѣло о ревизіи, вслѣдствіи которой, при Елисаветѣ были установлены новыя повинности въ этомъ краѣ, но по причинѣ жалобъ лифляндскаго дворянства, уплата имъ въ казну была тогда же остановлена, хотя оно и получило доходы на основаніи этой ревизіи. Оно хотѣло оставаться при положеніи 1688 г. Но, по разсмотрѣніи этого дѣла въ 1765 г., сенатъ постановилъ взыскать всю недоимку съ лифляндскихъ дворянъ и сдѣлать внушеніе имъ о неправильномъ толкованіи ими шведскихъ и польскихъ привиллегій (П.С.З. 13,241). Въ 1766 г. въ нѣкоторыхъ городахъ Лифляндской губ. введенъ былъ полицейскій уставъ, тотъ же самый, который вошелъ потомъ въ учрежденія о губерніяхъ (12,636.) По случаю же первой турецкой войны съ Лифляндіи и Эстляндіи положено было собирать 150000

талеровъ въ годъ, изъ которыхъ приходилось 100,000 на Лифляндію а 50,000 на Эстляндію. Нарва должна была вносить ежегодно до 3000 р. Сборъ этотъ продолжался до окончанія войны (по 1775 г.) причемъ изъ него не исключались и коронныя имѣнія (Екатерина въ Приб. краѣ, Тихомирова, Вѣст. Евр. 1877, № 12).

<u>Дѣло Мировича.</u> Еще въ Ригѣ Екатерина получила отъ Панина извѣстіе о происшествіи въ Шлюссельбургѣ. Мы знаемъ уже, что Екатерина хотѣла сначала отпустить семейство брауншвейгскаго герцога въ отечество, но потомъ вслѣдствіе возникшаго движенія въ гвардіи, въ которомъ снова упоминалось имя Ивана Антоновича пріостановилось съ этимъ рѣшеніемъ. Явился даже планъ о постриженіи Ивана VI въ одномъ изъ отдаленныхъ монастырей (Сборн. VII, 364), на которое онъ однако не согласился; мы знаемъ также о существованіи весьма характеристической инструкціи объ умерщвленіи его въ случаѣ открытаго насилія со стороны кого бы то ни было съ цѣлью освобожденія; а завѣдываніе шлюссельбургскимъ узникомъ было ввѣрено Н. И. Панину (Сборн. VII). Но 5 іюля 1764 г. Панинъ получилъ отъ коменданта Бередникова донесеніе, что въ туже ночь поручикъ смоленскаго полка В. Я. Мировичъ пытался съ своимъ карауломъ освободить Ивана Ант. и объявить государемъ, избилъ и арестовалъ коменданта и вступилъ въ перестрѣлку съ гарнизонной командой, находившейся въ крѣпости, подъ начальствомъ капитана Власьева и поручика Чекина. Онъ притащилъ даже на случай надобности шести-фунтовую пушку и грозилъ разрушить крѣпость. Чекинъ и Власьевъ, видя дурныя послѣдствія рѣшились заколоть узника.

явившись съ командою въ казарму, Мировичъ засталъ уже Ивана Ант. лежащимъ на полу мертвымъ. Сдѣлавъ жесточайшій упрекъ убійцамъ за пролитіе невинной крови, Мировичъ поцѣловалъ его въ руку и ногу, а его самого тутъ же арестовали. При немъ были найдены манифестъ, присяга и повелѣніе, писанное его рукою. Панинъ, донося объ этомъ императрицѣ, распорядился принять рѣшительныя мѣры и снять допросъ съ Мировича. Екатерина очень встревожилась этимъ обстоятельствомъ, но сначала думала скрыть все дѣло: она распорядилась немедленно погребсти убитаго въ Шлиссельбургѣ безъ огласки и просила держать все это дѣло въ тайнѣ. Она опасалась, что корень этого дѣла кроется въ Петербургѣ и что тамъ существуетъ даже цѣлый планъ противъ нея. Быть можетъ, она руководилась слухами о томъ, что гренадерамъ при ея отъѣздѣ въ Прибалтійскій край толковали, что она обвѣнчается тамъ съ Орловымъ и сдѣлаетъ его принцемъ. Неплюевъ настаивалъ предъ Панинымъ (жившимъ съ вел. кн. Павломъ въ Царскомъ селѣ), чтобы Мировича пытать и истязать; но Панинъ не рѣшился на это безъ доклада государынѣ. Какъ ни скрывала Екатерина свое волненіе, но оно было велико: она приходила въ негодованіе отъ ложныхъ слуховъ, распространявшихся въ ложномъ манифестѣ на ея счетъ и подметныхъ письмахъ (о бракѣ съ Орловымъ), въ составленіи которыхъ она подозрѣвала офицеровъ; она выражалась, что все это дѣло не болѣе, какъ безразсудное сопротивленіе, но спѣшила въ Петербургъ, чтобы разсѣять ложные слухи. Между тѣмъ шли допросы Мировича,

другой изъ заговорщиковъ, Ушаковъ, утонулъ, а потому она распорядилась допросить его брата.

Изъ допросовъ Мировича было дознано, что онъ, какъ и прочіе политическіе авантюристы, думалъ достигнуть значенія путемъ переворота. Его самолюбіе не выносило, что даже штабъ-офицеры приглашались во дворецъ; съ своей стороны онъ былъ недоволенъ, что просьбы его и его сестеръ о возвращеніи конфискованныхъ имѣній и о назначеніи пенсій не были удовлетворены. Дѣдъ Мировича, переяславскій полковникъ, передался вмѣстѣ съ Мазепою на сторону Карла XII и потому долженъ былъ выѣхать въ Польшу, а сыновья его жили у черниговскаго полковника Полуботка и потомъ служили въ Петербургѣ, но при Аннѣ Ив. были сосланы въ Сибирь за то, что сняли копію съ дѣла о Полуботкѣ, подвергшемся, какъ извѣстно, опалѣ при Петрѣ И. для отправки его отцу, а также и сами ѣздили въ Малороссію и Польшу. Не получивъ удовлетворенія и теряя надежды на успѣхъ своего дѣла, по примѣру 28 іюня 1762 г., Мировичъ вступилъ въ заговоръ съ пріятелемъ своимъ Ушаковымъ. Въ натурѣ Мировича было уже мистическое настроеніе: онъ былъ масономъ и когда рѣшился на свое предпріятіе, то оба пріятеля отслужили предварительно панихиду въ Казанскомъ соборѣ по себѣ, какъ по умершимъ. Они думали совершить свой подвигъ по той программѣ, какъ совершился и переворотъ 28 іюня. Но Ушаковъ не дожилъ до этого дня и Мировичъ рѣшился все выполнить одинъ. Показаны были данныя, добытыя слѣдствіемъ. Екатерина писала Панину, что прочла

календарь и записки Мировича, изъ которыхъ убѣдилась, что единомышленниковъ у него не было, но что онъ хотѣлъ убить её. По пріѣздѣ императрицы въ Петербургъ (25 іюля), открылся чрезвычайный судъ, состоявшій изъ членовъ синода, сената и чиновъ первыхъ трехъ классовъ. Судъ просилъ предоставить ему неограниченное право дѣйствія и Екатерина согласилась, выразившись при этомъ, что она прощаетъ виновнаго относительно собственнаго оскорбленія и предоставляетъ сдѣлать постановленіе относительно государственнаго преступленія. Баронъ Черкасовъ и нѣкоторые члены духовенства предлагали пытать виновнаго, но кн. Вяземскій воспретилъ даже рѣчь объ этомъ. Черкасовъ подалъ однако особое мнѣніе, въ которомъ настаивалъ на жестокой пыткѣ. Но собраніе протестовало противъ этого, какъ противъ собственнаго оскорбленія[1]

---

1. Не будемъ удивляться, что воспитанникъ Англіи Черкасовъ стоялъ за жестокую пытку: Ссылаясь на Блакстона, Лекки говоритъ, что въ его время въ Англіи было не менѣе 160 проступковъ, караемыхъ смертью и нерѣдко случалось, что вѣшали заразъ 10-12 преступниковъ или что 40-50 чел. бывали осуждены въ одни ассизы. Въ случаѣ государственной измѣны, законъ требовалъ, чтобы прежде чѣмъ обезглавить преступника его повѣсили, не давая ему умереть и чтобы, «вынутыя изъ него живаго внутренности, были сожжены въ его глазахъ». До 1790 г. женщины, виновныя въ государственной измѣнѣ, могли и иногда были сожигаемы живыми. Мальчики моложе 12 лѣтъ были повѣшены за участіе въ Гордонскомъ мятежѣ 1780 г. Гренвиль

Нѣкоторые недоброжелатели Екатерины (преимущественно иностранные министры враждебныхъ дворовъ) увидѣли во всемъ этомъ комедію со стороны Екатерины, но она предоставила коммиссіи свободно высказаться о пыткѣ (XVIII в. III, 365). Послѣ этого члены синода, отказавшіеся отъ подписанія смертнаго приговора, нашли однако же Мировича заслуживающимъ жесточайшей казни. Остальные подали приговоръ за смертную казнь. По словамъ Державина народъ, отвыкшій отъ смертной казни со времени Елисаветы, почему-то ожидалъ прощенія; но казнь была совершена (15 сент. 1764 г.).

Солдаты, участвовавшіе въ дѣлѣ Мировича, были прогнаны сквозь строй и разосланы въ отдаленные гарнизоны; Власьевъ и Чекинъ получили награды по 7,000 руб. но были отставлены отъ службы и дали подписку никогда не обращаться къ государынѣ съ просьбами, не принимать участія въ общественныхъ дѣлахъ, о шлиссельбургскомъ происшествіи не говорить и стараться не являться въ многолюдныя собранія и въ обѣ столицы.

разсказывая объ этомъ, наивно замѣтилъ: „никогда въ жизни я не слыхивалъ такого жалкаго крика" (Ср. гуманной законъ Екатерины II, выше стр. 277). Въ 1783 г. число злодѣевъ, казненныхъ въ Лондонѣ, было 51, въ 1785 — 97. Сочиненіе Беккаріи, пользовавшееся большимъ успѣхомъ на материкѣ, было очень малоизвѣстно въ Англіи. Даже въ 1813 биль объ отмѣнѣ вырыванія внутренностей и четвертованія за измѣну, предложенный Ромильи, былъ отвергнутъ въ первый разъ, а въ слѣдующемъ году палаты согласились только на отмѣну 1-го акта (перваго) и настояли на сохраненіи четвертованія. (A History of England in XVIII century by W. E. H. Lecky, London 1878. О развитр. клейменіяхъ, тѣлес. наказаніяхъ въ арміи и т. п. въ тогдашней Франціи см. у Тэна, Происхожденіе современ. строя Франціи 507–513).

(Солов. XXVI, 1-18. О Браун. фам., В. П. Поваляева, Рус. Вестн. 1866 № 7; А. Г. Брикнера О Браун. фам. Рус. Вест. 1874, Русск. Старина т. XXIV, XXV. Рус. Арх. 1863, XVIII в. III. Бумаги Панина, Рус. Арх. 1871. Рус. ист. сборн. VII, 182-84, 366-73. Чтен. 1860 г. III; 1861 г. I; 1863, II. Зап. кн. В. П. Кочубея и гр. Блудова, в кн. Ковалевскаго, „Гр. Блудов и его время." Записки Дашковой; сборн. XII, 171-74; XXII, донес. Сольмса 262-270; 282-289. Записки Порошина 53. Мат. о Мировиче XVIII, III, 367-387; Памятн. нов. рус. истории I).

Политическіе противники Екатерины заподозрѣвали ее въ участіи въ этомъ дѣлѣ, объясняя даже, что Мирович былъ не болѣе какъ орудіе ея политическаго замысла. Понятно какъ возмутило это Екатерину: отсюда та горячность, съ какою взялась она за раскрытіе всего дѣла. Переписка съ Жоффренъ показываетъ, что она сдѣлала даже больше, чѣмъ ея литературные друзья считали подходящимъ. Она велѣла напечатать подробный манифестъ объ этомъ дѣлѣ.

Постановленіе о конфискованныхъ имѣніяхъ.

Вслѣдствіе дѣла Мировича, Екатерина прекратила тяжбы и иски на конфискованныя имѣнія, которыя могли возникнуть, не смотря на давность времени. (Солов XXVI, 21).

Новые заговоры. Иностранные резиденты заявляютъ, что дѣло Мировича не произвело общей революціи, какъ думали нѣкоторые, и что съ этого времени престолъ ея еще болѣе укрѣпился (сборн. XII, 174), хотя въ то же время было нѣсколько случаевъ самозванства на Украйнѣ, то во имя Петра II (раскольн. солд. Евдокимовъ), то во имя Петра III (Солд. Гавр. Кремневъ въ Воронежѣ; армян-

Жгандековъ; Солд. П. Чернышевъ въ Исетской провинціи). Всѣ они были высѣчены кнутомъ или плетьми и сосланы въ Нерчинскъ, гдѣ нѣкоторые изъ нихъ продолжали свое ремесло и имѣли даже успѣхъ (Солов. XXVI, 154-55, Мордов. Самозванцы I). Сторонникъ Петра Θедоровича Батуринъ еще при Елисаветѣ, продолжалъ содержаться въ Шлюссельбургѣ и увѣрялъ тамъ, что Петръ III живъ, снова явится въ Россію и освободитъ его изъ заключенія. Въ 1768 г. его сослали въ Камчатку, гдѣ онъ успѣлъ надѣлать новыхъ хлопотъ правительству. Но въ томъ же году полученъ былъ доносъ, что 18-лѣтній адъютантъ Опочининъ, сынъ генер.-майора, выдавалъ себя за сына англійскаго короля, пріѣхавшаго будто бы тайно въ Россію, и Елисаветы Петровны. Онъ составилъ заговоръ съ цѣлью свергнуть съ престола Екатерину II, истребить Орловыхъ и возвести на престолъ вел. кн. Павла. Опочининъ и другіе, прикосновенные къ этому дѣлу, сложили всю вину на корнета Батюшкова, который признался, что первый сталъ говорить о своемъ намѣреніи произвести такой же переворотъ, какой произвели Орловы. Преступленіе Батюшкова было приписано пьянству и умопомѣшательству, тѣмъ не менѣе его приговорили къ лишенію чиновъ, дворянства и ссылкѣ въ Мангазею, а Опочинина съ тѣмъ же чиномъ послали въ гарнизонъ на линію. Одни, выступая противъ существующаго правительства, стремились произвести переворотъ подобный бывшему, и ждали для себя такихъ же благъ, какими были осыпаны участники послѣдняго; другіе вызывали тѣнь Петра III и также связывали съ его именемъ улучшеніе своей судьбы.

В. Иконниковъ

такъ въ 1769 г. бѣглый солдатъ Мамыкинъ по дорогѣ въ Астрахань разглашалъ, что Петръ III живъ, снова приметъ царство и дастъ льготы крестьянамъ (Дѣло госуд. Арх., у Солов. XXVII, 161-163). Поволжье, давшее притонъ раскольничьимъ поселеніямъ, вышедшимъ изъ за-границы, на основаніи милостивыхъ указовъ Петра III и Екатерины II, упорно поддерживало эту мысль.

Лекція 17.

Общее направленіе внутренней дѣятельности Екатерины. Карамзинъ, въ извѣстной запискѣ своей, поданной Александру I, говоритъ объ общемъ характерѣ царствов. Екатерины такъ: „Екатерина II была истинною преемницею величія Петра В. и второю образовательницею новой Россіи. Главное дѣло сей незабвенной монархини состоитъ въ томъ, что ею смягчилось самодержавіе, не утративъ силы своей... Петръ, насильствуя обычаи народные, имѣлъ нужду въ средствахъ жестокихъ... Екатерина очистила самодержавіе отъ примѣсовъ тиранства; слѣдствіемъ были - спокойствіе сердецъ, успѣхи пріятностей свѣтскихъ, знаній, разума" (Рус. Арх. 1870 г., с. 2262-63). Вторая половина 18-го столѣтія, когда во главѣ европейскихъ народовъ становятся монархи-философы, была по преимуществу временемъ примѣненія философскихъ началъ къ политикѣ и гражданской жизни. Главной цѣлью своихъ стремленій ставятъ „благо народа". Начала филантропіи полагаются въ основаніе законодательства. Въ теоріи, а этотъ вѣкъ былъ по преимуществу теоретиче-

симъ, направленіе это шло, конечно, дальше, чѣмъ на практикѣ.
Смягченіе наказаній. Взглядъ Екатерины II на дѣло Волынскаго. Понятно, что правительство, проникнутое этими началами, оказывалось наиболѣе чувствительнымъ въ той сферѣ, гдѣ наиболѣе нарушались человѣческія чувства и права. Уже вскорѣ по вступленіи своемъ на престолъ Екатерина подтвердила уничтоженіе тайной канцеляріи, отмѣненной Петромъ III (указъ 19 октября 1762 г). Далѣе послѣдовала отмѣна сыщиковъ (Солов. XXV, 168), всегда готовыхъ поддерживать свое ремесло массою несправедливостей, доносовъ, а часто и мнимыми страхами. Примѣненіе пытки было почти уничтожено (XXV, 213. объ употребленіи ея въ 1769 г. Солов. XVIII, 199 и далѣе, см. ниже статью Арсеньева).
О характерѣ уголовнаго процесса въ XVIII стол. можно судить по слѣдующимъ очеркамъ: „Русскіе пытки", истор. очеркъ, составленный А. Э. Ц. Рус. Арх. 1867; 1139-1167; „Заплечный мастеръ" (1768) Л. Н. Трефолева, ib 1868, 1064-1068; „Михайло Медвѣдь, разбойничій есаулъ", Н. П. Розанова; ib, 1869, 1082; „Ванька Каинъ", Г. В. Есипова, XVIII вѣкъ Бартенева, III, 280-342; „Заплечные мастера въ Россіи", истор. очеркъ Г. И. Студенкина, Рус. стар. 1876, т. VIII, 201-224; „О тайной канцеляріи при Елисаветѣ Петровнѣ по подлин. пам.", Рус. Стар. 1875, XII, 523-539; „Люди стараго вѣка", Г. В. Есипова, спб. 1880. „Старинныя дѣла объ оскорбленіи величества", А. В. Арсеньева. Истор. Вѣст. 1881 г. № 3-е.
Но вотъ собственноручная записка Екатерины II по поводу прочитаннаго ею дѣла Волынскаго, вполнѣ обрисовывающая намъ взглядъ Екатерины на пытки (Чт. М. О. И. 1858, IV. сборн. X, 56); она относится 1765 г.; вотъ ея содержаніе:
„Сыну моему и всѣмъ моимъ потомкамъ совѣтую и

поставлю читать сіе Волынскаго дѣло отъ начала до конца, дабы они видѣли и себя остерегали отъ такого беззаконнаго примѣра въ производствѣ дѣлъ. Императр. Анна своему кабинетному министру Артемію Волынскому приказала сочинить проектъ о поправленіи внутреннихъ государственныхъ дѣлъ, который онъ и сочинилъ и ей подалъ. Осталось бы полезное употребить, неполезное оставить изъ его представленія. Но, напротивъ того, его злодѣи и коимъ его проектъ не понравился, изъ того сочиненія вытянули за волосы такъ сказать и ввели на Волынскаго измѣнническій умыселъ и будто онъ себѣ присвоивать хотѣлъ власть государя, чего отнюдь на дѣлѣ не доказано; Еще изъ сего дѣла видно, сколь мало положиться можно на пыточныя рѣчи; ибо до пытокъ всѣ сіи несчастные утверждали невинность Волынскаго, а при пыткѣ говорили все, что злодѣи ихъ хотѣли. Странно какъ роду человѣческому пришло на умъ лучше утвердительнѣе вѣрить рѣчи въ горячкѣ бывшаго человѣка, нежели съ холодною кровью; всякій пытанный въ горячкѣ и самъ уже не знаетъ, что говоритъ. Итакъ отдаю на разсужденіе всякому имѣющему чуть разумъ, можно ли вѣрить пыточнымъ рѣчамъ и на то съ доброю совѣстью полагаться. Волынскій былъ гордъ и дерзостенъ въ своихъ поступкахъ, однако не измѣнникъ; но напротивъ того добрый и усердный патріотъ и ревнитель къ полезнымъ поправленіямъ своего отечества, и такъ смертную казнь терпѣлъ, бывъ невиненъ, и хотя бы онъ и заподлинно произносилъ тѣ слова въ нареканіе особы импер. Анны, о которыхъ въ дѣлѣ упомянуто, что б. она, бывъ государыня цѣломудрая, и т.п.

ла случай показать, сколь должно уничтожить подобныя малости, которыя у ней не отнимали ни на вершка величества и не убавили ни въ чемъ ея персональныя качества. Всякій государь имѣетъ неисчисленныя кроткія способы къ удержанію въ почтеніи своихъ подданныхъ; если бы Волынскій при мнѣ былъ и я бъ употребила его способность въ дѣлахъ государственныхъ и нѣкоторое непочтеніе ко мнѣ; я бы старалась, всякими для него неогорчительными способами его, привести на путь истины. А если бы я увидѣла, что онъ неспособенъ къ дѣламъ, я бы ему сказала или дала разумѣть, не огорчая же его, будь счастливъ и доволенъ, а мнѣ ты ненадобенъ! Всегда государь виноватъ, если подданные противъ него огорчены; изволь мѣриться на сей аршинъ; а если кто изъ васъ, мои дрожайшіе потомки сіе наставленіе прочтетъ съ уничтоженіемъ, такъ ему болье въ свѣтѣ и особенно въ россійскомъ счастья желать нежели пророчествовать можно."

Не говоря объ этомъ поворотѣ въ сознаніи высшаго общества относительно правъ человѣка, мы не должны забывать, что начала этого поворота коренятся въ предшествовавшемъ періодѣ и въ общемъ движеніи мысли, которымъ была обязана своими взглядами и стремленіями Екатерина II. Панинъ также говорилъ, что чуть его параличъ не разбилъ, когда онъ читалъ дѣло Волынскихъ (Порошинъ 74), а онъ принадлежалъ къ дѣятелямъ того періода, который предшествовалъ Екатеринѣ II. Еще Елисавета отмѣнила (1754 г.) смертную казнь, хотя болье по религіознымъ, нежели по

иным побуждениям.

Общий духъ реформъ. Положивъ основание народнаго блага физическое и нравственное воспитание человѣка, Екатерина II приступила теперь къ осуществлению этого широкаго плана. Цѣлью своего царствования (въ манифестѣ объ учреждении коммиссии для сочинения новаго Уложения) она поставила: „видѣть русский народъ столько довольнымъ и счастливымъ, сколь далеко человѣческое счастие и довольство простираться могутъ". Но XVIII вѣкъ отличался именно тѣмъ, что онъ основывалъ нравственныя и умственныя свойства индивидуума на правильномъ развитии физическихъ силъ: Какъ въ философии, такъ и въ тогдашнихъ теорияхъ воспитания этой сторонѣ дается весьма обширное значение, а правители, въ своей законодательной дѣятельности, принимаютъ ихъ въ расчетъ. И Екатерина въ первые же годы своего царствования озаботилась устройствомъ въ столицахъ и городахъ богадѣленъ и больницъ.

Медицинская коллегия. Уже Петръ III возвысилъ положение въ обществѣ врачей и далъ имъ значительныя противъ прежняго служебныя преимущества (П. С. З. XV, 11,454). При Екатеринѣ медицинская канцелярия, существовавшая со времени Петра В., была преобразована въ медицинскую коллегию (1763 г.), первымъ президентомъ которой былъ А. И. Черкасовъ, одинъ изъ основателей вольнаго экономическаго общества. Не будучи самъ врачемъ, онъ страстно любилъ медицину и внимательно слѣдилъ за ея открытиями, которыя старался применить къ своему отечеству. Сынъ кабинетъ-секретаря Елисаветы Ив. Анд. Черкасова, путешествовавшаго съ

Петровичъ В. за границу, онъ съ юности воспитывался въ Англіи (Сиверсъ I, 58), гдѣ прошелъ полный курсъ филологическихъ наукъ въ Кэмбриджскомъ университетѣ (Кита-ніочи) и пріобрѣлъ основательныя знанія въ нѣсколькихъ языкахъ, но, кромѣ того, онъ любилъ астрономію и медицину, лекціи по которымъ также посѣщалъ (1742-52 г.). Черкасовъ былъ женатъ на дочери Бирона и въ дѣлѣ Екатерины примыкалъ къ партіи Орловыхъ. Въ теченіи 16 лѣтъ (съ 1763) онъ состоялъ президентомъ медицинской коллегіи, для которой самъ написалъ уставъ. Коллегія эта должна была обнять всю врачебную и фармацевтическую часть въ Россіи. Назначеніе ея состояло въ заботѣ: 1) о сохраненіи народа врачеваніемъ и 2) образованіи русскихъ докторовъ и заведеніи повсюду аптекъ, причемъ Екатерина прибавила: „и заботиться объ учрежденіи госпиталей <u>по провинціямъ</u>". Коллегія должна была разсылать врачей въ провинціи для пользованія народа, смотрѣть за больницами и требовать отъ этихъ врачей сообщеній о ихъ дѣйствіяхъ и о болѣзняхъ, которымъ подверженъ народъ. Коллегія должна была состоять изъ трехъ докторовъ; одного штабъ-лекаря, одного лекаря, одного оператора и одного аптекаря съ двумя секретарями, на обязанности которыхъ лежало вести протоколы и записки на латинскомъ и русскомъ языкахъ. Искусные врачи стали избираться <u>почетными</u> членами коллегіи. При ней появились: анатомическій театръ, библіотека, ботаническіе сады. Въ дѣлахъ ученаго характера президентъ не имѣлъ голоса, но онъ обязанъ былъ соображать мнѣнія членовъ съ пользою народа и интересами государства.

Однако при выборѣ первыхъ членовъ коллегіи, оказалось, что на службѣ въ Россіи состояло въ то время 45 докторовъ, не считая академиковъ и профессоровъ, а въ числѣ ся членовъ трое излагали свои мнѣнія по-нѣмецки. Впослѣдствіи Екатерина просила Циммермана прислать въ Россію опытныхъ врачей изъ Германіи. Коллегія хлопотала о переводѣ лучшихъ сочиненій на русскій языкъ. Но уже [illegible] Коллегіи было указано, что она, по соглашенію съ медицинскимъ факультетомъ Московскаго Университета, должна заботиться „воспитывать докторовъ изъ подданныхъ россійскихъ, чтобы не принимать безъ разбору иностранныхъ, къ чему теперь нужда приводитъ". Но президенту Коллегіи предстояла по этому случаю тяжелая борьба. Иностранные представители [illegible] медицинскаго дѣла въ Россіи утверждали, что русскіе не способны къ этой наукѣ и потому въ госпитальныхъ школахъ русскихъ учениковъ учили только практической сноровкѣ: въ такомъ положеніи находились эти школы въ теченіи 80 лѣтъ. Русскіе ученые терпѣли обыкновенно фіаско. Такъ погибли В. И. Щепинъ, пользовавшійся, за свои познанія въ ботаникѣ, расположеніемъ извѣстнаго Линнея, и П. П. Погорецкій, осмѣлившійся хлопотать о расширеніи курса школьнаго преподаванія въ Москвѣ. Теперь, при участіи Черкасова (1765), въ Московскій университетъ былъ назначенъ другой профессоръ (Эразмусъ) и улучшено преподаваніе въ госпитальныхъ школахъ. Въ 1764 г. Коллегіи поручено было производить испытанія и выдавать дипломы на степень доктора, что въ интерес-

употребленія русскихъ врачей. Въ этомъ случаѣ Черкасову приходилось выносить упорную борьбу и многіе члены Коллегіи обращались съ ходатайствомъ къ императрицѣ, но не имѣли успѣха. Первый, подвергшійся испытанію на степень доктора въ 1765 г., былъ лекарь Т. И. Эразмусъ, воспитанникъ петербургской школы, но несмотря на то, что [illegible] экзаменъ, члены коллегіи, подъ разными предлогами, и мотивами упорно отказывались въ [illegible] и императрица на самоуправство [illegible]. Дѣло это тянулось четыре года пока въ ноябрѣ 1768 г. Императрица не подписала указа коллегіи о признаніи Эразмуса докторомъ медицины и не приказала ему [illegible]. Это былъ первый русскій докторъ, извѣстный впослѣдствіи штадтъ-физикъ въ Москвѣ, написавшій трактатъ о чумѣ, явившійся въ 1771 г. Но, спустя 14 лѣтъ мы снова встрѣчаемся съ такимъ же фактомъ: коллегія не допускала, - [illegible] адъюнкта Академіи наукъ [illegible], получившаго степень доктора въ Страсбургскомъ университетѣ, новый президентъ коллегіи А. А. Ржевскій [illegible] императрицѣ, которая велѣла [illegible] экзаменъ вновь, а сама [illegible], въ опредѣленіи россійскихъ докторовъ оказываемыхъ [illegible] передъ иностранцами и поручила [illegible] инструкціи 1763 г., составленной [illegible]. Въ то время было еще строгое раздѣленіе [illegible], врачей и лекарей, которыми иногда [illegible] члены Коллегіи [illegible] проведенія своихъ [illegible], [illegible] историческій очеркъ, Мед.-Инст.

В. Иконниковъ

1862 г, № 16, 17 и 18ое. Бюлеръ, Рус. Инст. 1870 г № 2ое). Въ связи съ расширеніемъ дѣятельности центральнаго учрежденія стоитъ развитіе медицинской части въ Россіи вообще (П. С. З. 11,947; 12,477; 12,893). Къ этому же времени относится введеніе въ Россіи оспопрививанія.

Введеніе оспопрививанія въ Россіи. Въ запад. Европу прививніе натуральной оспы было занесено леди Монтегю, женою великобританскаго посла въ Константинополѣ, издавшей о ней брошюру въ 1721 г.; но и въ Англіи и во Франціи она встрѣтила сильный отпоръ, и между прочимъ со стороны ученыхъ и богослововъ сорбонны. Въ Лондонѣ опытъ былъ сдѣланъ надъ шестью преступниками, приговоренными къ смертной казни, и только нѣсколько времени спустя рѣшилась привить себѣ оспу принцесса Уэльская. Во Франціи подобный подвигъ совершилъ въ 1756 г. герцогъ Орлеанскій. Даламберъ старался доказать ея пользу статистическими данными; тѣмъ не менѣе Вольтеръ писалъ Екатеринѣ II, въ 1769 г, что во Франціи дѣло чуть не дошло до того, что оспу нельзя нам прививать иначе какъ по приговору парламента. „Не знаю, что сдѣлалось съ нашею націю, которая во всемъ давала великіе примѣры; мы теперь въ нѣкоторыхъ случаяхъ оказываемся варварами, а въ другихъ обнаруживаемъ равнодушіе!“

Оспа была занесена въ Россію очень давно; въ 1730 г. отъ нея умеръ Петръ II. По даннымъ медицинской коллегіи оказывается, что едва четвертая часть дѣтей достигала совершеннолѣтія, а прочія умирали преимущественно отъ оспы. Не менѣе свирѣпствовала

она и въ Сибири, куда Екатерина отправляла нарочно врачей. Въ Ежемѣсячныхъ сочиненіяхъ* Миллера за 1755 г. (янв.) была уже помѣщена статья объ оспѣ, а въ 1756 г. обширная рѣчь Кондамина, сказанная имъ въ парижской Академіи наукъ, въ которой излагается исторія и защита оспопрививанія. Въ 1764 г. появился трактатъ по этому вопросу доктора Яниша, переведенный на русскій языкъ (въ 1769). Въ том же году дѣлалъ опыты прививанія въ Петербургѣ Бахератъ, а въ 1768 г. былъ выписанъ изъ Англіи докторъ Роджерсонъ для привитія оспы въ Петербургѣ дѣтямъ англійскаго консула. Русское общество также относилось съ недовѣріемъ и боязнью къ этому средству. И вотъ на этотъ подвигъ рѣшается сама импер-ца. Вотъ какъ объясняетъ она свое намѣреніе Фридриху II, который былъ противъ привитія оспы. „Съ дѣтства меня пріучили къ ужасу предъ оспою, въ возрастѣ болѣе зрѣломъ ~~мнѣ~~ стоило большихъ усилій уменьшить этотъ ужасъ; въ каждомъ болѣзненномъ припадкѣ я уже видѣла оспу. Весною прошлаго года (1767), когда эта болѣзнь свирѣпствовала здѣсь, я бѣгала изъ дома въ домъ, цѣлый мѣсяцъ была изгнана изъ города, не желая подвергать опасности ни сына, ни себя. Я была такъ поражена гнусностью подобнаго положенія, что считала слабостью не выйти изъ него. Мнѣ совѣтовали привить оспу сыну. Я отвѣчала, что было бы позорно не начать съ самой себя и какъ ввести оспопрививаніе, не подавши примѣра? Я стала изучать предметъ, рѣшившись избрать сторону наименѣе опасную. Оставаться всю жизнь въ дѣйствительной опасности съ тысячами

людей, или предпочесть [illegible], [illegible] и [illegible] [illegible] и спасти [illegible] народа! [illegible], [illegible], [illegible] пример, я избрала самое второе."

Для этой цели былъ вызванъ изъ Англіи докторъ Димсдаль, который, изъ 6000, подвергшихся оспопрививанію, потерялъ только одного ребенка. Сначала опыт было сделано надъ [illegible] въ кадетскомъ корпусе и частныхъ домахъ. 12 октября 1768 г. была привита Императрица и ея примеру последовало много знати. „Весь Петербургъ, пишетъ Екатерина, [illegible] себе прививать оспу и [illegible] [illegible] [illegible]. Я была очень довольна, увидевши [illegible], [illegible] <u>[illegible] [illegible]</u>; [illegible]: [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] спасеніе [illegible] [illegible] [illegible]. Я не ложилась въ постель ни на минуту, [illegible] [illegible] людей каждый день. Графъ Орловъ, этотъ герой, <u>подобный древнимъ римлянамъ лучшихъ временъ республики</u> храбростію и великодушіемъ, привилъ себе оспу, а на другой день после операціи отправился <u>на охоту</u> въ страшный снегъ." (Сбор. X, 302, 307; XX, 240) (Тогда была привита оспа вел. кн. Павлу Петровичу. 22 ноября были [illegible] въ [illegible] торжественное [illegible] сената, депутатовъ коммиссіи уложенія, членовъ коллегій и канцелярій, московскаго [illegible] [illegible] П. С. Салтыкова и архіепископа Платона. 21 ноября установлено [illegible] на будущее время, какъ торжество „великодушнаго, знаменитаго и безпримернаго подвига." Въ 1772 г., въ память этого событія, [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] Александру Маркову, [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible]

[illegible]ство, причемъ онъ переименован былъ Оспенным.
Потомъ его приносили во дворецъ и въ забавахъ его принимали участие Екатерина, Чернышевъ, Орловъ, Разумовский.
„Если хотите знать, кому онъ принадлежитъ, писала Екатерина И. Г. Чернышеву, то братъ вашъ говоритъ, что со временемъ онъ займетъ место Бецкаго и не спрашивайте меня больше." (Рус. Арх. 1871 г, N 9). Димсдаль пожалован былъ барономъ, действительнымъ статскимъ советникомъ, лейбъ-медикомъ и пенсию въ 500 фун. стер. за то, что какъ самой императрице и ея сыну, такъ и многим [illegible] жителям столицы „весьма попечительно, искусно и счастливо привилъ оспу и разрушилъ для пользы всенародной гидру предубеждения относительно сей полезной и [illegible] [illegible]." Въ распоряжении Димсдаля [illegible] были [illegible] бала и [illegible], а Екатерина, по обыкновению, рассказами о [illegible] [illegible] подвигах своим заграничным друзьям. (Сбор. X, 302–310). Въ Австрии оспопрививание введено было почти одновременно, но какъ писала Екатерина Вольтеру, въ Петербургъ въ одинъ месяцъ оспа была привита большему количеству людей, чем въ Вене въ восемь месяцевъ. (Вольтеръ т. LVIII, 274). Русский переводъ руководства Димсдаля появился двумя годами (1770) раньше французского, чтобы уничтожить народные предрассудки, импер-ца и вел. кн. позволили отъ себя выпустить [illegible] других. Въ деревняхъ Орлова на первых же порах оспа была привита [illegible], чемъ . Эта [illegible]. Въ [illegible] на [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] объ этом [illegible]. Въ Москве былъ открытъ оспенный комитетъ.

Постепенно они появились и въ другихъ городахъ, а медицинская коллегія распубликовала наставленіе о добытіи и прививаніи оспы. Въ города были разосланы казенные врачи; устраивались оспенные дома въ Петербургѣ, Москвѣ, Тобольскѣ; учреждены были фабрики хирургическихъ инструментовъ и карантины. Въ 1770^{мъ} год. появляются оспенные дома въ Иркутскѣ и Барнаулѣ и вводится оспопрививаніе среди инородцевъ. Въ 1771 г. умеръ отъ оспы испанскій инфантъ и Екатерина писала по этому поводу Вольтеру: „Не находите ли вы страннымъ, что король преспокойно обрекаетъ на смерть всю свою семью. Его католическое величество, какъ я думаю, велитъ изъ предосторожности пустить себѣ кровь: ну, если онъ разсуждаетъ при этомъ послѣдовательно, то почему бы не предохранить своей семьи отъ этой ужасной болѣзни легкимъ средствомъ, которое причиняетъ меньше боли, чѣмъ кровопусканіе? Я увѣрена, что великій инквизиторъ также привилъ бы себѣ оспу, чтобы угодить испанскому королю, который наградилъ бы его за то жирнымъ аббатствомъ, а это право стоитъ какой-нибудь оспинки." (Сборн. XIII, 129).

Въ маѣ 1774 г. умеръ отъ оспы Людовикъ XV и вотъ что опять писала Екатерина Гримму: „По моему стыдно королю Франціи, въ 18^{мъ} ст. умирать отъ оспы; это варварство. Мнѣ сказывали, что императрица россійская посылала Людовику XV черезъ господина Дюрана (франц. посла) радушный, человѣколюбивый и дружескій совѣтъ, чтобы онъ, не медля ни секунды, приказалъ Димсдалю привить себѣ оспу. Мнѣ сказывали также, что она больше, чѣмъ кто другой, имѣла права подать под-

ный совѣтъ, сдѣлавъ удачный опытъ надъ собой и своимъ сыномъ" (Рус. Арх. 1878, III, 8-9. Два эпиз. изъ царств. Екатерины II. Бюлера, Рус. Ист. 1870 N 1 и 2 - Солов. XXVII гл. I; Исп. оспы въ Россіи Веревкина, Спб. 1867 г. Собр. рус. зак. о медиц. управ: Петрова. Записка Димсдаля, Сборн. II.)

Вольное экономическое общество. Другимъ не менѣе важнымъ событіемъ въ дѣятельности правительства за это время было основаніе въ Петербургѣ въ половинѣ 1765 г. вольнаго экономическаго общества. По своему плану это общество должно было удовлетворять взглядамъ Екатерины, которыя она высказала, какъ относительно землевладѣльческаго класса въ Россіи, нуждавшагося въ улучшеніи своего быта, такъ и относительно самаго земледѣлія страны, на которомъ основывалось ея богатство. Еще въ 1764 г. Сиверсъ высказалъ эту мысль. Судя же потому, что планъ устава этого общества составленъ былъ библіотекаремъ Екатерины Таубертомъ и что членами-учредителями его были нѣкоторые придворные, можно полагать, что общество состоялось при непосредственномъ участіи императрицы. Подобныя общества существовали уже въ Шотландіи, Ирландіи, Германіи, Швейцаріи, Франціи, а въ Россіи оно предупредило Австрію и Пруссію. Императрица дала обществу собственный свой девизъ „Пчелы, приносящія въ улей медъ", съ надписью - „полезное" и 6,000 р. с. на покупку дома (П. С. З. XVI, 12,502). На первыхъ порахъ общество состояло изъ 15 член. Президенство въ немъ предложено было сначала Р. И. Воронцову, который отказался по незнанію иностран-

ныхъ языковъ, затѣмъ Г. Г. Орлову, который помимо ... других, не могъ принять этого мѣста по множеству дѣлъ, и наконецъ баллотировкой избранъ былъ Г. В. Олсуфьевъ, сенаторъ и министръ кабинета (Двора) Императрицы. Цѣль общества прямо указывалась въ стремлении его къ „исправлению земледѣлия и домостроительства." Оно было принято подъ особое покровительство императрицы и не было подчинено никакому другому учреждению. Членами-учредителями В. Э. общества были слѣдующия лица: президентъ А. В. Олсуфьевъ, гр. Р. И. Воронцовъ (сенаторъ), гр. Г. Г. Орловъ, гр. И. Г. Чернышевъ (членъ адмир. колл.), баронъ А. И. Черкасовъ, д. с. с. Теплов, И. И. Тауберт (библiот. императ.), Т. И. фонъ Клингштедъ (вице-презид. юст. кол. лифл. эстл. и финл. дѣлъ), А. А. Нартовъ, членъ бергъ-коллегии (секрет. для россiйс. переписки общества), Пекенъ, ученый секрет. медиц. коллегии, Модель, членъ медиц. кол., Леманъ, професс. химии при петерб. Акад. наукъ (секрет. общ. для нѣмец. переписки), Фалькъ, профессоръ ботаники и аптекарскаго сада; Экледенъ, придворный садовникъ, Гейнцъ. Затѣмъ въ первыхъ дѣйствiяхъ общества принимали участие губернаторъ Сиверсъ, Эпинусъ, Леонардъ Эйлеръ (академики), сынъ его, профессоръ физики Альбрехтъ Эйлеръ, генералъ-прокуроръ Вяземскiй, Шувал... ...ковъ (письменно) и др. Общество положило издавать свои труды, и чтобы дѣятельность его сообразовалась съ дѣйствительными нуждами сельскаго хозяйства въ России, то положено было разсылать во все мѣста вопросовъ съ просьбою, обращенною къ

губернаторамъ и начальствующимъ лицамъ, такъ и прочимъ гражданамъ сообщать на нихъ отвѣты. Р.И. Воронцовъ вызвался выписать изъ Англіи модели машинъ и образцы орудій тамошняго хозяйства. Первая награда - медалью въ 25 червонцевъ была предложена тому, кто въ 1766 г. доставитъ наиболѣе пшеницы въ Петербургскій и Архангельскій порты, для отправки за границу. По предложенію же Воронцова общество опредѣлило назначить такія же медали тому, кто первый въ своемъ уѣздѣ заведетъ хлѣбные запасные магазины.

Вопросъ о поземельной собственности крестьянъ.

Но уже въ 1765 г. обществомъ была предложена тема для соисканія на медаль 25 червонцевъ и награды въ 100 черв. о значеніи поземельной собственности въ успѣхахъ земледѣлія и о владѣніи землею общиннымъ, мірскимъ и, въ противоположность сему, владѣніи участковымъ, на правахъ полной собственности. (Оцѣнка этой задачи сдѣлана въ брошюрѣ К.Д. Кавелина: „Общинное владѣніе", Спб. 1876; нѣм. пер. изд. въ Лейпцигѣ, въ 1877). Предложеніе обществу было сдѣлано отъ неизвѣстной особы, письмо которой однако было подписано буквами И. Е, ясно указывавшими на императрицу Екатерину. Но прошелъ годъ, а отвѣта не было, поэтому въ концѣ 1766 г. послѣдовало новое предложеніе отъ той же особы съ прямымъ вопросомъ: „нужна ли собственность крестьянину для благодѣйствія общественнаго? При этомъ препровождался ящикъ въ 1000 черв. для назначенія этой задачи и на другія нужды общества. Но такая прямая постановка вопроса вызвала еще до его рѣшенія нападки

В. Иконниковъ

съ одной стороны и похвалы съ другой.

Защитникомъ правъ помѣщиковъ выступилъ поэтъ А. П. Сумароковъ. Въ своемъ, въ высшей степени раздражительномъ, письмѣ, обращенномъ въ общество, онъ рѣшаетъ этотъ вопросъ самымъ безцеремоннымъ образомъ. „Прежде надо спросить, говоритъ онъ, потребна ли ради общаго благоденствія крѣпостнымъ свобода? На это я скажу — потребна ли канарейкѣ, забавляющей меня, вольность... или потребна ли стерегущей меня собакѣ цѣпь? Канарейкѣ лучше безъ клѣтки, а собакѣ — безъ цѣпи. Однако одна улетаетъ, а другая будетъ грызть людей; такъ одно потребно для крестьянина, другое — для дворянина." Отдача земель, по мнѣнію автора, не мыслима потому, что онѣ суть дворянскія. Мнѣніе Сумарокова было сдано въ архивъ. Но общество игнорировало и „права, данныя крестьянамъ", извѣстнаго К. Шульца, о которыхъ доложено было въ обществѣ И. И. Миллеcино (смот. выше лекцію 16)

Мнѣніе кн. Д. А. Голицына. Заслуживаетъ вниманія, что на вызовъ общества прежде другихъ отозвался извѣстный уже намъ кн. Д. А. Голицынъ, русскій посланникъ въ Парижѣ, а потомъ въ Гагѣ, другъ энциклопедистовъ и издатель книги Гельвеція „О человѣкѣ". Въ своихъ письмахъ къ вице-канцлеру Голицыну онъ говоритъ: „Я счастливъ князь, что мои мысли о собственности встрѣчаютъ ваше одобреніе. Ихъ слѣдуетъ считать лишь наброскомъ, но вы придали ему окончательную отдѣлку справедливымъ замѣчаніемъ, что собственность должна считаться средствомъ

для вдохновленія любви къ отечеству." И что воинъ, сражаясь и за самого себя, съ удвоенною ревностью станетъ защищать границы государства, съ которымъ онъ получитъ органическую связь". Голицынъ допускаетъ трудность введенія этого плана во всей Россіи; онъ высказываетъ мнѣніе, что то преобразованіе, которое совершается самимъ народомъ, прочнѣе того, которое вводится по приказанію; но первое идетъ медленно, а для второго нуженъ лишь хорошій примѣръ, и кто же можетъ дать лучшій примѣръ какъ не сама государыня? Земли ея находятся въ ея распоряженіи наравнѣ съ остальными. Если въ нихъ она даруетъ своимъ крестьянамъ собственность, не упоминая даже о землѣ, принадлежащей господамъ, то такой опытъ ея милосердія не можетъ не произвести чудеснаго дѣйствія. Этотъ примѣръ вызоветъ подражателей:

1) со стороны людей хорошо понимающихъ свои выгоды и обладающихъ патріотическимъ сердцемъ;
2) тѣхъ, кто въ дѣлахъ ничего не смыслитъ и желаетъ угодить ея величеству.
3) Наконецъ слѣпыхъ подражателей, готовыхъ слѣдовать модѣ.

Въ подтвержденіе достоинства предлагаемаго порядка онъ указываетъ: „Развѣ наши оброчныя деревни не богаче барщинныхъ? развѣ имѣнія, гдѣ нѣтъ приказчиковъ, не во сто разъ счастливѣе тѣхъ, которыя управляются ими. Онъ предлагаетъ переложеніе повинностей крестьянъ съ натуральныхъ на денежныя;

возстаетъ противъ массы дворовыхъ людей, насильно оторванныхъ отъ земледѣлія; рекомендуетъ ввести для разбора неудовольствій между крестьянами и помѣщиками разъѣздныхъ судей, введенныхъ въ Англіи Вильгельмомъ Завоевателемъ (ссылка на истор. Англ. Юма), на королевскихъ пословъ во Франціи, посылаемыхъ для прекращенія злоупотребленій (ссылка на ист. фран. Мабли). Но чтобы собственность крестьян не обратилась въ призрачную, онъ предлагаетъ учредить въ каждомъ изъ обличенныхъ городовъ присутствіе изъ 15 членовъ спеціально заведывающихъ дѣла по земледѣлію и землевладѣнію. Выгоды отъ собственности будутъ по его словамъ существенны. Независимо отъ любви къ отечеству, которую она внушаетъ, въ ней заключается единственное средство заселить Россію и насадить въ ней науки и искусства. При этомъ авторъ опять снова ссылается на сочиненія Юма. „Опытъ о происхожденіи искусства и науки." Онъ указываетъ, что дарованіе собственности возбудило бы въ народѣ привязанность къ тому государю, который сдѣлался бы виновникомъ его благосостоянія. Въ другомъ письмѣ (26 мая 1766 г.) онъ восхваляетъ мѣры Екатерины относительно просвѣщенія, но высказываетъ при этомъ боязнь, опираясь на примѣръ исторіи, что средства эти окажутся слабы, если одновременно не будетъ поднята внутренняя торговля, которая въ свою очередь процвѣтать не можетъ, если не будетъ мало-помалу введено у насъ право собственности крестьянъ на

ихъ движимое имущество."

Онъ привѣтствуетъ желаніе императрицы устроить среднее сословіе, но думаетъ, что затрудненіе будетъ состоять въ устройствѣ его богатства и возможности пользоваться его трудами. Препятствіемъ въ этомъ случаѣ можетъ служить множество ремесленниковъ, наполняющихъ дома русскихъ бояръ. Между тѣмъ какъ вездѣ въ чужихъ земляхъ дворовые ремесленники запрещены; тамъ существуютъ цехи и потому цвѣтутъ ремесла и искусства, помогая процвѣтанію наукъ и художествъ (снова ссылка на Юма. Рус. Вѣст. 1876. №2, изъ москов. главн. арх. ин. дѣлъ. А. Рачинскаго).

Необходимо, однако, замѣтить, что письма Голицына испещрены замѣчаніями вице-канцлера и самой императрицы. На его мысли о подражаніи примѣру государыни она отвѣчаетъ, что сомнительно, чтобы примѣръ вразумилъ нашихъ соотечественниковъ; къ тому же такое распоряженіе можетъ нарушить безопасность помѣщиковъ; что мало найдется охотниковъ жертвовать выгодами - къ патріотическому чувству. Голицыну и ему подобнымъ легко и дешево хотѣть великодушничать. Имъ ничего не стоитъ дать и право собственности крестьянамъ на земли, полагая, что земельные собственники будутъ мыслить и заговорщиками. Относительно объѣздовъ судей и повсемѣстнаго устройства почтъ и дорогъ, въ связи съ развитіемъ торговли и умноженіемъ населенія, какъ во Франціи, замѣчали, что вся Франція представляетъ едва половину Новгородской губ. - такъ казалось трудно справиться съ пространствомъ Россіи.

Въ другихъ письмахъ Голицынъ подтверждалъ возможность

исполненія своей главной мысли <u>примѣромъ Даніи</u> и заявлялъ <u>самъ готовность освободить крестьянъ</u>. Онъ даже выражался, что сочтетъ себя счастливымъ, если ему разрѣшатъ <u>первому</u> показать примѣръ освобожденія. Очевидно, въ самомъ началѣ Голицынъ разумѣлъ подъ крестьянскою собственностью и недвижимую собственность, — землю, какъ видно изъ замѣчаній императрицы, въ которомъ прямо говорится о землѣ. Но, замѣтивъ неудовольствіе, выраженное по этому поводу, Голицынъ въ послѣднемъ письмѣ дѣлаетъ оговорку въ томъ смыслѣ, что подъ освобожденіемъ онъ разумѣетъ <u>личную свободу, на движимую собственность и право пріобрѣтать недвижимую собственность</u> (Сборн. XV и Рус. Ист. 1876).[1]

Понятно, какое значеніе должны имѣть мнѣнія Голицына въ историческомъ развитіи этого вопроса помимо вліянія западныхъ идей. Рядомъ съ этимъ онъ высказываетъ глубокое негодованіе по поводу преслѣдованія мысли во Франціи и запрещенія Наказа Екатерины II въ министерство Шуазеля. Такое увлеченіе тѣмъ болѣе дѣлаетъ ему честь, что онъ не ограничивается поверхностнымъ усвоеніемъ того либерализма, которымъ такъ любила блеснуть напр. Дашкова, но которая не доросла до самаго простаго пониманія

---

1. Вѣроятно со словъ Голицына Вольтеръ писалъ: „Душа Екатерины почувствовала потребность быть освободительницею человѣческаго рода на пространствѣ слишкомъ 11,000 большихъ квадр. миль. <u>Она предположила совершить это единственно разумомъ</u>; она приглашаетъ вельможъ своихъ еще болѣе возвеличиться, ставъ предводителями <u>свободныхъ людей</u>, въ чемъ подаетъ примѣръ сама <u>освобожденіемъ рабовъ</u>.

необходимости освобожденія крестьянъ и рѣшилась утверждать передъ Дидро благодѣтельное значеніе патріархальнаго рабства въ Россіи (Записка объ этомъ Дидро напеч. при ея записках).
Отвѣты на задачу В. Э. Общества. На заданную въ экономическомъ обществѣ тему послѣдовало множество отвѣтовъ изъ разныхъ концовъ Европы на всѣхъ почти европейскихъ языкахъ (162 соч., въ числѣ ихъ 7 на рус. яз.)[1], но преимущественно на нѣмецкомъ. Лучшіе ученые и экономисты того времени участвовали въ этомъ конкурсѣ. Послѣ разсмотрѣнія этихъ сочиненій въ особыхъ коммиссіяхъ, награда была присуждена за сочиненіе, написанное на франц. языкѣ и принадлежавшее Беарде-де-л'Абею, члену Дижонской Академіи. Затѣмъ 4 мѣс. тянулся вопросъ о томъ печатать его или нѣтъ. Сочиненіе это было переведено на русскій языкъ и хотя императ-ца не находила въ немъ ничего опаснаго, но предоставила рѣшить этотъ вопросъ самому обществу. Интересно, какъ составилось наконецъ большинство въ пользу напечатанія. Въ первомъ засѣданіи въ пользу напечатанія оказалось 3 только и 12 противъ. Потомъ стали поступать письменные отвѣты и въ числѣ согласныхъ было 5; а 15 противъ. Но вслѣдъ затѣмъ, считая голосъ императрицы, въ пользу напечатанія образовалось 12 и противъ 16. Тогда Таубертъ и нѣкоторые другіе члены внесли пред-

---

въ государственныхъ имѣніяхъ (domaines); она помѣщаетъ болѣе 500,000 р. у церкви, не возбуждая со стороны этой послѣдней ропота, потому что ей дано вознагражденіе" etc. (Щебальскій, Екат. II, какъ писательница, Заря 1869 г. № 8, стр. 87-90).

1. Нѣкоторые изъ нихъ имѣютъ видъ краткихъ письменныхъ набросковъ (см. Рус. Арх. 1870 г. 288-291).

ложенiе, что препятствiемъ въ этомъ случаѣ безъ сомнѣнiя служатъ политическiя соображенiя, а такъ какъ большинство въ пользу напечатанiя оказывается важныхъ въ государствѣ лицъ, то предложили признать ихъ голоса рѣшающими. Тогда образовалось 15 въ пользу и 13 противъ, и сочиненiе Беарде было напечатано въ Трудахъ Вольн. Эк. Общества (1768 г кн. VIII, перепечатано. Чт. М.О.И. 1862, II. Исторiя вопроса изложена въ Ист. В.Э. Об. стр. 1-35).

Въ сочиненiи Беарде мрачными красками изображается страна, живущая рабскимъ трудомъ. Въ основанiе его реформы полагалось съ одной стороны право крестьянъ на поземельную собственность, а съ другой - личная свобода, безъ которой не мыслима и первая. Но Беарде не считалъ возможнымъ немедленное разрѣшенiе этого вопроса. Онъ ставитъ его въ зависимость отъ образованiя, которое необходимо дать предварительно, но и потомъ назначаетъ срокъ, въ который крестьяне могутъ получить свободу.

Нѣсколько другихъ отвѣтовъ (5) были удостоены меньшихъ наградъ и похвальныхъ отзывовъ, въ томъ числѣ и сочиненiе русскаго юриста и переводчика при Академiи Наукъ и В.Э. Обществѣ А.Я. Поленова (Рус. Арх. 1865; бiограф. свѣд. о немъ, iв и 1869 г)

Сочиненiе послѣдняго также стоитъ за освобожденiе крестьянъ и ихъ право на поземельную собственность, но, подобно Беарде, требуетъ первоначальнаго приготовленiя ихъ къ тому, иначе перевоспитанiя ихъ понятiй.

Между присланными сочиненiями было также много совершенно республиканскаго и крайне демократическаго напра-

ленія. Нѣкоторые изумлялись даже этому вопросу на берегахъ Невы. Что же касается императрицы, то, быть можетъ, она хотѣла, посредствомъ этой задачи, ознакомиться съ постановкою вопроса и подготовить для себя почву при рѣшеніи его въ предстоящемъ созваніи депутатовъ въ коммиссію Уложенія, гдѣ снова онъ былъ поднятъ въ смыслѣ освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости и надѣла ихъ землею. Проектъ объ этомъ былъ даже составленъ Сиверсомъ, по желанію Екатерины II, и въ 1765 г. предположено было упраздненіе крѣпостной зависимости въ Лифляндіи и Эстляндіи (Блюмъ, I, 192, 362, 434; II, 52-102). Но въ дѣйствительности первый шагъ въ этомъ смыслѣ совершенъ былъ Павломъ I, ограничившимъ барщину 3 днями работы.(1)

Другія занятія Общества. Замѣчательно какъ В. Э. Об. понимало иногда свою независимость отъ всякого другаго подчиненія, кромѣ власти императрицы. Когда въ 1766 г. сенатъ обратился съ указомъ въ общество объ изслѣдованіи присланной изъ Сибири гречихи, то общество рѣшило вовсе не отвѣчать на него, такъ какъ оно состоитъ подъ единственнымъ покровительствомъ ея величества. Но когда въ 1771 году извѣстный Равине просилъ чрезъ вице-канцлера Голицына доставить ему

---

1. Образчикъ возраженій, почему крестьяне не могутъ получить свободы см. Рус. Арх. 1870, 289-291. — Замѣчательно, что крайніе защитники крѣпостнаго права именно со времени задачи общества о крестьянской собственности начинали эпоху расторженія связи, многіе вѣки пребывающей между крестьянъ и ихъ владѣтелей и возникновенія „мятежныхъ мыслей". Они считали многочисленныя убійства помѣщиковъ 1767 и даже пугачевщину результатомъ преній о крестьянахъ въ коммиссіи Уложенія Чт. М. Общ. Ист. 1861, III 98-99.

51.

В. Иконниковъ

свѣдѣнія о Россіи для помѣщенія въ „энциклопедическій лексиконъ" и Голицынъ обратился съ этимъ предложеніемъ въ общество, то послѣднее приняло на себя собраніе необходимыхъ свѣдѣній (1-35 г. Ист. В.Э. Общ.). Въ интересъ улучшенія хозяйства и народнаго здравія общество приняло на себя распространеніе картофеля и оспопрививанія въ Россіи. Но важнѣйшимъ средствомъ для утвержденія въ русскомъ обществѣ истинныхъ началъ гражданственности Екатерина считала <u>воспитаніе</u>, къ которому и обратимся мы въ слѣдующемъ чтеніи.

<u>Лекція 13-я</u>

<u>Воспитаніе въ Россіи въ началѣ царствованія Екатерины II. И. И. Бецкій</u>. Во главѣ воспитательного дѣла при Екатеринѣ сталъ Ив. Ив. Бецкій. Онъ былъ побочный сынъ послѣдняго русскаго боярина кн. Ив. Юр. Трубецкаго (находившагося въ плѣну у Шведовъ и баронессы Вреде) отъ котораго и получилъ свою фамилію, какъ и нѣкоторые другіе потомки знатныхъ лицъ того времени (Голицыны отъ Голицына и т. п. Щероиновъ, „отъ посредниковъ"). Бецкій родился въ Стокгольмѣ въ 1704 г. и только на 15 году увидѣлъ Россію[1]. Во время неоднократнаго и продолжительнаго пребыванія своего за границей при Елисаветѣ, Бецкій познакомился съ матерью Екатерины въ Парижѣ (см. 18 вѣкъ, т. I, 7-9, 19-22), сошелся съ Жоффренъ, Вольтеромъ и Дидро, осматривалъ вездѣ человѣколюбивыя и учебныя заведенія.

---

1. Есть указаніе, что онъ получилъ первоначальное образованіе въ Копенгагенскомъ кадетскомъ корпусѣ (Глѣбовъ, Инженерн. и артилл. корпусъ, въ Артил. журн. 1863 N 11, стр. 71).

благодаря этимъ отношеніямъ, онъ пользовался родственною привязанностью Екатерины II, былъ ея постояннымъ собесѣдникомъ и чтецомъ и служилъ посредникомъ въ ея сношеніяхъ съ представителями тогдашняго просвѣщенія. При Петрѣ III онъ состоялъ главнымъ директоромъ канцеляріи строеній, но при Екатеринѣ открылась для него болѣе широкая дѣятельность. Возникновеніе воспитательныхъ и благотворительныхъ заведеній при Екатеринѣ много обязано его личной дѣятельности и постоянному участію. При ней онъ состоялъ главнымъ попечителемъ воспитательныхъ заведеній, шефомъ сухопутнаго кадетскаго корпуса, который получилъ при немъ новое образованіе и президентомъ Академіи художествъ (по 1794 г). Въ этихъ заведеніяхъ и Смольномъ монастырѣ содержались на его счетъ нѣсколько воспитанниковъ и воспитанницъ. Его трудъ „собраніе учрежденій и предписаній касательно воспитанія въ Россіи обоего пола благороднаго и мѣщанскаго юношества съ прочими къ пользѣ общества установленіями" (Спб. 1789–91, 3 ч), дважды былъ изданъ за границей. Въ 1773 г. сенатъ поднесъ ему золотую медаль, выбитую въ честь его заслугъ. (Словари - б. Каменскаго, Евгенія и Геннади; матеріалы о Бецкомъ въ Чтен. 1863, IV; журн. минист. народ. просв. 1853, 77. Біографія Бецкаго Пятковскаго; въ Днѣ 1867 N.N=4,5,7,8,9. Оцѣнка педагогич. воззрѣній у Стоюнина, Рус. педаг. Вѣстн. 1857–58 г.г. II и III; Рус. Арх. 1865–66 г.г. Матеріалы для ист. воспит. дома, Москва 1863. О педагогич. значеніи соч. Екатерины II, Н. Лавровскаго 1856). Бецкій сложилъ съ себя свои званія не задолго до своей кончины, послѣдовавшей въ 1795 г (Колотовъ, I, 161).

Впрочемъ по своему личному характеру Бецкій не былъ вполнѣ безупреченъ: современники винили его въ упрямствѣ въ ущербъ дѣлу (Фальконетъ), въ склонности къ интригамъ[1] и неуклонномъ преслѣдованіи своихъ цѣлей (Зап. Ржевскаго, Рус. Арх. 1871). Но обратимся къ его дѣятельности.

Воспитательныя теоріи XVIII вѣка. „Корень всему злу, говоритъ Бецкій въ своемъ докладѣ импер-цѣ, - это воспитаніе" (П. С. З. XVI, 12,103). Авторитетами Екатерины и Бецкаго въ области воспитанія служили: Монтень, Локкъ и школа физіократовъ. Два первые выступили противъ суровой школьной дисциплины XVI и XVII в. и педантическихъ пріемовъ изученія древнихъ писателей. Сочиненія ихъ оказали имѣли большое вліяніе на Руссо и Базедова - основателя новой педагогической системы XVIII ст., не только въ теоретическомъ, но и въ практическомъ отношеніи (его училище: „Филантропинъ"). По мнѣнію Кенэ, главы физіократовъ, единственное средство противъ злоупотребленій кроется въ общественномъ воспитаніи: они невозможны, если нація просвѣщена. Государство обязано не только управлять народомъ, но и давать ему извѣстную форму, не только преобразовывать, но и вполнѣ измѣнять ее. Воспитывая гражданъ, оно можетъ дѣлать изъ нихъ, что ему угодно, полагали физіократы. Еще подробнѣе этотъ взглядъ развитъ въ запискѣ извѣстнаго Тюрго, поданной Людовику XVI въ 1775 г. Онъ предлагаетъ уже централизацію воспитательной системы, которая должна состоять въ сосредоточеніи учебныхъ заведеній въ однѣхъ рукахъ, отъ народн. школъ до Университетовъ и академій, и въ изданіи руководствъ, ...

---

1. Гр. Сиверсъ упрекаетъ его въ интригахъ и представляетъ человѣкомъ безпокойнымъ (Блюмъ, II 323); Щербатовъ - въ любви къ лести и деспотизмѣ (О поврежд. нрав. Рус. Стар. 1871, III, 679).

которыхъ изученіе обязанностей гражданина, какъ члена семейства и общества, должно быть основаніемъ для всѣхъ прочихъ знаній. Онъ ратуетъ противъ раздѣльнаго образованія, т.е. спеціальнаго, въ ущербъ гражданскому, и стоитъ за нравственный элементъ воспитанія. Новая школа должна образовать на всѣхъ ступеняхъ общества людей добродѣтельныхъ и полезныхъ... На этотъ недостатокъ общаго нравственнаго элемента въ образованіи, на недостатокъ воспитанія, при многостороннемъ ученіи, съ особенною силою указываетъ Дюкло (+1772) въ "Considérations sur les moeurs de ce siècle", отзывъ котораго приводитъ Фонъ-Визинъ въ письмахъ изъ Франціи: „Воспитаніе во Франціи ограничивается однимъ ученіемъ. Нѣтъ генеральнаго плана воспитанія и все юношество учится, а не воспитывается. Главное стараніе прилагаютъ, чтобы одинъ сталъ богословомъ, другой – живописцемъ, третій – столяромъ, но чтобы каждый изъ нихъ сталъ человѣкомъ, того и на мысль не приходитъ."

Генеральный планъ воспитанія, задуманный Екатериною II имѣетъ много общаго съ педагогическими воззрѣніями физіократовъ. Онъ изложенъ отчасти въ „Наказѣ" и подробнѣе въ „докладахъ" Бецкаго, на котораго возложено было выполненіе ея воспитательныхъ плановъ, наконецъ въ ея литературныхъ произведеніяхъ. (Галаховъ, I, 402 и 403).

Планы Бецкаго. Бецкій долго жилъ за границею и вполнѣ проникся духомъ французскаго просвѣщенія. Сторонники исключительно русскихъ началъ воспитанія

не любили его за эту французоманію, за страсть къ французскому языку въ воспитаніи юношества (Сумароковъ и др. Зап. Порошина, 435, 490). Изъ писемъ Екатерины къ Жоффренъ мы узнаемъ, что Бецкій былъ ея постояннымъ собесѣдникомъ: „Онъ начнетъ съ того, пишетъ она, что положитъ на столъ книгу и увеличительное стекло, потомъ какой-нибудь планъ, нѣсколько свертковъ, конверты, письма, наконецъ камни граненые и неграненые, часто кладетъ вещи, которыя нашелъ на улицѣ, и онъ же потомъ мнѣ говоритъ: „Ахъ, государыня, никогда у васъ не найдешь уголка, гдѣ бъ можно было положить что-нибудь" (Сборн. рус. ист. общ. I).
Подобно физіократамъ, Бецкій признаетъ въ воспитаніи такую силу, которою дается новое бытіе и производится новой родъ подданныхъ; подобно имъ онъ возлагалъ на государство обязанность воспитывать народъ; подобно имъ онъ ждалъ отъ новой системы искорененія двухъ существенныхъ недостатковъ - односторонности спеціальнаго образованія и пренебреженія нравственнымъ началамъ въ развитіи человѣческихъ способностей. Но эти идеи не были у Бецкаго простымъ заимствованіемъ, такъ какъ первый докладъ его о воспитаніи юношества обоихъ половъ относится къ 1764 г, т.е. предшествовалъ книгѣ Дюкло (1765 г) и запискѣ Тюрго. Эти мнѣнія были общими въ тогдашней педагогической литературѣ. Послѣ этого перваго доклада Бецкій развилъ свои мысли въ цѣломъ рядѣ другихъ записокъ. Всѣ эти работы вмѣстѣ съ другими постановленіями изданы отдѣльною книгою въ 3 частяхъ

(1789-91 и П.С.З. т. XVII, 12.785; 12.957; 12.741).
Мы уже знаемъ, что работы Бецкаго было поручено издать за границею Дидро, во время пріѣзда его въ Россію.
Въ своихъ запискахъ Бецкій разсуждаетъ о воспитаніи и „образованіе со времени Петра В. имѣли цѣлію усвоить цивилизацію на столько, на сколько она пригодна была для матеріальныхъ потребностей государства. Это было собственно ученіе, пріобрѣтеніе знаній для успѣшнаго отправленія той или другой службы.“ Этою практическою цѣлію образованія Бецкій объясняетъ недостаточность результатовъ отъ существующихъ: Академіи, училищъ и заграничнаго обученія. Это было внѣшнее усвоеніе европейскихъ формъ, прикрывшихъ старое невѣжество. Опытъ показалъ, что одинъ только украшенный или просвѣщенный разумъ не производитъ добраго прямаго гражданина; напротивъ онъ становится вреденъ для того, у кого еще съ юныхъ лѣтъ не вкоренена въ сердце добродѣтель... При такомъ недостаткѣ нравственнаго воспитанія напрасно ласкать себя ожиданіемъ успѣшныхъ успѣховъ въ наукахъ и искусствахъ.“ Отсюда слѣдуетъ необходимость развитія физическихъ, нравственныхъ и умственныхъ силъ въ учащихся, но при томъ такъ, чтобы воспитаніе сердца стояло на первомъ планѣ, иначе благонравіе. Эти начала повторяются во всѣхъ его учебныхъ уставахъ. Но эта цѣль не будетъ достигнута, пока дѣти остаются при старой породѣ, т.е. въ родительскихъ домахъ. Отсюда предпочтеніе закрытыхъ заведеній, въ которыхъ оставались учащіеся до 18-20 возраста и въ которыхъ

вая система воспитанія непремѣнно была бы укоренить нравственныхъ идей дать, благонравія, благопристойности, соболѣзнованія къ бѣднымъ, склонности къ порядку опрятности и т. д. Однимъ словомъ — „наставить всѣмъ добродѣтелямъ и качествамъ, которыя образуютъ цѣлыхъ гражданъ." По „Наказу" эта система воспитанія должна была произвести людей средняго сословія. Поэтому при кадетскомъ корпусѣ, при Академіи художествъ были учреждены воспитательныя мѣщанскія училища, воспитанники которыхъ, отличавшіеся въ благонравіи и успѣхахъ, получали потомственную свободу. Такою системою воспитанія Екатерина и Бецкій думали создать новую породу людей: „безъ сомнѣнія справедливо всего свѣта общее мнѣніе, что доброе или худое состояніе нравовъ у каждаго человѣка во всю его жизнь зависитъ отъ перваго его добраго или худаго воспитанія... Самыя худыя и несчастныя заключенія не отъ чего иного происходятъ, какъ отъ воспитанія обоего пола въ незнаніи и невѣжествѣ." Новыя воспитательныя заведенія должны были внести въ общества новыя воззрѣнія и имѣть непосредственное вліяніе на него. Но эти были недостаточны, а потому у Бецкаго родилась мысль дѣйствовать на мнѣнія общества посредствомъ литературы. Въ 1766 г. онъ составилъ извлеченіе изъ лучшихъ авторовъ „о воспитаніи дѣтей", которое разослано было при особомъ указѣ Сената во всѣ присутственныя мѣста для всеобщаго свѣдѣнія[1]. Эти наставленія касаются главнѣйшихъ вопросовъ физическаго воспитанія отъ рожденія ребенка до 16 лѣтъ, раздѣленнаго на 3 періода

1) Оно было напечатано въ 1765 году подъ заглавіемъ: „Краткое наставленіе, выбранное изъ лучшихъ писателей съ нѣкоторыми собствен-

съ предписаніемъ особыхъ условій для каждаго. Эти наставленія служатъ, по замѣчанію Н. А. Лавровскаго, краснорѣчивымъ выраженіемъ просвѣщенной заботливости императрицы объ установленіи на разумныхъ началахъ воспитанія и объ устраненіи вредныхъ послѣдствій господствовавшей тогда небрежности въ дѣлѣ воспитанія. Указавъ въ общихъ чертахъ на правила благоразумнаго воспитанія, Бецкій разсматриваетъ главныя условія тѣлеснаго воспитанія: одежду, пищу, сонъ и т. д., правила, касающіяся ихъ духовнаго состоянія, на сколько оно зависитъ отъ тѣлеснаго.

Важность этой реформы понималась именно такъ, какъ она выражена въ обращеніи Бецкаго къ Екатеринѣ, въ его генеральномъ планѣ <u>воспитательнаго дома</u>: „Петръ В. создалъ въ Россіи <u>людей</u>, Ваше Величество влагаетъ въ нихъ <u>души</u>." Такъ поняла и современная литература. Въ надписи къ статуѣ Петра В. Сумароковъ говоритъ:

„Петръ далъ намъ <u>бытіе</u>, Екатерина <u>душу</u>."

А Херасковъ свою повѣсть „Нума" заключаетъ словами:

„Почтенья къ тѣмъ святымъ словамъ я въ вѣкъ не рушу:
„Петръ россамъ далъ <u>тѣла</u>, Екатерина <u>душу</u>."

Доклады Бецкаго были наполнены мыслями Локка, Монтескье, Руссо и др. писателей этого направленія. Въ правилахъ же физическаго воспитанія онъ часто ссылается на сочиненіе доктора Санше[?] „Traité de l'éducation de la jeunesse" (1760), написанное на тему, заданную женевскимъ человѣколюбивымъ обществомъ.

<u>Учебныя заведенія</u>. Въ началѣ царствованія Екатерины въ Россіи было всего нѣсколько свѣтскихъ учебныхъ заведеній:

ными примѣчаніями — о воспитаніи дѣтей отъ рожденія до юношества. (Спб.) и имѣло три изданія. 52

одна академическая гимназія, 4 военныхъ училища, двѣ гимназіи - въ Казани и Москвѣ. Недостатокъ въ учителяхъ былъ полный, какъ видно изъ объявленія даже морскаго кадетскаго корпуса о шести вакансіяхъ въ одно время. Въ столицахъ потребность обученія удовлетворялась преимущественно частными иностранными пансіонами (русскихъ было всего два - одинъ Тредьяковскаго). Подобные пансіоны существовали и въ нѣкоторыхъ другихъ городахъ (напр. Оренбургѣ), но вообще въ провинціи довольствовались простымъ ученіемъ русской грамотѣ, а нѣкоторые дворяне выписывали домашнихъ иностранныхъ учителей, но часто весьма неудачно (Вороновъ I, 5-6). Въ запискахъ Порошина мы находимъ разсказъ, какъ у одного московскаго дворянина чухонецъ нанялся вмѣсто француза и выучилъ дѣтей вмѣсто французскаго языка чухонскому (Зап. 256).[1] Со времени Елисаветы при университетѣ въ Москвѣ и Академіи Наукъ - въ Петербургѣ, были положены экзамены для иностранцевъ на званіе учителей, но уже во второй половинѣ царствованія Екатерины II гр. Сегюръ замѣчалъ: « Забавно, иногда даже смѣшно видѣть какихъ странныхъ людей удостаиваютъ въ Петербургѣ и провинціяхъ званія учителей или гувернеровъ и гувернантокъ.

---

1 „Нѣтъ страны, гдѣ бы столько требовалось иностранцевъ, какъ въ Россіи, - пишетъ Бенкуръ (1774). Здѣсь будто въ высшемъ сословіи чуть не столько воспитателей, сколько дѣтей, и гувернеры эти получаютъ хорошее жалованье, хотя весьма часто не стоятъ его.... Въ выборѣ этихъ людей мало обращаютъ вниманія на достоинства. Хотятъ имѣть француза и берутъ того, какой случится. [illegible] дурного поведенія и разорившіеся [illegible] съ [illegible] парикмахеровъ и лакеи" (Древ. и нов. Рос. 1875, № 11, стр. 280).

Русскіе вельможи бы были винить себя за ту непростительную довѣрчивость, съ какою они принимаютъ къ себѣ въ домъ людей, неимѣющихъ никакихъ ручательствъ въ своихъ знаніяхъ, талантахъ и честности. Вещь непостижимая!"

Преподаваніе въ пансіонахъ шло на иностранныхъ языкахъ, какъ и въ Академическомъ училищѣ Тауберта, гдѣ преподаваніе велось по-нѣмецки. Подобные пансіоны существовали для дѣвочекъ и мальчиковъ и въ нихъ иногда преподавались только иностранные языки, танцы и пѣніе. (Солов. XXVI, 319-21). Но такъ какъ въ этихъ заведеніяхъ не преподавался Законъ Божій, то это побудило завести при городскихъ магистратахъ русскія школы для дѣтей обоихъ половъ. Начало имъ было положено въ Архангельскѣ гражданиномъ Вас. Крестининымъ (авторомъ ист. Арханг. и Холмогоръ). Въ Кіевѣ училище содержалось на средства коллегіи экономіи (П.С.З. 12,604). Для магистратскихъ школъ предполагалось издать учебники и наставленія для учителей (Солов. XXVII, 323)[1].

При Екатеринѣ II былъ расширенъ кругъ преподаванія въ учебныхъ заведеніяхъ. При основаніи московскаго воспитательнаго дома (1765), предложеннаго Екатеринѣ Бецкимъ, были приняты во вниманіе уставы подобныхъ домовъ, существовавшихъ въ Голландіи, Франціи, Италіи, которые посѣтилъ Бецкій, и уставъ воспитательнаго дома въ Москвѣ былъ составленъ помощникомъ Бецкаго, профессоромъ московскаго университета Барсовымъ.

---

1. Духовной коммиссіи было поручено завести во всѣхъ епархіяхъ при архіерейскихъ домахъ училищные дома и учредить въ 2 или 3 мон-ряхъ каждой епархіи малыя училища, но это распоряженіе осталось на бумагѣ. (Солов. XXVI, 322). Въ школѣ Тауберта въ 1765 г. считалось 30 учениковъ 5-6 л. (Ж.М.Н.П. 1855 IV, 123)

Воспитательныя учрежденія въ Западной Европѣ.

Слѣды учрежденій съ специальной задачей воспитывать подкинутыхъ младенцовъ встрѣчаются уже въ VIII ст., не считая попытокъ, сдѣланныхъ на Востокѣ въ первые вѣка христіанства. Колыбелью этихъ учрежденій въ Западной Европѣ считаютъ Италію, причемъ устраивались особыя помѣщенія для тайнаго приноса дѣтей. Эти учрежденія возникли преимущественно при церквахъ. Въ XIII – XV ст. Италія покрылась уже цѣлою сѣтью воспитательныхъ домовъ и движеніе это нисколько не ослабѣло въ новый періодъ европейской исторіи. Карлъ VII во Франціи въ 1445 г. еще сопротивлялся помѣщенію незаконныхъ дѣтей въ больницу братства св. Духа. Въ XVII ст. покровительство имъ брали на себя церковь, правительство, города и знатныя лица. Но правильная организація воспитательнаго дома въ Парижѣ получила начало только въ 1640 г. благодаря инициативѣ Сенъ-Винцента Поля, который успѣлъ подѣйствовать на дамъ высшаго круга и выхлопоталъ субсидію у правительства. Людовикъ XIV соединилъ это учрежденіе съ главнымъ госпиталемъ и далъ новыя средства. Кромѣ того были подобныя же учрежденія въ окрестностяхъ Парижа. Въ первое двадцатилѣтіе въ воспитательный домъ было принесено 7,668 младенцевъ, а въ послѣдующее время число ихъ все увеличивалось и достигло въ послѣднюю четверть XVIII ст. 129,143 чел., вслѣдствіе чего самая смертность ихъ достигла 20%. Въ Лондонѣ воспитательный домъ былъ открытъ въ 1739 г., въ Стокгольмѣ въ 1753, основанный франкмасонами; въ Вѣнѣ только въ 1780 г, въ

Гамбургъ въ 1795 г., причемъ въ позднѣйшій періодъ въ протестантскихъ земляхъ воспитательные дома закрывались почти во всѣхъ государствахъ, такъ какъ законодательство ихъ предоставляетъ матери указывать отца, на котораго и возлагаетъ попеченіе о дѣтяхъ.

Воспитательныя учрежденія въ Россіи до Екатерины.

Въ древней Россіи забота о незаконнорожденныхъ также принадлежала церкви: при Мих. Өед. она возлагалась на патріаршій приказъ. Никонъ устроилъ въ Новгородѣ домъ для сиротъ, но попеченіе о нихъ сливалось съ благотворительностью вообще. Только въ 1706 г., въ 3 вер. отъ Новгорода митр. Іовъ основалъ первый спеціальный пріютъ для незаконнорожденныхъ, въ Колмово-Успенскомъ монастырѣ. Петръ В., любившій Іова за его сочувствіе своимъ планамъ, назначилъ на содержаніе этого пріюта доходы съ монастырскихъ вотчинъ, а царская фамилія присылала сюда отъ себя пожертвованія. Кромѣ того тотъ же Іовъ основалъ въ своей епархіи до 10 сиротскихъ пріютовъ. По смерти Іова его богоугодныя заведенія постепенно закрылись; но еще въ 1712 г., при учрежденіи во всѣхъ губерніяхъ госпиталей, при нихъ были устроены отдѣленія для незаконнорожденныхъ по примѣру Іова, въ предупрежденіе вящшаго грѣха, сирѣчь убійства. Въ 1715 г. повелѣвалось при церквахъ устроить госпитали и помѣщенія для зазорныхъ дѣтей, которыхъ дозволялось класть тайно въ окно. Содержаніе этихъ заведеній и кормилицъ возлагалось на доходы съ губерній. Въ Петербургѣ подобное заведеніе было устроено въ 1714 г., въ Москвѣ - мальчики

воспитывались въ Андрониевскомъ, и [illegible] въ Новоспасскомъ монастыряхъ. Но во всѣхъ губерніяхъ эти учрежденія не успѣли возникнуть при Петрѣ В. Преемники его отдавали такихъ дѣтей, пришедшихъ въ возрастъ, на фабрики и въ частные дома. На воспитаніе же и образованіе этихъ питомцевъ ни въ Россіи, ни въ западной Европѣ почти не обращалось вниманія.

Воспитательный домъ въ Москвѣ 1763 года.

Но въ учрежденіи воспитательнаго дома въ Москвѣ Бецкимъ — эта цѣль уже предусмотрѣна, чѣмъ оно и отличается отъ предшествовавшихъ примѣровъ. Въ докладѣ по этому поводу Бецкій обращаетъ вниманіе на безчисленныя звѣрскія злодѣянія, совершаемыя надъ незаконнорожденными и необходимость сбереженія для государства массы подданныхъ, жестоко погибающихъ въ незрѣлыя лѣта. Приносимыя дѣти по его мнѣнію должны быть съ выгодою и пользою воспитаны, чтобы уменьшить число шатающихся по улицамъ и нищенствующихъ безъ дѣла ленивыхъ людей. Вмѣстѣ съ тѣмъ имѣлось создать третій или средній степень состоянія, которыхъ до сихъ поръ Россія произвести не могла, и который необходимъ для упроченія въ народѣ наукъ и искусствъ. Воспитательный домъ, открытый въ Москвѣ съ госпиталемъ для сирыхъ и неимущихъ родильницъ, долженъ былъ, по плану Бецкаго, „преобразить [illegible] вѣковъ, дать народу новое воспитаніе и новое порожденіе." Предполагая, что питомцы воспитательнаго дома составятъ третій чинъ въ государствѣ, Бецкій желалъ дать имъ при-

личное воспитаніе и знаній [illegible], чтобы потомъ могли содѣйствовать своими знаніями, относящимися къ коммерціи, купцамъ и фабрикантамъ. Чтобы оградить ихъ отъ закрѣпощенія, питомцамъ запрещено было вступать въ бракъ съ крѣпостными людьми, а дѣти крѣпостныхъ, принесенныя в домъ, выкупались у помѣщиковъ. Обученіе въ воспитательномъ домѣ имѣло <u>профессіональный характеръ</u>; воспитанники распредѣлялись по способностямъ: къ наукамъ, искусствамъ, ремесламъ и простымъ работамъ. Такимъ образомъ имъ былъ открытъ доступъ въ университетъ и академію художествъ. Этотъ воспитательный домъ находился подъ непосредственнымъ вѣдѣніемъ императрицы и управлялся опекунами. Екатерина пожертвовала въ пользу дома 100,000 р., вел. кн. Павелъ Петровичъ 50,000 р. и другіе жертвовали по 10–50,000 р. Другіе жертвователи получали, за свои вклады, чины. На содержаніе дома отрѣзана была ¼ часть доходовъ съ публичныхъ удовольствій и съ картъ, которыя должны были клеймиться; но главная поддержка учрежденія состояла въ правѣ получать частныя ссуды и отдавать ихъ на проценты. Воспитательному дому дозволялось учредить [illegible]. Учрежденія Бецкаго вызвали достойныя похвалы въ иностранной литературѣ (Колюпановъ, I, [illegible]) и въ небольшомъ кругѣ мыслящихъ людей въ Россіи. Намѣренія Бецкаго далеко не были достигнуты, но гуманныя начала, положенныя въ основаніе его учрежденій, были въ то время <u>новымъ словомъ</u> въ дѣлѣ народнаго воспитанія

1) Ибо сколько бы честнаго [illegible] ни было [illegible] трудно и для того [illegible] [illegible],

въ Россіи. Дидро считался его попечителемъ; извѣстный филантропъ Говардъ посѣтилъ его. Въ библіотекѣ этого учрежденія были сочиненія Боннета, Декарта, Пуффендорфа, Локка, Вольтера и мн. др., а энциклопедія аккуратно высылалась сюда по назначенію Бецкаго. Вліяніе идей Бецкаго не замедлило отразиться на законодательствѣ и дѣятельности правительства по этому вопросу. Оно старалось всячески смягчить отношенія духовенства и народа къ ни въ чемъ неповиннымъ младенцамъ - незаконнорожденнымъ (П.С.З. 12,033). Московскому воспитательному дому былъ отведенъ въ Нижнемъ-Новгородѣ архіерейскій домъ съ церковью и дворомъ для незаконнорожденныхъ (112,926). О такомъ же учрежденіи сталъ Бецкій хлопотать и въ Петербургѣ; но тутъ его желаніе осуществилось только въ 1770 г. и вначалѣ оно было только отдѣленіемъ московскаго воспитательнаго дома. Оно помѣщалось возлѣ Вознесенскаго монастыря, а въ пожертвованіяхъ на него принимали участіе императрица, нѣкоторые сановники и духовныя лица. Въ 1764 г. въ Московскомъ домѣ принято было 523 младенца, въ 1767 – 1,089. Всѣ они считались православнаго исповѣданія. Уходъ за дѣтьми практиковался по правиламъ доктора Санчеса. Но и въ русскихъ, какъ и въ заграничныхъ домахъ, вслѣдствіи скопленія, обнаружилась сильная смертность, заставившая прибѣгать къ раздачѣ ихъ по деревнямъ. Въ нѣкоторыхъ городахъ строились частные пріемные дома, изъ которыхъ дѣти доставлялись въ Москву и Петербургъ. (Пятковскій, Вѣст. Евр. 1870 г. N 11, Спб. воспитат. домъ, Рус. Стар. т. XII, XIII. XI

дабы умѣли защищаться", писалъ Московск. опекунъ Бецкому.

Матеріалы для ист. моск. восп. дома, м. 1863, I).

Смольный институтъ. Воспитаніе матерей семействъ, для той общественной реформы, какая предполагалась въ воспитательной системѣ Бецкаго, должно было занять видное мѣсто. Въ этомъ отношеніи Екатерина считала образцомъ учрежденіе, находящееся въ деревнѣ Сенсиръ, въ огромномъ версальскомъ паркѣ, въ верстѣ отъ Парижа, откуда она хотѣла имѣть и своихъ воспитанницъ. Такимъ образомъ 28 іюня 1765 г. состоялось уже открытіе Смольнаго института въ Петербургѣ при Воскресенскомъ монастырѣ, основанномъ Елисаветою на берегу Невы, съ церковью по проекту Растрелли. Имя свое это заведеніе получило отъ деревни Смольной, извѣстной дегтярными заводами. Пріемъ воспитанницъ сюда допускался отъ 6 лѣтъ до 10 подъ условіемъ полнаго интерната. Дворянское отдѣленіе института заключало 200 дѣтей, а мѣщанское – 100. Кромѣ общаго образованія (иностранные языки, исторія, географія, русскій языкъ), воспитанницы учились музыкѣ, живописи, вышиванію золотомъ и шелкомъ, пѣнію и танцамъ, домостроительству, но особенное вниманіе обращалось на правила благонравія и учтивости. Онѣ давали иногда драматическія представленія, причемъ, по совѣту Вольтера, изъ пьесъ, дававшихся на сценѣ, обыкновенно исключались всѣ неприличныя мѣста (1) Мужскія роли разыгрывались въ длинныхъ юбкахъ[2]. Сама Екатерина любила посѣщать это заведеніе, вела съ воспитанницами переписку и под-

1. Давали соч. Вольтера, Сумарокова и др. сборн. рус. ист. общ. XIII, 225-227.
2. Или въ длинныхъ русскихъ сарафанахъ Колотовъ I, 159.

В. Иконниковъ

держивала эти сношенія даже по выходѣ ихъ изъ заведенія (Колотовъ, I, 148-60. Зап. Дашковой. Письма Екатерины къ Левшиной, Рус. Арх. 1870 г. Зап. первой воспитан. смольн. инст. Г.И. Ржевской Рус. Арх. 1871).

Другія воспитательныя учрежденія. Съ преобразованіемъ въ 1764 г. академіи художествъ, при ней было учреждено воспитательное училище для мѣщанъ (П.С.З. 11, 275). Въ 1766 г. былъ преобразованъ сухопутный кадетскій корпусъ, при которомъ также является мѣщанское учили[ще] и еще въ началѣ царствованія Екатерины инженерная и артиллерійская школа была преобразована въ кадетск[ій] корпусъ для дворянъ русскаго происхожденія (3/4) и остзейск[а]го дворянства и дѣтей иностранцевъ (1/4). Въ уставѣ су[хо]путнаго корпуса было обращено уже вниманіе на распр[е]дѣленіе воспитанниковъ по возрастамъ (5) и приготовленіе воспитателей и учителей изъ мѣщанскихъ дѣтей, воспитывавшихся въ корпусѣ. При пре[обра]зованіи корпуса было запрещено употребленіе тѣлесн[ыхъ] наказаній - правило, общее всѣмъ учрежденіямъ Бецка[го] (истор. свѣдѣн. объ училищ. въ Рос. Арсеньева, Уч. Зап. Ак[ад.] Наук, I. Вороновъ, истор. спб. учеб. окр. I; Глѣбовъ, Арти[лл.] инжен. кад. корпусъ въ царствов-е Екат. II, Арт. жур. 186[?] № 11).

Болѣе широкимъ требованіямъ науки должны были удовлетворять старая Академія Наукъ и молодой Московскій университетъ.

Лекція 19-я

Наука и высшее образованіе въ началѣ царствованія Екатерины II. Академія наукъ по плану Петра В. должна была удовлетворять двоякой цѣли: учить и науки совершать т. е. она совмѣщала въ себѣ гимназію, университетъ и академію. Но постоянныхъ лекцій въ Академіи не было, отчего университетъ существовалъ почти номинально. Академическая гимназія не давала надлежащей подготовки въ особенности, когда съ учрежденіемъ кадетскихъ корпусовъ, дворяне стали туда отдавать своихъ дѣтей, академическія же учебныя учрежденія получали учениковъ изъ семинарій, по выбору, или „изъ подлости", какъ говорили тогда. Въ самыхъ академическихъ гимназіяхъ при Елисаветѣ Петровнѣ были заведены аристократическіе порядки — для дворянъ, выражавшіеся въ особыхъ столахъ и обстановкѣ, какъ это было въ тогдашнихъ нѣмецкихъ гимназіяхъ и университетахъ, гдѣ титулы играли столь важную роль. Во 2-й половинѣ царствованія Елисаветы и въ началѣ царствованія Екатерины въ Академіи лекціи читали: по юриспруденціи и политикѣ — Штрубе-де-Пирмонтъ (по 1757 г., но продолжалъ писать), авторъ нѣсколькихъ сочиненій по исторіи законодательства; по исторіи права Горичъ Федоровичъ; по химіи — Ломоносовъ; по ботаникѣ Крашенинниковъ; по механикѣ — Крацентштейнъ; по анатоміи и физіологіи — Бургаве. Знаменитый Эйлеръ руководилъ русскими учеными въ Берлинѣ (Румовскимъ и Котельниковымъ).

Но къ концу царствованія Елисаветы большею часть эти лекціи прекратились. Одинъ Браунъ велъ постоянный курсъ философіи. Академія, подвергшаяся деспотическому управленію своей канцеляріи, во главѣ которой стоялъ Шумахеръ, почти въ началѣ своего существованія стала пустѣть, лишившись лучших своихъ силъ. „Большая часть приглашенныхъ изъ-за границы отказалась вступить въ академію, не желая быть лакеями въ передней Теплова и Шумахера", говоритъ Ломоносовъ. Въ то время какъ Университетъ имѣлъ не болѣе 17 студентовъ, а гимназія 60 учениковъ, кадетскій корпусъ, по словамъ Ломоносова, процвѣталъ. И докладъ Бецкаго Екатеринѣ 1767 г. подтверждаетъ, что хотя въ Россіи и существовали Академія Наукъ и другія училища, но почти никакихъ плодовъ отъ нихъ не было видно. Поэтому отправка русскихъ студентовъ за границу и теперь признавалась единственнымъ средствомъ для поддержанія ученаго достоинства академіи. Въ академіи шла ожесточенная національная вражда между русскими и нѣмцами. Чтобы поднять авторитетъ академіи, и Миллеръ, и Ломоносовъ признавали необходимымъ даровать ей широкую автономію, которою она и должна была пользоваться по регламенту Петра В.

Чтобы пріохотить къ академіи лицъ изъ высшаго сословія, Ломоносовъ полагалъ необходимымъ даровать студентамъ ея значительныя служебныя права, а Таубертъ, занявшій мѣсто тестя своего, Шумахера, открылъ при академіи даже училище

съ цѣлью привлечь въ нее дворянъ. Уже въ 1766 новый президентъ Академіи, замѣнившій Гр. К. Г. Разумовскаго, В. Гр. Орловъ, заявлялъ радость, что въ это время вступили въ академическую гимназію первые ученики изъ средняго дворянства — братья Хвостовы; но и они пошли потомъ въ военную службу. Такое печальное положеніе побудило правительство закрыть въ 1766 г. академическій университетъ. Еще въ началѣ цар-ія Екатерины Разумовскій совѣтовалъ академикамъ прекратить распри между собою, наблюдая благопристойность и честь Академіи. Ломоносовъ получилъ даже отставку (1763 г.), но имп-ца остановила указъ сенату и сама посѣтила Академію; выслушала рѣчи, сказанныя по-нѣмецки и по-русски, а не по-латыни, какъ это было прежде. Она приняла отъ Миллера новыя изданія, а на другой день всѣ академики были во дворцѣ и цѣловали руку императрицѣ. Вскорѣ однако между Ломоносовымъ и Шлецеромъ возникли печальныя пререканія по поводу отъѣзда послѣдняго за границу, причемъ Ломоносовъ требовалъ отобранія у него рукописей. Но Разумовскій сильно поддерживалъ Шлецера, воспитателя его дѣтей, и доставилъ ему званіе ординарнаго профессора. Уже тогда Разумовскій задумывалъ реформу Академіи, но это не состоялось по случаю отъѣзда его за границу, послѣ лишенія гетманскаго достоинства. Въ это время д'Аламберъ былъ избранъ въ почетные члены Академіи.

Ломоносовъ. Послѣ продолжительной борьбы со всѣми

незгодами при Елисаветѣ, съ воцареніемъ Екатерины, для Академіи пробилися такіе лучи надежды. Подъ вліяніемъ непріятностей Ломоносовъ вынужденъ былъ подать Екатеринѣ собственное заявленіе о своихъ заслугахъ, хотя врагамъ его удалось на нѣкоторое время возбудить противъ него императрицу, которая, немного спустя, облегчила его матеріальное положеніе. Ломоносовъ привелъ въ порядокъ академическую гимназію. Въ это время онъ издалъ свою «древнюю россійскую исторію» и работы по металлургіи. Екатерина сама посѣтила его и разсматривала его мозаичныя произведенія, наблюдала физическіе и химическіе опыты. Трудно было пробиваться тогда русскому ученому. Въ покояхъ цесаревича надъ Ломоносовымъ смѣялись, а нѣмцы, имѣвшіе тамъ вліяніе, не могли терпѣть его. Не стыдились обзывать его старымъ «дуракомъ». Онъ скончался 4 апр. 1765 г. и въ бумагахъ его найдена была собственноручная записка, слѣдующаго содержанія: « За то терплю, что стараюсь защитить труды Петра Великаго, чтобы выучились Россіяне, чтобы показали свое достоинство. Я не тужу о смерти: пожилъ, потерпѣлъ и знаю, что обо мнѣ дѣти отечества пожалѣютъ», Но въ той же средѣ думали иначе. «Что дурака терпѣть», повторяли тамъ, «какъ только разорялъ и ничего не сдѣлалъ» (Записки Порошина). Всѣ бумаги Ломоносова достались президенту Академіи, В. Г. Орлову, съумѣвшему оцѣнить его, а еще за годъ до смерти по его указанію снаряжена была экспедиція для отысканія пути изъ сѣвернаго океана въ

восточную Индію и Америку, дважды потерпѣвшую неудачу, но снова воскресшую въ наше время. (Солов. XXVI, 277-287. Пекарскій, II. Лапанскій, чт. М.О.И. 1865, I. Миллеръ, Извѣст. Евр. 1865. О Таубертѣ, сборн. X, 21, 41; о его училищѣ чт. 1866, IV. Сып. Разумовскихъ, Васильчикова т. I о сѣверной экспед. у Гамел. англич. въ Рос., 219-224).

Г. Ф. Миллеръ и Августъ Шлецеръ. Съ воцареніемъ на престолъ Екатерины возбудились надежды и въ другомъ членѣ Академіи - Миллерѣ, которому также не давали работать. Его многотомные выписки изъ архивовъ оставались безъ употребленія; ему запрещалось писать по русской исторіи, такъ какъ видѣли въ его трудахъ профанацію русской національности. Теперь онъ издалъ свой „опытъ новой русской исторіи", которую началъ съ Бориса Годунова, до котораго довелъ свой сводъ Татищевъ. Авторъ критически относится къ источникамъ и надолго установилъ общую точку зрѣнія на личность Годунова. За нимъ остается и другая важная заслуга - онъ пріучилъ русскую публику къ серіозному журналу. Его „Ежемѣсячныя сочиненія", (съ 1755-64 г) начались съ 500 и дошли до 1200 экземпляровъ. (Пекарскій Ист. Ак. Н., т I (біографія Миллера), разбор. ежем. соч., Лимонтина, въ Соврем., т. XXV-XXVI, Ф. Г. Мил., Соловьева, ibid. т. XLVII)

Въ 1765 г. Миллеръ былъ перемѣщенъ директоромъ воспитательнаго дома въ Москву и затѣмъ получилъ въ свое вѣдѣніе главный арх. иностранныхъ дѣлъ и оказалъ большія услуги архивному дѣлу въ Россіи. Благодаря ему, появился въ Россіи Шлецеръ. Съ начала онъ былъ

домашнимъ учителемъ у Миллера и занимался въ пансіонѣ Разумовскаго, но вскорѣ изучилъ славянскій и русскій языки и заинтересовался русской исторіей и лѣтописями. Мрачными красками описываетъ Шлецеръ положеніе ученаго въ тогдашнемъ русскомъ обществѣ, гдѣ последнее ремесло считалось болѣе полезнымъ, нежели наука. Только при Екатеринѣ сдѣлалось возможнымъ изданіе статистическихъ свѣдѣній и историческихъ памятниковъ, не вызывая гоненій и непріятностей со стороны духовенства и другихъ. Отказавшись ходить на помочахъ у Миллера, Шлецеръ занялся изученіемъ лѣтописей въ связи съ византійскими и славянскими источниками, пригодившимися ему потомъ для комментарій его «Нестора». Только участіе Екатерины спасло его отъ непріятныхъ дѣйствій его недоброжелателей. Онъ получилъ званіе ординарнаго академика (до этого онъ былъ адъюнктомъ), достаточное содержаніе, право заниматься русской исторіей и временный отпускъ за границу. Но, по возвращеніи, онъ недолго оставался въ Академіи и предпочелъ профессуру въ Геттингенскомъ университетѣ. Онъ считалъ себя ученикомъ Вольтера, а современная нѣмецкая исторіографія признаетъ его отцемъ новѣйшей исторической критики. (автобіогр. Шлецера, изд. Акад. Наукъ въ XIII т. Сборн. Ак. Н., Солов. въ Рус. Вѣстн. 1856 г., Бестужевъ Рюминъ, Истор. Вѣстн. 1881 г., Поповъ въ москов. сборникѣ). Благодаря Шлецеру при Академіи начато было изданіе лѣтописей (Ист. библ. т. I: древнія лѣтопись по Кенигсбергскому списку и Никоновская)[1].

Леонардъ Эйлеръ. Екатерина много хлопотала, чтобы переманить въ Петербургскую Академію изъ Берлина

1) Кромѣ того онъ издалъ „Русскую Правду" Спб. 1676 и „объ избраніи королей въ Польшѣ" 27. 1764 г.

знаменитаго Эйлера, котораго не хотѣлъ отпускать Фридрихъ II и добилась своего желанія, причемъ окружила его всевозможными удобствами и почетомъ, вознаградивъ убытки, нанесенные ему русскими войсками въ Берлинѣ (1.200 р.) Сборн. X, 58, 67, 137. Перепис. Эйлера Чтен. 1866, IV, Пекарскій, I). Эйлеръ подалъ Екатеринѣ мысль объ отдѣленіи Академіи Художествъ отъ Академіи Наукъ. Къ сожалѣнію, вскорѣ по прибытіи въ Петербургъ, у него образовался катарактъ. Операція его снятія была неудачна и онъ почти не могъ ничего писать самъ. Тѣмъ не менѣе уже въ этотъ періодъ онъ написалъ свои «Элементы Алгебры» и три объемистые тома діоптрики; изслѣдованія интегральнаго исчисленія; вычисленія кометы, солнечнаго затмѣнія и прохожденія Венеры въ 1769 г.; новую теорію луны и теорію мореплаванія и огромное количество статей. Екатерина щедро вознаградила его. Умиралъ въ 1783 г. Эйлеръ оставилъ Академіи 8 своихъ учениковъ (Котельниковъ, Румовскій, Крафтъ, Ник. Фуссъ и др.), пользовавшихся извѣстностью. Три сына Эйлера оставались жить въ Россіи. Императрица старалась удержать, хотя и неудачно, извѣстнаго собирателя историческихъ и географическихъ матеріаловъ о Россіи Бюшинга (знаменитый «Магазинъ»), когда его вызвали профессоромъ въ Геттингенъ (Сборн. X, 7-8); она вызывала Гаммера для продолженія трудовъ по отечественной исторіи Іог. Гмелина (X, 173) и Беккарію для ея законодательныхъ работъ (Сборн. X, 183).

Ученыя экспедиціи. Съ Академіей наукъ тѣсно связаны ученыя путешествія, совершенныя ея членами

В. [illegible]

и имѣвшія цѣлью описаніе Россіи въ естественномъ, географическомъ и статистическомъ отношеніяхъ. Такъ были снаряжены 4 экспедиціи — двѣ Астраханскія и двѣ Оренбургскія. Во главѣ первыхъ стояли Гмелинъ и Гильденштедтъ, вторыя, подъ начальствомъ Палласа, состояли изъ Лепехина, Фалька, Георги, Зуева, Рычкова, Озерецковскаго. Кромѣ своей прямой цѣли, они обязаны были обратить вниманіе на внутреннее устройство и недостатки разныхъ областей, на нравы и потребности жителей. Путешествіе ихъ продолжалось съ 1768–74 г. Оренбургскія экспедиціи осмотрѣли сѣверную, восточную и западную частѣ Россіи; Астраханскія — южную до персидскихъ областей и Персію до Кавказа и Грузіи исканы эти страны. Описанія, составленныя членами экспедицій (изданныя на иностр. и рус. яз.), познакомили Россію и Западную Европу съ массою неизвѣстныхъ до того свѣдѣній о Россіи и странахъ, къ ней прилегавшихъ; они сдѣлали множество открытій въ естественномъ царствѣ и наблюденій; собрали множество областныхъ словъ, чѣмъ облегчили знакомство съ мѣстною русскою терминологіею, замѣненною въ позднѣйшихъ трудахъ иностранными реченіями (Галаховъ, ист. словесн. I, 536. Др. и нов. Рос. Паллас, 1875). Мы знаемъ уже о неудачно окончившейся сѣверной экспедиціи. Сибирскій губернаторъ Чичеринъ доноситъ объ открытіи и приведеніи въ подданство Алеутскихъ острововъ, совершенное казаками Басютинскимъ и Лазаревымъ, которые были произведены за это въ сибирскіе дворяне. При этомъ были присланы въ Петербургъ образцы тамошнихъ

растеній, мѣховъ, одежды и др. вещей-„курьезныхъ", а также они хотѣли прислать и одного изъ тамошнихъ жителей; но Екатерина поставила въ условіе, чтобы это было сдѣлано добровольно, безъ малѣйшаго принужденія, и поручила спросить – не были ли прежде у этихъ острововъ другіе Европейцы (П.С.З. 2,589).

Университетъ. На университетѣ также отразилось вліяніе новаго духа. Съ 1767 г. въ немъ было введено преподаваніе на русскомъ языкѣ. Конечно, это распоряженіе касалось русскихъ профессоровъ, но число ихъ при Екатеринѣ (съ 1765 г) значительно возрасло: это были Аничковъ (по философіи), Афонинъ (естеств. науки), Зибелинъ (медикъ), Веніаминовъ (медикъ), Десницкій, Третьяковъ (юристы), Синьковскій (по философіи), Брянцевъ (тоже), Чеботаревъ (историкъ), Страховъ (физикъ) и др., большею частію побывавшіе уже за границею. Изъ прежнихъ профессоровъ, Рейхель сталъ впервые въ Россіи (1764-65) читать курсъ статистическаго содержанія, но только въ 70хъ годахъ названіе этой науки сдѣлалось общеупотребительнымъ. До 1764 г. въ юридическомъ факультетѣ былъ всего одинъ профессоръ-Дильтей, объявившій, что будетъ читать на французскомъ языкѣ приватныя историческія лекціи и будетъ обучать универсальной исторіи и хронологіи отъ сотворенія міра: цѣна каждому курсу – 12 руб., а бѣднымъ безплатно. Свой курсъ онъ напечаталъ и пустилъ въ продажу по 2 руб. за экземпляръ. Въ 1765 г. у него возникли большія непріятности по университету и его хотѣли удалить, но, по распоряженію императрицы, онъ былъ оставленъ

(Солов. XXVI, 309–310). Въ 1764 г., по рекомендаціи Миллера, былъ вызванъ въ Россію К. Г. Дильтей по естественному и народному праву и оставался до 1774 г. Свои лекціи онъ излагалъ отвлеченно, проводя, впрочемъ, ту мысль, что при оцѣнкѣ преступленій слѣдуетъ обращать вниманіе на ихъ мотивы, и возставалъ противъ пытокъ. Отъ него остался географическій словарь (3 части) на русскомъ языкѣ, 4 рѣчи и др. сочиненія. С. Рейхель, Бильфельдъ, Ашенвалль служили ему авторитетами въ изложеніи началъ политики. Съ 1765–66 г. читалъ въ университетѣ курсъ философіи, бывшій студентъ Моск. университета Аничковъ, слѣдуя Вольфу, Винклеру, Баумейстеру. Ученый Маттеи трудился надъ описаніемъ греческихъ рукописей синодальной библіотеки. Ученіе новой - шотландской школы принесли въ университетъ два ученика Глазговскаго университета, Третьяковъ и Десницкій, ученики Блэкстона, Юма, Фергюсона, Ад. Смита. Подъ вліяніемъ перваго они внесли практическій элементъ въ русскую юриспруденцію. Ученія ихъ отличались сенсуалистическимъ изученіемъ предмета и философскимъ направленіемъ. Они напечатали нѣсколько рѣчей и другихъ сочиненій. Въ медицинскомъ факультетѣ былъ также одинъ Керштенсъ, читавшій врачебное естествословіе, но въ 1762 г. въ него вступилъ Эразмусъ, первый, открывшій кафедру анатоміи, хирургіи и повивальнаго искусства. Имъ былъ устроенъ и анатомическій театръ, но Позиція, не смотря на требованія университета и распоряженія начальства, труповъ не доставляла.

---

1. Въ концѣ царствованія Елисаветы въ моск. университетѣ было на–

Переводы. Переводы въ университетскихъ изданiяхъ занимали видное мѣсто. Такъ въ 1768 г. проф. Барсовъ издалъ переводъ „Политическихъ Наставленiй" Бильфельда, сдѣланный по повелѣнiю Екатерины II кн. Шаховскимъ; Чеботаревъ — „Краткую всеобщую исторiю" Фрейера; Б. Каменскiй — „Элементы новой философiи" Баумейстера. Дильтей издалъ нѣсколько сочиненiй по исторiи права, также русскiй географическiй атласъ съ опытомъ географiи Россiи (Рус. Универ. въ связи съ ход. общеобр. образ., Вѣст. Евр. 1876 г.) Въ 1767 г., въ Москвѣ образовалось общество для перевода французской энциклопедiи (Соврем. 1857, № 7, смѣсь стр. 73), въ которомъ участвовали професора университета и молодые люди нѣкоторыхъ знатныхъ фамилiй.

Еще 1735 года при Академiи Наукъ существовало россiйское собранiе, имѣвшее своею цѣлью переводъ лучшихъ произведенiй иностранной литературы на русскiй языкъ, а потомъ такъ называемый переводческiй департаментъ, издавшiй нѣсколько цѣнныхъ сочиненiй, преимущественно съ франц. языка. Гораздо шире эта задача поставлена была при Екатеринѣ II. Она образовала особую коммиссiю для переводовъ съ иностранныхъ языковъ на русскiй, опредѣливъ на это изъ собственной шкатулки 5000 р. Въ ряду ихъ первое мѣсто занимали, конечно, произведенiя такъ называемой просвѣтительной эпохи, затѣмъ писателей классической древности и др. (Ист. Рос. Ак., Сухомлинова, т. I, 4–9). О результатахъ дѣятельности этой коммиссiи мы скажемъ въ слѣдующемъ перiодѣ царст—iя Екат. II. Иногда въ переводныхъ

членовъ собралось 30 чел., изъ которыхъ 4 готовились для театра. Солов. XXVI, 336.

дѣятельности принималъ участіе и сенатъ. По его иниціативѣ переводится книга Гуго Гроція „о правѣ мира и войны" (1757), хотя 1-й томъ этого сочиненія промедлилъ года въ синодѣ, куда онъ былъ отданъ для цензуры, и, лишь когда вышелъ 2-й томъ, вспомнили о первомъ — таковы были тогда условія печати (Солов. XXVI, 332).

Дѣло о диспутѣ въ Московскомъ университетѣ.

Несмотря однако на такое направленіе общественной мысли, мнѣнія иныя даже на университетской каѳедрѣ вызывали иногда преслѣдованія, порождавшія непріятныя послѣдствія. Въ такомъ видѣ представляется намъ дѣло о диспутѣ въ Моск. университетѣ (въ августѣ 1769 г.), предметомъ котораго было сочиненіе Аничкова „О началѣ и происхожденіи натуральнаго богословія". Профессора, по большей части нѣмцы, упрекали автора за послѣдованіе мнѣніямъ Лукреція и заставили перепечатать сочиненіе. Оно встрѣтило также оппозицію со стороны московск. архіепископа Амвросія, нашедшаго въ немъ антихристіанскія мѣста и деизмъ. Дѣло это восходило до синода и тянулось до 1787 г., когда было сдано въ архивъ; авторъ же въ теченіи двухъ лѣтъ не могъ получить каѳедры ординарнаго профессора, несмотря на неоднократныя представленія конференціи университета. Мы видѣли уже, какъ сама Екатерина относилась къ произведеніямъ Руссо и др. сочиненіямъ этого направленія. Непосредственный надзоръ за иностранными книгами былъ возложенъ на Академію Наукъ и университетъ (Сборн. VII, 318. Ист. ак. Н. I біографія Тауберта).

Русскіе студенты въ иностранныхъ университетахъ.

Другою важною школою европейской науки для русскихъ ученыхъ служили заграничные университеты. Еще со времени Елисаветы Петр. въ Кильскомъ универ. находилось нѣсколько русскихъ студентовъ. Въ началѣ цар-ія Екатерины 4 студента находились въ Англіи, другіе учились въ Упсалѣ, въ Кенигсбергѣ, Лейденѣ, Страсбургѣ[1]. Особенно часто сталъ посѣщаться при Екатеринѣ Лейпцигскій университетъ. Тутъ воспитывался В.Г. Орловъ, а по возвращеніи его, рѣшено было отправить туда 12 студентовъ для изученія права (1766 г). Съ 1766 по 1770 г въ Лейпцигѣ находилось 15 человѣкъ, въ ихъ числѣ А.Н. Радищевъ, оставившій біографію одного изъ своихъ товарищей Ушакова (умершаго насильственною смертью въ 1768 г), и Кутузовъ, переводчикъ Мессіады и другъ того Карамзина. Біографія Ушакова даетъ прекрасный матеріалъ для оцѣнки вліянія современныхъ идей. Любимый ученикъ извѣстнаго Геллерта, Ушаковъ зачитывался Арно, Беккарія, Локка, Гельвеція, на книгу котораго составилъ комментаріи, обрисовывающіе нѣкоторыя стороны мысли автора и значеніе въ то время популярныхъ идей французской философіи. Біографія Ушакова богата вольными сужденіями о политическихъ и религіозныхъ вопросахъ, бывшихъ тогда

---

1. Въ этомъ послѣднемъ учились сыновья гр. К.Г. Разумовскаго по окончаніи собственнаго пансіона, гдѣ преподавалъ Шлецеръ (назвавшій его: Academie de la X ligne), Лепехинъ, изучавшій естественныя науки, А.Я. Поленовъ — русскій юристъ, перешедшій изъ Страсбурга въ Геттин-

въ ходу. Въ своихъ же комментаріяхъ Ушаковъ возставалъ противъ смертной казни. Впослѣдствіи уже, подъ вліяніемъ Руссо, Бейля и др., Радищевъ написалъ «Путешествіе изъ Петербурга въ Москву», проникнутое понятіями о равенствѣ, свободѣ и горячими тирадами противъ крѣпостнаго права. Свое сочиненіе онъ посвятилъ Кутузову, а въ составленіи его Екатерина подозрѣвала еще другаго Лейпцигскаго студента Челищева (Библ. зап. 1859. Изв. Ак. Н. IX. Соврем. 1856, №8. Галаховъ, I, 535. Жиз. Ушак. въ сборн. 18 в., II. О лейпц. студ. письмо Зиновьева, Рус. Арх. 1870, 932. Сбор. Р. И. О., 107–131, 209. Рус. Арх. 1866, 446–452. Шамастанъ: Рус. универ. Истор. Евр. 1876 г.).

Другая колонія молодыхъ ученыхъ (5 чел.) была отправлена въ Геттингенскій универс., основанный въ 1735 г. и скоро заявившій себя систематическою борьбою противъ научной схоластики. Профессорами здѣсь были извѣстные ученые: Михаэлисъ, Гейне, Гаттереръ, Ахенвальдъ, Гальбергеръ, Федеръ, Муррай, Вальхъ и др. Спеціально для изученія богословскихъ наукъ и восточныхъ языковъ за границу отправлено было (въ 1765) 12 учениковъ изъ семинарій, которые слушали лекціи въ Геттингенѣ, Оксфордѣ, Лейденѣ. Эти студенты предназначались на каѳедры для проектировавшагося богословскаго факультета въ Москвѣ; но онъ не осуществился, и они отправились учителями въ семинаріи; впрочемъ нѣкоторые изъ нихъ заявили себя трудами по исторіи и исторіи церкви.

ченъ (1766 г). Позже въ Страсбургѣ учились А. Н. Оленинъ, Кн. Б. В. Голицынъ, Кн. Н. Б. Юсуповъ, И. Рибопьеръ и др. Ученіе и ученики въ XVIII в. Шугурова. Рус. Арх. 1866, 304–324.

(Слов. XXVI, 218-19, Сухомлиновъ, Ист. Рос. Ак. I. Проектъ богослов. факультета при Екатеринѣ II, Вѣст. Евр. 1873, №11, 300-317)
Религіозная терпимость и свобода мнѣнія въ церковныхъ вопросахъ отразилась даже на русскомъ питомцѣ Геттингенскаго университета, будущемъ епископѣ Дамаскинѣ (Семеновъ-Рудневъ, см. біограф. у Сухомлинова ibid). Препятствія для открытія вышеупомянутаго богословскаго факультета и тогда, какъ и впослѣдствіи, — были, конечно, тѣ узкія условія религіозной жизни, на какія обречено было русское общество. Вѣра понималась не какъ извѣстное убѣжденіе, а какъ установленная форма. Такъ, вслѣдствіе цензурныхъ требованій, не могъ быть изданъ переводъ обширнаго труда Тильмона, извѣстнаго французскаго ученаго XVIII в.: «Исторія первыхъ вѣковъ христіанства», въ которомъ критически разсматриваются церковныя событія. Переводъ этотъ былъ сдѣланъ Павломъ Пономаревымъ, ученикомъ Моск. духов. Академіи и Моск. университета, и впослѣдствіи архіепископомъ Ярославскимъ (Сухомлиновъ, I, 230-231).
Мы упоминали также о посылкѣ за границу купеческихъ дѣтей, для образованія опытныхъ торговыхъ людей (Сборн. VII, 402. Рус. Стар. XIII).
Планъ публичной библіотеки. Въ 1766 г. въ Петербургѣ образовалось общество съ цѣлью учрежденія публичной библіотеки (здѣсь), задуманной на весьма широкихъ основаніяхъ: она должна была состоять изъ русскихъ печатныхъ книгъ и рукописей, школы и типографіи; а члены его должны были заботиться о переводѣ лучшихъ иностранныхъ сочиненій на русскій языкъ. Проектъ его былъ составленъ Б. М. Салтыковымъ; „требуется-

В. Иконниковъ

ли же ал названы: гр. А. Строгановъ, И. И. Мелиссино, К. Крузе, кн. П. Голицынъ, кн. В. Хованскій, кн. П. Хованскій, Ал. Волковъ, Ив. Миллеръ, гр. П. Головинъ, Пр. Шиловъ, ст. Лопухинъ и др. (18 чел.). (Библіогр. зап., т. III, 69-80). Но учрежденіе этой библіотеки не состоялось. Въ молодости Б. М. Салтыковъ былъ агентомъ И. И. Шувалова въ Женевѣ, для сношеній съ Вольтеромъ, и письма его къ Шувалову — настоящія депеши о томъ, что дѣлается въ Делисахъ, тогдашнемъ пребываніи Вольтера (Сочинен. кн. П. А. Вяземскаго, V, 9).

Академія художествъ и искусства. Съ начала своего царствованія Екатерина обратила вниманіе и на Академію художествъ. Шуваловъ представилъ ей работы Академіи и картины Лосенко (Андрей Первозв.), учившагося въ Парижѣ, а также профессора исторіи живописи Торелли. Въ 1763 г. Шуваловъ составилъ «Учрежденіе Академіи художествъ», регламентъ и штатъ. По отъѣздѣ его за границу[1] Академія была ввѣрена Бецкому, съ неограниченною властью[2]. Въ это время въ ней было 90 учениковъ и велись правильные классы. Директоръ Академіи избирался каждые 4 мѣсяца собраніемъ профессоровъ, изъ ихъ среды, по баллотировкѣ. Во время торжественныхъ актовъ устраивались выставки картинъ и чертежей и

---

1. Шуваловъ провелъ за границей 15 лѣтъ (1763—77), живя въ Вѣнѣ, Парижѣ и Италіи и сохранилъ за собою только управленіе Москов. Унив. Б.-Каменскій, V

2. На Ак. Худож. расходовалось 20,000 р. изъ таможен. сбора и 6,000 р. изъ Штатсъ-конторы (П. С. З. 11,766). Уставъ: П. С. З. № 12,275.

присуждались преміи (Солов. XXVI, 340-341). Преподавателями были иностранцы. Съ 1764 г. Бецкій завелъ при ней воспитательное училище для мѣщанъ, отъ 5 до 15 лѣтъ. Тогда ж приступлено было къ постройкѣ зданія нынѣшней Акад. Шуваловъ прислалъ изъ Италіи старательно составленныя гипсовыя формы античныхъ изваяній. Екатерина пожертвовала Академіи купленное собраніе картинъ у Лоррена и кн. Куракиной; а въ 1773 г. въ Акад. галлереѣ считалось уж болѣе 300 оригиналовъ, кромѣ рисунковъ, гравюръ, статуй, медалей и т. п. Для приохочиванія гравировальнаго искусства приглашенъ былъ Верны. Вообще при завѣдываніи Кокоринова, Академія находилась въ самомъ цвѣтущемъ положеніи. Заведены были классы: литейный, золотыхъ дѣлъ и столярныхъ ремеслъ. Искусства раздѣлялись на отдѣлы: живописи, скульптуры, гравированія, архитектуры. Хорошо окончившіе ученики посылались обыкновенно за границу. Изъ русскихъ скульпторовъ въ это время былъ извѣстенъ Гордѣевъ; изъ граверовъ заслуживаютъ вниманія [illegible] и въ особенности Евграфъ Чемесовъ, лучшій ученикъ Шмидта[1]. Въ продолженіи жизни (1759-65) онъ награвировалъ 14 портретовъ, но, несмотря на это небольшое количество работъ, Чемесовъ можетъ быть названъ лучшимъ русскимъ портретнымъ граверомъ 18 вѣка. Онъ вполнѣ усвоилъ себѣ манеру знаменитаго своего учителя. Лучшими изъ произведеній Чемесова считаются портретъ фельдмаршала Миниха, собственный портретъ Чемесова и превосходный портретъ императрицы Елисаветы

---

1. За портреты его работы платили 500-1500 р.

Петровны[1]! Замечательны также иллюзія работы Чемесова рѣзцомъ портреты Петра В., Елисаветы Петровны съ Токке, гр. Гр. Г. Орлова съ Торари. Изъ другихъ учениковъ Шмидта извѣстны: Я. Васильевъ, Грековъ, Виноградовъ и Герасимовъ. Въ 1762 г. Шмидтъ уѣхалъ въ Берлинъ, а въ 1765 г. умеръ и Чемесовъ, послѣ чего граверный классъ Академіи сталъ падать. Впрочемъ съ 1762–68 г. при Академіи состоялъ хорошій граверъ Радигъ, приглашенный изъ Парижа. Въ 1767 г. приглашенъ былъ изъ Нюренберга ландкартный граверъ Ротъ; въ 1771 году выписали изъ Парижа Хенрикеля для выгравированія эстампа Петра В. (Фальконетта), съ рисунка Лосенка, но онъ сдѣлал одну голову Петра (работы Калло), а эстампъ выгравирована была только въ 1774 г. и рисунокъ съ нея отосланъ въ Парижъ (Д. Ровинскій: Акад. Худож. до времени Екатерины II, Отеч. Зап. 1855 т. CII; Русскіе граверы и ихъ произведенія, М. 1870, стр. 40–50; работы Чемесова изданы также г.: Ровинскимъ: Русскій граверъ Чемесовъ — геліографич. копіи съ его произвед., Спб. 1878 г. статья П. Н. Петрова въ Библ. для чт. 1860 г. №4). Изъ русскихъ портретистовъ извѣстенъ былъ Антроповъ, написавшій для сената портретъ Петра III за 400 р.). Портретъ Екатерины II былъ написанъ датскимъ живописцемъ Эриксеномъ (Солов. XXVI, 343). Здѣсь она представлена въ гвардейскомъ мундирѣ на сѣрой лошади въ моментъ вступленія своего изъ Петергофа въ Петербургъ, въ 1762 г. Его находимъ тогда весьма схожимъ. —

1. Есть портретъ Екатерины II съ греческою надписью.

(Порошинъ, 312). Въ 1771 г. Вольтеръ писалъ Екатеринѣ: „Я имѣлъ честь видѣть въ моей обители княгиню Дашкову. Вошедши въ мою гостинную, она тотчасъ же узнала Вашъ портретъ mezzo-tinto, тканый на атласѣ и окруженный гирляндою. Ваше И. В. конечно получили такой же отъ г. Лассаля; это образцовое произведеніе искусства, которое процвѣтаетъ въ Ліонѣ, а скоро перейдетъ и въ Петербургъ, или въ Адріанополь, или въ Стамбулъ, если дѣла будутъ идти такъ, какъ теперь" (здѣсь разумѣется турецкая война, Сборн. рус. истор. общ. XIII, 122).

Памятники искусства: Чтобы почтить память Петра В., Екатерина приступила къ возведенію ему статуи, для созданія которой былъ вызванъ, какъ мы знаемъ, Фальконетъ (см. выше стр. 234-237).

Вмѣстѣ съ Фальконетомъ прибыла въ Россію его ученица, дѣвица М. А. Колло, служившая ему помощницею въ его работахъ надъ статуею Петра В. Сдѣланный ею бюстъ Дидро, до того былъ хорошъ, что Фальконетъ разбилъ тотъ бюстъ, который онъ прежде самъ сдѣлалъ съ Дидро. Она предлагала своему учителю такія замѣчанія на счетъ его проекта памятника Петра В., которыя имѣли огромное вліяніе на его улучшеніе. „Я обязанъ мадмуазель Колло превосходнѣйшими совѣтами, писалъ Фальконетъ Дидро; она заставила меня уничтожить пропасть глупостей". Въ 1773 г. она вышла замужъ за сына Фальконета, пріѣхавшаго тогда въ Петербургъ. Въ Россіи она выполнила нѣсколько превосходныхъ бюстовъ съ натуры: Екатерины II, вел. кн. Павла Петровича и кн. Гр. Орлова; Генриха IV и Сюлли — по заказу Екатерины; но самыя удачныя ея работы

были бюсты Дидро и Фальконета, оставшіеся въ Россіи и принадлежащіе эрмитажной коллекціи. Главная же заслуга ея, безъ сомнѣнія, состоитъ въ созданіи проекта головы для памятника Петра В. Вотъ модели полученіе самого Фальконета не нравились императрицѣ. Тогда вызвалась сдѣлать модель головы Калло, и Фальконетъ первый призналъ ея превосходство передъ своими. Импер-ца вполнѣ согласилась съ нимъ. Правда искуственныя букли, какихъ Петръ, по своей простотѣ, никогда не носилъ, и лавровый вѣнецъ, казавшіеся въ то время приличными памятнику, нѣсколько рѣжутъ теперь глаза, но никакія недостатки не въ состояніи ослабить той силы и энергіи, какая запечатлѣна рукою художника на лицѣ Петра. Въ то время Калло имѣла всего 20 лѣтъ (см. біогр. Фальконета и Калло, В.В. Стасова, въ Древ. и Нов. Рос. 1877 г., № 4, 329-346, съ изображеніемъ бюста Фальконета, работы Калло, и портретомъ послѣдней; Сборн. Рус. Ист. Общ. XVII; Соч. Дидро и Фальконета, цитир въ ихъ біографіяхъ)

Въ память дня рожденія Петра В. положено было основаніе Исаакіевскаго собора, задуманнаго еще Елисаветою, вмѣсто деревянной церкви, существовавшей при Петрѣ В. Въ началѣ 1768 г было сдѣлано распоряженіе о заготовленіи мрамора изъ какого камня (13,066). Постройка же была задумана въ стилѣ византійск съ пятью главами и легкою колокольнею. Работы по постройкѣ собора должны были производиться вольными людьми (Сборн. X, 444). Но онъ не былъ оконченъ при Екатеринѣ. Знаменитый Растрелли уже сошелъ со сцены (1763 г), а изъ русскихъ архитекторовъ въ это время упоминаются

братья князья Дмитрій[1] и Сергій Ухтомскіе, Мичуринъ, Баженовъ, Яковлевы и др. (Солов. XXVI, 341-42).
Въ это время Екатерина не страшила еще Европу своими замыслами; она приводила ее въ восторгъ (Сборн. V, 277) и вотъ Виттенбергскій Университетъ поднесъ ей дипломъ на степень доктора; Берлинская Академія Наукъ дипломъ на званіе почетнаго члена (1768), причемъ члены ея желали „чтобы хотя нѣсколько лучей ея славы упали на нихъ". Она отвѣчала имъ: „Вся моя наука заключается именно въ томъ, что всѣ люди-братья, и всю мою жизнь я провожу въ изученіи искусства поступать согласно этому правилу... Если я до сихъ поръ достигала чего, то благодаря именно этой истинѣ." Вмѣстѣ съ тѣмъ она препроводила въ Берлинскую Академію двѣ карты, недавно выполненныя въ Россіи: теченія Волги отъ Твери до Каспійскаго моря и карту Каспійскаго моря. (X, 280-82).

Лекція 20ая

Отрицательное вліяніе французской образованности. Мы видѣли, что уже во второй половинѣ царствованія Елисаветы французское образованіе стало быстро распространяться въ русскомъ обществѣ. Французскіе нравы были идеаломъ утонченности во всей Европѣ, и если царствованія Екатерины I, Анны Ивановны, правленіе Брауншвейгской фамиліи - естественно

1. Строитель колокольни въ Троицкой-Сергіевской Лаврѣ.

служили проводникомъ нѣмецкихъ нравовъ. Въ силу господства нѣмцевъ въ высшей администраціи и обществѣ Россіи, то французскіе нравы стали настолько же привыкаться при Елисаветѣ. Извѣстно, что Петръ В. готовилъ старшую свою дочь за одного изъ нѣмецкихъ принцевъ (Анна Петровна, вышедшая за Голштинскаго принца); другую - Елисавету - за французскаго (о чемъ и велись уже переговоры), а поэтому её преимущественно учили французскому языку. Но вліяніе французскаго языка и нравовъ явилось неизбѣжнымъ при дворѣ, когда во главѣ придворнаго общества появились Воронцовы и Шуваловы, проникнутые французскими симпатіями. Уже въ это время поклоненіе франц. идеямъ и франц. общественности стало преобладающимъ. Мы знаемъ похвалы Вольтера импер-цы Елисаветѣ за ея покровительство франц. языку. И какъ ни была религіозна императрица Елисавета, она не въ силахъ была противодѣйствовать общему стремленію.

Эту смѣсь русскаго, нѣмецкаго и французскаго элементовъ въ языкѣ и нравахъ прекрасно выразилъ Сумароковъ, завоевавшій уже себѣ первое мѣсто въ русской литературѣ, какъ драматическій писатель. Въ статьѣ журнала «Трудолюбивая Пчела», издававшагося въ Петербургѣ въ 1759 г., озаглавленной - «о истребленіи чужихъ словъ изъ русскаго языка», Сумароковъ доказываетъ, что заимствованіе чужихъ словъ не обогащаетъ, а портитъ языкъ; что русскій языкъ такъ зараженъ этого язвою, что и теперь вычищать его трудно, а если это обогащеніе продолжится, то и вовсе нельзя будетъ надѣяться на его очищеніе. «Сказывали мнѣ, говоритъ

онъ, что никогда нѣмка московской нѣмецкой слободы говорила: „Мейн мужъ кам домой, stieg черезъ заборъ und fiel ins грязь!“ Это смѣшно, да и это смѣшно: „Авдиенціи и десперe, амантa моя сдѣлала мнѣ инфидeлите, а я ку сюръ противъ ривалы своего буду реванжироваться“... „Но что еще больше портитъ языкъ нашъ, заключаетъ Сумароковъ, — это худые переводчики, худые писатели, а паче всего худые стихотворцы....“[1]
Въ другой статьѣ — „О несправедливыхъ основаніяхъ“ — Сумароковъ глубже смотритъ на недостатки поверхностнаго образованія. Въ ней автору приходилось доказывать своимъ современникамъ такія элементарныя понятія, какъ необходимость уваженія къ ученому сословію и наукѣ въ обществѣ и необходимость основательныхъ знаній какъ для дворянъ, такъ и для людей военнаго званія.
Сумароковъ ратовалъ за національное воспитаніе противъ современныхъ французскихъ и нѣмецкихъ учрежденій въ Россіи (Порошинъ, 435). Борьба противъ иноземнаго вліянія выступаетъ на первый планъ уже въ концѣ царствованія Елисаветы Петр. Но замѣчательно, что даже при болѣе глубокомъ пониманіи просвѣщенія, какимъ была проникнута императрица Екатерина, это раздѣляли

1. Въ Запискахъ Порошина читаемъ: „Иные русскіе въ разговорахъ своихъ мѣшаютъ столько французскихъ словъ, что нарочно будто говорятъ французы, и между французскихъ словъ употребляютъ русскія. Иные столь малосильны въ своемъ языкѣ, что все съ чужестраннаго отъ слова до слова переводятъ въ рѣчахъ и письмахъ и т. д. (слѣдуютъ примѣры) 14–15.

В. Иконниковъ

въ наукѣ національныхъ и иноземныхъ элементовъ съ сословностью продолжало существовать. Мы видѣли, что въ учебныхъ заведеніяхъ, возникавшихъ при Екатеринѣ, вездѣ указывается раздѣленіе на дворянское и мѣщанское отдѣленія.

„Трудолюбивую пчелу" смѣнило (1760) „Праздное время, въ пользу употребленное". И здѣсь, въ статьѣ „Сонъ" Мальтоленападается русской Палладѣ (т.е. Елисаветѣ) на господство иноплеменниковъ, которые не заботятся ни о процвѣтаніи языка и словесности, ни объ успѣхахъ русскаго просвѣщенія. „Подъ игомъ иноплеменниковъ науки процвѣтать не могутъ", говоритъ Сумароковъ, имѣя въ виду Академію Наукъ, съ которой онъ поссорился изъ-за цензуры и своихъ счетовъ. Въ вышеупомянутой статьѣ (Сонъ) Сумароковъ выставляетъ на видъ нападки на Академію Наукъ и на новыя заведенія ея, какого, проникнутыя иноземнымъ вліяніемъ (Рус. Арх. 1873г), а равно и на стараго президента Разумовскаго, „чуждаго истиннаго духа науки"; достается также и Тауберту — „прожорливому волку," и Шумахеру; но даже ударенія отдаетъ Ломоносову. Впрочемъ болѣе рѣдкія сатиры, быть можетъ потому, что онѣ били на верхи, подвергались преслѣдованіямъ. Такъ, когда въ 1764г. появилась сатира на франц. и рус. языкахъ, озаглавленная: „Каталогъ книгъ дѣйствительно существующихъ или вымышленныхъ," причемъ каждое заглавіе какой-нибудь книги относилось къ какому-нибудь высокопоставленному лицу, по его качествамъ[1], то главнокомандующій

---

1. Напр. „Увѣнчанная добродѣтель" — соч. г-жи .... т.е. Екатерины II; „Искусство и средство править" — соч. ея сына (Павла); „Энциклопедія" — соч. Панина; „Торжество Вакха" — соч. Бутурлина (кривд-

Москвы Салтыковъ донесъ объ этомъ импер-цѣ, какъ о своевол… и наглости молодыхъ людей, дерзнувшихъ распустить въ Москвѣ ругательныя сочиненія, въ которыхъ затрогивалось до 300 чел., подвергнувшихся такимъ образомъ „безчестію“. Онъ предлагалъ сжечь эти пасквили рукою палача и императрица одобрила эту мѣру (Сборн. VII, 392, Рус. Арх. 1871 П.С.З. 2, 213). Вообще, виновные въ сочиненіи пасквилей строго наказывались (12,890).

ТЕАТРЪ. Еще при Елисаветѣ существовалъ въ Петербургѣ публичный русскій театръ, находившійся нѣкоторое время подъ дирекціею Сумарокова; кромѣ того здѣсь же былъ французскій театръ и опера подъ управленіемъ итальянца Локателли, представленія которой (на итал. языкѣ) иногда съ балетами, давались для публики. Въ Москвѣ театръ находился въ тѣсной связи съ университетомъ, и нѣкоторые изъ студентовъ готовились для театра. Въ канцеляріи университета производился выборъ женщинъ и дѣвицъ, желающихъ поступить на сцену (Солов: XXVII, 336-35). Послѣ торжественныхъ актовъ знатныя персоны и дворянство приглашались въ университетскій театръ, а затѣмъ у директора бывалъ для нихъ ужинъ. Былъ вольный русскій театръ того же Локателли, подъ завѣдываніемъ Хераскова, впрочемъ вскорѣ прекратившій свое существованіе (Лонгиновъ, Рус. театръ въ Петерб. и Моск., Сборн. Ак. Н. т. XI, 15).

лгартала); „Исторія прошедшаго времени“ – соч. Шувалова; „Польза путешествій“ – соч. Воронцова (канцлера); „Затмѣніе“ – соч. Дашковой; „Никогда объ всемъ не подумаешь“ – соч. Тевбера (намекъ на то, что данное ему Петромъ III обѣщаніе … крыши-дѣла, и т. д.)

Фонъ-Визинъ, пріѣхавъ въ Петербургъ для представленія куратору университета Шувалову, пришелъ въ восторгъ отъ русскаго театра, на которомъ, впрочемъ, шла переводная пьеса (Генрихъ и Пернила Гольберга). Онъ восхищался извѣстнымъ тогда актеромъ Ѳ. Г. Волковымъ (+ 1763)[1], шутки котораго заставили его забыться и хохотать до потери всякой благопристойности. Потомъ онъ познакомился съ нимъ у своего дяди и отзывался о немъ, какъ о человѣкѣ съ глубокими познаніями, не уступающемъ государственному человѣку. Здѣсь же онъ познакомился и съ другою театральною знаменитостью - Ив. Аф. Дмитревскимъ. Но, когда въ 1763 г. Ф.-Визинъ написалъ сестрѣ, что у него былъ этотъ артистъ съ женою; то отецъ отвѣчалъ ему, что это предосудительно для дворянина (Соч. Ф.-Визина, изд. Ефремова, 367)[2]. Но въ придворной средѣ и въ средѣ поклонниковъ франц.

---

1. При вступленіи на престолъ Екатерины братья Ѳ. и Г. Волковы были пожалованы въ дворяне и получили 700 д. крестьянъ. (см. выше стр. 88).

2. Дмитревскій былъ первый актеръ, членъ Вольнаго Экон. Общ., Рос. Академіи и др.. Онъ родился въ 1736 г. и началъ свое театральное поприще въ Ярославлѣ, вмѣстѣ съ основателемъ русскаго театра, Волковымъ, участвуя въ женскихъ роляхъ. Въ этихъ же роляхъ онъ появляется въ 1752 и въ Петербургѣ. Получивъ образованіе въ Ярославской семинаріи, онъ изучилъ потомъ въ кадетскомъ корпусѣ языки: французскій, нѣмецкій и италіянскій. Въ 1765 г. Екатерина для усовершенствованія въ театральномъ искусствѣ отправила его за границу. Тогда онъ посѣтилъ: Голландію, Францію и Германію. Въ Парижѣ И. И. Шуваловъ познакомилъ его съ Лекеномъ, Бризаромъ, г-жами Дюмениль и Дюбуа. Вмѣстѣ съ Лекеномъ онъ отправился въ Лондонъ, чтобы увидать знаменитаго Гаррика. Однажды за ужиномъ, Гаррикъ, желая показать свое искусство, измѣнилъ до того черты своего

литературы и иностраннаго театра существовало предубѣжденіе противъ русскаго театра и его актеровъ, которое высказывалъ велик. кн. Павелъ Петровичъ Порошину, называя ихъ просто «комедіантами». Въ началѣ цар-ія Екатерины въ Петербургѣ и Москвѣ давались оригинальныя и переводныя пьесы (Мольера, Вольтера, Лафона, Гольберга, Буасси, Пуассона и др.)(1)
Въ 1765 г. Въ Петербургѣ открылся на непродолжительное время частный народный театръ, подъ открытымъ небомъ, за дешевую плату, въ которомъ любителями, преимущественно

лица, что одна половина его казалась веселою, а другая - печальною. Дмитревскій удивлялся и восхвалялъ его, но вдругъ поблѣднѣлъ и съ судорожными движеніями упалъ съ креселъ. Гаррикъ и Лекенъ встревожились, но смѣхъ Дмитревскаго вывелъ ихъ изъ заблужденія. Возвратившись въ Парижъ, онъ игралъ на театрѣ герцогини Виллеруа роли Гусмана въ Альзирѣ и Орасмана въ Заирѣ, вмѣстѣ съ Лекеномъ. Въ 1767 г. онъ вторично отправился во Францію для приглашенія францу. актеровъ. Актеромъ онъ оставался по 1787 г, а въ послѣдній разъ игралъ на сценѣ въ 1797 г. Ему принадлежитъ нѣсколько переводовъ и передѣлокъ съ иностранныхъ трагедій, комедій и оперъ и похвальное слово Сумарокову. Бантышъ Каменскій, словарь достопамятныхъ людей II, 224-227.
Во время второй поѣздки своей за границу, Дмитревскій, будучи въ Лейпцигѣ, отдалъ въ журналъ Вейсе свое сочиненіе: Извѣстіе о нѣкоторыхъ русскихъ писателяхъ, напеч. въ нѣм. переводѣ, въ 1768 г., и „Исторію рус. театра“, оставшуюся неизданною. (Лонгиновъ, рус. театръ. Сборн. Ак. Н. XI, 25) ср. Библіографич. Зап., III, 609-633 и Матеріалы для истор. рус. лит. П. А. Ефремова, С. Петерб. 1867.
1. Кромѣ того, были напечатаны: „Менехмы“ Реньяра (перев. Лукина), „Рѣзвый“ Калистрона (перев. Лукина), „Щеголеватый скороходъ“,

мистеровыми, имелись пьесы Мольера и Гольберга. Изъ русскихъ пьесъ въ этомъ періодѣ извѣстны были: Лукина: — «Мотъ любовью исправленный», «Награжденное постоянство», «Щепетильникъ»; Ельчанинова: «Наказанная вертопрашка», рядъ соч. Сумарокова и, какъ полагаютъ, «Дидона», Княжнина. Въ оперѣ давались: «Карлъ Великій», «Ифигенія въ Тавридѣ», соч. Колтеллини, музыка Галуппи (Солов. XXVII, 337 и Лонгиновъ, 24). Существовалъ театръ и въ Ярославлѣ, — родинѣ первыхъ русскихъ актеровъ (Порошинъ 101)[1].

Въ спискѣ переводовъ 1764 г. встрѣчается уже имя фонъ-Визина, а именно онъ передѣлалъ изъ Грессе комедію «Сидней», подъ заглавіемъ «Корионъ» (напечат. въ Библіот. для чтен. 1835 г.), а въ 1766 онъ читалъ Екатеринѣ II свою рукопись комедіи „Бригадиръ", съ которой начинается новый періодъ въ исторіи рус. театра.

Денисъ Ивановичъ фонъ-Визинъ. Фонъ-Визинъ (род. 1744) получилъ образованіе въ москов. гимназіи и университетѣ (при Елисаветѣ), и былъ въ числѣ первыхъ его учениковъ; но по отзывамъ его, преподаваніе въ гимназіи шло крайне плохо; о склоненіяхъ и спряженіяхъ ученики отвѣчали

Леграна, „Притворная Агнеса", Детуша, „[illegible]", Праз. Гольберга (перев. Карпова), „Лондонскій купецъ", Барнвеля (его же), „Молодой ученый" Лессинга (его же), Плутусъ Гольберга (его же). „Присоединенный музыкантъ", Го[illegible]га (его же), „Ошибка" Клейста, „Сребролюбивый отецъ", Дидро, и др.

Директорами всѣхъ театровъ были: бар. Сиверсъ, а съ 1768 И. П. Елагинъ.

1. О тогдашнемъ театрѣ см. также: Арапова, Лѣтопись рус. театра, Спб. 1861; Драматическій Словарь, Новикова, 1787 (второе точное изданіе Спб. 1881 г.).

на экзаменахъ по пуговицамъ, указываемымъ учителемъ. и даже получившiе медали не знали, куда течетъ Волга), причиною чего были отчасти лѣность учениковъ, но еще болѣе нерадѣнiе и пьянство учителей[1] (?); однако онъ же говоритъ, что въ слѣдующiй перiодъ состоянiе университетскаго училища значительно улучшилось. Удостоенный медали, онъ былъ награжденъ вмѣсто нея офицерскимъ чиномъ. Тѣмъ не менѣе Ф. Визинъ считалъ себя обязаннымъ въ своемъ образованiи Университету. Здѣсь онъ хорошо выучился по-латыни и нѣмец. языку, а болѣе всего онъ получилъ тутъ, по его собственнымъ словамъ, вкусъ къ словесности. Въ 1760хъ годахъ при университетѣ издавалось нѣсколько журналовъ по разнымъ наукамъ, въ которыхъ принималъ участiе Д. фонъ-Визинъ и его братъ. („Полезное Увеселенiе" Хераскова, 1760-62; и Собранiе лучшихъ сочин." Рейхеля, „Доброе намѣренiе" 1764 г.). Въ 1761 г. былъ напечатанъ его переводъ басенъ Голберга; затѣмъ появилось: „Жизнь Сиѳа, царя египетскаго", Террасона, „Превращенiя" Овидiя, „Посланiе къ слугамъ моимъ"; переводъ соч. Кларка: „Доказательства бытiя Божiя" и др. Еще въ 1762 г. Ф. Визинъ зачисленъ былъ переводчикомъ въ иностранную коллегiю, гдѣ успѣлъ обратить на себя вниманiе канцлера Воронцова, доставившаго ему возможность побывать за границею, а потомъ онъ служилъ при статсъ-секретарѣ Елагинѣ, ведя борьбу съ своимъ литературнымъ противникомъ и сослуживцемъ Лукинымъ. Въ 1770 г. онъ поступилъ

---

1. Примѣры тогдашней педагогической дѣятельности въ этомъ отношенiи см. въ статьѣ Шугурова: „Ученiе и ученики въ XVIII в." Рус. Арх. 1866 304–324.

секретаремъ къ Панину, у котораго пользовался вліяніемъ надѣла (къ нему обращаются за содѣйствіемъ такія лица, какъ Бибиковъ, Сальдернъ, Штакельбергъ, кн. Н. В. Репнинъ, гр. И. А. Остерманъ, Обрѣзковъ, Мусинъ-Пушкинъ и др. Полное соб. сочин. кн. П. А. Вяземскаго, т. V, Фонъ-Визинъ Спб. 1880 г., стр. 43). Свою жизнь онъ изобразилъ въ извѣстномъ „Признаніи", нѣчто въ родѣ исповѣди Руссо. Намъ предстоитъ еще коснуться его литературной дѣятельности въ слѣдующемъ періодѣ. Его первое произведеніе „Бригадиръ" выражало тоже недовольство внѣшнимъ европеизмомъ, на который намъ приходилось указывать выше. Типы, выведенные въ немъ, могутъ быть раздѣлены на добронравныхъ и злонравныхъ, а благонравіе составляетъ главную цѣль воспитанія, по мнѣнію автора. Самыя имена дѣйствующихъ лицъ (Добролюбовъ, Правдинъ и т. п.) указывали задачу произведенія. Но главный интересъ пьесы сосредоточивался, конечно, на современныхъ явленіяхъ. „Иванушка", - баловень глупой матери, представляетъ отрицательный типъ современнаго воспитанія. Воспитанный въ пансіонѣ, содержимомъ франц. кучеромъ, а потомъ въ Парижѣ, Иванушка влюбляется въ совѣтницу, находя единственный недостатокъ въ ней - это то, что она русская. Послѣдняя же выражаетъ претензіи новыхъ женщинъ: кокетство, страсть къ модамъ и легкость во взглядахъ на супружескія обязанности. Совѣтникъ - современный судья подьячій, набившійся взятками, противъ которыхъ такъ громко ратовали первые указы Екатерины II. Впрочемъ современные подьячіе и взятокъ не брали, и дѣла не дѣлали, и вообще не знали даже грамматики. Такимъ образомъ содержаніе

комедіи вовсе не соотвѣтствовало своему заглавію; пьеса часто переходитъ въ каррикатуру, но она « не признакъ безвкусія, а выраженіе ума оригинальнаго », замѣчаетъ Вяземскій. На сценѣ бригадирши Панинъ (Н.И.) выражался: « она весьма родня, никто не можетъ сказать, чтобы не имѣлъ у себя подобной или бабушки, или тетушки, или какой-нибудь свойственницы ». И онъ же назвалъ эту комедію – первою въ русскихъ нравахъ. Въ свое время она имѣла громадный успѣхъ на сценѣ, чѣмъ и объясняется тотъ поворотъ въ области русскаго драматическаго искусства, съ которымъ связывается это произведеніе (Галаховъ, 411-414; Драматич. словарь 1787 г. стр. 28.).

Театральная публика. Современные журналы и писатели сохранили намъ нѣсколько интересныхъ подробностей о театральныхъ нравахъ того времени. Въ сатирическомъ журналѣ 1769 г. – « Всякая Всячина » – читаемъ: « Наши дворяне и большая часть молодыхъ людей утверждаютъ обыкновенно, что они большіе охотники до театральныхъ представленій и почитаютъ себя знатоками въ этомъ дѣлѣ. Едва услышатъ они о новой драмѣ, тотчасъ толпами собираются въ театръ и съ нетерпѣливостью дожидаются примѣчать больше дѣйствующія лица, нежели характеры, или представляемые. Они больше берутъ участіе въ небольшихъ спорахъ и несогласіяхъ актеровъ, нежели въ судьбѣ тѣхъ славныхъ героевъ и героинь, въ видѣ коихъ они намъ являются. Какъ Дмитревскій, Ле-Сажъ, или г. Троепольская, Мартыньша и пр. одѣты были, ихъ голоса, движенія, осанка – составляютъ предметъ многочисленныхъ разговоровъ ». Имена франц. актеровъ и русскихъ сценическихъ

В. Иконниковъ

талантахъ, казалось самымъ авторитетнымъ подтвержденіемъ достоинствъ этихъ послѣднихъ. Другіе никакъ не могли отдѣлаться отъ общей болѣзни вѣка: «Жаль, что они не французы, говорили эти; или бы можно почесть совершенными и рѣдкими въ своемъ искусствѣ». Публика не всегда держала себя въ театрѣ благопристойно. Въ другомъ сатирическомъ журналѣ: «Вечера» (1770-71 гг.) одна дама считала необходимымъ напомнить, что «благоразумное воспитаніе учитъ въ собраніяхъ, гдѣ чего бы то ни было и какое-либо общество собралось слушать, если самъ слушать не хочешь, то другимъ не мѣшать». На представленіи «Беверлея», пишетъ она, истинно съ крайнею прискорбностію слышала, во первыхъ, что не умолкали говорить; многія дамы для прохлажденія медку изъ караульни посылали просить, другія кушали, наконецъ въ театрѣ хохотали, на что, конечно, другой причины тѣмъ забавнымъ людямъ не было, какъ только названіе комедіи. Молчаніе и тишина не прежде возстановились, когда въ самомъ дѣлѣ только глазами, а не слухомъ вниманіе имѣть должно, т.е. въ балетѣ. Размышляя о семъ, мнѣ пришла на умъ и та непріятная мысль, что намъ передъ чужестранными и тѣмъ извиниться не можно, что парадисъ, или, въ другихъ мѣстахъ, партеръ, всякого состоянія людьми въ большихъ позорищахъ наполняется, потому что въ императорскій театръ, кромѣ благородныхъ, положено не впускать, почему титулованныя особы суть одни въ немъ зрители». Особенно безцеремонно вела себя театральная публика въ Москвѣ. Вотъ что говоритъ по этому поводу Сумароковъ въ своемъ предисловіи къ «Димитрію Самозванцу» (1771 г.): «Неприлично

собравшихся видѣть «Семиру», сидѣть возлѣ самаго оркестра и грызть орѣхи, и думать, что когда за входъ заплочены деньги въ позорище, можно въ партерѣ въ кулачки биться, а въ ложахъ разсказывать исторiи своей недѣли громогласно и грызть орѣхи... Многiе въ Москвѣ зрители и зрительницы не для того на позорище ѣздятъ, дабы имъ слышать ненужныя имъ газеты, а грызенiе орѣховъ не приноситъ удовольствiя ни зрителямъ разумнымъ, ни актерамъ, ни трудившимся во удовольствiе публики авторамъ: его служба награжденiя, а не наказанiя достойна. Вы, путешествователи, бывавшiе въ Парижѣ и Лондонѣ, скажите, грызутъ ли тамъ во время представленiя драмы орѣхи, и когда представленiе въ пущемъ жарѣ своемъ, стукомъ ли поссорившихся между собою пьяныхъ кучеровъ, но тревогѣ партера, ложъ и театра?»

Недовольство Сумарокова вполнѣ подтверждается объявленiемъ антрепренеровъ Московскаго театра Бельмонти и Чинти, по поводу представленiя «Семиры». Не смотря на неразвитость еще въ то время литературныхъ интересовъ, русская сцена скоро сдѣлалась ареною для борьбы литературныхъ самолюбiй, въ которой дѣятельное участiе принимала и публика. Такъ, по поводу представленiя на петербургской сценѣ, 19 Января 1765 г., комедiи Лукина «Мотъ любовью исправленный», авторъ ея замѣчаетъ: «Любопытство и склонность къ новизнамъ влекли многихъ зрителей ее видѣть, а нѣкоторая часть ихъ, льстился увидѣть мое паденiе. Не слыхалъ я всѣхъ разсужденiй, въ партерѣ дѣланныхъ; но онъ причины моихъ свѣдалъ, каковыя странны были. Большая часть противниковъ моихъ до начатiя кричали, что не

-моего пера плоды, а коли моего, такъ, конечно, кѣмъ-нибудь исправленные. Началась комедія. Первое дѣйствіе до конца прошумѣли, прокашляли, просморкали и табакъ пронюхали, два главные русскаго языка ненавистники — Пустобрюховъ и Чушелвановъ, разносили по партеру прошлогодніе отголоски, сказывая зрителямъ, что весьма ихъ читать, нельзя представленный вздоръ слушать. Второе дѣйствіе побудило зрителей ко вниманію, а въ послѣдующихъ была тишина, рѣдко случающаяся. Словомъ, въ противоположность желаніямъ моихъ ненавистниковъ, комедія большій успѣхъ имѣла, нежели я уповать могъ. И Лукинъ вывелъ на сцену подобныхъ агитаторовъ въ одной изъ своихъ пьесъ.

Въ 1769 г. Бельмонти и Чинти получили пятилѣтнюю привилегію на содержаніе въ Москвѣ русскаго театра, при чемъ Сумароковъ заключилъ съ ними условіе, что безъ его согласія они не будутъ давать его пьесъ въ театрѣ, такъ какъ онъ желалъ, чтобы его произведенія появлялись на сценѣ только тогда, когда онъ убѣдится, что они хорошо разучены актерами. Въ 1770 г. Сумарокова упросили разрѣшить поставить на московской сценѣ „Синава". Онъ далъ свое согласіе, но потомъ раздумалъ, по причинѣ неудачныхъ репетицій. Это такъ раздосадовало московск. главнокомандующ. гр. П. С. Салтыкова, что онъ въ гнѣвѣ бросился изъ-за кулисъ на сцену къ Бельмонти во время представленія. Его неожиданное появленіе здѣсь вмѣстѣ съ одною изъ актрисъ потѣшило публику. Послѣ этого онъ велѣлъ сыграть пьесу въ другой день. Сумароковъ отъ волненія заболѣлъ и не показался въ театрѣ; актеры исполнили свои роли весьма дурно, а публика шумѣла, щелкала и свистала. По поводу этого печальнаго случая Сумароковъ написалъ свою знаменитую элегію,

съ которой излилъ всю свою досаду на противниковъ его пьесъ[?] и съ которой онъ обращается за утѣшеніемъ къ Елисавѣтѣ, Екатеринѣ и Вольтеру (Д. Дмитріевъ, Рус. театр. публика во времена Сумарокова. Древн. и Нов. Рос. 1875, № 3, стр. 312-316).
Екатерина сама прочитывала пьесы Сумарокова, назначенныя для представленія въ театрѣ, и по поводу послѣдней исторіи у нея возникла даже переписка съ нимъ. Сумароковъ жаловался на самоуправство Бельмонти и Салтыкова, но Екатерина отвѣчала: « Фельдмаршалъ желалъ видѣть трагедію вашу, сіе вамъ дѣлаетъ честь. Пристойно было въ томъ удовольствовать перваго на Москвѣ начальника. Если же гр. Салтыковъ заблагоразсудилъ приказать играть, то уже надлежало безъ оговорокъ исполнить его волю. Вы больше другихъ, чаю, знаете сколь много почтенія достойны заслуженные, славою и сѣдиною покрытые мужья и для того совѣтую вамъ впредь не входить въ подобные споры, черезъ что сохраните спокойствіе духа для сочиненія и мнѣ всегда пріятнѣе будетъ видѣть представленія страстей въ вашихъ драмахъ, нежели читать ихъ въ письмахъ. На отвѣтъ же Сумаркову, она сказала: « Напишите ему, что письма его много получены, что я на нихъ отвѣтствовать не буду, для того, чтобы коньи[?] съ оныхъ писемъ ему не наносили снова досады и что впрочем желаю ему здравствовать и не лишиться жизни, зі[?], лѣта[?] и ума, какъ онъ то пишетъ ко мнѣ. »
Бельмонти и Чинти получили право давать всякія пьесы, на какомъ языкѣ пожелаютъ съ соблюденіемъ только строгой благопристойности и съ тѣмъ, чтобы новыя пьесы были напередъ просмотрѣны цензурою. (Сборн. русск. истор. общ. XIII, 13-18).

<u>Нравы общества</u>. Нравы современнаго общества представляли благодатный материалъ для сатиры, и для комедіи, которая достигаетъ при Екатеринѣ II вполнѣ національнаго характера и глубины воззрѣній. Сатирическихъ журналовъ и вообще этого направленія намъ придется коснуться въ изложеніи слѣдующаго періода (1769-74), какъ болѣе богатаго этого рода произведеніями.

Не смотря на Академію Наукъ, университетъ, гимназіи, кадетскіе корпуса и т. п. учрежденія, дворянство далеко еще не было грамотнымъ. Яснымъ доказательствомъ тому служатъ наказы дворянскихъ депутатовъ комиссіи Уложенія. Почти въ каждомъ изъ нихъ встрѣчается нѣсколько <u>неграмотныхъ дворянъ</u> въ офицерскихъ чинахъ, не говоря о вахмистрахъ и солдатахъ. Въ нѣкоторыхъ наказахъ число неграмотныхъ подписей не ограничивается цифрою 8, 9, 10, а достигаетъ 20 на 49 (въ наказѣ михайловскихъ дворянъ). Гораздо болѣе образовательный элементъ замѣчается въ малороссійскомъ дворянствѣ (Р. Слабашинскій, 178-79), отчасти подъ вліяніемъ Польши и болѣе близкаго вліянія Западной Европы. За то тѣмъ шире прививалась внѣшняя цивилизація и подражательность, свойственная младенческимъ культурамъ. Интересный матеріалъ въ этомъ родѣ представляютъ мемуары извѣстнаго авантюриста <u>Казановы</u>, пребываніе котораго въ Россіи относится къ 1765-66 г. (Брюс. 6 т. 1826-28, Рус. Стар. 1874, IX, 533-61). «При поѣздкѣ изъ Россіи въ Петербургъ, говоритъ онъ; я позволилъ стать сзади моей кареты бѣдному французу-лакею, который за это служилъ мнѣ безплатно. Спустя три мѣсяца послѣ того, я былъ не мало удивленъ, увидѣвъ его возлѣ себя за столомъ, у гр. Чернышева,

въ качествѣ гувернера при немъ его. Въ домахъ знатныхъ лицъ все было поставлено на французскій ладъ, столъ, напитки, удовольствія. Игра <u>въ фараонъ</u>[1] была въ большомъ ходу, причемъ проигрывали безъ сожалѣнія и выигрывали безъ хвастовства. Сразу проигрывали по 10,000 р. и больше, но уплата долговъ не считалась еще обязательною. Зиновьевъ въ своихъ письмахъ гр. С. Р. Воронцову говоритъ: «Въ послѣдніе шесть мѣсяцевъ (т.е. при Петрѣ <u>III</u>) положить пришло зубы на полку, если бы я не игралъ очень счастливо и не выигралъ около 8,000 р., чему весь дворъ свидѣтель». (Рус. Стар. XI, 485). Державинъ поправилъ свои обстоятельства благодаря неожиданному выигрышу 40,000 р. — (см. Записки). Екатерина воспретила большія, азартныя игры (П.С.З. 11,677) и карточную игру бассетъ (12,263), увеличила пошлину на привозныя карты (12,530); наконецъ повторила законъ объ уничтоженіи карточныхъ долговъ и запретила неотдѣленнымъ дѣтямъ, при живомъ отцѣ, отрицать въ долгъ, 12,593).[2] Казанова замѣчаетъ, что французскія книги въ большомъ почетѣ у русскихъ, особенно сочиненія Воль-

---

1. Такъ названа потому, что на одной изъ картъ было изображеніе фараона. О <u>крибедж</u> и др. карточныхъ играхъ того времени см. «Два эпизода изъ царств-ія Екатерины II» Рус. Вѣст. 1870, №9 и 10.

2. Въ 1763 г. Екатерина писала гр. Салтыкову: «До меня доходятъ непріятные изъ Москвы слухи о начавшейся по отъѣздѣ моемъ разорительной карточной игрѣ. Вы сами знаете, что такія неумѣренныя игранія къ чему болѣе не служатъ, какъ только къ дѣйствительному разоренію старинныхъ дворянскихъ фамилій и къ обогащенію деревнями фабрикантовъ». Афанасьевъ, Русскіе сатирическіе журналы 217.

ра, которыя для московита представляютъ всю французскую литературу. Великій писатель посвятилъ Импер-цѣ свою „философію исторіи", о которой онъ самъ отзывался, какъ о сочиненіи нарочно написанномъ для Екатерины. „Мѣсяцъ спустя послѣ выхода 3,000 экземпляровъ этого сочиненія, оно было публиковано въ Россіи и раскуплено на расхватъ въ одну недѣлю. Каждый русскій, читавшій по-французски, носилъ ее въ своемъ карманѣ, словно молитвенникъ или катехизисъ. Особы высшаго круга только и бредили Вольтеромъ и творились его именемъ. Прочитавъ его, они считали себя обладателями историческихъ знаній, вовсе не думая изучать тѣхъ источниковъ, которыми онъ пользовался".

Роскошь увлекала къ полному разоренію. Тотъ же Казанова свидѣтельствуетъ, что въ Москвѣ всѣ болѣе или менѣе извѣстные дома жили открыто и ничего не стоило проникнуть въ нихъ. То же самое говоритъ Белькуръ въ своихъ записках (Древ. и Нов. Рос. 1875, № 11). Этотъ французъ конфедератъ, тотчасъ по прибытіи изъ Сибири въ Москву (1774), представился главнокомандующему столицею, кн. Волконскому, который далъ ему квартиру въ домѣ кн. Одоевскаго и приказалъ доставлять ему и его спутникамъ все необходимое. Белькура онъ пригласилъ къ своему столу на все время пребыванія его въ Москвѣ, „и я, прибавляетъ авторъ воспоминаній, тѣмъ съ большимъ удовольствіемъ принялъ это приглашеніе, что столъ у него былъ хорошій и особенно отличался прекрасными винами всякаго рода, и что домъ его вообще былъ гостепріимнымъ". Русскій офицеръ Васильевъ также хвалитъ гостепріимство Волконскаго (Зап. Васильева въ Румянц. муз. № 280). Въ противоположность

этому стоитъ припомнить отзывъ Фонъ-Визина въ его письмахъ изъ заграницы о томъ, какъ «скаредно» принимали его даже богатые люди въ Италіи и Франціи. Въ то время какъ Бельбкура такъ ласкали русскіе (гр. З. Гр. Чернышевъ предложилъ даже ему вступить въ русскую службу), французскій повѣренный въ дѣлахъ (Дюранъ) отказалъ ему въ денежномъ пособіи для возвращенія во Францію. „Иностранныя книги, иностранные ученые“ были уже фирмою для достиженія цѣли въ Россіи и сама Екатерина не была чужда этого увлеченія. Такъ, приглашеніе извѣстнаго экономиста де-ла-Ривьера окончилось, какъ мы видѣли, самымъ комическимъ образомъ (Сборн. X, 240-42).

<u>Воспитаніе</u>. Еще въ 1757 г. Мессельеръ, состоявшій въ свитѣ франц. посольства въ Петербургъ, самымъ безцеремоннымъ образомъ отзывался о французскихъ учителяхъ и воспитателяхъ, находившихся въ Россіи. Это были большею частью лакеи, спасавшіеся отъ преслѣдованія закона, банкруты, развратники и даже женщины дурного поведенія, побывавшія въ переплетѣ у парижской полиціи (Рус. Арх. 1874, I, 973). Понятно, какое воспитательное вліяніе могли имѣть подобные лица. Бельбкуръ также не хвалитъ этотъ разрядъ людей. «Дворянинъ, который желаетъ быть свѣтскимъ человѣкомъ, говоритъ онъ, долженъ имѣть санки, собаку, скорохода, много прислуги (дурно одѣтой) и француза-учителя. Большее число такихъ учителей не приличнѣе очень ничтожнымъ размѣромъ ихъ вознагражденія. Но, къ сожалѣнію, въ выборѣ этихъ людей мало обращаютъ вниманія на достоинства. Хотятъ имѣть француза и берутъ того, какой случится. Зато вслѣдствіе дурного выбора учителей и жалованія, которое не поощряетъ ихъ къ усердію въ этомъ званіи, гораздо меньше

уважаемомъ, чѣмъ бы слѣдовало, попадаются люди съ понятія-ми и манерами нашихъ парикмахеровъ и лакеевъ".

Вотъ отзывъ того же Белькура о русскихъ женщинахъ: «Дамы русскія, побывавшія въ Парижѣ, по большей части усвоили себѣ дурной тонъ нашихъ францyз. модницъ и привезли его съ собою въ Россію. Хорошаго же тона онѣ не пріобрѣли и весьма далеки отъ этой цѣли, какъ въ отношеніи пріятности разговора и ума, такъ и въ отношеніи порядочности въ обра-щеніи и въ туалетѣ. Другія дамы, не бывавшія за границей, хотятъ подражать тѣмъ, которыя подышали воздухомъ Франціи; но имъ удается усвоить только дурное. Какъ ни стараются онѣ хорошо одѣваться, у нихъ все выходитъ не складно. Три-четыре косынки, одѣтыя безъ вкуса, дѣ-лаютъ ихъ похожими на кормилицъ, нарядившихся въ дѣт-скія пеленки. А тѣ, что открываютъ грудь, переходятъ предѣлы приличія... Здѣсь открыто говорятъ, что такой-то господинъ живетъ въ связи съ такой-то дамой... Къ тому же онѣ любятъ вино и крѣпкіе напитки... Какъ мужчины, такъ и дамы очень жестоки со своими раба-ми. Послѣдніе, не рѣшаясь мстить силою, нерѣдко прибѣ-гаютъ къ отравѣ".

<u>Долги</u>. Екатерина жаловалась на массу должниковъ, на-ходившихся въ тюрьмахъ, въ которыхъ не хватало уже мѣстъ (VII, 237). Долги гр. Андр. П. Шувалова побудили отобрать всѣ его заводы въ казну, причемъ одинъ его долгъ мѣдному банку равнялся 300,000 р. (ib. 326). Извѣстный Глѣбовъ въ нѣсколько лѣтъ успѣлъ нажить 225,000 р. долга, причемъ содержаніе его пасынка обошлось ему въ 20,000 р. (VII, 347). Не смотря на банкротства и взысканія по бан-

ковымъ домамъ, Екатерина разрѣшила однако выдать старшему Разумовскому 80,000 р. безъ процентовъ (ib. 229); Волковъ состоялъ должнымъ банку 15,000 р. (ib. 485). Знатные дворяне, живши за границей, впадали въ неоплатные долги, такъ что правительство вынуждено было принимать противъ нихъ особенныя мѣры. Между тѣмъ, когда Екатерина оказала пособіе гр. С. Салтыкову въ 20,000 р., то онъ вовсе не расплатился со своими кредиторами, а заложилъ еще екатерининскій крестъ (ib. 355). Репнинъ и Нарышкинъ, служившіе въ придворномъ штатѣ, надоѣдали Екатеринѣ о помощи и забирали впередъ слѣдуемое имъ содержаніе. По этому поводу она сама высказалась противъ „раструдненныхъ дворянчиковъ", которые втираются въ придворное вѣдомство, а ничего не смыслятъ, кромѣ „петиметрства" (ib 404). Отсюда неизбѣжно происходили громадные росты, противъ которыхъ Екатерина вынуждена была прибѣгнуть къ особому указу (ib. 351-52). Даже извѣстный своею честностію кн. Шаховской, не брезгалъ отдавать деньги въ ростъ (Рус. Стар. 1880 г. т. XXIX, Очеркъ цар. Елисав., Шефферa). Въ Петербургѣ для мало-мальски порядочнаго человѣка не мыслимо было не имѣть кареты, между тѣмъ какъ въ Берлинѣ можно было обходиться безъ нея, и жизнь здѣсь была дешевле, чѣмъ въ Петербургѣ (Біогр. Эпинуса у Пекарскаго, ср. Біогр. Ф. Шенина, Алянскаго, 40). При Елисаветѣ гофмаршалъ Нарышкинъ имѣлъ карету, которая вся, не исключая и колесъ, была выложена зеркальными стеклами; а весь кафтанъ его былъ вышитъ серебромъ (Порошинъ, 24). Екатерина воспретила парчевыя платья, помѣшала поощрить на заграничныя

кареты и уничтожила дорогие маскарады и ужины (ib. 53). При дворѣ было обнаружено расхищеніе драгоцѣнныхъ вещей (Сборн. X, 25-26). Екатерина II была вынуждена принять мѣры относительно имѣній гр. Ягужинскаго, приведеннаго въ полное разстройство (ib. 96). Нерѣдко возникаютъ процессы по семейнымъ преступленіямъ, какъ братоубійства и мужеубійства (ib. 97, 98), или обнаруживаются непривлекательные поступки въ средѣ извѣстныхъ фамилій, каковы дѣла Александра Грузинскаго, сына Б. Ромина, Андрея, сына Сумарокова и т. п., рельефно обрисовывающія семейные нравы высшей среды того времени (Сумарок. 251 Сборн. X, 59-61, 88, 70-71).

Придворныя увеселенія. Въ это время въ Парижѣ вставали еще рано, обѣдали часа въ два, а въ восемь ужинали (Рус. Арх. 1878, II, 464). Екатерина вела спокойный образъ жизни (см. выше, стр. 218-219). Даже большіе придворные балы начинались тогда часу въ седьмомъ и кончались въ девятомъ. Иногда импер-ца танцовала первый менуэтъ съ вел. княземъ, но обыкновенно онъ открывалъ балъ польскимъ съ одной изъ старѣйшихъ придворныхъ дам. Во время баловъ императрица играла въ пикетъ или въ ломберъ. Вел. князь танцовалъ иногда въ балетахъ на придворномъ театрѣ. Театръ начинался около 6-ти часовъ и кончался въ девятомъ или восьмомъ. Въ тѣ дни, когда не было театральныхъ представленій при дворѣ, бывали концерты, но оркестръ въ это время былъ въ худомъ состояніи. Въ числѣ увеселеній импер-цы была также охота. Она ѣздила на царскосельскую дорогу и въ Петергофъ стрѣлять дичь (Порошинъ и Сборн. Рус. Ист. Общ. XIII, 312).

На придворных маскарадах мужчины иногда наряжались въ женское, а женщины въ мужское платье. Въ первых годах царствованія Екатерины происходили турниры на Царицыномъ лугу. игры, для чего устраивалось особенное мѣсто съ амфитеатромъ, какъ будто бы императрица воскрешала передъ дворянствомъ времена рыцарства. Самая пышная карусель была дана въ Петербургѣ въ 1766 г. Богатыя одежды, доспѣхи, панцыри, драгоцѣнные камни, красота женщинъ представляли необычайное до того времени зрѣлище. Участвовавшіе въ немъ, были въ костюмахъ разныхъ народовъ и раздѣлялись на четыре кадрили: славянскую, индійскую, римскую и турецкую, надъ которыми начальствовали приближенные импер—цы. Всѣмъ торжествомъ завѣдывалъ церемоніймейстеръ, одѣтый во франц. платье. Участвовавшіе въ турнирахъ, выказывали свою ловкость на лошадяхъ, отрубая головы кукламъ, изображавшимъ мавровъ, и пронзая копьями тигровъ и кабановъ, сдѣланныхъ изъ картона. Среди карусельнаго мѣста возвышалась трибуна, (въ которой присутствовалъ главный судья (фельдмарш. Минихъ); кромѣ того было еще 12 судей, записывавшихъ число выигранныхъ призовъ. Въ турнирѣ могли принимать участіе только дворяне. Въ особой залѣ дворца было назначено совѣщаніе судей для присужденія призовъ, послѣ чего гр. Минихъ обратился съ рѣчью къ дамамъ и кавалерамъ. Первый призъ былъ присужденъ гр. Бутурлиной и гр. Н. П. Чернышевой (бриліантовыя серьги), которыя уже раздавали призы другимъ. Послѣ раздачи наградъ былъ придворный большой ужинъ для участниковъ въ карусели. Изъ вельможъ въ это время отличались

большимъ гостепріимствомъ и блистательною обстановкою своего дома гр. П. Б. Шереметевъ. У него бывали домашніе спектакли, въ которыхъ участвовалъ вел. князь и др. придворныя лица. Однажды была поставлена здѣсь францу.з. комедія Ла-Гранжа contretems (препятствіе). Импер-ца не разъ посѣщала домъ Шереметева (Вейдемейеръ, Дворъ и замѣч. люди въ Рос. во второй полов. XVIII ст. I, 47-61).

<u>Черты грубости</u>. Вліяніе роскоши; вызванное отчасти подражаніемъ, отчасти новыми общественными условіями, а съ другой стороны грубость нравовъ вели за собою неправильныя отношенія между дворянами и крестьянами: въ такомъ духѣ былъ составленъ подложный указъ (1763), обличавшій помѣщиковъ въ притѣсненіяхъ крестьянъ, на который обратила вниманіе Екатерина (ib. VII, 321-22). Случаи убійствъ помѣщиковъ крестьянами, какъ мы видѣли, были не рѣдки. Въ 1763 г. Екатерина заявила Смоленскому генералъ-губернатору, что въ его губерніи было раскрадено до 40,000 душъ (ib. 305). Жизнь не по средствамъ и страсть къ роскоши заставляли помѣщиковъ прибѣгать къ вымогательствамъ съ крестьянъ; а между тѣмъ городская и столичная жизнь все болѣе отвлекала помѣщиковъ изъ деревень; въ это время большая часть ихъ имѣній находилась подъ управленіемъ приказчиковъ, или была обложена значительнымъ оброкомъ. Если во времена Анны Ив. (какъ видно изъ запис. Данилова), были помѣщицы, заставлявшія въ своемъ присутствіи совершать экзекуціи за плохо сваренныя щи и т. п., то нисколько не удивитъ насъ, что тамъ, гдѣ нравы не отличились даже внѣшнимъ „европеизмомъ" — подобныя явленія

продолжаютъ существовать, и замѣчательно, что они съ особенною жестокостью обнаруживаются въ средѣ женщинъ. Въ 1768 г. вдова тайнаго совѣтника Марья Ефремова, за убійство своей крѣпостной, была предана церковному покаянію (Солов. XVII, 154). Въ настоящій періодъ вполнѣ были раскрыты злоупотребленія помѣщичьей власти жены ротмистра конной гвардіи, извѣстной Салтычихи (Даріи Салтыковой), владѣтельницы болѣе 600 д. крестьянъ въ различныхъ губ., незнавшей впрочемъ даже грамоты. Жертвою ея сдѣлалось (съ 1756 г.) множество крестьянъ и дворовыхъ, преимущественно женщинъ, безъ различія возраста. Раскаленныя щипцы, утюги, горячая вода, жестокіе побои, кнутъ и т. п. орудія были употреблены ею въ дѣло, чтобы истязать свои жертвы, вся вина которыхъ состояла въ дурномъ мытьѣ половъ и платья. Священникъ, хоронившій эти жертвы, дворецкій, кучеръ и нѣсколько дворовыхъ, исполнявшихъ ея приказанія, скрывали эти факты, боясь доносить на нее. Полицію и чиновниковъ она задаривала взятками, и потому открыто говорила, что не боится никакихъ доносовъ. Двадцать одинъ разъ начиналось дѣло о ней и ничѣмъ не оканчивалось, пока двумъ крестьянамъ не удалось подать челобитную прямо Императрицѣ. Впрочемъ и послѣ этого дѣло тянулось еще 6 лѣтъ. Слѣдствіе противъ нея началось въ 1762 г. и продолжалось по 1768 г. Неистовства ея были такъ велики, что о ней составилась молва, что она была людоѣдкою. Замѣчательно, что при дознаніи ея запрещено было производить пытку, но для страха при ней пытали одного изъ преступниковъ. Люди

Салтыковой обвиняли ее въ убійствѣ 75 человѣкъ; юстицъ-коллегія, по разсмотрѣніи дѣла, обвинила ее въ убійствѣ 38 чел. и оставила въ подозрѣніи относительно убійства 26 человѣкъ. Она была лишена дворянства и фамиліи, выведена на позорный эшафотъ и заключена въ подземелье Ивановскаго монастыря въ Москвѣ, гдѣ и содержалась по 1779 г., а въ этомъ году переведена въ каменную пристройку при церкви, съ окномъ. Въ этомъ помѣщеніи она умерла въ 1801 г. (Рус. Арх. 1865 г., 641-51. 186., IV. Чт. Москов. общ. ист. 1872, I. Рус. Стар. 1874 г., т. X. Сборн. X, 311-12. П. С. З. 13, 211).(1) Встрѣчаются факты, что даже помѣщики, владѣвшіе до 400 душъ крестьянъ, попадались въ разбоѣ (Порошинъ). Подобные факты не были единичными и, быть можетъ, такія явленія вызвали со стороны Екатерины II желаніе улучшить положеніе крестьянъ, которое замѣчается и въ Наказѣ, и въ комиссіи Уложенія, и въ первыхъ дѣйствіяхъ Вольн. Экон. Общества.

Какъ совмѣщались самыя противоположныя явленія въ обществѣ, съ одной стороны живущемъ еще старинными преданіями и патріархальными нравами, а съ другой — стремившимся усвоить новыя формы быта, мы видимъ на такомъ примѣрѣ, какой пред-

---

1. На полѣ подлиннаго указа, рукою императрицы противъ слова: „она" вездѣ поставлено „онъ": Екатерина хотѣла выразить этимъ, что Салтыкова не достойна называться женщиной. А сообщники ея, священникъ и дворовые люди, были наказаны кнутомъ, лишены ноздрей и сосланы въ Нерчинскъ въ вѣчную работу. Рус. Арх. 1865, 649. Чиновники остались нетронутыми, очистившись присягою.

ставленная намъ въ запискахъ Добрынина, въ лицѣ епископа Кир. Флоринскаго. Онъ былъ ученикъ кіевской Академіи, потомъ состоялъ іеромонахомъ при русскомъ посольствѣ въ Парижѣ, гдѣ подчинился вліянію французскихъ обычаевъ. Сдѣлавшись епископомъ, онъ и въ своей епархіи требовалъ, чтобы штатъ его носилъ пукли и употреблялъ пудру, но это нисколько не мѣшало ему раздавать во время богослуженія пинки и кулаки или подрывать бороды служащимъ съ нимъ и громогласно произносить въ церкви ругательства (Рус. Стар. III, 140 и д.). Впослѣдствіи онъ не избѣгалъ процесса и суда, будучи обвиненъ въ злоупотребленіи властью и даже святотатствѣ (Рус. Стар. XV, 454-675). Тѣмъ не менѣе все это не мѣшало ему относиться самымъ строгимъ образомъ къ духовенству; бравшаго плату за все и ратовать противъ суевѣрій, орудіями которыхъ часто служили сами священники, допускавшіе совершать суевѣрныя очищенія посредствомъ святой воды и образовъ (ib. XVI, 709-12). Такія распоряженія, при большемъ нравственномъ авторитетѣ, могли бы имѣть мѣсто въ обществѣ, гдѣ рядомъ съ полнымъ религіознымъ отрицаніемъ мирно уживалась самая грубая вѣра въ оборотней (ib. VII, 725).

Суевѣрія. Въ то же время въ сенатѣ разсматривалось дѣло о колдовствѣ, состоявшемъ будто бы въ пусканіи червей по вѣтру., отчего приключалась смерть и сенатъ сдѣлалъ свое постановленіе. Но Екатерина по этому поводу написала: „Куда какъ я любопытна была бы видѣть вашихъ колдуновъ! Ну какъ этому статься. И подобнымъ баснямъ въ сенатѣ вѣрятъ и потомъ осуждаютъ! Виноваты они въ томъ, что онъ Бога отреклись, а что чорта видѣли,

В. Иконниковъ

то всклепали на себя и изъ того видно, что сами не знаютъ, что про себя говорятъ. Мое мнѣніе есть, чтобы сихъ людей привести сюда, чтобъ съ ними можно было толковѣе говорить." (Рус. Арх. 1865, 629-30).

Въ 1766 г. было положено для кликушъ наказаніе плетьми (П. С. З. 12, 568). Не слѣдуетъ впрочемъ забывать, что въ то же самое время въ великую пятницу въ Парижѣ народъ собирался смотрѣть, какъ распинали начальницу конвульзіонерокъ, сестру Франциску; одни вполнѣ вѣрили въ дѣйствительность этого явленія, другіе считали его фокусничествомъ. Въ Польшѣ, въ то же время сожигали вѣдьмъ даже при Ст. Понятовскомъ (Зап. Михайловскаго Древ. Рос. 1880, 561-62). Въ Германіи послѣдняя вѣдьма была сожжена въ Вюрцбургѣ въ 1749 г. — Это была 70-лѣтняя монахиня; а въ Швейцаріи въ 1782 г. Въ Польшѣ и Венгріи процессы вѣдьмъ процвѣтали еще въ 90-хъ годахъ XVIII ст. (Шерръ, Истор. цив. Герм. 404-405).

<u>Злоупотребленіе словомъ</u>. Оскорбленіе словомъ и употребленіе неприличныхъ названій были общераспространенными въ русскомъ обществѣ. Поэтому даже теперь правительству приходилось объявлять, чтобы въ указахъ и повелѣніяхъ не употребляли бранныхъ и поносныхъ словъ (П. С. З. XVI, 11, 884) и заботиться о переименованіи земель, рѣкъ, ручьевъ, разныхъ урочищъ, оказывавшихся при межеваніи съ неблагопристойными названіями (12,999).

<u>Смягченіе нравовъ</u>. Безъ сомнѣнія самымъ чувствительнымъ результатомъ отмѣны смертной казни при Елисаветѣ, тайной канцеляріи при Петрѣ III и духа вѣка былъ взглядъ современнаго общества на юстицію и пре—

ступленій вообще. Народъ думалъ, что казнь Мировича будетъ отмѣнена. Мнѣнія Екатерины II и Н. И. Панина о дѣлѣ Волынскаго намъ уже извѣстны. Но тотъ Н. И. Панинъ разсказывалъ Порошину, что онъ собралъ отовсюду донесенія о колодникахъ, гдѣ они содержатся, по какимъ дѣламъ и въ чье правленіе были разосланы. „Изволилъ говорить, замѣчаетъ Порошинъ, что превеликая у него теперь о томъ книга; что вчера читалъ её и съ удивленіемъ видѣлъ, что люди за такія вины кнутьями сѣчены и въ ссылки посланы были, за которыя бы только выговоромъ строгимъ наказать было достаточно, что почему нѣкоторымъ образомъ можно разсуждать о нравахъ тѣхъ временъ"... „Какіе недорѣки нынѣ люди стали, говорилъ одинъ генералъ гетману Разумовскому: нельзя выбранить, а бывало-де палочьемъ дуютъ, дуютъ, да и слова сказать не смѣешь." Извѣстно, что дворъ Анны Ив. былъ наполненъ шутами, но Елисавета Петр. терпѣть не могла, чтобы у кого-нибудь въ домѣ былъ шутъ. Впрочемъ при дворѣ Екатерины пользовался большими милостями, извѣстный своими остротами и каламбурами Л. А. Нарышкинъ, состоявшій въ званіи оберъ-шталмейстера. „Никто не заставлялъ меня такъ смѣяться, какъ онъ, говоритъ сама Екатерина. Это былъ шутъ до мозга костей и если бы онъ не родился богатымъ, то могъ бы жить и наживать деньги своимъ необыкновеннымъ комическимъ талантомъ." (см. Л. А. Нарышкинъ послѣдній историческій „шпынь"; Мордовцева Древ. и Нов. Рос. 1878, № 2). Конечно, между этимъ „шпынемъ" и шутами двора Анны Ивановны большая разница. Впослѣдствіи у знаменитаго Потемкина былъ свой шутъ — Мосъ (Истор. Вѣст. 1880, № 9 стр. 194).

Старая столица. „Москва - особый міръ, а не городъ", писала Екатерина Вольтеру во время тамошней чумы; „до сихъ поръ трудно различить, что Москва и что деревня и на какихъ кто правахъ живетъ", писалъ гр. Орловъ Екатеринѣ въ то же время. Какой это народъ, обитатели здѣшніе; какъ посмотришь во внутренность ихъ жизни, образа мыслей, такъ волосы дыбомъ становятся, и удивительно, что еще болѣе чего въ Москвѣ и скверное не дѣлается. - Военная команда до того развратная, что способы поправить ихъ не будетъ, развѣ перевести ихъ совсѣмъ, ибо ихъ повиновеніе и дисциплина, какъ чума... Нищихъ великое множество, а особливо бабъ" (Сборн. Рус. Ист. Общ. XIII, 176, 204-205). На массу грабежей, разбоевъ и нищенство въ Москвѣ жаловалась постоянно мѣстная администрація (Солов. XXVII, 155; Сбор. Рус. Ист. Общ. X, 322-323; XVIII в. I, 98, 127). Въ 1768 г. Екатерина предполагала даже передать рѣшеніе вопроса о благоустройствѣ Москвы на обсужденіе выборныхъ отъ каждаго квартала города (Сборн. X, 323)[1]. Въ то время въ Москвѣ было много такихъ господскихъ дворовъ, которые своимъ расположеніемъ, обширностью, великимъ числомъ служителей составляли не домъ, приличный въ городѣ, но цѣлое селеніе, составляющее по разному ремеслу и званію людей, собственное мѣщанское общество, или такой домъ, который только въ однѣхъ деревняхъ обширностію своего и многолюдствомъ не дѣлаетъ общей тѣсноты (Опис. моровой язвы

---

1. Впрочемъ не слѣдуетъ упускать при этомъ изъ виду и нравственной статистики другихъ большихъ городовъ Европы. Такъ извѣстно въ Англіи возрастаніе съ поразительной быстротой въ 1735 г. спиртныхъ напитковъ [illegible]

1770–71 гг.). Въ глухія ночи Москва освѣщалась фонарями, но только по самымъ большимъ улицамъ. Общественные фонари въ Москвѣ въ первый разъ зажжены были въ 1730 г., обыкновенно же каждый ходилъ со своимъ фонаремъ. Въ 1766 г. число фонарей на столбахъ простиралось всего до 600 и только въ 1782 г. оно увеличилось до 3,500. Потребности москвичей были такъ еще просты и неприхотливы, что напр. самые извощичьи экипажи состояли въ однихъ только роспускахъ съ фартуками, для завѣшиванія ногъ отъ грязи. Сани были также самаго первоначальнаго древняго устройства. Кромѣ этихъ экипажей ни кареты и никакого другаго порядочнаго экипажа нельзя было добыть для найма во всемъ городѣ. Каменныя мостовыя въ Москвѣ были только по самымъ большимъ, проѣзжимъ улицамъ, деревянныя же сохранились въ нѣкоторыхъ мѣстахъ даже до

было истреблено въ 10 разъ болѣе противъ 1687 г. и вдвое противъ 1714 г. На вывѣскахъ питейныхъ заведеній объявлялось, что посѣтитель можетъ напиться пьянымъ за одинъ пенни, мертвецки пьянымъ на два и т. п. Въ 1749 г. количество питейныхъ заведеній достигло уже 17,000. Разбойничество вполнѣ процвѣтало на улицахъ Лондона. Вальполь былъ дважды ограбленъ разбойниками, а въ 1782 г. онъ заявляетъ, что тамъ никто не можетъ показаться послѣ заката солнца безъ вооруженныхъ слугъ. Въ 1773 г. однажды были ограблены двѣ кареты, направлявшіяся въ театръ. Въ 1759 г. въ тюрьмахъ содержалось 26,000 должниковъ, изъ которыхъ 25% погибало ежегодно вслѣдствіе дурнаго состоянія тюремъ. A. History of England in XVIII century, by W. E. H. Lecky London 1878.

Подобныя же вещи о небезопасности Лондона разсказываетъ русскій путешественникъ гр. Е. Ф. Комаровскій въ своихъ запискахъ XVIII в. I, 324–325.

…ленiй французовъ[1]. Обыкновенными увеселеніями народа были качели и, появившіяся теперь, карусели (качели-коньки). Съ половины 18 ст. распространяются народныя драматическія представленія и фарсы. Нерѣдко стали также посѣщать Москву заѣзжіе иностранные кунштмейстеры и эквилибристы. Такъ, въ 1762 г., Саксонскіе рудокопы показывали машину, наглядно представлявшую работу рудокоповъ въ горахъ; а въ домѣ одного француза машину-оракулъ, дававшую отвѣты на вопросы. Въ 1768 г. Москва собиралась на ристанія англійскаго берейтора Батеса и африканскую птицу, называемую страусъ. Въ 1765 г. пріѣхалъ въ Москву знаменитый великанъ Бернардъ Гилли, уроженецъ Тридента (3½ ар.); въ 1766 г. итальянецъ Шейферъ показывалъ ученыхъ собакъ; а собраніе разныхъ искусниковъ давало пантомиму. Въ 1767 г. французскій механикъ Тезье привезъ оптическую машину, посредствомъ которой онъ показывалъ города, торжества и

---

1. Русскій путешественникъ, графъ Комаровскій, дѣлаетъ такое сравненіе между Лондономъ и Парижемъ. „Лондонъ имѣетъ большое преимущество передъ Парижемъ относительно чистоты улицъ; тамъ прекрасные тротуары передъ каждымъ домомъ обмываютъ водою ежедневно, а потому грязи никогда на нихъ не бываетъ. Въ Парижѣ, напротивъ, улицы узкія и грязныя, и высота домовъ такова, что въ нѣкоторыя солнце вовсе не проникаетъ". XVIII в., I, 326.
„Здѣсь не существуетъ ни тротуаровъ, ни другихъ какихъ-либо удобствъ для бѣдныхъ пѣшеходовъ, говоритъ въ тоже время Мерсье о Парижѣ. Сотни жертвъ испускаютъ ежегодно духъ подъ колесами каретъ". Артуръ Юнгъ замѣчаетъ, что это не могло бы пройти безнаказанно въ Лондонѣ. Тэнъ,

Во время пребыванія импер-цы въ Москвѣ въ 1763 на придворномъ театрѣ (въ Головинскомъ дворцѣ) дана была Сумароковская трагедія „Семира", одна изъ комедій Мольера и балетъ, въ которыхъ принимали участіе придворныя лица (графиня Брюсъ, М. П. Нарышкина, гр. Строгановъ, Г. Г. Орловъ, А. П. Шувалов, Л. А. Нарышкинъ, фрейлины и др.). Съ декабря 1762 г. передъ Головинскимъ домомъ сооружены были катальныя горы и при нихъ качели, карусели(1), кегли, театръ и др. увеселенія, а также катальная гора въ с. Покровскомъ, въ громадныхъ размѣрахъ, существовавшая до 1776 г. и стоившая 18,072 р. Въ театрѣ Локателли и въ нѣкоторыхъ частныхъ домахъ давались вольные маскарады. Въ 1763 г., во время масляницы, былъ устроенъ въ Москвѣ актеромъ Волковымъ, знаменитый карнавалъ, три дня разъѣзжавшій по улицамъ города. Въ этихъ поѣздахъ принимали участіе: до 250 колесницъ, которыя везли 12-24 воловъ каждую, и до 4000 человѣкъ. Въ частныхъ садахъ (гр. Сиверса) бывали пышныя увеселенія, „на подобіе славныхъ лондонскихъ, парижскихъ и вѣнскихъ садовыхъ гульбищъ", съ музыкою, иллюминаціею, плаваніемъ судовъ и т. п. Подробныя описанія придворныхъ, общественныхъ и частныхъ увеселеній сохранились въ Москов. Вѣдомостяхъ того времени (см. Очеркъ общественн. жизни въ Москвѣ съ половины 18 ст. Забѣлина въ его Опытахъ изуч. рус. древн. и ист., II, 351-506).

---

507. О насильственныхъ расправахъ полиціи съ простымъ классомъ въ Парижѣ, о недостаткѣ почты въ провинціяхъ Франціи и т. п. см. тамъ же, 507 и 489.

1. Съ каруселями обыкновенно соединялись и другія игры: стрѣльба въ цѣль, игра въ кольцо и т. п.

Внѣшній видъ Москвы производитъ на иностраннаго путешественника непріятное впечатлѣніе. «Нельзя лучше представить себѣ Москву, пишетъ Белькуръ, какъ въ видѣ "совокупности многихъ деревень безпорядочно размѣщенныхъ и образующихъ собою огромный лабиринтъ. Вы видите тутъ огромные, роскошно украшенные палаты; но все это строено въ самомъ странномъ вкусѣ и эти палаты окружены дрянными, маленькими домишками, которые я безъ клеветы могу назвать настоящими балаганами. Кремль, царскій дворецъ, состоитъ изъ безпорядочныхъ полуразрушенныхъ построекъ, какъ будто онъ только что выдержалъ осаду отъ варваровъ. Улицы дурно проложены и также дурно содержатся. Благоустроенныхъ общественныхъ зданій нѣтъ». Но мы знаемъ уже его отзывъ о томъ гостепріимствѣ, съ какимъ встрѣчали его здѣсь. При этомъ онъ отмѣтилъ и другую особенность Москвы. «Москва, говоритъ онъ, составляетъ городъ какъ бы независимый отъ всего государства; здѣсь въ ней живутъ также свободно, какъ въ какой-нибудь республикѣ; общество здѣсь прекрасное, за исключеніемъ нѣсколькихъ лицъ, которые отравляютъ пріятное настроеніе своею местью и притворствомъ». Точно также республикой назвалъ Москву и одинъ русскій наблюдатель И. А. Второвъ, посѣтившій ее въ началѣ нынѣшняго столѣтія. Примѣръ П. И. Панина, открыто критиковавшаго дѣйствія императрицы послѣ удаленія его на покой, подтвердитъ намъ этотъ отзывъ.

Белькуръ дѣлаетъ любопытный выводъ о русскихъ, жи-

бующихъ заграницею и въ Россіи: „Тамъ, говоритъ онъ, русскій чувствуетъ на волѣ себя; здѣсь онъ задумчивъ, мрачен, боязливъ и приниженъ". Лихоимство онъ называетъ главнымъ порокомъ администраціи и поэтому повидимому дѣлаетъ даже такое заключеніе: „Здѣсь кто даетъ больше, тотъ и правъ, а бѣдняки всегда виноваты", признавая его главнымъ образомъ къ московской полиціи (Древ. и Нов. Рос. 1875 №11). Продолжительная безнаказанность Салтычихи можетъ служить, до извѣстной степени, подтвержденіемъ этого мнѣнія о тогдашнемъ правосудіи даже въ центрѣ Россіи.

Отзывы о русскомъ народѣ. Въ заключеніе приведемъ отзывъ о русскомъ народѣ англійскаго доктора Димсдаля. Опровергая ложныя мнѣнія франц. писателей о Россіи, онъ замѣчаетъ: „Я не буду говорить о томъ, что было прежде, но я говорю о времени 1768-69 г. Я могу совершенно удостовѣрить, что знатныя лица вѣжливы, великодушны и честны и весьма умѣренны въ употребленіи крѣпкихъ напитковъ. Хотя я не былъ въ частныхъ сношеніяхъ съ простымъ народомъ, тѣмъ не менѣе онъ былъ расположенъ всегда оказывать всѣ услуги, которыя отъ него зависѣли; часто однимъ знакомъ я могъ спросить, куда мнѣ идти, и я всегда находилъ, что бѣдные люди были разсудительны и совершенно готовы быть мнѣ полезными..." Онъ увѣренъ, что нигдѣ не замѣчалъ остатковъ варварства (Сборн. II, 322). Другой англичанинъ, также бывшій въ Россіи, Джорджъ Макартней, говоритъ объ этомъ такъ: „Простой народъ не особенно трудолюбивъ, но крѣпко сложенъ и мужественъ, терпѣливо

переноситъ крайній жаръ, холодъ и особенно голодъ; онъ смышленъ, равнодушенъ и поддается чувствамъ ... удовольствія пьянства и обжорства. Русскій человѣкъ гостепріименъ, щедръ, вообще добръ и отнюдь не жестокъ. Онъ очень сметливъ и понятливъ, расположенъ къ насмѣшливости и всякое дѣло дѣлаетъ весьма ловко и искусно. Къ сожалѣнію суевѣріе и упорная приверженность къ закоренѣлымъ предразсудкамъ обезсиливаютъ его трудъ»... (Сборн. Рус. Ист. общ. т. XII).

Екатерина вѣрила въ силу убѣжденія и слова, какъ и подобаетъ представительницѣ просвѣтительныхъ началъ современной философіи. Какъ философъ-просвѣтитель, она вѣрила въ возможность пересозданія общества путемъ учрежденій и правильной школы. Поэтому другая сторона ея дѣятельности была направлена на то, чтобы создать «истинныхъ примѣрныхъ гражданъ». Для осуществленія же этой цѣли должны были служить ея законодательныя работы, къ которымъ мы и перейдемъ въ слѣдующихъ чтеніяхъ.

Лекція 21-я.

Прежнія законодательныя комиссіи. Комиссія Уложенія не новость въ нашей исторіи. Она возникла при Петрѣ В. (въ 1700 г., подъ именемъ Палаты Уложенія) и не разъ возобновлялась въ послѣдующія царствованія. (при Петрѣ II, Аннѣ Ивановнѣ и Елисаветѣ Петровнѣ). Лица, участвовавшія въ ней, или назначались туда, или приглашались по

выбору отъ шляхетства, который однако оказался во-всѣмъ неудачный. Такимъ образомъ эти коммиссіи сохранили вполнѣ бюрократическій характеръ. Работы ихъ вообще оставались недовершенными или, по крайней мѣрѣ, нерассмотрѣнными окончательно и неутвержденными. Тѣмъ не менѣе онѣ имѣютъ существенное значеніе въ исторіи нашего законодательства. Проекты, ими выработанные, не совсѣмъ были забыты; многое изъ предполагавшагося ими впослѣдствіи приводилось въ исполненіе, составляя предметъ отдѣльныхъ указовъ или законоположеній, такъ что зачатки нѣкоторыхъ изъ самыхъ важныхъ государственныхъ преобразованій прошедшаго вѣка можно отыскать въ трудахъ этихъ законодательныхъ коммиссій (Матеріалы для Ист. Рус. Законодат. Вып. I Палата о Улож., Д. В. Полѣнова, Спб. 1863 г. Законодат. Ком. при Петрѣ II, 1728 г. Полѣнова, Сборн. Рус. Ист. Общ. II, 394-406. Солов. Ист. рос. XIX, 277-79. XXIII, 244-48; 288-89; XXIV, 244-45; 425 ср. Пахманъ, ист. Кодификаціи граждан. права; 1876, 2 т.).

Цѣлью этихъ коммиссій было дополнить Уложеніе царя Алексѣя Мих., во многомъ уже устарѣвшее, и составить «новые ясные и понятные законы». Въ концѣ царствованія Елисаветы, когда правительственная коммиссія окончила 2 части Уложенія, судную и криминальную, то сенатъ постановилъ вызвать для слушанія ихъ депутатовъ изъ городовъ всякой провинціи: штабъ и оберъ-офицеровъ дворянскаго происхожденія и отъ знатнаго дворянства по два человѣка отъ каждой про-

ствіи, по выбору шляхетства и по одному человѣку отъ купечества, къ 1 янв. 1762. Гетману же было поручено въ особой коммиссіи пересмотрѣть литовскій статутъ и прислать его съ депутатомъ въ сенатъ (Солов. XXIV, 426). Депутаты эти оставались въ Петербургѣ до восшествія на престолъ Екатерины II, которая уже въ январѣ 1763 г. распустила ихъ впредь до указа (П. С. З. 11,732), а матеріалы этой коммиссіи - указы, распредѣленные по извѣстнымъ статьямъ, велѣла передать для напечатанія въ сенатской типографіи (П. С. З. 11,927). Впрочемъ вскорѣ послѣ того (въ августѣ 1764) мѣстомъ для засѣданій Коммиссіи Уложенія были назначены апартаменты сената (12,229), а ей поручено было представить въ сенатъ лифляндское уложеніе (12,250). Такимъ образомъ какъ самое имя этого учрежденія, такъ и потребность новаго, общаго законодательства была указана Екатеринѣ самою исторіею, и одновременно съ тѣмъ, какъ она созывала депутатовъ въ Москву, она распорядилась сдѣлать серебряный ковчегъ для храненія Уложенія царя Алексѣя Мих. въ оружейной палатѣ (12,877), которое служило основаніемъ какъ для всѣхъ работъ предыдущихъ коммиссій, такъ и для екатерининской коммиссіи.

<u>Ходъ работъ Екатерины II по наказу для коммиссіи Уложенія</u>. Въ одной изъ своихъ автобіографическихъ записокъ (Рус. Арх. 1865), Екатерина разсказываетъ намъ, какъ она начала свою работу. «Въ первые три года царствованія моего (1762-65), пишетъ она, усматривая изъ прошеній, мнѣ подаваемыхъ, изъ сенатскихъ и разныхъ коллегій дѣлъ, изъ сенаторскихъ

разсужденій и прочихъ многихъ людей разговоровъ, не единообразны объ одной вещи установленныя правила, что законы по временамъ сдѣланные, многимъ казались противорѣчивыми, и что всѣ требовали и желали, дабы законодательство было приведено въ лучшій порядокъ, изъ сего вывела я у себя въ умѣ заключеніе, что образъ мыслей вообще, да и самый гражданскій законъ не можетъ получить направленія иначе, какъ установленіемъ полезныхъ для всѣхъ въ имперіи живущихъ и для всѣхъ вообще вещей правилъ, мною писанныхъ и утвержденныхъ. И для того я начала читать, потомъ писать наказъ Коммиссіи Уложенія. Два года я читала и писала (1764-65), не говоря о томъ 1½ года ни слова, послѣдуя единственно _уму и сердцу своему_ съ ревностнымъ желаніемъ пользы, чести и счастья имперіи, и чтобы довести до высшей степени благополучія живущихъ въ ней, какъ всѣхъ вообще, такъ и каждаго особенно. Предуспѣвъ, по моему мнѣнію, довольно въ сей работѣ, я начала казать (въ половинѣ 1766 г.) по частямъ стат., много заготовленныя людямъ разнымъ, всякому по его способностямъ и между прочимъ кн. Орлову и гр. Никитѣ Панину. Сей послѣдній мнѣ сказалъ: „Ce sont des axiomes à renverser des murailles“. Князь Орловъ цѣны не ставилъ моей работы и требовалъ часто, чтобы тому или другому оную показать. Но я болѣе одного листа или двухъ не показывала вдругъ. Наконецъ заготовили (14 дек. 1766 г.) о созывѣ депутатовъ со всей имперіи, _чтобы лучше спознать каждой округи состояніе_. Съѣхались оные въ Москвѣ въ 1767 г., гдѣ, бывъ въ Коломенскомъ дворцѣ, наз-

начала я разныхъ персонъ, весьма разномыслящихъ, дабы выслушали заготовленный Наказъ комиссіи Уложенія. Я дала имъ волю чернить и вымарать все, что хотѣли. Стерли <u>болѣе половины</u> того, что написано было мною, помарали и остался Наказъ Уложенія, яко оный напечатанъ."

<u>Взгляды современниковъ на Наказъ</u>. Такимъ образомъ Наказъ, до появленія своего въ печати, прошелъ двойную цензуру и далеко не легкую. Быть можетъ, это вошло даже въ соображеніе императрицы. Между прочими <u>аксіомами</u> мнѣнія объ уничтоженіи <u>пытки</u> и <u>крѣпостнаго состоянія</u> встрѣтили наибольшее сопротивленіе. Еще до собранія депутатовъ дѣлались частныя распоряженія о томъ, чтобы не подвергать пыткѣ подсудимыхъ, (даже Мировича), хотя это и встрѣчало много возраженій со стороны защитниковъ прежняго способа разслѣдованія. Мнѣніе Екатерины по дѣлу Волынскаго также извѣстно. Но вотъ что написалъ одинъ изъ депутатовъ московской губерніи (Баскаковъ), къ которому Екатерина обратилась съ вопросомъ по поводу Наказа: „Не благоволено-ль будетъ прибавить: <u>кромѣ необходимыхъ случаевъ</u>, которые подобно означить именно"? (Онъ представилъ въ примѣръ разбойника, вынесшаго изъ дому вещь, которой онъ безъ соучастниковъ вынести не могъ). Екатерина на это замѣтила: „о семъ слышать и скорбно; и казусъ не казусъ, гдѣ человѣчество страдаетъ". Въ Наказѣ она категорически отвергаетъ пытки. „Употребленіе пытки <u>противно здравому разсужденію</u>, говоритъ она, само человѣчество вопіетъ противъ оныя и требуетъ, чтобы она была уничтожена. Человѣка не

можно почитать виноватымъ прежде приговора судейскаго, и законы не могутъ отнять защиты своей прежде нежели доказано будетъ, что онъ нарушилъ оные". Сказавъ далѣе, какъ трудно даже правому выдержать пытку или оговорить себя, она заключаетъ: «Пытка есть надежное средство осудить невиннаго, имѣющаго слабое сложеніе, и оправдать беззаконнаго, на силу и крѣпость свою уповающаго». Екатерина обратилась съ вопросомъ о Наказѣ и къ извѣстному литератору Сумарокову, такъ любившему карать современные пороки и проводить въ литературѣ идеи западной общественности. Онъ возражалъ ей противъ особыхъ преимуществъ депутатовъ, которые должны пользоваться, по его мнѣнію, общими законами. Екатерина замѣтила: «Сія работа превосходитъ стихотворнаго сочиненія духа». Но сложно понимать, что правила, какія были даны депутатамъ, скорѣе могли быть оправданы равнодушіемъ, съ какимъ отнеслось дворянство къ выбору своихъ представителей. Сумароковъ возражалъ противъ рѣшенія большинствомъ голосовъ, а что мнѣніе утверждаетъ великій разумъ и просвѣщеніе.» Екатерина отвѣтила на это: «Большинство истину не утверждаетъ, а только показываетъ желаніе большинства.» Сумароковъ возражалъ противъ лишенія голоса отсутствующимъ, с ненадобностью соглашаться законы съ существованіемъ народа и съ тѣмъ, что правосудіе не нуждается въ вольности, а лишь въ истинной строгости закона. Все это заставило Екатерину только написать: «Возраженіе (т.е. возраженія) съ поэтомъ работать, а сіи бы могли

понять ему тяжело". Не менѣе странно и слѣдующее замѣчаніе: „Вмѣсто нашихъ училищей, и особливо вмѣсто кадетскаго корпуса потребны и всею Европою почитаемые авторы, а особливо несравненный Монтескьу, но и въ немъ многое критики подмѣтятъ." Екатерина замѣчаетъ: „Многіе критиковали Монтескію, не разумѣя его; я вижу, что и сей рябой съ нимъ рядомъ." Сумароковъ говоритъ: „вольность и короли и народы больше приносятъ пользы чѣмъ неволя." Екатерина и на это замѣчаетъ: „о семъ довольно много говорено" (т. е. въ Наказѣ). „Но своевольство еще неволи вреднѣе", заключаетъ Сумароковъ. Но всѣ эти мнѣнія Сумарокова не могли искоренить въ немъ противъ крѣпостнаго состоянія предубѣжденія. „Сдѣлать русскихъ крѣпостныхъ людей вольными нельзя, пишетъ онъ: скудные люди ни повара, ни кучера, ни лакея имѣть не будутъ и будутъ ласкать слугъ своихъ, пропуская имъ многія бездѣльства, чтобы не остаться безъ слугъ, и будетъ ужасное несогласіе между помѣщиковъ и крестьянъ, ради усмиренія которыхъ потребны будутъ многіе полки; непрестанная будетъ въ государствѣ междоусобная брань и вмѣсто того, что нынѣ помѣщики живутъ покойно въ вотчинахъ („и бываютъ зарѣзаны отчасти отъ своихъ", замѣчаетъ Екатерина), вотчины ихъ превратятся въ опасныя имъ жилища, ибо они будутъ зависѣть отъ крестьянъ, а не крестьяне отъ нихъ. Примѣчено, что помѣщики крестьянъ, а крестьяне помѣщиковъ очень любятъ, а нашъ низкій народъ никакихъ благородныхъ чувствій не имѣетъ". Екатерина дѣлаетъ замѣчаніе: „и имѣть не можетъ въ нынѣшнемъ состояніи." Указавъ,

что помѣщики выучиваютъ крестьянъ разнымъ домашнимъ ремесламъ: брить, волосы убирать, кушанья варить и пр., а будетъ вольный, то, научившись, можетъ отойти къ болѣе богатому, Сумароковъ прибавляетъ: «Малороссійскій подлый народъ отъ сей вольности почти несносенъ". Но Екатерина не выдержала уже этой поэзіи рабства и замѣтила мнимому почитателю Монтескіу: Господинъ Сумароковъ - хорошій поэтъ; но слишкомъ скоро думаетъ, чтобы быть хорошимъ законодавцемъ; онъ связи довольной въ мысляхъ не имѣетъ, чтобы критиковать цѣпь и для того привязывается къ наружности кольцовъ, составляющей цѣпь, и находитъ, что здѣсь или тамъ ошибки есть".. (Сборн. X, 75-87 и Солов. Рус. Вѣстн. 1861, октябрь).

Изъ духовныхъ лицъ Наказъ былъ отданъ на разсмотрѣніе Гавріила (Петрова), епископа тверского, Иннокентія, епископа псковского, и Архимандрита Тихона.

Измѣненія въ Наказѣ и возраженія Екатерины.

Дѣйствительно, при сличеніи ея набросковъ Наказа съ печатнымъ текстомъ, можно замѣтить, что сильнымъ измѣненіямъ подверглись мнѣнія Екатерины о свободѣ крестьянъ.[1] о крестьянскомъ самосудѣ и правѣ

---

1. Указавъ на различіе зависимости крестьянъ существенной (къ участку земли, т.е. крестьянство) и личной (холопство) и на характеръ такой зависимости въ европейскихъ государствахъ, Екатерина прибавляетъ: «Великое злоупотребленіе есть, когда оно (холопство) въ одно время и личное, и существенное". Послѣ исключенія этой тирады, въ печатномъ Наказѣ осталось только под-

В. Иконников

освобожденія ихъ въ случаѣ жестокости господъ, о средствахъ освобожденія крестьянъ вообще (преимущественно во 2й цензурѣ), объ отдѣленіи законодательной власти отъ судебной и о злоупотребленіяхъ, происходящихъ отъ ихъ смѣшенія (даже въ первомъ просмотрѣ, Щебальскій, Екатерина II, какъ писательн. 123-27. Сборн. X, 148-56). Мы знаемъ уже, какъ относилось большинство къ одной даже мысли объ освобожденіи крестьянъ. Дашкова и Сумароковъ показываютъ намъ, что даже современная философія въ приложеніи къ жизни не всегда находила столь же искреннихъ адептовъ, какъ въ теоріи. Кастера разсказываетъ даже, что гр. Н. П. Шереметевъ, выразившій желаніе освободить крестьянъ, встрѣтилъ сильнѣйшее негодованіе и что были люди, грозившіе смертью всякому, кто поднималъ вопросъ о прекращеніи крѣпостнаго права. (т. II, гл. VI).

<u>Отношеніе къ Наказу энциклопедистовъ.</u> Переписка Екатерины съ ея иностранными друзьями объясняетъ намъ дальнѣйшія подробности относительно происхожденія ея Наказа. „Вотъ уже 2 мѣсяца, писала Екатерина

объ ограниченіи злоупотребленій помѣщичьей власти. Впрочемъ о положеніи крестьянъ уцѣлѣли нѣкоторыя мѣста въ главахъ о преумноженіи народа, о рукодѣліяхъ и торговлѣ; такъ указывается на необходимость умѣренныхъ договоровъ съ крестьянами въ интересахъ умноженія населенія и на зависимость процвѣтанія земледѣлія отъ собственности: „Сіе основано на правилѣ весьма простомъ: всякій человѣкъ имѣетъ болѣе попеченія о своемъ собственномъ, нежели о томъ, что другому принадлежитъ и никакого не прилагаетъ старанія о томъ, въ чемъ опасаться можетъ, что другой у него отниметъ."

28 марта 1765 г. я занимаюсь каждое утро по три часа законами здѣшняго государства. Это громадная работа" — замѣчаніе, дающее возможность опредѣлить съ возможною точностью начало самаго труда. Д'Аламберу она собиралась (17 мая) послать часть этой работы. Его и Вольтера она извѣщаетъ о ходѣ работы и трудностяхъ законодательства для Россіи, населенной множествомъ народовъ, живущихъ въ разнообразныхъ климатахъ и съ разными обычаями. Даже въ началѣ 1767 г. она сообщаетъ д'Аламберу: „болѣе половины много зачеркнуто, сожжено и уничтожено и что станется съ остальнымъ — трудно сказать." (Сборн. X, 33-36, 166-170).

Она только думаетъ, что кто любитъ человѣчество, тотъ долженъ согласиться съ ея принципами. Въ теченіе 1766 г. Екатерина сообщаетъ Вольтеру нѣкоторыя выписки (стран. 494-96) изъ своего труда, касавшіяся вѣротерпимости — любное мѣсто ея переписки съ Вольтеромъ. Она послала ему манифестъ, созывающій депутатовъ въ Москву, а онъ поспѣшилъ напечатать ей панегирикъ. (Lettres sur les panégyriques, подъ псевдон. Irénée Aléthès, 1767 г.), въ которомъ привѣтствуетъ ея способъ законодательства посредствомъ депутатовъ отъ всѣхъ народовъ, населяющихъ ея страну, восторгается ея идеями противъ пытки, рабства, религіознаго фанатизма. Онъ привѣтствуетъ ее, какъ освободительницу человѣчества и восклицаетъ въ заключеніе: „И такъ деспотическая государыня истребляетъ въ глубинѣ далекаго сѣвера нетерпимость и рабство." Въ самомъ собраніи депутатовъ ему болѣе всего нравилось то, что въ немъ сошлись послѣдователи греческой и латинской церкви, лютеране и кальви-

нисты, магометане и язычники, которые могли вмѣстѣ ужинать и брать съ одного блюда - какой матеріалъ для упрека католическимъ фанатикамъ Франціи и самой Сорбоннѣ, которой „кстати было бы прогуляться въ Москву, да и остаться тамъ," замѣчаетъ онъ. Такъ же точно парижскіе друзья Екатерины громогласно привѣтствовали привычные сны въ Россіи, примѣръ чему подала сама Екатерина. Но они не обратили вниманія на собраніе депутатовъ, какъ опытъ представительства: филантропическія цѣли въ той и другой формѣ заслоняли собою идеи политическаго устройства - такова общая характеристика этого направленія (Щебальскій, Екат. какъ писат. Заря 1869, кн. 8, стр. 87, 92).

Источники Наказа. Монтескье и Беккарія. Сама Екатерина говоритъ, что источники своего труда, или лучше сказать своихъ мыслей, она почерпала въ чтеніи. Д'Аламберу она пишетъ, что собирается прислать ему тетрадь, изъ которой онъ увидитъ, къ чему могутъ служить сочиненія геніальныхъ людей, а что здѣсь идетъ рѣчь о Наказѣ, это подтверждается письмомъ ея къ Жоффренъ (Сборн. I, 283 и 275-76). Называя „Духъ законовъ" Монтескьё молитвенникомъ для здравомыслящаго монарха, естественно, что Екатерина тутъ же прибавляетъ: „Вы въ немъ увидите, какъ я на пользу моей имперіи обобрала президента Монтескьё, не называя его. Надѣюсь, что если бы онъ съ того свѣта увидалъ меня работающею, то простилъ бы эту литературную кражу во благо 20 мил. людей, которое изъ того послѣдуетъ. Онъ слишкомъ любилъ человѣчество, чтобы обидѣться тѣмъ; его книга служитъ для меня молитвенникомъ" (Сборн. X, 29-31).

Спустя годъ (6 іюля 1766 г), она снова пишетъ д'Аламберу: „Два уже года мои главныя занятія заключаются въ переписке и оценке началъ президента Монтескье. Я стараюсь понять его и зачеркиваю сегодня то, что находила вчера очень хорошимъ." (ibid. 131).

Препровождая экземпляръ Наказа Фридриху II, Екатерина писала ему: „Ваше Величество не найдете въ немъ ничего новаго, ничего такого, что не было бы уже вамъ известно; вы увидите, что я поступила, какъ та ворона, которая нарядилась въ павлиньи перья. Въ этой книге мне принадлежитъ только расположеніе предметовъ и изредка строка или слово. Большая часть Наказа заимствована изъ „Духа законовъ," президента Монтескье, и изъ „Преступленій и наказаній" маркиза Беккаріи." (Oeuvres compl. de Fréd. II У Солов. прилож. къ XXVII т. 28 и Щебальскій 115). Действительно на 526 ст. Наказа приходится около 100 (177–245) заимствованныхъ изъ Беккаріи и более 250 – изъ Монтескье. Заимствованія эти сделаны или буквально съ сохраненіемъ порядка подлинника, какъ заимствованія изъ Беккаріи, или въ виде компиляцій, не державшейся строгого расположенія подлинника, но съ сохраненіемъ выраженій, каковы заимствованія изъ Монтескье. Въ области права Наказъ более всего останавливается на понятіи закона вообще, на уголовномъ праве и на судопроизводстве, т. е. вопросамъ, наиболее нуждавшихся въ реформе; при томъ эти вопросы разсматриваются преимущественно съ теоретической точки зренія и потому имеютъ не только историческое значеніе, но и более обще. Положенія, высказанныя въ немъ, до такой степени обще-

человѣчны, что и до сихъ поръ въ политическихъ собраніяхъ служатъ основаніями въ защиту той или другой реформы; въ которой приходится неизбѣжно опираться на правительственный авторитетъ Екатерины II. Сочиненіе Монтескье обнимаетъ всѣ юридическія отношенія; оно касается всѣхъ законовъ: государственныхъ, уголовныхъ, гражданскихъ, торговли, воспитанія и т. п. При этомъ Монтескье разсматриваетъ законодательства отдѣльныхъ народовъ съ общей точки зрѣнія въ связи съ историческими условіями; а уголовные законы и юстицію-въ связи съ политическимъ устройствомъ государства. Сочиненіе Беккаріи исключительно посвящено уголовному праву и судопроизводству. Оно держится отчасти на теоріи договора, господствовавшей въ литературѣ 18-го вѣка, а основаніе наказанія выводитъ не изъ нравственныхъ началъ, а изъ общей пользы и необходимости сохраненія общей свободы. Онъ не касается историческихъ условій, подобно Монтескье, того или другаго законодательства въ частности, но преслѣдуетъ [illegible] критику современнаго законодательства вообще. Онъ сильно нападаетъ, какъ представляющее смѣсь варварскихъ остатковъ римскаго права, средневѣковыхъ комментаторовъ и позднѣйшихъ рутинныхъ юристовъ, не внимающихъ стонамъ жертвъ и потребностямъ времени. Онъ вызываетъ къ вниманію философовъ, коихъ обязанность состоитъ въ направленіи и утвержденіи человѣческихъ мнѣній". (Кистяковскій, изложеніе нач. угол. права по Наказу Екатер. II, Универ. изв. 1864, №10)."[1]

1. Первый русскій переводъ Монтескье появился былъ въ 1775 г. (т. I).

Беккарія (потомокъ извѣстной фамиліи въ Павіи, съ 1768 года проф. политич. экономіи въ Миланѣ) принадлежалъ къ той плеядѣ итальянскихъ ученыхъ, которые поддались вліянію современной философіи (Геттнеръ, Ист. франц. литер. 404). Самая книга его произошла на свѣтъ (1764 г) подъ вліяніемъ сочиненій Монтескьё и вслѣдствіе глубокаго негодованія автора за осужденіе семейства Каласовъ, послужившее предметомъ самой дѣятельной агитаціи со стороны Вольтера, взывавшаго ко всѣмъ дворамъ и свободомыслящимъ умамъ, и предлогомъ къ горячему обмѣну мыслей между Вольтеромъ и Екатериною II.[1] Между тѣмъ какъ кругомъ господствовалъ уголовный процессъ и пытка, Беккарія настаивалъ на отмѣнѣ насильственныхъ средствъ, на введеніи публичнаго суда присяжныхъ, на уничтоженіи смертной казни и конфискаціи. Онъ указываетъ на народное образованіе и общественную свободу, какъ на лучшую школу для необ-

---

Затѣмъ были новыя изданія въ 1809-14 г. (4 т.) и далѣе; было нѣсколько переводовъ Беккаріи (1803-1806 г). Въ послѣднее время появилось два новыхъ перевода ея. Успѣхъ Монтескье и Беккаріи былъ громадный; сочиненія ихъ переводились на всѣ европейскіе языки, выходили во множествѣ изданій.

1. Жанъ Каласъ, купецъ-протестантъ, судимый въ тулузскомъ парламентѣ (1762 г), по ложному обвиненію въ повѣшеніи собственнаго сына за его будто бы желаніе перейти въ католицизмъ. Послѣ страшныхъ пытокъ, онъ былъ преданъ колесованію, причемъ пострадало и его семейство. Но впослѣдствіи Вольтеръ своимъ трактатомъ о терпимости добился оправданія памяти Каласа и возвращенія его имущества его семейству (1765). Вскорѣ однако, въ предѣлахъ того же

ходимаго усовершенствованія общественной жизни и правы. Понятно, что Екатерина пожелала пригласить самого Беккарія въ Россію. „Во Франціи сочиненіе это запрещено, прибавляетъ она въ письмѣ къ Елагину (нач. 1767 г.), какъ сочиненій, неуважающее законодательства. Это – новое преступленіе, но желательно было бы, чтобы слѣдовали началамъ Беккарія, не смѣвшаго выставить своего имени на заглавіи своего сочиненія“... Импер-ца готова была не щадить средствъ на его переѣздъ въ Россію, но несмотря на согласіе Беккарія, семейныя обстоятельства помѣшали ему воспользоваться этимъ приглашеніемъ. (Сборн. X, 183-85).

<u>Вліяніе идей Беккаріи</u>. Въ слѣдъ за Беккаріей, Екатерина вноситъ въ свой Наказъ постановленія о раздѣленіи властей законодательной и судебной, объ ограниченіи права толкованія законовъ судьями, объ ограниченіи вообще произвола судей. Эти требованія понятны, если принять во вниманіе, что такимъ правомъ часто пользовались въ западной Европѣ, для произнесенія смертныхъ приговоровъ, тюремныхъ заключеній и т. п. Въ юридической практикѣ прямое слѣдованіе буквѣ закона привело къ немень[ш]е существеннымъ злоупотребленіямъ. Отсюда возникла потребность въ ясномъ, простомъ, удобномъ для народа изложеніи закона и обученіи въ школахъ законамъ страны, о чемъ заявляли и Беккарія, и Екатерина. Законодательство, по ихъ мнѣнію не должно преслѣдовать своей цѣли даже вреда, причиняемаго—

Тулузскаго округа готовилась подобная же участь семейству Сирвена за отказъ дочери его перейти въ католицизмъ. Вольтеру также удалось защитить его.

обществу или отдѣльнымъ лицамъ. Наказаніе должно быть чуждо насилія, поэтому оно должно быть публичное, быстрое, умѣренное. Оно должно быть не столько мучительнымъ по своему качеству, сколько нравственнымъ по своему вліянію на сердце преступника. Въ этомъ случаѣ важно не суровое наказаніе, но неизбѣжность этого послѣдняго.
Екатерина вмѣстѣ съ Беккаріей возстаетъ противъ смертной казни и ставитъ въ примѣръ Елисавету Петровну, отмѣнившую ея. Она допускаетъ смертную казнь лишь за политическія преступленія. Законодательство, по мнѣнію Беккаріи и Екатерины, должно быть таково, чтобы граждане наименѣе подлежали наказанію, оно должно сообразоваться съ потребностями наибольшаго блага. Хотите предупредить преступленія, восклицаетъ она, распространяйте просвѣщеніе. Черезъ Наказъ Екатерины нѣкоторыя мнѣнія Беккаріи вошли потомъ въ русскій Сводъ, несмотря на одновременное съ тѣмъ запрещеніе его сочиненія. По его мнѣнію граждане должны судиться равными себѣ, и въ учрежденіи о губерніяхъ эта идея получила осуществленіе (1775), гдѣ каждому сословію дано было право собственнаго уголовнаго и гражданскаго суда; но у насъ это ни къ чему не привело, между тѣмъ какъ въ Западной Европѣ подобная сословность была необходима вслѣдствіе возникшей въ то время сословной вражды.
Вліяніе Монтескьё. Съ другой стороны, слѣдуя Монтескьё, Екатерина дѣлитъ преступленія на 4 рода: 1) противъ вѣры, 2) нравовъ, 3) спокойствія и 4) безопасности гражданъ. Къ разряду религіозныхъ преступленій она относитъ только тѣ, которыя открыто оскорбляютъ

религію; поэтому извѣстное убѣжденіе, мнѣніе не составляютъ сами по себѣ религіознаго преступленія. Екатерина ограничиваетъ и политическія преступленія: посягательствомъ на жизнь государя и измѣною отечеству. Она исключаетъ изъ этого все, что не соединяется съ прямымъ дѣйствіемъ, какъ оскорбленіе словомъ и письмомъ. Вслѣдъ за Монтескье, она рекомендуетъ смягченіе наказаній, потому что въ наказаніи главное должно быть не мѣра его, а нравственное послѣдствіе - стыдъ, а гдѣ послѣдній не дѣйствуетъ, то это результатъ тираніи, которая одинаково караетъ и добрыхъ, и злыхъ. Когда зло устранено, то это считаютъ заслугою законодателя, но не хотятъ замѣтить порока, порожденнаго этою твердостью: умы уже испорчены, вслѣдствіе привычки къ наказанію. Наказаніе должно соотвѣтствовать природѣ преступленія: такъ, за оскорбленіе святыни должно лишать тѣхъ выгодъ, какія даетъ религія, т. е. изгнать изъ храмовъ, лишить общества вѣрныхъ и т. п.; за преступленіе противъ нравственности удалить изъ общества, изгнать изъ города и т. п.

Подвергнутый двойному просмотру, Наказъ Екатерины подвергся измѣненіямъ и отступленіямъ. Нѣкоторыя статьи, слѣдуя одному изъ указанныхъ авторовъ, изложены какъ бы нарочно болѣе темно, менѣе рѣзко (напр. статья 74). Въ другихъ случаяхъ Екатерина отступаетъ отъ изложенія своихъ авторитетовъ по весьма понятнымъ соображеніямъ: такъ Монтескье смотритъ на дворянство, сообразно съ значеніемъ его на Западѣ, какъ на среднее звено между властью и народомъ; Екатерина, признавая его особымъ сословіемъ, не дѣлаетъ его однако замкнутымъ. Она отступаетъ, когда

касается положенія русскихъ крестьянскихъ и помѣщичьихъ хозяйствъ, а иногда дѣлаетъ намеки на своихъ критиковъ.. Выводя изъ положенія, что христіанство обязываетъ насъ дѣлать добро другъ другу, она заявляетъ, что цѣль законодательства есть возможно высшее благо подданныхъ, чтобы всѣ пользовались равными законами, т.е. чтобы болѣе сильные и богатые не могли угнетать бѣдныхъ. Законы должны сообразоваться съ умоначертаніемъ народнымъ, которое зависитъ отъ многихъ условій: вѣры, климата, нравовъ, обычаевъ, законовъ и сословій. Россія есть европейская держава и одна изъ главныхъ цѣлей Наказа - внести въ русское законодательство европейскія начала. Такъ, утверждая, что русскій монархъ есть самодержавный потому, что никакая другая форма, по обширности имперіи, не прилична къ Россіи, Екатерина далѣе опредѣляетъ, что принципъ самодержавія « не томъ, чтобы у людей отнимать ихъ естественную вольность." Взглядъ этотъ вполнѣ соотвѣтствуетъ понятію Монтескье о монархической власти. „Сіе можетъ не понравиться, продолжаетъ Екатерина, ласкателямъ, которые по вся дни обладателямъ твердятъ, что народы ихъ для нихъ сотворены. Однакожъ мы думаемъ и за славу себѣ вмѣняемъ (себѣ) сказать, что мы сотворены для нашего народа.". Цѣль самодержавныхъ правленій есть слава гражданъ, государства и государя... благо отечества должно быть желаніемъ каждаго гражданина. Но государь не долженъ во все вмѣшиваться; власти и среднія и подчиненныя составляютъ существо правленія; законы предполагаютъ протоки, т.е. правительства, черезъ которые изливается власть государева. Сенатъ и прочія правительства

принимаютъ законъ отъ государя, разсматриваютъ его и имѣютъ право представить, когда въ нихъ сыщется, что они противны уложенію". Эта мысль во французскомъ изданіи выражалась еще яснѣе. Екатерина высказываетъ мысль о необходимости предварительной подготовки умовъ къ законодательству. Относительно положенія крестьянъ напр., она замѣчаетъ: «Не можетъ земледѣльство процвѣтать тамъ, гдѣ никто не имѣетъ ничего собственнаго». Она указываетъ на необходимость, чтобы законы ограждали злоупотребленія, проистекающія отъ рабства. Впрочемъ она оговаривается, что законъ не долженъ сдѣлать сразу большое число свободныхъ, но долженъ предупредить тѣ причины, которыя производятъ такъ часто непослушанія противъ господъ. Она указываетъ на распространившійся въ Россіи обычай отпускать крестьянъ на оброкъ, вмѣсто того, чтобы самимъ управлять имуществами, а между тѣмъ налогъ, налагаемый на нихъ, великъ (до 5 руб.). Однако тутъ же указываетъ Екатерина и дурныя <u>послѣдствія рабства</u>: бѣдность націи, которая боится казаться богатою, чтобы не вызвать гоненія; малочисленность населенія. Она признавала необходимость землевладѣнія для крестьянъ.

<u>Понятіе закона</u>. Въ Наказѣ Екатерины именно ясно проводится потребность огражденія личности отъ привлеченія къ суду (арестъ), о примѣненіи наказанія соотвѣтственно преступленію, о сохраненіи чести до приговора; статьи, касающіяся пытки, весьма многочисленны и изложены въ высшей степени сочувственно къ человѣческой личности и природѣ. Общій взглядъ..

Екатерины на систему наказаній можетъ быть выраженъ словами: „По мѣрѣ, какъ умы въ обществѣ просвѣщаются, такъ умножается и чувствительность каждаго особо гражданина, а когда въ гражданахъ возрастаетъ чувствительность, то надо, чтобы строгость наказаній умалялась. Сдѣлайте, чтобы люди боялись законовъ и никого больше не боялись. Гоненія умы раздражаютъ, а дозволеніе вѣрить своему закону умягчаетъ и самыя жестокія сердца и отводитъ ихъ отъ самаго закоренѣлаго упорства." (О наказѣ Екатерины II статьи: Щебальскаго, Заря 1869; Елисеева въ Отечест. Зап. т. CLXXVI; Кистяковскаго, Универ. Изв. 1864; О преступленіяхъ и наказаніяхъ Беккаріи, изд. Зарудного, 1879; Солов. т. XXVII; Платонъ, исторія кодификаціи).

Рукопись и изданія Наказа. Изъ имѣющихся свѣдѣній объ оригиналѣ Наказа видно, что большая часть его писана по-французски, а частію по-русски (почти все собственноручно Екатериною), и оригиналъ этотъ съ переводомъ матеріаловъ, послужившихъ Екатеринѣ источниками (сдѣл. Козицкимъ), — хранится въ Академіи Наукъ; рукопись же русскаго перевода наказа (также собственноручная) — находится въ сенатѣ (библ. Зап. т. II, 112-115; Сборн. т. IV, 40-42; библ. листки въ Отеч. зап. 1856-57 г.г.). Изъ переписки Вольтера видно, что Екатерина сообщила ему рукопись Наказа на франц. языкѣ, а Фридриху II на нѣмецкомъ (Щеб. 87-88). Екатерина гордилась тѣмъ, что русскій текстъ Наказа написанъ вполнѣ русскимъ языкомъ и чуждъ иностранныхъ выраженій и словъ (Сборн. XVII, 21). Въ теченіе 1767 г., въ

Москвѣ появились въ печати русское и нѣмецкое изданія; въ 1768 г. - русское въ Петербургѣ; въ 1770 г. - въ Петербургѣ на русскомъ, латинскомъ, французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ; затѣмъ въ теченіе цар-ія Екатерины въ Россіи и заграницей былъ изданъ рядъ переводовъ его на нѣмецкомъ, французскомъ, новогреческомъ, италіанскомъ, польскомъ языкахъ. Изъ позднѣйшихъ изданій - самое доступное въ полномъ Собраніи Законовъ и въ Собраніи сочиненій Екатерины, изданныхъ Смирдинымъ (Щебальскій 127; Смирдинъ, Сопиковъ, Евгеній, Библ. Зап., Отеч. Зап.). Въ ноябрѣ 1769 г. Кн. Д. А. Голицынъ извѣщалъ однако, что Наказъ былъ запрещенъ въ Парижѣ тогдашнимъ министромъ Шуазелемъ, что считалось по замѣчанію Голицына за лучшее признаніе его превосходства. «Можно фоліанты наполнить заглавіями хорошихъ сочиненій, говоритъ онъ, запрещенныхъ Шуазелемъ, и какъ Наказъ нашъ стоитъ неизмѣримо выше ихъ (нихъ) всѣхъ, тѣмъ менѣе могъ ускользнуть отъ его преслѣдованія» (Сборн. XV, 634).[1]

---

1. Заглавія Наказа: о безопасности или постановленіяхъ государственныхъ; о состояніи всѣхъ, въ государствѣ живущихъ, о законахъ вообще, о законахъ подробно; о наказаніяхъ; о производствѣ суда; о обрядѣ криминальнаго суда; о размноженіи народа въ государствѣ; о рукодѣліи и торговлѣ; о воспитаніи; о дворянствѣ; о среднемъ родѣ людей; о городахъ; о наслѣдникахъ; о преступленіяхъ въ оскорбленіи величества; о судахъ и особливыхъ нарядахъ; какъ можно узнать, что государство приближается къ паденію. Первое дополненіе къ Большому наказу:

Манифестъ о созваніи депутатовъ коммиссіи и права депутатовъ. Въ манифестѣ о созваніи въ Москвѣ коммиссіи Уложенія и выборѣ депутатовъ, изданномъ 14 дек. 1767 г. (П. С. З. 12,801), Екатерина говоритъ, что, вникая въ ходъ дѣлъ, она въ первые три года своего царствованія убѣдилась въ недостаткахъ русскаго законодательства, представляющаго съ одной стороны множество лишнихъ постановленій, а съ другой — отсутствіе необходимыхъ изъ нихъ, несовершенное различіе между непремѣнными и временными законами, и, наконецъ, несходство старыхъ узаконеній съ новыми обычаями, служившими постояннымъ препятствіемъ къ правильному теченію правосудія. По этому случаю Импер-ца сама присутствовала въ сенатѣ, чтобы объявить манифестъ объ учрежденіи коммиссіи. Депутаты созывались изъ всѣхъ частей имперіи. Сенатъ, синодъ, коллегіи, канцеляріи (кромѣ губернскихъ и воеводскихъ) должны были прислать въ нее по одному депутату. — Каждый уѣздъ, гдѣ губерніи были раздѣлены на уѣзды и гдѣ были дворяне, а также тѣ уѣзды, которые носили

гл. XXI. О благочиніи или полиціи — вышло въ Спб. 1768 г. Второе дополненіе, гл. XXII о расходахъ, доходахъ и государственномъ оныхъ управленіи, сирѣчь о государственномъ строительствѣ, иначе камернымъ правленіемъ нарицаемомъ. (статьи 527–655, Спб. 8го апр. 1768 г.). Начертаніе и приведеніе къ окончанію коммиссіи Уложенія, 2 части: 1ᵒ правѣ общемъ (государственномъ) и 2ᵒ частномъ (гражданскомъ) 8го апр. также 1768 г. Смирдинъ, т. I Акты относящіеся къ дѣйствіямъ коммиссіи, помѣщены въ П. С. З. № 12,801–13,156.

другія наименованія (полки, крейсы), должны были выбрать по одному депутату; города, однодворцы, въ каждой провинціи, пахотные солдаты и разные служилые люди по одному депутату; государственные черносошники и ясачные крестьяне по одному депутату; не кочующіе инородцы, крещеные и некрещеные, отъ каждаго народа, съ каждой провинціи по одному депутату. Опредѣленіе числа депутатовъ отъ казачьихъ войскъ и Запорожскаго предоставлено было ихъ высшему начальству. Избраніе депутатовъ должно было производиться баллотировкой. Всѣ они должны были собраться черезъ полгода по объявленіи манифеста и явиться въ сенатъ. Они собирались какъ для выслушанія нуждъ каждой мѣстности, такъ и для участія въ дѣйствіяхъ коммиссіи о составленіи новаго Уложенія. Они пользовались весьма важными преимуществами, а именно: освобождались на всю жизнь, не смотря ни на какое преступленіе, — отъ смертной казни, отъ пытки и тѣлеснаго наказанія, и дѣла о такихъ лицахъ судъ долженъ былъ представлять на усмотрѣніе импер-цы, имѣнія ихъ освобождались отъ конфискацій во всѣхъ случаяхъ кромѣ долговъ. Нанесеніе оскорбленія и вреда членамъ Коммиссіи наказывалось вдвое противъ обыкновеннаго. Депутаты должны были имѣть особые знаки, которые они сохраняли на всю жизнь, а депутатамъ изъ дворянъ предоставлялось помѣщать ихъ въ свои гербы. Они пользовались особымъ окладомъ[1] и могли

---

1. Дворяне по 400 р., городскіе депутаты — 122 р., прочіе по 37 р. На первый годъ сенатъ ассигновалъ до 200,000 р. (изъ монетной экспедиціи). П. С. З. № 12,840.

передавать свои обязанности, а вмѣстѣ съ тѣмъ и преимущества другимъ лицамъ, но дворяне могли передать ихъ только дворянамъ. Инородческіе депутаты, не знавшіе русскаго языка, должны были озаботиться пріисканіемъ переводчиковъ и избраніемъ на мѣсто опекуна, который хлопоталъ бы по ихъ дѣламъ въ Коммиссіи.

<u>Порядокъ выборовъ</u>. Объявленіе манифеста о созваніи дворянъ возлагалось на губернаторовъ и мѣстныхъ начальниковъ, причемъ женщины, владѣвшія имуществами, имѣли право присылать свой отзывъ о томъ, кого онѣ желаютъ избрать въ депутаты. Предварительно избранія депутатовъ избирался <u>предводитель</u>, пользовавшійся титуломъ <u>почтеннаго</u> (не моложе <u>30 лѣтъ</u>), который и руководилъ выборами. Предъ избраніемъ <u>дворяне</u> давали присягу. Отъ избираемыхъ требовалось имѣть не менѣе <u>25 л.</u>, владѣть помѣстьями и быть честнаго поведенія. Депутаты избирались въ теченіе 6 дн. Затѣмъ дворяне составляли <u>Наказъ депутатамъ</u>, причемъ не могли касаться своихъ частныхъ дѣлъ. Копіи съ такихъ Наказовъ передавались на храненіе въ церкви, гдѣ приносилась присяга. <u>Городскіе депутаты</u> должны были имѣть въ городѣ домъ, торгъ или заниматься ремесломъ; для веденія выборовъ здѣсь избирались <u>городскіе головы</u>; но отсутствующіе изъ города и женщины не допускались къ избранію. Остальные разряды депутатовъ избирались въ своихъ уѣздахъ и погостахъ, а выборами ихъ руководили повѣренные, и также давались Наказы. Число избирателей доходило въ Петербургѣ до 907 чел. а мѣстомъ избранія здѣсь служилъ домъ гр. А.С. Строганова, причемъ сановные люди являлись въ собраніи безъ всякихъ знаковъ отличія. Слѣдуетъ

замѣтить, что и повѣрнымъ, а депутаты въ Петербургѣ избирались въ большинствѣ изъ знатныхъ особъ и вообще лицъ служащихъ и извѣстныхъ по своему положенію. Депутатомъ отъ города избранъ былъ гр. Ал. Гр. Орловъ. Послѣ избранія члены избирательной коммиссіи предложили подписку на сооруженіе «приличнаго Ея особѣ памятника». Въ Москвѣ избирателей было 163. Депутатомъ въ Коммиссію былъ выбранъ генералъ-аншефъ П. И. Панинъ (возведенный въ граф. достоинство вмѣстѣ съ братомъ своимъ Н. И. Панинымъ, въ сентябрѣ 1767 г) отъ московскаго уѣзда, а отъ города Москвы генералъ-аншефъ кн. А. М. Голицынъ. Избирателями здѣсь были по большей части люди, извѣстные по своему административному положенію. Въ дворянскихъ выборахъ также выдвигаются фамиліи лицъ съ такимъ же положеніемъ. (Поляновъ Зап. въ Сборн. IV, 1–33; Опис. выб. петерб. депут. въ Ч. М. О. И 1866, I). Наставленія объ избраніи депутатовъ и порядкѣ избранія были писаны или собственноручно Екатериною II, или секретаремъ ея Козицкимъ и исправлены ею. (Сборн. X, 138–156). Въ 20 тогдашнихъ губерніяхъ (Сбор. X, 221 и IV, 33) было избрано всего 565 представителей. Въ числѣ ихъ мы встрѣчаемъ имена знатныхъ вельможъ царствованія Екатерины: кн. М. Н. Волконскій, А. П. Мельгуновъ, кн. А. М. Голицынъ, гр. З. Г. Чернышевъ, А. И. Бибиковъ, гр. Я. А. Брюсъ, гр. П. И. Панинъ, Д. В. Волковъ, гр. А. С. Строгановъ, гр. Г. Г. и Ѳ. Г. Орловы, гр. Р. Л. Воронцовъ, Л. А. Нарышкинъ, кн. А. А. Вяземскій; ученыхъ и литераторовъ: А. Л. Карповъ, Г. Ф. Миллеръ, Г. В. Козицкій, кн. М. М. Щербатовъ, И. П. Елагинъ, гр. А. П. Шуваловъ (извѣстный своими франц. стихами), А. В. Олсуфьевъ, А. А. Ржевскій,

А. В. и С. В. Нарышкины. Далѣе слѣдуетъ рядъ фамилій, принадлежавшихъ къ болѣе образованной части дворянства, но въ числѣ дворянъ встрѣчаются и неграмотные (смот. списки Іонишнова, Рус. Вѣст. 1861, Дек.; Сборн. IV, 254-255). Замѣтимъ однако, что, хотя депутаты и отличались значительными прерогативами, въ томъ числѣ вовсе не подлежали смертной казни, между тѣмъ въ январѣ 1775 г. депутатъ казацкаго войска Оренбургск. губ. Тимоѳей Падуровъ, за участіе въ Пугачевском бунтѣ, былъ лишенъ депутатскаго званія и повѣшенъ. (Списки 59-60).

<u>Столкновенія въ провинціяхъ на особомъ положеніи.</u>

Выборы депутатовъ происходили повсюду спокойно и правильно; но провинціи, находившіяся на особомъ положеніи, снова заявили о своихъ притязаніяхъ: въ Лифляндской и Эстляндской губ. дворяне не хотѣли производить установленнаго выбора, а сами назначили желательныхъ депутатовъ, баллы не клались, по приказанію гауптмана, секретаремъ собранія; лицъ, владѣвшихъ въ краѣ землями, но не принадлежавшихъ къ мѣстному дворянству, не хотѣли допускать къ избранію, а города Пернау и Дерптъ совсѣмъ отказались отъ выборовъ. Сенатъ предписалъ произвести выборы на основаніи манифеста, Солов. XXVII, 42-44). Въ Малороссіи движеніе приняло болѣе обширные размѣры и агитація достигла высшей степени. «Наши законы хороши, говорили тамъ гр. Румянцеву, а если уже необходимо быть депутатамъ, то развѣ для того, чтобы искать <u>подтвержденія</u> правъ и привилегій». Народъ заявилъ
. . . .

неудовольствій на расплодившееся тут множество, которое произошло от смуты. Одни говорили, что сочиненіе новаго уложенія предназначается для великороссіянъ; дворяне Малороссіи не хотѣли и слышать, чтобы сидѣть вмѣстѣ съ мѣщанами, именуя всѣхъ гражданъ мужиками; а Стародубъ и Черниговъ занялись взаимными пререканіями... Когда же дѣло коснулось избранія депутатовъ, все стали излагать свойственные имъ исканія и желанія: чтобы права и вольности были имъ возвращены, поборы уничтожены, войска выведены, гетманство возстановлено и т.п. Защитникомъ правительства в данномъ случаѣ выступилъ Безбородко, отставной генеральный судья и [illegible], а Румянцевъ передалъ черезъ нихъ наставленія о неумѣстности такихъ требованій и утѣсненій крѣпостныхъ старшиною и казаками, которые (которыя) правдами и неправдами достигли шляхетства. Въ Полтавѣ генеральный обозный Кочубей едва могъ склонить чиновничество къ засѣданію вмѣстѣ съ горожанами; въ Прилукахъ шляхетство и казаки отказались производить выборы вмѣстѣ съ мѣщанами; въ другихъ мѣстностяхъ Малороссіи также происходили смуты и волненія. Но Екатерина писала Румянцеву, чтобы онъ точно исполнялъ ея требованія. Дѣйствительно Румянцевъ принялъ свои мѣры: и которые выборы были кассированы и произведены вновь (Солов. XXVII, 37-56; Авсѣенко, Малороссія въ 1767 году). За то сибирскій губернаторъ Д. Чичеринъ извѣщалъ, что предложеній о присылкѣ депутатовъ произвело на сибирскихъ инородцевъ самое благопріятное впечатлѣніе. «Какъ до нихъ дойдетъ указъ, писалъ онъ брату,

сходятся великими толпами съ женами и дѣтьми, цѣлуютъ губами и лбомъ написанное имъ и дѣтей прикладываютъ"... Случалось, что никто не хотѣлъ быть депутатомъ; въ другихъ мѣстахъ выбирали такихъ, какихъ хотѣли на-сильно" (напр. въ Енисейскѣ). Нѣкоторые уѣзды совсѣмъ не въ состоянiи были составить наказа и списыва-ли его у чиновниковъ у другихъ; иные писали, что никакихъ нуждъ у нихъ не имѣется, что всѣмъ довольны, или ссылались на свое "скудоумiе"; даже такiе обра-зованные, какъ Болотовъ уклонялись отъ выборовъ и оставались въ своихъ деревняхъ (II, 654); но было много и такихъ, которые добивались этой чести ради жало-ванья и другихъ выгодъ. Свой отказъ Болотовъ мотиви-ровалъ такъ: «Какъ я предвидѣлъ, что изъ всего сего великаго предпрiятiя ничего не выйдетъ, что грому подымается много, людей оторвется множество отъ дѣлъ, денегъ на содержанiе ихъ истратится бездна, вранья, кри-ка и вздору будетъ много, а дѣла изъ всего того не выйдетъ и все кончится ничѣмъ, а потому и не хотѣ-лось мнѣ разставаться съ семьею своею и столь блажен-ного деревенского житья"..

Пріѣздъ Екатерины въ Москву. Приготов-ленія къ открытію комиссіи. Путешествіе по Волгѣ. Ко дню открытія Комиссіи Екатерина сама предполагала отправиться въ Москву. Въ февр. 1767 г. она писала д'Аламберу, что отправляется въ Москву, а оттуда по Волгѣ въ Казань и въ іюнѣ сно-ва вернется въ Москву, « гдѣ начнутъ новое Уложеніе на основаніи установленныхъ много началъ, которыя»

надѣюсь, не будутъ отвергнуты тѣми, кто любитъ оте-чество». (Сборн. X, 168-69). Уѣзжая изъ Петербурга, Екатерина вручила начальство въ столицѣ старшему сенатору И. Ѳ. Глѣбову, которому поручила охранять главнымъ образомъ отъ воровъ и разбойниковъ, почему усилены бивачные патрули и полицейскій надзоръ (X, 170).

Въ мартѣ 1767 г. Екатерина смотрѣла уже въ Москвѣ торжественное шествіе избирательной Коммиссіи (передъ выборами депутатовъ) для принесенія присяги (Полѣновъ, 18); а въ концѣ апр. (X, 179-80) отправилась со своими приближенными и дипломатическимъ корпусомъ по Волгѣ[1]. Съ дороги Екатерина писала о своихъ впечатлѣніяхъ Н. И. Панину и заграничнымъ друзьямъ. Она направилась въ Тверь, Ярославль, Кострому, Нижній Новгородъ, Казань, Чебоксары, Симбирскъ. Она восторгается берегами Волги, находя ихъ красивѣе береговъ Невы; посѣщаетъ фабрики; принимаетъ участіе въ примиреніи членовъ магистрата въ Ярославлѣ и губернской администраціи въ Казани[2]; содѣйствуетъ учрежденію торговой компаніи въ Н. Новгородѣ и хлопочетъ передъ Дим. Сѣченовымъ о прекра-

---

1. Ее сопровождали: Австрійскій посолъ, кн. Лобковичъ, Прусскій гр. Сольмсъ, испанскій — виконтъ де-ла-Геррерь, датскій — Ассебургъ, шведскій — бар. Рибингъ, франц. (Боссетъ-Циперъ) и англійскаго (Макартней) пословъ въ то время не было, а отъ нихъ явились ихъ повѣренные (Зап. Бибикова, прил. стр. 10).

2. По этому поводу она писала Панину: «а губернаторъ (за [illegible]) и мнѣ вымыли голову» Лебедевъ, гр. Панины 155.

щеній насилій надъ татарами и раскольниками со стороны православнаго духовенства. Ея которые отзывы о городахъ уже намъ извѣстны (лекція 13). Не менѣе интересны ея записки о "красивой ситуаціи" Нижняго Новгорода при мерзкомъ строеніи". По поводу пріѣзда въ Казань, она пишетъ, что этотъ городъ всячески достоинъ быть столицею большаго царства; что пріемъ ей былъ оказанъ отличный... Что жители готовы были себя вмѣсто ковра постилать, а въ одномъ мѣстѣ по дорогѣ мужики давали свѣчи, чтобы поставить передъ императрицею, съ чѣмъ ихъ прогнали; что она помѣстилась въ купеческомъ домѣ, съ комнатами обитыми шелкомъ, съ вызолоченными креслами и диванами, мраморными столами"[1]. Здѣсь народъ, писала она дальше, по всей Волгѣ богатъ и весьма сытъ... Никто нуждъ не терпитъ". Она указываетъ на богатые запасы хлѣба, которыхъ не продаютъ изъ страха передъ грядущимъ неурожаемъ. Екатерина не упускаетъ упомянуть о болгарскихъ древностяхъ, представлявшихъ развалины, благодаря фанатизму епископа Казанскаго Луки, который еще при Елисаветѣ разломалъ ихъ или употребилъ на монастырскія строенія. За его преслѣдованія раскольниковъ и инородцевъ Елисавета распорядилась перевести его въ другую епархію. Екатерина вмѣстѣ съ

---

1. Въ 1769 г., въ письмѣ къ Вольтеру, Екатерина вспоминала о своемъ пребыванiи въ Казани такъ: "Два года тому назадъ я знала множество татарскихъ и арабскихъ фразъ въ Казани, что доставляло великое удовольствіе жителямъ этого города. Большая часть изъ здѣшняго народа — добрые мусульмане, очень богатые. Они строятъ подлѣ моего окна великолѣпную каменную мечеть" (Сборн. X, 354).

тѣмъ напомнила указъ Петра В. о сохраненіи древностей (Сборн. X, 183-218). Путешествіе по Волгѣ дало Екатеринѣ новый матеріалъ для ея законодательныхъ соображеній. « Эта имперія совсѣмъ особая, пишетъ она Панину, и только здѣсь можно видѣть, что значитъ огромное предпріятіе относительно нашихъ законовъ и какъ нынѣшніе законы мало сообразны съ состояніемъ имперіи вообще. (ib. 206)».[1]

Переводъ Велизарія, Мармонтеля. Тѣмъ не менѣе и эти наблюденія не отвлекали ея отъ любимыхъ занятій: изъ Твери она распоряжается прислать Беккарію въ Россію; во время переѣздовъ по Волгѣ, она въ сообществѣ своихъ приближенныхъ переводитъ только что появившійся романъ Мармонтеля « Велисарій ». Благодаря покровительству кружка писателей, во главѣ которыхъ стоялъ фернейскій патріархъ, книга Мармонтеля получила обширное значеніе. Не отличаясь ни драматизмомъ, ни художественностью, ни исторической вѣрностью, которая заключалась лишь въ пріуроченіи дѣйствія къ историческому лицу, этотъ романъ имѣлъ значеніе по своему политическому смыслу, такъ какъ въ немъ затрогивались современныя отношенія церкви и государства. Въ наставленіяхъ героя романа (Велисарія Юстиніану) высказано много общихъ истинъ, а именно, что интересы монархическаго государя и государства должны быть тождественны, что если случается иначе, то потому, что государи удостоиваютъ своего внима-

---

1. Яхта, въ которой путешествовала Екатерина II по Волгѣ, досихъпоръ сохраняется въ Казани въ особомъ помѣщеніи.

нія и довѣрія людей недостойныхъ, вооружающихъ его противъ собственнаго народа, заставляютъ его отдѣлять свое отъ народнаго, что порождаетъ внутреннюю борьбу и распри въ государствѣ. Для того чтобы устоять противъ этого, государю нужно знаніе всѣхъ соображеній, касающихся человѣческаго блага, нужно знать людей, изучать свой народъ, а для лучшаго познанія — давать свободный входъ просвѣщенію и питать отвращеніе къ доносамъ. На вопросъ Юстиніана, имѣетъ ли онъ право требовать, чтобы въ его владѣніяхъ было единство вѣры и богословія, — Велисарій отвѣчаетъ, что міръ вѣрованій и совѣсти не подлежитъ его вѣдѣнію и подтверждаетъ это примѣрами изъ византійской исторіи. Вольтеръ, получивъ романъ, съ жадностью читалъ его, особенно XV главу о вѣротерпимости: „Это катехизисъ царей", пишетъ онъ, это защита свободы мысли столь же искусная, сколько и смѣлая; ничего не можетъ быть ни сильнѣе, ни благоразумнѣе." Понятно, что противъ „Велисарія" выступили клерикалы, а Сорбонна наложила на него запрещеніе, находя, что авторъ въ мнѣніяхъ Велисарія проводитъ принципъ деизма. Но, благодаря именно этимъ нападкамъ, сочиненіе Мармонтеля быстро разошлось. Вольтеръ же писалъ между прочимъ, что смѣшонъ не Велисарій, а Сорбонна. И сторонники свободы мысли искали защиты у Фридриха II и Екатерины II. Мармонтель поспѣшилъ препроводить императрицѣ свою книгу, при самомъ восторженномъ письмѣ (X, 187). Это было во время ея путешествія по Волгѣ. Екатерина отвѣчала автору Велисарія, что восхищена его книгой, которую слѣдуетъ перевести на

всѣ языки (7 мая 1767 г.).
Екатерина путешествовала въ сопровожденіи 2000 чел. свиты и экипажа. Она разсматривала дѣла, занималась чтеніемъ книгъ и газетъ и переводила Велисарія. А Голицынъ писалъ, что Екатерина хочетъ распространить эту книгу въ возможно большемъ количествѣ экземпляровъ, чтобы подданные ея знали, какія узы соединяютъ ее съ ними. Ему хотѣлось поднести нѣсколько экземпляровъ перевода въ даръ парижской королевской библіотекѣ — новый ударъ для Сорбонны. Одинъ экземпляръ перевода за подписью всѣхъ переводчиковъ посланъ былъ самому Мармонтелю. Въ переводѣ Велисарія участвовали: А. П. Шуваловъ, И. П. Елагинъ, Д. В. Волковъ, на долю котораго досталась 1/4 часть всего сочиненія, А. А. Карышкинъ, А. И. Бибиковъ, кн. Мещерскій, В. Г. Орловъ, Г. Г. Орловъ, З. Г. Чернышевъ, С. Козминъ, Козицкій, а сама Екатерина перевела IX главу, въ которой самовластіе подвергается самому безпощадному осужденію, сохранивъ въ переводѣ всю силу выраженій. Переводъ „Велисарія" былъ посвященъ тверскому епископу Гавріилу, а въ письмѣ къ Мармонтелю Екатерина описываетъ весь ходъ этой работы и характеръ самого епископа, чуждаго фанатизма и духа преслѣдованія, преувеличивая такимъ образомъ его личныя качества. Въ отвѣтъ получены были новыя письма отъ Мармонтеля къ переводчикамъ и императрицѣ. „Переводъ Велисарія на русскій языкъ, пишетъ онъ, есть безъ сомнѣнія прекрасный памятникъ, воздвигнутый человѣческому слову и философіи, но вмѣстѣ съ тѣмъ это и памятникъ, сооруженный царской властью". При этомъ Мармонтель

прибавляетъ, что, получивъ переводъ, онъ цѣловалъ буквы IX главы и просилъ снова перевести ему эту главу на французскій, причемъ могъ убѣдиться въ точной передачѣ подлинника. Переводъ „Велисарія", сдѣланный въ [illegible], вышелъ въ печати лишь въ 1768 г., а затѣмъ появился рядъ новыхъ изданій этого и другихъ переводовъ (Щебальскій, о соч. Екатер. II, Заря 1869, IV-50. Сборн. X, 268-70. Истор. рос. Ак. Сухомлинова т. II. Легенда о Велисаріѣ, В. И. Корніевскаго, Истор. Вѣстн., 1880 г. №10 стр. 342-53).

Лекція 22ª

Открытіе Коммиссіи Уложенія. Въ половинѣ іюля 1767 г. депутаты собрались въ Москвѣ и Екатерина назначила кн. А. А. Вяземскаго главнымъ распорядителемъ для открытія торжественнаго шествія изъ Чудова монастыря въ Успенскій соборъ, гдѣ должна была происходить присяга. Сама Екатерина прибыла туда въ императорской мантіи и коронѣ, окруженная многочисленнымъ штатомъ и войсками. Депутаты не христіанскаго исповѣданія находились внѣ храма. Церковную службу совершалъ Димитрій Сѣченовъ, членъ [illegible] коммиссіи отъ синода. Затѣмъ Екатерина принимала ихъ въ аудіенцъ-залѣ Кремлевскаго дворца. Тамъ же Димитрій произнесъ рѣчь, въ которой выразилъ мысль, что съ этимъ дѣломъ совпадаетъ утвержденіе истиннаго законодательства въ Россіи; отъ лица же Екатерины произнесъ рѣчь къ депутатамъ вице-канцлеръ Голицынъ. Въ ней депутаты призывались показать потомкамъ,

сколь велико радѣніе ихъ объ общемъ добрѣ, о блаженствѣ рода человѣческаго, о вселеніи въ сердца людскія добронравія и человѣколюбія"... „Вы имѣете случай, говорилъ онъ, прославить себя и вашъ вѣкъ и пріобрѣсть себѣ почитаніе и благодарность будущихъ вѣковъ. Отъ васъ ожидаютъ примѣра всѣ подсолнечные народы; очи ихъ на васъ обращены."

Такъ связывала Екатерина свое дѣло съ дѣломъ всѣхъ народовъ и съ общими интересами человѣчества. Императрица вручила генералъ-прокурору Наказъ Коммиссіи, обрядъ управленія и генералъ-прокурорскій наказъ, а на другой день (31 іюля) положено было открыть засѣданіе коммиссіи. Въ обрядѣ указывалось: на необходимость раздѣленія депутатовъ на частныя коммиссіи для выработки отдѣльныхъ вопросовъ, которые должны были войти въ проектъ новаго уложенія; порядокъ избранія маршала Коммиссіи и порядокъ разсмотрѣнія проектовъ въ Дирекціонной коммиссіи. Экспедиціонная коммиссія должна была давать редакцію сообщеніямъ частныхъ коммиссій. Наконецъ, коммиссія о разборѣ депутатскихъ наказовъ - должна была привести ихъ въ общій порядокъ и предложить общему собранію. Частныя коммиссіи должны были состоять изъ 5 членовъ. Было положено вести точные протоколы засѣданій, какъ въ частныхъ, такъ и въ общихъ коммиссіяхъ, для чего были опредѣлены чиновники, состоявшіе подъ вѣдѣніемъ особаго директора, подчиненнаго только императрицѣ. Записывать должно было какъ ходъ дѣла, такъ и рѣчи депутатовъ. Маршалъ, генералъ-прокуроръ и директоръ

должны были направлять засѣданія и наблюдать за теченіемъ дѣлъ. Устанавливался порядокъ произнесенія рѣчей (говорить слѣдовало стоя) и благочиніе въ засѣданіяхъ (за третій безпорядокъ съ виновнаго взимался штрафъ въ пользу воспитательнаго дома); штрафу не подвергались и депутаты, отсутствовавшіе больше недѣли. Пріѣзжавшіе губернаторы пользовались правомъ присутствія въ Коммиссіи и заявленій о нуждахъ ихъ края (Сборн. X, 222-36). Наказъ генералъ-прокурору состоялъ въ предоставленіи ему права регулировать пренія, сообразно съ требованіями юриспруденціи (Поликовъ 35-49). Засѣданія Коммиссіи назначены были въ Грановитой палатѣ.

Первыя дѣйствія Коммиссіи. Первымъ дѣломъ по прибытіи депутатовъ въ Грановитую палату, 31 іюля, - было чтеніе обряда Коммиссіи и избраніе маршала ея. Болѣе всего голоса остановились на выборѣ И. Г. и Г. Г. Орловыхъ, и, послѣ обсужденія этого вопроса, приступлено было къ баллотировкѣ, при чемъ большинство голосовъ оказалось въ пользу въ земскаго депутата И. Гр. Орлова (278 и 150), копорскаго - Г. Г. Орлова (228 и 200), волоколамскаго - Г. З. Чернышева (179 и 249), костромскаго - А. И. Бибикова (165 и 262); затѣмъ слѣдовали: гр. Ѳ. Г. Орловъ, кн. М. Н. Волконскій, П. И. Панинъ. Трехъ первыхъ депутатовъ слѣдовало представить на утвержденіе императрицѣ; но они или отказались, или сама императрица отклонила ихъ предложеніе по множеству занятій, и опредѣлила быть маршаломъ Коммиссіи

<u>Бибикову</u>[1]" Во все время выборовъ Екатерина наблюдала изъ тайника, находившагося надъ Грановитой палатой. Въ слѣдующемъ засѣданіи (3го августа) генералъ-прокуроръ объявилъ утвержденіе маршаломъ Бибикова и вручилъ ему маршальскій жезлъ. Затѣмъ 5 слѣдующихъ засѣданій были посвящены чтенію Наказа Екатерины, въ которомъ принимали участіе гр. Г. Г. Орловъ, Бибиковъ, А. Нартовъ, Елагинъ; избранію членовъ дирекціонной и другихъ двухъ (экспедиціонной и для разбора депутатскихъ наказовъ) коммиссій и выраженію сочувствія депутатовъ тѣмъ началамъ, которыя были изложены въ Наказѣ, особенно же тѣмъ, которыя касались смягченія законодательства и отношеній монархической власти къ своимъ подданнымъ; при этомъ многіе депутаты плакали. Въ пятое засѣданіи депутатамъ были розданы золотыя медали съ изображеніемъ вензеля императрицы, съ надписью на обратной сторонѣ: „<u>Блаженство каждаго и всѣхъ</u>", съ подписью 1766 г. 14 декабря. Тогда нѣкоторые депутаты предложили поднести императрицѣ титулъ: „Премудрой, матери отечества и Великой Екатерины". По этому поводу Екатерина написала А. И. Бибикову: „Я имъ повелѣла сдѣлать разсмотрѣніе законовъ, а они дѣлаютъ <u>анатомію моимъ качествамъ</u>." При поднесеніи же ей этого титула она отвѣчала: „О званіяхъ же, какъ вы желаете, чтобъ я отъ васъ приняла, на сіе отвѣтствую: 1) на <u>Великая</u> - о моихъ дѣлахъ оставляю времени и потомкамъ беспристрастно судить; 2) <u>Премудрая</u> - никакъ себя таковою назвать не могу,

1. Бибиковъ, судя по запискамъ его сына, предназначался уже Екатериной

ибо одинъ Богъ премудръ; и 3) матери отечества - любимъ Богомъ врученныхъ мнѣ подданныхъ я задачею званія моего почитаю, быть любимою отъ нихъ есть мое желаніе.* Въ дневныхъ запискахъ засѣданій комиссіи тщательно отмѣчается, когда депутаты пребывали въ тишинѣ и спокойствіи, что дѣлали въ собраніи и когда вставали, или много разговаривали. Притомъ уже въ первыхъ засѣданіяхъ послѣдовалъ рядъ передачъ своихъ полномочій депутатами другимъ лицамъ. И только съ 8-го засѣданія комиссія перешла къ своей прямой обязанности, т.е. къ чтенію наказовъ и ихъ обсужденію (Полѣновъ 49-68). Уже во время дѣйствія Комиссіи Екатеринѣ не разъ приходилось рѣшать вопросъ о порядкѣ дѣлъ, удерживать Бибикова отъ поспѣшныхъ рѣшеній, чтобы не сочли это за желаніе сбыть съ рукъ какое-нибудь дѣло; дѣлать внушенія депутатамъ за нарушеніе порядка; при чемъ виновные подвергались членами Комиссіи къ сложенію званія и отсылкѣ въ судъ (Сбор. X, 270-72, 297-302). Во время дѣйствія Комиссіи Екатерина издала секретный наказъ директору, которому поручено было приведеніе въ порядокъ записокъ частныхъ Комиссій. Въ дирекціонной Комиссіи мы опять встрѣчаемъ хорошо извѣстныя имена: Дмитрія Сѣченова, трехъ Орловыхъ*, Волконскаго, Чернышева, Голицына, Волкова, а въ числѣ кандидатовъ Щербатова (историка), Панина и др.; но, по постановленію Комиссіи,

---

къ этой должности: онъ сопутствовалъ ей по Волгѣ, участвовалъ въ переводѣ Велисарія, завѣдывалъ выборомъ костромскаго дворянства, наказъ котораго написанъ имъ самимъ.

она должна была раздѣлиться еще на нѣсколько частныхъ коммиссій, сообразно съ родомъ дѣлъ. Такихъ коммиссій, кромѣ трехъ вышеупомянутыхъ, было 16: 1) о родахъ государственныхъ жителей (сословій), 2) по правосудію, 3) по имѣніямъ; 4) о среднемъ родѣ людей, 5) о полиціи, 6) о городахъ, 7) объ общемъ правѣ, 8) для остереженія противорѣчій между гражданскими и военными законами, 9) о размноженіи народа, земледѣлія и домостроительства, 10) по образу сборовъ и расходовъ (налоги и финансы), 11) о торговлѣ вообще, 12) духовно-гражданская коммиссія, 13) объ училищахъ и призрѣній, 14) о почтахъ и гостинницахъ, 15) объ установленіяхъ, касающихся лицъ, 16) по обязательствамъ (т.е. о договорахъ)![1]

Опекунами для иновѣрцевъ были избраны: Олсуфьевъ, Потемкинъ и кн. Сергій Вяземскій (Лонгиновъ, списки депутатовъ въ Рус. Вѣст. 1861 г. №12). Полное собраніе матеріаловъ, относящихся къ екатерининской коммиссіи, хранится въ Архивѣ II отдѣленія Е.В.К. Оно состоитъ изъ: 1) дневныхъ записокъ, 2) мнѣній депутатовъ, читанныхъ въ собраніяхъ, 3) подлинныхъ наказовъ, данныхъ депутатамъ. Дневныя записки обнимаютъ весь періодъ съ 31 іюля 1767 г. по 12 января 1769 г. (т.е. по день закрытія коммиссіи).

---

1. Въ первомъ засѣданіи, въ Москвѣ, присутствовало 460 депутатовъ, изъ числа которыхъ подавали свои мнѣнія и предоставили наказы — 148, а именно дворянъ — 43, депутатовъ отъ городовъ 50, отъ присутственныхъ мѣстъ — 8, отъ Лифляндской земли и городовъ — 6, отъ шляхты — 4, козаковъ и войсковыхъ депутатовъ — 14, однодворцевъ, крестьянъ и пахотныхъ солдатъ — 14, татаръ, башкиръ и др. инородцевъ — 9: Рус. Вѣст. 1876 г., №1, 147. Всѣхъ избранныхъ депутатовъ было 564, изъ нихъ духовн. лицъ 1, высш. чиновъ, дворянъ и служащ. — 215, купцовъ — 175, однодворц. 16, солд. — 12, крест. — 18, инородц. — 37, новокрещ. 27, казаковъ — 61. Списки депут. Лонгинова, рус. Вѣст. 1861, №12.

Всѣхъ засѣданій было 203 (204ое 8 іюля 1770г). Въ дневныхъ запискахъ представляются внѣшнія подробности засѣданій, которыя дополняютъ мнѣнія депутатовъ.

Общій ходъ занятій Коммиссіи. Чтеніе наказовъ (въ 8е засѣданіе) началось съ наказа отъ черносошныхъ (государственныхъ) крестьянъ Каргопольскаго уѣзда Олонецкой губерніи; затѣмъ коммисія перешла къ чтенію наказовъ по большей части инородцевъ приволжскаго и приуральскаго края. Эти наказы заключали въ себѣ одни мѣстныя нужды, не выходя изъ круга обиходныхъ потребностей (уменьшеніе повинностей, увеличеніе угодій и частныя неудобства); но въ нихъ замѣчалось одно существенное стремленіе - это замѣнить существующій судебный порядокъ личнымъ словеснымъ судомъ. Чтеніе и обсужденіе наказовъ продолжалось по 21 сентября, между тѣмъ съ 11 сент. Коммиссія приступила къ чтенію законовъ о правахъ дворянства, начиная съ Уложенія царя Алексѣя Мих. по 12 дек. 1766 г. Здѣсь существеннымъ вопросомъ представляется разсужденіе о преимуществахъ древнихъ родовъ и вопросъ о томъ - считать ли на равнѣ съ ними лицъ, дослужившихся до этихъ правъ путемъ табели о рангахъ (11 засѣданій до 2 окт.). Съ 25 сент. по 7 дек. (46 засѣданій) было посвящено чтенію законовъ и разсужденіямъ о купечествѣ. Въ нихъ входили пренія о магистратахъ и ратушахъ, о правахъ купечества, о торговомъ судѣ; о службѣ купцовъ, о повинностяхъ, о цехахъ и ремесленникахъ (о запрещеніи торговать другимъ лицамъ безъ записей въ купечество); о вексельномъ уставѣ, о запоренномъ судѣ; о продажѣ золотыхъ и серебряныхъ вещей

(съ клеймами). Съ 20 ноября (9 засѣданій) Коммиссія посвятила чтенію и обсужденію привилегій Лифляндіи и Эстляндіи, причемъ возникли интересные дебаты о сохраненіи привилегій и уравненіи правъ Прибалтійскаго края съ остальными мѣстностями имперіи. Собранія Коммиссіи въ Москвѣ прекратились 14 дек. 1767 г. и съ 18 февр. 1768 г. открылись въ Петербургѣ чтеніемъ законовъ о юстиціи, или лучше сказать церковными постановленіями. Далѣе слѣдовали сужденія о судоустройствѣ и судопроизводствѣ; о должности рекетмейстера; о дѣлахъ, подлежащихъ высшимъ инстанціямъ и сенату; о лицахъ, подвергающихся публичному наказанію; о бѣглыхъ людяхъ; объ освобожденіи отъ холопства инородцевъ, принимающихъ крещеніе; о пыткѣ и о разныхъ видахъ убійствъ; о поддѣлкѣ монеты и поджигателяхъ; о святотатствѣ; о конокрадствѣ; о говорящихъ "слово и дѣло" по ябедничеству; о лихоимствѣ; о пасквиляхъ и подметныхъ письмахъ и тому подобные вопросы, которымъ посвящено было 70 засѣданій (по 7 іюля). Въ ряду этихъ вопросовъ особенно сильные споры были возбуждены по поводу крѣпостныхъ крестьянъ и власти помѣщиковъ. Послѣдовало 21 мнѣніе, изъ которыхъ только 3 было въ пользу крестьянъ. Съ 10 іюля начались весьма продолжительныя пренія о проектѣ правъ благородныхъ, легшія потомъ въ основаніе грамоты о дворянствѣ 1785 г., состоящей изъ двухъ частей — о происхожденіи и степеняхъ благородныхъ и — о правахъ благородныхъ. Засѣданія по этому вопросу тянулись до 6 окт., когда было постановлено передать этотъ вопросъ въ дирекціонную коммиссію. Въ сужденіяхъ по этому поводу выразилось стремленіе дворянства къ раздѣленію

между родовитымъ и выслужившимся дворянствомъ и точному опредѣленію дворянскихъ правъ. Съ другой стороны лифляндскіе и эстляндскіе депутаты отъ дворянства добивались утвержденія ихъ особыхъ правъ и привилегій, примѣру которыхъ послѣдовали также малороссійскіе и смоленскіе депутаты. Но эти стремленія не встрѣтили сочувствія со стороны Екатерины, и маршалъ Бибиковъ отъ ея имени заявилъ, что внесеніемъ подобныхъ вопросовъ нарушается порядокъ, данный Коммиссіи, по которому она призвана заниматься составленіемъ проекта законовъ, а не разсуждать о вопросахъ, относящихся къ правленію и вѣдѣнію власти. Съ 9 окт. по 15 дек. обсуждались законы о помѣстьяхъ и вотчинахъ, куда входили также пренія о завѣщаніяхъ, покупкѣ имѣній, о раздѣлѣ, о контрактахъ на недвижимыя имущества и т. п.

18 дек. 1768 г. Бибиковъ заявилъ собранію объ именномъ указѣ, въ силу котораго члены Коммиссіи, состоявшіе въ военныхъ чинахъ, должны были отправиться въ армію, вслѣдствіе войны съ Турціею, почему большое собраніе распускалось до созванія вновь, а оставались лишь частныя коммиссіи, для продолженія своихъ занятій. Но большая Коммиссія больше уже не собиралась. Екатерина старалась устранить значеніе сословности въ этомъ собраніи. Она распорядилась размѣщать депутатовъ по губерніямъ, а въ самыхъ губерніяхъ порядокъ ихъ установился по времени прибытія въ Москву, а не по чинамъ и званіямъ (Сборн. IV стр. 26).

Составъ Коммиссіи и характеристика Наказовъ.

Изъ числа избранныхъ депутатовъ болѣе 100 чел. не являлось
вовсе въ засѣданія. На 460 депутатовъ, бывшихъ на лицо,
приходилось ораторовъ: отъ дворянъ 75; отъ городовъ -
55; отъ присутственныхъ мѣстъ - 13; отъ лифляндска-
го земства - 6; отъ шляхты - 4; отъ однодворцевъ, кресть-
янъ и пахотныхъ солдатъ - 20; отъ казаковъ и войскъ -
18; отъ татаръ, башкиръ и др. инородцевъ - 11. Всего бы-
ло 202 оратора, причемъ въ петербургскую сессію ока-
залось гораздо меньше, чѣмъ въ московскую, а именно
54 (Рус. Вѣст. 1876 г., N II, 566). Въ интересахъ дѣла, въ
петербургскую сессію разрѣшено было членамъ частной ком-
миссіи «о порядкѣ государства» посѣщать засѣданія се-
ната и др. присутственныхъ мѣстъ (Сборн. X, 296 и П.
С. З.), но запрещалось брать на себя ходатайства по
дѣламъ. Между наказами встрѣчались и такіе, которые
не выражали никакихъ желаній и потребностей и огра-
ничивались лишь похвалами мудрости Екатерины и
полнымъ довѣріемъ къ ея волѣ. Только весьма немно-
гія изъ обществъ предоставляли своему депутату пол-
ную мочь (московское дворянство), или точнымъ его
отвѣтственностію передъ собою за упущенія въ данной
инструкціи (Шишкинъ). Въ числѣ депутатовъ мы
встрѣчаемъ иногда лицъ, глубоко проникнутыхъ идеею
Наказа въ пользу низшихъ классовъ (какъ Левъ Нарышкинъ,
относительно народнаго здравія); встрѣчаются при-
мѣры близкаго знакомства съ русскимъ законодатель-
ствомъ даже въ частныхъ, мало извѣстныхъ постанов-
леніяхъ, близкое знакомство съ предшествовавшею исторіей

и положеніемъ Россіи, съ статистикою (кн. Щербатовъ), съ промыслами (Соймоновъ), съ мѣстными правами и исторіею (малороссійскіе депутаты), съ положеніемъ инородцевъ и колонизаціею Сибири, съ исторіею городовъ, гражданскимъ правомъ (Елагинъ). Такимъ образомъ Коммиссія имѣла въ своей средѣ людей, которые могли дать по каждому вопросу необходимыя свѣдѣнія и указанія. Но бывали и печальныя сцены столкновеній, если возбуждались вопросы, въ которыхъ затрогивалось крестьянское сословіе, не разъ подвергавшееся обвиненію со стороны прочихъ депутатовъ. Мих. Глазовъ (обоянскій депутатъ) позволилъ себѣ даже оскорбленія, противъ чего возстали Г. Г. Орловъ и Бибиковъ; нѣкоторые требовали его исключенія изъ Коммиссіи, но все дѣло ограничилось штрафомъ и испрошеніемъ прощенія у обиженныхъ. Были и другіе подобные же случаи (Рус. Вѣст. 1876, I, 152-70).
Затѣмъ обратимся къ разсмотрѣнію дѣйствій Коммиссіи по роду ея занятій и начнемъ съ преній ея по вопросу о дворянствѣ.

<u>Пренія о дворянствѣ</u>. Вопросъ о положеніи дворянства открылся чтеніемъ статей отъ Уложенія царя Алексѣя Мих. до указа 12 дек. 1766 включительно. Изъ нихъ видно, что въ продолженіе всего этого времени права и преимущества дворянскаго сословія все возрастали въ ущербъ крестьянскаго сословія, которое пришло постепенно въ полную зависимость отъ помѣщиковъ. Ко времени созванія Коммиссіи объ Уложеніи дворянство пользовалось правомъ первенства въ государственной службѣ,

(въ которую при Екатеринѣ стали записываться съ 15 лѣтъ), и правомъ имѣть отношенія къ верховной власти. Прибывъ въ Коммиссію дворяне пошли съ широкимъ опытомъ. Они ходатайствуютъ о выборѣ изъ своей среды нѣсколькихъ комиссаровъ для разбора ссоръ между дворянами и наемщиками труда; или немедленнаго изслѣдованія совершившихся преступленій, обидъ и насилій; они требовали разрѣшенія <u>дворянскихъ съѣздовъ каждые два года</u>, съ правомъ ихъ надзирать даже за дѣйствіями судебной власти и через особыхъ депутатовъ сообщать о томъ правительствующему сенату; хлопотали о выборѣ <u>ландрата</u> и комиссаровъ – для разбирательства дѣлъ между крестьянами и дворянами, причемъ судъ надъ ландратомъ и комиссарами долженъ быть ввѣренъ общему собранію мѣстнаго дворянства. Дворянство жаловалось на подъячихъ и другихъ лицъ недворянскаго сословія, разбогатѣвшихъ и накупившихъ себѣ деревень, отчего произошло очевидное утѣсненіе дворянства. Костромское дворянство пошло дальше въ своихъ требованіяхъ: оно желало, чтобы никто не могъ быть удостоенъ дворянства въ силу заслуги и чиновъ, а чтобы возведеніе въ дворянское достоинство всякій разъ происходило по особому изволенію импер-[атрицы]. Другіе дворяне требовали строгаго разграниченія потомственныхъ дворянъ отъ выслужившихся, которые не могли бы и «вкрадываться» въ дворянское сословіе. Они желали, чтобы это сословіе было совершенно обособлено; пользовалось бы спеціальнымъ образованіемъ и воспитаніемъ; имѣло бы особые суды и освобождалось бы отъ тѣлесныхъ и другихъ безчестныхъ наказаній и только послѣ лишенія

дворянскаго званія могло бы подвергаться наказанію. Особенно подробно по этимъ вопросамъ составленъ наказъ Ярославскаго дворянства. Оно выходило изъ той мысли, что россійское дворянство есть главный чинъ въ имперіи, а между тѣмъ вслѣдствіе приниженія обычаевъ и захватовъ отъ другихъ чиновъ оно пришло въ совершенное низверженіе, и права ее заглушаемы подкопами подъ законы. Для огражденія отъ этого на будущее время оно предлагало сдѣлать пересмотръ списковъ и собрать точныя свѣдѣнія о дворянахъ и ихъ правахъ. Оно настаивало на охраненіи дворянскаго сословія отъ вторженія вкравшихся дворянъ и иностранцевъ. Россійское дворянство одно можетъ владѣть собственностью, и у тѣхъ, кто завладѣлъ ею не правильно, она должна быть отобрана съ вознагражденіемъ за убытки. Фабрики и заводы, имѣющіе непосредственное отношеніе къ земледѣлію (хлѣбъ, пенька, даже вино), должны составлять владѣніе дворянъ, а равно и винный откупъ въ деревняхъ. Дворяне настаивали даже, ссылаясь на мнѣнія ученѣйшихъ народовъ, на принадлежности имъ однимъ права свободной торговли съ уплатою извѣстной платы въ казну. И Ярославское дворянство высказало такія мнѣнія о выборныхъ коммиссарахъ и т. п. Но при этомъ требовало огражденія самой личности этихъ выборныхъ особою протекціею императрицы и подчиненія въ судебномъ отношеніи дворянству. Почти въ такомъ же родѣ составлены депутатскіе наказы и прочихъ дворянъ, съ прибавленіемъ иногда ихъ особенныхъ желаній. Какъ веденіе всѣхъ правительства черезъ дворянскаго предводителя, введеніе

за оскорбленіе дворянъ наказаніе кнутомъ и т. п.).

Въ частности наказы опредѣляли время *срочныхъ съѣздовъ дворянъ*, заботы дворянъ о *сельскомъ хозяйствѣ*, со сборомъ на эту статью постоянныхъ взносовъ; на эти съѣзды должны были привозиться *взрослые дѣти*, чтобы пріучить ихъ къ веденію дѣлъ и разсужденіямъ объ общей пользѣ. Нѣкоторые дворянскіе наказы требовали, чтобы уѣздные судьи и воеводы избирались дворянствомъ же[1]. Въ преніяхъ Коммиссіи нѣкоторыя изъ этихъ заявленій шли еще дальше. Нѣкоторые даже отрицали право полученія чиновъ недворянами, а слѣдовательно и дворянскаго достоинства, находя эти пожалованія временными, во время настоятельныхъ нуждъ (какъ въ шведскую войну). *Кн. М. М. Щербатовъ*, исходя изъ той же мысли, приходитъ къ заключенію, что это принужденіе при Петрѣ В. было вызвано пренебреженіемъ дворянъ службою, но теперь, когда и служба, и науки сдѣлались для дворянъ *пріятными*, нѣтъ надобности устранять ихъ отъ прямаго ихъ права. Достоинство дворянства, по мнѣнію оратора, соединяется съ его рожденіемъ; при этомъ онъ указываетъ на примѣръ Римлянъ, у которыхъ уваженіе къ знатнымъ родамъ простиралось до того, что они возводили ихъ *до боговъ* — слово, зачеркнутое Щербатовымъ и замѣненное словомъ *героевъ*. Далѣе онъ ссылается на то, что всѣ *лучшіе писатели* признаютъ,

---

1. Что допущено было при Елисаветѣ, но вѣроятно примѣнено не было (Солов., XXIV, стр. 428).

что честь и слава наиболѣе дѣйствуютъ въ дворянскомъ сословіи и что качества эти имѣютъ болѣе вліянія на тѣхъ, кто съ дѣтства слышитъ о славныхъ подвигахъ своихъ предковъ. Фамильные же, говоритъ Щербатовъ, достигли высшаго званія путемъ происковъ, стремятся къ наживѣ и другимъ незаконнымъ пріобрѣтеніямъ. Отсюда онъ приходитъ къ тѣмъ же ограниченіямъ дворянскаго званія. Муромскій депутатъ Чаадаевъ высказывался противъ мелкаго, бѣднаго дворянства, которое бываетъ причиною дурнаго воспитанія, между тѣмъ какъ только познанія въ наукахъ могутъ дать высшихъ полезныхъ гражданскихъ сановниковъ и искусныхъ военачальниковъ, мелкое же чиновничество нерѣдко прибѣгаетъ къ недозволеннымъ способамъ для обезпеченія себя. Это мнѣніе Чаадаева встрѣчило рядъ заявленій противъ мелкаго дворянства и выслужившихся лицъ. Нѣкоторые (какъ сибирскій губернаторъ Чичеринъ) требовали переименованія сибирскихъ дворянъ въ другое званіе, такъ какъ они выслужились изъ казаковъ, а кн. Щербатовъ для порядочнаго управленія Сибири предлагалъ завести тамъ настоящее русское дворянство или жаловать сибирскихъ служилыхъ людей дворянствомъ, не иначе какъ послѣ 20 лѣтъ службы. Тотъ же Щербатовъ считалъ необходимымъ завести въ главныхъ городахъ школы, изъ которыхъ лучшіе ученики присылались бы въ Московскій Университетъ и Академію Наукъ. Заявленія въ пользу выслужившагося дворянства встрѣчали въ Коммиссіи отпоръ и даже сильные нападки. Но слѣдуетъ сказать къ чести Коммиссіи, что въ ней нашлись люди, давшіе отвѣтъ на всѣ эти домогательства, приличный философскому вѣку. Такъ депутатъ гадяцкаго, миргородскаго и полтавскаго полковъ. Ник. Мотонисъ, паро-

дируя рѣчь Щербатова, между прочимъ замѣтилъ: „Подлаго-мени нѣтъ никого, говоритъ отечество, земледѣлецъ, мѣщанинъ, дворянинъ, всякій изъ нихъ честенъ и знатенъ трудами своими, бодрымъ осмотрѣніемъ и благоправіемъ. Подлы только тѣ (которые), кто имѣютъ дурныя свойства, кто производитъ дѣла, противныя закону..., нарушающія общее спокойствіе (общее спокойствіе) и наконецъ тѣ, кто, не радѣя о общемъ благѣ, жизнь свою препровождаетъ праздно. Еще опредѣленнѣе и рѣзче высказался депутатъ отъ г. Рузы И. <u>Смирновъ</u>. Утверждая, что наслѣдники не могутъ пользоваться трудами своихъ отцевъ безъ личныхъ заслугъ, онъ предлагаетъ введеніе въ дворянство только за личныя заслуги изъ лицъ всѣхъ званій; введеніе законовъ, равныхъ для всего населенія и болѣе строгихъ для провинившихся дворянъ, а также лишеніе дворянства наслѣдниковъ, оказавшихся недостойными своихъ предковъ. „И <u>благородство наше</u>, говоритъ онъ, <u>должно образовать одно тѣло изъ всего народа</u>, не разорванное на противоборствующія сословныя части." Въ томъ же смыслѣ высказались и другіе два депутата (<u>Андрей Руговскій</u> — отъ донецкаго полка и <u>Щ. Зарудный</u> — отъ изюмской провинціи), увлекшіе за собой до 15 депутатовъ отъ городовъ и до 9 отъ полковъ и крѣпостей.

<u>Вопросъ объ образованіи</u>. Вопросъ объ образованіи, въ связи съ служебными преимуществами, занимаетъ видное мѣсто въ заявленіяхъ дворянскихъ депутатовъ. Депутатъ Кашинскаго уѣзда (Кожинъ), ссылаясь на недостаточность одного кадетскаго корпуса — въ Петербургѣ, предлагалъ учредить такой же — въ Москвѣ, на основаніи указа 1731 г., въ пользу котораго возобновить сборъ со вступ-

пающихъ бракъ по 1-2р. съ дворянъ и по 50к. съ недворянъ. Но депутатъ серпейскаго дворянства, гр. Ал-дръ Строгановъ, замѣтилъ на это, что, хотя учредить такое училище въ Москвѣ необходимо, для бѣдныхъ дворянъ, но онъ считаетъ подобный поборъ несправедливымъ: онъ противорѣчитъ статьямъ Наказа, который предлагаетъ выгоды и поощренія для вступающихъ въ бракъ, съ цѣлью размноженія народа, притомъ всякій налогъ долженъ служить къ пользѣ всего общества, а не одной его части. Поэтому училище должно содержаться на счетъ дворянъ, имѣющихъ свыше 200 душъ крестьянъ, а вступать въ него могли бы дѣти дворянъ, не обладающихъ такимъ количествомъ душъ. Костромское дворянство предлагало учредить по губернскимъ и провинціальнымъ городамъ школы или семинаріи, для воспитанія и обученія дѣтей дворянъ грамотѣ, ариѳметикѣ и иностраннымъ языкамъ. Тульское дворянство просило объ учрежденіи въ провинціальныхъ городахъ небольшихъ гимназій съ однимъ профессоромъ и двумя помощниками. Московское дворянство хлопотало объ учрежденіи въ Москвѣ кадетскаго корпуса и двухъ училищъ для воспитанія дѣвицъ, на свой счетъ. Другія просили учрежденія школъ для бѣдныхъ дворянъ и для приказныхъ и купеческихъ дѣтей; а также освобожденія дворянъ, окончившихъ школы, отъ службы въ солдатахъ съ тѣмъ, чтобы такіе вступали прямо въ офицеры.

Понятно, что при такомъ настроеніи, собраніе Коммиссіи распалось на двѣ неравныя половины: одна представляла собою интересы высшаго дворянства, другая — мелкаго, нашедшаго себѣ поддержку въ прочихъ сословіяхъ, а потому и пренія по этому вопросу приняли острый харак-

теръ. Послѣдняя категорія заявляла, что законъ станетъ тогда уважаться, когда дворянство перестанетъ смотрѣть на себя, какъ на исключительное сословіе и не станетъ дѣлать обидъ другимъ, и что <u>никому не долженъ быть возбраненъ путь къ просвѣщенію дѣтей своихъ науками; такъ какъ разумъ отъ Всевышняго никому не скрытъ.</u> Собраніе все таки пришло къ мысли о раздѣлѣ дворянства на классы. Особенно замѣчательны были доводы депутата кн. Давыдова, который указывалъ на образцы раздѣленія на классы у разныхъ народовъ: римлянъ, славянъ, египтянъ; ссылался на Платона и Аристотеля, которые дѣлятъ знатное сословіе „на 4 класса по качествамъ заслугъ и происхожденія". Примѣняя это къ Россіи, ораторъ полагалъ, что здѣсь дворянство должно состоять изъ 1) лицъ, происшедшихъ отъ царствующихъ и владѣтельныхъ особъ, 2) лицъ, отдѣлившихся отъ тѣхъ же родовъ и давно принадлежавшихъ дворянству, 3) изъ тѣхъ, кто издревле прославился на служеніи отечеству и былъ удостоенъ дворянскаго званія отъ коронованныхъ особъ, 4) изъ тѣхъ, которые происходили отъ лицъ, выѣхавшихъ вмѣстѣ съ царскими фамиліями, князей и дворянъ и 5) изъ тѣхъ, чьи предки состояли въ чинахъ, дававшихъ по прежнимъ государственнымъ законамъ право на дворянство. Въ смыслѣ заявленій Давыдова высказались кн. Щербатовъ и О. Языковъ. Но изъ дѣлъ Коммиссіи не видно, чтобы она пришла къ общему заключенію по этому вопросу. Съ другой стороны, также не состоялось ничего общаго относительно избранія судей и коммиссаровъ отъ дворянъ, но при этомъ многіе голоса заявили противъ особеннаго дворянскаго суда, могущаго имѣть вредныя послѣдствія,

какъ для крестьянъ, такъ и относительно интересовъ суда вообще.

Нельзя не замѣтить, что на идеи кн. Давыдова и Щербатова, а равно и тѣхъ депутатовъ, которые отстаивали привилегіи дворянства, имѣли большое вліяніе произведенія современной литературы, въ которыхъ дворянство разсматривалось какъ особый институтъ, или въ смыслѣ англійскаго строя: таковы сочиненія Монтескьё и Юма, съ которыми былъ знакомъ и на которыя ссылался кн. Щербатовъ.

<u>Пренія о правахъ купечества и торговлѣ.</u> Дворянство высшее стремилось сосредоточить свои права въ рукахъ <u>избраннаго меньшинства; купечество</u> стремилось къ тому же посредствомъ ограниченія торговыхъ правъ другихъ классовъ. Въ интересахъ торговли и заводской промышленности оно добивалось предоставленія ему права владѣть крестьянами, ссылаясь на недостаточность вольнонаемнаго труда и рабочихъ рукъ; а съ другой стороны оно хлопотало о запрещеніи крестьянамъ и другимъ сословіямъ вести торговлю, безъ записи въ купеческій классъ. Купечество тоже стремится образовать <u>свой сословный судъ</u>, во избѣжаніе тягостей и убыточности общаго суда. Но эти стремленія встрѣтили двоякій отпоръ и со стороны дворянства, и со стороны крестьянскихъ депутатовъ. Нѣкоторые изъ дворянъ настаивали на расширеніи торговыхъ правъ на городскихъ мѣщанъ и крестьянъ, но купечество высказывалось противъ этого. Князь Щербатовъ по этому поводу замѣчаетъ справедливо, что купечество стремится завладѣть всею внутреннею торговлею, упуская

изъять [?] торговлю внѣшнюю, находившуюся въ рукахъ иностранцевъ. Щербатовъ допускалъ учрежденіе сословныхъ (выборныхъ) судовъ для купечества, возражалъ противъ монополій, сосредоточенія винныхъ откуповъ въ однихъ рукахъ и т. п. и предлагалъ раздѣленіе купечества на три класса. Купечество же требовало дозволенія купцамъ первой гильдіи и фабрикантамъ носить шпаги, полагая, что это заставитъ иностранцевъ уважать русское купечество.

Замѣчательно, однако, что депутаты вовсе не выражали намѣренія опредѣлить въ точности положеніе мѣщанскаго класса, изъ котораго Екатерина думала составить среднее сословіе. Эта мысль разбилась объ антагонизмъ, возникшій по поводу преній о торговлѣ. Купечество отвергло также предложеніе объ учрежденіи въ городахъ купеческихъ конторъ, маклеровъ, нотаріусовъ и т. п., такъ какъ это тяготило-бъ [?] и такъ служебными порученіями, которыя ему приходилось нести по другимъ должностямъ.

Пренія о крѣпостномъ правѣ. Пренія о торговлѣ вызвавшими [?] на видъ и вопросъ о крѣпостномъ правѣ. И по этому вопросу образовалось двѣ неравныя категоріи. Одни: владѣтели фабрикъ, заводовъ, однодворцы, казаки, однимъ словомъ представители всѣхъ свободныхъ сословій добивались расширенія права владѣть крестьянами въ интересахъ промышленности, и другіе просили награды за службу, населенными имѣніями. Но эти предложенія остались безъ обсужденія.

Съ другой стороны, настоянія на расширеніи крѣ-

постнаго права встрѣтило не мало рѣзкій отпоръ со стороны нѣкоторыхъ депутатовъ отъ городовъ и мелкаго дворянства. Но особенно рѣзкій протестъ вызывала противъ фабрикантовъ и заводчиковъ, роскошная и распутная жизнь которыхъ дѣлала невыносимымъ положеніе ихъ крѣпостныхъ. Въ этомъ отношеніи, къ чести сказать, нѣкоторые дворянскіе наказы обвиняли помѣщиковъ въ злоупотребленіи ихъ властью. Пьянство и разгулъ [illegible] сословія, были слѣдствіемъ того же развращенія, [illegible] собственности [illegible] крестьянина необезпеченнымъ. Изъ горячихъ депутатовъ въ томъ же смыслѣ высказались: архангельскій крестьянинъ Чупровъ, однодворецъ Масловъ и [illegible] [illegible]цовъ. Высказывались мнѣнія и противъ привилегій. Замѣчательно, какъ сословныя и мѣстныя привилегіи постоянно [illegible] отпоръ [illegible]. Представители малороссійскаго шляхетства отстаивали право пріобрѣтенія [illegible]. Замѣчательно также, что кн. Щербатовъ, отстаивая право пріобрѣтенія крестьянъ для заводовъ и фабрикъ и признавая, что эти крестьяне постоянно подвержены свирѣпству, высказываетъ тѣ же (?) [illegible] <u>вотъ мысли о рабствѣ вообще</u>. «Съ удивленіемъ вижу, [illegible] не [illegible] [illegible], какъ состояніе... и невольничье [illegible], [illegible] ли онъ или нѣтъ». Указывая же на примѣръ Европы, гдѣ нѣтъ невольничества, онъ замѣчаетъ: «Обратимъ взоры наши на человѣчество и устыдимся въ одномъ помышленіи дойти до такой суровости, чтобы

равный намъ по природѣ сравненъ былъ со скотами и по-одиночкѣ продаваемъ. Мы люди и подвластные намъ крестьяне суть подобные намъ, но разность случаевъ возвела насъ на степень властителей надъ ними". Нѣкоторые изъ депутатовъ предлагали даже обрадовать человѣчество немедленнымъ освобожденіемъ купеческихъ крестьянъ. Особенно возмущала нѣкоторыхъ депутатовъ розничная продажа людей. „Во всей Европѣ нѣтъ такихъ законовъ, даже и въ азіатскихъ странахъ такая продажа не ведется", говоритъ одинъ изъ нихъ. Они предлагали обратить купеческихъ крестьянъ въ государственныхъ.

Изъ преній депутатовъ выяснилось, что владѣніе крестьянами имѣло три вида: поссесіонное (фабрикъ и заводовъ), половническое и полное, причемъ даже крайніе защитники дворянскихъ правъ не рѣшались открыто защищать законность рабовладѣнія, а старались смягчить его условными формами. Уже въ Петербургскую сессію, депутатъ козловскаго дворянства, Грекъ Коробьинъ, предлагалъ ограничить права помѣщиковъ на крестьянъ въ имущественномъ отношеніи и допускалъ лишь личное владѣніе. Депутатъ Протасовъ (Гороховецкаго уѣзда) заявилъ при этомъ, что если будетъ на то монаршая воля, то не остается ничего болѣе, какъ сдѣлать крестьянъ совсѣмъ свободными, хотя это онъ считаетъ возможнымъ сдѣлать только постепенно. Такое нерѣшительное отношеніе къ вопросу безъ сомнѣнія согласовалось съ тою осторожностью, какую рекомендовалъ Наказъ относительно его.

Тѣмъ болѣе это вѣроятно въ общемъ основаніи, что, не смотря даже на энергическія заявленія противъ владѣнія крестьянами, фабриками и заводами, Екатерина не отмѣнила этого способа владѣнія вполнѣ (Рус. Вѣст. 1876, № 2).

Заявленія государственныхъ крестьянъ. Представители купечества единодушно защищали свои торговыя права, ссылаясь на рядъ привилегій, данныхъ до Петра II. и послѣ него торговому классу и на Наказъ Екатерины, согласный съ мнѣніемъ одного извѣстнаго юриста, что въ монархическомъ правленіи торговое занятіе для дворянъ неприлично. Но въ то время какъ дворянство и купечество заявляли свои притязанія на владѣнія крестьянами, государственные крестьяне, въ своихъ наказахъ, заявляли о недостаточности ихъ надѣловъ и угодій; имъ часто отводились болотистыя мѣстности, а на сѣверѣ они нерѣдко страдали отъ неурожаевъ, вслѣдствіе чего принуждены были питаться хлѣбомъ съ примѣсью сосновой коры или травы (вахка), и соломой, причинявшими болѣзни и смерть. Они хлопотали о дозволеніи переселяться въ лѣсныя мѣстности, гдѣ земля удобна для хлѣбопашества. На это послышались замѣчанія, что не всѣ эти показанія вѣрны, что кромѣ хлѣбопашества существуютъ другіе промыслы (звѣриный, рыбный), что недостатокъ хлѣба происходитъ также отъ дурнаго веденія хозяйства; о необходимости сѣять картофель. Нѣкоторые настаивали на недозволеніи крестьянамъ продавать свои земли; другіе жаловались

В. Иконниковъ

на малоземельность дворянъ и предлагали вывести оттуда однодворцевъ и пахотныхъ солдатъ съ тѣмъ, чтобы занять ихъ земли.

Пренія объ имущественныхъ правахъ. Въ связи съ владѣльческими правами дворянъ стоитъ рядъ и другихъ вопросовъ: такъ дворянскія требованія клонились къ тому, чтобы владѣльцамъ какъ родовымъ, так и благопріобрѣтеннымъ имуществомъ предоставлено было право передачи ихъ кому угодно, опираясь въ данномъ случаѣ на ненормальность отношеній между родителями и дѣтьми. Другіе предлагали установить норму, до которой могъ простираться дѣлежъ имѣнія, или предоставить дѣтямъ пользоваться лишь доходами съ имѣній, которыми управлялъ одинъ изъ наслѣдниковъ. Всѣ эти ограниченія раздѣла имущества опирались на примѣръ народовъ Западной Европы. Наказы обращали вниманіе на прерогативы родительской власти и сформулировали ихъ съ такою ясностью, что многія положенія ихъ вошли въ законодательство, но больше въ ущербъ дѣтей. Дворяне настоятельно указывали на необходимость точнаго опредѣленія права собственности (владѣнія, купли, продажи, перехода по наслѣдству и т.п.) и правильнаго размежеванія, которое должно было производиться черезъ выборныхъ. При этомъ нѣкоторые наказы изображают состояніе тогдашняго помѣстнаго владѣнія въ крайне печальномъ состояніи: они говорятъ о постоянныхъ захватахъ земель, истребленіи лѣсовъ, потравах, истребленіи животныхъ, вслѣдствіи охоты и уныш...

ныхъ наѣздовъ по-враждѣ. Наказы указываютъ на недостаточность тогдашняго судопроизводства, которое, за отдаленностью отъ многихъ мѣстъ и невозможностью для несостоятельныхъ заплатить необходимый взносъ за гербовую бумагу, становится недоступнымъ. Дворянство хлопотало о сокращеніи дѣлопроизводства и формальностей, о разрѣшеніи совершать акты на владѣнія помимо вотчинной коллегіи, куда они отправлялись на утвержденіе и отъ чего возникали весьма существенныя злоупотребленія: такъ одно и тоже имѣніе продавалось въ разныхъ городахъ, а утверждалось за тѣмъ, кто первый успѣвалъ представить свое ходатайство въ коллегію. Обманы и подлоги этого рода достигали нерѣдко громадныхъ размѣровъ.

Пренія о банкахъ.

Далѣе, наказы касаются устройства вексельной части и банковыхъ учрежденій, причемъ также обнаруживаются сословныя стремленія. Такъ купцы считаютъ вексельные обороты своею исключительною привилегіею; дворянство же добивалось облегченія своихъ займовъ отъ подобныхъ стѣснительныхъ условій. Относительно банковъ было высказано желаніе устройства ихъ во всѣхъ провинціальныхъ городахъ, на основаніи частныхъ вкладовъ. Такіе банки считало необходимымъ основать для себя и купечество; а представители крестьянскихъ обществъ ходатайствовали о разрѣшеніи выдачъ для крестьянъ изъ государственныхъ банковъ, причемъ указывалось на то, что имъ приходилось

дѣлать частные займы за 50%.
Изъ другихъ вопросовъ, внесенныхъ и подвергавшихся обсужденію въ Коммиссіи, мы также увидимъ, что сословность постоянно давала себя чувствовать.

Вопросъ о промыслахъ и торговлѣ крестьянъ.

Но требовательность торговаго класса въ отношеніи къ крестьянамъ шла еще дальше. Онъ требовалъ, чтобы крестьяне продавали свои сбереженія и произведенія мѣстнаго производства (кустарная промышленность) не прямо потребителямъ, а торговому классу; между тѣмъ какъ крестьянскіе депутаты указывали, что и безъ того они терпятъ отъ притѣсненій купцовъ. Въ томъ же отрицательномъ смыслѣ о крестьянской торговлѣ высказались депутаты отъ городовъ; они требовали даже запретить болѣе состоятельнымъ крестьянамъ скупать крестьянскій хлѣбъ и другіе продукты для доставки ихъ на рынки и ярмарки. Они хотѣли отбить охоту у крестьянъ къ подобнымъ предпріятіямъ — высокими штрафами въ пользу торговаго класса и казны (1000 руб.) и настаивали на лишеніи права крестьянъ наниматься у купцовъ въ приказчики и сидѣльцы, что способствовало развитію у крестьянъ торговыхъ наклонностей.
Другіе изъ городскихъ депутатовъ настаивали на запрещеніи для крестьянъ даже ловли рыбы... Депутаты указывали на нерадѣніе крестьянъ въ сохраненіи хлѣба, который гніетъ и въ такомъ видѣ продается купцамъ. Вообще въ купеческихъ депутатахъ замѣтно было намѣреніе установить постоянныя границы

между купечествомъ и крестьянствомъ (т.е. образованіе какихъ-то неподвижныхъ кастъ).

Въ средѣ другихъ классовъ также замѣтно одностороннее пониманіе общихъ интересовъ. Инородцы хлопочутъ о беспошлинной торговлѣ лошадьми, сѣномъ и т. п.; нѣкоторые изъ дворянъ — о такой же торговлѣ солью, земледѣльческими продуктами; малороссійскіе депутаты старались удержать свои привилегіи о беспошлинной торговлѣ внутри государства, даже иностранными товарами, съ уплатою лишь пограничной пошлины; нѣкоторые изъ крестьянскихъ депутатовъ думали ограничить купечество правомъ торговли одними красными товарами и мн. др.

И эти пренія перешли свою мѣру и вызвали раздраженіе въ средѣ депутатовъ отъ казаковъ и крестьянъ (Анцифировъ), прямо указывавшихъ на значеніе крестьянскаго сословія въ государствѣ и недобросовѣстность купцовъ въ торговлѣ; другіе же упрекали въ недобросовѣстности низшій классъ... Нельзя не замѣтить, однако, что нѣкоторыя изъ этихъ пререканій возникали отчасти вслѣдствіе злоупотребленій, а отчасти вслѣдствіе неопредѣленности законодательства: такъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ крестьяне, не состоя въ купеческомъ классѣ, продавали даже красные товары, парчи, сукна и т. п. Однимъ словомъ, депутаты желали, чтобы установлены были строгіе законы, по которымъ одно званіе не вступало бы въ дѣла другаго. Всѣ эти заявленія могли особенно относиться къ приволжскимъ крестьянамъ, инородческимъ поселянамъ и пахотнымъ солдатамъ, сосредоточивавшимъ нерѣдко въ своихъ рукахъ рыбные промыслы, кожевенные

производства, продажу хлѣба, соли, чѣмъ, быть можетъ, и подтверждались отзывы Екатерины II о зажиточности поволжскаго населенія. Въ Коммиссіи это объяснилось отчасти недостаткомъ торговаго класса, отчего торговыя дѣла сосредоточивались въ рукахъ производителей; указывалось также на неправильное взиманіе пошлинъ и злоупотребленіе вѣсомъ и прочее.

Пренія о торговлѣ вообще. Но надо отдать справедливость крестьянскимъ наказамъ, которые и въ частныхъ коммиссіяхъ, и въ общемъ засѣданіи дали возможность поставить эти вопросы на болѣе безпристрастную точку зрѣнія. Въ нихъ говорилось лишь о правѣ крестьянъ на торгъ земледѣльческими произведеніями, сельскими издѣліями, лѣсомъ и т. п. Насколько самое положеніе купечества въ Россіи было ненормально, видно изъ мнѣнія кн. Щербатова, который говоритъ, что въ то время въ Россіи считалось торговаго класса 200,000 чел., а дѣйствительно занималось торговлею только 40,000 чел., а потому если допустить еще столько же изъ другихъ званій, то могло ли это число удовлетворить Россію, когда даже Голландія считаетъ у себя такое же число торговцевъ. Онъ обращаетъ вниманіе русскаго купечества на иностранную торговлю. Онъ находитъ необходимымъ уравнять иностранныхъ купцовъ по правамъ съ русскими, образовать для нихъ въ Россіи опекунское учрежденіе. По указаніямъ другихъ депутатовъ видно, что въ торговомъ классѣ количество банкротствъ было чрезвычайно велико, а потому они настаивали на примѣненіи къ этимъ злоупотребленіямъ

болѣе строгихъ законовъ (какъ вѣчная каторга, обязательство уплаты долговъ отъ ратуши и т. п.).

Мы видѣли, что уже въ началѣ царствованія Екатерина обратила вниманіе на вредъ монополіи въ куреніи вина и хотѣла ввести свободную торговлю, предоставивъ это право городамъ (компаніямъ) и купечеству, но финансовыя соображенія заставили отступить отъ этого проекта. Само слово „кабакъ" было изгнано изъ употребленія и замѣнено „питейный домъ". Дворяне добивались сосредоточенія этой отрасли торговли въ ихъ рукахъ; при этомъ рисовались картины злоупотребленій при откупѣ. То же самое высказывалось и относительно соли, свободной продажи которой также добивались дворяне; другіе предлагали понизить цѣны на соль (40 к. за пудъ), ввести акцизъ; малороссійскіе депутаты отстаивали право свободнаго привоза соли изъ Крыма. Вопросъ о сохраненіи лѣсовъ не привелъ къ изысканію серьезныхъ мѣръ для ихъ охраны. Во многихъ уѣздахъ заявляли, что лѣсъ совсѣмъ перевелся. Представители центральныхъ губерній жаловались на истребленіе лѣсовъ фабриками. Требовали запрещенія вывозить лѣсъ за границу и предлагались мѣры для разведенія новыхъ лѣсовъ. О другихъ промыслахъ сельскаго хозяйства (скотоводство и т. п.) не было помину. Дворяне требовали ограниченія свободной охоты, а крестьяне желали ограниченія времени охоты, уничтоженія срока, облегченія пріобрѣтенія пороха въ частныя руки и т. п.

За то вопросъ о ремесленномъ производствѣ былъ

дебатировали съ оживленіемъ, напомнивъ споры о правахъ торговли. Какъ дворянство считало неотъемлемымъ правомъ заниматься крестьянскими ремеслами; такъ купечество считало ихъ тѣсно связанными съ записываніемъ въ цехи, необходимость которыхъ депутаты поддерживали безусловно и доводили ихъ раздѣленіе даже до кастовыхъ формъ.

Вопросъ о подушномъ окладѣ и налогахъ. Нельзя не отмѣтить еще заявленія клинскихъ дворянъ, предлагавшихъ совершенно сложить съ крестьянъ подушный окладъ и замѣнить его косвенными налогами на вино, пиво, чай, кофе, сахаръ, виноградныя вина, табакъ, карты, кареты, псовую охоту, платье, шитое золотомъ и серебромъ, предметы роскоши, пеньку, паспорты вольныхъ рабочихъ людей... Въ случаѣ же невозможности установить эти сборы они предлагали возвысить цѣну на соль, что гораздо легче нести, нежели подвергать крестьянъ тюремному заключенію за недоимки (Сборн. IV, 264-65).

Пренія о судопроизводствѣ. При чтеніи законовъ о юстиціи, на которую обращали вниманіе наказы разныхъ сословій; обсужденіе вопросовъ этого рода началось съ чтенія постановленій о христіанскихъ обязанностяхъ, причемъ депутатами указывалось на притѣсненія отъ духовенства, большими поборами за требы. Съ другой стороны депутаты жаловались на продолжительность судопроизводства. Дворянскіе депутаты предлагали замѣнить судей выборными отъ дворянъ, а судопроизводство-

письменнымъ дѣлопроизводствомъ - т. е. ту форму суда, какая введена была потомъ и существовала до изданія уставовъ 1864 г. Для небольшихъ же дѣлъ ввести одинъ словесный судъ. Нѣкоторые однако предлагали введеніе мировыхъ судовъ (по совѣсти), какіе были тогда въ Англіи и Голландіи. Съ другой стороны депутаты предлагали замѣну частной адвокатуры приложенными повѣренными, такъ какъ первая составила себѣ уже дурную славу и пользовалась общимъ недовѣріемъ. Наконецъ депутаты г. Симбирска предлагали введеніе суда равнаго для всѣхъ сословій (т. XIV).

Прочіе вопросы поднятые въ наказахъ и обсуждавшіеся въ Коммиссіи. Депутаты правительственныхъ учрежденій предлагали: разрѣшить поступленіе изъ духовнаго званія въ свѣтское и обратно; освободить священниковъ отъ неприличныхъ работъ; завести обученіе дѣтей катехизису; разрѣшить пріобрѣтать крестьянъ священникамъ и причетникамъ; уменьшить число свободныхъ дней отъ работъ; какъ поступать съ помѣщиками, причинившими побоями смерть крестьянамъ; запретить стрѣлять изъ ружья въ жилыхъ мѣстахъ и носить оружіе подлому народу; обратить недвижимыя монастырскія имущества въ коронныя; запретить приписываться въ казаки; публиковать новости отъ полиціи; учредить въ городахъ публичныя мѣста для увеселенія; искоренить нищихъ въ городахъ. Дворяне предлагали: о заведеніи церковныхъ школъ для крестьянъ; о продажѣ церковныхъ земель; объ уравненіи малороссійскихъ чиновъ съ великороссійскими; о продажѣ дворянамъ экономическихъ деревень; объ учрежденіи

закона объ арендахъ; объ учрежденіи по городамъ школъ для дворянскихъ дѣтей, банковъ, хлѣбныхъ казенныхъ магазиновъ, аптекъ и лекарей; объ учрежденіи почты; объ увеличеніи платы за лѣченіе крестьянъ; о поселеніи по уѣздамъ и городамъ иностранныхъ колонистовъ, которые могли бы научить крестьянъ лучшему веденію хозяйства; объ уничтоженіи заводовъ для сохраненія лѣсовъ; о введеніи для воровъ и разбойниковъ пытокъ; о введеніи маіоратовъ (Московское дворянство). Суздальское дворянство жаловалось на уничтоженіе смертной казни и ограниченіе пытокъ, ссылаясь на разбои, убійства, грабежи...

Городскіе жители заявляли о необходимости огражденія христіанской вѣры и благочинія; о свободѣ отправленія церковной службы для другихъ исповѣданій; о свободномъ доступѣ въ монашество; объ опредѣленіи пристойнаго жалованья причту; о запрещеніи священникамъ требовать сверхъ установленной платы за требы; объ учрежденіи въ городахъ присутственныхъ мѣстъ и городскихъ судовъ, какъ и въ другихъ государствахъ; о подчиненіи городской полиціи ратушамъ и магистратамъ; о выборѣ городскихъ головъ гражданами; о заведеніи городскихъ банковъ; о запрещеніи роскоши; о замѣнѣ подушной ревизіи подворною; объ исключеніи изъ подушнаго оклада дворянъ, дѣтей боярскихъ, купечества, разнаго званія людей и увольненіи ихъ отъ рекрутской повинности; объ учрежденіи цеховъ; объ уничтоженіи въ Малороссіи пограничныхъ таможенъ; объ уничтоженіи монополій; о запрещеніи ругать иностранные законы; объ учрежденіи въ городахъ академій, университетовъ и школъ; объ учрежденіи въ городахъ лекарей

аптикъ, повивальныхъ бабокъ; объ учрежденіи казенныхъ больницъ и пріютовъ; о дозволеніи малороссійскому народу избирать гетмана и старшинъ вольными голосами; о предоставленіи старшинамъ судить козаковъ; о выводѣ изъ городовъ раскольниковъ, во избѣжаніе соблазна и др...

Однодворцы и ландмилицы предъявили: объ опредѣленіи духовныхъ и свѣтскихъ учителей въ школы; о защитѣ отъ прохожденія военныхъ командъ; о разсылкѣ указовъ и распоряженій черезъ церковные приходы; о выборѣ судей всѣмъ обществомъ уѣзда и о выборѣ членовъ въ присутственныя мѣста; объ уменьшеніи 5-лѣтняго срока для воеводъ и о перемѣнѣ ихъ и секретарей по просьбѣ жителей; о выводѣ изъ Малороссіи великороссійскихъ воеводъ; о введеніи словесныхъ судовъ выборными отъ крестьянъ судьями, для рѣшенія дѣлъ не свыше 30 руб.

Голосовъ крѣпостныхъ крестьянъ не было слышно въ Комиссіи, такъ какъ отъ нихъ не было депутатовъ, но, какъ мы видѣли, въ средѣ ея нашлись защитники ихъ участи и ограниченія правъ помѣщиковъ. Впрочемъ мнѣніе самаго выдающагося изъ защитниковъ крестьянъ (Коробьина) вызвало противъ него 18 голосовъ и только 3 за него, причемъ указывалось на невозможность оставить власть помѣщика надъ лицомъ и отнять ее надъ имуществомъ этого лица. Отъ дворянства, купечества и даже духовенства «послышался дружный и страшно печальный крикъ: рабовъ!» по мѣткому выраженію Соловьева. Если не осуществились такія притязанія, то не могли также осуществиться и желанія Наказа даже въ ихъ смягченной формѣ. Однако въ наказѣ Копорскаго дворянства, представителемъ котораго былъ гр. Пр.

Орловъ, требовалось открытія училищъ при церквахъ, какъ для русскихъ, такъ и для чухонскихъ дѣтей, „дабы знаніемъ закона, хотя мало поправить ихъ нравы". Школы эти должны были состоять при церквахъ для крестьянскихъ дѣтей отъ 7 до 12 лѣтъ. То-же заявляло и ямбургское дворянство, и кн. Щербатовъ, считавшій также необходимымъ заведеніе школъ для крестьянскихъ дѣтей. Въ частной коммиссіи былъ выработанъ даже проектъ низшихъ школъ, которыя должны были состоять въ вѣдѣніи архіереевъ и учреждались бы при церквахъ. Притомъ указаны были предметы обученія: Новый Завѣтъ, Наказъ Екатерины, древняя исторія Россіи, исторія, географія и ариѳметика. Тѣлесныя наказанія въ этихъ школахъ воспрещались (Рус. Вѣст., ст. Соловьева, 1861 г., окт., 335-39. Матер. о Ком. въ сбор. Р. И. О. т. IV, VIII, XIV; Рус. Вѣст. 1876 г., ст. Бланка; Дѣло 1880 г., ст. Шашкова; Вѣст. Евр. 1876 г. ст. Брюловой.)[1]

Лекція 23-я

Церковные вопросы въ Коммиссіи Уложенія.

Синодъ также выбралъ депутата въ Коммиссію. Избраніе это происходило баллотировкою; полное число

---

1. Рѣзкія пренія въ Коммиссіи о крѣпостныхъ людяхъ вызвали не менѣе рѣзкое замѣчаніе со стороны Екатерины II, сохранившееся въ ея набросках: « Если крѣпостнаго нельзя признать персоною, слѣдовательно онъ не человѣкъ, говоритъ она; но его скотомъ извольте признавать, что къ немалой славѣ и человѣколюбію отъ всего свѣта намъ приписано будетъ. Все, что слѣдуетъ о рабѣ, есть слѣдствіе сего богоугоднаго положенія и совершенно для скотины и скотиною

шаровъ (19) получилъ митр. Дим. Сѣченовъ. Замѣчательно также, что къ баллотировкѣ былъ допущенъ и другой любимецъ Екатерины, вовсе небывшій членомъ синода, Гавріилъ тверской (8 шаровъ). По избраніи Сѣченова[1] депутатомъ, синодъ рѣшился заняться составленіемъ наказа: на основаніи Кормчей, статей Регламента Петра В. (о суевѣріяхъ) и разсужденій, бывшихъ въ послѣдніе годы въ синодѣ (о раскольникахъ, брачныхъ разводахъ). Спустя нѣсколько времени оберъ-прокуроръ синода Мелиссино внесъ отъ себя извѣстные уже намъ пункты (см. лекцію 15), которые должны были послужить матеріаломъ для составленія синодскаго наказа (Чт. 1871 г. III, 114-119); но они были составлены въ слишкомъ либеральномъ духѣ[2]. Слѣдовъ обсужденія этихъ пунктовъ нѣтъ въ дѣлахъ синода, но они, кажется не остались безъ вліянія на наказъ. За то остальные члены внесли свои мнѣнія въ синодъ, въ которыхъ настаивали на заведеніи церковныхъ училищъ, на увеличеніи епархій и потребности въ образованномъ духовенствѣ. Синодъ подтвердилъ также пункты, составленные въ синодѣ въ 1755 г, съ цѣлью усиленія церковнаго надзора, наказанія за религіозныя преступленія и вообще церковной дисциплины (Прилож. къ Пр. Чт. 1876, окт., ноябрь, 228-30). Предварительно наказу составленъ былъ „Нотатъ" для него, но при чтеніи послѣдняго изъ него исключены были статьи: объ отвращеніи народа отъ посѣщенія св. мѣстъ, о привѣскахъ къ образамъ, объ избраніи архіерея и должности его, объ избраніи монастырскихъ настоятелей, о богоявленной водѣ и артосѣ.

стало.-(Собственноручн. Ук. госуд. Арх. Солов. XXVII, примѣч. 77).

1. По смерти его былъ избранъ Гавріилъ тверской.
2. Нельзя не замѣтить, что они во многомъ напоминаютъ пункты Петра III; см. выше, стр. 66.

На основанiи указанныхъ данныхъ и пренiй въ синодѣ былъ выработанъ наказъ синода, составленный нѣсколькими лицами, съ присоединенiемъ однако статей, о которыхъ не было рѣчи въ синодѣ (о сравненiи синода по власти съ сенатомъ, объ устройствѣ церковныхъ установленiй, отяготительныхъ для свѣтскихъ лицъ, изъ проекта Мелиссино; о постахъ и разрѣшенiи работать въ праздничные дни - оба послѣднiе пункта были исключены изъ наказа синодомъ).

Редакцiя пунктовъ наказа была признана послѣ неоднократныхъ чтенiй въ синодѣ. (Наказъ этотъ и всѣ матерiалы, къ нему относящiеся, хранятся въ синодальномъ архивѣ, а копiя въ библiотекѣ С. петербургской духовной академiи). Уже во время засѣданiй Коммиссiи, синодъ неоднократно сообщалъ дополненiя и вопросы, адресованные къ его депутату. Такъ были препровождены пункты, присланные малороссiйскимъ духовенствомъ, которое настаивало на сохраненiи прежнихъ вольностей и обычаевъ своихъ церквей, на уравненiи духовенства въ правахъ съ шляхетствомъ (о покупкѣ земли и крестьянъ); о дозволенiи духовенству винокуренiя и содержанiя шинковъ, запрещенныхъ въ 1757 г.; объ освобожденiи духовенства отъ присяги; объ отмѣнѣ таксы за требы, о правахъ кiевской академiи и т. п.

Вопросы по духовному наказу разсматривались въ разныхъ Коммиссiяхъ, и въ особенности въ коммиссiи - о духовныхъ и гражданскихъ дѣлахъ. Реестръ этихъ вопросовъ обнималъ до 50 § (47), посвященныхъ церковному благочинiю, суевѣрiю, святотатству, предупрежденiю церковныхъ злоупотребленiй, бракамъ, разводу, прелюбодѣянiю, кровосмѣшенiю, ложной присягѣ, дѣтоубiйству, самоубiйству, симонiи и т. п. (главные

матеріалы этой комиссіи находятся въ дѣлахъ II отдѣл. Е. В. канцеляріи).

Наказъ синода хотѣлъ основать положеніе церкви на началахъ Кормчей и Регламента; но онъ усиливалъ надзоръ не только духовенства, но и свѣтскаго начальства надъ прихожанами и возобновлялъ наказаніе за уклоненіе отъ исповѣди и причастія, а также подвергалъ осужденію лицъ, дозволявшихъ разсужденія о церковныхъ вопросахъ. Въ приложенныхъ къ наказу пунктахъ, въ самыхъ общихъ выраженіяхъ, ограничивается запрещеніе противъ ложныхъ явленій и неправильныхъ сказаній; встрѣчаются выраженія противъ стѣснительныхъ формъ для духовнаго суда и желаніе оградить духовныхъ лицъ отъ свѣтскаго суда и подчинить исключительно духовному; высказывается желаніе освободить лицъ духовнаго званія отъ работъ и повинностей; разрѣшить имъ покупку крестьянъ; говорится о книгахъ, противныхъ христіанству и развращающихъ нравы; объ устройствѣ приходскихъ богадѣленъ; предлагается строгая регламентація браковъ: по лѣтамъ, поламъ, отношеніямъ (родства и опекунства), по службѣ; высказывается запрещеніе вѣнчанія подъ покрываломъ, въ домахъ, безъ свидѣтелей; вводятся затрудненія для разводовъ — знакъ весьма частыхъ нарушеній брачной и семейной жизни. (Хр. чт. 1876, октябрь. ст. Прилежаева).

Мнѣнія Наказа Екатерины о церковныхъ вопросахъ. Но прежде, чѣмъ наказы депутатовъ поступили на разсмотрѣніе своего Наказа лицамъ духовенства: Иннокентію, епископу псковскому, Гавріилу тверскому и Платону, тогда еще простому іеромонаху. Въ своихъ

Наказъ Екатерины ратуетъ за отдѣленіе интересовъ церкви отъ интересовъ государства и проводитъ идеи о свободѣ религіозныхъ мнѣній и вѣротерпимости. Не касаясь существенныхъ мнѣній императрицы, критики Наказа даютъ стороною замѣтить несовмѣстность этихъ понятій съ принятыми мнѣніями церкви. Въ ст. 74 говорится противъ наказанія за церковныя преступленія, кромѣ преступленій дѣйствіемъ, а не словомъ или мнѣніемъ; но критики доказывали, что этимъ самымъ нарушается уже принципъ государственнаго порядка, а слѣдовательно является и необходимость гражданской кары. Такое же заключеніе сдѣлали они при опредѣленіи еретичества. Дальше, коснувшись орѳографическихъ недосмотровъ, критики постигнули восхвалить мудрость государыни.

Представителей собственно отъ духовнаго сословія, какъ бывало въ древней Россіи (на соборахъ), въ Коммиссіи не было, а былъ единственный представитель отъ духовнаго учрежденія - синода, на равнѣ съ представителями отъ другихъ государственныхъ учрежденій. Но мы видѣли уже какъ высказывались члены сословій и члены Коммиссіи относительно положенія духовенства въ государствѣ, какъ сословія; вопросы эти подвергались обсужденію въ Коммиссіи (частной) „о среднемъ классѣ населенія"[1] и въ дирекціонной коммиссіи

---

1. Къ первому разряду Коммиссія „о раздѣленіи родовъ государственныхъ жителей" отнесла: князей, графовъ, бароновъ и дворянъ; ко второму мѣщанскому были отнесены: бѣлое духовенство, ученые, художники, ремесленники, купцы, приказные, разночинцы, вольные люди; къ третьему крестьяне свободные и крѣпостные. Относительно внесенія

В. Иконниковъ

Предсѣдатель коммиссіи о среднемъ родѣ людей, кн. Щербатовъ, разсуждалъ въ ней о духовенствѣ на основаніи Юма, и ему поручено было составить записку по этому вопросу. Щербатовъ предоставилъ особыя права только духовнымъ лицамъ, находившимся при учрежденіяхъ, остальные же по его мнѣнію могли заниматься торговлею, промыслами и вступать въ военную службу. Члены коммиссіи выразились согласно съ Щербатовымъ[1]; но въ дирекціонной коммиссіи, въ которой состоялъ уже членомъ архіеп. Гавріилъ, вопросъ былъ рѣшенъ иначе. Онъ добился того, чтобы духовенство было выдѣлено въ самостоятельное привилегированное сословіе. Екатерина благосклонно отнеслась къ дѣятельности Гавріила и въ сентябрѣ 1769 г. назначила его членомъ синода (Чт. по истор. церкви при Екатер. II, Знаменскаго, Пр. Соб. 1875 г. апр.).

Заявленія о мѣстныхъ правахъ. Для яснаго освѣщенія дѣятельности Коммиссіи не менѣе интересны мнѣнія тѣхъ ея депутатовъ, которые служили выразителями мѣстныхъ интересовъ и привилегій. Если одни (какъ представитель Оренбурга — Кочеевъ) защищали временныя привилегіи, данныя городамъ и мѣстностямъ

ученыхъ въ средній родъ людей Академія Наукъ заявила, что если ученые не будутъ имѣть большихъ выгодъ передъ ремесленниками и купцами, то нѣтъ надежды, чтобы науки въ Россіи возросли. Императрица старалась уяснить значеніе средняго класса и исторію tiers-état-ва Франціи (Солов. XXVII, 125 и примѣч. 75).

1. Записки этой коммиссіи велъ извѣстный впослѣдствіи издатель журналовъ и книгъ, тогда молодой гвардеецъ Н. И. Новиковъ. Лонгиновъ, Новиков. Мартинисты 13.

В. Иконниковъ

въ интересахъ ихъ заселенія и развитія; что другіе шли далѣе и отстаивали старинные привилегіи, признанныя русскими государями при переходѣ этихъ областей подъ русскую державу. Первые могли быть устранены обращеніемъ недовольныхъ къ дѣйствующему законодательству; но по поводу вторыхъ возникли продолжительныя пренія. Такъ депутаты лифляндскихъ и эстляндскихъ городовъ и рыцарей добивались утвержденія за ними правъ, шедшихъ отъ временъ епископовъ, германскаго, шведскаго и польскаго владычества. Эти заявленія были устранены при обсужденіи вопроса о правахъ дворянства; причемъ русскіе депутаты настаивали на введеніи <u>общихъ правъ</u> и ссылались даже на заявленія самихъ чиновъ Лифляндіи и Эстляндіи при Елисаветѣ Петровнѣ о недостаткахъ ихъ законовъ. Тѣмъ не менѣе депутаты добивались удовлетворенія ихъ требованій. Бибиковъ допустилъ пренія по этому вопросу. Но изъ писемъ Екатерины къ кн. Вяземскому и Бибикову видно ея недовольство домогательствомъ депутатовъ. Князю Вяземскому она писала: „Читала я Гадебушево сочиненіе (депутата отъ лифляндскаго дворянства)"[1], которое не только весьма дурно переведено, но сверхъ того все выписано изъ Юстиніанова права и многое вовсе въ Россійской имперіи не въ пору будетъ, а очень вредно; лучше бы они побольше смотрѣли въ <u>большой Наказъ</u>... Если бы римскія права столь же безпорочны были и ясны, то я бы однимъ словомъ ихъ приняла, но всѣ на нихъ жалуются. <u>Я много-</u>

---

1. Гадебушъ оставилъ и воспоминанія о Екатерининской комиссіи.

сіе приписывано лифляндской замашкѣ, чтобы быть нами законодавцами, а не отъ насъ получить хотятъ узаконеній!" Въ другомъ письмѣ она проситъ найти въ числѣ депутатовъ лицо, которое взялось бы доказать устарѣлость этихъ правъ и преимущество русскаго законодательства, и прибавляетъ: «Наши правила само человѣколюбіе писало, а они правилъ показать не могутъ и сверхъ того оныя ихъ указанія наполнены невѣжествамъ и варварствами. Итакъ, предохраняя себя, они торжественно просятъ: мы хотимъ, чтобы насъ смертію казнили, мы просимъ пытокъ, мы просимъ, чтобы отъ безпрестанной ябеды наши суды не были окончены... Просвѣщенному свѣту оставляется судить о подобныхъ неистовствахъ. Признаюсь, что сіе съ жаромъ писано и такъ употребите лишь то, что прилично» (18 вѣкъ III, 388-89).

Въ духѣ импер-цы была составлена записка депутатамъ отъ камеръ-конторы лифляндскихъ, эстляндскихъ и финляндскихъ дѣлъ - Артеміемъ Шишковымъ (декабря 1767 г.), въ которой этотъ вопросъ разсматривался исторически и указывалось на потребность равнаго закона для всей имперіи и на право преемниковъ русскихъ государей, подчинившихъ себѣ эти земли, измѣнить ихъ права (Чт. 1867, IV, 83-95). Уже въ петербургскую сессію дирекціонная коммиссія прислала „наставленіе" лифляндскимъ депутатамъ", въ которомъ порицала ихъ стремленія, и Бибиковъ указалъ на мнѣніе по этому вопросу депутата отъ сената кн. Мих. Ник. Волконскаго, который также

развивалъ мысль о несовременности законовъ прибалтiйскаго края и Малороссiи, не разъ прежде заявлявшихъ о необходимости новаго Уложенiя. Однако депутаты продолжали настаивать на исключенiи ихъ земель изъ общаго законодательства. Тогда императрица отвѣчала на всѣ ихъ пункты письмомъ къ Бибикову и, опровергая привилегiи Сигизмунда Августа, отмѣненныя ею и шведскимъ правительствомъ, прибавляетъ: „Я ничего конфирмовать не буду, что не въ силу „обряда" мнѣ поднесутъ. Они подданные россiйской имперiи, а я не лифляндская императрица, а Всероссiйская" (Сборн. X, 272-74 и Зап. Бибикова)(1)

Въ такомъ же смыслѣ отозвались и нѣкоторые депутаты Малороссiи, отстаивавшiе права своей страны и ея привилегiи. Между тѣмъ во всѣхъ малороссiйскихъ наказахъ высказывается передъ нами печальное положенiе городовъ и неразвитость торговаго и промышленнаго класса, вслѣдствiе военно-земледѣльческаго населенiя; малороссiйскiе города въ этомъ отношенiи являются отсталыми отъ великорусскихъ на цѣлое столѣтiе. Они не въ состоянiи были нести военной повинности. Какъ великорусскiе города хлопочутъ о сохраненiи и развитiи правъ, данныхъ имъ Петромъ В., такъ малороссiйскiе стараются удержать магдебургскiя

---

1. Вообще къ тенденцiямъ прибалтiйскаго дворянства Екатерина относилась недовѣрчиво, какъ видно изъ порученiя ея (въ мартѣ 1767 года) просматривать переписку нѣкоторыхъ изъ тамошнихъ дворянъ. Сборникъ XIII, стр. 6.

права, которыя послужили для Петра В. образцомъ его городской реформы. Другія жалобы касались землевладѣнія. По поводу созванія Коммиссіи Малороссійская коллегія дала своему члену (Натальину), наказъ, въ которомъ критически и съ большою подробностью разсматривались всѣ стороны управленія и мѣстнаго быта Малороссіи; но это вызвало энергическія замѣчанія со стороны депутата отъ лубенскаго шляхетства Григорія Полетики (Чт. 1858, III, 57-102; Лазаревскій, Малороссія въ 1767 г., Кіевъ), того самаго, который пользовался какъ руководствомъ для своихъ соображеній въ Коммиссіи Уложенія „Исторіею Руссовъ", неправильно приписанной архіепископу Конисскому, но которая есть не болѣе какъ политическій памфлетъ на русскіе порядки въ Малороссіи и служила выраженіемъ мнѣній этой партіи.

Настроеніе умовъ въ Малороссіи. Въ февр. 1768 Румянцовъ писалъ Екатеринѣ: „Я имѣлъ случай съ уволенными на время и опять уже отъѣзжавшими депутатами видѣться и нашелъ ихъ во всѣхъ ихъ развращенныхъ мысляхъ непремѣнно пребывающихъ. Скоропадскій всѣхъ прочихъ руководитель, ибо возмечталъ выбраннымъ быть гетманомъ. Часть здѣсь людей такихъ, кои слѣпо симъ невѣрамъ слѣдуютъ, не мала". Впрочемъ онъ надѣялся, что покровительство сторонникамъ правительства и перемѣна въ мѣстныхъ уставахъ произведетъ свое дѣйствіе, и прочіе, „всегда имѣющіе великое желаніе къ чинамъ и особливо къ жалованью, скорѣе перемѣнятъ свои мысли и поступки" (Солов. XXVII, 138). Скоропадскій въ Коммиссіи держалъ себя какъ „волкъ" и „не хотѣлъ знаться съ великорусскими депутатами". Малороссійскіе депутаты

хвалились тѣмъ, что Лифляндцы сочувствуютъ имъ въ удерjаніи старыхъ правъ и вольностей".

Впрочемъ и здѣсь во многихъ депутатскихъ наказахъ было выражено желаніе собрать деньги на памятникъ Екатерины. Но она писала Румянцову, чтобы онъ не спѣшилъ съ этимъ, „ибо сіи издержки народныя не нужны". (ibid.)

Отзывы иностранцевъ о коммиссіи. „Собраніе депутатовъ, пишетъ английскій повѣренный (Шерлей), сдѣлалось любимѣйшимъ занятіемъ императр-цы и повидимому исключаетъ изъ кабинета всѣ прочія дѣла" (Сборн. т. XII); но это не мѣшало Шерлею называть Коммиссію „комедіей", а Каскарту (посолъ) „подмостками, которые будутъ разобраны, какъ не нужные лѣса, тотчасъ по окончаніи императрицею всего великаго зданія" (307-310). Тѣмъ не менѣе въ Англіи весьма интересовались дѣятельностью коммиссіи и просили „сообщать всѣ главнѣйшія обстоятельства, сопровождающія это великое и необычайное предпріятіе, достойное восторженнаго удивленія и приносящее великую честь монарху, способной исполнить столь великодушное намѣреніе, какъ предоставленіе свободы великому народу, жертвуя притомъ собственнымъ могуществомъ для счастія своихъ подданныхъ." Притомъ также прибавляли, что исторія не представляетъ примѣра тому, „чтобы самодержавный монархъ отказался отъ власти въ пользу своего народа." (316). Но представитель Англіи спѣшилъ охладить преждевременные восторги своихъ соотечественниковъ. Уже по окончаніи московской сессіи, онъ писалъ въ Лондонъ: „Пріемы, употребленные депутатами до сихъ

поръ, показались мнѣ до того комичны, что было бы слишкомъ наполнять нѣсколько листовъ отчетомъ о подобныхъ вещахъ... Для того чтобы дать вамъ, милордъ, правильное понятіе объ этомъ собраніи выборныхъ людей и объ ихъ дѣйствіяхъ, позвольте мнѣ предположить нѣкоторое число самыхъ невѣжественныхъ нашихъ мелкихъ торговцевъ и лавочниковъ, какъ великобританскихъ, такъ и ирландскихъ, собранныхъ въ качествѣ депутатовъ различныхъ американскихъ народовъ, состоящихъ подъ властью Его величества и имѣющихъ дѣло съ нѣсколькими джентльменами, не знакомыми съ общими началами благоустроенной администраціи." (326-27). Ширлей заходитъ въ своемъ приговорѣ о законодательныхъ планахъ Екатерины такъ далеко, что готовъ приписать ихъ одному ея честолюбію и желанію укрѣпить свои права вслѣдствіи непрочности ея престола (127-130).

Мнѣнія о Коммиссіи въ русской литературѣ.

Въ нашей литературѣ одни видятъ въ этомъ актѣ небывалое историческое событіе (Карамзинъ, въ Похв. Словѣ Екатеринѣ II); другіе готовы считать его не болѣе какъ фарсомъ (Пушкинъ, Рус. Стар. 1880 г. N 12). И эта двойственность взгляда проходитъ и до настоящаго времени: одни смотрятъ на собраніе депутатовъ, какъ на послѣдній земскій соборъ, какъ на самое многознаменательное явленіе изъ всей народной исторіи XVIII в. „Въ собраніи депутатовъ, говоритъ Щаповъ, мы видимъ примиреніе своенародныхъ, естественно-выработанныхъ принциповъ старыхъ земскихъ соборовъ съ новою, западно-европейскою идеею представительства" (Зем. соб. 1648-49 г.г. и собр. депут. 1767 г., Отеч. Зап. т. CXLV, стр. 20).

Другіе, напротивъ, не видя существенныхъ результатовъ отъ дѣятельности Коммиссіи, не придаютъ ей важнаго историческаго значенія (Дѣло, Ком. Улож. Шашкова, 1880 г. N 1 и 4). Одни (Сергѣевичъ, Откуда прич. неудачи Екат. Ком. Вѣст. Евр. 1878 г. N 1) причины ея неудачи готовы взвалить вполнѣ на ея представителя—Бибикова; другіе (Дитятинъ, Екат. Ком. 1767 г. Юридич. Вѣст. 1879 г. N 3, 4, 5) значительную долю вины слагаютъ на общее положеніе дѣлъ и отношенія къ Коммиссіи самой Екатерины II.

Постараемся объяснить эту сторону вопроса.

Отношеніе Императрицы къ Коммиссіи.

Мы видѣли, что Екатерина въ своемъ Наказѣ ставила многіе, щекотливые по тому времени, вопросы, гораздо шире, чѣмъ оказалось это возможнымъ на дѣлѣ, а крестьянскій вопросъ такъ и остался камнемъ преткновенія для нея. Всѣ сомнѣнія это не могли не оказать вліянія на родъ подобныхъ вопросовъ и въ Коммиссіи. Вопросъ о правахъ служилаго дворянства, въ сравненіи съ титулованнымъ, прошелъ въ ней самымъ незначительнымъ большинствомъ голосовъ (Сборн. XII, 359-60). Сама Екатерина не считала работу Коммиссіи спѣшною. Тогда полагали, что потребуется по крайней мѣрѣ 4 года на составленіе новаго кодекса, который поступитъ за тѣмъ на разсмотрѣніе сената и предсѣдателей коллегій, послѣ чего уже будетъ представленъ на утвержденіе императрицы. (ib 306-307); полагали даже, что на обсужденіе этой Коммиссіи будетъ переданъ и вопросъ о престолонаслѣдіи (ib).

Вообще задача Коммиссіи сначала понималась довольно

широко. Депутаты готовы были видѣть въ ней палату общинъ, а въ сенатѣ и предсѣдателяхъ коллегій — палату лордовъ (ib. 307).[1] Когда Екатерина занималась составленіемъ Наказа, она писала уже извѣстному намъ Черкасову: «Господинъ баронъ Черкасовъ соблаговолитъ написать лорду Букингаму (состоявшему посломъ въ Россіи съ 1762 г. по 1765 г.) и попроситъ его прислать мнѣ парламентскій актъ, состоявшійся, я полагаю, во время революціи и извѣстный подъ именемъ акта, объявляющаго права и льготы подданнаго и устанавливающаго порядокъ престолонаслѣдія, годъ I, Вильгельма и Маріи, сессія 2я, гл. 2, и, если можно, чтобы къ нему былъ приложенъ хорошій и вѣрный переводъ на французскомъ языкѣ.» — Это былъ актъ, извѣстный подъ именемъ The declaration of Right (декларація права). Онъ составленъ въ февр. 1688 г. комитетомъ подъ предсѣдательствомъ Сомерса и одобренъ палатами общинъ и лордовъ (въ нѣсколько измѣненномъ видѣ); въ немъ изложены основанія англійской конституціи (Маколей, т. VIII, стр. 483-84; Два эпизода изъ цар-ія Екат. II, Бюлера, Русск. Арх. 1870 г. III, 186). Екатерина заставляетъ читать въ Коммиссіи «великую хартію» англичанъ; а для руководства при составленіи журналовъ Коммиссіи посылаетъ Бибикову журналы англійскаго парламента, чтобы, по образцу ихъ, были напечатаны свѣдѣнія о дѣйствіяхъ Коммиссіи въ Вѣдомостяхъ.[2] Бибикову она пишетъ, чтобы онъ не настаивалъ

---

1. Ширлей анг. посолъ замѣчаетъ: «Вмѣсто того, чтобы понять насколько этотъ поступокъ (присутствіе импер-цы въ галлереѣ, откуда она все слышала, не будучи видимой) стѣсняетъ свободу, которой депутаты должны были бы пользоваться, русскіе восхищаются имъ, видя въ немъ несомнѣнное доказательство любви и уваженія къ нимъ государыни»...

2. Директоромъ за веденіемъ журналовъ былъ опредѣленъ гр. А. П. Шуваловъ (Зап. Бибикова, 46).

В. Иконниковъ

на скорѣйшемъ рѣшеніи дѣла, „ибо скажутъ, что вы ихъ принеболиваете," прибавляетъ она (Зап. Бибикова 51)[1].

<u>Положеніе маршала въ Коммиссіи и причины ея неудачъ.</u> Но мы не должны представлять самаго дѣла въ слишкомъ идеальномъ свѣтѣ. Изъ письма <u>Бибикова къ Философову</u> (русскій посолъ въ Даніи) узнаемъ о его затруднительномъ положеніи въ Коммиссіи: „Подлинно правду говоришь, отвѣчалъ ему послѣдній, что ты по своему дѣлу въ пучинахъ и пропастяхъ океана обращаешься;" а въ другомъ письмѣ онъ говоритъ: „Я увѣренъ, что не можетъ достигать <u>ни самая величайшая степень человѣческаго разума</u> проникать во всю связь обстоятельствъ къ доставленію прямо-благоденственнаго правленія государства." Онъ совѣтуетъ ему быть твердымъ и не отступать отъ своихъ правилъ[2]. Вскорѣ въ Коммиссіи обнаружился перевѣсъ извѣстныхъ интересовъ, не обѣщавшихъ, конечно, того единодушнаго результата, на который разсчитывала Екатерина: такими существенными вопросами нельзя не признать крестьянскій и о мѣстныхъ правахъ. Явились опасенія, что въ общемъ собраніи могутъ взять верхъ интересы, противоположные началамъ, предложеннымъ Екатериною и потому <u>самъ Бибиковъ</u> полагалъ необходимымъ вырабатывать проекты законовъ въ <u>небольшомъ собраніи</u>, подъ наблюденіемъ большой Коммиссіи. Являлась опасность, что

---

1. Правила, составленныя Екатериною для руководства преній и рѣшенія дѣлъ баллотировкою, нисколько не отличаются отъ нынѣ дѣйствующихъ во всѣхъ коллегіальныхъ собраніяхъ (Зап. Бибикова, прилож. 23-26).

2. Всѣ четыре письма Философова посвящены этому вопросу и писаны

собраніе можетъ стать законодательнымъ, между тѣмъ ему поручена была только разработка проекта новаго Уложенія. Другіе полагали (какъ историкъ Болтинъ), что вопросы, предложенные собранію, были преждевременны, а такой вопросъ, какъ уничтоженіе рабства, противный даже истинной философіи и христіанскому человѣколюбію, хотя въ собраніи этотъ вопросъ могъ разрѣшиться только въ отрицательномъ смыслѣ. Нѣкоторые боялись ужасныхъ послѣдствій увольненія сандоминговскихъ негровъ"[1]. Въ этой борьбѣ положеніе председателя казалось затруднительнымъ и онъ не разъ заявлялъ о томъ императрицѣ, а затѣмъ она рѣшила закрыть Коммиссію, предоставивъ себѣ воспользоваться ея матеріалами и, при помощи опытныхъ людей", начертать правила всѣмъ начальникамъ и судьямъ, оставивъ за собою законодательную власть (Зап. Бибикова, 56, 62).

Недостатки собранія. Недостатки крылись также и въ составѣ депутатовъ, не привыкшихъ къ пу-

---

въ 1767 и 1768 гг. Уже въ то время сомнѣвались въ успѣхѣ Коммиссіи. „Какъ можно не смѣяться и не дѣлать бредни, пишетъ Философъ. Сколько я на твое прощаніе, на твою прилежность и раченіе ни надеюсь, но трепещу отъ слѣдствій всѣхъ вашихъ произращеній. Не растроить славной корабль, не составя великолѣпныхъ вашихъ палатъ". — Зап. Бибикова, прилож. стр. 104-105.

1. Въ „размышленіи о неудобствахъ дать въ Россіи свободу крестьянамъ или сдѣлать собственность имѣній" — задача, предложенная Вольн. Эконом. Общ., и мнѣнія, высказанныя въ пользу крестьянъ въ Коммиссіи Уложенія (Коробьинъ особенно), считаются исходнымъ пунктомъ враждебнаго отношенія къ помѣщикамъ и расторженія патріархальной связи въ Россіи (Чт. 1861, III, 95-134).

бличной дѣятельности. Болотовъ говоритъ: „Скоро услышали мы, что и самое начало сего великаго дѣла далеко несоотвѣтствовало премудрымъ намѣреніямъ нашей импер—цы; что самые выборы начались производимы быть вездѣ по пристрастіямъ, что выбирали и назначали къ тому не тѣхъ, которыхъ бы выбрать къ тому надлежало и которые были къ тому способны и другихъ достойнѣе (но многіе, какъ и самъ Болотовъ, уклонились), а тѣхъ которымъ самимъ опредѣлиться въ сіе мѣсто хотѣлось, не смотря ни мало способны ли они къ тому были или неспособны. Отчего собственно и вышелъ потомъ сущій и такой ералашъ, что принуждено было сіе дѣло остановить и оставить до другаго времени" (II, 654-55). Однако, Сиверсъ говоритъ: „Собраніе работало съ жаромъ и очевиднымъ успѣхомъ, но въ плохомъ помѣщеніи и безъ надлежащаго поощренія. Импер-ца уступила разнымъ домогательствамъ старыхъ и знатныхъ чиновниковъ. Послѣдніе говорили о членахъ Коммисіи: пожалуй эти господа пошлютъ насъ въ школу. Князь Вяземскій, на котораго возложено было соглашеніе коммиссіонныхъ работъ и составленіе законодательнаго свода, обремененный занятіями, поручилъ это дѣло нѣсколькимъ опытнымъ секретарямъ, которые отлично знали на память старые законы, но не имѣли никакого понятія ни о римскомъ правѣ, ни о правѣ современныхъ цивилизованныхъ народовъ, а во главѣ ихъ поставленъ былъ нѣмецъ, искатель приключеній, который совсѣмъ не зналъ русскаго языка." (Блюмъ I).

Опасенія правительства. Между тѣмъ слухи о новомъ законодательствѣ и крестьянскомъ вопросѣ проникали

ъ народъ и производили своѣ дѣйствіе. Сенатскій указъ по поводу движенія крестьянъ въ имѣніяхъ Леонтьева, Толстой, Олсуфьева и Лопухиныхъ и подачи ими челобитенъ, свидѣтельствуетъ, что такія явленія болѣе всего происходятъ отъ разглашенія злонамѣренныхъ людей, разсѣевающихъ вымышленные слухи о перемѣнѣ законовъ и собирающихъ съ нихъ поборы, обнадеживая ихъ исходатайствованіемъ имъ разныхъ выгодъ и пользъ (№ 12, 966). Уже въ самомъ началѣ засѣданій Коммиссіи объ Уложеніи, въ авг. 1767 г., сенату было доложено о возмущеніи заводскихъ крестьянъ, которое происходило на пермскихъ, рязанскихъ и воронежскихъ заводахъ. Посылая противъ нихъ воинскія команды, сенатъ далъ, однако, секретныя наставленія объ умѣренномъ обращеніи съ крестьянами и, по возможности, удовлетворилъ ихъ жалобы (Солов. XXVII, 146, 149-51). Понятно, какъ дѣйствовали эти факты на правительство. Наказъ былъ напечатанъ, ему воздавались публичныя похвалы, а между тѣмъ въ сент. 1767 г. сенатъ, по предложенію генералъ-прокурора, постановилъ разослать его экземпляры въ высшія учрежденія, департаменты сената, коллегіи и ихъ конторы, и судный приказъ, въ канцелярію конфискаціи, но исключилъ губернскія, провинціальныя и воеводскія канцеляріи, причемъ относительно высшихъ учрежденій постановилъ, чтобы экземпляры Наказа были содержимы только для свѣдѣнія только присутствующихъ и никому, какъ постороннему, такъ и нижнимъ канцелярскимъ служителямъ для списыванія и даже для прочтенія не были выдаваемы и помѣщались бы на судейскихъ столахъ

при зерцалахъ. Присутствующіе члены этихъ учрежденій должны были читать Наказъ по субботамъ, причемъ могли находиться только секретари и протоколисты (П. С. З.: 12,977; 13,107).

Характеристика А. И. Бибикова. Поэтому нельзя согласиться съ тѣмъ мнѣніемъ, что причина неудачи Коммиссіи лежала исключительно въ Бибиковѣ, который представляется такимъ образомъ ниже своего положенія, лишеннымъ самаго необходимаго элементарнаго образованія. Напротивъ, Бибиковъ, по своему образованію и личнымъ качествамъ, выдавался въ ряду другихъ царедворцевъ. Воспитанный въ монастырѣ (родился въ Москвѣ въ 1729 г.) своими родственницами, онъ обязанъ образованіемъ почти самому себѣ. Уж въ молодыхъ годахъ, служа въ инженерахъ и завѣдывая постройкою Кронштадскаго канала, онъ занимался переводомъ съ французскаго сочиненія по инженерному искусству. Потомъ онъ служилъ въ артиллеріи, а въ 1753 г. былъ посланъ въ Дрезденъ, для изученія усовершенствованій, сдѣланныхъ въ саксонской артиллеріи; во время семилѣтней войны онъ успѣшно выполнялъ нѣкоторыя порученія, касавшіяся устройства военной и хозяйственной части. Онъ принималъ участіе въ битвахъ подъ Цорндорфомъ и при Франкфуртѣ; въ компаніи 1760 г. онъ обратилъ на себя вниманіе гр. Румянцова и П. И. Панина; въ 1761 г. принималъ дѣятельное участіе во взятіи Кольберга. По вступленіи на престолъ Екатерины II ему поручено было удалить принца Антона (отца Іоанна VI).

оставить свое семейство въ Холмогорахъ и уѣхать, куда пожелаетъ, за границу. Но слишкомъ близкое участіе Бибикова къ судьбѣ падшей фамиліи (Брауншвейгской) и представленія его, сдѣланныя Екатеринѣ, послужили причиною ихъ размолвки, указываетъ намъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, на извѣстную независимость Бибикова въ столь щекотливомъ вопросѣ. Послѣ этого онъ уѣхалъ въ свое имѣніе въ Рязанскую губернію. Но въ 1764 г. на Бибикова было возложено весьма важное порученіе - усмиреніе и изслѣдованіе причинъ возмущенія заводскихъ крестьянъ, охватившаго почти всю сѣверо-восточную Россію. Въ этомъ случаѣ онъ продолжалъ дѣйствовать въ духѣ кн. Вяземскаго. (см. выше лекція 8-я). Отъ выгодныхъ же предложеній, сдѣланныхъ ему во время слѣдствія заводчиками, онъ отказался. Послѣ этого на Бибикова возлагались разныя порученія: для обозрѣнія и устройства границы съ Польшею и Запорожской Сѣчью. Здѣсь онъ былъ принятъ въ „товарищи" Шкуринскаго куреня и сообщилъ импер-цѣ о бѣдственномъ положеніи славянскихъ поселеній въ Новой Сербіи. Затѣмъ мы видѣли его въ числѣ переводчиковъ Велисарія, причемъ на долю его досталась 13-я гл. - о должностяхъ государя. Въ Наказѣ Костромского дворянства, составленномъ Бибиковымъ, помѣщены такія статьи, какъ запрещеніе продажи и отдачи въ рекруты крестьянъ семьями и поодиночкѣ; о вольныхъ хлѣбопашцахъ и т. п. Есть указанія, что обряды управленія Коммиссіи и Наказъ генералъ-прокурору составлены также Бибиковымъ. Вообще, по своему образованію Бибиковъ былъ человѣкъ выдающій-

ся. Получивъ въ подарокъ отъ Екатерины французскую Энциклопедію, онъ перевелъ оттуда главу о войнѣ и, кромѣ того, знаменитую въ свое время поэму Фридриха II „о военномъ искусствѣ", которая была переложена стихами и издана въ свѣтъ извѣстнымъ В. И. Майковымъ. Онъ зналъ также нѣмецкій языкъ, а незадолго передъ кончиною изучалъ и англійскій. Державинъ свидѣтельствуетъ, что онъ любилъ словесность. При всемъ томъ онъ прекрасно владѣлъ русскимъ языкомъ, вопреки большей части своихъ современниковъ (Гротъ, Соч. Держав. VIII, 90). Бибиковъ любилъ даже въ трудныя минуты читать газеты и интересовался политикою. Съ фонъ-Визинымъ онъ состоялъ въ дружбѣ и велъ переписку. Считаясь премьеръ-майоромъ лейбъ-гвардіи Измайловскаго полка, онъ учредилъ школу для обученія малолѣтнихъ унтеръ-офицеровъ изъ дворянъ (на 144 чел.), въ которой преподавалась математика и военныя науки. Она существовала во все царствованіе Екатерины II. Военныя способности Бибикова обнаружились также и въ Польшѣ, и въ Пугачевщину. Нельзя не отмѣтить для его характеристики еще того факта, что онъ, какъ и Н. И. Панинъ, не одобрялъ раздѣла Польши. Фридрихъ II питалъ къ нему уваженіе за его дѣйствія противъ конфедератовъ. Состояніе арміи въ Польшѣ при Бибиковѣ (1771–72) было блестящее. Штакельбергъ о немъ писалъ фонъ-Визину: „Съ Бибиковымъ мы живемъ, какъ братья. Это честнѣйшая душа, слѣдовательно ему, какъ и мнѣ, когда-нибудь придется умереть съ голода." Жена Сиверса, по случаю смерти Бибикова (въ Пугачевщину),

писала своему мужу: „она очень меня печалитъ, потому что онъ пользовался славою хорошаго человѣка. Бѣдная жена и дѣти остались въ очень незавидномъ положеніи; какъ ты знаешь — у нихъ немного и притомъ долги еще." (Блюмъ, II, 23). Державинъ въ честь его написалъ оду (Зап. Бибикова и прилож. къ нимъ. Зап. и біогр. Державина).

Этими данными категорически опровергается мнѣніе Сергѣевича о характерѣ Бибикова. Притомъ и въ своей должности маршала онъ много зависѣлъ отъ императрицы. Присутствуя незамѣтно во время засѣданій, она часто снабжала его своими записками и наставленіями (Зап. Бибик. 50-55). Существуетъ также фамильное преданіе у Бибиковыхъ, что неудовольствіе Екатерины противъ Бибикова, зародившееся въ этой Коммиссіи, произошло по слѣдующему обстоятельству. Въ залѣ засѣданій находились большія ширмы, за которыми помѣщалось кресло для импер-цы и откуда она обыкновенно слушала пренія депутатовъ. Тѣхъ изъ нихъ, которые ей нравились своими мнѣніями, она приглашала къ себѣ и бесѣдовала съ ними. Въ предпослѣднее ея засѣданіе, когда Бибиковъ объявилъ депутатамъ о скоромъ распущеніи ихъ, одинъ изъ ярославскихъ депутатовъ сдѣлалъ вопросъ маршалу, будетъ ли импер-ца каждый разъ созывать депутатовъ, когда пожелаетъ издавать законы или сама намѣрена издавать ихъ? Бибиковъ выразилъ надежду въ этомъ смыслѣ. Но не успѣлъ онъ кончить своего отвѣта, какъ услыхалъ за ширмами шуршаніе платья и шумъ кресла вслѣдствіе удаленія императрицы. Съ этихъ поръ она стала холодна къ

нелу и вызвала снова къ дѣятельности уже въ Пугачевщину (Рус. Ст. III, 784). Дѣйствительно, Бибиковъ былъ вызванъ противъ Пугачева послѣ опалы; но передъ тѣмъ онъ былъ посланъ въ Финляндію (1769 г.) для осмотра ея границъ въ военномъ отношеніи (Зап. его о Финляндіи въ Памятникахъ нов. рус. ист. т. III), сопутствовалъ въ поѣздкѣ Генриха Прусскаго по Россіи и участвовалъ въ польскихъ дѣлахъ. Видно, однако, что его представленія имѣли вліяніе на распущеніе Коммиссіи (Зап. Бибик. 62). Уже въ апрѣлѣ 1768 г. Екатерина дала начертаніе о приведеніи къ окончанію Коммиссіи Уложенія, П.С.З. 13,095), хотя дѣйствія ея этимъ не окончились. Напротивъ видно, что Екатерина намѣрена была повторить созваніе коммиссіи; такъ 21 іюня 1768 г. было издано повелѣніе о возобновленіи выборовъ въ депутаты Коммиссіи черезъ два года (13,119). Послѣ этого издается дополненіе къ обряду управленія Коммиссіи (13,156). По распущеніи общей Коммиссіи, частныя Коммиссіи были пополнены новыми членами и указанъ порядокъ дальнѣйшихъ занятій, а маршалу дано право вмѣстѣ съ генералъ-прокуроромъ созывать ихъ для общихъ совѣщаній (Зап. Бибик., прилож. 25-29). Въ янв. 1769 г. издается постановленіе о жалованіи депутатамъ, оставшимся въ частныхъ Коммиссіяхъ для сочиненія Уложенія (13,221); въ апр. того же года — о штатѣ канцеляріи при Коммиссіи (13,229). Были опредѣлены дни для засѣданій Коммиссіи (13,487); которыя и продолжали свою дѣятельность до 1770 г. (Щаповъ, 35). По присоединеніи же Бѣлоруссіи (въ 1772 году),

откуда тѣмъ выбирались депутаты въ Коммиссію (П.С.З.)[1]

Результаты дѣятельности Коммиссіи.

Такимъ образомъ мы вправѣ искать причинъ отдаленія обѣщаннаго созыва Коммиссіи въ наступившихъ политическихъ обстоятельствахъ (Турецкая война, польскій вопросъ и пугачевскій бунтъ) и въ сознаніи необходимости подготовить матеріалы путемъ частныхъ коммиссій, на что указывалъ Бибиковъ. Вотъ что говоритъ Екатерина о дѣятельности и закрытіи этой Коммиссіи: „Коммиссія Уложенія, бывъ въ собраніи, подала мнѣ свѣтъ и свѣдѣнія о всей имперіи, съ кѣмъ дѣло имѣемъ и о комъ пещись должно. Она всѣ части закона собрала и разобрала по матеріямъ и болѣе того бы сдѣлала, ежелибы турецкая война не началась. Тогда распущены были депутаты и военные поѣхали въ армію. Наказъ Коммиссіи ввелъ единство въ правила и въ разсужденія не въ примѣръ болѣе прежняго. Стали многіе о цвѣтахъ судить по цвѣтамъ, а не яко слѣпые о цвѣтахъ. По крайней мѣрѣ стали знать волю законодавца и по оной поступать." (Рус. Арх. 1865).

Въ своей рѣчи при закрытіи общей Коммиссіи Бибиковъ предлагалъ членамъ дѣйствовать въ духѣ Наказа и распространять въ обществѣ его человѣколюбивыя начала (Зап. Бибик. 63); а въ янв. 1768 г. были опубликованы 11 и 12 гл. Уложенія, которыми опре-

---

1. Упоминаніе о ней встрѣчается еще в 1784 г. Она никакимъ актомъ уничтожена не была. Сборн. Р.И.О. XIII, 181.

дѣляются наказанія за насилія и причиненіе побоевъ (13;055). Есть также указаніе, что по настоянію Сиверса, пріѣзжавшаго въ Москву во время Коммиссіи, была разослана тайная инструкція губернаторамъ, въ которой предписывалось, чтобы въ уголовныхъ дѣлахъ, требующихъ пытки, сообразоваться съ IX гл. Наказа, и Сиверсъ, въ присутствіи котораго была написана Екатериной эта инструкція, на колѣняхъ принялъ изъ ея рукъ эту бумагу. Но, узнавъ объ этомъ, нѣкоторые сенаторы и придворные замѣтили, что теперь никто, ложась спать, не можетъ до утра ручаться за свою жизнь. Не смотря, однако, на свой секретъ, инструкція скоро стала извѣстною и вызвала общую радость (Блюмъ, I). Одни данные, необработанные матеріалы для новаго Уложенія, доставленные и собранные Коммиссіею, говоритъ Щаповъ, подвинули на полстолѣтія впередъ законодательную дѣятельность и послужили къ созданію всѣхъ тѣхъ учрежденій, которыми болѣе всего прославилось царствованіе Екатерины. Таковы: учрежденіе для управленія Губерній (1775), уставъ благочинія (1782), указъ объ учрежденіи народныхъ училищъ (1782), городовое положеніе (1785) и мн. др. Екатерина сама ставитъ ихъ въ связь съ дѣйствіями Коммиссіи (Сборн. т. XXVII, 176). Проекты всѣхъ этихъ законоположеній начерчаны были коммиссіями депутатовъ, но подвержены пересмотру, дополнены, измѣнены и изданы подъ редакціей и прессомъ бюрократіи... Мало того, многія идеи депутатской Коммиссіи стали насущными вопросами XIX ст., заняли лучшіе

государственные умы (Щаповъ, 36-37).
Екатерина отдаетъ должную дань и дѣятельности депутатовъ. Бибиковъ выражался, что Коммиссія выполнила долгъ свой съ успѣхомъ (Рус. Вѣст. 1876, N I, 163).
Чтобы судить правильно о тѣхъ наказахъ и мнѣніяхъ депутатовъ, въ которыхъ безусловно отстаивались права помѣщиковъ и высказывались самые рѣзкіе отзывы о крестьянствѣ, необходимо обратиться къ теоріи и практикѣ Западной Европы наканунѣ Французской революціи. Если энциклопедистъ Голицынъ могъ указывать примѣръ подражанія въ Даніи, то германскіе юристы и вотчинники думали совсѣмъ иначе: они вполнѣ стояли на той точкѣ зрѣнія, какая господствовала у защитниковъ вотчиннаго права въ средѣ депутатовъ Екатерининской Коммиссіи (Рошеръ).
Доклады провинціальныхъ собраній и деревенскіе наказы (cahiers) во Франціи не исчерпываютъ вопроса о положеніи крестьянъ въ его настоящемъ значеніи, а большею частью стоятъ на крайней консервативной точкѣ зрѣнія, защищая привилегіи дворянства и духовенства, отстаивая сеньеріальную юстицію и заявляя даже иногда, что крестьянамъ нечего желать большее; такъ какъ у нихъ нѣтъ никакой собственности, а они живутъ на землѣ, принадлежащей сеньору! Вообще они въ значительной степени составлены были подъ вліяніемъ членовъ привилегированныхъ сословій - дворянства и духовенства[1]. При этомъ нѣ-

1. Интересно, что даже Вольтеръ, такъ нападающій на аристократі

которыя заявленія крестьянъ просто уничтожались. Часто cahiers одного прихода переписывались съ многими другими, сосѣдними деревнями (Карѣевъ, Крестьяне и крестьянскій вопросъ во Франціи въ послѣдней четверти XVIII в. 309–374). Cahiers духовенства и дворянства требуютъ сохраненія всѣхъ привилегій и правъ этихъ сословій и только отъ изъятій по платежу налоговъ оба сословія отказываются. Привилегированныя сословія крѣпко держались за старый порядокъ, а иные мечтали даже о расширеніи ихъ и феодальныя права составляютъ предметъ страшнаго безпокойства для дворянства и духовенства, хотя они и дѣлаютъ нѣкоторыя уступки подъ вліяніемъ духа времени и наступившихъ событій. Требованіе же объ уничтоженіи феодальнаго порядка исходило, главнымъ образомъ, отъ крестьянскаго сословія (375–395). Вспомнимъ, какъ медленно дѣйствовалъ даже въ 1790–91 гг. феодальный комитетъ конституанты по крестьянскому вопросу и какъ далеко неподготовленнымъ къ нему оказалось національное собраніе и многіе сеньоры противились

этихъ странъ, какъ землевладѣлецъ, иногда проговаривается: «Я понимаю, говоритъ онъ, подъ народомъ — чернь populace, у которой есть руки, чтобы жить. Я опасаюсь, что этотъ классъ людей никогда не будетъ имѣть времени и способности научиться; я признаю даже необходимымъ, чтобы существовали невѣжды. Если бы вамъ пришлось воздѣлывать землю, какъ имъ, вы, конечно, признали бы это; quand la populace se mêle de raisonner, tout est perdu» (письмо къ Дамилавилю 1го апр. 1766 г. т. LXVI, 133). Въ другомъ мѣстѣ онъ выражается: «народъ — это быки, которымъ нужны ярмо, погонщикъ и кормъ». (Письмо къ Табаро, 3 февр. 1769 г., Let. inéd. 1856, II, 563).

выкупу феодальныхъ правъ даже во время конвента. Обѣ стороны остались неудовлетворенными, пока въ 1793 г. конвентъ не привелъ въ исполненіе обѣщаніе 1789 г. совсѣмъ уничтожить остатки феодализма (ст. 399–477).

Всѣ эти факты побуждаютъ насъ значительно смягчить приговоръ о дѣйствіяхъ екатерининской Коммиссіи по этимъ жгучимъ вопросамъ, которые почти одновременно волновали и Западную Европу.

Ошибки:

Стран.	строка:		слѣдуетъ читать:
90	21	до начала	до конца
265	1	оберъ-прокурора	генералъ-прокурора.
335	1	Антропѣева	Антропова

